Лоис Макмастер Буджолд
Гражданская кампания

Вселенная Майлза Форкосигана – 12

Текст предоставлен издательством «АСТ» http://www.litres.ru
«Гражданская кампания»: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва; 2007
ISBN 978-5-17-043182-3, 978-5-9713-4898-6, 978-5-9762-2888-7, 978-985-16-3474-9

Аннотация

Вселенная Лоис Макмастер Буджолд — это Вселенная могущественных супердержав и долгих, жестоких войн, Вселенная тонкой политической игры и изощренных придворных интриг. И, конечно же, самое главное — это Вселенная одного из самых запоминающихся персонажей научной фантастики — Майлза Форкосигана, полководца, путешественника, дипломата, придворного и, наконец, просто героя.

Что же принесло саге о Майлзе Форкосигане такой огромный успех и обеспечило такую популярность? Острый сюжет? Захватывающие приключения? Блестящий замысел, блестяще воплощенный в жизнь? Искрометный юмор?

Прочитайте — и узнаете сами!!!

Лоис Макмастер Буджолд
Гражданская кампания
Комедия биологии и нравов

Джейн, Шарлотте, Джорджет и Дороти — да правят они вечно.

Глава 1

Визг тормозов. Бронированный лимузин замер в сантиметре от бампера идущей впереди машины. Сидящий за рулем оруженосец Пим выругался сквозь зубы. Майлз снова плюхнулся на сиденье. Вот черт! Если б не отменные рефлексы Пима, не миновать Майлзу скандальной разборки. Интересно, удалось бы убедить лоха из передней машины, что вмятина от лимузина Имперского Аудитора — это привилегия, которую еще заслужить надо? Вряд ли. Виновник же непредвиденной остановки — студент университета Форбарр-Султана, внаглую переходивший бульвар, проскользнул между машинами, даже не оглянувшись. Поток транспорта двинулся дальше.

— Вы не слышали, муниципальная система контроля за транспортом скоро вступит в силу? — поинтересовался Пим в связи с этой — третьей по счету Майлза — аварийной ситуацией на неделе.

— Не-а. Форбон-младший говорил, что они снова перенесли все сроки. В связи с участившимися тяжелыми авариями флайеров в первую очередь решено запустить воздушную автоматическую систему.

Пим кивнул и сосредоточился на дороге. Оруженосец выглядел, как всегда, безупречно. Коричневый с серебром мундир, седина на висках. Пим начал службу вассального оруженосца семьи Форкосиганов еще когда Майлз учился в академии и, несомненно, будет служить и дальше — пока не умрет от старости или пока оба не гробанутся в автокатастрофе.

Пожалуй, с привычкой срезать путь пора завязывать. В следующий раз лучше объехать университетский городок. Майлз смотрел сквозь стекло на башни новых университетских зданий. Лимузин въехал через железные ворота на милые улочки старого городка, где предпочитала жить профессура и сотрудники. Здешние постройки относились к последнему десятилетию Периода Изоляции. Тогда здесь не было даже электричества. Лет сорок назад район восстановили, и теперь его украшали раскидистые зеленые деревья с Земли и яркие цветы в ящиках под высокими узкими окнами высоких узких домов. Майлз поправил стоявшую в ногах корзину с цветами. Не сочтет ли та, кому они предназначены, что цветы чересчур экзотичны?

Пим, уловив движение, проследил за взглядом Майлза.

— Похоже, леди, что вы повстречали на Комарре, произвела на вас большое впечатление, милорд… — И выжидательно замолчал.

— Да, — коротко ответил Майлз, не желая продолжать разговор.

— Леди, ваша матушка, возлагала большие надежды на ту очень симпатичную мисс капитан Куин, что вы привозили домой.

Уж не прозвучала ли в голосе Пима нотка тоски?

— Теперь — мисс адмирал Куин, — вздохнул Майлз. — Я тоже возлагал. Но она сделала для себя правильный выбор. — Он скривился, отвернувшись от Пима. — Я поклялся не влюбляться больше в женщин с других миров — ведь потом приходится убеждать их перебраться на Барраяр. Знаешь, Пим, я пришел к выводу, что единственное, на что остается надеяться, — сначала найти женщину, способную хоть как-то терпеть нашу планету, а уж потом убедить ее полюбить и меня.

— Госпожа Форсуассон любит Барраяр?

— Почти так же сильно, как и я, — мрачно улыбнулся Майлз.

— А… э-э-э… вторая часть?

— Там увидим, Пим.

Или не увидим, что тоже не исключено. Что ж, по крайней мере наблюдения за мужчиной тридцати с небольшим лет, впервые в жизни вознамерившимся серьезно ухаживать за женщиной — во всяком случае, *впервые ухаживать в барраярском стиле* , — сулят немало веселых минут его слугам.

Майлз сделал глубокий вдох и попытался расслабиться. Пим тем временем отыскал место парковки возле дверей дома лорда Аудитора Фортица, ловко вогнал древний

бронированный лимузин на микроскопическую площадку и распахнул дверцу. Майлз вылез, изучая взглядом фасад трехэтажного дома, где обитал его коллега.

Профессор Георг Фортиц, специалист по анализу инженерных неполадок, вот уже более тридцати лет преподавал сей предмет в Форбарр-Султанском университете. В этом доме он прожил большую часть жизни вместе с женой. Здесь они выпестовали троих детей и сделали две академические карьеры еще до того, как император Грегор назначил Фортица Имперским Аудитором. Однако ни сам профессор Фортиц, ни его супруга не посчитали нужным менять из-за этого привычный и милый сердцу образ жизни. Госпожа профессор Фортиц по-прежнему каждый божий день шла проводить занятия. «Господи, Майлз, нет! — возопила госпожа профессор, когда Майлз как-то раз высказал свое удивление тем, что они не воспользовались возможностью сменить жилье на более престижное. — Ты можешь себе представить, как мы будем перевозить все эти книги?! Не говоря уж о занимающих весь подвал лаборатории и мастерской».

И вот сейчас они пригласили пожить у себя овдовевшую племянницу с маленьким сыном. Комнат полно, радостно сообщила госпожа профессор. С тех пор как дети разлетелись кто куда, весь верхний этаж полностью свободен. И совсем близко от университета, подчеркнула профессор. Катрионе нетрудно будет завершить образование. *И меньше шести километров от резиденции Форкосиганов!* — мысленно возопил Майлз.

Катриона-Найла Форвейн Форсуассон прибыла в Форбарр-Султан. *Она здесь, она здесь!* Может быть, сейчас она смотрит на него из окна?

Майлз слегка приосанился. Ладно, если его карликовый рост и беспокоит Катриону, все же до сих пор она этого никак не проявляла. Вот и чудно. А что касается тех аспектов внешности, которые в его власти, то тут вроде бы все в порядке: на сером кителе никаких пятен, полуботинки начищены до блеска. Он внимательно оглядел свое отражение в стекле кабины.

Выпуклая поверхность искажала пропорции, превращая худенького, слегка сгорбленного Майлза в упитанного Марка, его клон-брата. Майлз гордо проигнорировал сходство: слава Богу, брата тут нет. Он улыбнулся. Улыбка вышла кривой и отталкивающей. Что ж, хоть волосы не торчат во все стороны, и то ладно.

— Отлично выглядите, милорд, — ободрил его с переднего сиденья Пим.

Майлз вспыхнул и отвернулся, попытавшись придать себе хоть сколько-нибудь невозмутимый вид. Потом взял корзину цветов и протянутые Пимом свернутые кальки и, слегка покачнувшись под тяжестью корзины, повернулся к дому.

Из-за спины раздался голос Пима:

— Не желаете, чтобы я что-нибудь понес?

— Нет, благодарю. — Майлз доковылял до двери и прижал палец к панели замка. Пим устроился поудобнее на сиденье, достал считывающее устройство и приготовился ждать возвращения хозяина.

Внутри дома послышались шаги, дверь распахнулась, и перед Майлзом предстала улыбающаяся госпожа профессор. Седые волосы уложены, как всегда, аккуратно, темно-розовое платье со светло-розовым болеро расшито зеленой виноградной лозой — орнамент и цвета ее родного округа. Официальный форский наряд наводил на мысль, что госпожа Фортиц либо собиралась вот-вот уйти, либо только что вернулась откуда-то, однако мягкие уютные тапочки на ногах опровергали подобное предположение.

— Привет, Майлз. Ну ты и шустрый!

— Госпожа профессор, — улыбнулся Майлз с легким поклоном. — Она здесь? Дома? С ней все в порядке? Вы сказали, что сейчас самое подходящее время. Я ведь не слишком рано приехал? Я боялся опоздать. Движение просто жуткое. Вы ведь будете поблизости, да? Я принес вот это. Как по-вашему, ей понравится? — Высокие красные цветы щекотали нос, а кальки так и норовили выскользнуть.

— Проходи. Да, все в порядке. Она тут, с ней все хорошо, и цветы дивные… — Профессор спасла чуть было не упавший на пол букет и подтолкнула Майлза в холл,

захлопнув ногой входную дверь. После яркого весеннего солнца холл показался Майлзу сумеречным и прохладным. В доме витал аромат воска, старых книг и академической пыли.

— На похоронах Тьена в окружении всех этих родственников она казалась очень бледной и усталой. Мы едва смогли перекинуться парой слов.

Двумя парами: «Примите мои соболезнования» и «Благодарю вас», если уж быть точным. Не сказать, чтобы Майлз очень-то рвался беседовать с ней в присутствии родственников покойного Тьена Форсуассона.

— Полагаю, для Катрионы это было огромное напряжение, — разумно заметила госпожа профессор. — Она пережила такой кошмар, а кроме нас с Георгом — и тебя, — ей просто не с кем об этом поговорить. Конечно, ее наипервейшим долгом было помочь Никки все это выдержать. Но она не дрогнув выстояла от начала и до конца. Я очень горжусь ею.

— Да, верно. А она?.. — Майлз вытянул шею, заглядывая в комнаты: кабинет с книжными полками и гостиная с книжными полками. И никаких молодых вдов.

— Сюда. — Профессор провела его по коридору через кухню прямо в маленький садик. Несколько высоких деревьев, крошечная лужайка, кирпичная стена — очень уютный укромный уголок. Поодаль, в тени, сидела за столом женщина. На столе лежали кальки и считывающее устройство. Женщина покусывала кончик ручки, сосредоточенно хмуря брови. Черное платье с высоким воротом, серое болеро с черной вышивкой по краю. Темные волосы заплетены в косу и сложены узлом на затылке. Заслышав скрип двери, женщина подняла голову и… брови мгновенно взлетели вверх, а на губах сверкнула такая сияющая улыбка, что Майлз от неожиданности моргнул.

— Майл… Милорд Аудитор! — Она поднялась, шелестя юбкой.

Майлз склонился к ее руке.

— Госпожа Форсуассон, вы прекрасно выглядите. — Она выглядела чудесно, хотя, возможно, и казалась чересчур бледной — впрочем, не исключено, что это впечатление создавалось из-за строгого черного наряда, но серо-голубые глаза Катрионы сияли словно бы еще ярче. — Добро пожаловать в Форбарр-Султан. Я принес вот это… — Он указал на букет, который госпожа профессор пристроила на столе. — Хотя, похоже, тут эти цветы не больно-то нужны.

— Они просто восхитительны! — заверила его Катриона, вдыхая пьянящий аромат. — Я унесу их потом к себе в комнату, там они будут смотреться еще лучше. С тех пор как установилась более или менее теплая погода, я стараюсь как можно больше времени проводить на воздухе, под открытым небом.

Неудивительно, если вспомнить, что почти год Катриона прожила на Комарре, в городе под стеклянным куполом.

— Вполне вас понимаю, — кивнул Майлз.

Они улыбнулись и замолчали.

Первой пришла в себя Катриона.

— Благодарю вас, что пришли на похороны Тьена. Для меня это очень много значит.

— При сложившихся обстоятельствах я не мог поступить иначе. Жаль только, что я не смог сделать ничего более существенного.

— Но вы уже и так очень много сделали для меня и Никки… — Майлз смущенно отмахнулся, и Катриона поспешила сменить тему. — Может, присядете? Тетя Фортиц?.. — Катриона выдвинула один из плетеных садовых стульев.

Профессор покачала головой:

— У меня дела в доме. Справляйся сама. — И, добавив с едва заметным ехидством: — У тебя получится, — госпожа Фортиц удалилась в дом.

Майлз устроился напротив Катрионы, положив на стол кальки в ожидании подходящего момента. Рулон наполовину развернулся.

— Вы уже закончили дело? — поинтересовалась Катриона.

— Это дело будет иметь еще долгий резонанс, но на данном этапе — да, закончил, — кивнул Майлз. — Вчера представил последний рапорт — иначе навестил бы вас раньше. —

Ну, к тому же у него сохранились остатки здравого смысла — хотя бы дать бедной женщине распаковать багаж, прежде чем нагрянуть к ней во всеоружии…

— И теперь вы получите другое задание и снова уедете?

— Вряд ли Грегор рискнет втравливать меня еще в какое-либо дело до своей свадьбы. Боюсь, в ближайшие несколько месяцев мои обязанности будут носить главным образом общественный характер.

— Уверена, что вы справитесь с ними в свойственном вам стиле.

О Боже, надеюсь, что нет!

— Сомневаюсь, что тетя Элис Форпатрил захочет от меня именно этого. Тетушка отвечает за организацию императорской свадьбы и скорее всего будет непрестанно повторять нечто типа: «Замолчи и делай, что тебе сказано, Майлз». Кстати, раз уж речь зашла о делах — как идут ваши? Вопрос с наследством Тьена решен? Удалось отвоевать опеку над Никки у этого его кузена?

— Бэзила Форсуассона? Да, слава Богу, с этой стороны проблем не возникло.

— Тогда… э-э… что это такое? — указал Майлз на разложенные на столе предметы.

— Обдумываю, какие предметы изучать в университете на следующий семестр. На летний семестр я уже опоздала, стало быть, приступлю к занятиям осенью. Выбор слишком велик, и я чувствую себя полной невеждой.

— Знания — то, что вы должны оттуда вынести, а не принести.

— Да, верно.

— И что же вы намерены выбрать?

— Ох, ну начну я с основных — биологии, химии… — Катриона просияла и добавила: — Курс практического садоводства, конечно. На остаток сезона я пытаюсь найти какую-нибудь оплачиваемую работу — не хотелось бы всецело зависеть от щедрости родственников. Хотя бы в плане карманных расходов…

Момент показался Майлзу вполне подходящим для запланированной атаки, но тут он краем глаза заметил на деревянном бортике садовой клумбы красный глиняный горшок. Из горшка торчала красно-коричневая шишка с похожими на петушиный гребень наростами. Если это то, что он думает…

— Это, часом, не ваш ли старый добрый бонсаи скеллитума? — поинтересовался Майлз. — Он выживет?

— Скорее росток нового скеллитума, — улыбнулась она. — Большая часть сохранившихся фрагментов погибла во время транспортировки с Комарры, а этот вот прижился.

— У вас просто… хотя вряд ли в отношении барраярских растений можно сказать «зеленые руки», а?

— Да уж вряд ли — разве что речь идет о цветах, пораженных каким-то серьезным заболеванием.

— Кстати! Раз уж мы заговорили о садах… — Так, теперь главное — провернуть задуманное, не выявляя своих истинных намерений. — По-моему, за всей тогдашней суматохой я так и не успел сказать вам, насколько большое впечатление произвели на меня виртуальные сады, что я видел на вашем комме.

— А… — Катриона нахмурилась и пожала плечами. — Ничего особенного. Так, забава…

Ага! Не будем ворошить прошлое, слишком свежи еще воспоминания.

— Мое внимание привлек тогда барраярский сад, где растут лишь местные растения. Я никогда ничего такого не видел.

— Да их существует с десяток! Такие сады есть у нескольких окружных университетов — своего рода живая библиотека для студентов-биологов. Так что идея не слишком нова.

— Ну, — продолжил Майлз, чувствуя себя рыбой, плывущей в этом потоке самоуничижения против течения. — Лично я считаю, что этот сад очень красив и заслуживает куда лучшей участи, чем виртуальная картинка на головиде. Видите ли, я

довольно долго над этим думал…

Майлз расправил кальку с планом квартала, занимаемого особняком Форкосиганов, и постучал пальцем по пустому пространству в конце участка.

— Когда-то здесь, по соседству с нашим, стоял здоровенный дом. В период Регентства его снесли, и Имперская безопасность не позволила там ничего строить: СБ желала иметь безопасную зону. Так что тут ничего нет, так, несколько клочков травы да пара-тройка деревьев, чудом переживших рвение службистов очистить простреливаемое пространство. И еще дорожки — люди протоптали их, постоянно срезая путь, а эсбэшники в конечном счете на это дело плюнули и посыпали тропинки гравием. Жутко тоскливое место. — Настолько тоскливое, что до недавнего времени Майлз его попросту не замечал.

Слегка склонив голову, Катриона некоторое время смотрела на план. Потом быстрым движением пальцев очертила плавный изгиб и тут же застенчиво убрала руку. Интересно, что увидели там ее глаза?

— По-моему, — отважно продолжил Майлз, — это просто отличное место для разбивки барраярского сада — целиком из одних местных растений. Открытого для публики, разумеется. Своего рода подарок семейства Форкосиганов городу ФорбаррСултан. С бегущей водой, как в вашем виртуальном саду, дорожками, лавочками и прочими благами цивилизации. И маленькими табличками с названиями растений, чтобы люди могли побольше узнать о здешней исконной природе. — Вот так: искусство, общественное благо, образование. Какую еще приманку он упустил? Ах да! Деньги. — Так что это большая удача, что вы ищете работу на лето. — *Удача, как же! Ха! Чтобы я в таком деле действовал наудачу?!* — Потому что мне кажется, что вы — самая подходящая кандидатура для дизайна и присмотра за работами. Я могу предоставить вам… хм… неограниченное финансирование и, разумеется, щедрую оплату. Вам придется нанимать рабочих, закупать все необходимое, ну и прочее в том же духе…

И приходить в особняк Форкосиганов практически ежедневно, чтобы консультироваться с лордом Форкосиганом. А когда забудется потрясение от гибели мужа и Катриона снимет официальный траур и появится в свете, где все холостые форы падут к ее ногам, — так вот тогда Майлз уже завоюет ее привязанность настолько, что с легкостью обойдет всех соперников. Пока же еще слишком рано навязываться к ней с ухаживаниями. Это надо твердо усвоить! А если выдерживать чисто дружеские отношения, основанные на деловом контакте, Катриона наверняка расслабится, и тогда…

Катриона недоверчиво вскинула брови и прижала палец к губам.

— Это именно то, что я хочу научиться делать. Но я пока ничего не умею.

— Учеба на практике, — мгновенно нашелся Майлз. — Своего рода ученичество. Надо же вам когда-то начинать. Так почему не сейчас?

— А если я допущу какую-нибудь чудовищную ошибку?!

— Я намерен осуществить все в виде саморазвивающегося проекта. Согласно моим наблюдениям, заядлые садоводы непрерывно что-то меняют в своих садах. Полагаю, со временем им просто-напросто приедается один и тот же пейзаж. Так что, если в процессе работы вам придет идея получше, вы спокойно сможете пересмотреть планировку в любой момент. Опять же разнообразие.

— Я не хочу попусту тратить ваши деньги.

Если Катриона когда-нибудь станет леди Форкосиган, придется ей преодолеть этот предрассудок, твердо решил Майлз.

— Нет никакой необходимости принимать решение прямо сейчас! — поспешно воскликнул он и замолчал. *Следи за интонацией, парень! Исключительно деловая.* — Почему бы вам завтра не зайти в особняк Форкосиганов, посмотреть все своими глазами и прикинуть, что и как. Вряд ли можно решить что-либо на основании одного только плана участка. А потом мы могли бы вместе пообедать и обсудить все трудности и имеющиеся возможности. Логично?

Катриона моргнула.

— Да, весьма. — Она с любопытством потянулась к кальке.

— Во сколько мне завтра за вами заехать?

— В любое удобное для вас время, лорд Форкосиган. Ой нет, беру свои слова обратно! Лучше после полудня, тогда тетя придет с занятий и сможет побыть с Никки.

— Отлично! — Сын Катрионы, конечно, славный мальчуган, но лучше бы обойтись в этом деле без его участия. — Значит, в полдень. Будем считать, что мы договорились. — Спохватившись, Майлз поинтересовался: — А как Никки нравится в Форбарр-Султане?

— Дом и его комната ему вроде как нравятся. Хотя мне кажется, что он скоро тут заскучает, если придется ждать начала занятий, чтобы познакомиться со сверстниками.

Так… Никки Форсуассона не учитывать в своих планах никак нельзя.

— Насколько я понимаю, ретроген сработал и дальнейшее развитие дистрофии Форзонна ему не грозит?

— Совершенно верно. — Довольная материнская улыбка осветила ее лицо. — Я так рада! Врачи в Форбарр-Султане четко сказали, что у него полное и чистое клеточное восстановление. В дальнейшем все будет идти так, будто он и не унаследовал этой мутации. — Катриона искоса глянула на Майлза. — Такое ощущение, будто с меня свалился груз килограммов на пятьсот. Мне кажется, что я могу летать.

И должна.

И тут — как по заказу — из дома появился Никки, торжественно держа поднос с пирожными. За ним следовала госпожа Фортиц с чайником и чашками. Майлз с Катрионой поспешно сдвинули кальки на край стола.

— Привет, Никки, — кивнул Майлз.

— Привет, лорд Форкосиган. Это ваш лимузин у дверей?

— Да.

— Старье. — Никки произнес это без всякого пренебрежения, скорее даже заинтересованно.

— Знаю. Это реликвия, еще с тех времен, когда отец был регентом. Бронированная машина, очень тяжелая.

— Ну да? — Интерес Никки заметно возрос. — А в него когда-нибудь стреляли?

— Нет. В этот лимузин, по-моему, не стреляли ни разу.

— Хм.

Когда Майлз видел мальчишку в последний раз, лицо у него было неподвижное и бледное. Никки сосредоточенно нес факел, чтобы совершить возжигание на похоронах своего отца, и очень старался проделать все как следует. Теперь он выглядел гораздо лучше: карие глазенки блестели, мордашка снова стала живой.

Госпожа Фортиц разлила чай, и на некоторое время беседа сделалась общей.

Довольно скоро выяснилось, что Никки куда больше интересуют сладости: отказавшись от чая, он ухватил с бабушкиного разрешения несколько пирожных и умчался в дом, чтобы вернуться к своим занятиям. Майлз попытался вспомнить, в каком возрасте родительские друзья перестали казаться ему частью обстановки. Во всяком случае, те из них, кто не имел отношения к воинской службе, поскольку военные-то привлекали его всегда. Впрочем, Майлз был помешан на всем военном чуть ли не с пеленок. Никки же помешан на скачковых кораблях, а значит, наверняка бы вцепился в какого-нибудь пилота. Может, стоит как-нибудь притащить сюда одного, на радость Никки. Того, что удачно женат, само собой.

Ладно, наживку он выложил, Катриона ее заглотила. Пора сматываться, пока он выигрывает партию. Но… Катриона уже отвергла одно несвоевременное предложение руки и сердца. Не нашел ли ее еще какой-нибудь форбарр-султанский фор? В столице полно молодых офицеров, честолюбивых чиновников, агрессивных предпринимателей. Честолюбивые барраярцы всех чинов и званий всегда стекались в сердце Империи. Увы! Чаще всего — без своих сестер. А соотношение женщин и мужчин — и без того три к пяти: родители из предыдущего поколения увлеклись благами галактической медицины и зашли слишком далеко в своем идиотском желании иметь сыновей. А теперь эти самые

вожделенные сыновья — Майлзовы ровесники — вынуждены пожинать плоды такой вот демографической политики. На любом официальном приёме в Форбарр-Султане нынче можно буквально унюхать в воздухе пары тестостерона пополам с алкоголем.

— А… э-э… вам еще не поступало других предложений, Катриона?

— Я только неделю как приехала.

Не совсем тот ответ, что хотелось услышать.

— А я-то полагал, что холостяки мгновенно примутся штурмовать ваши двери!

Эй, погодите-ка, он вовсе не намеревался говорить ничего подобного…

— Вот это, — она жестом обвела свой вдовий наряд, — наверняка заставит их держаться в стороне. Разумеется, если они хоть как-то воспитаны.

— М-м… Не слишком уверен. Демографическая ситуация в данный момент не больно-то благоприятна.

Катриона едва заметно улыбнулась, покачав головой.

— Для меня это ровным счетом ничего не значит. Я прожила десять лет… семейной жизнью. И не имею ни малейшего желания повторять этот опыт. Так что предоставляю холостяков в полное распоряжение другим женщинам. Пусть забирают заодно и мою долю. — Решимость, читавшаяся на ее лице, подтверждалась стальными нотками в голосе. — Уж подобную-то ошибку я дважды повторять не намерена. Я больше никогда не выйду замуж.

Майлз умудрился подавить дрожь и даже выдавил подобие сочувственной улыбки. *Мы просто друзья. Я вовсе не ухлестываю за тобой, нет-нет. Не нужно воздвигать против меня оборонительных рубежей, миледи* .

М-да. Здесь явно не удастся ускорить дело, подгоняя лошадей. Излишняя прыть может вообще все испортить. *Довольствуйся достижениями одного дня, мальчик мой* .

Майлз допил чай, обменялся с Катрионой и госпожой профессор несколькими ничего не значащими репликами и поспешил откланяться.

Завидев перепрыгивающего через три ступеньки Майлза, Пим мгновенно распахнул дверцу. Майлз плюхнулся на пассажирское кресло и барственно махнул оруженосцу:

— Домой, Пим.

Влившись в транспортный поток, Пим ненавязчиво поинтересовался:

— Все прошло хорошо, милорд?

— Все идет по плану. Завтра она приедет в особняк Форкосиганов на обед. Как только вернемся домой, свяжись с этой службой садоводства. Пусть нынче же ночью пришлют бригаду и еще разок взрыхлят почву. И скажи ма… Нет, с матушкой Кости я поговорю сам. Обед должен быть… изысканным! Вот! Айвен талдычит, что женщины любят поесть. Изысканным — но не тяжелым! И вино. Интересно, она вино днем пьет? Ладно, предложу в любом случае. Что-нибудь из наших погребов. И чай — на случай, если откажется от вина. Чай-то она точно пьет, я знаю. Значит, вино вычеркиваем. И уборщиц пригласи, пусть наведут порядок, снимут чехлы с мебели на первом этаже — нет, со всей мебели! Я хочу показать ей дом, пока она еще не догадывается… Нет, погоди! Может… Может, наоборот, если дом будет смахивать на запущенную холостяцкую берлогу, это у нее вызовет жалость. Тогда, значит, вместо уборки мне лучше устроить кавардак побольше — горы грязных стаканов, гнилая кожура под софой. Этакий молчаливый призыв: «Помоги! Вселяйся сюда и приведи этого бедного парня в божеский вид!» Или, наоборот, такой расклад напугает ее до умопомрачения? Как по-твоему, Пим?

Пим задумчиво закусил губу, прикидывая, его ли это дело — критиковать тягу лорда к дешевому балагану. Наконец он осторожно ответил:

— Если мне позволено говорить от имени служащих особняка, то *мне кажется* , мы предпочли бы, так сказать, распушить хвост. Учитывая обстоятельства.

— А? Ну ладно…

Майлз ненадолго замолк, уставясь в окно. Лимузин выехал из университетского городка и петлял по лабиринтам Старого Города, двигаясь к особняку Форкосиганов.

— Завтра мы за ней заедем в двенадцать, — нарушил наконец молчание Майлз. — Поведешь ты. Ты всегда будешь за рулем, когда в машине будут госпожа Форсуассон или ее сын. Отныне учитывай это в своем рабочем графике.

— Слушаюсь, милорд, — ответил Пим и осторожно добавил: — С удовольствием.

Десять лет службы оставили по себе память капитану СБ Майлзу: внезапные и тяжелые припадки. Слава Богу, ему еще посчастливилось выбраться из криокамеры живым и в здравом уме. Не многим удалось так легко отделаться. Майлзу еще повезло, что его — последнего представителя знатного рода — всего лишь комиссовали по здоровью с имперской службы. А мог бы ведь остаться безмозглым калекой! Микрочип, имплантированный военными медиками для контроля за припадками, вовсе не был панацеей. Имплантат всего лишь провоцировал приступы в нужное время, чтобы они не случались когда ни попадя. В нужное время, в удобном месте… Конечно, Майлз по-прежнему водил транспорт и пилотировал флайеры — но один, без пассажиров. А на оруженосца Пима свалились новые обязанности: ассистировать Майлзу во время искусственно вызванных приступов, и Пим повидал их уже достаточно.

Внезапно Майлз улыбнулся каким-то своим мыслям и покосился на оруженосца.

— Пим, — спросил он, — а как тебе удалось в свое время заловить матушку Пим? Хвост распушил?

— Ну, это почти восемнадцать лет назад было. Подробности я уже плохо помню, — улыбнулся в ответ Пим. — Я был старшим сержантом. Прошел подготовку на спецкурсах СБ и был назначен на службу в замок Форхартунг. А она работала там в архиве. Я, помнится, подумал тогда, что уже не мальчик, остепениться пора… Хотя, если честно, не уверен, что это не она вбила мне в голову подобные мысли, потому как она утверждает, что первой положила на меня глаз.

— А, понимаю! Симпатичный парень в мундире. Это всегда срабатывает. И почему же ты тогда решил расстаться с имперской службой и пойти служить к графу, моему отцу?

— Ну, мне это казалось разумным. У нас родилась дочурка, я к тому времени двадцать лет отслужил и как раз размышлял, надо ли продлевать контракт. Семья жены жила тут, здесь ее корни, а перспектива шагать под барабанный бой с детьми на руках ее не больно-то прельщала. Капитан Иллиан знал, что я уроженец здешнего округа, он-то и намекнул мне, что у вашего отца вакансия оруженосца. И рекомендацию дал, когда я написал прошение. По-моему, служба оруженосца семейному человеку больше подходит.

Лимузин подъехал к особняку Форкосиганов. Капрал СБ распахнул ворота, и Пим, подрулив к самому входу, распахнул дверцу машины.

— Спасибо, Пим, — сказал Майлз и, слегка замявшись, добавил: — Хочу тебя кое о чем попросить.

Пим внимательно посмотрел на него.

— Когда будешь встречаться с оруженосцами других родов, то… я буду признателен, если ты не станешь упоминать о госпоже Форсуассон. Мне бы не хотелось, чтобы она стала объектом сплетен и… хм… она не предмет для обсуждения кем бы то ни было, я прав?

— Верный оруженосец никогда не сплетничает, милорд, — напыщенно ответил Пим.

— Да-да, конечно! Извини. Я вовсе не хотел… короче, виноват. Ладно, вот еще что. Возможно, я и сам слишком много болтаю. Видишь ли, на самом деле я вовсе не ухаживаю за госпожой Форсуассон.

Пим как мог старался сохранить внешнюю невозмутимость, но ему это явно не удалось.

— Я хотел сказать, — поспешно пояснил Майлз, — официально не ухаживаю. Пока. Видишь ли, ей недавно пришлось довольно туго, и она несколько… пуглива. Боюсь, что преждевременное объявление о моих намерениях будет иметь катастрофические последствия. Ну, это вопрос времени. Осторожное и бережное продвижение вперед, если ты понимаешь, о чем я.

Пим ободряюще улыбнулся.

— Так что мы просто хорошие друзья, — уточнил Майлз. — Во всяком случае, станем таковыми.

— Да, милорд, я все понимаю.

— Вот и отлично. Спасибо. — Майлз вылез из лимузина и, направившись к дому, бросил через плечо: — Когда отгонишь машину, найдешь меня на кухне.

Катриона стояла посреди пустого, поросшего травой квадрата земли, и в голове ее роились различные варианты будущего сада.

— Если вырыть вот здесь, — указала она, — и сложить вырытую почву с этой стороны, получится как раз нужный наклон для стока воды. А тут вот — возвести небольшую стенку, чтобы не доходили уличные шумы и получился склон. А дорожка пойдет по склону… — Она повернулась к лорду Форкосигану, с улыбкой наблюдавшему за ней, засунув руки в карманы брюк. — Или вы хотите что-то более геометрически правильное?

— Прошу прощения? — моргнул он.

— Это вопрос эстетического восприятия.

— Я… э-э… не слишком-то большой знаток эстетики, знаете ли. — Он сообщил это так откровенно печально, как будто Катриона ни о чем подобном прежде и не догадывалась.

Госпожа Форсуассон сделала изящный жест рукой, словно пытаясь очертить в воздухе контуры парка.

— Вы хотите, чтобы получилась иллюзия естественности, — уточнила она, — видимость Барраяра, на который еще не ступала нога человека? Ручейки текут по камешкам, сельская идиллия в черте города? Или что-то более метафорическое? Барраярские растения среди технических достижений? С помощью бетона и воды можно сотворить настоящие чудеса.

— А как лучше?

— Вопрос не в том, как лучше, а в том, чего, собственно, вы хотите этим выразить.

— Я об этом как-то не подумал… Просто хотел сделать подарок городу, и все. А зачем подводить политическую базу?

— Сад ваш — и всё равно все будут искать политическую подоплеку, хотите вы того или нет.

Лорд Форкосиган едва заметно усмехнулся.

— Придется над этим подумать. Но у вас наверняка уже есть какие-то свои идеи?

— Пока ни одной! — Ну… Вот эти два земных деревца придется убрать. У серебристого клена гниет ствол, так что потеря невелика, а вот молодой дубок жаль. Возможно, его получится пересадить в другое место. Терраформированный верхний слой почвы тоже неплохо бы оставить. Катрионе явно не терпелось поскорее приступить к делу. — Просто удивительно, как такое место сохранилось в центре Форбарр-Султана!

На другой стороне улицы возвышалось двенадцатиэтажное офисное здание. К счастью, оно было ориентировано на север и практически не закрывало солнце. С дальнего края пустоши — оттуда, где Катриона мысленно возвела стенку, — доносился шум наземного транспорта. В другом конце площадки уже стояла каменная стена, украшенная железными пиками. Возвышающиеся над ней верхушки деревьев наполовину скрывали огромный дом, стоящий в центре квартала.

— Я бы предложил вам присесть, а сам бы пока предался размышлениям над вашими словами, — сказал лорд Форкосиган, — но СБ сроду не позволяла ставить тут скамьи — не хотели, чтобы посторонние задерживались возле особняка. Давайте так: вы делаете оба проекта на комме, а потом приносите мне для изучения. А пока суд да дело, не двинуться ли нам к дому? Полагаю, обед вот-вот будет готов.

— О… ладно…

В последний раз оглядевшись по сторонам и прикинув открывающиеся для творчества возможности, Катриона двинулась за лордом Форкосиганом к дому.

Они прошли через парк. У главного входа в особняк Форкосиганов на углу безликой

серой стены забора стояла бетонная будка. Охранник из Имперской службы безопасности открыл железные ворота, обменявшись приветственным кивком с лордом Форкосиганом и любезно улыбнувшись Катрионе.

Перед ними предстало мрачное каменное строение. Два главных крыла были четырехэтажными. Тускло блестели десятки окон. Подъездная дорожка, полукругом огибавшая роскошную зеленую лужайку, упиралась в крыльцо с навесом, скрывавшим массивные двойные двери с высокими узкими окнами по бокам.

— Особняку Форкосиганов уже порядка двухсот лет. Его построил мой прапрапрадед, седьмой граф, в период несвойственного семейству процветания, которому и положило конец, помимо всего прочего, возведение вот этого особняка, — весело сообщил лорд Форкосиган. — Он заменил разваливавшуюся фамильную крепость, располагавшуюся где-то в районе старого Караван-Сарая, и очень вовремя, насколько мне известно.

Лорд Форкосиган потянулся к кодовому замку, но двери бесшумно распахнулись, упредив его движение. Слегка подняв брови, лорд Форкосиган с поклоном пропустил гостью вперед.

В выложенном черными и белыми плитками фойе по обеим сторонам от входа стояли оруженосцы, облаченные в коричневые с серебром ливреи — цвета рода Форкосиганов. Третий оруженосец, Пим — тот самый высокий водитель, с которым Катриона познакомилась чуть раньше, когда Форкосиган заехал за ней, — отошел от открывающей дверь панели и тоже вытянулся перед своим господином. Катриона была ошеломлена. Когда они познакомились на Комарре, ей не казалось, что Форкосиган настолько подвержен влиянию форских традиций. Впрочем, совсем уж полного официоза не было — вместо того чтобы сохранять каменную невозмутимость, оруженосцы с высоты своего роста дружелюбно улыбались вошедшим.

— Спасибо, Пим, — автоматически произнес Форкосиган и умолк. Некоторое время он озадаченно взирал на оруженосцев и наконец сказал: — Мне казалось, ты дежурил ночью, Роик. Разве тебе сейчас не положено отсыпаться?

Самый молодой и рослый из оруженосцев еще больше вытянулся по стойке «смирно», пробормотав:

— Милорд…

— «Милорд» это не ответ. «Милорд» — это попытка увернуться от оного, — заявил Форкосиган, скорее констатируя факт. Оруженосец несмело улыбнулся. Форкосиган, вздохнув, повернулся к Катрионе: — Госпожа Форсуассон, позвольте представить вам остальных оруженосцев клана Форкосиганов, в настоящее время находящихся в моем распоряжении: оруженосец Янковский и оруженосец Роик. Госпожа Форсуассон.

Катриона наклонила голову, оруженосцы кивнули в ответ, бормоча «Госпожа Форсуассон» и «Приятно познакомиться, сударыня».

— Пим, можешь сказать матушке Кости, что мы пришли. Благодарю вас, господа, на этом все. — Форкосиган выделил голосом последнее слово.

Продолжая улыбаться, хотя и чуть более напряженно, оруженосцы растворились в боковом проходе. До Катрионы донесся голос Пима:

— Вот видите! Что я вам говорил…

Дальнейшее быстро перешло в неразборчивое бормотание — оруженосцы удалились от дверей.

Форкосиган потер подбородок и обратился к Катрионе с прежним радушием:

— Не хотите ли перед обедом осмотреть особняк? Многие считают его исторической ценностью.

Если честно, Катриону дом попросту ошеломил, однако меньше всего на свете она хотела выглядеть наивной провинциалкой.

— Я не желала бы затруднять вас, лорд Форкосиган.

Форкосиган недоуменно улыбнулся и поспешил возразить:

— Никаких затруднений! Напротив, это доставит мне удовольствие. — Его взгляд

сделался вдруг каким-то странно пристальным. Может, ему очень хочется, чтобы она согласилась? Может, он очень гордится своими владениями?

— Ну, тогда — благодарю вас. С удовольствием.

Ответ оказался правильным. Лорд Форкосиган мгновенно просветлел и повел ее налево. Официальная приемная предваряла роскошную библиотеку, протянувшуюся по всей длине левого крыла. Катриону пришлось поглубже засунуть руки в карманы, чтобы побороть соблазн и не броситься перебирать дивные книги в кожаных переплетах, которыми от пола до потолка были уставлены полки. Миновав библиотеку, они вышли сквозь стеклянные двери во внутренний садик, доведенный до совершенства многими поколениями слуг. Затем лорд Форкосиган провел ее по коридору в огромные винные погреба, битком набитые самой разнообразной продукцией с многочисленных ферм округа. Из погребов они прошли в подземный гараж. Здесь стоял сверкающий бронированный лимузин и задвинутый в угол красный флайер.

— Это ваш? — радостно спросила Катриона, кивнув на флайер.

Ответ Форкосигана оказался непривычно кратким:

— Да. Но я теперь не очень много летаю.

Ах да! Припадки . Ей захотелось пнуть себя. Опасаясь, что попытка извиниться еще больше ухудшит положение, Катриона молча проследовала за Форкосиганом в большой, хорошо оборудованный кухонный комплекс. Там лорд Форкосиган официально представил ей свою знаменитую кухарку — матушку Кости, полную пожилую женщину, одарившую Катриону широкой улыбкой и мгновенно пресекшую попытку своего господина попробовать готовящийся обед. Матушка Кости безапелляционно сообщила, что, по ее мнению, вверенную ей кухню используют недостаточно — но, в конце концов, сколько может съесть один невысокий мужчина? «Его нужно поощрять, чтобы он приводил побольше гостей, и надеюсь, вы скоро опять придете, госпожа Форсуассон, и станете частой гостьей».

Когда матушка Кости добродушно выставила их с кухни, Форкосиган провел Катриону по потрясающей анфиладе официальных приемных обратно в фойе.

— Это все — общие помещения, — сообщил он. — А вот второй этаж — полностью моя территория.

С заразительным энтузиазмом лорд Форкосиган поволок Катриону по лестнице и провел через анфиладу комнат, которые — как он заверил — когда-то занимал сам знаменитый генерал граф Петер и которые теперь принадлежат ему, Майлзу. Он специально позаботился показать гостье прекрасный вид на внутренний сад, открывающийся из окон гостиной.

— Есть еще два этажа плюс чердаки. Чердаки особняка Форкосиганов — это что-то. Хотите посмотреть? Может, вас интересует что-то конкретное?

— Не знаю, — ответила Катриона, несколько оглушенная обилием информации. — Вы здесь выросли?

Она обвела взглядом великолепно обставленную гостиную, пытаясь представить себе Майлза в детстве и решить, рада она или нет, что он не повел ее в свою спальню, видневшуюся через приоткрытую дверь в конце гостиной.

— Вообще-то где-то до шести лет я жил с родителями в императорском дворце, вместе с Грегором, — ответил Форкосиган. — Тогда, в ранний период Регентства, между моими родителями и дедом возникли некоторые… хм… разногласия, но потом они помирились, да и Грегор отправился учиться на подготовительные курсы в академию. Тогда родители переехали сюда. И оккупировали третий этаж — примерно так же, как я сейчас занял второй. Привилегия наследника, знаете ли. Разные поколения куда лучше уживаются в одном доме, если этот дом — ну очень большой. Мой дед занимал эти покои до самой смерти. Когда он умер, мне было семнадцать. А у меня тогда была комната на том же этаже, что занимали родители, хотя и в другом крыле. Они выбрали ее для меня, потому что Иллиан сказал, что туда трудней всего попасть снайперу… м-м-м… и потом, оттуда хороший вид на сад. Не хотите взглянуть? — Он повернулся и, улыбнувшись Катрионе, провел ее на лестницу,

поднялся еще на этаж, затем — за угол и по длинному коридору немного вперед.

Из комнаты, в которой они оказались, действительно открывался прекрасный вид на сад, но никаких следов пребывания здесь юного Майлза не наблюдалось — самая обыкновенная чисто прибранная безликая комната для гостей.

— Сколько лет вы здесь прожили? — поинтересовалась Катриона, оглядываясь по сторонам.

— Вообще-то до прошлой зимы. Я перебрался вниз после увольнения по здоровью. — Он нервно дернул подбородком. — За десять лет, что я прослужил в Имперской безопасности, я редко бывал дома, мне в голову не приходило перебираться отсюда куда-то еще.

— По крайней мере у вас тут была своя ванная. Дома Периода Изоляции иногда… — Катриона осеклась, обнаружив, что дверь, которую она машинально открыла, оказалась дверцей шкафа. Должно быть, в ванную ведет соседняя дверь.

Автоматически зажегся мягкий свет. Шкаф был битком набит самыми разнообразными мундирами — старая военная форма лорда Форкосигана, сообразила Катриона, исходя из размеров одежды. Черный комбинезон, имперские зеленые мундиры, красно-синий парадный мундир. От стенки до стенки выстроились в ряд сапоги. Все вещи и сапоги были тщательно вычищены, но в шкафу все равно витал всегда сопровождавший Майлза запах дорогого мужского одеколона… Лорд Форкосиган стоял совсем рядом. Приятный пряно-цитрусовый сугубо мужской аромат вдруг показался слишком насыщенным из-за его близости.

Это было первое чувственное ощущение, возникшее у Катрионы со дня смерти Тьена. *Да нет, подобные ощущения исчезли еще задолго до его гибели.* Это вызывало неловкость, но в то же время и успокаивало. *Неужто я все же живая ниже шеи* ? До Катрионы вдруг дошло, что они находятся в спальне.

— А это что? — Ей удалось совладать с голосом, и она потянулась к незнакомому серому обмундированию — толстый китель с эполетами, множеством карманов на кнопках и белой оторочкой и такие же брюки. Нашивки на рукавах и эмблемы на воротнике не говорили ни о чем. Необычная ткань явно отличалась огнеупорными свойствами, какие бывают только у очень дорогой полевой формы.

Улыбка Форкосигана смягчилась.

— Ну, — протянул он, снимая китель с вешалки, — вы ведь никогда не были знакомы с адмиралом Нейсмитом? Он был моим любимым персонажем. Он… Я много лет командовал флотом дендарийских наемников.

— Вы играли роль космического адмирала…

— …будучи лейтенантом? — с иронией закончил он. — Началось-то все с игры. Но потом я превратил игру в реальность. — Криво ухмыльнувшись и тихонько пробормотав: «А почему бы и нет?», он повесил китель на ручку двери, скинул серый пиджак и остался в кипенно-белой рубашке. Из наплечной кобуры, о наличии которой Катриона и не подозревала, выглядывало какое-то оружие. *Он даже здесь ходит вооруженным?* Это был всего-навсего мощный парализатор, но Форкосиган, казалось, носил его так же машинально, как накрахмаленную рубашку. *Раз ты Форкосиган, значит, должен всегда быть при оружии.*

Майлз надел на себя необычный китель. Брюки можно было и не менять: те, что были на Форкосигане, вполне подходили по цвету. Форкосиган мгновенно подтянулся, выпрямился — и перед Катрионой возник совершенно другой человек: спокойный, степенный и даже… высокий. Он небрежно облокотился о дверной косяк, и его кривая улыбка вдруг сделалась воистину ослепительной. С великолепным бетанским акцентом, будто и не слышал отродясь о барраярских форах, он произнес:

— Эй, не позволяйте этому скучному барраярскому грязееду морочить вам голову! Держитесь меня, сударыня, и я подарю вам галактику.

Катриона от неожиданности отступила на шаг.

Вскинув голову и продолжая нахально ухмыляться, лорд Форкосиган принялся застегиваться. Добравшись до талии, он замер: застежки не сходились на пару сантиметров и упорно не желали застегиваться. Он с таким искренним недоумением уставился на это безобразие, что Катриона не удержалась от смешка.

Майлз поднял на нее глаза — во взгляде светилась улыбка. Он снова заговорил, как барраярец:

— Я не надевал этот китель уже больше года. Похоже, мы во всех отношениях перерастаем свое прошлое. — Он скинул мундир. — Хм. Что ж, кухарку мою вы видели. Для нее приготовление еды не работа, а священнодействие.

— Может, китель просто сел во время стирки, — попыталась утешить его Катриона.

— Вы очень любезны. Но нет. — Лорд Форкосиган вздохнул. — Адмиральская легенда трещала по всем швам еще до гибели Нейсмита. Дни его были все равно сочтены.

Форкосиган довольно легко говорил об этой потере, но Катриона видела шрамы от иглогранаты у него на груди. Она помнила припадок, при котором присутствовала тогда в гостиной — в их с Тьеном квартире на Комарре. Помнила выражение глаз Майлза, когда припадок закончился: смятение, стыд, бессильная ярость. Этот человек выжал из своего тела куда больше, чем то, на что оно способно, пребывая в уверенности, что одной лишь силой воли сможет преодолеть все что угодно.

Так оно и было. Некоторое время. А потом время вышло. Нет, время потекло дальше. Время бесконечно. Но ты иссякаешь, а время бежит дальше и покидает тебя . Годы жизни с Тьеном научили ее хотя бы этому.

— Думаю, надо отдать это Никки для игр. — Лорд Форкосиган небрежно указал на висящие в шкафу мундиры, аккуратно стряхнул с серого кителя невидимые пылинки и повесил его на место. — Мальчик пока еще в них влезает и достаточно мал, чтобы захотеть их заполучить. Через годик-другой он из них вырастет.

У Катрионы перехватило дыхание. *А я думаю, что это будет чудовищно.* Эти реликвии явно дороги лорду Форкосигану. Какая муха его укусила, что он вдруг решил преподнести дело так, будто все эти вещи — всего лишь игрушки? Катриона попыталась — и не могла придумать, как отговорить Форкосигана от этой затеи и при этом не обидеть его. Так ничего и не придумав, она спросила:

— А вы бы вернулись назад? Если бы могли?

Взгляд Форкосигана стал отстраненным.

— Ну, видите ли, теперь… Теперь получается странная штука. Наверное, я чувствовал бы себя как змея, которая пытается вползти в сброшенную кожу. Я скучаю без этого каждое мгновение, но совсем не желаю возвращаться туда. — Он поглядел на Катриону и подмигнул. — С этой точки зрения иглограната — весьма поучительная штука.

Похоже, он так шутил. Катриона не знала, чего ей хочется больше: поцеловать его, чтобы утешить, или с воплем умчаться прочь. Она сумела выдавить подобие улыбки.

Форкосиган надел пиджак, и устрашающая кобура снова исчезла с глаз. Плотно закрыв шкаф, он быстро провел Катриону по остальным комнатам этажа. Показал, где расположены апартаменты его родителей, но — к тайному облегчению Катрионы — не предложил ей туда зайти. Право же, было бы несколько странно бродить вот так по личным покоям знаменитых графа и графини Форкосиган.

Наконец они снова спустились на второй этаж в конце основного крыла и оказались в светлой комнате, которую Форкосиган назвал Желтой гостиной. Здесь был изящно сервирован на две персоны небольшой столик. Отлично. Значит, им не придется обедать внизу, в той украшенной резными панелями пещере, где стоит стол, за которым свободно разместятся не меньше сорока восьми человек, а то и все девяносто шесть — если потесниться. Повинуясь незаметному сигналу, появилась матушка Кости с тележкой, на которой дымился суп, стоял в чайнике чай, красовался на блюде великолепный салат из креветок, фруктов и орехов. Подав кушанья, матушка Кости удалилась, оставив своего господина наедине с гостьей. Большой накрытый крышкой серебряный поднос, стоявший на

тележке у левого локтя лорда Форкосигана, обещал появление новых деликатесов.

— Это большой дом, — сообщил лорд Форкосиган Катрионе, — но ночью здесь царит полная тишина. И запустение. Он не предназначен пустовать. Его надо снова наполнить жизнью, как было в дни молодости моего отца.

Произнес он это почти обиженно.

— Вице-король с вице-королевой приедут на свадьбу, верно? Значит, к Празднику Середины Лета особняк снова заполнится, — попыталась утешить его Катриона.

— О да! Прибудут со всей свитой. К свадьбе на планету вернутся абсолютно все. — Форкосиган слегка замялся. — Включая моего брата Марка, если подумать. Полагаю, мне следует предупредить вас насчет Марка.

— Мой дядя как-то раз упомянул, что у вас есть клон. Это он… м-м-м… оно?

— Оно — это бетанское местоимение для гермафродитов. Определенно он. Да.

— Дядя Фортиц не сказал, почему вы — или это ваши родители? — заказали клона, сказал только, что все это довольно сложно и что лучше спросить у вас.

Первая мысль, которая приходила в голову, — это что граф Форкосиган решил найти достойную замену пострадавшему от солтоксина наследнику, но все явно обстояло не так.

— В том-то и вся сложность — почему. Заказывали не мы. Клона заказали комаррские эмигранты на Земле, он был частью очень уж барочного заговора против моего отца. Думаю, когда они поняли, что не смогут организовать вооруженное восстание, то решили провернуть биологическую авантюру. Их агент выкрал образец моих тканей — что было несложно, учитывая количество операций, исследований и биопсий, что я перенес в детстве, — и заказали моего клона одному барону на Архипелаге Джексона.

— Господи! Но дядя Фортиц сказал, что ваш клон не такой, как вы, — он что, вырос нормальным, без ваших… э-э-э… внутриутробных повреждений? — Катриона кивком указала на его тело, не сводя при этом глаз с его лица. Она уже сталкивалась с несколько странной реакцией лорда Форкосигана, когда речь заходила о его физических дефектах. *Тератогенных, а не генетических* , как он ей в свое время доходчиво объяснил.

— Если бы все было так просто… Он действительно начал расти согласно заложенному генотипу, поэтому террористам пришлось искусственно перекроить его под мой рост. И параметры. Жуткое дело! Он должен был сойти за меня при любой самой дотошной проверке, поэтому, когда со мной проделывали всякие процедуры вроде замены хрупких костей на искусственные, ему делали то же самое. Я достоверно знаю, насколько это болезненно. И они заставляли его учиться, чтобы сойти за меня. Все годы, что я считал себя единственным ребенком, в нем развивалась самая худшая из разновидностей зависти. Вы вдумайтесь: никогда не иметь возможности быть самим собой, постоянно — под угрозой истязаний, если быть точным, — сопоставлять себя со своим старшим братом… К тому времени, когда заговор провалился окончательно, он уже был на полпути к сумасшествию.

— Можно себе представить! Но… как вам удалось спасти его от комаррцев?

Форкосиган ответил не сразу.

— В конечном итоге он некоторым образом стал самим собой. Как только до него добралась моя бетанка-мать… можете себе представить дальнейшее. У бетанцев очень четкие и регламентированные убеждения по поводу родительской ответственности в отношении клонов. Думаю, его это удивило до безобразия. Он знал, что у него есть брат, — Бог мой, да его всю жизнь тыкали в это носом, но вот родителей он не ожидал получить. И уж наверняка — такую матушку, как Корделия Форкосиган. Ну, короче, проще сформулировать так: семья его приняла. Некоторое время он прожил здесь, на Барраяре, а потом — в прошлом году — мама отправила его на Колонию Бета учиться в университете и пройти курс лечения под присмотром моей бетанской бабушки.

— Звучит неплохо, — сказала Катриона, довольная концовкой этой странной истории. Похоже, Форкосиганы держались друг друга.

— М-м-м, возможно. Исходя из сообщений бабушки, его путь там довольно тернист. Понимаете, он просто одержим идеей — вполне понятной — как можно меньше походить на

меня, чтобы никогда впредь никто не смог нас с ним спутать. Что меня вполне устраивает, не поймите превратно. Я вообще считаю эту идею гениальной. Но… он мог бы сделать пластическую операцию, принимать гормоны роста, изменить цвет глаз и волос… А он вместо этого решил набрать как можно больше веса. При таком росте, как и у меня, эффект получается сногсшибательный. По-моему, ему так нравится. И он сознательно разъедается. — Лорд Форкосиган мрачно уставился в тарелку. — Я думал, бетанская терапия с этим справится, но похоже, что нет.

Угол скатерти неожиданно дернулся, и Катриона вздрогнула. Очень решительный черно-белый котенок взобрался на стол и направился к тарелке лорда Форкосигана. Лорд рассеянно улыбнулся, выудил из салата пару креветок и предложил животному. Котенок принялся с энтузиазмом жевать, урча от удовольствия.

— Кошка охранников постоянно приносит котят, — объяснил Форкосиган. — Мне нравится их подход к жизни, но иногда… — Он снял крышку с серебряного подноса и накрыл ею котенка. Неукротимый котенок продолжал урчать и под крышкой, как моторчик. — Не желаете ли десерт?

На серебряном подносе красовалось восемь разновидностей выпечки, таких чудесных на вид, что Катриона подумала, что это преступление — съесть их, не записав предварительно на головид.

— Ой, какое чудо!

После довольно долгих размышлений она указала на пирожное с толстым слоем крема, украшенное похожими на драгоценные камни глазированными фруктами. Форкосиган положил пирожное на блюдце и протянул ей. Затем с тоской посмотрел на оставшиеся вкусности, но ничего не взял, как заметила Катриона. Но он же совсем не толстый, возмущенно подумала она. Должно быть, когда он изображал адмирала Нейсмита, то был вообще кожа да кости! На вкус пирожное оказалось столь же изумительным, как и на вид, и участие Катрионы в разговоре на некоторое время прекратилось. Форкосиган с улыбкой наблюдал за ней, явно чертовски довольный.

Когда она подбирала вилкой последние капельки крема, в коридоре послышались шаги и мужские голоса. Катриона узнала бас Пима.

— Нет, у милорда переговоры с новым дизайнером по ландшафту. Я не думаю, что он желает, чтобы его беспокоили.

Протяжный баритон отвечал:

— Ладно-ладно, Пим! Я бы и не стал, но я пришел по поручению моей матери.

На лице лорда Форкосигана мелькнуло ужасное раздражение, и он с трудом подавил готовящееся сорваться с языка проклятие, однако, когда неожиданный посетитель появился в дверях Желтой гостиной, он снова стал совершенно невозмутим.

Мужчина, которого Пим пытался удержать, оказался молодым офицером — высоким и на редкость красивым капитаном, темноволосым, со смеющимися карими глазами и ленивой улыбкой на губах. Он отвесил лорду Форкосигану ироничный поклон:

— Хайль, о братец — лорд Аудитор! Боже, уж не приготовленный ли матушкой Кости обед я зрю? Только не говори мне, что я опоздал! Что-нибудь осталось? Могу я доглодать твои объедки? — Он шагнул в зал и тут увидел Катриону. — Ого! Представь меня своему *дизайнеру по ландшафту* , Майлз!

— Госпожа Форсуассон, — чуть ли не сквозь зубы выговорил лорд Форкосиган, — позвольте мне представить вам моего нерадивого кузена, капитана Айвена Форпатрила. Айвен, познакомься с госпожой Форсуассон.

Ничуть не смущенный откровенно холодным приемом, Форпатрил, ухмыляясь, низко склонился к руке Катрионы и поцеловал. Губы задержались на коже чуть дольше положенного, но они хотя бы были теплыми и сухими, и у нее, слава Богу, не возникло желания невежливо вытереть руку о подол, когда он наконец отпустил ее ладонь.

— Вы принимаете заказы, госпожа Форсуассон?

Катриона не знала, следует ли ей развеселиться или оскорбиться в ответ на его

откровенный взгляд, а потому решила, что самое лучшее — воспринимать все с юмором.

— Только начинаю, — слегка улыбнулась она.

— Айвен живет в квартире, — отрезал лорд Форкосиган. — По-моему, у него на балконе есть цветочный горшок, но когда я заглядывал туда в последний раз, обитатель этого горшка уже благополучно скончался.

— Была же зима, Майлз. — Донесшееся из-под серебряной крышки тихое мяуканье привлекло внимание Айвена. Он уставился на крышку, затем чуть приподнял: — А, еще один котенок, — и опустил обратно.

Двинувшись вокруг стола, Айвен углядел практически нетронутый поднос с пирожными, хищно улыбнулся, взял две штуки и утянул вилку с тарелки кузена. Потом положил все это на пустое место на столе, притащил стул и уселся между Майлзом и Катрионой. Прислушался к нарастающим воплям протеста из-под крышки, вздохнул, выпустил черно-белого пленника, устроил у себя на коленях поверх салфетки и придумал ему занятие, слегка измазав кремом мордочку и лапки.

— Не обращайте на меня внимания, — заявил он, прежде чем откусить первый кусок пирожного.

— Мы только что закончили, — произнес Форкосиган. — Зачем ты пришел, Айвен? — И тихо добавил: — И почему трое телохранителей не смогли помешать тебя войти? Или мне надо дать приказ стрелять на поражение?

— Сила моя велика, потому что дело мое правое, — проинформировал Форпатрил. — Матушка прислала меня со списком поручений длиной с мою руку. С примечаниями. — Айвен достал из-за отворота кителя свернутые в трубочку бумаги и помахал перед носом кузена. Котенок немедленно перевернулся на спину и попытался лапками поиграть с ними. Айвен несколько секунд поиграл со зверушкой. — Кис-кис-кис!

— Ты так решительно настроен, потому что боишься своей мамочки куда больше, чем моих оруженосцев!

— Как и ты. И твои оруженосцы, — заметил лорд Форпатрил, откусывая очередной кусок пирожного.

Форкосиган невольно прыснул, затем снова напустил на себя суровый вид.

— Э-э-э… Госпожа Форсуассон, как я вижу, мне придется заняться этим делом. Возможно, нам лучше закончить на сегодня. — Виновато улыбнувшись, он поднялся.

Вне всяких сомнений, лорду Форкосигану надо было обсудить какие-то важные секретные дела с этим молодым офицером.

— Конечно. Э-э… Приятно было познакомиться, лорд Форпатрил.

Капитан с котенком на коленях подниматься не стал, но сердечно кивнул.

— Мне тоже, госпожа Форсуассон. Надеюсь, мы с вами скоро увидимся еще.

Улыбка Форкосигана стала несколько напряженной. Катриона встала и проследовала за ним в коридор.

— Пим, подгони лимузин к дверям, — скомандовал он в наручный комм. — Извините за Айвена, — сказал он Катрионе, ведя ее вниз по лестнице.

Она не очень понимала, за что он извиняется, поэтому лишь пожала плечами.

— Так мы договорились? — продолжил он. — Вы займетесь садом?

— Может, вы сначала посмотрите проекты?

— Да, конечно. Завтра… или можете позвонить в любой момент, когда будете готовы. У вас есть мой номер?

— Да, вы дали мне несколько ваших номеров еще на Комарре. Я их не потеряла.

— Вот и отлично. — Они дошли до главной лестницы, и Форкосиган вдруг о чем-то задумался. Когда они сошли вниз, он посмотрел на Катриону и спросил: — А тот маленький сувенир тоже все еще у вас?

Он имел в виду крошечную модель Барраяра, кулон на цепочке. Память о мрачных событиях, о которых нельзя упоминать на публике.

— О да!

Он с надеждой замер, и Катриона пожалела, что не может достать из-под блузки кулон и тут же показать ему. Но она считала украшение слишком дорогим, чтобы носить ежедневно, а потому бережно хранила в доме у тети Фортиц в одном из ящиков, аккуратно завернутое в вату. Тут снаружи донесся шум подъезжающего лимузина, и лорд Форкосиган повел ее к выходу.

— Что ж, тогда всего доброго, госпожа Форсуассон. — Он решительно пожал ей руку и усадил в лимузин. — Думаю, мне следует немедленно вернуться к Айвену.

Как только купол кабины закрылся, лорд Форкосиган повернулся и зашел в дом.

Айвен взял тарелку из-под салата, поставил на пол и посадил рядом с ней котенка. Следует признать, что детеныши практически любой зверушки и впрямь отличное подспорье. Айвен заметил, как мгновенно потеплел взгляд госпожи Форсуассон, едва он начал тетешкаться с этой маленькой пушистой заразой. Интересно, где это Майлз откопал такую потрясную вдовушку? Усевшись снова на стул, Айвен, глядя, как котенок лакает розовым язычком соус, мрачно размышлял о вчерашнем свидании.

Он встречался с такой *подходящей* молодой женщиной: студентка университета, впервые уехавшая далеко от дома. Молодой имперский офицер-фор должен был произвести на нее неизгладимое впечатление. У нее смелый взгляд, и она совсем не застенчивая. Повезла *его* на *своем* флайере! Айвен был крупным специалистом по использованию флайера для разрушения психологического барьера и создания подходящего настроения. Несколько крутых виражей — и ты всегда можешь спровоцировать милое взвизгивание, когда юная леди вцепляется в тебя, ее грудь вздымается все чаще и выше, а губки становятся все более доступными. Однако *эта* девица… В последний раз он был так близок к тому, чтобы расстаться со своим обедом, в тот памятный полет с Майлзом по Дендарийскому ущелью. А барышня только ехидно смеялась, когда Айвен, стиснув зубы, беспомощно улыбался, вцепившись побелевшими пальцами в ремни безопасности.

А потом, в выбранном ею ресторане, они «совершенно случайно» встретились с этим самоуверенным студентом-старшекурсником, и тут-то все встало на свои места. Она использовала *его* , Айвена, черт бы ее побрал, чтобы убедиться в привязанности этого щенка. И придурок попался в ловушку. «Здравствуйте, сэр. О, это, наверное, твой дядя, о котором ты говорила, что он на военной службе? Прошу прощения…» То, как юнец умудрился превратить вежливое предложение присесть в скрытое оскорбление, было почти в лучшем стиле низкорослого родственничка Майлза. Айвен довольно быстро сбежал, про себя пожелав влюбленной парочке наслаждаться друг другом — наказание, достойное преступления. Он не понимал, что нынче творится с барраярскими девицами. Они стали почти… почти инопланетницами, будто брали уроки у Куин, прекрасной подружки Майлза. Ядовитые замечания матери, что ему следует держаться женщин своего возраста и круга, начали обретать смысл.

В коридоре послышались легкие шаги, и в дверях нарисовался кузен. Айвен прикинул, не рассказать ли Майлзу в лицах о вчерашнем провале, но передумал. Какие бы чувства ни обуревали кузена, поджатые губы и наклон головы, как у готового вцепиться в задницу бульдога, предвещали что угодно, кроме сочувствия.

— Ты, как всегда, удивительно вовремя, Айвен! — рявкнул Майлз.

— Что, нарушил ваш тет-а-тет? *Дизайнер по ландшафту* , значит? К такому ландшафту у меня бы тоже запросто возник внезапный интерес. Какие изгибы!

— Потрясающие! — выдохнул Майлз, на мгновение увлекшись какими-то внутренними видениями.

— И мордашка недурна, — добавил Айвен, наблюдая за кузеном.

Майлз почти купился на приманку, но скривился, проглотив готовый сорваться ответ.

— Не жадничай. Не ты ли мне говорил, что у тебя романчик с госпожой Фор-как-там-ее? — Отодвинув стул, он плюхнулся на сиденье, скрестив руки и забросив ногу на ногу. И, сощурившись, уставился на Айвена.

— Ах да! — кивнул Форпатрил. — Ну, похоже, с этим покончено.

— Ты меня удивляешь. Что, покладистый муженек при ближайшем рассмотрении оказался не столь уж покладист?

— Все это оказалось таким глупым… Я хочу сказать, у них зреет наследник в маточном репликаторе. Похоже, не так просто в наши дни украсить чье-то родовое древо бастардом. В любом случае он заполучил какой-то пост в колониальной администрации и уволок ее на Зергияр. Едва дал нам время цивилизованно попрощаться.

На самом деле это была довольно неприятная сцена со взаимными угрозами. Было б гораздо лучше, если бы дама проявила хоть какие-то признаки сожаления или хотя бы заботы о здоровье и безопасности Айвена, вместо того чтобы висеть на руке супруга и радоваться его собственническим замашкам. А уж что касается этой юной террористки, чуть не угробившей его на флайере, за которой он собрался ухлестнуть, чтобы залечить разбитое сердце… Айвен подавил дрожь.

Стряхнув неприятные воспоминания, Айвен продолжил:

— Но вдова! Настоящая живая молодая вдовушка! Да знаешь ли ты, как редко в наши дни попадаются молодые вдовы? Я знаю кучу парней в штаб-квартире, готовых правую руку отдать за дружелюбную вдовицу! Как это ты ухитрился отыскать такое чудо?

Однако кузен не снизошел до ответа, а вместо этого указал на принесенные Айвеном бумаги:

— Что там?

— А! — Айвен развернул бумаги и протянул Майлзу. — Повестка дня твоих встреч с императором, будущей императрицей и моей матерью. Она приперла Грегора к стенке с последними деталями брачной церемонии. Поскольку ты — официальный шафер Грегора, то твоего присутствия просят и требуют.

— Ох! — Майлз глянул на записи. На его лице появилось озадаченное выражение, и он снова посмотрел на Айвена. — Не то чтобы это меня особо интересовало, но разве ты не должен сейчас быть на службе?

— Ха! — мрачно ухмыльнулся Айвен. — Разве ты не знаешь, что эти ублюдки мне устроили?

Майлз покачал головой, вопросительно подняв брови.

— Меня официально откомандировали в распоряжение моей матери — *моей матери!* — в качестве адъютанта вплоть до окончания свадебных торжеств. Я поступил на военную службу, чтобы убраться от моей матери подальше, черт подери! И вот теперь она — мой непосредственный начальник!

Быстрая ухмылка кузена была лишена малейших признаков сочувствия.

— До тех пор, пока Лаиса не будет намертво пришвартована к Грегору и не приступит к своим обязанностям в качестве официальной хозяйки, твоя мать — самая важная персона в Форбарр-Султане. Не стоит недооценивать ее. Мне доводилось видеть планы космических кампаний куда менее сложные, чем то, что затевают для этой императорской свадьбы. От тети Элис потребуются все ее таланты полководца, чтобы довести дело до конца.

Айвен покачал головой:

— Знал ведь, что надо было отправиться служить подальше от Барраяра, пока имелась такая возможность. На Комарру, Зергияр, в какое-нибудь посольство — куда угодно, лишь бы подальше от Форбарр-Султана.

Майлз стал серьезным.

— Не знаю, Айвен. Если не случится какого-нибудь внезапного нападения, то эта свадьба — важнейшее политическое событие года. Да что там года, всей нашей жизни. Чем больше маленьких наследников Грегор с Лаисой поставят между нами с тобой и Империй, тем для нас безопасней. Для нас и наших семей.

— У нас с тобой пока нет семей, — уточнил Айвен. *Так вот что у него на уме насчет этой красивой вдовушки! Ого!*

— Разве мы могли осмелиться? Я-то уж точно думал об этом всякий раз, как сближался

с женщиной настолько, чтобы… ладно, не важно. Но эта свадьба должна состояться во что бы то ни стало.

— Да я и не спорю, — искренне согласился Айвен. Он наклонился, чтобы помешать котенку, начисто вылизавшему тарелку, поточить коготки о начищенные сапоги. Пара минут почесывания пузичка лишили звереныша энтузиазма, и он уютно устроился у Айвена на коленях, свернулся калачиком и довольно заурчал, переваривая сытный обед и украшая очередной порцией шерстинок имперский военный мундир.

— Так как там зовут твою вдовушку, повтори-ка еще раз?

Вообще-то Майлз пока вовсе не называл ее имени.

— Катриона, — вздохнул Майлз. Казалось, он голосом ласкал все четыре слога имени.

Ага! Айвен припомнил, сколько раз дражайший кузен наезжал на него из-за его многочисленных любовных связей. *Ты считал, что я подходящий камешек, на котором можно оттачивать свое остроумие?* Открывшаяся возможность сровнять счет согрела душу.

— Она в тоске и печали, ты сказал? Мне кажется, она вполне могла прибегнуть к услугам кого-нибудь, кто обладает хорошим чувством юмора, чтобы поднять ей настроение. Ты не годишься — у тебя явно очередной приступ меланхолии. Может, мне стоит предложить себя в качестве провожатого, чтобы показать ей город?

Майлз налил себе еще чаю и как раз вознамерился взгромоздить ноги на соседний стул. Услышав последнюю реплику Айвена, он с грохотом опустил их на пол.

— Даже и не думай! Она *моя!*

— Правда? Вы уже тайно обручены? Быстро сработано, братец!

— Нет, — нехотя признал Майлз.

— Значит, пришли к определенного рода соглашению?

— Пока нет.

— Следовательно, она не принадлежит никому, кроме самой себя. В данный момент.

Майлз, прежде чем ответить, что было ему совсем не свойственно, предпочел отхлебнуть чая.

— Я намерен эту ситуацию изменить. Когда настанет подходящее время, которое пока что, совершенно очевидно, еще не пришло.

— Эй, в любви и на войне все средства хороши! Почему мне нельзя попытаться за ней приударить?

— Попробуй только — и получишь эту самую войну! — рявкнул Майлз.

— Не позволяй своему новому высокому статусу ударять тебе в голову, братец! Даже Имперский Аудитор не может приказать женщине спать с ним!

— Выйти за него замуж, — ледяным тоном поправил Майлз.

Айвен склонил голову набок, ухмылка стала еще шире.

— Бог мой, да ты совсем голову потерял! Кто бы мог подумать?!

— В отличие от тебя, Айвен, я никогда не притворялся, что совершенно не стремлюсь к женитьбе, — оскалился Майлз. — И мне не придется брать обратно многочисленные речи убежденного холостяка или поддерживать репутацию юного шалопая. Возможно, до конца дней своих — как вполне может оказаться в твоем случае.

— Ой-ой, какие мы сегодня ядовитые!

Майлз набрал в грудь побольше воздуха, но прежде, чем успел хоть слово сказать, Айвен добавил:

— Знаешь, когда ты вот так набычиваешься, то кажешься еще более горбатым, чем обычно. Следи за собой.

После долгого ледяного молчания Майлз ласково поинтересовался:

— Уж не бросаешь ли ты вызов моему остроумию, Айвен?

— Э-э-э… — Правильный ответ долго искать не пришлось: — Нет!

— Вот и хорошо, — выдохнул Майлз, откидываясь на стуле. Последовало долгое напряженное молчание, и все это время Майлз, сощурившись, пристально смотрел на

Айвена. Наконец он вроде бы пришел к какому-то решению. — Айвен, дай мне слово Форпатрила — только между нами, — что ты оставишь Катриону в покое.

Айвен изумленно вскинул брови.

— Тебе не кажется, что это несколько слишком? То есть я хочу сказать, разве у нее нет права голоса?

У Майлза расширились ноздри.

— На самом деле она тебе не нужна.

— Откуда ты знаешь? Откуда *я* знаю? Я едва успел с ней поздороваться, как ты по-быстренькому ее выставил!

— Я знаю тебя. Для тебя что она, что десяток других женщин, которые подвернутся. А для меня она — единственная.

Предлагаю сделку: ты можешь забрать себе всех остальных женщин в мире, я же хочу лишь эту. Думаю, это честно.

Это был очередной типично Майлзовский аргумент — кузен вообще всегда казался очень логичен в своих рассуждениях, когда стремился получить то, что хотел. Айвен узнал знакомый мотив: Майлз нисколько не изменился с тех пор, как им обоим было от роду по пять лет. Изменился лишь повод.

— Штука в том, что все остальные женщины в мире не находятся в твоем распоряжении, — торжествующе заявил Айвен. После пары десятков лет практики он начал реагировать на подобные фокусы быстрее. — Ты пытаешься предложить то, что тебе не принадлежит и чего у тебя нет.

Захваченный врасплох, Майлз откинулся на спинку стула и сердито сверкнул глазами.

— Нет, серьезно, — продолжил Айвен, — тебе не кажется, что твоя страсть разгорелась слишком стремительно для человека, который не разлучался во время Зимнепраздника с глубокоуважаемой Куин? Где ты до сих пор прятал эту самую Кэт?

— Катриону. Мы познакомились на Комарре, — коротко ответил Майлз.

— Когда ты вел следствие? Значит, совсем недавно. Кстати, ты мне ничего не рассказал о своем первом деле, братец-лорд Аудитор. Должен сказать, что все их вопли по поводу солнечного отражателя вроде как закончились пшиком.

Он выжидательно замолчал, но Майлз игнорировал явное приглашение. Должно быть, он сейчас не в настроении разливаться соловьем. *Как всегда — либо не разговоришь, либо не заткнешь.* Что ж, если есть выбор, то сдержанность Майлза куда безопасней для окружающих, чем всплеск активности. Не дождавшись ответа, Айвен светски поинтересовался:

— А сестры у нее нет?

— Нет.

— Как всегда, — вздохнул Айвен. — Так кто же она на самом деле? Где живет?

— Она племянница лорда Аудитора Фортица, а ее муж очень скверно погиб пару месяцев назад. Сомневаюсь, что у нее подходящее настроение для выслушивания твоих шуточек.

Похоже, не у нее одной. Дьявол! Майлз сегодня тоже в весьма гнусном настроении.

— Э, да он небось влез в одно из твоих дел, так? Что ж, впредь наука. — Наклонившись вперед, Айвен ехидно улыбнулся: — Тоже способ решения проблемы недостатка юных вдов — создавать их самому.

Все признаки снисходительного веселья, с каким Майлз до сего момента выслушивал ерничество Айвена, мгновенно испарились. Он резко выпрямился и подался вперед, вцепившись в подлокотники. В голосе звучал арктический холод:

— Я буду вам чрезвычайно признателен, лорд Форпатрил, если вы впредь не станете повторять эти инсинуации. Никогда.

У Айвена от изумления желудок сжался в комок. Он уже пару раз наблюдал Майлза в роли Имперского Аудитора, но со стороны. Ледяные серые глаза кузена вдруг сделались похожими на два оружейных дула. Айвен открыл рот — и медленно закрыл. Да что тут, к

черту, творится?! И как от такого коротышки может исходить столь чудовищная угроза? Годы практики, надо полагать. *И подходящих условий* .

— Это всего лишь шутка, Майлз!

— И очень не смешная! — Майлз потер запястья и нахмурился, глядя куда-то вдаль. На скуле заиграл желвак. Он поднял голову. Через некоторое время Майлз добавил уже более спокойно: — Я не стану тебе рассказывать об этом комаррском расследовании, Айвен: оно под грифом «перед прочтением сжечь», и я не шучу. Скажу лишь одно, но не для дальнейшего распространения. Смерть Этьена Форсуассона была чудовищной, это было убийство, и я не смог ничего предотвратить. Но не я приложил руку к его гибели.

— Господи ты боже мой, Майлз, я ведь не имел в виду, что ты на самом деле…

— Тем не менее, — резко перебил Майлз, — все доказательства этому теперь засекречены настолько глубоко, насколько вообще возможно. Из чего следует, что, если против меня выдвинут обвинение, я не смогу публично предоставить доказательства моей невиновности. Подумай о вытекающих из этого последствиях, будь любезен. Особенно если… мое ухаживание увенчается успехом.

Айвен озадаченно пожевал губу, переваривая сказанное. Затем просиял:

— Но… у Грегора ведь есть доступ! А кто осмелится с ним спорить? Грегор может объявить тебя невиновным.

— Император, мой названый брат, назначивший меня Аудитором в качестве любезности моему отцу? Как, во всяком случае, утверждают некоторые?

Айвен неловко поерзал. Значит, до Майлза эти слухи уже дошли…

— Те, чье мнение достойно внимания, знают правду. Где ты услышал эту пакость, Майлз?

Ответом послужило лишь короткое пожатие плечами и неопределенный жест. Похоже, Майлз становится просто удручающе дипломатичен. Айвен скорее согласился бы застрелиться из плазмотрона, чем оказаться замешанным в политические игры Империи. Не то чтобы он с воплями бежал от этого прочь — подобное поведение привлекло бы слишком много внимания. Медленное отползание в сторону — вот лучшая тактика. Майлз же… Маньяку Майлзу вполне может хватить смелости сделать политическую карьеру. Этот гном всегда был несколько склонен к суициду. *Уж лучше ты, чем я, парень.*

Майлз, оторвавшись от созерцания своих полуботинок, поднял голову.

— Я знаю, что у меня нет права просить тебя об этом, Айвен. Я по-прежнему у тебя в долгу… после того, что случилось минувшей осенью. И за десятки прочих случаев, когда ты спасал мою шею. Или пытался спасти. Все, что я могу, — это попросить. Пожалуйста. У меня было не так много шансов, а эта женщина для меня все. — И криво улыбнулся.

Черт бы побрал эту его улыбку! Разве Айвен виноват, что он родился здоровым, а кузен — калекой? Нет, черт подери! Майлз такой из-за политических распрей, и можно было бы посчитать, что это послужит ему уроком, так ведь нет же! Как выяснилось, даже иглограната снайпера не способна остановить этого гиперактивного маленького паршивца. И всякий раз ты разрываешься между желанием придушить его голыми руками или плакать от гордости за него. Во всяком случае, Айвен позаботился, чтобы никто не видел его лица, когда во время прошлого Зимнепраздника в замке Форхартунг Майлз приносил присягу Имперского Аудитора чуть ли не перед всем Барраяром. Он произносил слова присяги с таким жаром! Такой маленький, такой искалеченный, такой несгибаемый. *Покажите людям свет, и они последуют за ним куда угодно.*

Понимает ли сам Майлз, насколько он опасен?

И этот маленький параноик действительно считает, что у Айвена хватит магии увести у него женщину, в которой Майлз заинтересован. Это опасение льстило Айвену куда больше, чем он рисковал показать. Но у Майлза так мало уязвимых мест, что грех лишать его этой иллюзии. Может оказаться неполезным для его души, хе!

— Ладно, — вздохнул Айвен. — Но помни, что я лишь даю тебе право первого выстрела. Если она даст тебе от ворот поворот, то, мне кажется, у меня есть право быть

следующим на очереди, как и у любого другого.

Майлз слегка расслабился.

— Это все, о чем я прошу. — И тут же напрягся снова. — Слово Форпатрила?

— Слово Форпатрила, — снизошел Айвен, выдержав хорошую паузу.

Майлз расслабился полностью и даже почти развеселился. В последующие несколько минут обсуждение списка дел, присланного леди Элис, перемежалось с дифирамбами в адрес госпожи Форсуассон. Лишь одно хуже вспышек ревности кузена, решил Айвен, — это выслушивание его влюбленного лепета. Совершенно очевидно, что сегодня особняк Форкосиганов — не самое подходящее укрытие от леди Элис. И не только сегодня, но и в последующие дни. Майлз даже не пожелал прерваться, чтобы что-нибудь выпить. Когда же он принялся излагать свои планы относительно сада, Айвен сослался на дела и удрал.

И только спускаясь по лестнице, вдруг понял, что снова остался в дураках. Майлз добился чего хотел, а Айвен так толком и не понял, как это произошло. Он ведь вовсе не намеревался давать слово фора. Айвен раздраженно нахмурился.

Все не так. Если эта самая Катриона действительно настолько хороша, она заслуживает мужчины, который станет бороться за нее. А если ее любовь к Майлзу подлежит испытанию, то чем раньше это произойдет, тем лучше. У Майлза нет чувства меры, чувства… самосохранения. Какой же будет сокрушительный удар, если она надумает его отшить. Тогда наверняка снова придется прибегать в качестве терапии к ледяной ванне. *Мне следовало подержать его голову под водой несколько дольше. Я слишком рано его выпустил, и в этом моя ошибка…*

Да это будет просто огромная услуга — дать вдовушке возможность выбора, пока Майлз не задурил ей голову, как дурит всем остальным. Но… Майлз вытянул у Айвена слово Форпатрила, выдавил с упрямой прямолинейной решимостью. Принудил фактически, а обеты, данные по принуждению, и не обеты вовсе.

Решение пришло к Айвену, когда он перешагивал со ступеньки на ступеньку. Он аж присвистнул. Схема получалась почти… Майлзовской. Да это же высшая справедливость — накормить этого гнома блюдом, приготовленным по его же собственному рецепту!

К тому времени, когда Пим распахнул перед ним входную дверь, Айвен уже снова улыбался.

Глава 2

Карин Куделка тихонько переползла на сиденье у иллюминатора орбитального челнока и прижалась носом к стеклу. Все, что можно было увидеть, — это пересадочную станцию и звезды. После тянущихся бесконечно минут привычный скрип и скрежет известили, что расстыковка прошла удачно и челнок отошел от станции. Мерцающая арка барраярского терминала промелькнула перед ее глазами — челнок начал спуск. Три четверти Северного континента освещало послеполуденное солнце. Виднелись моря. Наконец-то снова дома, после почти годичного отсутствия. Карин уселась поудобнее, оценивая свои противоречивые чувства.

Жаль, что нет рядом Марка, а то бы они сравнили ощущения. И как это люди вроде Майлза, который покидал родную планету раз пятьдесят, не меньше, справляются с огромными различиями? Майлз тоже год проучился на Колонии Бета, будучи еще моложе, чем она. Карин поняла, что у нее есть к Майлзу куча вопросов, если она, конечно, наберется смелости его спросить.

Значит, Майлз Форкосиган теперь Имперский Аудитор. Трудно вообразить его в обществе этих напыщенных старых калош. Получив известие о новой должности брата, Марк изрядно подергался, прежде чем сподобился отправить поздравление по лучу. Но у Марка вообще пунктик в отношении Майлза. «Пунктик» не есть общепринятое научное определение, как сообщил Карин психотерапевт Марка, но вряд ли можно подобрать иной термин для обозначения того смешанного и изменчивого комплекса, представляющего

собой… пунктик.

Карин проверила, в порядке ли одежда, оправила рубашку, пригладила брюки. Весьма экстравагантное смешение стилей — комаррские брюки, барраярское болеро, эскобарская рубашка из искусственного шелка — вряд ли шокирует ее семейство. Натянув на палец локон пепельно-русых волос, оценила длину. Волосы уже почти отросли, теперь у нее та же прическа, что была перед отъездом с Барраяра. Да, все главные изменения произошли внутри и незаметны глазу. Она может рассказать о них, а может — и нет. Она сама решит, когда об этом можно будет рассказать без опаски. *Без опаски?* — изумленно переспросила себя Карин. Похоже, она заразилась от Марка паранойей. И все же…

Нахмурившись, Карин нехотя вынула из мочек свои бетанские сережки и сунула в карман болеро. Мама довольно много общалась с графиней Корделией и, вполне вероятно, сможет расшифровать, что означают на Колонии Бета эти серьги, а означали они вот что: «Да, я согласная на встречи взрослая женщина с противозачаточным имплантатом, но сейчас у меня есть постоянный партнер, поэтому не ставьте в неловкое положение и себя, и меня, подходя с предложением». Довольно длинное сообщение, записанное двумя кусочками металла, а у бетанцев есть еще с десяток других способов передать прочие нюансы. Пару этих самых нюансов Карин уже переросла. Противозачаточный имплантат, о котором сообщали серьги, мог теперь оставаться ее маленьким секретом, о котором остальным знать не обязательно.

Она немного поразмышляла, сравнивая бетанские серьги с подобной системой социальных сигналов в других культурах: с обручальными кольцами, определенным стилем одежды или прически, шляпками, вуалями и татуировками. Конечно, такие сигналы не всегда соответствуют содержанию: например, у неверных супругов поведение не соответствует внешним признакам моногамного состояния. Впрочем, бетанцы вроде бы довольно строго соблюдают правила. Ношение ложных символов осуждается обществом. «Такие фортели все портят для других, — объяснил Карин как-то раз один бетанец. — Ведь главная цель тут — чтобы не приходилось играть в угадайку». Надо отдать должное их честности. Неудивительно, что бетанцы — отличные ученые. В целом же, решила Карин, теперь она, кажется, гораздо больше понимает некоторые особенности характера графини Корделии Форкосиган, бетанки по рождению. Но тетя Корделия приедет лишь к самой свадьбе, на Праздник Середины Лета — увы и ах! — так что разговор с ней откладывается.

Карин мгновенно отбросила мысли о желаниях плоти, как только внизу показался Форбарр-Султан. Близился вечер, и великолепный закат освещал облака, сквозь которые опускался челнок. Сверкающие в сумерках огни города являли собой фантастическое зрелище. Карин наблюдала любимый и такой знакомый пейзаж — текущую реку, настоящую реку после целого года лицезрения до смерти надоевших фонтанов, понастроенных бетанцами в их подземном мире. Знаменитые мосты, воспетые в народных песнях на всех четырех языках, монорельсовая дорога… Последовал последний рывок, и челнок сел в космопорте Форбарр-Султана. *Дома, дома, я дома!* Карин с трудом удержалась, чтобы не побежать по головам медлительных стариков, шедших к выходу впереди нее. Наконец она промчалась по гибкой трубе перехода и коридору. *Они меня встречают? Все ли пришли?*

Они не разочаровали ее. Тут были все, все до единого, стояли отдельной группкой, занимая самое выгодное место поближе к выходу из коридора. Мама держала огромный букет цветов, а Оливия — большой плакат с надписью «Добро пожаловать домой, Карин!». Марсия нетерпеливо приплясывала на месте в отличие от Делии, очень повзрослевшей и как всегда сдержанной. И стоял, опираясь на трость, улыбающийся папа, не успевший после работы переодеть мундир. Затем последовали горячие объятия, согревшие душу соскучившейся Карин. Оливия хихикала, Марсия верещала, и даже па смахнул слезу. Проходившие мимо пассажиры и встречающие не сводили с них глаз. Мужчины засматривались настолько, что едва не вмазывались лбом в стенки. Блондинистая группа коммандос коммодора Куделки, как шутили младшие офицеры Генштаба. Интересно, подумала Карин, Оливия с Марсией по-прежнему их изводят? Бедные мальчики все

норовили сдаться на милость победительниц, но до сих пор ни одна из сестриц пленных не брала. Кроме Делии, судя по всему, завоевавшей на Зимнепразднике комаррца, друга Майлза. Коммодора СБ, ни больше ни меньше. Карин не терпелось добраться побыстрее до дома и узнать все в подробностях о помолвке.

Говоря все одновременно (кроме па, который сдался уже много лет назад и сейчас лишь добродушно слушал), они дружно отправились за багажом Карин, а потом к машине. По такому случаю мама с па явно позаимствовали этот здоровенный лимузин у лорда Форкосигана вкупе с оруженосцем Пимом в качестве водителя, чтобы всей семьей разместиться на заднем сиденье. Пим поприветствовал Карин от имени своего сюзерена и от себя лично, положил ее скромный багаж на сиденье, и они отправились домой.

— Я думала, ты приедешь в одном из этих открытых бетанских саронгов, — поддела ее Марсия, когда лимузин отъехал от космопорта и двинулся к городу.

— Была у меня такая мысль. — Карин спрятала улыбку за охапкой цветов. — Просто здесь для этого несколько прохладно.

— Но ведь ты не носила их там?

К счастью, прежде чем Марсия успела выжать из Карин ответ (или Карин придумала, как от него увернуться), вмешалась Оливия:

— Когда я увидела лимузин лорда Форкосигана, то подумала, что лорд Марк все-таки возвращается домой вместе с тобой, но мама сказала, что нет. Разве он не вернется на Барраяр к свадьбе?

— О да! Вообще-то он улетел с Колонии Бета еще раньше меня, но по дороге задержался на Эскобаре… — Карин чуть поколебалась. — По делам.

На самом деле Марк отправился на Эскобар за препаратами для потери веса, более сильными, чем те, что прописал бетанский терапевт. Он намеревался раздобыть их в клинике, которая принадлежала врачам, бежавшим с Архипелага Джексона, и в которую он сделал финансовые вложения. Он наверняка заодно проверит, как ведутся дела, так что Карин если и лгала, то не совсем.

Как раз из-за этого его сомнительного решения Карин с Марком оказались на грани своей первой серьезной ссоры, однако в конце концов Карин вынуждена была признать, что Марк имеет право решать сам. Проблемы веса и вообще всего, что связано с физическим состоянием, были одними из самых сложных психологических заморочек Марка. Карин начала инстинктивно понимать — если, конечно, она себе не льстит, — до какого момента она может давить на него, а когда достаточно просто подождать и позволить Марку бороться с Марком. Для нее было в некотором роде пугающей привилегией смотреть и слушать весь этот год, как врач Марка проводит тренинги. Но как же радостно чувствовать себя причастной к улучшению его состояния и узнавать, что существуют гораздо более важные аспекты любви, чем сумасшедшее торопливое спаривание. Взаимное доверие, например. И терпение. И, как это ни странно (кстати, едва ли не самое важное в случае с Марком), некоторая хладнокровная и отстраненная автономия. Карин потребовалось несколько месяцев, чтобы это понять, но у нее даже и в мыслях нет объяснять все это своей шумной, ехидной и любящей семейке.

— Вы с ним стали добрыми друзьями?.. — осторожно спросила мама.

— Ему нужен друг. — *Отчаянно нужен* .

— Он твой молодой человек? — Марсия всегда не выносила подтекстов, предпочитая говорить все прямо.

— Ты ему вроде как понравилась, когда он был тут в прошлом году, — заметила Делия. — А ты весь год повсюду с ним ходила на Колонии Бета. Он что, заторможенный?

— Полагаю, он достаточно сообразителен, чтобы быть интересным. Я хочу сказать, раз он близнец Майлза, то наверняка такой, но лично мне он кажется жутковатым, — добавила Оливия.

Карин напряглась.

«Если бы ты была клоном-рабом, выращенным террористами, готовящими из тебя

убийцу, обучающими тебя исключительно методом физических и психологических пыток, и тебе пришлось бы убить людей, чтобы сбежать, ты бы тоже скорее всего была бы жутковатой. Если ты не половая тряпка».

Марк далеко не был тряпкой. Он обладал колоссальной силой воли. Марк создавал себя заново, прилагая к этому титанические усилия, просто героические, хоть и не видимые чужому глазу. Карин представила себе, как пытается объяснить все это Оливии или Марсии, и тут же отбросила эту мысль. Делии… Нет, даже Делии нельзя ничего рассказывать. Достаточно лишь упомянуть о четырех полусамостоятельных скрытых личностях Марка, каждая из которых обладает своим прозвищем, чтобы разговор принял просто удручающий характер. А описание того, как потрясающе слаженно они действуют, чтобы поддерживать хрупкое равновесие, вряд ли соответствует представлению добропорядочного барраярского семейства о возможном зяте.

— Уймитесь, девочки, — добродушно сказал, улыбаясь, па, чем завоевал огромную благодарность Карин. Впрочем, он тут же добавил: — И все же, если нам предстоит ожидать сваху от Форкосиганов, мне бы хотелось знать об этом заранее, чтобы пережить шок. Майлза я знаю всю его жизнь. А вот Марк… Марк — совсем другое дело.

Они что, не могут представить мужчину в ее жизни в ином амплуа, кроме как в роли потенциального мужа? Карин вовсе не была уверена, что Марк — потенциальный муж. Он все еще усиленно трудился над собой, чтобы стать полноценным человеческим существом. На Колонии Бета все казалось таким ясным, а теперь Карин просто кожей ощущала сомнения, обуревавшие ее семейку. Нет, она очень правильно сделала, спрятав свои бетанские сережки.

— Не думаю, что дело дойдет до свахи, — честно ответила она.

— А! — Па с явным облегчением откинулся на сиденье.

— А он действительно так разжирел на Колонии Бета? — жизнерадостно поинтересовалась Оливия. — Мне почему-то казалось, что бетанский врач не должен был ему это позволять. Я думала, они должны излечить его от этого. Ну, то есть ведь он *уже* был жирным здесь.

Карин подавила желание дернуть себя за волосы, а еще лучше — Оливию.

— Где ты это услышала?

— Мама сказала, что ей сказала тетя Корделия, а той — ее мама, — четко изложила Оливия цепочку слухов. — Когда тетя Корделия приезжала сюда в Зимнепраздник на помолвку Грегора.

Весь этот год бабушка Марка была доброй бетанской крестной для обоих ошарашенных барраярских студентов. Карин знала, что бабушка Нейсмит все время поддерживает контакт со своей дочерью, которая тревожится за странного клон-сына, и снабжает ее информацией такой степени откровенности, какая возможна лишь между бетанцами. Бабушка Нейсмит часто пересказывала сообщения, которые отправляла или получала, а также передавала новости и поздравления. Карин сообразила, что как-то не предусмотрела возможность беседы между тетей Корделией и мамой. В конце концов, тетя Корделия ведь на Зергияре, а мама тут… Она вдруг поймала себя на том, что отчаянно подсчитывает, сравнивая два планетных календаря, стали ли они уже с Марком любовниками к прошлому Зимнепразднику, когда Форкосиганы в последний раз были дома. Уф, нет! Что бы ни было известно тете Корделии сейчас, тогда она этого еще не знала.

— Я думала, бетанцы просто перетряхивают тебе мозги так, как им нужно, — сказала Марсия. — Разве не могли они просто привести его в норму? Раз — и все! Почему на это уходит так много времени?

— В том-то и дело, — пояснила Карин. — Большую часть жизни Марку насильственно перекраивали тело и душу. Ему требуется время, чтобы разобраться, кто он есть, без вмешательства извне. Время, чтобы установить базисную черту, как говорит его врач. Видишь ли, у него сдвиг на тему лекарств. — Что явно не относится к тем, которые он добыл у беглецов с Архипелага Джексона. — Когда он будет готов… ладно, не важно.

— Но его лечение дает какой-то прогресс? — с сомнением поинтересовалась мама.

— О да, и огромный! — Карин обрадовалась, что наконец-то может сказать о Марке хоть что-то положительное.

— И какого рода? — вопросила озадаченная мама.

Карин представила, как лепечет: «О, он полностью излечился от спровоцированной пытками импотенции, и его научили быть ласковым и внимательным любовником. Его врач говорит, что она ужасно гордится им, а Пыхтун так просто в восторге. Обжора вел бы себя вполне умеренно, если бы Рева не привлекал его к своим нуждам, и это именно я сообразила, чем вызваны приступы обжорства. Врач Марка похвалила меня за догадку и наблюдательность и дала каталоги пяти различных бетанских курсов по подготовке психотерапевтов. И сказала, что поможет мне подобрать лучшие, если меня это заинтересует. Она еще пока не знает, что делать с Убийцей, но Убийца-то как раз меня беспокоит меньше всего. Я никак не могу совладать с Ревой. Вот, собственно, то, чего удалось достичь за год. И ах да! Невзирая на все эти внутренние стрессы и напряги, Марк — лучший студент самого сильного на Колонии Бета финансового института, если это, конечно, кого-нибудь интересует».

— Это довольно трудно объяснить, — только и смогла она выдавить наконец.

Пора менять тему. Наверняка можно спокойно обсудить дела на любовном фронте кое-кого другого.

— Делия! А твой комаррский жених знаком с комаррской невестой Грегора? Ты уже встречалась с ней?

Делия мгновенно заглотила наживку.

— Да. Дув знал Лаису еще на Комарре. У них были общие… э-э-э… научные интересы.

— Она умненькая, низенькая и пухленькая! — встряла Марсия. — У нее совершенно поразительные сине-зеленые глаза, и она введет моду на лифчики с прокладками. А ты и так впишешься. Ты что, набрала вес за этот год?

— Мы все познакомились с Лаисой, — вмешалась мама, прежде чем разговор перерос в свару. — Она очень милая. И очень умная.

— Да, — сказала Делия, метнув на Марсию испепеляющий взгляд. — И мы с Дувом очень надеемся, что Грегор не станет впустую растрачивать ее таланты на всякие светские мероприятия, хотя, конечно, кое в чем ей придется участвовать. У нее комаррская подготовка в экономике. Дув говорит, она могла бы возглавить министерские комитеты, если бы ей позволили. Во всяком случае, старым форам не удастся свести ее до уровня кобылы-производительницы. Грегор с Лаисой уже ясно всем дали понять, что намерены воспользоваться маточными репликаторами.

— А приверженцы традиций им ничего на это не возразили? — поинтересовалась Карин.

— Грегор сказал, что, если они начнут выступать, он отправит их дискутировать с леди Корделией, — хихикнула Марсия. — Если они осмелятся!

— Пусть только попытаются! Леди Корделия вручит им их же собственные головы на подносе, — весело заметил па. — А им отлично известно, что она на это способна. К тому же мы всегда можем предоставить в лице Оливии с Карин доказательства, что маточные репликаторы дают отличный результат.

Карин ухмыльнулась. Улыбка Оливии была более сдержанной. Демография их собственной семьи отражала появление на Барраяре галактической медицины, поскольку Куделки первыми из простых барраярцев воспользовались новым методом для двух младших дочерей. Через какое-то время девочкам до смерти надоело, что их демонстрируют всем и вся, как призовые овощи на окружной ярмарке, но Карин полагала, что это шло на пользу делу. В последнее время нужда в подобных демонстрациях практически отпала, поскольку новый метод стал принят повсеместно. По крайней мере в городах — и теми, кто мог себе это позволить. И тут она впервые задумалась, как себя чувствовали при этом «контрольные сестры» — Делия с Марсией.

— А твой Дув не говорит, как относятся комаррцы к этой свадьбе? — спросила Карин Делию.

— Отношение всякое, но что еще можно ожидать от завоеванного мира? Императорский Дом, разумеется, намерен использовать все возможные пропагандистские методы. Вплоть до проведения еще одной церемонии бракосочетания на Комарре в комаррских традициях. Бедные Грегор с Лаисой! В СБ все отпуска отменены до окончания этой самой второй церемонии, а значит, наша с Дувом свадьба откладывается до лучших времен. — Делия горестно вздохнула. — Что ж, зато, когда я наконец заполучу Дува, его ничто не будет отвлекать от меня. А сейчас он по уши занят своей новой работой. Он ведь первый комаррец, возглавивший Департамент по делам Комарры, и отлично знает, что сейчас он у всех на виду. Особенно если что-то пойдет не так, — скривилась Делия. — К вопросу о головах на подносе.

За этот год Делия изменилась довольно сильно. Раньше, когда она говорила о происходивших в Империи событиях, весь разговор крутился лишь вокруг того, что надеть (впрочем, эта тема в семействе Куделка всегда была животрепещущей). Карин уже начала думать, что этот малый, Дув Галени, вполне может ей понравиться. Зять, хм. К этой мысли еще надо привыкнуть.

Лимузин обогнул последний угол, и показался их дом. Куделки жили в последнем доме по улице, занимая симпатичное трехэтажное строение с окнами, выходящими в парк, — зеленый квадратик в центре столицы и буквально в десятке кварталов от резиденции Форкосиганов. Молодая пара купила особняк двадцать пять лет назад, когда па был личным военным помощником регента, а мама уволилась с должности телохранителя Грегора и его приемной матери, леди Корделии, чтобы родить Делию. Карин не могла сообразить, насколько за эти годы возросла цена дома, хотя могла дать голову на отсечение, что Марк с легкостью бы это подсчитал. Несколько академический интерес: у кого рука поднимется продать любимый старый дом, каким бы развалившимся он ни был? Карин радостно выпрыгнула из машины.

Лишь поздним вечером Карин подвернулась возможность поговорить с родителями наедине. Сперва нужно было распаковать вещи, затем раздать подарки, потом востребовать обратно свою комнату, которую сестрицы в отсутствие Карин нахально превратили в гардеробную. Потом последовал длинный семейный ужин, на который пригласили всех трех ее лучших подружек. И все говорили и говорили, кроме па, естественно, который молча потягивал вино и казался несколько удрученным тем фактом, что вынужден сидеть за ужином в окружении сразу восьми женщин. И за всей этой словесной шелухой Карин не сразу заметила, что никто ни слова не говорит о самых важных для нее вещах. И это показалось ей очень странным. Теперь она сидела на спинке родительской кровати, пока мама с па готовились отойти ко сну. Мама делала свой обычный комплекс спортивных упражнений. Даже после двух родов и всех прожитых лет у нее по-прежнему оставались литые мышцы тренированной спортсменки. Па прохромал по комнате, поставил трость со своей стороны кровати, неловко сел и принялся с улыбкой наблюдать за женой. Карин заметила, что он стал совсем седым. Роскошные золотистые волосы мамы, заплетенные в косу, в краске не нуждалась, хотя в них и появился серебристый оттенок. Неловкие руки па приступили к снятию полусапог. Глаза Карин никак не могли перестроиться. Барраярцы на шестом десятке выглядели как бетанцы в семьдесят пять или даже в восемьдесят пять. А у ее родителей была трудная молодость, на которую пришлась война и нелегкая служба. Карин откашлялась.

— Я насчет учебы на следующий год, — начала она, нацепив свою самую сияющую улыбку.

— Ты ведь имеешь в виду университет округа, да? — уточнила мама, держа уголок у «шведской» стенки и считая про себя до двадцати. — Не для того мы вкладывали марки в твое галактическое обучение, чтобы останавливаться на полпути. Это было бы ужасно.

— О да, я намерена продолжать учебу. Я хочу обратно на Колонию Бета.

Вот все и сказано.

Повисло короткое молчание. Затем па жалобно произнес:

— Ты ведь только что приехала, лапушка!

— Я и хотела приехать домой, — заверила она его. — Хотела вас всех увидеть. Я просто думала… что уже пора строить дальнейшие планы. Зная, что дело того стоит.

— Это что, начало кампании? — поднял бровь па.

Карин подавила раздражение. Можно подумать, она все еще маленькая девочка, выпрашивающая пони. Речь идет о ее дальнейшей жизни.

— Планы. Я серьезно.

— На сей раз ты знаешь, чему хочешь учиться? — Мама говорила медленно, может, потому что думала, а может, из-за того, что качала пресс. — То, что ты выбрала в прошлом году, по-моему, несколько… эклектично.

— Я отлично справлялась со всеми предметами, — принялась защищаться Карин.

— По всем четырнадцати абсолютно не взаимосвязанным курсам, — пробормотал па. — Это верно.

— Но выбор был такой большой!

— В округе Форбарр-Султан тоже есть много из чего выбирать, — указала мама. — Гораздо больше, чем ты сможешь выучить за две жизни, даже бетанских. И дорога куда дешевле.

Но в Форбарр-Султане не будет Марка. Он уедет обратно на Бету .

— Психотерапевт Марка предлагала мне поучиться своей профессии.

— Это твое последнее увлечение? — поинтересовался па. — Психоинженерия?

— Не уверена, — честно ответила Карин. — Это интересно… То, как они это делают на Бете.

Только вот прельщает ее психотерапия как таковая или лишь психология Марка? Карин и сама не знала в точности. А может, и знала. Просто ей не слишком нравилось, как прозвучал ответ.

— Безусловно, человек с любой галактической медицинской или технической подготовкой будет приветствоваться на Барраяре. Если ты сможешь сосредоточиться на чем-то одном на достаточно долгий срок… Проблема в деньгах, дорогая. Без стипендии леди Корделии мы не могли даже мечтать отправить тебя учиться на другую планету. А насколько мне известно, ее стипендия на следующий год уже отдана другой девочке.

— Я и не собиралась ее снова о чем-то просить. Она и так уже очень много для меня сделала. Но есть возможность получить бетанскую стипендию. А летом я могу поработать. Это — и то, что вы в любом случае потратили бы на мою учебу в университете округа… Вы ведь не думаете, что такая мелочь, как деньги, остановила бы, скажем, лорда Майлза?

— Сомневаюсь, что Майлза остановит и плазмотрон, — ухмыльнулся па. — Но он, скажем так, особый случай.

Карин на мгновение задумалась. Интересно, а что на самом деле двигало Майлзом? Ярость разочарования, примерно такая же, что подогревала ее решимость? И какой силы ярость? Может, Марк с его преувеличенной воинственностью в отношении своего породителя и близнеца видел в Майлзе что-то такое, что ускользало от нее?

— Наверняка мы можем найти выход. Если все вместе попытаемся.

Мама с па переглянулись.

— Боюсь, дело обстоит не так просто, — сказал па. — Чтобы оплатить учебу всех вас и лечение твоей бабушки — пока она была жива, — мы два года назад заложили дом на побережье.

— Мы сдаем его внаем на все лето, кроме одной недели, — вставила мама. — Мы подумали, что со всеми предстоящими в Праздник Середины Лета событиями у нас все равно практически не будет времени выезжать из столицы.

— А твоя мама теперь ведет курсы по самообороне и безопасности для сотрудников

министерств, — добавил па. — Так что она делает все, что может. Боюсь, у нас практически не осталось свободных денег.

— Мне нравится преподавать, — улыбнулась мама. (Успокаивая папу?) И добавила для Карин: — И это куда лучше, чем продать дом на море, чтобы расплатиться с долгами, а мы одно время опасались, что так и придется поступить.

Потерять домик на море, где прошло ее детство? Карин пришла в ужас. Сама леди Элис Форпатрил подарила этот домик на восточном побережье супругам Куделкам на свадьбу много лет назад. Вроде бы за спасение жизни ей и лорду Айвену во время дворцового переворота Фордариана. Карин и не подозревала, что они так ограниченны в средствах. Пока не подсчитала, сколько у нее старших сестер и не прикинула их потребности… хм.

— Могло быть и хуже, — добродушно заметил па. — Прикинь, во сколько обошлось бы содержание этого гарема в прежние времена, когда за каждой нужно было давать приданое!

Карин послушно улыбнулась — он повторял эту шутку уже пятнадцать лет — и испарилась. Придется ей искать другой выход. И искать самостоятельно.

Зеленая зала императорского дворца по пышности превосходила все конференц-залы, в которых Майлзу приходилось когда-либо протирать штаны. Обитые шелком стены, тяжелые драпировки и толстые ковры приглушали звуки и создавали какое-то подводное ощущение, а элегантно поданный чай в изящном сервизе побивал по всем параметрам паек в пластиковой упаковке — непременный атрибут любых военных совещаний. Лучи весеннего солнца били в окна, рисовали золотистые полосы на полу. Майлз словно загипнотизированный следил, как удлиняются эти полосы, символизируя течение времени.

Неизбежный военный оттенок встрече придавало присутствие троих людей в форме: полковника лорда Форталы-младшего — главы подразделения СБ, обеспечивающего безопасность на императорской свадьбе; капитана лорда Айвена Форпатрила, послушно ведущего записи для леди Элис (в точности как он бы делал это в качестве адъютанта командира на любом совещании Генштаба), и командора Дува Галени, главы Департамента СБ по делам Комарры. Галени уже сейчас готовился к тому знаменательному дню, когда все это шоу проиграют на Комарре «на бис». Интересно, подумал Майлз, не черпает ли из всего этого суровый сорокалетний Дув идеи для собственной свадьбы с Делией Куделкой, или у него хватит здравого смысла залечь на дно, предоставив свободу действий куда более компетентным дамам Куделкам, всем пятерым. Майлз предложил бы Дуву в качестве убежища особняк Форкосиганов, только вот барышни наверняка его там выловят.

Грегор с Лаисой пока довольно неплохо выдерживали все это безумие. Тридцатипятилетний император был высоким, худощавым, темноволосым и суховатым. Доктор Лаиса Тоскане — маленькая, с пепельными кудрями и сине-зелеными глазами (частенько весело щурившимися), обладала такой фигурой, что Майлзу, к примеру, хотелось зарыться в нее на зиму. Конечно, чисто теоретически — на практике он ни за что бы не стал отнимать у Грегора счастливый билет. По правде говоря, Майлз считал все эти затянувшиеся публичные церемонии, которые не позволяли Грегору насладиться добычей, жестокостью на грани садизма. Если, конечно, предположить, что Грегор с Лаисой *воздерживаются* …

Голоса продолжали звучать, и мысли Майлза текли дальше. Он мечтательно прикинул, где лучше устроить свою свадьбу с Катрионой. В бальном зале особняка Форкосиганов, в самом сердце Империи? Много народу там не уместится. А Майлзу хотелось, чтобы свидетелей его торжества было много. Или он как наследник графства обязан из политических соображений устроить это шоу в столице округа Форкосиганов Хассадаре? Современная графская резиденция в Хассадаре всегда больше смахивала на гостиницу, чем на дом, окруженная бесчисленными бюрократическими конторами. Пожалуй, самое романтическое место — усадьба в Форкосиган-Сюрло, сады над длинным озером. Да, свадьба на открытом воздухе. Катриона это понравится. И — в некотором смысле — позволит присутствовать на бракосочетании сержанту Ботари, да и генералу Петеру тоже.

Верил ли ты, дедушка, что для меня когда-нибудь настанет такой день? Само собой, притягательность мероприятия зависит от времени года. В середине лета все будет чудесно, но вот в середине зимы, когда с озера задувает пронизывающий ветер и метет метель? Да, пожалуй, зимой в усадьбе будет не слишком романтично. Да и потом, не факт, что ему удастся привести Катриону к венцу раньше осени, а откладывать торжества до следующей весны будет столь же болезненным, как то, что сейчас творят с Грегором…

Напротив Майлза за столом Лаиса взяла следующую страничку из бумаг, быстро проглядела и воскликнула:

— Да это же несерьезно!

Сидящий рядом с невестой Грегор всполошился и попробовал заглянуть ей через плечо.

Ого! Мы должны были уже добраться до двенадцатой страницы! Майлз мгновенно подобрался и изобразил полное внимание.

Леди Элис одарила его ледяным взглядом и сурово посмотрела на Лаису. Эта затянувшаяся на полгода богадельня, которая началась с помолвки в Зимнепраздник и должна была завершиться свадьбой в Праздник Середины Лета, была венцом карьеры леди Элис — официальной хозяйки двора Грегора. И она весьма недвусмысленно дала понять, что Все Пройдет Как Надо.

Проблема, собственно, состояла в том, что каждый понимал это самое Как Надо по-своему. Последний раз свадьба правящего императора пришлась на разгар войны — это было бракосочетание деда Грегора императора Эзара с сестрой Ури Безумного. Однако то ли из исторических, то ли из эстетических соображений леди Элис решительно не желала брать ее за образец, что существенно осложняло дело, поскольку остальные императоры — практически все — к моменту вступления на престол были уже женаты, и давно. Правда, имелся еще один прецедент — брак императора Влада Форбарра Разумного с леди Форлайтли. Но увы! Сие достославное событие пришлось как раз на самое темное время Периода Изоляции.

— Неужели они действительно заставили несчастную невесту раздеваться донага на глазах у всех присутствующих?! — вопросила Лаиса, указывая на соответствующую цитату из исторических летописей.

— О, Владу тоже пришлось раздеться, — добродушно успокоил ее Грегор. — Родственники невесты наверняка настояли. Своего рода обязательный медицинский осмотр. На случай, если у будущих отпрысков обнаружатся какие-нибудь мутации, каждая из сторон желала иметь возможность доказать, что это не по их линии.

— В наши дни этот обычай практически сошел на нет, — заметила тетя Элис. — Если он где и сохранился, так в самых глухих местах у некоторых этнических групп.

— Леди Элис имеет в виду греческое меньшинство, — перевел для Лаисы Айвен. Услышав столь прямолинейное объяснение сына, леди Форпатрил поморщилась.

Майлз негромко откашлялся:

— Вообще-то императорскую свадьбу могут рассматривать в плане возрождения некоторых забытых древних традиций. Лично я предпочел бы, чтобы данная традиция не попала в их число.

— Вредитель! — заявил Айвен. — А я вот считаю, что такой обряд добавит перчинки в нынешние брачные церемонии. Уж куда лучше, чем состязание в тостах.

— За которым следует состязание в блевании, — пробормотал Майлз. — Не говоря уж о весьма захватывающих форских гонках ползком. Кажется, одну из них ты как-то раз выиграл, Айвен? Верно?

— Я просто поражен, что ты это помнишь. Разве обычно не ты первым выпадаешь в осадок?

— Господа, — ледяным тоном произнесла леди Элис, — на сегодняшнем совещании нам предстоит решить еще множество вопросов, и ни один из вас не уйдет отсюда, пока мы не закончим. — Она выдержала многозначительную паузу, подчеркивающую серьезность

заявления, и продолжила: — Я вовсе не собиралась в точности воспроизводить этот древний обычай, Лаиса, но поставила его в список потому, что для некоторых наиболее консервативных барраярцев он представляет собой неотъемлемую часть нашей культуры. Я надеялась, что мы сможем изобрести более современную версию, которая послужит той же психологической цели.

Дув Галени задумчиво нахмурился.

— Опубликовать результаты их генсканирования? — предложил он.

Грегор поморщился, взял невесту за руку, посмотрел на нее и улыбнулся:

— Уверен, что у Лаисы все в порядке.

— Ну разумеется! — начала она. — Мои родители проверили все еще до того, как поместить меня в маточный репликатор…

— Не сомневаюсь, что ты была очень миленьким зародышем, — поцеловал ей ладошку Грегор.

Лаиса кокетливо хихикнула. Элис улыбнулась, Айвен выглядел так, будто его вот-вот вывернет наизнанку. Полковник Фортала, привыкший за многие годы в Форбарр-Султане ко всяким сценам, ухитрился сохранить почти полную невозмутимость. Галени, практически не уступая полковнику в выдержке, лишь чуть напрягся.

Майлз воспользовался моментом и, наклонившись к Дуву, тихонько спросил:

— Тебе Делия сказала, что Карин вернулась?

— Да, — тут же просветлел Дув. — Надеюсь, я вечером ее увижу.

— Я хочу кое-что предпринять в виде поздравления с прибытием. И подумывал в этой связи вскорости пригласить все семейство Куделка на ужин. Ты как?

— Разумеется!

Грегор оторвал наконец влюбленный взгляд от Лаисы и размягченным тоном произнес:

— Спасибо, Дув. Какие еще будут предложения?

Грегор явно не жаждал доводить до сведения широкой общественности результаты своего генсканирования. Майлз быстренько прикинул существующие в разных регионах варианты.

— Вы могли бы устроить своего рода обмен. Делегаты от каждой группы родственников или еще кто-нибудь, по вашему выбору, из тех, кто имеет на это право и обладает достаточным авторитетом, в свадебное утро в обществе врача придут к каждому из вас и произведут быстрый медицинский осмотр. Затем в подходящий момент свадебной церемонии каждая делегация публично заявляет о том, что все в порядке. Скрытый осмотр — публичное заявление. Скромность и честь сохранены, паранойя удовлетворена, все довольны.

— А вы в это же время спокойно принимаете транквилизаторы, — сообщил Айвен с хищной улыбкой. — Готов поспорить, к тому моменту они вам обоим уже понадобятся.

— Премного благодарен, Айвен, — пробормотал Грегор. — Какой ты заботливый!

Лаиса лишь вежливо кивнула.

Леди Элис расчетливо сощурилась:

— Грегор? Лаиса? Такой вариант для вас приемлем?

— По мне, так сойдет, — заявил Грегор.

— Не думаю, что мои родители станут возражать против участия в этом, — сказала Лаиса. — Хм… Грегор, а кто выступит в роли твоих родителей?

— В свадебном кругу их место займут граф и графиня Форкосиган, естественно, — ответил Грегор. — Так что, видимо, они и будут… Майлз?

— Мать и глазом не моргнет, — кивнул Майлз. — Хотя не могу гарантировать, что удержится от резких высказываний в адрес барраярцев. Отец…

За столом повисло вызванное политическими проблемами молчание. Глаза присутствующих обратились на Дува Галени, который едва заметно сжал челюсти.

— Дув, Лаиса, — постучала наманикюренным ногтем по столу леди Элис. — Будьте любезны дать социально-политический ответ с точки зрения комаррцев на этот вопрос. И

откровенно.

— Лично у меня нет возражений против графа Форкосигана, — сказала Лаиса.

Дув вздохнул:

— Мне кажется, что любой напряженности, какой можно избежать, нам следует избегать.

Отлично сказано, Дув. Ты у нас еще станешь политиком .

— Иными словами, идея отправить Мясника Комарры оценивать их обожаемую жертвенную невесту будет принята на Комарре примерно столь же радостно, как чума, — подвел итог Майлз, поскольку больше никто не мог взять на себя эту обязанность. Ну, разве что Айвен. Леди Элис же потребовалось бы некоторое время, чтобы выдать политически корректную формулировку. Галени благодарно глянул на Майлза.

— И это вполне понятно, — продолжил Майлз. — Если нарушение симметрии не покажется слишком заметным, в качестве делегации со стороны Грегора можно послать маму с леди Элис. Возможно, в обществе какой-нибудь родственницы из семьи матери Грегора принцессы Карин. Барраярские консерваторы это слопают за милую душу, поскольку забота о сохранении генофонда спокон веку была женским делом.

Сидящие за столом барраярцы согласно закивали. Одарив Майлза быстрой улыбкой, леди Элис вычеркнула данный пункт.

Длинный и сложный диспут возник при обсуждении вопроса, следует ли брачующимся повторять клятвы на всех четырех языках Барраяра. Затем последовали получасовые дебаты на тему, как освещать свадьбу в планетарных и галактических СМИ, в процессе которых Майлз, при поддержке со стороны Галени, ухитрился ловко отвертеться от всех прочих задач, требующих его непосредственного участия. Добравшись до следующей страницы, леди Элис нахмурилась:

— Кстати, Грегор, ты уже принял решение по делу Форбреттена?

Грегор покачал головой:

— Пока что я всячески пытаюсь избегать публичных заявлений. Во всяком случае, до тех пор, пока Совет Графов не закончит мусолить это дело. Какое бы решение ни принял Совет, апелляция проигравшей стороны неизбежно свалится на меня.

Майлз растерянно заглянул в свои записи. Следующим пунктом у него шло: «Расписание званых обедов».

— Дело Форбреттена?

— Ну ты же наверняка слышал о скандале… — начала леди Элис. — Ах, ну да! Ты как раз в то время был на Комарре. Разве Айвен тебе не рассказал? Бедный Рене! Вся семья бурлит, как растревоженный улей.

— Что-то произошло с Рене Форбреттеном? — встревожился Майлз. Рене учился на два курса старше Майлза в академии и вроде бы шел по стопам своего блестящего отца. Коммодор лорд Форбреттен был блистательным протеже Майлзова отца в Генштабе вплоть до своей безвременной, хоть и героической гибели под цетагандийским огнем во время войны у Ступицы Хеджена десять лет назад. Меньше чем через год после этого скончался старый граф Форбреттен — как утверждали некоторые, с горя от утраты любимого сына. Рене пришлось оставить многообещающую военную карьеру и приступить к обязанностям графа в родовом округе. Три года назад, после стремительного романа, за которым с наслаждением следил весь Форбарр-Султан, он женился на прекрасной восемнадцатилетней дочери богатенького лорда Форкереса.

— Ну… — протянул Грегор, — можно сказать и так… Хм…

— Хм — что?

Леди Элис вздохнула.

— Граф и графиня Форбреттен, решив, что пришло время выполнить свой долг перед семьей, надумали воспользоваться для своего первенца маточным репликатором, а заодно исправить все генетические дефекты зародыша, ежели таковые обнаружатся. Для чего, естественно, оба прошли генсканирование.

— Рене выяснил, что он мутант? — изумился Майлз. Высокий, красивый, атлетически сложенный Рене? Рене, свободно говорящий на четырех языках бархатным баритоном, от которого женщины просто млели? Рене, играющий на трех музыкальных инструментах, да к тому же еще и умеющий замечательно петь? Рене, который мог заставить даже Айвена скрежетать зубами от зависти к его физическому совершенству?

— Не совсем, — вымолвила леди Элис, — если, конечно, не считать генетическим дефектом, что он на одну восьмую цетагандийский гем-лорд.

— Ого! — Майлз обомлел. — И когда же это произошло?

— Уж подсчитать-то ты можешь и сам, — буркнул Айвен.

— Смотря по какой линии это идет.

— По мужской, — уточнила леди Элис. — К сожалению.

Так, все верно. Дед Рене, будущий седьмой граф Форбреттен, действительно родился в разгар цетагандийской оккупации. Форбреттены, как и многие барраярцы, делали все возможное, чтобы выжить…

— Значит, прабабка Рене…

— Исходя из малого количества сохранившихся в СБ документов, — ответил Грегор, — можно предположить, что, по всей вероятности, это было добровольное и довольно-таки продолжительное сожительство с одним — или несколькими высокопоставленными гем-офицерами из дислоцировавшегося в округе оккупационного корпуса. В любом случае теперь уже некому сказать, было ли это по любви, из чувства самосохранения, или же леди Форбреттен пыталась обезопасить семью, расплатившись единственной имевшейся у нее монетой.

— А возможно, и по всем трем перечисленным причинам, — сказала леди Элис. — Жизнь в оккупированной зоне — штука непростая.

— Как бы то ни было, — продолжил Грегор, — изнасилованием это, судя по всему, не было.

— Бог ты мой! Ну и… э-э-э… известно, кто из гем-лордов был предком Рене?

— Теоретически Совет Графов мог бы отправить результаты генсканирования на Цетаганду и легко это выяснить, но, насколько мне известно, пока что решил этого не делать. Впрочем, данный вопрос представляет всего лишь академический интерес. А вот что гораздо существеннее, так это тот факт, что седьмой граф Форбреттен не был сыном шестого графа.

— Я слышал, как на прошлой неделе Рене в Генштабе называли Гембреттеном, — сообщил Айвен.

Грегор поморщился.

— Меня больше всего удивляет, что Форбреттены допустили утечку информации, — заметил Майлз. — Или их продал врач или медтехник?

— М-м-м… Не совсем так. К тому же у истории есть продолжение, — сказал Грегор. — Они и не собирались этого афишировать. Но Рене сказал своим сестрам и брату, посчитав, что у них есть право знать, а юная графиня сообщила своим родителям. А дальше — кто знает. Так или иначе слухи дошли до Сигура Форбреттена, прямого потомка младшего брата шестого графа Форбреттена и к тому же зятя графа Бориса Формонкрифа. Каким-то образом Сигур — у нас есть встречный иск по поводу его методов — заполучил копию результатов генсканирования Рене. И граф Формонкриф подал иск в Совет Графов от имени своего зятя, требуя титул и округ Форбреттенов для Сигура. И там этот иск и застрял.

— Ого! Ну и… Рене еще граф — или уже нет? Он был по всей форме представлен Совету Графов. Черт, да я сам при этом присутствовал, если вспомнить. А граф не обязан быть сыном предыдущего графа — были и племянники, кузены, представители боковых ветвей, полный обрыв рода вследствие войн или измены. Никто еще не упоминал лорда Полуночника, жеребца пятого графа Форталы? Если уж лошадь может унаследовать графство, то я не вижу, по какой причине его не может унаследовать цетагандиец. Частичный цетагандиец.

— К тому же я сильно сомневаюсь, что отец лорда Полуночника был женат на его

матери, — весело заметил Айвен.

— Как я слышал, обе стороны ссылаются на этот случай как на прецедент, — заговорил лорд Фортала, прямой потомок пресловутого пятого графа. — Одни — потому что лошадь была утверждена в качестве наследника, вторые — потому что утверждение было впоследствии отменено.

Галени изумленно покачал головой. Лаиса, закусив костяшки пальцев, молчала как рыба. В ее глазах плясали смешинки.

— И как Рене все это воспринял? — поинтересовался Майлз.

— В последнее время он мало показывается на публике, — озабоченно ответила леди Элис.

— Я… Возможно, я к нему заскочу.

— Это было бы неплохо, — серьезно заметил Грегор. — Сигур пытается наложить лапу на все, что принадлежит Рене, но при этом дал понять, что готов удовлетвориться лишь титулом и всем, что к нему прилагается. Я предполагаю, что есть еще собственность, унаследованная по женской линии.

— А пока суд да дело, — добавила леди Элис, — Сигур прислал мне в офис письмо с требованием предоставить положенное ему по праву как графу Форбреттену место на свадебной церемонии. А Рене прислал письмо, где требует, чтобы Сигура вычеркнули из списка приглашенных, поскольку дело еще не решено в пользу Сигура. Так как, Грегор? Который из них вложит руки в ладони Лаисы, когда ее провозгласят императрицей, если к тому моменту Совет Графов не приведет к общему знаменателю то, что у них считается коллективным мнением?

Грегор потер переносицу, на мгновение прикрыв глаза.

— Не знаю. Может, пусть будут оба? Временно.

— Вместе? — Леди Элис состроила изумленную гримасу. — Страсти кипят вовсю, как я слышала. — Она сурово глянула на Айвена. — Подстегиваемые некоторыми недоумками, которые находят эту весьма болезненную ситуацию смешной.

Айвен расплылся было в улыбке, но быстренько передумал.

— Некоторые считают, что они не станут устраивать скандал, чтобы не портить столь знаменательное событие, — ответил Грегор. — Особенно если принять во внимание, что их петиции ко мне все еще находятся в подвешенном состоянии. Думаю, мне следует найти способ дать им это ненавязчиво понять. На данный момент я вынужден избегать обоих… — Его взгляд упал на Майлза. — А, лорд Аудитор Форкосиган! По-моему, эта задача вполне вписывается в круг ваших обязанностей. Не будете ли вы столь любезны напомнить обоим о деликатности их положения, если вдруг покажется, что ситуация начинает выходить за рамки?

Поскольку официальное описание работы Имперского Аудитора по сути формулировалось как «все, что тебе угодно, Грегор», Майлз никак не мог оспорить просьбу. Что ж, могло быть и хуже. Он содрогнулся при одной только мысли, сколько хлопот могли бы уже сегодня на него навесить, не приди он на совещание.

— Да, сир, — вздохнул Майлз. — Сделаю что смогу.

— Скоро уже пора приступать к рассылке официальных приглашений, — сообщила леди Элис. — Так что дайте мне знать, если возникнут изменения.

Она взяла последнюю страницу.

— Да, Майлз, твои родители еще не сообщили, когда в точности они прибудут?

— Я полагал, вы узнаете об этом раньше, чем я. Грегор?

— В полное распоряжение вице-короля предоставлены два имперских корабля, — сказал Грегор. — Граф Форкосиган заверил меня, что, если на Зергияре не случится ничего непредвиденного, он хотел бы на сей раз прибыть в несколько более удачный срок, чем в прошлый Зимнепраздник.

— Они прилетят вместе? Я думал, мама приедет раньше, чтобы помочь леди Элис, — удивился Майлз.

— Я очень люблю твою маму, Майлз, — вздохнула тетя Элис, — но после помолвки, когда я предложила ей приехать и помочь мне с приготовлениями к свадьбе, она сказала, что Грегору с Лаисой лучше всего просто-напросто удрать.

Услышав это заявление, Грегор с Лаисой заметно оживились и сжали под столом друг другу руки. Леди Элис, заметив опасный намек на бунт, встревоженно нахмурилась.

— Ну конечно! — ухмыльнулся Майлз. — Именно это она и проделала в свое время! В конце концов, у нее же все получилось.

— Не думаю, что она говорила серьезно, но с Корделией ничего никогда не знаешь точно. Просто удивляюсь, насколько вся эта ситуация будит в ней бетанку. Так что я очень рада, что она в данный момент на Зергияре. — Леди Элис заглянула в записи: — Фейерверк.

Майлз моргнул, затем сообразил, что это не предсказание возможного результата столкновения мировоззрений его бетанки-матери и барраярки-тетки, а просто последний — слава тебе, Господи! — вопрос сегодняшней повестки дня.

— Да! — радостно заулыбался Грегор. Все сидящие за столом барраярцы, включая леди Элис, несколько оживились. Может, просто национальная страсть ко всему, что делает «бум»?

— По какому графику? — спросила леди Элис. — Конечно, будет традиционный для Праздника Середины Лета салют, вечером после парада. Хотите, чтобы фейерверк был каждый вечер все три дня до свадьбы и вечером после свадебной церемонии?

— Дай-ка мне поглядеть на затраты, — обратился Грегор к Айвену. Тот послушно протянул ему расчеты. — Хм. Мы же не хотим, чтобы люди пресытились зрелищем, верно? Пусть другие организации, такие как городские власти Форбарр-Султана и Совет Графов, обеспечат развлечения на три промежуточных вечера. И увеличьте ассигнования на послесвадебные народные гулянья на пятьдесят процентов из моей личной казны как графа Форбарра.

— О-о! — восторженно протянул Айвен и немедленно ввел изменения. — Здорово!

Майлз потянулся. Наконец-то все.

— Ах да, чуть не забыла! — спохватилась леди Элис. — Вот твое расписание приемов, Майлз.

— Мое — что? — Он машинально взял у тетки листок.

— Грегор с Лаисой получили на неделю между парадом и свадьбой десятки приглашений от различных организаций — от Союза Ветеранов до гильдии городских пекарей. А также адвокатов, банкиров, пивоваров. Не говоря уже обо всех остальных по алфавиту. Естественно, это гораздо больше, чем Грегор с Лаисой в состоянии посетить. Разумеется, они посетят самые значительные, но следующую треть тебе придется взять на себя как шаферу Грегора.

— А кто-нибудь из них пригласил меня как такового? — поинтересовался Майлз, изучая список. Как минимум тринадцать званых обедов и церемоний за три дня. — Или их ожидает ужасный сюрприз? Я не в состоянии все это съесть!

— Побольше налегай на десерт, малыш! — расплылся в улыбке Айвен. — Спасти императора от несварения желудка — твой долг!

— Конечно, их известят. Возможно, на некоторых встречах тебе придется произнести речи. А вот твой график, Айвен, — добавила леди Форпатрил.

Айвен пробежал взглядом листок, и его ухмылка увяла.

— Кто бы мог подумать, что в этом чертовом городе столько разных гильдий…

Майлза посетила чудесная мысль — на некоторые из этих посиделок он может взять с собой Катриону! Да, пусть полюбуется на лорда Аудитора Форкосигана в действии! А ее строгая и спокойная элегантность немало поспособствует его имиджу. Он приосанился, сложил листок и сунул в карман.

— А нельзя на некоторые отправить Марка? — заныл Айвен. — К этому времени он уже будет здесь. А он тоже Форкосиган. И, безусловно, знатнее Форпатрила. А уж что этот парень точно умеет, так это поглощать пищу!

При последнем замечании брови Галени невольно поползли вверх, хотя он и постарался сохранить невозмутимость. Не думает ли Дув, что другим великим талантом Марка является умение убивать? *По крайней мере он не ест тех, кого убивает.*

Майлз собрался было отбрить Айвена, но тетя Элис его опередила:

— Будь любезен хоть изредка шевелить мозгами, Айвен! Лорд Марк не императорский шафер и не Имперский Аудитор, он не обладает опытом в светских делах. И несмотря на все что сделали для него в прошлом году Эйрел с Корделией, большинство по-прежнему считает его положение в семье скорее вызовом обществу. К тому же, как мне дали понять, он еще недостаточно здоров, чтобы выдержать стресс многолюдных сборищ. Несмотря на лечение.

— Я пошутил, — пробормотал Айвен. — А как еще можно пережить всю эту бодягу, если не спасаться чувством юмора?

— Приложив усилия! — отрубила его мать.

На этой угнетающей фразе совещание закончилось.

Глава 3

Весенний прохладный ветерок ерошил волосы Майлза, когда он вступил под навес у дверей дома Фортицев. Этим серым днем темно-серый фасад здания казался несколько расплывчатым. Катриона невольно отодвинула эту встречу, переслав проекты сада по комму. К счастью, не пришлось изображать, что ему трудно сделать выбор: оба проекта были по-своему великолепны. Майлз очень надеялся, что они с Катрионой проведут несколько часов голова к голове у дисплея, сравнивая и обсуждая проекты.

Воспоминания об эротическом сне, приснившемся под утро, согревали душу. Во сне он снова видел их первую встречу в саду Фортицев, но в ночной версии Катриона оказала ему куда более теплый прием, принявший неожиданный и весьма приятный оборот. Только вот за каким чертом дурацкое подсознание так сильно беспокоилось о травяных пятнах на коленях брюк, вместо того чтобы рисовать побольше приятных моментов? Да и закончился сон слишком быстро…

Госпожа профессор открыла дверь, приветливо улыбаясь.

— Заходи, Майлз. — И добавила, когда он прошел в коридор: — Я никогда не говорила, насколько я тебе признательна, что ты предварительно звонишь?

Царившая в доме Фортицев библиотечная тишина была нарушена. Походило на то, что тут идет вечеринка. Майлз изумленно повернулся налево, к дверям в гостиную. Оттуда доносилось звяканье чашек и стаканов и лился аромат чая и абрикосовых пирожных.

Катриона с вежливой улыбкой — и напряженной складочкой между бровей — сидела в углу в мягком фундаментальном кресле своего дяди с чашкой в руках. А на стульях подле нее расположились трое мужчин: двое в мундирах и один в штатском.

Кряжистого офицера с майорскими петлицами и эмблемами Генштаба на высоком воротнике Майлз не признал. Другим офицером был лейтенант Алекс Формонкриф, с которым Майлз был немного знаком. У Формонкрифа тоже светились на воротнике эмблемы Генштаба. Третий мужчина, в великолепно сшитом костюме, прославился главным образом тем, что всячески избегал любой работы. Байерли Форратьер никогда не поступал на военную службу. Сколько Майлз его знал, он был городским шутом. Байерли обладал великолепным вкусом во всем, кроме своих пороков. Майлз не стал бы знакомить с ним Катриону даже после свадьбы.

— Откуда они взялись? — вполголоса поинтересовался Майлз у мадам профессор.

— Майор Замори учился у меня на предпоследнем курсе пятнадцать лет назад, — тихонько ответила госпожа Фортиц. — Он принес мне книгу, которая, как он сказал, должна мне понравиться. И он совершенно прав. У меня уже есть экземпляр. Молодой Формонкриф явился, чтобы обсудить с Катрионой родословную. Он считает, что они могут оказаться родственниками, поскольку его бабушка была Форвайн, тетка министра тяжелой промышленности.

— Да, знаю.

— Они провели за этим занятием час и выяснили, что, хотя Форвейны и Форвайны действительно исходят из одного корня, но семьи разделились как минимум пять поколений назад. А почему здесь Бай Форратьер, понятия не имею. Он не снизошел до объяснений.

— Бай в объяснениях не нуждается.

И вообще истинная причина появления здесь этой троицы вполне очевидна. И вот пожалуйста: Катриона сидит в углу, сжимая в руках чашку, и вид у нее как у загнанного зверька. Они что, не могли придумать чего-нибудь поумнее, чем эти насквозь прозрачные предлоги?

— А мой кузен Айвен тоже здесь? — с опасной ноткой в голосе спросил Майлз. Ежели подумать, что Айвен служит в Генштабе… Один раз — случайность, дважды — совпадение…

— Айвен Форпатрил? Нет. О Господи, он что, тоже может прийти? У меня закончились пирожные. Я принесла их профессору на десерт к сегодняшнему ужину…

— Думаю, что нет, — пробормотал Майлз.

Нацепив вежливую улыбку, он шагнул в гостиную. Госпожа Фортиц проследовала за ним.

Катриона просветлела и с улыбкой поставила чашку на поднос.

— О, лорд Форкосиган! Я так рада, что вы пришли! Хм… Вы знакомы с этими господами?

— С двумя из них, сударыня. Доброе утро, Формонкриф. Привет, Байерли.

Трое знакомцев обменялись осторожными кивками.

— Доброе утро, милорд Аудитор, — вежливо проговорил Формонкриф.

— Майор Замори, лорд Аудитор Майлз Форкосиган, — представила госпожа профессор.

— Добрый день, сэр, — поздоровался Замори. — Я о вас наслышан. — Взгляд майора был прямым и бесстрашным, несмотря на явное численное преимущество форов. Впрочем, Формонкриф был всего лишь лейтенантом, а Байерли Форратьер вообще никакого звания не имел. — Вы пришли повидаться с лордом Аудитором Фортицем? Он только что ушел.

— Он пошел прогуляться, — кивнула Катриона.

— Под дождем?

Профессор слегка закатила глаза, из чего Майлз сделал вывод, что ее муж попросту сбежал, предоставив ей самой справляться с ролью дуэньи при племяннице.

— Не имеет значения, — бросил Майлз. — Я вообще-то пришел обсудить кое-какие дела с госпожой Форсуассон.

И если они подумают, что это важные государственные дела лорда Аудитора, а не личное дело лорда Форкосигана, то кто он такой, чтобы их разубеждать?

— Да, — кивком подтвердила Катриона.

— Прошу прощения, что помешал вам, — добавил Майлз в виде намека. Он не стал садиться, а просто прислонился к дверному косяку и скрестил руки на груди. Никто не двинулся.

— Мы обсуждали родословные, — объяснил Формонкриф.

— Некоторое время, — пробормотала Катриона.

— Кстати, о странных родственных связях, Алекс, то мы с лордом Форкосиганом чуть было не породнились куда ближе, — заметил Байерли. — Так что я испытываю к нему глубокие родственные чувства.

— Правда? — несколько озадаченно спросил Формонкриф.

— О да. Одна из моих тетушек со стороны Форратьеров была когда-то замужем за его отцом. Так что Эйрел Форкосиган в некотором роде мой виртуальный, хоть и не добродетельный дядюшка. Но она умерла молодой, увы — была безжалостно вырвана из генеалогического древа, — не обеспечив меня кузеном, который отсек бы будущего Майлза от наследства. — Байерли, выгнув бровь, глянул на Майлза. — Ее часто с любовью

вспоминают за семейным ужином?

— Мы редко вспоминаем Форратьеров, — ответил Майлз.

— Как странно! Мы тоже редко упоминаем Форкосиганов. Вообще-то если подумать, то и вовсе никогда. Эдакое многозначительное громкое молчание.

Майлз улыбнулся и позволил повиснуть именно такому молчанию, желая поглядеть, кто сдастся первым. В глазах Байерли начало появляться уважение, но первыми, у кого сдали нервы, оказались невинные свидетели.

Майор Замори откашлялся:

— Скажите, лорд Аудитор Форкосиган, так какое же последнее слово в происшедшем на Комарре? Это был саботаж?

Майлз пожал плечами и решил временно оставить Байерли в покое.

— После шестинедельной обработки имеющихся данных мы с лордом Аудитором Фортицем вернулись к версии, что это скорее всего произошло из-за ошибки пилота. Мы еще подискутировали о возможности самоубийства пилота, но потом отринули эту мысль.

— А каково ваше мнение? — спросил Замори, явно заинтересованный. — Несчастный случай или самоубийство?

— М-м-м… Мне казалось, что версия самоубийства больше соответствует некоторым физическим аспектам столкновения, — ответил Майлз, мысленно прося прощения у души убитой женщины-пилота. — Но поскольку погибший пилот не озаботился оставить нам подтверждающие это улики, вроде записки или записей психиатра, мы не могли выдвинуть это в качестве официальной версии. Только не надо на меня ссылаться, — добавил он для большего правдоподобия.

Катриона, укрывшаяся в дядюшкином кресле, понимающе кивнула, слушая эту официальную ложь, возможно, добавляя новую версию к своему репертуару.

— А что вы думаете о женитьбе императора на комаррианке? — встрял Формонкриф. — Полагаю, одобряете — учитывая ваше участие в мероприятии?

Майлз взял на заметку неодобрительный тон лейтенанта. Ах да! Дядя Формонкрифа, граф Борис Формонкриф, унаследовал место лидера идущей ко дну консервативной партии после падения графа Фортрифрани. Отношение консервативной партии к будущей императрице Лаисе было в лучшем случае прохладным, хотя из предосторожности никаких резких публичных заявлений, когда кто-нибудь (читай — служба безопасности) мог бы взять это на заметку, сделано не было. Впрочем, то, что Алекс с Борисом родственники, вовсе не означает, что они разделяют политические взгляды.

— По-моему, это здорово, — сказал Майлз. — Доктор Тоскане — умница и красавица, а Грегору давно пора обзавестись наследником. И, как вы сами догадываетесь, таким образом в нашем с вами распоряжении остается еще одна барраярская женщина.

— Ну, вообще-то это оставляет еще одну барраярскую женщину для одного из нас, — любезно внес коррективы Байерли Форратьер. — Разве что ты предлагаешь нечто прелестно скабрезное.

Улыбка Майлза сделалась напряженной. Он пристально посмотрел на Байерли. Высказывания Айвена если кого-то и задевали, то неумышленно. Байерли же, в отличие от Айвена, никогда никого не оскорблял случайно.

— Вам, господа, следует посетить Комарру, — добродушно посоветовал Майлз. — Их куполы просто битком набиты красивыми женщинами, и все с отличными генами и галактическим образованием. Тоскане — не единственный клан, имеющий наследниц. Многие комаррианки богаты… Байерли.

Он удержался от желания разъяснить всем, что никчемный покойный муж госпожи Форсуассон оставил ее без гроша, во-первых — потому, что Катриона не сводила с него глаз, а во-вторых, потому что сильно сомневался, что Бай этого еще не знает.

— Говорят, не в деньгах счастье, — слегка улыбнулся Байерли.

Шах .

— И все же уверен, что даже ты, если очень постараться, сможешь понравиться.

— Твоя вера в меня очень трогательна, Форкосиган, — ухмыльнулся Бай.

— Меня вполне устроит дочка фора, премного благодарен, — сварливо бросил Алекс Формонкриф. — Мне вовсе не нужна инопланетная экзотика. Как-то не прельщает.

Пока Майлз пытался сообразить, намеренное ли это оскорбление в адрес его бетанки-матери (если бы это сказал Бай, сомнений не было бы, но Формонкриф никогда не отличался склонностью к намекам), Катриона весело заявила:

— Я схожу в свою комнату и принесу диски, хорошо?

— Если вас не затруднит, сударыня.

Майлз полагал, что Бай не сделал ее объектом своей партизанской методики ведения беседы. Потому что иначе Майлзу придется без свидетелей перекинуться парой слов со своим эрзац-кузеном. А может, даже послать к нему одного из оруженосцев, как в старые добрые времена…

Катриона встала и поднялась наверх. И не вернулась. Формонкриф с Замори обменялись разочарованными взглядами, бормоча что-то на тему «пора и честь знать», и собрались уходить. Майлз с неудовольствием отметил, что за то время, что провел тут Формонкриф, его военный плащ успел уже высохнуть. Перед отбытием господа вежливо раскланялись с хозяйкой дома.

— Передайте госпоже Форсуассон, что я принесу Никки диск с чертежами скачковых кораблей, как только смогу, — заверил майор Замори госпожу Фортиц, глядя при этом на ведущие вверх ступеньки.

Замори уже успел побывать здесь не один раз, если познакомился с Никки?! Майлз с тревогой посмотрел на точеный профиль майора. Замори был высок, и могучее телосложение добавляло ему стати. Байерли же — слишком изящен, чтобы его рост бросался в глаза.

Троица на пару минут неловко выстроилась в коридоре, но Катриона так и не спустилась, и гости наконец сдались, позволив проводить их до входной двери. Майлз с немалым удовольствием отметил, что дождь льет еще сильней. Замори нырнул под стену дождя, пригнув голову. Профессор с гримасой облегчения закрыла за ними дверь.

— Вы с Катрионой можете воспользоваться коммом в моем кабинете, — сказала она Майлзу и отправилась в гостиную убирать посуду.

Майлз вошел в кабинет-библиотеку и огляделся. Да, очень подходящее место для работы. Вполне уютное. Окно выходило на улицу. Оттуда доносились голоса — вполне четкие во влажном воздухе.

— Как по-твоему, Бай, Форкосиган, часом, не ухлестывает за госпожой Форсуассон? — Это был Формонкриф.

— А почему бы и нет? — равнодушно произнес Байерли Форратьер.

— Да ты что, она бы в ужас пришла! Нет, должно быть, это связано с его комаррским расследованием.

— Не стал бы биться об заклад. Я знаю довольно много женщин, которые охотно заткнут себе нос и вцепятся в наследника графства, будь он даже весь покрыт зеленой шерстью.

Кулаки Майлза сжались — и медленно разжались. *Да ну? Тогда почему ты мне никогда не показывал список этих многих, Бай? Не то чтобы теперь мне это нужно…*

— Не утверждаю, что я знаток женщин, но если бы они увивались за Айвеном, это бы я понял, — заявил Формонкриф. — Окажись тогда убийцы более умелыми, он мог бы унаследовать графство Форкосиганов. Обидно. Мой дядя говорит, что Айвен стал бы украшением нашей партии, не будь он связан семейными узами с чертовыми прогрессистами Эйрела Форкосигана.

— Айвен Форпатрил? — фыркнул Байерли. — Эта партия ему не подходит, Алекс. Он идет только туда, где вино льется рекой.

Тут в дверях появилась Катриона. Майлз прикинул, не закрыть ли окно поплотней, но возникала техническая сложность — окно было на шпингалете. Катриона тоже слышала

разговор. Интересно, с какого момента? Войдя в комнату, она склонила голову набок, вопросительно выгнув бровь, как бы говоря «*опять за свое?»*. Майлз неловко улыбнулся.

— А, вот и твой шофер. Наконец-то! — произнес Байерли. — Дай-ка мне твой плащ, Алекс. Неохота мне мочить новый костюм. Как он тебе? Цвет подчеркивает мой оттенок кожи, верно?

— Убивает его, Бай.

— О? Но мой портной говорит, что этот цвет мне весьма к лицу. Спасибо. Отлично, он открывает кабину. Ну, теперь бегом сквозь дождь. Впрочем, ты можешь бежать. Я же с достоинством зашагаю в этом страхолюдном, но, безусловно, непромокаемом имперском облачении. Ну, двинулись…

Звук двух пар шлепающих по лужам ног растворился в сырой мгле.

— А он вообще-то нечто, верно? — рассмеялась Катриона.

— Кто? Байерли?

— Да. Он *чересчур* ехидный. Я едва могла поверить своим ушам, слушая его. И с трудом сохраняла невозмутимость.

— Я тоже с трудом верю тому, что говорит Байерли, — коротко ответил Майлз. Он придвинул второй стул настолько близко, насколько посмел, и усадил Катриону. — Откуда они все взялись? — Судя по всему, из окрестностей оперативного управления Генштаба. *Ну Айвен, ну крыса! Я еще с тобой поговорю о том, что за сплетни ты распространяешь на работе…*

— Майор Замори позвонил тете на прошлой неделе, — сообщила Катриона. — Он, кажется, довольно приятный малый. Он довольно долго беседовал с Никки. Я оценила его терпение.

Майлз же оценил его мозги. Черт бы побрал этого парня! Мгновенно разгадал, что Никки — одно из немногих уязвимых мест в броне Катрионы.

— Формонкриф возник буквально несколько дней назад. Боюсь, что он несколько зануден, бедняга. Форратьер же просто сегодня заявился с ним. Не уверена, что его приглашали.

— Полагаю, он нашел новую дойную корову, — заметил Майлз. Форратьеры, как правило, бывали двух видов: блестящие и затворники. Отец Бая, младший сын в своем поколении, был занудой-мизантропом, относящимся ко второй категории, и никогда, если на то была его воля, не появлялся в окрестностях столицы. — Бай, насколько мне известно, весьма стеснен в средствах.

— Если и так, то внешне этого не скажешь, — справедливо заметила Катриона.

Аристократическая бедность ей хорошо знакома, сообразил Майлз. Он вовсе не хотел, чтобы его замечание вызвало симпатию к Байерли Форратьеру. Блин!

— По-моему, майор Замори несколько растерялся, когда они явились во время его визита, — продолжила Катриона и недоуменно добавила: — Понятия не имею, зачем они здесь.

Спроси у зеркала , мысленно порекомендовал Майлз, но вслух лишь произнес, подняв брови:

— Правда?

Пожав плечами, она чуть иронически улыбнулась.

— Полагаю, ничего плохого они не хотят. Возможно, я была несколько наивной, посчитав, что вот этого, — Катриона указала на свое черное платье, — хватит, чтобы избавить меня от этих глупостей. Спасибо, что попытались ради меня отправить их на Комарру, хотя я не уверена, что они согласятся. Мои намеки тоже не срабатывают, а быть грубой я не хочу.

— А почему, собственно? — поинтересовался Майлз в надежде поощрить развитие мысли в этом направлении. Хотя на Бая даже грубость вряд ли подействует. Скорее наоборот, он воспримет это как вызов. Майлз с трудом подавил желание поинтересоваться, появлялись у ее дверей за последнюю неделю и другие мужчины, или он только что видел

весь списочный состав. Но ему как-то не хотелось услышать ответ. — Впрочем, достаточно об этих, как вы сказали, глупостях. Давайте лучше поговорим о моем саде.

— Давайте, — с благодарностью согласилась Катриона и вывела на дисплей обе модели: и городской сад, и сельский, как они их назвали. Их с Катрионой головы, как и планировал Майлз, склонились друг к другу. Он остро ощутил мускусный аромат ее волос.

Сельский сад выглядел очень естественно: тропинки, извивающиеся меж густо насаженных барраярских растений, бегущий ручей, резные деревянные скамейки. Городской сквер строился в форме прямоугольных террас, на которых умещались одновременно дорожки, скамьи и каналы для воды. При помощи ряда умелых вопросов Катриона сумела выудить у Майлза, что на самом деле у него душа больше лежит к сельскому варианту, как бы ни радовали его глаз фонтаны из пластобетона. А потом он завороженно смотрел, как Катриона прямо на глазах перекраивает картинку сельского сада, придавая спускам большую пологость, делая ручьи более полноводными и быстрыми, придавая руслу S-образный изгиб. Ручей начинался с водопада и заканчивался в маленьком гроте. Центральный круг, где пересекались дорожки, теперь покрывал традиционный красный кирпич с гербом Форкосиганов в виде стилизованного кленового листа на фоне трех представляющих горы высоких треугольников, выложенных из более светлого камня. Весь сад целиком расположился еще ниже уровня улицы, чтобы берега казались круче и лучше приглушали городской шум.

— Да, — произнес он наконец, довольный результатом. — Вот так. Приступайте. Можете заключать договоры со строителями.

— Вы уверены, что действительно хотите продолжать? — спросила Катриона. — Я ведь исчерпала на этом свои познания. До сего момента все мои проекты были чисто виртуальными.

— А! — Майлз предвидел такого рода колебания. — Теперь настало время свести вас напрямую с моим управляющим, Циписом. Он занимался всеми вопросами ремонта и строительства во всех владениях Форкосиганов последние тридцать лет. Ципис будет рад оказать вам содействие. — *Вообще-то я ему прозрачно намекнул, что голову оторву, если он не будет наслаждаться каждой минутой сотрудничества* . Не то чтобы Майлзу пришлось очень стараться: Ципис обожал все аспекты бизнес-менеджмента и мог разглагольствовать на эту тему часами. В свое время Майлз посмеялся — хоть и сквозь слезы, — когда сообразил, насколько часто в бытность его командиром наемников ему помогали сэкономить время и деньги не полученные в СБ навыки, а занудные уроки старины Циписа. — Если вы согласитесь у него учиться, то он станет есть у вас с руки.

Ципис, предусмотрительно предупрежденный заранее, сам ответил по комму в своей конторе в Хассадаре. Майлз познакомил его с Катрионой. Знакомство прошло успешно: Ципис, мужчина в возрасте и давным-давно женатый, искренне заинтересовался проектом. Он практически мгновенно вытащил Катриону из кокона застенчивости. Когда управляющий закончил первую, довольно-таки долгую беседу, Катриона перешла от стиля «не могла бы я, если можно» к распоряжению открытой чековой книжкой и рассмотрению вполне приемлемого плана работ, который, если повезет, уже через неделю воплотится в виде подготовленной к посадке почвы. О да! Тут дела пошли отлично. Если Ципис что и ценил, так это умение быстро схватывать, а Катриона как раз относилась к числу немногих людей, схватывающих все на лету. Таких людей Майлз в бытность свою командиром наемников ценил куда больше, чем лишний глоток кислорода в аварийном запасе. А Катриона даже не понимает, насколько она необычна!

— О Господи, да этот человек — просто кладезь познаний! — воскликнула она, приводя в порядок свои записи, когда Ципис отключился. — По-моему, это я должна вам платить.

— Ах да, — спохватился Майлз. — Оплата! — Он достал из кармана кредитную карту. — Ципис открыл вам счет для оплаты текущих расходов. А это — ваш гонорар за принятый проект.

Катриона проверила карточку на комме.

— Лорд Форкосиган! Это слишком много!

— Вовсе нет. Ципис по моей просьбе проверил расценки на такого рода работы в трех разных профессиональных фирмах. — По чистой случайности эти фирмы оказались лучшими, но разве он согласился бы на меньшее для особняка Форкосиганов? — Это средняя цена. Ципис может показать вам раскладку.

— Но я не профессионал!

— Ничего. Скоро будете!

И тут — о чудо из чудес! — он удостоился искренней улыбки растущей уверенности в себе.

— Все, что я сделала, — это просто скомпоновала несколько красивых стандартных элементов дизайна, — смущенно проговорила Катриона.

— Значит, десять процентов за элементы дизайна. А остальные девяносто — за знание, как их расположить.

Ха, с *этим* она спорить не стала! Нельзя быть таким хорошим специалистом и не знать об этом где-то в глубине души, сколько бы вас публично ни унижали.

Майлз сообразил, что сейчас — самый подходящий момент для завершения визита. Он не хотел ее утомлять. Не рановато ли еще… Нет, он все же попытается.

— Кстати, я тут собрался устроить небольшой ужин для моих старинных друзей, семьи Куделка. Карин Куделка — она своего рода протеже моей матери — только что вернулась после годичной учебы на Колонии Бета. Осталось только определиться с датой. Мне бы хотелось, чтобы вы тоже пришли и познакомились с ними.

— Но я не хотела бы мешать…

— Четыре дочери, — мягко обошел Майлз возражение. — Карин — самая младшая. И их мать, Дру. И конечно, коммодор Куделка. Я знаю их всю жизнь. Будет еще жених Делии Дув Галени.

— Семья, где пять женщин? — В голосе Катрионы прозвучала завистливая нотка.

— Мне кажется, они вам очень понравятся. И вы им — тоже.

— Я мало с кем из женщин знакома в Форбарр-Султане… Они все такие занятые… — Катриона опустила взгляд на свою черную юбку. — Мне действительно не стоит пока ходить по гостям.

— *Семейный* ужин, — подчеркнул Майлз, умело уклоняясь от препятствия. — И конечно же, я намерен пригласить обоих профессоров.

А почему нет? В конце концов, стульев у него девяносто шесть.

— Возможно… это будет приемлемо.

— Вот и отлично! Я извещу вас о времени. Да, и не забудьте сказать Пиму, когда придут ваши рабочие, чтобы он велел охране у ворот внести их в список.

— Конечно.

На этой тщательно сбалансированной ноте — достаточно теплой, но не слишком интимной, — Майлз откланялся и ушел.

Значит, теперь противник осаждает ее ворота. *Без паники, малыш!* На этом самом семейном ужине ему, возможно, удастся уговорить Катриону составить ему компанию на каком-нибудь официальном приеме в честь свадьбы Грегора. А если их уже не раз увидят в паре на публике, кто знает… *Увы, не я!*

Вздохнув, Майлз понесся под дождем к поджидавшему его лимузину.

Катриона побрела на кухню узнать, не нужна ли тете помощь с уборкой. Она виновато опасалась, что опоздала, и действительно обнаружила госпожу профессор сидящей за столом с чашкой чая, склонившейся, судя по всему, над курсовыми работами.

Сердито нахмурившись, тетя что-то быстро написала, затем подняла глаза и улыбнулась:

— Закончили, дорогая?

— Скорее только начали. Лорд Форкосиган выбрал сельский вариант. Он и правда хочет, чтобы я продолжала.

— Ни секунды в этом не сомневалась. Он очень решительный человек.

— Извините за то, что вам помешали нынче утром, — махнула Катриона в сторону гостиной.

— Не понимаю, почему ты извиняешься. Ты их не приглашала.

— Действительно, не приглашала. — Катриона с улыбкой показала свою новенькую кредитную карту. — Но лорд Форкосиган уже заплатил мне за проект! Так что теперь я могу заплатить вам за наше с Никки проживание.

— Господи, да ничего ты нам не должна! Нам ровным счетом ничего не стоит предоставить тебе все эти пустующие комнаты наверху.

Катриона поколебалась.

— Но вы же не станете утверждать, что еда, которой вы нас кормите, тоже ничего не стоит?

— Если хочешь купить что-нибудь вкусненькое, валяй. Но лично я предпочла бы, чтобы ты оставила эти деньги себе на учебу.

— Я сделаю и то, и другое, — решительно кивнула Катриона.

При аккуратных тратах эти деньги избавят ее на несколько ближайших месяцев от необходимости клянчить деньги у отца. Папа вовсе не жадный, просто очень не хочется, чтобы вместе с деньгами он снабжал ее пустыми советами. Отец довольно четко сказал на похоронах Тьена, как недоволен тем, что Катриона не вернулась домой, как положено добропорядочной вдове фора, или не поселилась у свекрови, хотя старшая госпожа Форсуассон этого ей и не предлагала.

И как, интересно, по его мнению, Катриона с Никки разместятся в его скромной квартирке или найдут подходящие учебные заведения в том крошечном городке на Южном континенте, где отец обосновался после выхода на пенсию? Иногда Саша Форвейн казался человеком, потерпевшим в жизни неудачу. Он всегда придерживался консервативных взглядов и поступков. В их семье прогрессивной была мама, да и то лишь в очень ограниченной сфере, которую предоставляла роль жены провинциального бюрократа. Не стали ли эти пораженческие настроения в конечном итоге заразными? Катриона иногда задавалась мыслью, не был ли брак ее родителей по-своему столь же неудачен, как и ее?

За окном мелькнула седая голова. Послышался скрип, задняя дверь отворилась, впуская дядю Фортица. По пятам за ним следовал Никки. Профессор осторожно просунул голову внутрь и театральным шепотом поинтересовался:

— Они ушли?

— Все чисто, — доложила его жена, и объемистый лорд Аудитор вплыл на кухню.

Он плюхнул на стол здоровенную сумку, в которой лежали пирожные. Количество сладостей в несколько раз превосходило то, что уже было съедено.

— По-твоему, теперь нам хватит? — сухо поинтересовалась госпожа профессор.

— Никаких искусственных ограничений, — провозгласил ее супруг. — Помню, как наши девочки проходили через эту стадию. Мы были все время по уши в молодых людях, и к концу дня в доме не оставалось ни крошки. Никогда не мог понять этой твоей щедрой стратегии. Видишь ли, — объяснил он Катрионе, — я хотел ограничить численность, предлагая им тухлые овощи и нагружая всякой работой. И мы бы знали, что те, кто вернулся бы сюда после *такого* , имеют серьезные намерения. А, Никки? Но по какой-то таинственной причине женщины мне не позволили.

— Можете кормить их любыми гнилыми овощами и загружать самой черной работой, какую только придумаете, — обрадовалась Катриона. *Иначе нам придется запираться изнутри и делать вид, что никого нет дома.*

Она мрачно плюхнулась рядом с тетей и взяла пирожное.

— Вам с Никки в конечном итоге удалось получить свою долю?

— Мы зашли в кофейню, попили кофе с молоком и съели пирожки, — успокоил ее

профессор.

Никки, довольно облизнувшись, кивнул.

— Дедушка сказал, что все эти дяди хотят на тебе жениться, — сообщил он с явным недоверием. — Это правда?

Ну спасибо, дядюшка! — ядовито подумала Катриона. Интересно, и как теперь ей все это объяснить девятилетнему мальчишке? Хотя Никки в отличие от нее, похоже, вовсе не находит эту идею столь ужасной.

— Это было бы неправильно, — пробормотала она. — Даже скандально. — И чуть заметно улыбнулась, припомнив высказывание Бая Форратьера.

Никки шутки не понял.

— Ты же знаешь, о чем я! Ты выберешь кого-нибудь из них?

— Нет, зайка, — заверила она.

— Хорошо. — Помолчав, Никки добавил: — Но если вдруг выберешь, то майор лучше, чем лейтенант.

— Э-э-э… А почему?

Катриона с интересом наблюдала, как Никки пытается изречь «Формонкриф — снисходительный зануда-фор», но, к ее облегчению, ему не хватило словарного запаса.

— Майоры больше получают, — выдал он наконец.

— Очень практичный подход, — прокомментировал дядя Фортиц, упаковал добрую половину принесенных сладостей и утащил, чтобы припрятать у себя в лаборатории в подвале. Никки поплелся за ним.

Катриона облокотилась на стол, подперла подбородок ладошками и вздохнула.

— Может, стратегия дяди не так уж плоха. Угроза поработать избавит нас от Формонкрифа и, безусловно, оттолкнет Форратьера. Хотя не уверена, что с майором Замори это сработает. А вот гнилые овощи годятся для всех.

Тетя Фортиц выпрямилась и вопросительно улыбнулась:

— Так что ты от меня хочешь, Катриона? Чтобы я говорила твоим потенциальным ухажерам, что тебя нет дома?

— А вы можете? Учитывая, что мне предстоит работа по саду, это будет соответствовать истине, — задумчиво проговорила Катриона.

— Бедные мальчики. Мне их почти жаль.

Катриона улыбнулась и тут же снова нахмурилась. Она чувствовала, как мужское внимание словно хищная лапа тянет ее назад, во тьму. От этого просто мурашки бежали по телу.

Теперь каждая ночь, проведенная без Тьена, казалась убежищем. Можно было раскинуть руки и ноги, чувствуя себя свободной от компромиссов, растерянности, подавленности, разговоров, уговоров и всего прочего. Свободной от Тьена. За многие годы жизни с мужем Катриона почти перестала чувствовать нити, связывающие их, сделалась равнодушной к обещаниям и страхам, отчаянию, тайнам и вранью. Когда оковы клятв наконец окончательно разрушились с его смертью, у нее появилось ощущение, будто душа снова проснулась, болезненно трепеща. *Я и не знала, в какой тюрьме нахожусь, пока не оказалась на свободе.*

От одной только мысли о добровольном возвращении в супружескую клетку ей хотелось с воплями бежать прочь.

Катриона покачала головой:

— Мне не нужен очередной захребетник.

Тетя вскинула брови.

— Тебе не нужен очередной Тьен, это вполне очевидно. Но не все мужчины такие, как Тьен.

Катриона сжала кулаки.

— Но я такая, какая есть. И не знаю, смогу ли быть *близка* с кем-то и снова не повести себя так, как прежде. Не отдать себя всю до конца, а потом жаловаться, что иссякла. Самая

ужасная мысль, которая приходит ко мне, когда я оглядываюсь назад, что не во всем виноват Тьен. Это я позволила ему становиться все хуже и хуже. Если бы ему повезло жениться на женщине, способной ему противостоять, которая…

— От твоей логики у меня голова начинает болеть, — мягко заметила тетя.

— Все это теперь не важно, — пожала плечами Катриона.

После продолжительного молчания тетя с любопытством поинтересовалась:

— А что ты думаешь о Майлзе Форкосигане?

— С ним все в порядке. От него меня не корежит.

— Я просто думала… Тогда, на Комарре… Мне показалось, что он тобой заинтересовался.

— О, это была всего лишь шутка, — упрямо заявила Катриона. Может, их шутка зашла несколько далеко, но они тогда оба устали и, возможно, увлеклись, испытав облегчение после дней и часов ужасного напряжения… Сверкающая улыбка Майлза и сияющие глаза на усталом лице как наяву встали у нее перед глазами. Это наверняка была шутка. Потому что если нет… то она с воплями убежала бы. А она тогда слишком устала, чтобы бежать. — Но очень приятно обнаружить кого-то, кто действительно интересуется садами.

— М-м-м, — протянула тетя, возвращаясь к проверке курсовых.

Послеполуденное солнце окрасило серый особняк Форкосиганов в цвет янтарного меда. Нанятая Марком машина свернула к дому. Стоявшего у ворот охранника СБ Марк в прошлом году не видел. Охранник вел себя почтительно, но действовал тщательнейшим образом, вплоть до того, что проверил отпечаток ладони Марка и сканировал сетчатку, и лишь затем пропустил их в ворота, пробормотав что-то нечленораздельное, смахивающее на извиняющееся «милорд». Пока они ехали к входной двери, Марк смотрел на дом.

Снова особняк Форкосиганов. Он дома? Теперь убогая студенческая квартирка на Колонии Бета казалась больше домом, чем эта каменная громада. Но хотя Марк был голоден, возбужден, напряжен, устал и измотан от п-в-прыжков, он уже не испытывал ужаса, как в прошлый раз. Всего лишь особняк Форкосиганов. С этим он справится. А как только окажется внутри, сразу позвонит Карин! Едва машина остановилась, Марк мгновенно открыл кабину, выпрыгнул на дорожку и повернулся, чтобы помочь выгрузиться Энрике.

Не успели ноги коснуться земли, как распахнулась дверь и оруженосец Пим отдал Марку четкий, хоть и несколько укоризненный салют.

— Милорд Марк! Вам следовало позвонить нам из космопорта, милорд! Мы бы встретили вас по всем правилам.

— Все в порядке, Пим. В любом случае сомневаюсь, что наш багаж уместился бы в лимузин. Не беспокойся, вам тут еще полно работы.

Грузовик, следовавший за ними от самого космопорта, миновал наконец ворота и, прошуршав по дорожке, остановился у входа.

— Святые угодники, — пробормотал Энрике, когда Марк помогал ему вытаскивать из машины груз. — Ты и в самом деле лорд Форкосиган! А я до сих пор тебе не верил!

— Я действительно *лорд Марк* , — поправил его Марк. — Усвой это твердо. Здесь это важно. Наследником графства я не являюсь и, надеюсь, никогда не стану. Вот он — лорд Форкосиган, — кивнул Марк на появившегося в распахнутых настежь дверях невысокого мужчину.

Вопреки дошедшим до Колонии Бета слухам о его нездоровье, Майлз выглядел совсем неплохо. Кто-то позаботился об улучшении его гардероба, серый костюм сидит на нем отлично. Майлз уже не такой болезненно тощий, каким Марк видел его почти год назад. Братец с ухмылкой приближался к Марку, протягивая руку. Они исхитрились обменяться крепким братским рукопожатием. Марк жаждал объятий, но не от Майлза.

— Марк, черт тебя побери! Ты застал нас врасплох! Предполагалось, что ты свяжешься с нами еще с орбиты. Пим бы приехал за вами в космопорт.

— Мне так посоветовали.

Майлз отошел на шаг и оглядел Марка с ног до головы. Марк покраснел. Лекарства, выданные Лили Дюрон, позволили в кратчайшие сроки сбросить куда больше жира, чем позволяла природа, и Марк был обречен придерживаться строгих ограничений в пище и питье, чтобы справиться с побочными эффектами. Лили сказала, что медикаменты не вызывают привыкания, и Марк ей верил. Ему не терпелось поскорей избавиться от этой дряни. Сейчас он, как и планировал, весил ненамного больше, чем тогда, когда в первый раз ступил на Барраяр. Убийца вышел на свободу из плотской тюрьмы и теперь снова мог защищать их, ежели возникнет необходимость… Но вот чего Марк не предвидел, так это насколько станет рыхлым и как посереет кожа. Он таял, будто свеча на солнце.

И действительно, следующее, что произнес брат, было:

— Ты хорошо себя чувствуешь? Паршиво выглядишь.

— Постпрыжковый синдром. Пройдет, — напряженно улыбнулся Марк. Он не знал, что его сильнее измучило: лекарства, Барраяр или отсутствие Карин, зато прекрасно понимал, что ему поможет. — Ты ничего не слышал о Карин? У нее все в порядке?

— Да, за последнюю неделю у нее все в норме. А что это за странная коробка с полками?

Больше всего на свете Марку хотелось видеть Карин, но все надо делать последовательно. Он повернулся к Энрике, смотревшего с немым изумлением на самого Марка и его родителя-близнеца.

— Я привез гостя, Майлз. Позволь представить тебе доктора Энрике Боргоса. Энрике, это мой брат Майлз, лорд Форкосиган.

— Добро пожаловать в резиденцию Форкосиганов, доктор Боргос, — произнес Майлз, вежливо пожимая Энрике руку. — Судя по имени, вы эскобарец?

— Э-э-э… да, э-э-э… лорд Форкосиган.

Как ни странно, Энрике удалось не допустить ошибки. Последние десять дней Марк только тем и занимался, что натаскивал его в области барраярского этикета.

— И в какой области вы доктор? — Майлз снова озабоченно посмотрел на Марка. Надо полагать, выстраивает теории одна ужаснее другой относительно состояния здоровья своего клон-брата.

— Не медицины, — поторопился заверить Марк. — Доктор Боргос — биохимик и гено-энтомолог.

— Слова?.. Нет, это этимолог. Жучки, верно? — Глаза Майлза опять устремились на здоровенный ящик у его ног. — Марк, зачем на этой штуке дырки для поступления воздуха?

— Мы с лордом Марком будем вместе работать, — серьезно сообщил долговязый ученый.

— Полагаю, у нас найдется для него комната? — добавил Марк.

— Господи, ну конечно! Будьте как дома. Особняк в вашем распоряжении. Я перебрался прошлой зимой в апартаменты на втором этаже восточного крыла, так что все северное крыло свободно. Кроме одной комнаты на четвертом, где живет оруженосец Роик. Днем он обычно спит, так что, полагаю, вам стоит предоставить ему некоторое пространство. Мать с отцом, как всегда, приволокут всю свою рать, когда сами приедут к Празднику Середины Лета. Тогда, если возникнет необходимость, мы произведем переселение.

— Энрике надеется устроить небольшую временную лабораторию, если не возражаешь, — сказал Марк.

— Ничего взрывоопасного, надеюсь? Или токсичного?

— Нет-нет, лорд Форкосиган, — заверил его Энрике. — Это совсем не то!

— Тогда — никаких возражений. — Майлз глянул вниз и добавил чуть тише: — Марк… А почему на отдушинах *сетка?*

— Я все объясню, — светски успокоил его Марк, — как только мы распакуемся и я заплачу водителям. — За то время, что они разговаривали, возле Пима возник оруженосец Янковский. — Большой синий чемодан — мой, Пим. Все остальное — доктора Боргоса.

С помощью водителей грузовик быстренько разгрузили, сложив содержимое в холле. Небольшой переполох приключился, когда Янковский, таща ящик, в котором, как знал Марк, находились поспешно упакованные лабораторные сосуды, наступил на черно-белого котенка, незаметного на черно-белом фоне пола. Оскорбленный звереныш испустил оглушительный мяв, вскочил и пулей пролетел между ног Энрике, едва не опрокинув эскобарца, в свою очередь едва не уронившего дорогущий молекулярный анализатор. Спас аппарат подоспевший Пим.

Их чуть было не застукали во время ночного налета на закрытую лабораторию, где они забрали все записи и незаменимые компоненты, когда Энрике настоял на том, чтобы вернуться за этим чертовым анализатором. И если бы Энрике его грохнул сейчас, Марк непременно счел бы это своего рода возмездием, исходящим от космических сил. «Я куплю тебе целую новую лабораторию, когда мы доберемся до Барраяра», — пытался он убедить эскобарца. Но Энрике, похоже, полагал, что на Барраяре до сих пор Период Изоляции и максимум, что он сможет здесь отыскать, это перегонный куб, дистиллятор и долото для трепанации.

Поиски подходящего места заняли некоторое время, поскольку идеальным местом, которое Энрике немедленно попытался застолбить под свою лабораторию, оказалась огромная современная ярко освещенная кухня с прекрасным энергообеспечением. Услышав переданную Пимом просьбу, Майлз мгновенно примчался спасать кухню для своей кухарки, замечательной женщины, которую он явно считал незаменимой не только для безупречного ведения хозяйства, но и для своей новой политической карьеры. После данного Марком разъяснения, что фраза «весь дом в вашем распоряжении» — всего лишь дань вежливости и ее ни в коем случае не надо воспринимать буквально, Энрике с горем пополам удовлетворился второй прачечной, расположенной в полуподвале левого крыла, далеко не такой большой, но со стоком для воды и кучей разных приспособлений. Марк пообещал вскоре купить все необходимое оборудование и оставил ученого разбирать свои сокровища. Энрике не проявил ни малейшего интереса к выбору спальни. Марк решил, что в конечном итоге он просто-напросто притащит лежанку в свою новую лабораторию и поселится там, как наседка, охраняющая цыплят.

Марк же забросил чемодан в комнату, которую занимал в прошлом году, и вернулся в прачечную, чтобы подготовиться к решительному шагу — пропихнуть идею старшему братцу. На Эскобаре проект казался просто великолепным, но тогда Марк еще плохо знал Энрике. Этот человек — гений, но видит Бог, ему нужен сторож. Теперь-то вполне понятно, отчего вышел весь этот бардак с банкротством и судебными исками.

— Говорить буду я, понял? — решительно заявил доктору Марк. — Майлз здесь — лицо значительное, Имперский Аудитор и близкий друг самого императора. Его поддержка нам сильно поможет. — И, что гораздо важнее, его активные возражения могут оказаться фатальными для всего проекта. — Я знаю, как с ним разговаривать. Просто соглашайся со всем, что я скажу, и не пытайся ничего добавить или приукрасить.

Энрике серьезно кивнул и последовал за Марком по лабиринту коридоров, как щенок-переросток. Майлза они нашли в библиотеке. Пим как раз расставлял напитки — чай, кофе, вина Форкосиганов, две разновидности пива из округа Форкосиганов — и разгружал поднос с закусками, весьма походивший на яркий витраж. Сердечно кивнув Марку, оруженосец удалился.

— Как удачно, — заметил Марк, придвинув стул к низкому столику. — Закуски! А у меня как раз есть кое-что новенькое на пробу. По-моему, на этой штуке можно неплохо заработать.

Марк развернул красивую красную фольгу, в которой оказался мягкий белый кубик. Майлз заинтересованно поднял бровь и наклонился поближе.

— Какая-то разновидность сыра?

— Не совсем, хотя продукт животного происхождения. Некоторым образом. Это базисный вариант, без вкусовых добавок. Образцы со вкусовыми добавками и красителями я

покажу позже, когда будет время их сделать. Эта штука чертовски питательна — отлично сбалансированный состав углеводов, протеинов и жиров плюс все основные витамины в нужной пропорции. Можно спокойно жить на одной этой штуке и воде.

— Я питался только этим полных три месяца! — гордо провозгласил Энрике, но, поймав хмурый взгляд Марка, поспешил заткнуться.

Марк взял с подноса серебряный нож, разрезал кубик на четыре части и сунул кусок себе в рот.

— Попробуй! — предложил он, удержавшись от театрального «мням-мням» и прочих соблазнительных звуковых эффектов. Энрике тоже потянулся за кусочком, за ним — более осторожно — Майлз. Поднеся кусочек к губам, он на мгновение заколебался и обнаружил, что остальные двое не сводят с него глаз. Подняв брови, Майлз сунул кусочек в рот и принялся жевать. Повисла тишина. Майлз проглотил.

Энрике, не в силах терпеть, спросил:

— Ну и как оно вам?

Майлз пожал плечами:

— Нормально… Пресновато, но вы сами сказали, что оно без вкусовых добавок. На вкус куда лучше, чем множество армейских пайков, что мне доводилось есть.

— О, армейские пайки! — воскликнул Энрике. — А вот об этом возможном применении я и не подумал…

— К этой стадии мы перейдем позже, — охладил его энтузиазм Марк.

— Так почему же, собственно, эта штука так выгодна? — полюбопытствовал Майлз.

— Потому что благодаря чудесам современной биоинженерии ее производство практически ничего не стоит. Достаточно приобрести партию жучков-маслячков, и дело в шляпе!

Повисла короткая, но многозначительная пауза.

— Что приобрести?

Марк извлек из кармана маленькую коробочку и осторожно приоткрыл крышку. Энрике выжидающе заерзал.

— Вот это, — Марк протянул коробочку брату, — жучок-маслячок.

Майлз заглянул в коробочку и отшатнулся.

— Фу! Ничего отвратительнее в жизни не видел!

В коробочке скребся всеми шестью лапками рабочий жучок-маслячок размером с большой палец. Жучок отчаянно работал антеннами и пытался удрать. Марк нежно сбросил крошечные коготки с края коробки. Жучок растопырил жесткие надкрылья противного коричневого цвета и удрал в безопасный уголок, где и свернулся, пряча свое похожее на мешочек белое мягкое пузико.

Майлз снова наклонился и уставился на жучка с брезгливой зачарованностью.

— Смахивает на помесь таракана с термитом и… и… гнойником.

— Вынуждены признать, что внешний вид — его слабое место.

Энрике явно оскорбился на последнее замечание, но воздержался от возражений.

— Основная его ценность — в производительности, — продолжил Марк. Пожалуй, они поступили разумно, не став демонстрировать Майлзу всю колонию жучков-маслячков сразу. Или, упаси Бог, их королеву. Королеву можно показать и потом, как только удастся уговорить потенциального покровителя преодолеть физиологическое отвращение. — Эти жучки жрут практически любую низшую органику. Сено, солому, водоросли, силос и так далее. Затем внутри, у них в желудке, органика при помощи тщательно подобранного набора бактерий превращается в… маслице. Которое жучок-маслячок отры… возвращает через рот и складывает в ячейки в своем улье, совершенно готовенькое к употреблению. Сырое маслице…

Тут Энрике без всякой необходимости указал пальцем на оставшийся кусочек.

— …совершенно съедобно даже на этом этапе, — громче продолжил Марк, — хотя в дальнейшем его можно перерабатывать или вносить вкусовые добавки. Мы планируем

производство более рафинированного продукта путем добавления бактерий, которые будут придавать сырому маслицу нужный вкус прямо в желудках жучков, так что даже не будет необходимости в дальнейшей переработке.

— Жучья блевотина, — произнес Майлз, быстро продравшись сквозь словесную шелуху. — Ты скормил мне жучью блевотину!

Он поднес руку к губам и торопливо налил себе вина. Поглядев на жучка-маслячка, на остатки сырого маслица, Майлз одним глотком осушил полбокала. — Ты спятил, — убежденно проговорил он. Затем допил вино, довольно долго подержав его во рту, прежде чем проглотить.

— Это как мед, — храбро возразил Марк, — только другой.

Брови Майлза сошлись на переносице, будто он обдумывал этот аргумент.

— Очень другой. Погоди-ка! В той коробке, что вы приволокли, сидят эти жучки-тошнилки?

— Жучки-маслячки, — ледяным тоном поправил Энрике. — Их легко транспортировать…

— Сколько… жучков-маслячков?

— Мы вывезли с Эскобара двадцать королев на разных стадиях развития, каждую из которых обслуживают двести жуков-работников, — объяснил Энрике. — Они хорошо перенесли дорогу. Я так горжусь девочками! За время пути их количество удвоилось. Труженики мои! Ха-ха!

Майлз быстро произвел подсчет.

— Вы приволокли *восемь тысяч* этих мерзких тварей в *мой дом?!*

— Понимаю твое беспокойство, — быстро вмешался Марк, — но могу тебя заверить, это не принесет никаких хлопот.

— Сомневаюсь, что понимаешь. Кстати, что именно не принесет никаких хлопот?

— Жучки-маслячки, говоря биологическим языком, хорошо управляемы. Рабочие жуки стерильны. Размножаться способны лишь королевы, но они приносят потомство только при получении специальных гормонов. Зрелые королевы даже передвигаться не могут. А любой рабочий жучок, если ему удастся удрать, будет просто ползать по окрестностям, пока не сдохнет, вот и все.

При мыслях о таком печальном варианте Энрике скорбно скривился.

— Бедняжечка! — пробормотал он.

— И чем раньше, тем лучше! — холодно отрезал Майлз. — Фу!

Энрике с упреком посмотрел на Марка и тихо начал:

— Ты обещал, что он нам поможет! А он оказался таким же, как все! Ограниченным, зашоренным, бестолковым…

Марк жестом велел ему замолчать.

— Успокойся. Мы еще не добрались до главного. — Он повернулся к Майлзу: — Дело вот в чем. Мы считаем, что Энрике в состоянии сконструировать жучков-маслячков, способных питаться *местной барраярской флорой* и преобразовывать ее в съедобный для человека продукт.

Майлз открыл рот — и снова закрыл. Взгляд его сделался пронзительным.

— Продолжай…

— Представь себе следующую картину. Каждый фермер, каждый поселенец в любом захолустье сможет держать улей жучков-маслячков, которые будут ползать по окрестностям, пожирая чуждую нам растительность, на которую вы, ребята, тратите столько усилий, выкорчевывая ее и выжигая в процессе терраформирования. А фермеры получат не только бесплатную пищу, но и бесплатные удобрения: помет жучков-маслячков просто потрясающе хорош для растений. Они начинают расти, как сумасшедшие!

— О! — Майлз откинулся на стуле с застывшим взглядом. — Я знаю кое-кого, очень заинтересованного в удобрениях…

Марк продолжал:

— Я хочу основать здесь, на Барраяре, компанию, чтобы продавать уже имеющихся жучков-маслячков и создавать новые подвиды. Я подумал, что такой гениальный ученый, как Энрике, и финансовый гений, как я (*и давайте не будем их смешивать*)… ну, мы способны достичь практически чего угодно.

Майлз задумчиво нахмурился:

— А чем вас не устроил Эскобар, позволь поинтересоваться? Зачем тебе понадобилось тащить этого гения и его творение сюда?

Если бы я не вмешался, Энрике схлопотал бы десять лет тюрьмы, но не будем об этом.

— Тогда у него не было меня, чтобы заняться деловой стороной. А Барраяр — оптимальное место для этого, тебе не кажется?

— Если дело пойдет.

— Вначале жучки могут вырабатывать маслице из земной органики. Мы начнем его продавать как можно быстрей, а полученные деньги пустим на финансирование дальнейших научных изысканий. Я не могу составить точный график, пока Энрике не изучит как следует биохимию Барраяра. Возможно, на создание соответствующих жучков потребуется год-два. — Марк коротко усмехнулся.

— Марк… — Майлз, нахмурясь, смотрел на стоящую на столе закрытую коробочку, из которой доносилось тихое поскребывание. — То, что ты говоришь, звучит логично, но я сильно сомневаюсь, что логика поможет сбыту. Никто не захочет есть пищу, происходящую от чего-то, что выглядит вот так. Черт, да никто не станет есть даже то, к чему оно *прикоснется!*

— Но люди едят же мед, — возразил Марк. — А его производят насекомые.

— Пчелы… Ну, так они ж милашки. Пушистенькие, в стильных полосатых мундирах. И вооружены жалом — этакой маленькой шпагой, которая вызывает уважение.

— А, понятно… — пробормотал Марк. — Летучая версия класса форов.

Братья обменялись ехидными улыбками.

— Значит, вы считаете, — недоуменно проговорил Энрике, — что, если я вооружу моих жучков-маслячков жалом, барраярцам они понравятся больше?

— Нет! — хором возопили Майлз с Марком.

Энрике обиженно умолк.

— Итак, — откашлялся Марк. — План вот такой. Я обеспечу Энрике место для работы, как только выберу время. Не знаю, где будет лучше — здесь, в Форбарр-Султане, или в Хассадаре. Если дело пойдет, возможно, ты захочешь, чтобы работы велись в округе Форкосиганов.

— Верно, — кивнул Майлз. — Поговори с Циписом.

— Я и собирался. Теперь ты начинаешь понимать, почему я считаю их денежными жучками? Может, захочешь инвестировать дело? Не на начальном этапе, конечно.

— Пока нет. Но все равно спасибо, — нейтральным тоном ответил Майлз.

— Мы… э-э-э… Знаешь, мы очень признательны за предоставление временного помещения.

— Нет проблем. Или, во всяком случае, — глаза Майлза нехорошо блеснули, — лучше бы их не было.

Деловая часть закончилась, и Майлз, вспомнив о долге гостеприимства, предложил поесть и выпить. Энрике предпочел пиво и воспользовался им как поводом прочитать лекцию о роли дрожжей в производстве пищи, начиная с Луи Пастера. Лекция изобиловала комментариями о сходстве между дрожжевыми бактериями и симбиотами жучков-маслячков. Майлз пил вино и больше помалкивал. Марк ел закуску, разложенную на большом подносе, и прикидывал, когда у него закончатся препараты для потери веса. А может, их просто-напросто сегодня же спустить в канализацию?

Через некоторое время Пим, судя по всему выполняющий в ограниченном контингенте Майлзовой прислуги обязанности дворецкого, пришел забрать поднос и бокалы. Энрике

заметил наконец коричневую форму с серебряным орнаментом и тут же поинтересовался о значении этой символики. Вопрос ненадолго вывел Майлза из задумчивости, и он просветил Энрике по некоторым аспектам истории семейства Форкосиганов (вежливо пропустив упоминание о провалившемся барраярском нашествии на Эскобар, имевшем место лет тридцать назад). Майлз рассказал историю особняка и герба Форкосиганов. Похоже, эскобарца поразило до глубины души, что в основе символических гор и кленового листа на гербе лежит печать, которой графы запечатывали мешки с деньгами, собранными в виде налога с округа. Это дало Марку основание надеяться, что в Энрике все же проснется тактичность. Надеяться-то ведь не возбраняется никому?

Когда, по прикидкам Марка, прошло достаточно времени, чтобы ритуал братского общения был завершен, он вежливо извинился и отправился распаковывать вещи. Чтобы Энрике не заблудился, Марк провел его в лабораторию.

— Что ж, — сердечно сообщил ученому Марк, — все прошло лучше, чем я думал.

— О да! — рассеянно ответил Энрике. В его глазах появилось то самое отсутствующее выражение, которое означало, что голова занята выстраиванием длиннющих молекулярных цепочек. Хороший признак. Похоже, эскобарец переживет свой довольно болезненный переезд. — Кстати, у меня возникла идея, как сделать, чтобы мои малютки понравились твоему брату.

— Здорово! — Мысли Марка витали уже далеко. Он оставил эскобарца в лаборатории и помчался, перепрыгивая через две ступеньки, к себе в комнату. Наконец-то он сможет позвонить Карин, Карин, КАРИН!

Глава 4

Айвен только-только вручил сотню написанных от руки официальных приглашений на императорскую свадьбу сотрудникам оперативного отдела для дальнейшей рассылки, когда столкнулся на выходе из Генштаба с Алексом Формонкрифом, проходящим через контроль.

— Айвен! — окликнул Алекс. — Ты-то мне и нужен! Подожди!

Айвен остановился у автоматических дверей, мысленно придумывая на случай, если понадобится удрать, поручение от Той, Кому Следует Безоговорочно Подчиняться До Окончания Свадебных Торжеств. Алекс не самый страшный зануда фор в Форбарр-Султане (на этот титул не без оснований претендовали несколько представителей старшего поколения), но, безусловно, достойный последователь. С другой стороны, Айвену до смерти хотелось узнать, принесли ли какие-нибудь плоды те семена, что он заронил пару недель назад.

Алекс разобрался на контрольном пункте и, чуть запыхавшись, подошел к Айвену.

— Я только что отдежурил, а ты? Могу я поставить тебе выпивку? У меня есть кое-какие новости, и ты заслуживаешь того, чтобы узнать их первым. — Формонкриф покачнулся на каблуках.

Раз Алекс угощает, то почему нет?

— Конечно!

Айвен направился с Алексом через улицу в трактир, который офицеры оперативного управления считали своей коллективной собственностью. Это местечко, бывшее какой-то конторой, превратилось в питейное заведение буквально за десять — пятнадцать минут после того, как ОУ обосновалось в новом здании после подавления дворцового переворота Фордариана.

Декор здесь был расчетливо похабным, что позволяло трактиру оставаться чисто мужским бастионом.

Они уселись за столик в глубине. Стоявший у стойки бара мужчина в модном костюме проводил их взглядом. Айвен узнал Бая Форратьера. Как правило, городские шуты редко удостаивали своим появлением этот бар, но Байерли славился своей способностью появляться везде — у него были чертовски хорошие связи. Бай насмешливо помахал рукой

Формонкрифу, который радушно предложил ему присоединяться. Айвен выгнул бровь. Байерли обычно избегал общения с теми, кто, как он изволил выражаться, приходил невооруженным на битву разумов. Айвен никак не мог понять, зачем он обхаживает Формонкрифа. Противоположности притягиваются?

— Садись-садись! — пригласил Формонкриф Бая. — Я угощаю.

— В таком случае, конечно, — кивнул Бай и грациозно уселся. Он сердечно кивнул Айвену. Айвен кивнул в ответ, но куда более натянуто, ведь сейчас с ним не было Майлза в качестве словесного щита. В присутствии Майлза Байерли никогда не задевал Айвена. Причем Айвен так и не знал, связано ли это с подспудным вмешательством его кузена, или же Байерли предпочитает более достойные мишени. А может, вмешательство Майлза заключалось именно в том, что сам Майлз и был более достойной мишенью? Или же кузен считает Айвена своей личной подушечкой для булавок и не желает ни с кем делится? Что это, семейная солидарность или всего только собственнические наклонности Майлза?

Они отправили на сервер заказ, и Алекс вставил в прорезь кредитку.

— Да, кстати, Байерли, — сказал он Форратьеру, — прими мои искренние соболезнования в связи с кончиной твоего кузена Пьера. Я все время забываю тебе это сказать, потому что ты не носишь траурных одежд Дома Форратьеров. А стоило бы. У тебя есть на это право, вы достаточно близкие родственники. Они наконец определили причину смерти?

— О да! Его поразил сердечный приступ.

— Мгновенно?

— Насколько можно судить. Поскольку Пьер — правящий граф, вскрытие было произведено очень тщательно. Ну, не будь этот малый такой нелюдим, кто-нибудь непременно наткнулся бы на него до того, как умер мозг.

— Такой молодой, едва за пятьдесят. Прискорбно, что он не оставил детей.

— Куда как прискорбнее, что другие мои дядюшки Форратьеры детей оставили, — вздохнул Бай. — У меня бы появилась новая работа.

— А я и не знал, что ты хочешь заполучить округ Форратьеров, Бай, — удивился Айвен. — Граф Байерли? Политическая карьера?

— Господи! Не испытываю ни малейшего желания присоединяться к этим маразматикам, заседающим в замке Форхартунг, а округ наводит на меня смертельную скуку. Тоскливое местечко. Не будь мой плодовитый кузен Ришар таким законченным сукиным сыном — не в обиду покойной тетушке будь сказано, — то я пожелал бы ему наслаждаться успешным осуществлением его чаяний. Если, конечно, он сможет добиться желаемого. К несчастью, он действительно рад случившемуся, что автоматически лишает меня возможности порадоваться вместе с ним.

— А что не так с Ришаром? — изумился Алекс. — Я видел его пару раз, и мне он показался вполне солидным мужчиной. В политическом смысле.

— Не важно, Алекс.

Формонкриф недоуменно покачал головой:

— Бай, неужели ты начисто лишен достойных родственных чувств?

Бай лишь отмахнулся.

— У меня нет достойных родственников. И мое основное чувство к ним — отвращение. Ну, за исключением разве что одного или двух.

Тут до Айвена дошли слова Байерли, и он слегка нахмурился:

— *Если* он сможет добиться желаемого?! А что может Ришару помешать? — Насколько было известно Айвену, Ришар Форратьер — старший сын старшего дяди, совершеннолетний и в здравом уме. И факт, что кто-то является сукиным сыном, никогда не был поводом для исключения из Совета Графов, иначе бы там почти никого не осталось. Никаких прав не имели лишь бастарды. — Ведь не обнаружили же, что он тоже скрытый цетагандиец, как бедняга Рене Форбреттен?

— Нет, к сожалению. — Байерли искоса глянул на Айвена. Странно как-то глянул,

расчетливо. — Но леди Донна — по-моему, Айвен, ты с ней знаком — представила Совету Графов официальный протест на следующий же день после смерти Пьера, таким образом временно заблокировав утверждение Ришара в правах.

— Я что-то об этом слышал, но не обратил внимания.

Айвен не видел младшей сестры Пьера во плоти — и роскошной плоти! — с тех пор, как она рассталась со своим третьим супругом и удалилась в округ Форратьеров в качестве официальной хозяйки дома своего брата и неофициальной представительницы округа. Говорили, что она куда больше понимает в управлении округом, чем Пьер, и этому Айвен вполне мог поверить. Сейчас леди Донне должно быть около сорока. Интересно, не начала ли она полнеть? Ей бы это пошло. Кожа цвета слоновой кости, густые кудрявые темные волосы до бедер, янтарно-карие глаза…

— О, а я-то понять не мог, почему Ришара никак не утвердят! — воскликнул Алекс.

Бай пожал плечами:

— Посмотрим, что сделает леди Донна, когда вернется с Колонии Бета.

— Моя мать сочла странным, что леди Донна уехала до похорон, — заметил Айвен. — Она не слышала ни о каких ссорах между Донной и Пьером.

— На самом деле для представителей моей семейки они ладили довольно неплохо. Но дело не терпело отлагательства.

Личные воспоминания Айвена о встречах с Донной были весьма яркими. Он тогда был зеленым молодым офицером, она — на десять лет старше и еще не вышла в очередной раз замуж. Айвен вдруг сообразил, что так и не рассказал Донне, как ее уроки помогли ему несколько лет назад выкрутиться из весьма неловкой ситуации во время дипломатического визита на Цетаганду. Надо будет ей непременно позвонить, когда она вернется с Колонии Бета. Да, годы бегут, она наверняка расстраивается и нуждается в поддержке…

— Так в чем суть ее протеста? — поинтересовался Формонкриф. — И при чем тут Колония Бета?

— Ну, увидим, во что все это выльется, когда вернется Донна. Это будет сюрприз. Желаю ей всяческих успехов. — Губы Байерли скривились в язвительной улыбке.

Принесли выпивку.

— Прекрасно! — Форратьер поднял бокал. — Господа, выпьем за семейную жизнь! Я заслал сваху!

Айвен замер, не донеся бокал до рта.

— Прошу прощения?

— Я встретил женщину, — самодовольно заявил Алекс. — Вообще-то надо было сказать, *ту самую* женщину. За что очень тебе признателен, Айвен. Я бы никогда не узнал о ее существовании без твоей маленькой подсказки. Бай как-то раз ее видел. Она во всех отношениях достойна стать госпожой Формонкриф, согласен, Бай? У нее отличные связи — племянница лорда Аудитора Фортица. Откуда ты о ней узнал, Айвен?

— Я… я познакомился с ней у моего кузена Майлза. Она проектирует для него сад.

Как Алексу удалось зайти так далеко и так быстро ?

— Не знал, что лорд Форкосиган интересуется садами. Чем только люди не интересуются! Ладно, как бы то ни было, я ухитрился вытянуть из нее имя ее отца и адрес в процессе беседы о генеалогических древах. Южный континент. Пришлось покупать свахе билет туда и обратно, но она — одна из лучших в Форбарр-Султане, хотя их не так много осталось. Пользуйся лучшим, как говорится.

— Госпожа Форсуассон приняла твое предложение? — поразился Айвен. *На такой поворот я никак не рассчитывал …*

— Ну, я полагаю, что примет. Когда получит предложение. Сейчас почти никто не пользуется старой официальной системой. Надеюсь, она воспримет это как романтический сюрприз. И будет сражена наповал. — Самодовольство Алекса внезапно сменилось беспокойством, которое он тут же залил большим глотком пива.

Бай Форратьер проглотил вино и те слова, которые уже собрался произнести.

— Думаешь, она согласится? — осторожно поинтересовался Айвен.

— С чего бы ей отказываться — в ее-то положении? Таким образом она снова станет хозяйкой дома, к чему она, безусловно, привыкла. И как же еще она может обрести свой дом? Она истинная фор-леди и, вне всякого сомнения, оценит любезность. Так что у меня перед майором Замори преимущество.

Она еще не дала согласия, значит, надежда пока есть. Это не торжество, а просто нервное бормотание, ищущее успокоения в алкоголе. Звучит идеаль… Айвен сделал большущий глоток. *Погоди-ка…*

— Замори? Я ничего не рассказывал Замори о вдове…

Айвен специально выбрал Формонкрифа как вполне подходящую кандидатуру на роль Майлзова соперника, который при этом не являет собой реальной угрозы. С точки зрения социального статуса простой фор не может конкурировать с наследником графства и Имперским Аудитором. В физическом плане… хм! Похоже, он не все до конца продумал. Формонкриф — довольно красивый малый. И как только госпожа Форсуассон выйдет из сферы харизматического влияния Майлза, сравнение может оказаться… довольно болезненным. Но ведь Формонкриф — тупица! Госпожа Форсуассон наверняка не может предпочесть его… *А сколько у тебя знакомых женатых тупиц? Кто-то же их выбрал — не такая уж это и помеха.* Но вот Замори… Замори — мужик серьезный и далеко не дурак.

— Боюсь, это я проболтался, — пожал плечами Формонкриф. — Не важно. Он не фор, а я фор. И это дает мне в глазах ее семьи преимущество, которого Замори никогда не достичь. В конце концов, она уже была замужем за фором. И должна знать, что одинокая женщина не в состоянии правильно воспитать сына. Это, конечно, обойдется в копеечку, но, как только узелок затянется, при должной решительности я смогу убедить ее отослать мальчика в настоящую форскую школу. Там из него сделают мужчину и вышибут все эти глупости, пока они не превратились в привычку.

Они допили пиво, и Айвен заказал еще на всех. Формонкриф поднялся и направился в туалет.

Айвен, закусив костяшки пальцев, уставился на Байерли.

— Проблемы, Айвен? — небрежно поинтересовался Бай.

— Мой кузен Майлз ухаживает за госпожой Форсуассон. И приказал мне держаться от нее подальше под угрозой страшной мести.

Байерли вскинул брови.

— Тогда тебя непременно развлечет зрелище, как Майлз уничтожит Формонкрифа. Или возможен другой поворот событий?

— Да он меня наизнанку через задницу вывернет, если узнает, что это я натравил Формонкрифа на вдовушку! Тут еще и Замори, о Господи!

Байерли улыбнулся уголком губ.

— Ну-ну! Я там был. Формонкриф надоел ей до смерти.

— Да, но… Возможно, у нее затруднительное положение. Что, если она ухватится за первого же, кто подвернется… Погоди-ка! Ты?! Ты-то как там оказался?

— Алекс сболтнул. Привычка у него такая.

— Вот уж не знал, что ты ищешь жену!

— Не ищу. Не паникуй. И не намереваюсь насылать на бедную женщину сваху — вот уж действительно анахронизм! Хотя должен признать, что я ее не утомил. Даже, кажется, слегка заинтриговал. Неплохо для первой встречи. Если я когда-нибудь вознамерюсь за кем-нибудь приударить, непременно возьму с собой Формонкрифа — его присутствие еще лучше оттеняет мои достоинства. — Байерли оглянулся, чтобы удостовериться, что объект их сплетен еще не вернулся, слегка подался вперед и понизил голос. — Знаешь, — тихо проговорил он, — мне кажется, кузина Донна будет очень рада, если ты поддержишь ее в готовящемся деле. Ты можешь быть ей очень полезен. Ты близок с лордом Аудитором — маленьким, но на редкость убедительным в его новой роли. Я оценил. А также с леди Элис и самим Грегором. Они — значительные люди.

— Они-то значительные, а вот я — нет. — За каким чертом Байерли понадобилось льстить *ему?* Должно быть, Баю что-то нужно. До зарезу.

— Ты не хотел бы встретиться с леди Донной, когда она вернется?

— О! — Айвен моргнул. — Это — с радостью! Только… — Он задумался. — Только я не очень понимаю, чего она хочет добиться. Даже если она блокирует Ришара, графство может отойти только кому-нибудь из его сыновей или младших братьев. Если только вы не планируете массовой резни на следующем семейном сборе — что даже для тебя, на мой взгляд, слишком, — то я не понимаю, тебе-то какая от всего этого польза? Бай коротко улыбнулся.

— Я же сказал, что не хочу графства. Встреться с Донной. Она все тебе объяснит.

— Ну ладно… В любом случае удачи ей.

— Отлично! — Бай уселся поудобней.

Формонкриф вернулся к пиву и обсуждению матримониальных планов. Айвен безуспешно попытался сменить тему. Байерли удалился как раз перед тем, как должен был наступить его черед покупать всем пиво. Наконец Айвену под предлогом служебных обязанностей тоже удалось удрать.

Как же избежать встреч с Майлзом? Попросить о переводе в какое-нибудь отдаленное посольство все равно нельзя, пока тянется эта чертова катавасия со свадьбой. Дезертировать, конечно, можно. Удрать и вступить в кшатрианский иностранный легион. Нет, учитывая обширные связи Майлза, во всей галактике не найдется такой черной дыры, где можно скрыться от гнева разлюбезного кузена. И его изобретательности. Придется положиться на удачу и непроходимую глупость Формонкрифа. А что касается Замори… Похитить? Убить? А может, познакомить с другими женщинами? Точно! Только не с леди Донной. Леди Донну Айвен решил приберечь для себя.

Леди Донна… Уж она-то не легкая добыча. Любой мужчина, осмеливавшийся распушить перед ней хвост, рисковал оказаться изрезанным на куски. Элегантная, утонченная, уверенная в себе… Женщина, которая отлично знает, чего хочет и как этого добиться. Женщина одного с Айвеном круга, свободно знает правила игры. Чуть старовата, конечно, но продолжительность жизни сейчас выросла настолько, что возраст не имеет значения. Поглядите на бетанцев. Бабушке Майлза вот-вот стукнет девяносто, а у нее, по слухам, завелся восьмидесятилетний ухажер. И почему он раньше не подумал о Донне?

Донна. Донна. Донна. Этой встречи он ни за какие коврижки не упустит!

* * *

— Я оставил ее дожидаться перед библиотекой, милорд, — донесся до ушей Карин знакомый рокот Пима. — Не желаете, чтобы я принес вам что-нибудь еще?

— Нет, спасибо, — раздался более высокий голос лорда Марка из глубины коридора. — Больше ничего не надо, благодарю.

Шаги Марка эхом разносились по коридору. Три быстрых шага, короткая пробежка, затем более размеренная поступь по арочному проходу к комнате. *Пробежка? Марк?* Как только он появился из-за угла, Карин вскочила. О Господи, ему явно не пошла на пользу столь быстрая потеря веса. Привычная тугая упитанность исчезла, и теперь он выглядел каким-то оплывшим, не изменилась лишь улыбка и сияющие глаза…

— А! Стой, где стоишь! — приказал он, схватил скамеечку для ног и подволок к Карин. Взобравшись на скамейку, он обвил руками любимую. Она тоже его обняла, и им стало не до разговоров. Они горячо целовались.

Марк на мгновение прервался, чтобы спросить:

— Как ты сюда добралась?

Затем еще пару минут не давал ей ответить.

— Пришла, — выдохнула наконец Карин.

— Пришла?! Да это добрых полтора километра!

Положив руки ему на плечи, Карин слегка отстранилась, глядя ему в лицо. Слишком бледный, осуждающе подумала она. Почти мучнистый. Хуже того, сходство с Майлзом снова проявилось вместе со скулами. Наблюдение, которое — Карин знала — приведет его в ужас. И она промолчала.

— Ну и что? В хорошую погоду мой папа каждый божий день ходил сюда пешком, невзирая на трость и все остальное, когда служил помощником лорда регента.

— Если бы ты позвонила, я послал бы за тобой Пима с машиной! Черт, да я бы сам за тобой приехал. Майлз сказал, что я могу пользоваться его флайером, когда захочу.

— На флайере? Шесть кварталов? — возмутилась Карин между очередными поцелуями. — В такое чудесное весеннее утро?!

— Ну, у них тут нет бегущих дорожек… м-м-м… как хорошо! — Он потерся носом о ее ухо, вдыхая аромат вьющихся волос, и осыпал поцелуями шею от уха до ключицы. Поцелуи жгли ей кожу. — Соскучился, соскучился, соскучился…

— Я тоже соскучилась, соскучилась, соскучилась! — Хотя они могли бы вернуться вместе, если бы он не возжелал заскочить на Эскобар.

— По крайней мере благодаря этой пешей прогулке ты такая горячая… ты можешь подняться в мою комнату и снять с себя всю эту теплую одежду… может Пыхтун немного поиграть, м-м?

— *Здесь?! В особняке Форкосиганов?!* Со всеми этими болтающимися вокруг оруженосцами?

— В настоящий момент я тут живу. — Теперь уже Марк отстранился и посмотрел на нее. — И оруженосцев здесь всего три, один из которых днем спит. — Между его бровями пролегла озабоченная морщинка. — А у тебя?..

— Еще хуже. Полный дом предков. И сестриц. *Болтливых* сестриц.

— Снять комнату? — выдвинул предложение Марк после некоторого размышления.

Карин покачала головой, пытаясь найти слова, чтобы выразить чувства, которых сама толком не понимала.

— Мы могли бы позаимствовать флайер Майлза…

Это предложение вызвало у нее невольный смех.

— Вот уж где точно слишком мало места! Даже если мы оба будем принимать твои мерзкие лекарства.

Да, неизвестно о чем он думал, когда покупал эту штуку. Лучше уж большой аэрокар с широкими откидывающимися сиденьями. Как в этом его бронированном лимузине, оставшемся с времен Регентства…

— Эй! Мы могли бы забраться на заднее сиденье, затемнить окна до зеркальности…

Карин беспомощно покачала головой.

— Ну хоть *где-нибудь* на Барраяре?

— В том-то и проблема, — вздохнула она. — Это Барраяр.

— На орбите? — с надеждой ткнул он в небо.

Карин горько рассмеялась:

— Не знаю, не знаю…

— Карин, что случилось? — Теперь он уже не на шутку встревожился. — Я что-то не так сделал? Не то сказал? Что я… Ты все еще сердишься из-за лекарств? Прости. Прости! Я перестану их принимать. Я… Я снова наберу вес. Все, что ты скажешь!

— Дело не в этом. — Карин еще чуть-чуть отодвинулась, не выпуская из рук ладони Марка. Она склонила голову набок. — Хотя я решительно не понимаю, почему из-за того, что ты похудел, ты кажешься на голову ниже. Какой-то непонятный оптический обман. Каким образом масса может повлиять на рост? Но нет, дело не в тебе. А во мне.

Марк сжал ей руки.

— Я не понимаю, — искренне растерялся он.

— Я размышляла над этим все десять дней, пока дожидалась твоего прилета. О тебе, о нас, обо мне. И с каждым днем чувствовала себя все более странно. На Колонии Бета все

казалось таким правильным, таким логичным. Все в открытую, официально, разрешено. Здесь же… Я не смогла заставить себя рассказать о нас родителям. Я пыталась собраться с духом. Но не смогла даже сестрам рассказать. Может, если бы мы вернулись вместе, я бы не струсила, но… я струсила.

— Где… Ты что, вспомнила барраярские народные предания, где любовник девушки оказывается головой в чане для вымачивания шкур, когда ее родственники застукивают его с ней?

— Чане для вымачивания шкур? Нет!

— Я об этом думал… Полагаю, твои сестрицы запросто могут такое учинить, если примутся за дело всей командой. Открутить мне голову, я хочу сказать. И мать твоя сможет. Она вас всех обучила.

— Как бы мне хотелось, чтобы тетя Корделия была здесь! — Стоп, похоже, не очень удачное замечание в данном контексте. Чан для шкур, Бог ты мой! Марк настолько параноидален… Спокойно. — Я совсем о тебе не думала!

— О! — Голос его стал бесцветным.

— Да нет же, я не то хотела сказать! Я думала о тебе днем и ночью! О нас. Но я так неуютно себя чувствую после возвращения. Мне кажется, что меня снова запихали на мое прежнее место в замкнутое пространство барраярской культуры! Я это чувствую, но никак не могу этому помешать! И это ужасно!

— Защитная окраска? — По его тону было ясно, что он вполне понимает желание закамуфлироваться. Пальцы Марка пробежали по ее ключице и обхватили шею. Сейчас было бы так приятно ощутить, как он гладит шею… он так старался научиться дотрагиваться до кого-то и разрешить дотрагиваться до себя, научился преодолевать панику, спазмы и одышку… Дыхание Марка участилось.

— Что-то в этом роде. Но я ненавижу ложь и тайны.

— А ты не могла бы… просто рассказать своей семье?

— Я пыталась. И не смогла. А ты сможешь?

Марк озадачился.

— А ты этого хочешь? Тогда уж точно моя башка окажется в чане.

— Нет-нет! Чисто теоретически?

— Я могу рассказать *моей* матери.

— *Твоей* я тоже могу. Она бетанка. Она из другого мира, того самого, где нам с тобой было так хорошо. Это *моей* матери я не могу сказать. А раньше всегда могла ей все рассказать. — Карин заметила, что немного дрожит. Марк, продолжавший держать ее за руки, тоже ощутил ее дрожь. Она поняла это по промелькнувшей в его глазах боли, когда Марк поднял взгляд. — Не понимаю, как что-то может быть таким правильным в одном месте и казаться таким неправильным в другом! — сказала Карин. — Это не должно быть неправильным тут. И правильным там. Так не должно быть!

— Это полная бессмыслица! Там ли, тут — какая разница?

— Если никакой разницы, то чего ради ты так старался похудеть, прежде чем ступить на Барраяр?

Марк открыл рот и снова закрыл.

— Ну что же. Это всего на пару месяцев. Пару месяцев я вполне могу вынести.

— Все гораздо хуже. Ой, Марк! Я не могу вернуться на Колонию Бета!

— Что? Почему? Мы планировали… Ты планировала… Это твои родители что-то заподозрили насчет нас? Они запретили тебе…

— Да нет! Во всяком случае, я так не думаю. Дело в деньгах. Точнее, в их отсутствии. Без стипендии графини я не смогла бы поехать и в прошлом году. Мама с па говорят, что они на мели, а я представления не имею, как заработать нужную сумму за несколько месяцев. — Карин решительно закусила губу. — Но я непременно что-нибудь придумаю.

— Но если ты не сможешь… Но я еще не закончил дела на Колонии Бета, — жалобно проговорил он. — Мне еще предстоит год учебы и год лечения!

Или больше .

— Но ты ведь потом намерен вернуться на Барраяр, верно?

— Да, наверное. Но целый год врозь… — Он обнял ее крепче, будто злобные родители вот-вот вырвут ее у него из рук. — И это будет… очень трудно без тебя, — приглушенно пробормотал он.

Через некоторое время, глубоко вздохнув, Марк оторвался от нее. И поцеловал ей руки.

— Не стоит паниковать, — ласково проговорил Марк, адресуясь ее пальцам. — У нас есть несколько месяцев, чтобы что-нибудь придумать. А за это время много чего может произойти. — Он поднял голову, попытавшись изобразить спокойную улыбку. — Все равно я рад, что ты тут. Пошли посмотришь моих жучков-маслячков.

— Кого?

— Почему все так странно реагируют на это название? Мне казалось, оно довольно простое. Жучки-маслячки. Не полети я на Эскобар, так никогда и не узнал бы об их существовании. Выходит, в любом случае не без пользы слетал. Меня на них навела Лили Дюрон, точнее, не на них, а на Энрике, который как раз вляпался в крупные неприятности. Он великий биохимик, но никакой деловой жилки. Я внес за него залог и вытащил из тюрьмы, а потом помог забрать экспериментальные образцы у идиотов-кредиторов, их конфисковавших. Ты бы посмеялась, глядя, как мы осуществляем налет на его лабораторию. Пошли посмотришь.

Он поволок ее за руку по коридорам огромного дома.

— Налет? На Эскобаре? — с сомнением в голосе переспросила Карин.

— Ну, возможно, налет — это громко сказано. Все прошло исключительно мирно и без эксцессов. Скорее кража со взломом. Мне на самом деле пришлось припомнить кое-какие прежние навыки, хочешь верь, хочешь нет.

— По-моему, это не очень… законно.

— Может, и нет, зато этично. Жучки принадлежат Энрике, в конце концов, это он их создал. И любит, как домашних зверушек. Он плакал, как дитя, когда сдохла одна из его любимых королев. Трогательное зрелище. И если бы именно в тот момент мне не хотелось его придушить, я бы ему очень посочувствовал.

Карин как раз начала задумываться, не имеют ли эти чертовы препараты для похудания какой-то побочный психологический эффект, о котором Марк не соизволил ей сообщить, когда они добрались до подвальной прачечной особняка Форкосиганов. Она не бывала в этой части дома с детства, когда играла тут в прятки со своими сестрами. Из окон под потолком лился слабый свет. Длинный темноволосый курчавый тип на вид лет двадцати задумчиво бродил среди кучи полураспакованных ящиков.

— Марк, — вместо приветствия изрек он, — мне нужно больше полок. И лавок. И света. И тепла. Девочки мерзнут. Ты обещал.

— Прежде чем кинешься покупать новые, пошарьте по кладовкам, — дала практический совет Карин.

— О, отличная мысль! Карин, это доктор Энрике Боргос с Эскобара. Энрике, это моя… мой друг Карин Куделка. Мой лучший друг. — При этом Марк собственнически сжимал ее руку. Но Энрике лишь рассеянно кивнул девушке.

Марк повернулся к широкому накрытому подносу, лежащему на ящике.

— Не смотри пока, — кинул он ей через плечо.

Карин припомнилось кое-что из совместного сосуществования с дорогими сестрицами: открой рот, закрой глаза, и тебя ждет большой сюрприз… Она предусмотрительно проигнорировала его указания и придвинулась поближе — посмотреть, чем он там занимается.

Марк снял с подноса крышку, и взгляду Карин предстала кишащая масса коричнево-белых существ, тихонько поскрипывающих и наползающих друг на друга. Карин широко раскрыла глаза: насекомовидные, большие, перебирают лапками и шевелят усами…

Марк погрузил руку в колышущуюся массу, и Карин не выдержала:

— Фу!

— Все нормально. Они не кусаются и не жалят, — ухмыльнулся он. — Вот видишь? Карин, познакомься с жучком-маслячком. Жучок, это Карин.

Марк протянул на ладони жука размером с ее большой палец.

Он что, правда хочет, чтобы я дотронулась до этой твари?! Что ж, в конце концов, одолела же она курс бетанского сексуального обучения. Какого черта! Разрываясь между любопытством и отвращением, Карин протянула руку, и Марк положил жука ей на ладонь.

Крошечные лапки щекотали кожу, Карин нервически засмеялась. В жизни не видела такого уродства! Хотя… Кажется, на прошлогоднем курсе ксенозоологии ей доводилось препарировать тварей и попротивней. Мало что сохраняет привлекательность в распотрошенном виде. Да и пахло от жучков не так уж скверно — просто зеленью, как от живой изгороди.

Марк принялся объяснять, как жучки перерабатывают органику в своих воистину омерзительных с виду брюшках. Рассказ дополнялся педантичными поправками, вносимыми в повествование новым эскобарским другом. Насколько могла судить Карин, с точки зрения биологии все звучало вполне логично.

Энрике сорвал лепесток с одной из десятка роз, лежавших кучей в какой-то коробке, и положил лепесток ей на ладонь рядом с жуком. Жук проворно схватил лепесток передними лапками и принялся его поглощать. Энрике ласково улыбнулся тварюшке.

— И — да, Марк, — добавил он, — девочкам нужно еще еды. Как можно скорей. Это я получил утром, — махнул он на коробку с розами, — но до вечера нам не хватит.

Марк, с беспокойством наблюдавший за Карин, только сейчас заметил коробку с розами. Взгляд его скользнул на эмблему — торговый знак лучшего цветовода столицы.

— Где ты взял цветы? — удивленно спросил он. — Погодика, ты купил *эти розы на корм жукам?!*

— Я спросил у твоего брата, где можно раздобыть какие-нибудь растения земного происхождения, которые могли бы понравиться девочкам. Он сказал: позвони туда-то и закажи. Кстати, кто такой Айвен?.. Да, только это чертовски дорого. Боюсь, нам придется пересмотреть бюджет.

Марк кисло улыбнулся и, прежде чем ответить, мысленно сосчитал до десяти.

— Понятно. Боюсь, возникло небольшое недоразумение. Айвен — наш двоюродный брат. Тебе, вне всякого сомнения, рано или поздно не избежать встречи с ним. Есть куда более дешевые растения земного происхождения. Полагаю, ты и сам можешь найти их на улице… нет, пожалуй, не стоит посылать тебя одного. — Он уставился на Энрике примерно так, как Карин смотрела на жука, лежавшего в ее ладони. Жучок тем временем уже почти разделался с розовым лепестком.

— Кроме того, мне как можно быстрее нужен лаборант, — добавил Энрике. — Ежели, конечно, мне предстоит заняться новыми исследованиями. И доступ ко всему, что известно здешним аборигенам о барраярской биохимии. Не хочу тратить время на изобретение велосипеда.

— По-моему, у брата есть кое-какие связи в университете Форбарр-Султана. И в Имперском научно-исследовательском институте. Уверен, он сможет обеспечить тебе доступ к чему угодно, если это не засекречено. — Марк пожевал губу и нахмурился, на мгновение напомнив глубоко задумавшегося Майлза. — Карин… Ты, кажется, говорила, что ищешь работу?

— Да…

— А ты бы ничего не имела против работы лаборанта? Ты ведь в прошлом году прослушала на Бете пару курсов по биологии…

— Бетанская подготовка? — встрепенулся Энрике. — В этой дыре есть люди с бетанской подготовкой?

— Всего лишь пара общих курсов, — поспешно пояснила Карин. — И на Барраяре полно народу, получивших самое разное галактическое образование.

Этот малый что, полагает, будто тут все еще Период Изоляции ?

— Неплохое начало, — благосклонно провозгласил Энрике. — Но я вот что собирался спросить, Марк. Разве у нас в данный момент достаточно средств, чтобы нанимать кого-то?

— М-м-м… — протянул Марк.

— Ты — и без денег? — несказанно изумилась Карин. — Чем ты там занимался, на Эскобаре?

— Вовсе я не без денег. Просто сейчас средства главным образом вложены в оборот, а я потратил несколько больше наличных, чем собирался. Так что у нас просто временный напряг. К концу квартала я эту проблему решу. Но должен признаться, я очень рад, что смог на первом этапе без затрат обеспечить работу по проекту Энрике.

— Мы можем снова выпустить акции, — предложил Энрике. — Именно так я раньше и делал, — пояснил он Карин.

— Вряд ли, — скривился Марк. — По-моему, я уже говорил с тобой насчет предприятий закрытого типа.

— Вообще-то многие таким образом собирают венчурный капитал, — заметила Карин.

— Но при этом они не продают пятьсот восемьдесят процентов акций компании, — тихонько сообщил ей Марк.

— Ой!

— Я собирался им все выплатить! — возмущенно запротестовал Энрике. — Я был так близок к успеху, что никак не мог в тот момент остановиться!

— Хм… Извини, Энрике, мы на секунду…

Марк решительно взял Карин за руку, вывел в коридор и плотно прикрыл за собой дверь.

— Ему не нужен лаборант. Ему нянька нужна! Господи, Карин, ты даже не представляешь, насколько облегчишь мне жизнь, если поможешь держать этого парня в узде. Тебе-то я могу совершенно спокойно доверить кредитные карты, ты будешь вести бухгалтерию и выдавать ему карманные деньги. А также — держать подальше от темных переулков, не позволять рвать цветы в императорском саду, не давать спорить с охранниками из СБ и удерживать от прочих самоубийственных выходок, что взбредут ему на ум. Штука в том… хм… — Он замялся. — Ты не согласилась бы стать акционером?.. Вместо зарплаты, ну хотя бы до конца квартала? Конечно, так ты не больно-то получишь на карманные расходы, но ты ведь говорила, что хочешь накопить на…

Карин скептически посмотрела на жучка-маслячка, уже прикончившего остатки розового лепестка и теперь исследующего ее ладонь.

— Ты и правда можешь дать мне акции? Только акции — чего? К тому же… если дело у тебя по каким-то причинам не пойдет, у меня не останется никаких запасных вариантов.

— Пойдет непременно! — горячо заверил Марк. — Я заставлю эту идею работать. Мне принадлежит пятьдесят процентов акций компании. Я приказал Ципису официально зарегистрировать нас в округе как научно-исследовательскую внедренческую компанию за пределами Хассадара.

Он предлагает ей поставить все их будущее на карту, полагаясь всего лишь на странное увлечение биопредпринимательством, а она при этом даже не уверена, что он в своем уме!

— А что думает по этому поводу твоя… э-э… Черная Команда?

— Их это никоим образом не касается.

Что ж, это утешает. Похоже, это плод творчества основной личности, лорда Марка, а не заморочки подсознания, преследующего собственные цели.

— Ты действительно считаешь, что Энрике настолько гениален? Марк, там, в лаборатории, я сперва подумала, что это жуки так воняют, но невыносимый запах идет от него! Когда он мылся в последний раз?

— Наверное, попросту забыл принять душ. Можешь спокойно ему напоминать. Он не обидится. Считай это частью своих обязанностей — заставляй его мыться, есть, возьми на себя заботу о его кредитке, лабораторном оборудовании, заставляй его смотреть по сторонам

при переходе улицы. Да и потом, эта работа — отличный предлог бывать в особняке Форкосиганов.

Ну, если подойти с этой позиции… К тому же Марк смотрит на нее молящим щенячьим взглядом… Марк, хоть и совершенно по-своему, не хуже Майлза научился манипулировать людьми и заставлять делать то, о чем в конечном итоге жертвы манипуляций могут сильно пожалеть. Заразное умение, фамильная черта Форкосиганов.

— Ну… — Едва слышное «ик» заставило ее опустить глаза. — Ох нет! Марк! Твой жук болен! — Несколько миллилитров густой белой жидкости капнули ей в ладонь.

— Что такое? — встревоженно наклонился Марк. — С чего ты взяла?

— Его тошнит. Фу! Может, это реакция на п-в-прыжок? Некоторых людей потом мутит по нескольку дней!

Карин завертела головой, выискивая, куда положить жучка, пока он не лопнул.

— А! Да нет, все в порядке. Все идет по плану. Он только что выдал порцию масличка. *Хорошая* девочка, — пропел он жучку. По крайней мере Карин надеялась, что жучку.

Карин решительно взяла Марка за руку и сунула ему в ладонь несколько осунувшегося жучка, после чего вытерла свою руку о его рубашку.

— Жук — твой. Ты его и держи.

— Наши жуки?.. — нерешительно предложил он, без возражений принимая насекомое. — Ну пожалуйста…

По правде говоря, жучья отрыжка вовсе не воняла. Наоборот, она источала благоухание роз и запах мороженого. Однако Карин без труда воздержалась от инстинктивного желания слизнуть густую массу с ладони. Устоять же перед Марком оказалось куда сложней…

— Ой, ну ладно! — *И как ему всякий раз удается втравливать меня в такие штуки?* — Договорились.

Глава 5

Оруженосец Пим провел Катриону в центральный холл особняка Форкосиганов. Она запоздало подумала, не лучше ли было воспользоваться черным ходом, но во время экскурсии по дому лорд Форкосиган забыл показать ей сию достопримечательность. Впрочем, судя по обычной доброжелательной улыбке Пима, она ведет себя правильно.

— Госпожа Форсуассон! Добро пожаловать! Чем могу быть полезен?

— У меня несколько вопросов к лорду Форкосигану. Ничего срочного, но я подумала, если он сейчас дома и не занят… — Катриона неловко замолчала.

— По-моему, сударыня, он еще наверху. Если вы соблаговолите немного подождать в библиотеке, я извещу его немедленно.

— Я найду дорогу, не беспокойтесь, — поспешно сказала Катриона и вдруг спохватилась: — Ой, подождите! Если он еще спит, пожалуйста, не…

Но Пим уже поднимался по лестнице.

Покачав головой, Катриона побрела в библиотеку. Да, нельзя не признать: оруженосцы Форкосигана — на редкость энергичны, доброжелательны и очень привязаны к своему господину. И удивительно сердечны в отношении визитеров.

Интересно, размышляла Катриона, нет ли в форкосигановской библиотеке одного из тех чудесных рукописных травников Периода Изоляции, и — если есть — нельзя ли будет его одолжить. Она подошла к дверям — и резко остановилась. Библиотека была занята: темноволосый плотненький коротышка склонился над коммом, выглядевшим среди всей этой старины несколько неуместно. На дисплее светился разноцветный график. Заслышав шаги, молодой человек поднял голову.

Катриона широко распахнула глаза. «При моем росте, — жаловался лорд Форкосиган, — эффект чертовски сногсшибательный».

Чрезмерная полнота поражала ничуть не меньше, чем удивительное сходство с (как там это называется в отношении клонов?) породителем, наполовину скрытое за… Интересно,

почему в голову мгновенно пришло определение за «барьер из плоти». Но больше всего поражали его глаза — такие же пронзительно серые, как у Майлза… у лорда Форкосигана, только абсолютно непроницаемые и настороженные. Одет он был в черные брюки и черную рубашку. Из-под расстегнутой темно-зеленой куртки в деревенском стиле выпирал живот.

— Ой! Вы, должно быть, лорд Марк. Прошу прощения! — быстро проговорила Катриона.

Молодой человек откинулся на стуле, коснувшись пальцем губ — характерный жест лорда Форкосигана, — потеребил двойной подбородок — явно его собственная привычка.

— Напротив, я очень рад.

Катриона растерянно вспыхнула.

— Я не хотела… Не хотела мешать…

Лорд Марк вскинул брови.

— У вас есть передо мной преимущество, миледи. — Тембр голоса — в точности как у брата, разве что, возможно, чуть ниже.

И акцент какой-то странный — не совсем барраярский и не совсем инопланетный.

— Нет-нет, не миледи, просто госпожа. Катриона Форсуассон. Простите меня. Я… м-м-м… консультант вашего брата по дизайну ландшафтов. И пришла узнать, что делать с кленом, о котором мы с ним говорили. Пустить на компост? Сжечь? — Она указала на камин из белого мрамора. — Или продать утилизаторам?

— Клен, говорите… Он ведь земного происхождения, так?

— Ну да.

— Я заберу каждую стружку, которая не понадобится брату.

— Куда… куда вам это принести?

— В гараж, я полагаю. Там будет сподручней.

Катриона представила здоровенную кучу дров в безукоризненно вылизанном гараже Пима.

— Дерево довольно большое.

— Вот и хорошо.

— Вы увлекаетесь садоводством… лорд Марк?

— Вовсе нет.

Бессвязную беседу прервал топот сапог. Появившийся в дверях Пим сообщил:

— Милорд спустится через пару минут, госпожа Форсуассон. Он просил вас непременно дождаться его и не уходить. — И добавил более доверительным тоном: — Вчера вечером у него был припадок, и сегодня он несколько заторможенный.

— О Господи! У него ведь потом всегда чудовищная мигрень! Мне не следовало его беспокоить, пока он не примет обезболивающее и не выпьет черного кофе. — Катриона направилась к дверям.

— Нет-нет! Присядьте, сударыня. Пожалуйста, присядьте. Милорд очень на меня рассердится, если я не выполню его указания. — Пим, встревоженно улыбаясь, подвел ее к стулу. Катриона нехотя уселась. — Вот так. Вот и хорошо. Не двигайтесь.

Пим некоторое время смотрел на нее, будто опасался, что она сбежит, затем снова испарился. Лорд Марк проводил его взглядом.

Вряд ли лорд Форкосиган относится к старым форам, швыряющим сапогом в голову не угодивших им слуг, но Пим казался действительно встревоженным — так что кто знает? Оглядевшись, Катриона обнаружила, что лорд Марк, постукивая пальцами по столу, не сводит с нее глаз.

— Припадки?.. — приглашающим тоном произнес он.

Катриона уставилась на него, не совсем понимая, о чем он спрашивает.

— Видите ли, после этих припадков чудовищно болит голова.

— Я так понял, что он практически вылечился. На самом деле это не совсем так?

— Вылечился? Вряд ли, судя по тому, что мне довелось видеть. Это контролируемые припадки, как он говорит.

Лорд Марк сощурился:

— Значит… И где же вы наблюдали этот спектакль?

— Припадок? В моей гостиной вообще-то. В старой квартире на Комарре. — Перехватив взгляд собеседника, Катриона пояснила: — Я познакомилась с лордом Форкосиганом во время его последнего аудиторского расследования.

— О! — Марк оглядел ее с головы до пят, только сейчас заметив вдовий наряд. — И что же?..

— У него в мозг вживлен микрочип, изготовленный медиками. Этот чип провоцирует припадки тогда, когда удобно лорду Форкосигану, чтобы избежать спонтанности. — Интересно, нынешний припадок был вызван сознательно, или Майлз снова слишком затянул и перенес более сильный спонтанный вариант? Он тогда говорил, что урок не прошел даром, но…

— По какой-то причине он не счел нужным сообщить мне эти подробности, — пробормотал лорд Марк. На его лице промелькнула странная невеселая улыбка. — А он вообще-то рассказывал вам, каким образом эти припадки заработал?

Катриона прибегла к промежуточному варианту между правдой и недомолвками.

— Последствия криооживления, по его словам. Я как-то видела шрамы от иглогранаты у него на груди. Лорду Форкосигану повезло, что он вообще до сих пор жив.

— Хм. А он не упоминал, что познакомился с иглогранатой, когда спасал мою несчастную задницу? — Лорд Марк вызывающе вскинул голову.

— Нет… — Катриона смутилась. — По-моему, он не имеет права особенно распространяться по поводу его… его прошлой карьеры.

Лорд Марк кисло улыбнулся и побарабанил пальцами по комму.

— Видите ли, у моего брата есть скверная привычка выдавать свою версию событий, которая устроила бы аудиторию.

Катриона вполне могла понять, почему лорд Форкосиган терпеть не мог проявлять хоть какую-то слабость. Но лорд Марк, кажется, на что-то разозлился. Почему? Она поспешила найти нейтральную тему.

— Значит, вы называете его братом, а не породителем?

— В зависимости от настроения.

И тут появился объект обсуждения, положив конец их беседе. Лорд Форкосиган облачился в отлично пошитый серый костюм и начищенные до блеска полуботинки. Волосы — еще влажные — зачесаны. В воздухе витает легкий аромат одеколона. Пепельно-серое лицо и припухшие веки плохо гармонируют с деланной энергичностью. Короче — реанимированный труп, который нарядили для раута.

Лорд Форкосиган одарил Катриону жутковатой улыбкой, с подозрением глянул на клон-брата и напряженно уселся между ними в кресло.

— Хм, — изрек он.

Выглядел он сейчас ужасающе точь-в-точь, как в то достопамятное утро на Комарре, — разве что без кровоподтеков и ссадин.

— Лорд Форкосиган, вы не должны были вставать!

Он чуть пошевелил пальцами, что могло означать и согласие, и отрицание, но тут прибыл бдительный Пим с подносом, на котором дымился кофейник, стояли чашки и прикрытая салфеткой корзина, источавшая изумительный аромат свежевы-печенного хлеба. Катриона зачарованно смотрела, как Пим наливает кофе в чашку и осторожно вкладывает ее в руку своего господина. Лорд Форкосиган отхлебнул глоток, блаженно вдохнул кофейный запах, отпил еще, поднял глаза и моргнул.

— Доброе утро, госпожа Форсуассон. — Голос звучал как из бочки.

— Доброе утро… ой! — Пим проворно сунул ей чашку.

Лорд Марк выключил комм, добавил в кофе сахара и сливок и с явным интересом уставился на брата-породителя.

— Спасибо, — поблагодарила Катриона Пима. Она понадеялась, что лорд Форкосиган

уже принял болеутоляющее. Судя по тому, с какой скоростью на его лицо возвращались краски, так оно и есть.

— А вы ранняя пташка, — заметил Форкосиган.

Катриона чуть было не сообщила ему, сколько сейчас времени, но спохватилась, решив, что это не слишком тактично.

— Мне не терпелось начать работу над первым настоящим садом. Рабочие уже приступили к снятию терраформированного слоя почвы. Еще одна бригада скоро прибудет, чтобы пересадить дуб. И мне пришло в голову поинтересоваться у вас, что делать с кленом — оставить на дрова или пустить на компост?

— Дрова. Безусловно. Мы временами топим камин, когда демонстративно изображаем приверженцев традиций — на бетанских гостей моей матушки это производит неизгладимое впечатление. И на Зимнепраздник всегда жгут костры. Где-то за кустами стоит поленница. Пим вам покажет.

Пим охотно кивнул.

— Я делаю заявку на опилки, щепки и листья, — сообщил лорд Марк. — Для Энрике.

Лорд Форкосиган отмахнулся, пожав плечами.

— Это касается только тебя и восьми тысяч твоих маленьких приятелей.

Судя по всему, слова брата нисколько не удивили лорда Марка. Он благодарно кивнул. Катриона предалась размышлениям, насколько невежливо будет прямо сейчас встать и уйти. Ведь она невольно вытащила своего работодателя из постели. Нет, пожалуй, все же сначала надо хотя бы допить кофе.

— Если все пойдет нормально, котлован начнут рыть уже завтра.

— А, отлично! Ципис показал вам, как собрать все необходимые разрешения на подключение к энергосети и водоснабжению?

— Да, все в порядке. И я узнала об инфраструктуре Форбарр-Султана куда больше, чем хотела.

— Да… Эта инфраструктура намного старше и причудливее, чем вы думаете. Вам стоит как-нибудь послушать рассказы Дру Куделки о войне, о том, как они сбежали по канализации, заполучив предварительно голову Фордариана. Попробую разговорить ее на ужине.

Лорд Марк облокотился на комм и, тихонько покусывая палец, потер себе шею.

— Похоже, как раз через неделю удастся собрать всех, — добавил лорд Форкосиган. — Вас устроит?

— Да, наверное.

— Отлично. — Он повертел головой, и Пим поспешно налил ему еще кофе. — Извините, что не пришел посмотреть начало работ. Я действительно собирался, но Грегор пару дней назад отправил меня за пределы города с поручением, вылившимся в довольно странную прогулку, и я вернулся лишь поздно ночью.

— Кстати, а из-за чего был весь сыр-бор? — поинтересовался лорд Марк. — Или это Имперская Тайна?

— Увы, нет. Хуже того, об этом вовсю сплетничают в городе. Может, это отвлечет внимание от дела Форбреттена. Хотя не уверен, что случившееся можно назвать секс-скандалом. — Лорд Форкосиган слегка поморщился. — Грегор мне сказал: «Ты наполовину бетанец, Майлз, и именно тот Аудитор, что сейчас нужен». Я ответил: «Премного благодарен, сир».

Он замолчал, откусил кусочек пряного хлеба, прожевал и запил глотком кофе. Затем продолжил:

— Графа Формюира осенила гениальная мысль, как решить проблему недостатка популяции в его округе. Во всяком случае, он вообразил ее гениальной. Ты в курсе последних демографических дрязг между округами, Марк?

Лорд Марк махнул рукой и потянулся за хлебцем.

— Я не больно-то следил за барраярской политикой за последний год.

— Это тянется куда дольше. В бытность нашего отца регентом одной из первых его реформ стало введение более простых правил для подданных, желающих переехать в другой округ и принести присягу новому графу. Поскольку каждый из шестидесяти графов всячески пытался увеличить количество собственных подданных за счет чужих, па каким-то образом протащил закон на Совете. Разумеется, при этом каждый граф норовил любым способом помешать своим подданным менять сюзерена. Далее, у каждого графа — будь то прогрессист, консерватор или член своей личной партии, как этот придурочный Форфользе на Южном побережье, — есть свои законы по управлению графством, сбору налогов, поддержанию экономики и так далее. Мать называет округи шестьюдесятью социально-политическими культурными солянками. Я бы добавил — и экономическими.

— Это я изучал, — изрек лорд Марк. — С точки зрения вложения капитала.

Форкосиган кивнул.

— С практической точки зрения новый закон дал право людям выражать свое отношение к власти на местах ногами. Когда закон был принят, наши родители за ужином пили шампанское, а мама ухмылялась еще несколько дней кряду. Мне тогда было лет шесть, потому что мы тогда уже жили здесь, насколько я помню. В результате, как вы понимаете, возникло соревнование, которое продолжается и по сей день. Граф Формудрец улучшает жизнь своих подданных, его округ процветает, его доходы, соответственно, тоже. Его сосед граф Форбалбес ничего не делает в плане улучшения жизни населения, и оно утекает, как из решета, а доходы Форбалбеса падают. И собратья-графы вовсе не проникаются к нему сочувствием, потому что его потери — это выигрыш.

— Ага! — воскликнул Марк. — А округ Форкосиганов выигрывает или проигрывает?

— Полагаю, мы — перевалочный пункт. Мы спокон веку теряли население в пользу Форбарр-Султана. И чертова прорва верноподданных последовала в прошлом году за вице-королем на Зергияр. С другой стороны, окружной университет, новые колледжи и медицинские комплексы в Хассадаре притягивают народ. Ну, как бы то ни было, граф Формюир — вечный аутсайдер в этой демографической игре. И он внедрил то, что чистосердечно считает очень прогрессивным личным — оч-чень личным, должен заметить — решением.

Чашка Катрионы опустела, но у нее уже давно пропало всякое желание уйти. Казалось, она может слушать лорда Форкосигана часами, когда он вот такой, как сейчас.

— Формюир, — продолжил Форкосиган, — закупил тридцать маточных репликаторов и нескольких медтехников для обслуживания оных и приступил к… э-э-э… производству подданных. Эдакий персональный центр воспроизводства с единственным донором спермы. Угадайте кем.

— Формюиром? — предположил Марк.

— И никем иным. Тот же принцип, что в гареме, только по-другому. Ах да, и в настоящий момент он клепает только девочек. Первой партии, если не ошибаюсь, уже около двух лет. На удивление симпатичные, кстати.

Катриона вытаращила глаза, представив целый выводок девчушек. Напоминает детский сад — или, в зависимости от количества децибел, акустическую гранату. *Мне всегда хотелось дочек. Не одну дочь, а много, чтобы у них были сестры, которых у меня никогда не было. А теперь уже поздно* . Ни одной дочки у нее и десятки — у Формюира. Свинья какая! Это нечестно! Катриона с изумлением обнаружила, что должна бы испытывать возмущение, а она лишь завидует. Что жена Формюира… Погодите-ка! Она нахмурилась:

— А где он взял яйцеклетки? У графини?

— А вот тут возникает следующая правовая заминка во всей этой истории, — жизнерадостно сообщил Форкосиган. — Графиня, у которой четверо своих — и его — детей-подростков, не желает иметь с этим делом ничего общего. Вообще-то она перестала с ним разговаривать и уехала. Один из оруженосцев Формюира по секрету поведал Пиму, что, когда граф в последний раз попытался навязать ей… хм… супружеский визит и пригрозил высадить дверь, графиня вылила ему на голову из окна ведро воды — а дело было в разгар

зимы — и пригрозила лично согреть его плазмотроном. А потом запустила в мужа ведром с воплем, что раз уж он так любит эти свои пластмассовые жбаны, то может воспользоваться и этим ведром. Я верно изложил, Пим?

— Не совсем дословно, но почти так, милорд.

— А она попала в него? — заинтересовался Марк.

— Да. Оба раза. Как я понимаю, у нее меткий глаз.

— Полагаю, в таком случае угроза прибегнуть к плазмотрону произвела должное впечатление.

— С точки зрения профессионала, — пояснил Пим, — когда стоишь рядом с мишенью, не отличающийся меткостью агрессор куда опаснее. Как бы то ни было, оруженосец графа убедил его покинуть поле боя.

— Но мы отвлеклись, — ухмыльнулся Форкосиган. — О, спасибо, Пим. — Внимательный оруженосец невозмутимо налил своему лорду еще кофе, затем снова наполнил чашки Катрионы и лорда Марка. — В окружной столице Формюира вот уже несколько лет работает коммерческий центр воспроизводства с маточными репликаторами, где растят детишек для состоятельных людей, — продолжил Форкосиган. — Когда какая-нибудь пара приходит туда, медики, как правило, берут у жены несколько яйцеклеток. Это самая сложная и дорогая процедура. Запасные яйцеклетки некоторое время хранятся в замороженном виде, и если их не востребуют, в дальнейшем уничтожаются. Или должны уничтожаться. Граф Формюир подошел к вопросу с практической точки зрения. Он приказал своим медикам собирать все лишние жизнеспособные яйцеклетки. Этим решением он особенно гордился, когда рассказывал мне всю эту историю.

А вот это действительно ужасало. Никки Катриона родила сама, но с тем же успехом могло быть и иначе. Если бы у Тьена хватило здравого смысла или она сама из элементарной предосторожности воспротивилась бы, вместо того чтобы позволить соблазнить себя романтическими бреднями на тему естественных родов, они с Тьеном вполне могли прибегнуть к маточному репликатору. И ей не составляло труда представить себе собственную реакцию, узнай она сейчас, что давно желанная дочка — отныне собственность какого-то эксцентрика вроде Формюира…

— А кто-нибудь из женщин знает об этом? — спросила Катриона. — Из тех, чьи яйцеклетки были… украдены, если можно так выразиться?

— Ну, вначале никто не знал. А потом поползли слухи, и в результате император решил отправить своего новоиспеченного Аудитора разобраться на месте. — Лорд Форкосиган, не поднимаясь с кресла, отвесил Катрионе поклон. — А что касается того, можно ли назвать это кражей, то Формюир заявляет, что не нарушил ни одного барраярского закона. Довольно самоуверенное заявление. В течение нескольких ближайших дней мне предстоит консультироваться с юристами Грегора и выяснить, действительно ли это так. На Колонии Бета его бы за такие фокусы подвесили вверх ногами, и медтехников с ним заодно, но на Колонии Бета Формюир и не смог бы зайти так далеко.

— И сколько же у него на данный момент девочек? — раскачиваясь на стуле, уточнил лорд Марк.

— Восемьдесят восемь уже родившихся, тридцать дозревают в маточных репликаторах. Плюс первые четверо детей. Итого сто двадцать два ребенка у этого идиота, и ни одного у… Короче, я приказал ему Голосом императора не зачинать больше детей, пока Грегор не разберется с этой хитроумной схемой. Формюир было запротестовал, но я указал ему, что, поскольку все имеющиеся у него репликаторы все равно заняты и останутся таковыми на ближайшие семь месяцев, никакого реального ущерба он на самом деле не понесет. Тогда Формюир заткнулся и отправился советоваться со *своими* юристами. А я полетел в Форбарр-Султан, устно доложил Грегору о результатах, отправился домой и завалился спать.

Как заметила Катриона, упомянуть о своем припадке лорд Форкосиган не удосужился. Так чего добивался Пим, оповестив ее об этом?

— Должен быть соответствующий закон, — произнес лорд Марк.

— Должен, — откликнулся его брат, — но закона нет. Это Барраяр. Предлагать для разрешения возникшей проблемы бетанскую правовую модель, на мой взгляд, все равно что предлагать рецепт революции, поскольку большая часть их статей на Барраяре неприменима. Кроме бетанских, по этому вопросу есть еще с десяток галактических кодексов. Вчера вечером я оставил Грегора бормочущим о создании комитета по изучению всех этих кодексов и законов, чтобы затем рекомендовать на рассмотрение свой вариант Объединенному Совету. И он хочет сунуть в этот комитет меня за все мои прегрешения. Ненавижу комитеты! Куда больше предпочитаю старую добрую командную цепочку.

— Лишь в том случае, если ты в самом ее верху, — сухо заметил лорд Марк.

Лорд Форкосиган сардонически усмехнулся:

— Ну, вообще-то да.

— Но сможете ли вы прижать Формюира с помощью нового закона? — спросила Катриона. — Ведь его ситуация точно подпадает под правило «закон обратной силы не имеет».

— В том-то и проблема! — улыбнулся Форкосиган. — Нам нужно прищучить Формюира до того, как удастся протащить через Совет Графов и министров новый закон, и сделать это на основании какого-нибудь закона, уже существующего, чтобы охладить возможных подражателей. Обвинить его в изнасиловании невозможно. Я проглядел все юридические определения, ни под одно он не подходит.

— А над девочками не издеваются? Хорошо ли о них заботятся? — обеспокоенно поинтересовался лорд Марк.

Лорд Форкосиган пронзительно посмотрел на брата.

— Я не такой большой специалист по яслям, как ты, но, на мой взгляд, с ними все в порядке. Здоровые… шумные… Очень веселые, жизнерадостные. Формюир сообщил мне, что на каждых шестерых детей приходится две няньки, работающие посменно. Он также поведал о своих дальнейших планах, в которых предусматривает, чтобы впоследствии старшие дети присматривали за младшими. Это наводит на тревожные мысли о том, насколько далеко Формюир собирается продвинуть свое генетическое предприятие. Да и в рабовладении мы его обвинить не можем, потому что все дети на самом деле его дочери. А обвинение в краже яйцеклеток при нынешнем законодательстве вообще практически не проходит. — И добавил неожиданно сердито: — Барраярцы!

Клон-брат странно посмотрел на него.

— По барраярским законам, — медленно заговорила Катриона, — когда семьи в касте форов распадаются из-за смерти одного из супругов или по каким-либо другим причинам, девочки теоретически должны оставаться с матерью или ее родственниками, а мальчики — с отцами. Разве девочки не принадлежат их матерям?

— Это я тоже уточнял. Не говоря о том, что Формюир никогда не был женат ни на одной из них, я сильно сомневаюсь, что матери захотят забрать дочерей, и уж наверняка большинство из них очень огорчится.

Относительно первого Катриона была вовсе не уверена, но со вторым была согласна полностью.

— Да и если мы принудим матерей их забрать, то какое тут наказание Формюиру? Его округ по-прежнему останется богаче на сто восемнадцать девочек, а ему к тому же даже не придется их кормить. — Форкосиган отложил недоеденный кусок хлеба и нахмурился. Лорд Марк выбрал второй — нет, третий — кусок и принялся жевать. Повисло мрачное молчание.

Катриона задумчиво нахмурилась.

— Судя по вашим словам, Формюир очень обеспокоен финансовыми и экономическими проблемами. — Далеко не сразу после рождения Никки она задумалась, не потому ли Тьен настаивал на старом способе, что он значительно дешевле. Аргумент «нам не придется ждать, пока мы сможем себе это позволить» был для Катрионы очень весомым. Мотивации Формюира явно не только генетические, но и экономические: в конечном итоге

прибыль для его округа, а следовательно, и для него самого. В дальнейшем этот техно-гарем обеспечит графу навар в лице ста восемнадцати налогоплательщиц, да еще вкупе с мужьями, которых, как наверняка планировал Формюир, дочери притащат в его владения. — Девочки на самом деле — признанные бастарды графа. Уверена, я где-то читала… Кажется, в Период Изоляции императорские и графские незаконнорожденные дочери должны были получать от своих высокородных отцов богатое приданое? И для этого требовалось императорское дозволение. Приданое было почти равнозначно официальному признанию. Могу поспорить, тетя Фортиц знает все исторические эпизоды, включая случаи, когда приданое приходилось отбирать силой. Разве императорское дозволение не равнозначно императорскому приказу? Не может император Грегор приказать Формюиру дать девочкам приданое… очень богатое?

— Ух ты! — Глаза лорда Форкосигана восторженно блеснули. — Ого! — На его губах зазмеилась ехидная улыбочка. — Ну просто очень богатое. Ну надо же! — Он поглядел на Катриону. — По-моему, госпожа Форсуассон, вы только что подсказали возможный выход. И я, безусловно, как можно быстрее подкину эту мысль Грегору.

Сердце Катрионы забилось при виде его восторга. Как бы то ни было, в ответ на ее улыбку он улыбнулся еще шире. Оставалось только надеяться, что ей удалось хоть немного облегчить Форкосигану вызванную припадком мигрень. В соседней комнате забили часы. Катриона бросила взгляд на свои. Господи, неужели уже так много времени?!

— Ой, мои рабочие прибудут с минуты на минуту! Лорд Форкосиган, я вынуждена откланяться!

Она поспешно поднялась и вежливо попрощалась с лордом Марком. Пим с лордом Форкосиганом сопроводили ее до двери. Форкосиган по-прежнему был очень напряжен. Интересно, какую боль он пытается скрыть? Он пригласил ее заходить в любой момент, если возникнут хоть малейшие вопросы или ей что-то понадобится, отправил Пима показать, куда складывать дрова, — и остался в дверях, глядя им вслед, пока они не скрылись за углом огромного дома.

Катриона обернулась.

— Не слишком хорошо он сегодня выглядит, Пим. Вам действительно не стоило позволять ему вставать с постели.

— Знаю, мэм, — сурово согласился Пим. — Но что может сделать ничтожный оруженосец? Я не имею права нарушать его приказ. Кто ему действительно нужен, так это человек, который станет о нем заботиться, но не потерпит его глупых выходок. Подходящая леди Форкосиган решила бы эту проблему. Только ни одна из этих застенчивых юных простушек, которые нынче в моде у молодых лордов, ему в жены не годится — такую он мгновенно подавит. Нет, лорду Форкосигану нужна взрослая женщина, способная дать ему отпор. — Пим виновато улыбнулся.

— Полагаю, вы правы, — вздохнула Катриона. Она никогда не задумывалась, как выглядят брачные игры форов с точки зрения оруженосцев. Может, Пим намекает, что его господин положил глаз на такую юницу, и слуги беспокоятся, что это своего рода мезальянс?

Пим показал ей поленницу и внес довольно толковое предложение устроить поблизости для лорда Марка компостную кучу, заверив, что тут она будет куда уместней, чем в гараже. Поблагодарив его, Катриона устремилась к въездным воротам.

Юницы. Что ж, если в наши дни фор хочет жениться на женщине своего круга, ему приходится искать кандидатуру среди молодняка. Форкосиган, впрочем, не производил впечатления человека, который будет счастлив с женщиной, не соответствующей его интеллектуальному уровню, но разве у него есть выбор? Теоретически любая женщина, у которой хватит мозгов заинтересовать его, не может оказаться настолько глупа, чтобы отвергнуть его из-за его физических… *Это не мое дело! И уж совершеннейшая глупость выходить из себя при мысли о какой-то воображаемой юной девице, наносящей Форкосигану тяжелое оскорбление из-за его физических изъянов. Полный абсурд!*

Катриона твердо зашагала вперед, чтобы проследить за выкорчевыванием гнилого дерева.

Марк не успел даже дотянуться до кнопки комма, как братец, рассеянно улыбаясь, вновь вплыл в библиотеку. А Майлз собрался было с размаху плюхнуться в кресло, но передумал, осторожно опустился на сиденье, повел печами, словно желая размять затекшие мышцы, откинулся на спинку и вытянул ноги. Потом взял свой недоеденный кусок хлеба и жизнерадостно заметил:

— По-моему, все прошло хорошо, а?

И откусил хлеб.

Марк с сомнением уставился на братца:

— Что прошло хорошо?

— Разговор. — Майлз запил хлеб остатками холодного кофе. — Итак, ты познакомился с Катрионой. Отлично! И о чем вы тут с ней беседовали перед моим приходом?

— О тебе.

— Да? — Лицо Майлза осветилось, он уселся чуть прямее. — И что она обо мне сказала?

— Мы главным образом обсуждали твои припадки, — кисло ответил Марк. — Похоже, она знает о них куда больше, чем ты соизволил мне сообщить.

Майлз нахмурился:

— Хм. Не совсем тот аспект моей персоны, на который бы мне хотелось, чтобы она запала. Впрочем, это хорошо, что она о них знает: не хотелось бы снова скрывать столь существенную проблему. Урок я усвоил.

— Да неужто? — сердито глянул на брата Марк.

— Я изложил тебе основные факты, — начал оправдываться Майлз. — Тебе вовсе ни к чему вникать в медицинские подробности. К тому же ты все равно был на Колонии Бета и в любом случае ничем не мог помочь.

— Это я во всем виноват!

— Чушь! — Возмущенное фырканье Майлза было поистине великолепно. Марк решил, что в этом фырканье видится явное влияние его… их тети Форпатрил, придающее всему некий аристократизм. Майлз пренебрежительно отмахнулся. — Это работа снайпера, за которой последовал ряд непредвиденных медицинских случайностей. Что было, то было. Я снова жив, на сей раз намерен оставаться живым и дальше.

Марк вздохнул, неохотно признавая, что если ему и охота по-прежнему культивировать свое чувство вины, то поддержки в этом у братца ему не найти. Кстати, судя по всему, у Майлза сейчас на уме нечто совсем иное.

— Так что ты о ней думаешь? — озабоченно поинтересовался Майлз.

— О ком?

— О Катрионе, о ком же еще?

— Как о дизайнере по ландшафту? Мне сперва нужно увидеть ее работу.

— Нет-нет-нет! Не как о дизайнере по ландшафту, хотя и в этом она тоже хороша. Как о следующей леди Форкосиган.

— Что?! — заморгал Марк.

— Что значит «что»? Она красивая, умная… Приданое! Ну надо же! Как изящно! Формюир лопнет со злости!.. Отлично держится в экстремальных ситуациях. И спокойная, знаешь?

Такая восхитительно спокойная. Обожаю ее спокойствие. Я мог бы в нем купаться. Мозги и характер в одном флаконе!

— Я не подвергаю сомнению ее таланты. Это был просто возглас удивления, вот и все.

— Она — племянница лорда Аудитора. И у нее есть сын, Никки. Ему почти десять. Отличный малый! Хочет стать пилотом скачкового корабля, и, по-моему, ему хватит решимости добиться желаемого. А Катриона мечтает стать садовым архитектором, но, на мой взгляд, она способна преуспеть и в проблемах терраформирования. Только временами она чересчур застенчива. Ей нужно немножко добавить уверенности в себе.

— Может, она просто ждет момента, когда удастся вставить слово? — предположил Марк.

Майлз застыл, охваченный сомнением.

— По-твоему, я сегодня слишком много болтал?

Марк лишь жестом отмел это предположение и сунул руку в хлебную корзину в поисках затерявшихся крошек. Майлз уставился в потолок, закинув ногу за ногу и покачивая носком сапога.

Вылавливая крошки, Марк размышлял о Катрионе. Довольно красивая, элегантная умная брюнетка, тот тип женщины, который всегда нравился Майлзу. Спокойная? Возможно. Настороженная — безусловно. Не очень выразительная. Полненькие блондинки куда сексапильней. Карин чудо как выразительна! Она даже смогла привить ему кое-какие человеческие черты, как он обычно думал в самые оптимистичные минуты. Майлз тоже весьма выразителен в своей неподражаемой манере. Половина его выразительности — полное дерьмо, только вот никогда не знаешь, какая именно.

Карин, Карин, Карин . Он не должен воспринимать ее временную слабость так, будто она его отвергла. *Она повстречала мужчину получше и дала нам от ворот поворот* , шепнул кто-то из Черной Команды, сидящей в глубине его мозга. Причем шепнул — явно не похотливый Пыхтун. *Я знаю пару способов отделаться от таких назойливых типов. Даже тела никогда не найдут* . Марк гордо игнорировал гнусное предложение. *Не твоего ума дело, Убийца* .

Даже если бы Карин и повстречала кого-то по пути домой, путешествуя в одиночестве, потому что ему приспичило слетать на Эскобар, она честно сказала бы об этом. Именно ее честность и лежит в основе нынешней размолвки. Карин просто органически неспособна изображать невинную барраярскую девушку, не будучи таковой. Ее нынешнее поведение — лишь неосознанная реакция на то, что она одной ногой на Барраяре, другой — на Колонии Бета.

Единственное, в чем Марк был твердо уверен, — доведись ему выбирать между Карин и кислородом, он предпочтет пожертвовать кислородом. Он прикинул, не поделиться ли своими сексуальными проблемами с братом и не спросить ли у него совета. Сейчас самый подходящий момент, учитывая влюбленное состояние Майлза. Только вот штука в том, что он совсем не знает, чью сторону примет Майлз. Коммодор Куделка — его друг и наставник еще с тех пор, когда братец — болезненный мальчишка — безнадежно мечтал о военной карьере. Посочувствует ли Майлз брату или в лучших барраярских традициях возглавит команду родственников, жаждущих крови? В последнее время Майлз стал вести себя чудовищно по-форски.

Итак, в конечном итоге Майлз после всех своих экзотических инопланетных романов остановился на живущей по соседству фор-леди. Если остановился — подходящий термин. Многие его слова явно опровергает его поведение. Марк озадаченно выгнул бровь.

— А госпожа Форсуассон в курсе? — спросил он наконец.

— В курсе чего?

— Что ты… хм… прочишь ее в леди Форкосиган?

До чего же *странный* способ сказать «я люблю ее и хочу на ней жениться». Впрочем, очень в стиле Майлза.

— А! — Майлз потеребил губу. — Это-то как раз самое сложное. Она совсем недавно овдовела. Тьен Форсуассон был убит на Комарре меньше двух месяцев назад. И убит — весьма жестоко.

— А ты-то тут при чем?

Майлз поморщился:

— Подробности сообщить не могу, все засекречено. Официальная версия — отказ респиратора. Но на самом деле я был с ним рядом. Ты знаешь, каково это.

Марк поднял руки в знак капитуляции. Майлз кивнул и продолжил:

— Катриона еще не до конца оправилась после случившегося. И никоим образом не

готова к тому, чтобы принимать ухаживания. К сожалению, это не мешает виться вокруг нее ухажерам. Денег у нее нет, но зато она красива и с безукоризненной родословной.

— Ты что — жену выбираешь или покупаешь кобылу?

— Всего лишь объясняю ход мысли соперников-форов. По крайней мере некоторых из них. — Майлз нахмурился сильнее. — Насчет майора Замори не уверен. Он может оказаться и поумней.

— У тебя уже появились соперники? — *Уймись, Убийца, он не просит твоей помощи!*

— Да, черт побери! И у меня есть кое-какие соображения, откуда они взялись… ладно, не важно. А важно для меня — стать ее другом, приблизиться, не спугнув и не оскорбив. А потом, когда придет время… ну, тогда.

— И когда же ты намерен… э-э-э… обрушить на нее этот ошеломляющий сюрприз? — зачарованно вопросил Марк.

Майлз уставился на носки собственных сапог.

— Не знаю. Полагаю, что смогу распознать тактически нужное время, когда оно наступит, — если чувство своевременности мне не изменило окончательно. Проникнуть в периметр, проложить маршрут, заронить мысль — и ударить. Полная победа! Возможно… — Он сменил ногу.

— Как я вижу, ты спланировал кампанию от и до, — бесстрастно заметил Марк, поднимаясь. Энрике обрадуется, услышав хорошую новость о бесплатном компосте. А скоро придет на работу и Карин. Ее организаторские способности уже произвели заметные улучшения в зоне вечного хаоса, окружающего эскобарца.

— Да, именно так. И будь любезен, не испорти мне все дело, подталкивая под руку. Просто подыгрывай, и все.

— М-м-м… я и мечтать не смею о том, чтобы вмешиваться. — Марк направился к двери. — Хотя не уверен, что стал бы выстраивать свои отношения с женщиной, как военную операцию. Значит, она — враг?

Он очень точно рассчитал время. Нога Майлза шлепнулась на пол, и он все еще ловил воздух ртом, когда Марк уже вышел из библиотеки. Марк тут же просунул голову обратно и добавил:

— Надеюсь, она целится не хуже, чем графиня Формюир.

Последнее слово за мной. Я выиграл .

Ухмыляясь во весь рот, он удалился.

Глава 6

— Привет! — раздался тихий голос из дверей прачечной-лаборатории. — А лорд Марк здесь?

Карин оторвалась от сборки нового стеллажа из нержавеющей стали и увидела осторожно входящую в помещение темноволосую женщину. В консервативном вдовьем наряде — черной блузе с длинным рукавом, черной юбке и в сером болеро, — но неожиданно молодую.

Карин положила инструменты и встала:

— Он скоро вернется. Я Карин Куделка. Могу я вам чем-нибудь помочь?

На какое-то мгновение у гостьи мелькнула в глазах улыбка.

— Ой, вы, должно быть, его подруга-студентка, которая только что вернулась с Колонии Бета? Рада с вами познакомиться! Катриона Форсуассон, дизайнер по ландшафту. Мои рабочие сегодня утром выкопали кусты амеланхира в северной части, и я хотела спросить, не нужен ли лорду Марку еще компост.

Так вот как называются эти кустики.

— Я спрошу. Энрике, нам нужны ветки амела… ну, кустарника?

Энрике отодвинул комм и уставился на вошедшую.

— А они земного происхождения?

— Да, — ответила госпожа Форсуассон.

— Бесплатно?

— Думаю, да — они ведь принадлежат лорду Форкосигану.

— Мы попробуем немножко. — Ученый снова исчез за дисплеем, на котором, как он заверил Карин, высвечивались реакции ферментов.

Госпожа Форсуассон с любопытством оглядела лабораторию. Карин с гордостью проследила за ее взглядом. Здесь все начало приобретать более или менее упорядоченный и научный облик, привлекательный для будущих клиентов. Стены покрасили в кремовый цвет: Энрике выбрал оттенок, в точности совпадающий с цветом жучьего маслица. Эскобарец со своим коммом оккупировал нишу в конце помещения. Раковина уже преобразована в промывочную клеть с очистными приспособлениями, вдоль стены протянулась ярко освещенная полка с начищенными инструментами. В дальнем углу выстроились стеллажи с новенькими домиками для жуков. Как только Карин соберет последний стеллаж, они смогут пересадить оставшихся королев из тесных транспортировочных ящиков в новые большие и чистые дома. На высоких полках по обе стороны от двери лежало все необходимое для жучков. В одном пластмассовом мусорном баке — порция корма на сегодняшний день, другой представлял собой временное хранилище для жучьих экскрементов. Жучий помет оказался вовсе не таким вонючим, как ожидала Карин, и это очень славно, поскольку заниматься ежедневной чисткой домиков тоже пришлось ей. Не такой уж плохой результат для первой недели работы.

— Позвольте поинтересоваться, — спросила гостья, глядя на древесную стружку в первом ведре, — а для чего ему нужны все эти опилки?

— Ой, пойдемте, я вам покажу! — с энтузиазмом предложила Карин. Темноволосая женщина, несмотря на всю свою сдержанность, не смогла не ответить улыбкой. — Я в этом заведении старший жучий пастух, — сообщила Карин. — Они вознамерились обозвать меня лаборантом, но я подумала, что как акционер имею полное право сама дать название моей должности. Должна признаться, других пастухов у меня под началом пока нет, но ведь излишний оптимизм еще никому не вредил, верно?

— Верно. — В улыбке женщины не было и намека на форскую высокомерную снисходительность. Черт побери, она ведь не уточнила — леди Форсуассон или госпожа! Некоторые форы очень болезненно реагируют, если их неверно титулуешь, особенно если этот титул — их самое высшее достижение в жизни.

Нет, будь эта самая Катриона из таких, то непременно уже подчеркнула бы, что она леди.

Сняв крышку с одного из домиков, Карин извлекла оттуда рабочего жучка. Она уже запросто могла брать в руки этих тварюшек, не борясь с тошнотой. Главное — не присматриваться к бледным пульсирующим брюшкам. Протянув жучка гостье, Карин приступила к почти буквальному изложению спича Марка о Замечательных Жучках-Маслячках, Способствующих Процветанию Барраяра.

Хотя брови госпожи Форсуассон и поползли вверх, при виде жучка она не завизжала, не грохнулась в обморок и не умчалась прочь. Она с интересом слушала объяснения Карин и даже выразила желание подержать жучка и скормить ему кленовый листок. Карин вынуждена была признать, что есть что-то притягательное в кормлении живых существ. Надо взять это на вооружение для будущих презентаций. Энрике, привлеченный беседой, вылез из-за комма и приложил максимум усилий, чтобы свести на нет интерес госпожи Форсуассон, добавляя длиннющие и занудные технические подробности. Внимание гостьи заметно возросло, когда Карин перешла к рассказу о планах выведения жучка, способного потреблять барраярскую растительность.

— Если вам удастся обучить этих жучков поедать ползучие лианы, за одно это фермеры Южного континента скупят их в огромных количествах, — сказала госпожа Форсуассон. — Независимо от того, способны они производить съедобную пищу или нет.

— Правда? — удивился Энрике. — Я не знал! А вы знакомы с местной флорой?

— Я не квалифицированный ботаник — пока, но у меня есть определенный практический опыт.

— Практический опыт, — повторила Карин. Неделя общения с Энрике вынудила ее заново оценить такое качество.

— Так давайте посмотрим на экскременты этих жучков, — предложила тем временем госпожа Форсуассон.

Карин подвела ее к баку и открыла крышку.

Женщина посмотрела на черную жирную массу, наклонилась, понюхала, взяла немного в руку и потерла в пальцах.

— О Господи!

— Что? — встревожился Энрике.

— Это выглядит, пахнет и ощущается как лучшее из виданных мною натуральных удобрений! Что показывает химический анализ?

— Ну, это зависит от того, что девочки ели, но… — И Энрике начал торопливо перечислять что-то, что на слух Карин смахивало на таблицу Менделеева. Из всего им сказанного Карин поняла в лучшем случае половину.

Однако на госпожу Форсуассон услышанное, казалось, произвело сильное впечатление.

— А нельзя ли мне взять немного для моих домашних растений? — попросила она.

— Да, конечно! — благодарно воскликнула Карин. — Берите сколько хотите! Его становится довольно-таки много, и я начинаю задумываться, куда его девать.

— Куда девать? Если оно хотя бы наполовину такое хорошее, как кажется, расфасуйте по литровым пакетам и продайте! Каждый, кто пытается выращивать тут земные растения, охотно все это приобретет!

— Вы так думаете? — спросил Энрике, вид у него был озабоченный, но довольный. — А на Эскобаре мне так и не удалось никого заинтересовать…

— Это Барраяр. До недавнего времени единственным способом терраформирования почвы тут было выжигание и унавоживание, да и сейчас этот способ самый дешевый. И вечно не хватает основанных на земной органике удобрений, чтобы одновременно удобрять уже обработанную почву и осваивать новые угодья. В Период Изоляции из-за конского навоза как-то раз разгорелась война.

— Ага, это я помню из уроков истории, — ухмыльнулась Карин. — Небольшая такая драчка, но весьма… символичная.

— А кто с кем воевал? — спросил Энрике. — И почему?

— На самом деле, полагаю, это была война ради денег и традиционных форских привилегий, — объяснила госпожа Форсуассон. — В округах, где расквартировывалась имперская кавалерия, существовал обычай раздавать бесплатно навоз всем, кто за ним приедет. Первым приехал — первым взял. Один из наиболее стесненных в средствах императоров решил оставить весь навоз для императорских земель или продавать. Это решение противоречило законным правам округов, и началась драка.

— И чем же все закончилось?

— При *том* поколении права остались за графами. При следующем император забрал право себе. Ну а в последующее поколение… что ж, в наши дни кавалерии практически не осталось. — Она направилась к раковине, чтобы вымыть руки, и добавила: — Но по-прежнему существует традиционная раздача навоза из Имперских конюшен, находящихся тут, в Форбарр-Султане. В них расквартирован церемониальный кавалерийский полк. Люди приезжают на машинах и берут пару мешков для своих цветочных клумб, просто как дань обычаю.

— Госпожа Форсуассон, я четыре года прожил в кишках жучков-маслячков, — чистосердечно сообщил ей Энрике, пока она вытирала руки.

— М-м-м… — протянула она, мгновенно завоевав сердце Карин тем, что встретила подобное заявление совершенно невозмутимо, лишь в глазах мелькнула смешинка.

— Нам действительно нужен человек, который разбирается в местной

растительности, — продолжил Энрике. — Как по-вашему, не могли бы вы нас выручить?

— Полагаю, что смогу дать быстрый обзор и подкинуть кое-какие идеи на дальнейшее. Но на самом деле вам нужен окружной агроном. Лорд Марк наверняка сможет предоставить в ваше распоряжение одного из агрономов округа Форкосиганов.

— Ну вот видите, вы уже нам помогли! — вскричал Энрике. — Я ведь даже и не знал о существовании этих самых окружных агрономов!

— Не уверена, что об их существовании знает лорд Марк, — с сомнением добавила Карин.

— Могу поспорить, что Ципис, управляющий Форкосиганов, сможет вам помочь, — сказала госпожа Форсуассон.

— Ой, так вы знакомы с Циписом! Он просто чудо, правда? — воскликнула Карин.

Госпожа Форсуассон кивнула.

— Лично я с ним пока не встречалась, но мы разговаривали с ним по комму, и он очень помог мне по работе с садом лорда Форкосигана. Я собиралась спросить у него позволения приехать в округ и собрать немного камней и гальки в Дендарийских горах, чтобы выложить речное ложе. Водный поток в саду должен выглядеть как горный ручей, и мне кажется, лорд Форкосиган оценит этот штрих, напоминающий ему родной округ.

— Майлз? Да, он любит эти горы. Когда он был помоложе, то частенько ездил туда верхом.

— Правда? Он мне практически ничего не рассказывал об этом периоде своей жизни…

В этот момент в дверях появился Марк, сгибаясь под тяжестью коробки со всякой всячиной. Энрике с радостным воплем забрал у Марка его ношу, поволок к полке и принялся распаковывать реагенты.

— А, госпожа Форсуассон! — приветствовал Катриону Марк, отдышавшись. — Спасибо за кленовые стружки. Похоже, они имели успех. Вы со всеми познакомились?

— Только что, — улыбнулась Катриона.

— Ей понравились наши жучки, — радостно сообщил Энрике.

— А вы уже попробовали жучье маслице? — поинтересовался Марк.

— Еще нет, — ответила госпожа Форсуассон.

— А хотите? То есть ведь жучков вы уже видели, да? — неуверенно улыбнулся Марк новому потенциальному потребителю-испытателю.

— О… Ну ладно. — Ответная улыбка Катрионы вышла несколько кривоватой. — Чуть-чуть. Почему бы и нет?

— Дай ей попробовать от опытной партии, Карин.

Карин достала с полки один из литровых контейнеров с маслицем и открыла. Стерилизованное и запечатанное маслице могло храниться до бесконечности при комнатной температуре. Эту порцию Карин собрала только утром — жучки с большим энтузиазмом отреагировали на новый корм.

— Марк, нам понадобятся еще контейнеры. Побольше размером. Литр маслица с домика в день… Довольно скоро у нас этого маслица будет просто немерено.

Особенно если учесть, что им так и не удалось уговорить никого из обитателей дома съесть больше одной ложки. А оруженосцы вообще в последнее время предпочитают избегать эту часть дома.

— О, теперь, когда девочки хорошо питаются, они смогут выдавать даже больше, — жизнерадостно сообщил Энрике.

Карин задумчиво уставилась на двадцать контейнеров, заполненных сегодня утром, что лежали поверх небольшой горки наполненных за прошлую неделю. К счастью, в особняке Форкосиганов складских помещений полно. Она протянула госпоже Форсуассон ложечку. Та неуверенно моргнула, зачерпнула ложкой содержимое контейнера и храбро сунула в рот.

Карин с Марком тревожно следили, как она жует.

— Любопытно, — вежливо произнесла Катриона.

Марк понурился.

Катриона, сочувственно поморщившись, окинула взглядом гору контейнеров. Немного помолчав, она спросила:

— А как оно реагирует на заморозку? Вы не пытались пропустить его через мороженицу, подсыпав немного сахара и вкусовых добавок?

— Вообще-то еще нет… — Марк задумчиво склонил голову набок. — Хм. Как по-твоему, Энрике, это получится?

— Почему нет? — пожал плечами ученый. — Коллоидная вязкость не нарушается даже при температуре ниже нуля. А вот перегрев нарушает микроструктуру протеинов.

— Если варить или жарить, оно становится резиновым, — перевел на нормальный язык Марк. — Хотя мы над этой проблемой тоже работаем.

— Попробуйте охлаждение, — порекомендовала госпожа Форсуассон. — И, может быть… м-м-м… стоит придумать какое-нибудь более подходящее для десерта название?

— А, маркетинг, — вздохнул Марк. — Это следующий шаг, верно?

— Госпожа Форсуассон сказала, что испытает для нас жучий помет на своих растениях, — утешила его Карин.

— О, вот это здорово! — Марк снова улыбнулся. — Эй, Карин, не хочешь послезавтра слетать со мной в округ, помочь подыскать место для будущей фабрики?

Энрике на мгновение прекратил распаковку, рассеянно уставился в пространство и вздохнул.

— Исследовательский парк Боргоса…

— Вообще-то я собирался назвать это «Фабрика Марка Форкосигана», — сообщил Марк. — Как по-вашему, мне придется давать развернутое название? «Фабрика МФК» может вызвать ассоциацию с Майлзом.

— «Ранчо жучков-маслячков Карин», — отрезала Карин.

— Похоже, нам придется провести голосование акционеров, — хмыкнул Марк.

— Где ты автоматически победишь, — меланхолично заметил Энрике.

— Не обязательно, — возразила Карин, кинув на Марка притворно гневный взгляд. — Как бы то ни было, Марк, вернемся к разговору об округе. Госпоже Форсуассон нужно слетать туда за камнями. И она сказала Энрике, что готова помочь ему разобраться с барраярской флорой. Почему бы нам не полететь всем вместе? Госпожа Форсуассон говорит, что беседовала с Циписом только по комму. Мы могли бы их познакомить и устроить из этой вылазки что-то вроде пикника.

И она не окажется наедине с Марком, лицом к лицу с… искушением, растерянностью, и массажем шеи, и массажем спины, покусыванием ушка и… Карин не хотелось думать об этом. Всю последнюю неделю в особняке Форкосиганов их отношения были сугубо деловыми, очень спокойными. Хорошо быть занятой делом. И в отличном обществе. А вот остаться наедине… хм.

— Но тогда нам придется взять Энрике, и… — пробормотал ей на ухо Марк. Судя по выражению его лица, это самое «наедине» и было у него на уме.

— Ой, да ладно тебе! Будет весело! — Карин решительно перехватила инициативу. Еще несколько минут — и она установила приемлемые для всех условия. Мысленно Карин сделала себе пометку приехать в особняк Форкосиганов заблаговременно, дабы проследить, чтобы Энрике был одет, умыт и готов к появлению на публике.

В коридоре раздались быстрые легкие шаги, и в дверь, как десантник из люка катера, влетел Майлз.

— А! Госпожа Форсуассон! — выдохнул он. — Оруженосец Янковский только что сказал мне, что вы тут. — Он обежал взглядом помещение, отмечая произошедшие здесь изменения в лучшую сторону. — Вы ведь не позволили им скормить вам эту жучью бле… жучью субстанцию, да? Марк!..

— Вообще-то она не такая уж плохая на вкус, — заверила его госпожа Форсуассон, заработав благодарный взгляд Марка, который тут же вздернул подбородок, означавший адресованное брату «я же тебе говорил!..». — Возможно, она лишь нуждается в небольшом

усовершенствовании, прежде чем будет готова к реализации.

— Ну да, самую малость! — закатил глаза Майлз.

Госпожа Форсуассон посмотрела на часы.

— Моя бригада вот-вот вернется с обеда. Очень приятно было познакомиться, мадемуазель Куделка, доктор Боргос. Значит, до послезавтра? — Она взяла сумку, куда Карин сложила контейнеры с навозом, улыбнулась и ушла. Майлз пошел ее провожать.

Он вернулся через пару минут.

— Елки-палки, Марк! Поверить не могу, что ты скормил ей эту жучью блевотину! Как ты мог?!

— Госпожа Форсуассон, — с достоинством ответил Марк, — женщина здравомыслящая. Перед лицом неопровержимых фактов она не позволяет иррациональным эмоциям повлиять на здравый смысл.

— Это верно! — Майлз провел пятерней по волосам.

— Изумительная женщина, — заявил Энрике. — Очень впечатляет. Похоже, она понимала то, что я хотел сказать, еще до того, как я начинал говорить.

— И после того, как заканчивал, что впечатляет еще больше, — съехидничала Карин.

Энрике беспомощно улыбнулся:

— Я слишком сложно объяснял, да?

— В данном случае совершенно очевидно, что нет.

Майлз нахмурился.

— А что будет послезавтра?

— Мы все вместе отправляемся в округ, — радостно пропела Карин, — повидать Циписа и поискать в окрестностях то, что нам нужно. Госпожа Форсуассон пообещала ознакомить Энрике с барраярской флорой, чтобы он мог начать работу над новым жучком.

— Я собирался свозить ее в округ сам! Я все спланировал! Хассадар, Форкосиган-Сюрло, Дендарийское ущелье… Чтобы у нее с первого же раза сложилось хорошее впечатление.

— Жаль, — без тени сочувствия ответил Марк. — Успокойся. Мы лишь пообедаем в Хассадаре и немного полазаем по окрестностям. Округ большой, Майлз, ты еще сможешь показать ей все остальное!

— Погоди! Нашел! Я поеду с вами. Срочные дела и все такое…

— У нас четырехместный флайер, — указал Марк. — Я пилотирую, Энрике нужна госпожа Форсуассон, и черт меня побери, если я оставлю тут Карин, чтобы взять тебя! — Он ухитрился одновременно влюбленно улыбнуться Карин и злобно глянуть на брата.

— Да, Майлз, к тому же ты даже не акционер, — поддержала Карин.

Майлз испепелил их взглядом и удалился по коридору, бормоча:

— …поверить не могу, что он скормил ей жучью блевотину. Если бы я пришел раньше… Янковский, черт тебя дери, я с тобой еще…

Марк с Карин проследовали за ним до двери и наблюдали за отступлением.

— Какая муха его укусила? — изумилась Карин.

— Влюбился, — злорадно ухмыльнулся Марк.

— В садовницу? — Карин недоуменно подняла брови.

— Судя по всему, она стала его садовницей не случайно. Он познакомился с ней на Комарре во время своего последнего расследования. И нанял ее, чтобы создать себе некоторые преимущества. Он за ней тайно ухаживает.

— Тайно? Почему? По мне, так она годится во всех смыслах — из касты форов… Или она вошла в нее через брак? Сроду бы не подумала, что для Майлза это может иметь значение. Или… ее родственники возражают из-за его… — Она провела рукой вдоль тела, намекая на врожденные дефекты Майлза. И гневно нахмурилась при мысли о таком болезненном сценарии. Как они смеют унижать Майлза из-за…

— Э-э-э, тайно от нее, как я понял.

— Что?! — сморщила нос Карин.

— Пусть он сам тебе объясняет. Для меня это полный бред. Даже для Майлза. — Марк задумчиво нахмурился. — Разве что у него внезапный всплеск сексуальной застенчивости.

— Сексуально застенчивый? Майлз? — фыркнула Карин. — Разве ты не видел капитана Куин, что ходила за ним по пятам?

— А, да! Вообще-то я знаком с несколькими его подружками. Такой потрясающей своры кровожадных амазонок ты сроду не встречала. Боже, они просто ужас наводили! — Марк содрогнулся. — Конечно, в тот момент они готовы были меня удавить за то, что из-за меня его убили, и возможно, кое-что можно списать на это. Но я вот только что подумал… Понимаешь, я действительно не знаю, он ли их выбрал, или они его? Может, он вовсе не великий соблазнитель, а всего лишь мужчина, не способный сказать даме «нет»? Во всяком случае, этим легко можно объяснить, почему все они — высокие агрессивные женщины, привыкшие получать то, что хотят. Но сейчас, возможно, впервые, он пытается выбрать сам. И не знает как. У него нет никакого опыта. — При этой мысли Марк расплылся в медленной ухмылке. — О-о! Этого я ни в жисть не пропущу!

— Марк, это нехорошо, — ущипнула его за плечо Карин. — Майлз заслуживает того, чтобы встретить хорошую женщину. Он ведь не становится моложе, верно?

— Некоторые из нас получают то, чего заслуживают. А другим везет больше. — Он поймал ее руку и провел губами по запястью, от чего у нее мурашки побежали.

— Майлз все время твердит, что человек — сам кузнец своего счастья. Прекрати! — Карин отняла руку. — Раз уж работа по поддержанию порядка в доме поможет мне оплатить дорогу на Колонию Бета, мне нужно возвращаться к делам. — Она вернулась в лабораторию. Марк проследовал за ней.

— Лорд Форкосиган очень расстроился? — тревожно спросил Энрике, как только они вошли. — Но ведь госпожа Форсуассон сама сказала, что нисколько не возражает попробовать маслице…

— Не беспокойся, Энрике, — жизнерадостно отмахнулся Марк. — Просто братец на взводе, потому что у него кое-что на уме. И если нам повезет, то он отыграется на своих оруженосцах, а не на нас.

— О! — успокоился Энрике. — Тогда все в порядке. К тому же у меня есть план, как привлечь его на нашу сторону.

— Да? — Марк был сам скепсис. — И что за план?

— Сюрприз, — ответил с лукавой улыбкой ученый. — Если все получится, то дело в шляпе. Через пару дней станет ясно, вышло у меня или нет.

Пожав плечами, Марк посмотрел на Карин:

— Ты знаешь, что у него припрятано в рукаве?

Девушка покачала головой и снова уселась на пол перед своим «конструктором для взрослых».

— Впрочем, ты мог бы попробовать заполучить от своих родственников мороженицу. Первым делом спроси у матушки Кости — похоже, Майлз обеспечил ее всем мыслимым и немыслимым кухонным оборудованием. По-моему, он пытается ее подкупить, чтобы удержать от искушения принять предложение о смене работодателя от его многочисленных друзей.

Карин моргнула. Ее озарило.

Усовершенствование продукции, вот что им действительно нужно. И не надо никаких приспособлений — ресурсы имеются прямо здесь, в особняке Форкосиганов. И эти ресурсы — гений. *Разочарованный* гений. Матушка Кости заставляла новоявленных предпринимателей, поглощенных работой, ежедневно являться к ней на кухню на специальный ленч, а в промежутках присылала в лабораторию подносы со всякой снедью. И кухарка уже буквально за неделю прониклась к Марку — уж очень он откровенно оценил ее искусство. Так что все они на верном пути к обжорству.

Карин вскочила и сунула отвертку Марку.

— На-ка доделай.

Схватив шесть контейнеров с жучьим маслицем, она решительно двинулась на кухню.

Майлз вылез из старого бронированного лимузина и секунду постоял на цветочной аллее, с завистью глядя на очень современный городской дом Рене Форбреттена. Особняк Форбреттенов стоял на берегу реки, почти напротив замка Форхартунг. Гражданская война как средство модернизации города: старый полуразвалившийся дом с фортификационными сооружениями, некогда стоявший на этом месте, был сильно поврежден во время дворцового переворота Фордариана, и предыдущий граф с сыном, вернувшиеся в город с победоносными войсками Эйрела Форкосигана, решили снести особняк и выстроить новый. Вместо мрачных, неприступных и абсолютно бесполезных с точки зрения обороны каменных стен дом защищали силовые поля. Новый особняк был светлым, открытым и воздушным и на всю катушку использовал преимущества местоположения. Из его окон открывался эксклюзивный вид на протянувшийся вдоль реки Форбарр-Султан. Там наверняка достаточно ванных комнат для всех оруженосцев Форбреттена. И — можно биться об заклад — у Рене никогда не возникает проблем с канализацией.

И если Сигур Форбреттен выиграет дело, Рене все это потеряет . Покачав головой, Майлз двинулся к арочным дверям, где по стойке «смирно» стоял оруженосец Форбреттенов, готовый проводить Майлза к своему сюзерену, а Пима — вниз, чтобы посплетничать вволю.

Оруженосец отвел Майлза в роскошную гостиную с витринным окном, откуда за Звездным мостом виднелся замок. Однако нынче утром окно было затемнено чуть ли не до черноты, и оруженосцу пришлось зажечь свет. Рене сидел в большом кресле спиной к окну. Он мгновенно вскочил, как только оруженосец объявил:

— Лорд Аудитор Форкосиган, милорд!

Сглотнув, Рене жестом отпустил оруженосца, и тот тихо удалился. Что ж, по крайней мере Рене трезв, тщательно выбрит и кажется спокойным, хотя и смертельно бледным.

Форбреттен официально приветствовал гостя:

— Милорд Аудитор. Чем могу служить?

— Расслабься, Рене, я не по делу. Просто заскочил на огонек.

— О! — Рене с нескрываемым облегчением выдохнул, напряжение спало — проявилась усталость. — Я подумал, что ты… Я подумал, что Грегор прислал тебя с плохими новостями.

— Нет-нет! Да и в любом случае Совет Графов не имеет права голосовать в твое отсутствие. — Майлз кивнул в сторону реки и расположенного на том берегу замка Форхартунг, где заседал Совет. Рене, вспомнив о долге хозяина, сделал окно прозрачным и придвинул к нему кресла для себя и Майлза, чтобы в процессе беседы любоваться видом. Майлз уселся напротив молодого графа. Рене оказался достаточно сообразителен, чтобы предложить августейшему визитеру низенькое кресло, и ноги Майлза не болтались в воздухе.

— Но ты мог оказаться… Ну, не знаю я, кем ты мог оказаться, — пробурчал Рене, усаживаясь и потирая шею. — Я тебя не ждал. Я вообще не ждал никого. Наша светская жизнь увяла поразительно быстро. Судя по всему, граф и графиня Гембреттен стали весьма мало популярны.

— А… Выходит, ты это высказывание слышал?

— Первыми услышали мои оруженосцы. Шуточка гуляет по всему городу, так ведь?

— Хм, ага… в некотором роде. — Майлз откашлялся. — Извини, что не зашел сразу. Когда все это разразилось, я был на Комарре и услышал обо всем только по возвращении, а потом Грегор отправил меня в провинцию, и… А, черт, хрен с ними, с извинениями. Мне чертовски жаль, что все это с тобой приключилось. Голову дам на отсечение — прогрессисты не хотят тебя терять.

— Да? А я считал, что создал им массу проблем.

— Голосование есть голосование. Учитывая, что смена состава Совета Графов — событие, случающееся раз в поколение…

— Как правило, — сухо прокомментировал Рене.

Майлз пожал плечами:

— Любые эмоции — штука преходящая. Если твое место займет Сигур, прогрессисты потеряют один голос в будущем поколении графов. Они тебя поддержат. — Майлз поколебался. — Они ведь тебя поддерживают, да?

— Более или менее. В основном. Некоторые. — Рене иронично помахал рукой. — Некоторые считают, что если будут голосовать против Сигура и проиграют, то получат в его лице вечного врага в Совете. А голосование, как ты изволил сказать, есть голосование.

— И какой расклад голосов? Можешь приблизительно сказать?

— Дюжина — точно за меня, дюжина — точно за Сигура. Все решат колеблющиеся. Большинство из которых в этом месяце не разговаривают с Гембреттенами. Не думаю, что все это выглядит обнадеживающе, Майлз. — Рене искоса глянул на гостя со странной смесью пронзительности и нерешительности и ровным тоном добавил: — А ты уже знаешь, как проголосует округ Форкосиганов?

Майлз прекрасно знал, что ему придется отвечать на этот вопрос, как только он увидит Рене. Понимали это и все графы и их представители, чем в немалой степени объясняется затишье в светской жизни Рене. Те же, кто не избегал Рене, избегали затрагивать больную тему. Имея в течение двух недель возможность поразмыслить над этим, Майлз подготовил ответ.

— Мы за тебя. А ты сомневался?

Рене выдавил неловкую улыбку.

— Я был почти уверен, но в центре вашего округа имеется здоровенная радиоактивная дыра, проделанная цетагандийцами.

— Это все история, мужик. Я улучшил расклад голосов?

— Нет, — вздохнул Рене. — Я тебя уже и так посчитал.

— Иногда один голос решает все.

— С ума схожу при мысли, что так оно и есть, — признался Рене. — Ненавижу все это! Скорей бы все закончилось!

— Терпение, Рене! — порекомендовал Майлз. — Не рискуй из-за слишком бурных эмоций возможными преимуществами. — Он задумчиво нахмурился. — Сдается мне, у нас тут имеется два связанных юридических прецедента. Граф сам назначает своего преемника с позволения Совета Графов, выражающего свою поддержку голосованием. Именно так стал наследником граф Полуночник.

Рене криво усмехнулся.

— Если конская жопа может быть графом, то почему не может целая лошадь?

— По-моему, именно таким и был один из аргументов, приведенных пятым графом Форталой. Интересно, а не сохранились ли в архивах записи этих заседаний? Если да, надо будет почитать на досуге. Ну, как бы то ни было, Полуночник показал, что кровное родство, хоть его и традиционно придерживаются, — вещь не обязательная. И даже если случай с Полуночником отвергнут, имеется еще добрая дюжина прецедентов, хоть и не столь нашумевших. Решение графа превалирует над кровными узами графа, разве что граф и вовсе не назначает наследника. Только в этом случае в дело вступают родственники и потомки мужского пола. Твой дед ведь был утвержден наследником еще при жизни его… мужа его матери, верно? — Майлз был утвержден наследником своего отца в период Регентства, когда отец стоял на вершине власти и мог протащить это через Совет Графов.

— Да, но, согласно заявлению Сигура, обманным путем. А результат, полученный в результате обмана, и не результат вовсе.

— Не думаю, что старик об этом знал. А если знал — как это доказать? Если он знал, что твой дед — не его сын, то утверждение твоего деда наследником законно, и дело Сигура рассыпается само собой.

— Если шестой граф и знал, нам все равно не удалось найти ни клочка бумаги, это подтверждающей. А мы несколько недель переворачивали вверх дном фамильные архивы. Сомневаюсь, что он знал, иначе наверняка убил бы мальчика. И мать вместе с ним.

— Не уверен. Период цетагандийской оккупации — странное время. Тогда в районе Дендарийского ущелья разыгрывали так называемую «войну бастардов». — Майлз вздохнул. — Как правило, от цетагандийских отпрысков либо избавлялись с помощью аборта, либо убивали их в младенчестве. Иногда партизаны играли в довольно мерзкую игру, подбрасывая крошечные тельца оккупантам. Делалось это, чтобы потрепать нервы цетагандийцам. Те реагировали, как любой нормальный человек — во-первых, а во-вторых, те из них, кто слишком огрубел душой, чтобы переживать, начинали тоже дергаться, сознавая, что раз барраярцы сумели подкинуть мертвого ребенка, то с тем же успехом могли подбросить и бомбу.

Рене с отвращением скривился, и Майлз запоздало сообразил, что этот экскурс в историю приобрел для Форбреттена личный оттенок. Он поспешил продолжить:

— Цетагандийцы были не единственными, кто возражал против этой игры. Некоторые барраярцы тоже были не в восторге и считали это оскорблением нашей чести — принц Ксав, например. Я знаю, что он жестоко спорил по этому поводу с моим дедом. Твой пра… Шестой граф мог придерживаться позиции Ксава, и то, что он сделал для твоего деда, — своего рода молчаливая реплика в этом споре.

Рене ошарашенно поднял голову:

— Никогда об этом не думал. Кажется, он действительно был другом старого Ксава. Но доказательств по-прежнему нет. Кто знает, о чем старик знал и никогда не говорил?

— Раз у тебя доказательств нет, их нет и у Сигура.

— Это верно! — Рене немного просветлел.

Майлз снова устремил взгляд в окно, на урбанизированную долину. По реке сновали туда-сюда маленькие кораблики. В былые времена Форбарр-Султан был конечным пунктом навигации от моря, поскольку стремнины и водопады не позволяли судам подниматься выше по реке. С окончания Периода Изоляции плотину и шлюзы выше Звездного моста разрушали и восстанавливали трижды.

Напротив окна, на другом берегу реки, возвышался среди покрытых весенней листвой деревьев замок Форхартунг, седой и древний. Традиционное место заседания Совета Графов, замок надзирал (и фигурально, и буквально, сухо подумал Майлз) за этими трансформациями. В отсутствие войны ждать, пока вымрут старые графы, чтобы получить возможность ввести изменения, дело долгое. За год сменялись в среднем один или два, но сейчас, учитывая рост продолжительности жизни, смена поколений еще замедлилась. И нынешняя ситуация, когда образовались сразу две вакансии, открытые либо для прогрессивного, либо для консервативного наследника, была необычной. Точнее, место Рене разрывали между собой обе ведущие партии. Со вторым было куда больше загадок.

— Ты не знаешь, какие претензии выставила леди Донна против кандидатуры Ришара на графство Форратьер? — поинтересовался Майлз. — Ничего не слышал?

— Практически ничего, — отмахнулся Рене. — Но, с другой стороны, со мной нынче мало кто общается. За исключением здесь присутствующих. — Он исподтишка благодарно поглядел на Майлза. — Вот уж воистину друг познается в беде.

Майлз смутился, подумав, что довольно долго раскачивался, прежде чем прийти сюда.

— Не считай меня лучше, чем я есть, Рене. Я — последний из обитателей Барраяра, который стал бы утверждать, что капля-другая инопланетной крови должна служить поводом для отвода претендента на графский титул.

— Ах да! Ты же наполовину бетанец, ну конечно! Что ж, во всяком случае, это подходящая половина.

— На пять восьмых бетанец, если быть точным. Меньше чем пол-барраярца. — Тут Майлз сообразил, что сделал из себя мишень для остроты насчет роста, но Рене не воспользовался моментом. Байерли Форратьер ни за что не упустил бы такой возможности, а Айвен как минимум ухмыльнулся бы. — Как правило, я стараюсь не привлекать внимания к подсчетам.

— Вообще-то у меня есть кое-какие соображения относительно леди Донны, — сказал

Рене. — Ее дело может в конечном итоге пойти на пользу вам, Форкосиганам.

— Вот как?

Рене, отвлекшись от собственных мрачных дум, несколько оживился.

— Она подала иск и немедленно улетела на Колонию Бета. Тебя это ни на какие мысли не наводит?

— Я бывал на Колонии Бета. Там открываются большие возможности, даже трудно перечислить. Первое и самое простое, что приходит в голову, — она отправилась туда за какими-то мрачными доказательствами происхождения или преступлений кузена Ришара.

— Ты когда-нибудь встречался с леди Донной? Простота — не самое подходящее для нее слово.

— М-м-м… вот оно что… Полагаю, мне следует поинтересоваться у Айвена. По-моему, он с ней какое-то время спал.

— Не думаю, что был тогда в городе. В тот период я находился на службе. — В голосе Рене мелькнула нотка сожаления об оставленной военной карьере. А может, Майлзу это только показалось. — Но я не удивлен. Она известна тем, что коллекционирует мужчин.

Майлз заинтересованно поднял бровь.

— Тобой она тоже пополнила коллекцию?

— Каким-то непостижимым образом я не удостоился этой чести, — ухмыльнулся Рене и столь же иронично глянул на Майлза. — А тобой?

— Это когда под рукой Айвен? Сомневаюсь, что она вообще так низко опускала взгляд, чтобы заметить меня.

Рене приоткрыл ладонь, словно отметая несвойственную Майлзу вспышку самоуничижения, и Майлз прикусил язык. Теперь он — Имперский Аудитор, и публичное нытье по поводу физической ущербности выглядит несколько странным. Он ведь выжил. И теперь никто не может с ним соперничать. Но достаточно ли ранга Аудитора, чтобы средняя барраярская женщина стала замечать остальное? *Выходит, оно очень даже здорово, что ты влюбился не в среднюю барраярку, а, парень* ?

— Я думал о твоем клоне лорде Марке, — продолжил Рене, — и усилиях, предпринимаемых твоей семьей, чтобы его признали твоим братом.

— Он и есть мой брат, Рене. Мой законный наследник и все такое.

— Да-да, именно на этом твоя семья и настояла. Но что, если леди Донна решила последовать вашему примеру? Готов поспорить, она отправилась на Колонию Бета, чтобы сделать там клона бедолаги Пьера, привезти его сюда и представить в качестве наследника вместо Ришара. Рано или поздно кто-то должен попробовать провернуть такой вариант.

— Это… безусловно, возможно. Хотя не уверен, что старичье это проглотит. Они Марком-то в позапрошлом году чуть не подавились. — Майлз озабоченно нахмурился. Не повредит ли такой вариант Марку? — Я слышал, фактически округом Пьера последние пять лет управляла она. Если Донне удастся добиться, чтобы ее утвердили законным опекуном клона, тогда она сможет управлять округом еще лет двадцать. Весьма необычно, чтобы официальным опекуном графа была женщина, но исторические прецеденты имеются.

— Включая графиню, которую официально провозгласили мужчиной, чтобы она могла унаследовать графство, — добавил Рене. — А впоследствии схлопотала тот чудной иск по поводу ее брака.

— Ах да, помнится, где-то читал об этом. Но тогда шла гражданская война, которая и сломала для нее барьеры. Нет ничего лучше, чем оказаться по нужную сторону баррикад. А сейчас никакой гражданской войны, кроме разве что той, что идет между Донной и Ришаром. Интересно… если ты прав, воспользуется она для клона маточным репликатором или эмбрион пересадят ей самой?

— Последнее предположение попахивает инцестом, — брезгливо скривился Рене. — Хотя от Форратьеров всякое можно ожидать. Надеюсь, она воспользуется репликатором.

— М-м-м… но ведь у нее никогда не было детей. Ей ведь сорок или около того… И если клон будет созревать у нее внутри, она по крайней мере будет уверена, что он под

надежной охраной. Таким образом, его куда сложней отнять у нее или настаивать на том, чтобы кто-то другой стал его опекуном. Ришар, к примеру. Очень интересный будет поворот событий.

— И сколько, по-твоему, проживет этот самый клон, если Ришар станет его опекуном?

— До совершеннолетия уж точно не доживет. — Майлз нахмурился, представив себе возможное развитие событий. — Хотя его смерть и вызовет кривотолки.

— Ну, как бы то ни было, о планах леди Донны мы вскоре узнаем, — подвел итог Рене. — Или ее дело закроется ввиду отсутствия истицы. Отведенные ей три месяца отсрочки подходят к концу. Довольно щедро отпущенное время, но, как я подозреваю, в старые добрые времена это давало всем возможность обернуться туда-сюда верхом.

— Да, округу не идет на пользу, когда место графа так долго остается вакантным. — Майлз едва заметно улыбнулся. — Ведь не хотим же мы на самом деле, чтобы подданные догадались, что могут прекрасно прожить и без нас.

Рене вскинул брови — оценил намек.

— Твоя бетанская кровь дает о себе знать, Майлз.

— Нет, бетанское воспитание.

— Биология не определяет судьбу?

— Теперь уже нет.

С лестницы донеслись звонкие женские голоса. Низкому альту, показавшемуся Майлзу знакомым, отвечал звонкий смех.

Рене выпрямился и повернулся. Губы его расползлись в улыбке.

— Вернулись! И она смеется! Я неделями не слышал смеха Тати. Молодец, Марсия!

Значит, это голос Марсии Куделки? Послышались легкие женские шаги, и взору Майлза предстали три женщины. Да. Две высокие блондинки, сестры Куделки, Марсия с Оливией, отлично выглядели в обществе маленькой темноволосой женщины. У молодой графини Тати Форбреттен были широко поставленные теплые ореховые глаза, личико в форме сердечка и лисий подбородок. И вдобавок — ямочки на щеках. Славное личико обрамляли эбеновые кудряшки, весело подпрыгивающие, как и их хозяйка.

— Ура, Рене! — провозгласила Марсия, обладательница низкого альта. — Ты не сидишь в одиночестве в темноте, мрачный и суровый! Привет, Майлз! Тебе наконец-то удалось поднять Рене настроение? Молодчина!

— Более или менее, — хмыкнул Майлз. — А я и не знал, что вы все так хорошо друг с другом знакомы.

Марсия тряхнула головой.

— Оливия с Татей учились вместе. А я просто заскочила сюда, чтобы придать им всем ускорение. Подумать только, таким чудесным утром собирались сидеть дома!

Оливия застенчиво улыбнулась, и они с графиней Татей на мгновение прижались друг к другу, ища взаимной поддержки. Ах да, Татя Форкерес в те школьные деньки еще не была графиней, хотя, безусловно, уже тогда была красоткой и наследницей.

— И куда же вы ходили? — улыбнулся Рене.

— Прошлись по магазинам в Караван-Сарае. Потом попили чаю с пирожными в кофейне на Большой площади и посмотрели смену караула у министерства. Мой кузен Станис, — сообщила она Майлзу, — командир роты в Городской Гвардии. Мы ему помахали, но он, естественно, не ответил. Он ведь при исполнении.

— Мне было жаль, что мы не вытащили тебя с нами, — сказала Оливия Рене, — но теперь я рада этому. Иначе ты не встретился бы с Майлзом.

— Все в порядке, дамы, — провозгласила Марсия. — Зато я предлагаю, чтобы в компенсацию Рене сопроводил нас всех завтра вечером в концертный зал Форбарр-Султана. Мне чисто случайно стало известно, где можно раздобыть четыре билета.

Предложение встретило одобрение и поддержку, несмотря на хмурый вид графа. Впрочем, Майлз сильно сомневался, что Рене нашел бы в себе силы отказать трем красивым женщинам сопроводить их послушать музыку, которую и сам обожал. И действительно,

беспомощно поглядев на Майлза, Рене дал себя уговорить. Интересно, где это Марсия собирается разжиться билетами, которые обычно продают за год, а то и за два вперед? Может, думает задействовать связи своей сестрицы Делии в СБ? Вся эта затея сильно смахивала на «команду Куделка в действии».

Графиня улыбнулась и протянула конверт, надписанный от руки.

— Посмотри, Рене! Оруженосец Келсо дал мне вот это, как только я вошла. Это от графини Форгарин.

— Похоже на приглашение, — удовлетворенно отметила Марсия. — Вот видишь, все не так плохо, как ты думаешь!

— Открывай же! — подтолкнула подругу Оливия.

Татя вскрыла конверт, пробежала глазами послание, и личико ее потускнело.

— О, — тихо сказала она и смяла тоненький листок в пальцах.

— В чем дело? — встревожилась Оливия.

Марсия вытащила бумагу из руки Тати и прочитала.

— Вот кошка драная! Это отмена приглашения на крестины ее новорожденной дочери. «…Боюсь, вы будете чувствовать себя неловко…» Черт побери! Трусиха! Кошка драная!

Графиня Татя быстро-быстро заморгала.

— Все в порядке, — негромко проговорила она. — Я в любом случае туда не собиралась.

— Но ты ведь говорила, что собираешься надеть… — начал Рене — и осекся. На его скуле заиграл желвак.

— Все эти бабы — и их мамаши, — которые безуспешно пытались заполучить Рене все эти десять лет, они просто… просто… кошки! — выдохнула Марсия, обращаясь к Майлзу.

— Не обижай животных, — произнесла Оливия. — У Царапки и то характер лучше.

Рене покосился на Майлза.

— Вынужден заметить, — подчеркнуто нейтрально проговорил он, — что мы пока что не получили и приглашения на свадьбу Грегора и доктора Тоскане.

Майлз ободряюще поднял руку:

— Местной рассылки еще не было, только инопланетная. Это я знаю точно.

Он решил, что сейчас не самый подходящий момент упоминать о той маленькой дискуссии, что имела место быть пару недель назад в императорском дворце.

Майлз обвел взглядом присутствующих: Марсия рвет и мечет, Оливия в шоке, графиня чуть не плачет, Рене застыл и кажется едва ли не замороженным. *Девяносто шесть стульев* .

— Через два дня я устраиваю небольшой прием. В честь возвращения с Колонии Бета Карин Куделки и моего брата Марка. Там будет Оливия и все Куделки, а также леди Элис Форпатрил, Саймон Иллиан, мой кузен Айвен и еще несколько близких друзей. Сочту за честь, если вы оба почтите меня своим присутствием.

В ответ на эту явную милостыню Рене исхитрился выдавить болезненную улыбку.

— Спасибо, Майлз. Но я не думаю…

— Ой, Татя, вы, конечно же, должны пойти! — прервала его Оливия, схватив подружку за руку. — Майлз наконец-то представит нам свою даму сердца, которую скрывает. Пока что ее видела только Карин. Мы все просто умираем от любопытства.

— Ты, Майлз? — Брови Рене поползли вверх. — А я всегда считал, что ты такой же убежденный холостяк, как Айвен. Женат на карьере.

Майлз состроил Оливии сердитую гримасу и вздрогнул при последних словах Рене.

— С карьерой у меня развод по медицинским показаниям. Оливия, с чего ты вообще взяла, что госпожа Форсуассон… Видишь ли, Рене, она мой дизайнер по ландшафту, но она — племянница лорда Аудитора Фортица, я познакомился с ней на Комарре, она совсем недавно овдовела и, безусловно, не… не готова к тому, чтобы быть чьей-то дамой сердца. Лорд Аудитор и госпожа профессор Фортиц тоже будут присутствовать, так что, как видишь, это прием для узкого круга лиц, ничего непристойного для нее.

— Для кого? — уточнила Марсия.

— Катрионы. — Имя сорвалось с его языка прежде, чем он успел его поймать. Все четыре слога.

Марсия ехидно ухмыльнулась. Рене переглянулся с женой. На лице Тати на мгновение обозначились ямочки, а Рене задумчиво поджал губы.

— Карин сказала, что лорд Марк сказал, что ты сказал, — невинно заметила Оливия. — Так кто же лжет?

— Никто, черт побери, но… но… — Сглотнув, он собрался снова повторить уже накатанный текст: — Госпожа Форсуассон… — *Ну почему с каждым разом объяснять становится все труднее, а не наоборот?* — …соблюдает официальный траур по мужу. Я твердо намерен объясниться с ней, когда наступит подходящее время. Пока оно не пришло, и я вынужден ждать. — Он скрипнул зубами. Рене подпер подбородок ладонью, прикрыв пальцем рот. Глаза его сияли. — А я ненавижу ждать! — выдохнул Майлз.

— Вот оно что! — протянул Рене. — Понятно…

— А она тоже тебя любит? — спросила Татя, исподволь бросив на супруга влюбленный взгляд.

Господи, Форбреттены такие же чокнутые, как Грегор с Лаисой, хоть и женаты уже три года! Этот матримониальный энтузиазм — чертовски заразная штука!

— Не знаю, — уже куда тише признался Майлз.

— Он сказал Марку, что ухаживает за ней тайно, — пояснила Марсия Форбреттенам. — Тайно от нее. Мы до сих пор пытаемся понять, как это.

— Что, уже весь город в курсе моих личных разговоров?! — рявкнул Майлз. — Я Марка удавлю!

Марсия с деланной невинностью захлопала ресницами.

— Карин слышала это от Марка. Я — от Айвена. Мама — от Грегора. А па — от Пима. Если ты пытаешься сохранить свои дела в секрете, Майлз, зачем тогда трепаться об этом на каждом углу?

Майлз набрал в грудь побольше воздуха.

— Благодарю вас, лорд Форкосиган, — застенчиво проговорила графиня Форбреттен. — Мы с мужем с удовольствием придем к вам на ужин. — Она улыбнулась ему, показав ямочки на щеках.

Весь запал Майлза вылился лишь в: «Добро пожаловать!»

— А вице-король с вице-королевой к этому времени уже прибудут с Зергияра? — полюбопытствовал Рене.

— Нет. Хотя должны довольно скоро приехать. Это *мой* прием. — Не то чтобы Майлз не ждал с нетерпением возвращения родителей, но роль полновластного хозяина дома, которую он исполнял последние несколько месяцев, ему очень даже нравилась. К тому же знакомство Катрионы с графом и графиней Форкосиган — будущими свекром и свекровью — Майлз хотел обставить со всей тщательностью.

Ладно, со светскими обязанностями на сегодня все. Он с достоинством встал, попрощался со всеми и вежливо предложил Оливии с Марсией их подвезти, ежели они пожелают. Оливия предпочла остаться со своей подругой-графиней, но Марсия поймала его на слове.

Когда Пим открыл кабину лимузина, Майлз глянул на своего оруженосца с подозрением. Он всегда высоко ценил способность Пима собирать слухи — очень ценное умение для Майлза на его новом посту — и относил этот талант на счет подготовки оруженосца в службе безопасности. Ему и в голову не приходило, что Пим может *обмениваться* информацией. Пим, заметив взгляд лорда, но не поняв его причины, слегка помрачнел, однако больше никак не отреагировал на явное недовольство своего сюзерена.

Сидя с Марсией на заднем сиденье, Майлз, пока они отъезжали от особняка Форбреттенов и сворачивали к Звездному мосту, на полном серьезе прикидывал, не устроить ли юной Куделке выволочку за то, что она в присутствии Форбреттенов подтрунивала над ним. Он ведь теперь Имперский Аудитор, слава Богу! Или по крайней мере Грегору. Да, но в

таком случае он вряд ли вытянет из нее какие-нибудь сведения. Майлз взял себя в руки.

— Как, по-твоему, Форбреттены держатся в создавшейся ситуации? — спросил он.

Марсия пожала плечами:

— Внешне нормально, но, по-моему, они в полном шоке. Рене считает, что проиграет дело и потеряет округ со всеми вытекающими последствиями.

— Запросто — если он и дальше не станет предпринимать никаких усилий. — Майлз нахмурился.

Марсия продолжала щебетать:

— Он ненавидит цетагандийцев с тех пор, как его отец погиб во время войны за Ступицу Хеджена. Татя говорит, он в ужасе, что в нем самом есть цетагандийская кровь. — Чуть помолчав, она добавила: — По-моему, Татю это тоже слегка пугает. То есть… теперь-то мы знаем, почему у этой ветви Форбреттенов после Оккупации вдруг прорезался удивительный музыкальный талант.

— Я тоже сложил два плюс два. Но с виду она очень к нему привязана.

Весьма неприятно думать, что это несчастье может стоить Рене не только титула, но и жены.

— Ей нелегко приходится. Ей нравится быть графиней. Оливия говорит, что в школе некоторые девочки от зависти насмехались над Татей. И то что Рене выбрал ее, очень Татю подстегнуло. Не то что остальные не предвидели этого, учитывая ее великолепное сопрано. Она действительно обожает мужа.

— Значит, по-твоему, их брак выдержит? — с надеждой спросил Майлз.

— М-м-м…

— М-м-м?..

— Вся эта штука разразилась, когда они решили завести ребенка. А потом не стали продолжать. Татя… об этом никогда не говорит. Она болтает обо всем, кроме этого.

— Вот как! — Майлз попытался представить, что бы это могло значить. Не очень что-то радужно…

— После того как разразился скандал, Оливия — чуть ли не единственная из старых подруг Тати, кто продолжает с ней общаться. Даже сестры Рене предпочли затаиться, хотя, как я подозреваю, по диаметрально противоположной причине. Выглядит так, будто никто не хочет глядеть ей в глаза.

— Вообще-то, если подумать, все мы происходим от инопланетников, черт подери! — раздраженно прорычал Майлз. — Что такое одна восьмая? Так, сущая ерунда. Почему из-за этого следует делать парией одного из лучших наших людей? Должна же учитываться компетентность человека!

Марсия криво усмехнулась:

— Если ты ждешь от меня сочувствия, Майлз, то обратился не по адресу. Даже если бы мой па был графом, я бы все равно не унаследовала титул, независимо от того, насколько я компетентна. Будь я хоть гением — это не имело бы ни малейшего значения. Так что если ты только что обнаружил, что этот мир несправедлив, то ты сильно запоздал с этим открытием.

— Для меня это не новость, Марсия, — скривился Майлз. Лимузин остановился у дома коммодора Куделки. — Но прежде восстановление справедливости не было моей работой. — *А власть вовсе не означает всемогущества, как кажется со стороны* . — Но это, по всей вероятности, единственное, с чем я не могу тебе помочь, — добавил он. — У меня есть сильная личная заинтересованность не желать снова вводить на Барраяре наследование по женской линии. От этого зависит моя жизнь. Мне нравится моя работа. Место Грегора мне не нужно.

Он открыл кабину, и Марсия вылезла, отвесив ему нечто вроде восточного поклона и за доставку, и за последнюю фразу.

— До встречи на твоем приеме.

— Передай привет коммодору и Дру, — крикнул он вслед.

Марсия, полуобернувшись, одарила его фирменной улыбкой «команды Куделка» и

удалилась.

Глава 7

Марк слегка наклонил флайер, чтобы сидящие сзади Карин и госпожа Форсуассон смогли получше рассмотреть сверкающий на горизонте Хассадар — столицу округа Форкосиганов. С погодой им повезло — чудесный солнечный денек дышал летним теплом. Флайер Майлза был просто чудо: юркий, быстрый, маневренный, он пронзал теплый воздух, как нож масло. Панель управления располагалась очень удобно для человека роста Марка. И ничего страшного, что сиденье чуть узковато. Нельзя иметь все. *Например, Майлз больше не может летать* . Марк скривился и решительно отмел непрошеную мысль.

— Какая красивая местность, — заметила госпожа Форсуассон, прижавшись лицом к стеклу.

— Майлз был бы рад вас слышать. — Марк осторожно направил ее мысли в нужном направлении. — Он просто влюблен в эти места.

Конечно, сегодня утром они обозревали все в лучшем свете, причем буквально. Сверкала весенняя зелень на фермах и в лесах — которые были таким же делом рук человеческих, как и поля. Там и здесь среди зелени мелькали клочки природной барраярской бурой растительности — в оврагах, по берегам ручьев, по горным склонам.

Энрике, тоже прижавшись носом к стеклу кабины, сказал:

— От Барраяра я такого не ожидал.

— А чего вы ожидали? — полюбопытствовала госпожа Форсуассон.

— Километры серого бетона, военные казармы и людей в форме, марширующих друг другу в затылок.

— С точки зрения экономики не выгодно. Хотя мундиров у нас хватает, — признал Марк.

— Но когда их порядка нескольких сотен разных цветов, эффект униформы теряется. К тому же некоторые цвета… довольно неожиданные, — улыбнулась Карин.

— Да, я всегда сочувствовал тем графам, которым пришлось выбирать цвета последними, — согласился Марк. — Полагаю, Форкосиганы были где-то в середине. То есть коричневый с серебром — очень даже неплохо, но все равно не могу побороть чувство, что парни, у которых синий с золотым или черный с серебряным, смотрятся несколько импозантнее. — Он вполне мог представить себя одетым в черное с серебром, рука об руку с высокой светловолосой Карин.

— Могло быть и хуже, — весело заметила Карин. — Как, по-твоему, ты выглядел бы в мундире младшего сына Дома, чьи цвета — зеленовато-желтый с алым, как у бедолаги Форхаропулоса, а, Марк?

— Как светофор в сапогах, — скорчил рожу Марк. — Как я постепенно понял, строем тут тоже не ходят. Скорее бродят растерянным стадом. Сперва это было… едва ли не разочарованием. То есть, даже если отбросить вражескую пропаганду, сами барраярцы тоже не стремятся рекламировать реальное положение дел, верно? Хотя я уже почти полюбил Барраяр таким, какой он есть.

Они снова снизились.

— А где эта пресловутая радиоактивная зона? — поинтересовалась госпожа Форсуассон, оглядывая сменившийся пейзаж.

Три поколения назад цетагандийцы уничтожили ядерным взрывом старую столицу округа Форкосиган-Вашнуй.

— К юго-востоку от Хассадара. Вниз по течению и с подветренной стороны, — ответил Марк. — Но сегодня мы туда не полетим. Придется вам как-нибудь попросить Майлза, чтобы он вас туда свозил.

Он подавил хищную улыбку. Можно поспорить, что визит к выжженной земле не входил в запланированный Майлзом маршрут.

— Барраяр не весь такой, — пояснила госпожа Форсуассон Энрике. — Та часть Южного континента, где я выросла, — плоская, как доска, а на горизонте виднеются самые высокие горы планеты — Черный Сброс.

— Такие равнины, они наводят тоску? — спросил Энрике.

— Нет, потому что горизонт неровный. Зато, когда выходишь на улицу, кажется, будто идешь по небу. Облака, освещение, грозы — у нас там самые красивые восходы и закаты.

Они пересекли невидимую границу воздушного транспортного контроля Хассадара, Марк передал управление городским компьютерам. Через несколько минут флайер медленно опустился на частную, полностью закрытую для посторонних посадочную площадку на крыше графской резиденции. Резиденция представляла собой большое современное здание, облицованное полированным гранитом с Дендарийских гор. С прилегающими муниципальными и окружными конторами она занимала большую часть одной стороны центральной площади города.

Возле посадочной площадки стоял Ципис, как всегда собранный, одетый с иголочки. Он пожал руку госпоже Форсуассон словно старому другу и поздоровался с инопланетником Энрике с грацией и изяществом прирожденного дипломата. Карин удостоилась родственных объятий.

Гости пересели в машину, Ципис показал всевозможные варианты размещения будущей фабрики, включая неиспользуемые городские склады и две близлежащие фермы, пустовавшие, потому что хозяева последовали за своим графом на Зергияр, а занять их место на этих, прямо скажем, трудных землях (одна ферма стояла на болотистой местности, а другая — на каменистой и сухой) желающих не нашлось. Марк тщательно проверил радиоактивный фон. Все это и так уже было собственностью Форкосиганов, и обсуждать с кем бы то ни было перепрофилирование ферм не приходилось.

— Возможно, вам даже удастся убедить вашего брата не взимать аренду, — сказал Ципис по поводу ферм. — Он это может. Перед отбытием на Зергияр ваш отец передал ему все полномочия по округу. В конце концов, сейчас семья вообще не получает с этих ферм никаких доходов, а вы сможете сэкономить ваши деньги для других нужд.

Ципис абсолютно точно знал, какие затраты предстоят Марку, они уже обсудили это по комму. От одной только мысли, что придется о чем-то просить брата, Марк слегка поежился, но… ведь он тоже Форкосиган? Он оглядел заброшенную ферму, пытаясь представить себя хозяином.

В конце концов Марк обратился за советом к Карин, и они быстро перебрали имеющиеся варианты. Энрике разрешили побродить поблизости с госпожой Форсуассон, чтобы ознакомиться с исконными барраярскими растениями. Состояние строений, труб и силовых установок оказалось более чем сносным, поэтому было принято решение наплевать на состояние земли и остановиться на относительно более новой ферме, где и дома были побольше. После еще одного более внимательного осмотра владений Ципис отвез всех обратно в Хассадар.

На обед Ципис повел гостей в самое престижное место столицы — официальный обеденный зал графской резиденции, окна которой выходили на площадь. Вышколенная прислуга проявляла чудеса, что наводило на мысль о том, что Майлз по-тихому дал строгие инструкции относительно обслуживания и питания своей… садовницы. Марк получил этому подтверждение позже, после десерта, когда Карин уволокла Энрике и вдовушку во внутренний двор посмотреть фонтаны и сад, а Марк с Циписом остались наслаждаться лучшим вином Форкосиганов, выставляемым только в случае визита императора Грегора.

— Итак, лорд Марк, — произнес Ципис, с благоговением отхлебнув вино, — что вы думаете об этой госпоже Форсуассон, даме вашего брата?

— Я думаю… что она еще не дама моего брата.

— М-м-м… да, это я понял. Или, если точнее, мне так объяснили.

— А что он вам вообще о ней сказал?

— Дело не в том, что сказал, а как. И как часто он повторяется.

— Да уж. Если бы речь шла не о Майлзе, было бы даже смешно. Впрочем, это и так смешно. Но также и… хм…

Ципис моргнул и очень понимающе улыбнулся.

— Душераздирающе… я думаю… что выразился бы именно так. — Лексика Циписа была столь же безукоризненна, как и его прическа. Управляющий устремил взгляд на площадь за окном. — Когда он был мальчишкой, я частенько его видел, когда приезжал к вашим родителям. Он постоянно превышал свои физические возможности, но ни разу не плакал, когда ломал очередную кость. Для такого маленького ребенка у него было почти что пугающее самообладание. Но однажды — это было на хассадарской ярмарке — мне довелось увидеть, как его довольно жестоко отвергла группа детишек, к которым он попытался присоединиться.

Ципис отпил еще глоток вина.

— Он тогда заплакал? — спросил Марк.

— Нет. Хотя, когда он вернулся, лицо у него было очень странное. Ботари наблюдал вместе со мной — сержант тоже ничего не мог поделать, поскольку никакой физической угрозы Майлзу не было. На следующий день Майлз упал с лошади. Это было одно из самых худших его падений. Он прыгнул через препятствие, что ему категорически запрещалось, на практически необъезженной лошади, на которую ему запретили садиться… Граф Петер был в такой ярости — и таком ужасе, — что я испугался, не хватит ли его прямо на месте удар. Позже я задумался, насколько тот несчастный случай был случайным. — Ципис помедлил. — Я всегда думал, что Майлз выберет жену с другой планеты, как его отец. Но никак не барраярку. И не совсем понимаю, что Майлз затеял с этой молодой дамой. Он снова подставляется под удар?

— Он заявляет, что у него есть стратегия.

Губы Циписа искривились в улыбке, и он пробормотал:

— Как всегда…

Марк беспомощно пожал плечами:

— По правде говоря, я сам с ней едва знаком. Вы с ней работали, что вы думаете о ней?

Ципис строптиво набычился:

— Она быстро схватывает и очень честная.

На первый взгляд, оценка довольно хилая, если не знать, что это те два качества, которые Ципис ценит превыше всего.

— И очень недурна собой, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, — добавил, спохватившись, управляющий. — Совсем не такая высокая, как я думал. — Марк только ухмыльнулся. — По-моему, она вполне справится с обязанностями графини, — закончил Ципис.

— Майлз тоже так считает, — заметил Марк. — А подбор кадров, если не ошибаюсь, был одним из его самых значимых военных талантов.

Кстати, чем больше Марк узнавал Циписа, тем больше убеждался, что этот талант Майлз унаследовал от своего — от их — отца.

— Во всяком случае, давно пора, — вздохнул Ципис. — Хотелось бы, чтобы граф Эйрел дожил до внуков.

Интересно, это и меня касается?

— Вы ведь проследите за развитием событий, да? — добавил Ципис.

— Не очень представляю, что, по-вашему, я могу сделать. Не могу же я *заставить* ее полюбить Майлза. Будь у меня такая власть над женщинами, я бы использовал ее в личных целях.

Ципис, слегка улыбнувшись, поглядел на стул, на котором сидела Карин, затем, оценивающе, — на Марка.

— Да? А у меня сложилось полное впечатление, что у вас она есть.

Марк поежился. Новоприобретенный бетанский рационализм всю последнюю неделю куда-то пропадал, как только дело касалось Карин, и Черная Команда постепенно начинала

оживляться. Но Ципис — финансовый консультант, а не психотерапевт. И даже (они ведь на Барраяре, в конце концов) не сваха.

— Значит, вы не заметили никаких признаков, что госпожа Форсуассон отвечает вашему брату взаимностью? — почти что жалобно спросил Ципис.

— Нет, — признался Марк. — Но она очень сдержанна. — Что это, бесчувственность или пугающее самообладание? Кто знает? — Ха, придумал! Я втравлю в это дело Карин! Женщины любят посплетничать между собой о таких вещах. Именно поэтому они так долго и пропадают в дамских комнатах — чтобы обсудить своих кавалеров. Во всяком случае, мне так в свое время сказала Карин, когда я пожаловался, что слишком долго торчал в одиночестве…

— Мне нравится в этой девочке чувство юмора. Мне всегда нравились все Куделки. — Глаза Циписа сурово сверкнули. — Вы ведь поступите с ней как должно, я надеюсь?

Тревога, тревога!

— О да! — горячо заверил его Марк. По правде говоря, Пыхтун просто жаждал поступить с ней как должно в рамках приобретенных на Бете навыков прямо сейчас. Обжора, чьим хобби стало кормить Карин всякими вкусностями, сегодня неплохо поразвлекся. Убийца был готов прикончить любого врага, на которого она укажет, только вот врагов у Карин нет, одни друзья. Даже Рева был почему-то доволен, ибо страдания остальных членов Команды доставляли ему удовольствие. По данному вопросу Черная Команда голосовала единодушно.

Эта чудесная, открытая женщина… В ее присутствии он чувствовал себя как какое-то ленивое хладнокровное существо, выползшее из-под камня, под который забралось умирать, и озаренное внезапно чудесным солнечным светом. Он мог сутками таскаться за Карин по пятам, жалостно поскуливая и надеясь, что она еще хоть на секундочку озарит его своим светом. Бетанский психотерапевт довольно жестко высказалась по поводу этой его зависимости: «В отношении Карин нечестно вешать на нее такую обузу, ты согласен? Научиться давать от избытка, а не только брать по необходимости». Все так, все так. Но черт подери, Карин нравится даже его психотерапевту, пытавшейся уговорить ее выбрать эту профессию! Карин любят все, потому что Карин любит всех. Все хотят быть с ней рядом. Она всем дарит тепло, и люди готовы на все ради нее. У нее в избытке все, чего нет у Марка и о чем он мечтает больше всего на свете: доброжелательность, заразительный энтузиазм, сострадание, ясный ум. У нее просто потрясающие способности к бизнесу. Какую команду они могли бы составить вдвоем: Марк — аналитик, а Карин взяла бы на себя общение со всем остальным человечеством… Одна только мысль, что он может по какой-то причине ее потерять, приводила Марка в состояние тотальной паники.

Приступ паники мгновенно прошел, как только Карин появилась в дверях в обществе Энрике и госпожи Форсуассон. Несмотря на охватившую всех после обильного обеда расслабленность, Карин заставила их шевелиться и двинуться на выполнение второй поставленной на сегодня задачи: сбора камней для Майлзова сада. Ципис выдал им карту, указал нужное направление и выделил двух дружелюбных юнцов с мини-тракторами и грузовиком. Грузовик проследовал за ними, когда Марк повел флайер на юг, к серой громаде Дендарийских гор.

Он посадил флайер в горной долине, возле каменистого обрыва. Этот район, тоже принадлежавший Форкосиганам, был совершенно не освоен, и Марк понимал почему. Девственный кусок барраярской — ну, лесом это назвать было сложно, так, рощица — природы тянулся километрами по крутым откосам.

Госпожа Форсуассон вылезла из флайера и повернулась полюбоваться пейзажем. День был теплый, и в воздухе колебалась волшебная голубая дымка, но все равно видно было на добрую сотню километров. Клубящиеся кипенно-белые облака собирались в подобие серебристо-серых воздушных замков.

— Ой! — радостно воскликнула Катриона. — Наконец-то я вижу настоящее небо! Именно таким оно и должно быть. Теперь я понимаю, Карин, почему вы сказали, что лорду

Форкосигану тут нравится. — Она раскинула руки, словно желая объять бескрайний простор. — Обычно горы кажутся мне стенами, но тут… тут очень славно.

Грузовик приземлился возле флайера, из него десантировались выделенные Циписом здоровяки. Госпожа Форсуассон поволокла рабочих, вооруженных необходимым оборудованием, на дно оврага — собирать настоящие камни Дендарийских гор, дабы затем доставить их в Форбарр-Султан. Энрике следовал за ними, как угловатая, весьма неловкая собачонка. Поскольку спуск вниз автоматически предполагал последующий подъем, Марк ограничился тем, что некоторое время понаблюдал сверху, а потом, рука об руку с Карин, отошел к менее крутому склону.

Когда он обнял ее за талию и притянул поближе, Карин не возражала, но как только попытался ласкать ей грудь, она сердито напряглась и мгновенно отстранилась. Черт!

— Карин… — жалобно заныл Марк.

— Прости, — покачала она головой.

— Не извиняйся, не надо… Я от этого чувствую себя еще более нелепо… Я хочу, чтобы ты тоже меня хотела, иначе какой смысл… Я думал, так оно и было…

— Так и было. И есть. Просто я… — Она не смогла найти слов и попыталась снова. — На Колонии Бета я думала, что действительно уже совсем взрослая — сложившийся человек. А потом вернулась сюда… И поняла, что я в полной зависимости от моей семьи. Я всегда от них зависела, даже когда была на Бете. Возможно, все то было… ложью.

Марк схватил ее за руку. Уж этого-то он никак не допустит!

— Ты хочешь быть хорошей. Ладно, я могу это понять. Но ты должна быть очень осторожна в том, *кому* позволяешь определять, что хорошо, а что плохо для тебя. Уж этому-то меня мои создатели-террористы хорошо научили.

При одном только упоминании о кошмарном прошлом Карин вцепилась ему в руку и страдальчески улыбнулась. Поколебавшись, она продолжила:

— Меня сводят с ума взаимоисключающие правила. Я не могу быть одновременно хорошей и там, и тут. Я уяснила, как быть хорошей девочкой на Колонии Бета, и в определенном смысле это так же трудно, как быть хорошей здесь. Даже намного страшнее иногда. Но… там я себя чувствовала так, будто становлюсь *значительней* внутри, если ты понимаешь, о чем я.

— Пожалуй. — Марк надеялся, что не был причиной этих страхов, но опасался, что так оно и есть. Ладно, он знает, что так и есть. В прошлом году бывали тяжелые времена. И все же она оставалась с ним. — Но ты должна выбирать то, что хорошо для Карин, а не для Барраяра… — Он глубоко вздохнул и честно продолжил: — Даже не для Беты.

И даже не для меня?

— С тех пор, как я вернулась, у меня такое впечатление, будто я даже себя найти не могу, чтобы спросить.

Для нее это всего лишь метафора, напомнил себе Марк. Хотя, возможно, он тоже метафора, учитывая сидящую у него в голове Черную Команду. Метафора, распространяющаяся подобно метастазам. С метафорами такое случается — под определенным давлением.

— Я хочу назад, на Колонию Бета, — тихо, но страстно прошептала Карин, глядя куда-то в пространство. — И хочу оставаться там, пока *действительно* не повзрослею и не стану собой, чтобы оставаться собой где бы то ни было. Как графиня Форкосиган.

Марк недоуменно вскинул брови. Ничего себе образец для подражания для ласковой Карин. Но одно о матери можно сказать точно — она никогда ни в чем ни у кого не идет на поводу. Хотя было бы желательным приобрести эти качества, не шагая босиком по раскаленным углям.

Когда Карин расстроена, это — все равно что солнышко, закрытое тучей. Желая утешить, Марк снова обнял ее за талию. К счастью, Карин поняла все правильно и прижалась к нему.

Черная Команда хороша как ударный отряд в чрезвычайной ситуации, но указчики из

них плохие. Придется Пыхтуну потерпеть. Слишком все сложно, чтобы рисковать.

А что, если, когда Карин станет самой собой, ему не останется подле нее места?..

Нет, об этом лучше не думать. Надо срочно менять тему.

— Похоже, Ципису понравилась госпожа Форсуассон.

Карин мгновенно просветлела. *Из чего следует, что я на нее давил* . Где-то внутри завыл Рева. Марк приструнил его.

— Катриона? Мне тоже!

Значит, уже Катриона. Перешли на имена. Отлично. Надо будет почаще отправлять их в дамскую комнату.

— Как по-твоему, ей нравится Майлз?

— Вроде да. — Карин пожала плечами. — Она действительно усиленно работает над этим его садом, и вообще…

— Я хотел спросить, она влюблена? Я даже ни разу не слышал, чтобы она его называла по имени. Как можно быть влюбленным в кого-то, кого даже не зовешь по имени?

— Ой, да это все форские штучки!

— Хм… — К последнему заявлению Марк отнесся весьма скептически. — Это верно, Майлз стал… ну… очень фором. Видать, титул Имперского Аудитора ударил ему в голову. Как ты думаешь, Карин, не могла бы ты поотираться возле нее и попытаться разузнать в этом направлении?

— Шпионить за Катрионой? — недовольно нахмурилась Карин. — Тебя ко мне с этим направил Майлз?

— Вообще-то нет. Ципис. Он слегка беспокоится за Майлза. И… И я тоже.

— Мне бы хотелось с ней подружиться…

Естественно .

— Не похоже, что у нее много друзей. Она часто переезжала. И по-моему, с ее мужем на Комарре произошло нечто похуже, чем она говорит. Эта женщина полна загадок.

— Но подойдет ли она Майлзу? Будет ли к нему добра?

Карин, выгнув бровь, уставилась на Марка.

— А кого-нибудь волнует, подойдет ли ей Майлз?

— Хм… хм… А почему нет? Наследник графства. Богатый. Имперский Аудитор, в конце концов! Чего еще желать форледи?

— Не знаю я, Марк. Наверное, все зависит от фора. Единственное, что я знаю, что предпочту сотню лет просидеть с тобой и любым из твоей Черной Команды, чем оказаться взаперти хотя бы на неделю наедине с Майлзом. Он… *он подавляет* .

— Только если ему позволяешь. — Но внутри у него потеплело при мысли, что Карин действительно предпочитает его блестящему Майлзу, и внезапно стало легче.

— Ты хотя бы представляешь, каких трудов стоит остановить его? Я до сих пор помню, как мы с сестрами, будучи детьми, приезжали с мамой в гости к тете Корделии, и Майлзу приказывали занять нас чем-нибудь. Что было воистину жестоко в отношении четырнадцатилетнего мальчишки, но что я тогда понимала? Он решил, что из нас получится отличное отделение, и заставлял нас маршировать по кругу на заднем дворе особняка Форкосиганов или в бальном зале, если шел дождь. Мне тогда было года четыре. — Она нахмурилась, вспоминая. — Что Майлзу на самом деле нужно, так это женщина, способная охлаждать его пыл, иначе случится катастрофа. Для нее, не для него. — Чуть помолчав, Карин мудро добавила: — Хотя если для нее, то и для него — тоже. Рано или поздно.

— Ух ты!

Тут из оврага вылезли взмокшие работнички и спустили вниз грузовик. С грохотом и лязгом закончили погрузку, грузовик поднялся в воздух и двинулся на север. Чуть погодя на поверхность выползли запыхавшиеся Энрике с госпожой Форсуассон. Энрике, тащивший целый веник аборигенных барраярских растений, лучился от удовольствия. Для разнообразия эскобарец выглядел так, будто у него, как у всех нормальных людей, существует кровообращение. Вероятно, он просто-напросто годами не вылезал на свежий

воздух. И сегодняшний поход явно пошел Энрике на пользу, хоть он и промок до нитки, свалившись в ручей.

Каким-то образом они исхитрились уместить на заднем сиденье растения и мокрого Энрике, затем во флайер загрузились и остальные. Солнце клонилось к закату. Они еще раз облетели долину, и Марк с удовольствием испытал машину на скорость, а потом двинулись к северу, в столицу. Аппарат летел как стрела, легко подчиняясь командам Марка, и они достигли пригорода Форбарр-Султана еще до сумерек.

Первой высадили госпожу Форсуассон возле дома ее дяди и тети, взяв с нее обещание, что она непременно заглянет в особняк Форкосиганов помочь Энрике разобраться с научными названиями новых ботанических образцов. Карин выскочила на углу напротив семейного дома, дружески чмокнув Марка на прощание в щеку. *Уймись, Пыхтун. Это вовсе не тебе.*

Марк поставил флайер в углу подземного гаража и пошел вслед за Энрике в лабораторию — кормить жучков-маслячков. Энрике стоял возле жучков, что-то напевая любимым страшнючкам-ползучкам. По мнению Марка, этот парень слишком долго работал один. Энрике тем временем жизнерадостно напевал, раскладывая новые растения, одни — в бадейки с водой, другие — сушиться на лавку.

Когда Марк закончил взвешивать, записывать и складывать новые порции маслица, Энрике уже устроился за коммом. Вот и славненько! Может, сделает еще какие выгодные научные открытия. Марк подошел, собираясь сказать что-нибудь бодрящее. Однако, как выяснилось, Энрике вовсе не занимался зубодробильными молекулярными построениями, а читал какой-то длинный текст.

— Это что? — полюбопытствовал Марк.

— Я обещал Катрионе прислать реферат моей диссертации. Она попросила, — гордо объяснил Энрике с ноткой удивления. — Диссертация как раз лежит в основе всей моей дальнейшей работы над жучками-маслячками. Я в свое время набрел на них как на отличный экспериментальный образец носителя для микробных цепочек.

— А! — Марк помедлил. *Значит, для тебя она теперь тоже Катриона?* Что ж, если Карин перешла с вдовушкой на ты, то и Энрике, который был с ними, тоже должен был удостоиться этой чести, так? — А она сможет это прочесть?

Насколько мог понять Марк, Энрике писал так же, как говорил.

— А я и не жду, что она справится с математическими расчетами — даже мои факультетские руководители продирались сквозь них с немалым трудом, — но суть она, конечно, поймет из иллюстраций. Хотя… возможно, надо бы что-то сделать вот с этим куском, чтобы он стал чуть более удобоваримым. Должен признаться, он несколько суховат. — Закусив губу, Энрике склонился над коммом. Минуту спустя он поинтересовался: — Не можешь придумать слово, сочетающееся со словом «глюоксилат»?

— Ну… попробуй «оранжевый». Или «серебряный».

— Полный бред. Не можешь помочь — уходи.

— Да чем ты занимаешься?!

— Изоцитрат… нет, тоже не то… Я пытаюсь придать этому отрывку более приличный вид, переписав его в форме сонета.

— Несколько… э-э-э… ошеломляюще.

— Правда? — просиял Энрике, снова принимаясь напевать. — Треонин, серин, полярный, молекулярный…

— Триангулярный, — наугад предложил Марк.

— Да ну тебя! — раздраженно отмахнулся Энрике.

Дьявольщина, никто не планировал, что Энрике станет тратить драгоценное время на виршеплетство! Он должен рисовать длиннющие цепочки молекулярных связей, писать формулы, ну и вообще… Марк уставился на эскобарца, раскачивающегося, как маятник, на стуле с сосредоточенным видом.

Нет… Это невозможно. Даже Энрике не может прийти в голову, что он способен

привлечь женщину своей диссертацией. Или, наоборот, *только* Энрике может вообразить… В конце концов, эта диссертация — единственный признанный успех в его жизни. Марк вынужден был признать, что любая женщина, которую он сможет привлечь *таким образом,* и есть та, что для него подходит… но не эта. Не та, в которую влюблен Майлз. Госпожа Форсуассон чрезвычайно вежлива. Она наверняка сказала что-нибудь любезное, не важно, заинтересовало ее предложение Энрике или нет. А Энрике, изголодавшийся по доброте, как… как еще один хороший знакомец Марка, построил из этого целую…

Вывоз жучьего производства на новое место жительства вдруг сделался первоочередной задачей. Поджав губы, Марк на цыпочках покинул лабораторию.

Из-за спины доносился счастливый напев Энрике:

— Мукополисахарид… хм… вот оно, отлично ложится на ритм. Му-ко-по-ли-са-ха-рид…

В космопорте Форбарр-Султана, как всегда днем, кипела жизнь. Айвен нетерпеливо оглядел зал прилета, переложив букет орхидей из правой руки в левую. Он рассчитывал, что леди Донна прилетит не очень уставшей для краткого свидания. Цветы послужат отличным началом возобновившихся отношений. Подарок не слишком значительный и кричащий, чтобы навести на мысль, будто он безумно скучал, но достаточно элегантный и дорогой, чтобы дать понять о серьезном интересе к даме, столь чувствительной к нюансам, как Донна.

Возле Айвена, удобно опершись спиной о колонну и скрестив руки на груди, стоял Байерли Форратьер. Глянув на букет, он скривил губы в своей ехидной улыбочке, которую Айвен проигнорировал. Байерли мог выдавать самые ядовитые комментарии, но, безусловно, не мог быть соперником в отношении своей кузины.

Кое-какие эротические сновидения с Донной в главной роли, привидевшиеся ему прошлой ночью, запали Айвену в память. Он решил, что предложит ей поднести багаж, точнее, ту часть, что окажется у нее в руках, а взамен вручит ей цветы. Насколько он помнил, леди Донна никогда не путешествовала налегке.

Если только она не притащит в руках маточный репликатор с клоном Пьера. Тогда пусть Бай справляется сам. Айвен и пальцем к нему не прикоснется. Бай по-прежнему хранил удручающее молчание по поводу того, зачем леди Донна отправилась на Колонию Бета, но ведь должен же кто-то рано или поздно попробовать затею с клоном, в самом-то деле! Возникшие в этой связи политические проблемы скорее всего свалятся на голову его кузена Форкосигана, но поскольку Форпатрилы — всего лишь младшая ветвь, Айвену ничего не грозит. Он, слава Богу, голоса в Совете Графов не имеет.

— А! — Байерли отклеился от колонны и приветственно поднял руку. — Вот и дождались!

Айвен проследил его взгляд. К ним приближались трое мужчин. Шагавшего справа седовласого мрачного мужика, помахавшего Байерли в ответ, Айвен узнал даже без униформы. Грозный старший оруженосец покойного графа Пьера. Как бишь его? Цабо. Прекрасно. Леди Донна взяла с собой в дальнее путешествие помощника и защиту. Высокий малый слева, тоже в гражданке, был еще одним оруженосцем Пьера, он-то и волок платформу с тремя чемоданами. На лице его было типичное выражение, свойственное барраярцам, только что вернувшимся после первого визита на Колонию Бета, будто он не знал, упасть ли на колени и целовать землю, или сбежать обратно на челнок.

А вот мужчину, что шагал в центре, Айвен еще никогда не видел. Атлетически сложенный, среднего роста, скорее сухощавый, нежели мускулистый, хотя гражданский пиджак плотно обтягивал плечи. Облачен в черное с серой отделкой — типично барраярский псевдовоенный стиль. Одежда подчеркивала его внешность: бледную кожу, густые темные брови, коротко стриженные темные волосы и ухоженные усы и бородку. Шагал он весьма энергично. Его светло-карие глаза внимательно разглядывали окрестности, будто видели все впервые.

Ох ты черт! Неужто Донна обзавелась бетанским хахалем?! Вот это уже совсем не в

жилу. Незнакомец был далеко не мальчик, лет тридцать пять, не меньше. Что-то в нем было странно знакомое. Выглядит как истинный Форратьер: волосы, нос, нахальная походочка. Неизвестный сын Пьера? Та самая выплывшая наконец таинственная причина, по которой граф так никогда и не женился? Пьеру, должно быть, было не больше пятнадцати, когда он его зачал, но такое вполне возможно.

Бай обменялся с незнакомцем сердечной улыбкой и повернулся к Айвену:

— По-моему, вас знакомить не надо.

— А по-моему, надо, — запротестовал Айвен.

Белозубая улыбка мужчины стала еще шире, и он протянул руку, которую Айвен автоматически пожал.

— Лорд Доно Форратьер к вашим услугам, лорд Форпатрил!

Приятный тенор. Никакого бетанского акцента, произношение — как у образованного барраярца-фора. Эти сверкающие улыбающиеся глаза объяснили наконец, в чем дело.

— Ах ты черт! — прошипел Айвен и, отшатнувшись, выдернул руку. — Донна, *нет!*

Ну да, бетанская медицина! И бетанская хирургия. На Колонии Бета они могли сделать — и делали — все, что вы хотите, если у вас достаточно денег, вы совершеннолетний и в состоянии убедить их, что идете на это добровольно и сознательно.

— Если все пройдет по-моему на Совете Графов, скоро я стану графом Доно Форратьером, — спокойно продолжила… продолжил… Доно… Донна… или как там?

— Или покойником. — Айвен уставился на… него, не веря своим глазам. — Ты ведь не можешь всерьез полагать, что этот номер пройдет?

Он/она, выгнув бровь, глянул на Цабо, вздернувшего подбородок чуть ли не на сантиметр вверх, и сказал(а):

— О, поверь мне, мы тщательно просчитали весь риск, прежде чем приступить к делу.

Она/он, короче, бывшая Донна, ныне Доно — углядел букет, забытый Айвеном в руке.

— Ах, Айвен, это *мне?* Как мило с твоей стороны! — пропела она, забрала букет и поднесла к носу. Скрыв бороду за букетом, она похлопала поверх цветов ресницами, внезапно и ужасно снова сделавшись Донной.

— Не ведите себя так на публике! — сквозь зубы процедил Цабо.

— Виноват, Цабо. — Голос снова приобрел низкой мужской тембр. — Не смог устоять. То есть это ведь Айвен.

Цабо пожал плечами, принимая причину, но не следствие.

— Отныне я буду следить за собой, обещаю. — Лорд Доно перевернул букет, сунул под мышку, как рапиру, и чуть расставил ноги, встав в квазивоенную стойку «вольно».

— Уже лучше, — оценивающе буркнул Цабо.

Айвен смотрел с зачарованным ужасом.

— Бетанские врачи добавили тебе еще и рост? — Он поглядел вниз. Каблуки полусапог лорда Доно были невысокими.

— Я такого же роста, что и прежде, Айвен. Изменилось другое, но не рост.

— Да нет, ты выше, черт подери! Как минимум сантиметров на десять!

— Это тебе только кажется. Один из многих поразительных побочных эффектов тестостерона, который я открыл, помимо перепадов настроения. Когда приедем домой, можно будет меня измерить, и я тебе это докажу.

— Да, — сказал Бай, оглядываясь по сторонам. — Предлагаю продолжить дискуссию в более уединенном месте. Ваша машина с водителем ждет вас, как вы и приказывали, лорд Доно.

Он отвесил кузену иронический поклон.

— Ты… Я вам не нужен, чтобы отметить семейную встречу, — промямлил Айвен, начиная бочком-бочком отползать.

— Нет, что ты, очень нужен! — остановил его Бай. С одинаковыми злорадными улыбочками оба Форратьера подхватили Айвена под руки и потащили к выходу. Хватка Доно оказалась весьма мужской. Оруженосцы шагали следом.

Лимузин покойного графа Пьера они нашли там, где Бай его оставил. Оруженосец-водитель в знаменитой сине-серой ливрее Форратьеров поспешно открыл кабину для лорда Доно и его спутников. Водитель искоса глянул на нового лорда, но, похоже, нисколько не удивился. Оруженосец помоложе погрузил невеликий багаж и плюхнулся на переднее сиденье.

— Как я рад снова оказаться дома, — воскликнул он. — Йорис, ты не поверишь, что я видел на Бете…

Тут колпак кабины опустился, отрезав Доно, Бая, Цабо и Айвена от переднего сиденья. Лимузин мягко тронулся с места. Айвен, вывернув шею, жалобно вопросил:

— Это весь твой багаж? — Как правило, Донне требовалось две машины, чтобы забрать все ее барахло. — А остальное где?

Лорд Доно, откинувшись на сиденье, вытянул ноги и поднял голову:

— Я все бросил на Колонии Бета. Мои оруженосцы ездят с одним чемоданом. Век живи — век учись, Айвен.

Айвен отметил это собственническое «мои оруженосцы».

— А они все, — он кивнул на слушающего Цабо, — в курсе?

— Разумеется, — спокойно ответил Доно. — А как же иначе? Мы все собрались ночью, сразу после смерти Пьера, и мы с Цабо предложили этот план, и тогда все они принесли мне присягу.

— Какие они… хм… преданные.

— Мы все несколько лет наблюдали, как леди Донна управляет округом, — сказал Цабо. — Даже те из моих людей, которые… м-м-м… не очень прониклись планом, истинные уроженцы округа. Никто не хотел, чтобы он попал в лапы Ришара.

— Полагаю, за его деяниями вы тоже имели шанс некоторое время понаблюдать, — признал Айвен. И, помолчав, добавил: — И как это он умудрился достать вас всех?

— Он этого добился не за одну ночь, — вступил в разговор Байерли. — Ришар не настолько талантлив. На это ушли годы настойчивых усилий.

— Сомневаюсь, — неожиданно бесстрастно произнес Доно, — что по прошествии скольких лет кого-то заинтересует, что он пытался меня изнасиловать, когда мне было двенадцать. А когда я сумел от него отбиться, в отместку утопил моего щенка. В конце концов, тогда это никого не взволновало.

— Умф! — глубокомысленно изрек Айвен.

— Будь снисходительна к своей семье, — хмыкнул Бай. — Ришар убедил всех, что щенок погиб из-за тебя. В такого рода делах он всегда отличался большим умением.

— Но ты-то мне поверил! — воскликнул Доно. — Едва не единственный из всех.

— Да, но у меня к тому времени имелся свой собственный опыт общения с Ришаром, — пояснил Байерли, однако в подробности вдаваться не стал.

— Я тогда еще не служил у вашего отца, — подчеркнул Цабо, возможно, в виде извинения.

— Считай, что тебе повезло, — вздохнул Доно. — Сказать, что там царил полный бардак, — не сказать ничего. Никто не мог приказывать, кроме старика, пока его не хватила кондрашка.

— Ришар Форратьер, — продолжил Цабо специально для Айвена, — наблюдая за… э-э-э… нервными проблемами графа Пьера, все последние двадцать лет считал, что графский титул и округ могут перейти в его собственность в любой момент. И вовсе не в его интересах было позаботиться о том, чтобы Пьеру стало лучше или чтобы он обзавелся семьей. Я точно знаю, что он подкупил родственников первой молодой невесты, с которой Пьер обручился, чтобы те расторгли помолвку и сплавили девицу кому-нибудь другому. Вторую попытку Пьера жениться Ришар поломал, тайком передав родителям девушки кое-какие медицинские записи Пьера. Гибель третьей невесты при аварии флайера признали несчастным случаем. Доказательств обратного не было. Но Пьер никогда не верил, что это была случайность.

— Пьер… верил в кучу странных вещей, — нервно заметил Айвен.

— Не думаю, что это был несчастный случай, — сухо продолжил Цабо. — Флайер вел один из лучших моих людей. Он тоже погиб.

— О! Хм… Но ведь в смерти самого Пьера не подозревают?..

Цабо пожал плечами:

— Мне кажется, наследственное заболевание сосудов вряд ли убило бы Пьера, не пребывай он в такой глубокой депрессии. В таком состоянии он просто о себе не заботился.

— Я пытался, Цабо, — печально сказал Доно/Донна. — Но после той истории с медицинскими записями он стал совершенно параноидален в отношении врачей.

— Да, знаю. — Цабо собрался было потрепать ее/его по руке, но спохватился и утешающе похлопал по плечу. Доно ухмыльнулся.

— Как бы то ни было, — продолжил Цабо, — было совершенно ясно, что ни один верный Пьеру оруженосец — а мы все были ему верны, да упокоит Господь его душу, — не продержится на службе у Ришара и пяти минут. В первую очередь (а мы все слышали, как он это заявил) он намеревался отделаться от всех и вся, кто был верен Пьеру, и посадить на их место свои креатуры. И сестра Пьера, естественно, первая кандидатура на вылет.

— Если у Ришара есть хоть капля инстинкта самосохранения, — яростно проговорил Доно.

— А он может это сделать? — усомнился Айвен. — Выгнать тебя из дома? Разве Пьер не упомянул тебя в завещании?

— Из дома, из округа, отовсюду, — кисло улыбнулся Доно. — Пьер не оставил завещания, Айвен. Он не хотел назначать Ришара своим наследником, от его братьев и сыновей тоже был не в восторге, и мне кажется, до самого конца надеялся навсегда отсечь Ришара, обзаведясь собственным сыном. Черт, да при современной медицине Пьер мог рассчитывать прожить еще лет сорок! И все, что я бы имел как леди Донна, — доходы от моего приданого. А поместье — в ужасном состоянии.

— Неудивительно, — ответил Айвен. — Но ты действительно считаешь, что сможешь добиться успеха? То есть Ришар — уже предполагаемый наследник. А ты — кем бы ты ни была сейчас — в момент смерти Пьера ты не была его младшим братом.

— Это и есть самый важный юридический пункт плана. Наследник графа наследует в момент смерти предшественника только в том случае, если он уже был утвержден Советом Графов. В ином случае округ не передается по наследству, пока Совет не утвердит наследника. А к тому времени я уже несколько недель буду демонстративно выступать как брат Пьера.

Айвен скривился. Он пытался собраться с мыслями. Судя по тому, как ладно сидит черный пиджак, та роскошная грудь, которую он когда-то… ладно, не важно, короче теперь ее нет.

— Ты действительно сделал операцию… Что ты сделала с… Ты ведь не превратилась в гермафродита, а? Или?..

— Если ты имеешь в виду мои бывшие женские органы, то я оставила их на Бете вместе с остальным багажом. Даже шрамов не видно. Хирурги отлично потрудились. Видит Бог, они свое отработали. Не могу сказать, что мне этих органов не хватает.

А вот Айвену уже не хватало. Отчаянно.

— Мне просто было интересно, может, ты их заморозила. На случай, если дела пойдут плохо или ты передумаешь. — Айвен пытался скрыть надежду. — Я знаю, что есть бетанцы, меняющие пол туда-сюда по три-четыре раза в жизни.

— Да, некоторых таких я в клинике встречал. Надо сказать, они очень дружелюбны и сильно мне помогли.

Цабо слегка закатил глаза. Интересно, Цабо теперь что, выступает в роли личного слуги новоявленного лорда? Обычно это обязанность старшего оруженосца. Значит, Цабо был свидетелем всего этого. *Двое свидетелей. Она взяла двух свидетелей. Теперь понятно.*

— Нет, — продолжил Доно. — Если я вдруг соберусь снова сменить пол (а я вовсе этого не собираюсь, сорок лет — вполне достаточный срок), придется клонировать органы,

как сейчас. Я снова смогу стать девственницей. Кошмар какой!

Айвен, поколебавшись, спросил:

— Тебе ведь пришлось брать где-то Y-хромосому. Где ты ее взяла? Бетанцы предоставили? — Он беспомощно посмотрел на пах Доно и быстро отвел глаза. — Может Ришар заявить, что… что в тебе часть бетанских хромосом?

— Я об этом подумал. И взял Y-хромосому у Пьера.

— А твои новые… хм… мужские органы клонировали не от него? — От этой мысли Айвен чуть не поперхнулся, у него мозги закипели. Это что — своего рода техно-инцест, или как?

— Нет-нет! Хотя, признаюсь, крохотные образцы тканей я взял у брата — к тому времени он в них уже не нуждался, — и бетанские доктора использовали оттуда часть хромосом лишь для моих новых клонированных частей. Мои новые яички менее чем на два процента принадлежат Пьеру. В зависимости от того, как подсчитывать. Если я когда-нибудь решу дать своему члену кличку, как делают некоторые, то, пожалуй, мне следует назвать его в честь брата. Впрочем, эта мысль меня как-то не вдохновляет. Ощущается он совершенно моим.

— Но хромосомы в твоем теле по-прежнему XX?

— Ну да. — Доно беспокойно нахмурился и почесал бороду. — Полагаю, Ришар не преминет на это сослаться, если, конечно, ему придет это в голову. Я подумывала о ретрогенной обработке для полной соматической трансформации, но не хватило времени: осложнения бывают довольно странные. К тому же в результате получается какая-то мозаика. Этого достаточно, чтобы лечить некоторые генетические заболевания, но не в моем случае. Однако та часть моих тканей, что отвечает за рождение маленьких Форратьеров, официально XY и, по случайности, не несет никаких генетических заболеваний, повреждений и мутаций, раз уж мы об этом заговорили. У следующего графа Форратьера с сердцем будет все в порядке. Как бы то ни было, самым важным для претендента на графский титул является наличие хера. Так гласит история.

Бай хихикнул.

— Может, им стоит голосовать херами. — Он сложил руки иксом и серьезным тоном провозгласил: — Доно, его знак.

Лорд Доно ухмыльнулся:

— Хотя это будет далеко не первый случай, когда настоящий хер займет место в Совете Графов, я рассчитываю на более убедительную победу. И тут-то ты мне и нужен, Айвен.

— Я?! Я к этому не имею никакого отношения! И не желаю иметь! — Протесты Айвена оборвались, поскольку лимузин остановился у городского дома Форратьеров.

Особняк Форратьеров был лет на сто старше особняка Форкосиганов и, соответственно, куда больше смахивал на крепость. Бойницы его мрачных каменных стен выходили на дорожку, позволяя вести перекрестный огонь по тому, что в те дни, когда огромный особняк был в зените славы, представляло собой глинистую дорогу, усыпанную конским дерьмом. На первом этаже окон не было вовсе, только узкие щели бойниц. Ворота во внутренний двор — толстенные, обитые железом, лишенные каких-либо украшений. Теперь сбоку от них появился автоматический звонок.

Лимузин проехал во двор. На стенах виднелись царапины, оставленные неосторожными водителями. Интересно, не действует ли по сию пору оборонительный коридор под арочной крышей. Скорее всего — да.

Особняк был укреплен в оборонительных целях самим великим генералом графом Пьером Форратьером по прозвищу Кровавый, известным главным образом тем, что был доверенной правой рукой (главным головорезом) императора Дорки во время гражданской войны, положившей конец власти независимых графов буквально в самые последние дни Периода Изоляции. Пьер обзавелся серьезными врагами, которых он попросту пережил, скончавшись в глубокой старости. Угробили его цетагандийцы, да и то с огромным трудом,

после длительной и дорого им обошедшейся осады, с применением всех новейших вооружений. Причем не в этом особняке, естественно. Старшая дочь Пьера вышла замуж за одного из графов Форкосиганов, от которого Марк и получил свое второе имя. Интересно, что бы сказал старина Пьер о своих нынешних потомках, не без ехидства подумал Айвен. Может, больше всех ему бы понравился Ришар. Возможно, призрак старого генерала бродит тут до сих пор.

Водитель увел лимузин в гараж, а лорд Доно двинулся в дом, поднимаясь через две ступеньки по гранитной лестнице, что вела к двери. На мгновение остановившись, он оглядел мрачную домину.

— В первую очередь я сделаю это место посветлей, — сказал он, обращаясь к Цабо.

— В первую очередь вам надо заполучить приставку «граф» к своему имени, — охладил его пыл оруженосец.

— К моему новому имени, — коротко кивнул Доно и прошел в дом.

Внутри особняк тоже яркостью освещения не блистал, и разглядеть что к чему было затруднительно. Судя по всему, здесь все оставалось в том виде, в каком оставил граф Пьер перед отъездом в округ несколько месяцев назад. В пустых помещениях пахло пылью и затхлостью. Наконец они добрались, одолев пару крутых и темных лестничных пролетов, до покинутой спальни покойного графа.

— Пожалуй, сегодня я буду спать здесь. — Лорд Доно с сомнением огляделся. — Но сперва пусть застелют свежее белье.

— Слушаюсь, м'лорд, — кивнул Цабо.

Байерли скинул с кресла какие-то бумаги, грязную одежду, засохшие огрызки и прочий мусор и удобно уселся, скрестив ноги. Доно прошелся по комнате, печально взирая на немногие оставшиеся вещи умершего брата, поднял с пола и положил на место несессер с щетками для волос — Пьер незадолго до смерти начал лысеть, пустые флаконы из-под одеколона и несколько монеток.

— Я хочу, чтобы с завтрашнего дня приступили к уборке. Раз уж мне придется тут жить, не стоит дожидаться с уборкой, пока я получу титул.

— Я знаю одну платную службу, — не сдержавшись, предложил Айвен. — В отсутствие графа с графиней они убирают особняк Форкосиганов для Майлза.

— Да? Отлично! — Лорд Доно кивнул оруженосцу. Цабо тут же взял у Айвена все координаты, записав их на карманный комм.

— Пока тебя не было, Ришар дважды пытался завладеть этой грудой камней, — доложил Бай. — В первый раз твои оруженосцы держались твердо и не дали ему войти.

— Молодцы, парни! — пробормотал Цабо.

— Во второй раз он заявился со взводом муниципальных гвардейцев и приказом, который выцарапал у лорда Форбона. Твой дежурный оруженосец связался со мной, и мне удалось получить приказ лорда-хранителя Ораторского Круга, согласно которому им было велено убираться прочь. Некоторое время тут было довольно весело. Имела место толкотня и возня в дверях… но оружия никто не доставал, и никто серьезно не пострадал, что довольно прискорбно. Тогда мы смогли бы подать на Ришара в суд.

— Хватит с нас судебных исков, — вздохнул Доно, усевшись на краешек кровати, закидывая ногу за ногу. — Но спасибо за помощь, Бай.

Бай отмахнулся.

— Не так, — изрек Цабо. — Колени лучше держать врозь.

Доно немедленно сменил позу, скрестив щиколотки, но не преминул заметить:

— Но Бай же так сидит!

— Бай — не самый лучший мужской образец для подражания.

Байерли скорчил Цабо рожицу и расслабленно махнул рукой.

— Право же, Цабо, как вы можете быть так жестоки? Я ведь и ваш дом спас.

Однако его оставили без внимания.

— Как насчет Айвена? — поинтересовался Доно у Цабо. Айвен мгновенно растерялся,

не зная, куда девать руки и ноги.

— М-м-м… годится. Но лучшим образцом, если вы вспомните, как он двигается, был бы Эйрел Форкосиган. Вот уж в чьих движениях всегда читалась мощь и властность. У его сына тоже неплохо выходит излучать ауру властности, но молодой лорд Форкосиган все же чуть более утончен. А граф Эйрел — то что надо.

Густые брови лорда Доно взлетели, он поднялся, подошел к стулу, развернул его и уселся верхом, облокотившись на спинку. Положив подбородок на скрещенные руки, он сверкнул глазами.

— Ха! Вот это я узнаю! — воскликнул Цабо. — Неплохо, продолжайте работать в том же направлении. Постарайтесь завоевать больше пространства локтями.

Ухмыльнувшись, Доно уперся рукой в бок и выставил локоть. Потом вскочил, подошел к шкафу Пьера, распахнул дверцы и принялся копаться внутри. Из шкафа вылетел и приземлился на кровать китель цветов Дома Форратьеров, за кителем последовали штаны и рубашка. Потом у изножия кровати с грохотом приземлился высокий сапог, за ним — другой. Покрытый пылью Доно с сияющими глазами вылез из шкафа.

— Пьер был ненамного выше меня, и я всегда мог носить его обувь на толстый носок. Вызови завтра белошвейку…

— Портного, — поправил Цабо.

— Портного, и посмотрим, что из этого можно по-быстрому для меня переделать.

— Хорошо, м’лорд.

Доно принялся расстегивать пиджак.

— Думаю, мне пора идти, — сказал Айвен.

— Пожалуйста, присядьте, лорд Форпатрил, — попросил оруженосец Цабо.

— Да, садись со мной, Айвен, — похлопал Байерли по подлокотнику кресла.

— Сядь, Айвен! — рявкнул лорд Доно. Его глаза внезапно сощурились, и он уже тише добавил: — В память о старых добрых временах хотя бы. Обычно в такой ситуации ты стремился войти в мою комнату, а не выйти из нее. Или мне нужно запереть дверь, и мы снова поиграем в игру «найди ключ»?

Айвен открыл рот, раздраженно поднял палец в знак протеста, но передумал, заткнулся и опустился на угол кровати. Сказать бывшей леди Донне «ты не посмеешь» вдруг показалось не самым лучшим решением. Он испытывал глубочайшую неловкость. Он скрестил ноги, тут же торопливо выпрямил их и поставил порознь, потом скрестил снова, да еще скрестил руки — и чувствовал себя все неуютнее.

— Не понимаю, зачем я вам тут нужен, — жалобно проныл он.

— Чтобы вы могли засвидетельствовать, — пояснил Цабо.

— Чтобы ты мог подтвердить, — сказал Доно.

Пиджак шлепнулся на кровать рядом с подпрыгнувшим от неожиданности Айвеном. За пиджаком последовала черная футболка.

Что ж, о бетанской хирургии Доно сказал правду. Никаких видимых шрамов. На его груди курчавились темные волосы. Мышцы оказались внушительными — плечи у пиджака не были подбиты.

— И чтобы ты мог посплетничать, конечно, — сообщил Байерли, на лице которого читалось нечто вроде нездорового интереса или искреннего удовольствия от явного смущения Айвена. А скорее — и то, и другое.

— Если ты думаешь, что я скажу хоть кому-нибудь, что нынче вечером был тут…

Ловким движением Доно швырнул на пиджак брюки, потом трусы.

— Ну? — Он с довольным видом предстал перед Айвеном. — Как по-твоему? Хорошую работу проделали на Бете?

Айвен искоса глянул на него и поспешил отвести глаза.

— Ты выглядишь… нормально, — нехотя признал он.

— Эй, покажи уж и мне, коли так, — хохотнул Байерли.

Доно повернулся к кузену.

— Неплохо, — одобрительно кивнул Бай. — Но мне кажется, немного детский, нет?

Доно вздохнул:

— Все делалось в темпе. Качественно, но быстро. По выходе из госпиталя мне пришлось сразу же отправляться домой. Так что органам придется расти до кондиции in situ, как сказали врачи. Еще несколько месяцев до полного взрослого размера. По крайней мере шрамы уже не болят.

— О-о! — восторженно протянул Байерли. — Половое созревание! Вот уж развлечешься!

— Этот процесс ускорили, но бетанцы сильно облегчили мне это дело. Надо отдать им должное, контролировать гормоны они умеют.

— Майлз, которому заменили сердце, легкие и кишки, — нехотя сообщил Айвен, — рассказывал, что потребовался год, чтобы восстановилось нормальное дыхание и вернулась прежняя энергия. Его новым органам тоже пришлось расти до нужной кондиции уже на месте. Уверен… что все будет в порядке. — После беспомощной паузы он добавил: — Значит, он работает?

— Ага, писать стоя я могу. — Доно натянул трусы. — А что касается остального, так это, насколько я понимаю, не за горами. Не могу дождаться первых поллюций.

— Но захочет ли какая-нибудь женщина… Ну, то есть тебе ведь вряд ли удастся сохранить в тайне, кем ты был раньше… как ты будешь… хм… В этом деле оруженосец Пигмалион, — указал Айвен на Цабо, — вряд ли сможет тебе помочь.

Цабо слегка улыбнулся — единственное проявление эмоций, которое сегодня заметил у него Айвен.

— Айвен, Айвен! — покачал головой Доно, взяв брюки от мундира. — Разве не я тебя учил, как это делается, нет? Из всех стоящих передо мной проблем… размышления о том, как я потеряю девственность, беспокоят меня меньше всего. Ей-богу.

— Это… это нечестно, — промямлил Айвен. — То есть *нам* пришлось размышлять над этой проблемой лет в тринадцать.

— По сравнению, скажем, с двенадцатью годами? — ехидно вопросил Доно.

— Хм…

Доно застегнул брюки — при ближайшем рассмотрении они оказались вовсе не в обтяжку, — надел пиджак и, нахмурясь, посмотрелся в зеркало. Он одернул пиджак.

— Да, годится! Пусть портной его переделает к завтрашнему вечеру. Я хочу надеть его, когда отправлюсь предъявлять мои доказательства в замок Форхартунг.

Айвен вынужден был признать, что сине-серый мундир Форратьеров лорду Доно весьма к лицу. Может, воспользоваться правом фора, взять билет и устроиться незаметно на гостевой галерее во время заседания Совета Графов? Просто чтобы посмотреть, что из этого выйдет, как любит выражаться Грегор.

Грегор…

— А Грегор знает? — внезапно спросил Айвен. — Его посвятили в ваши планы перед твоим отлетом на Бету?

— Нет, конечно! — ответил Доно. Усевшись на край постели, он принялся натягивать сапоги.

Айвен аж зубами клацнул.

— Вы что, спятили?!

— Как, если не ошибаюсь, любит говорить твой кузен Майлз, легче получить прощение, чем разрешение.

Айвен вцепился в шевелюру.

— Ладно. Вы двое… трое… втравили меня в эту историю под предлогом, что нуждаетесь в моей помощи. Так я дам вам совет. Бесплатно. — Он глубоко вздохнул. — Вы могли огорошить меня и ржать надо мной, сколько хотите. Не впервой. Можете огорошить Ришара. Флаг вам в руки. Можете огорошить весь Совет Графов оптом. Майлза — сколько угодно. Но ни в коем случае, если вам дороги имеющиеся у вас шансы и если вся ваша затея

— не колоссальная шутка, не вздумайте огорошить Грегора!

Байерли неуверенно поморщился. Доно, резко обернувшись, внимательно посмотрел на Айвена.

— Ты хочешь сказать, мне нужно пойти к нему?

— Да. Я не могу вас заставить, но, если вы этого не сделаете, я категорически отказываюсь дальше иметь с вами дело, — непреклонно заявил Айвен.

— Грегор может прихлопнуть всю затею одним своим словом, — осторожно сказал Доно. — Еще до того, как все начнется.

— Может, — кивнул Айвен. — Но не станет, если у него не будет веских причин. Не предоставляйте ему этих причин. Грегор терпеть не может политических сюрпризов.

— Я думал, что Грегор довольно покладист, — заметил Байерли. — Для императора, разумеется.

— Нет, — решительно отрубил Айвен. — Совсем нет. Он просто очень уравновешенный и спокойный. А это далеко не одно и то же. Тебе не захочется видеть, каков он, когда действительно зол.

— А каков он? — с любопытством спросил Бай.

— В точности как всегда. Это-то и наводит ужас.

Байерли снова открыл рот, но Доно упреждающе поднял руку.

— Бай, помимо того, чтобы поразвлечься, ты привел Айвена сюда именно из-за его связей. Во всяком случае, ты так заявил. Исходя из моего опыта, вредно игнорировать советы специалистов.

Бай пожал плечами:

— Мы ведь ему не платим.

— Я лично прошу помощи в память о прошлых услугах. И мне это непросто. И вряд ли я смогу восполнить потери. — Доно перевел взгляд на Айвена. — Так что ты нам посоветуешь сделать? Конкретно?

— Попросите Грегора о краткой аудиенции. *Прежде* чем встретитесь или переговорите с кем бы то ни было даже по комму. Смело, глядя ему прямо в глаза… — Тут Айвену пришла в голову чудовищная мысль: — Погоди-ка! Ты ведь с ним не спала, да?

Доно усмехнулся в усы.

— Увы, нет. Упущенная возможность, о которой я теперь глубоко сожалею, заверяю тебя.

— Ага! — облегченно выдохнул Айвен. — Ну ладно. Тогда просто изложи ему свой план. Заяви о своих правах. Либо он разрешит тебе продолжать, либо зарубит все на корню. Если он запретит — что ж, тогда самое худшее останется позади, и быстро. Если же он решит позволить тебе продолжать… у тебя появится скрытая поддержка, которую Ришару при всем его желании не переплюнуть.

Прислонившись к конторке, Доно побарабанил пальцами по пыльной крышке. Забытые орхидеи лежали увядшие, как мечты Айвена. Доно пожевал губу.

— Ты можешь помочь нам получить аудиенцию? — спросил он наконец.

— Я… э… я…

Взгляд Доно сделался более настойчивым и пронзительным.

— Завтра?

— Э-э…

— Утром?

— Только не утром! — слабо запротестовал Байерли.

— Пораньше, — настаивал Доно.

— Я… посмотрю, что смогу сделать, — промямлил наконец Айвен.

Доно просветлел:

— Спасибо!

Получение этого — сделанного весьма неохотно — обещания имело один побочный положительный эффект: Форратьеры соизволили отпустить гостя, чтобы он поспешил домой

и связался как можно быстрей с императором. Доно настоял, чтобы Айвен воспользовался лимузином для поездки к себе на квартиру, зарубив таким образом на корню слабую надежду Айвена, что — если повезет — по пути домой его прикончат на какой-нибудь темной аллее и он избежит последствий сегодняшних откровений.

Оказавшись в благословенном одиночестве салона, Айвен мысленно вознес краткую молитву, чтобы график Грегора оказался слишком забит и у него не нашлось времени на аудиенцию. Но скорее всего Грегор, узнав, что Айвен вдруг изменил своей привычке держаться в тени, обалдеет настолько, что мгновенно найдет время. Айвен имел случай убедиться на собственном опыте, что для сторонних наблюдателей страшнее императорского гнева было только императорское любопытство.

Войдя в квартиру, Айвен накрепко запер дверь от всех Форратьеров, прошлых и нынешних. Вчера он потратил кучу времени, прикидывая, как будет принимать у себя леди Донну… Какая потеря! Не то что из лорда Доно не получился приличный мужик, просто Барраяр не нуждается в дополнительных мужчинах. Впрочем, подумал Айвен, можно пойти по пути Донны, только наоборот, и отправить лишнюю мужскую популяцию на Колонию Бета, чтобы придать более приятный вид… Он содрогнулся, представив себе это.

С тяжелым вздохом Айвен достал карту, которой ухитрялся не пользоваться уже много лет, и сунул ее в комм.

Цербер Грегора, мужчина в штатском, не соизволивший представиться (раз у тебя есть доступ к этой линии, то ты и сам должен знать, кто он), ответил немедленно:

— Да? А, Айвен!

— Я хотел бы переговорить с Грегором.

— Простите, лорд Форпатрил, вы желаете воспользоваться этим каналом?

— Да.

Брови цербера изумленно поднялись, но рука сдвинулась в сторону, и его изображение померкло. Комм мигнул.

Наконец появилось изображение Грегора. Он все еще был при параде, что немало успокоило Айвена, панически боявшегося вытащить императора из постели или из душа. Судя по фону, Грегор находился в одной из самых уютных гостиных императорского дворца. Айвен мельком заметил доктора Тоскане. Она вроде бы поправляла блузку. М-да. *Будь краток. У Грегора явно есть занятие интереснее. Жаль только, что кратким быть не получится…*

Невозмутимость Грегора сменилось раздражением.

— А, это ты! — Раздражение чуть улеглось. — Ты никогда не звонишь мне по этому каналу, Айвен. Я думал, это Майлз. Что стряслось?

Айвен глубоко вздохнул.

— Я только что вернулся после встречи с… Донной Форратьер в космопорте. Она прилетела с Беты. Вам надо непременно встретиться.

— Зачем? — поднял брови Грегор.

— Уверен, будет куда лучше, если она сама все тебе объяснит. Я к этому никакого отношения не имею.

— Теперь имеешь. Леди Донна напомнила о прежних услугах, да? — Нахмурившись, Грегор добавил с опасной ноткой в голосе: — Я не разменная монета в твоих любовных делишках, Айвен.

— Нет, сир, — лихорадочно заверил Айвен. — Но вам действительно необходимо с ней увидеться. Уверяю вас. И как можно скорей. Побыстрей. Завтра. Утром. Пораньше.

Грегор склонил голову набок. С любопытством.

— Насколько это важно?

— Об этом судить только вам, сир.

— Если уж *ты* не хочешь иметь с этим ничего общего… — Грегор замолчал, нервирующе глядя на Айвена. Наконец он включил что-то на комме и бросил взгляд на какой-то невидимый Айвену дисплей. — Я мог бы передвинуть… хм… В одиннадцать

ровно, в моем кабинете.

— Благодарю вас, сир.

Добавлять «вы об этом не пожалеете» было бы слишком оптимистично. Вообще-то добавлять что бы то ни было смахивало на прыжок со скалы без гравикостюма. Так что Айвен лишь улыбнулся, слегка склонив голову в поклоне.

Грегор задумчиво нахмурился, но, чуть поразмыслив, кивнул в ответ и отключился.

Глава 8

Катриона сидела перед коммом в кабинете тети и просматривала период цветения барраярских растений, которые должны расти вдоль дорожек сада лорда Форкосигана. Единственное, с чем никак не могла помочь дизайнерская программа, так это с запахом. Тут, чтобы добиться нужного эффекта, придется полагаться только на собственный опыт.

Теплым летним вечером пряный аромат распространяют на множество метров вокруг ползучие вьюнки, но уж больно цвет у них тусклый и вид неказистый. Их монотонность можно проредить земляным миндалем. Он достигает цветения как раз в нужное время, но его цитрусовый запах плохо сочетается с пряным ароматом вьюнков, к тому же входит в список запахов, на которые у лорда Форкосигана аллергия. Вот, пуховка колосковая! Ее светлые и темно-бордовые колоски смотрятся прекрасно, а нежный аромат отлично сочетается с ароматом вьюнков. Разобьем небольшую клумбу возле мостика, вот тут и тут. Катриона внесла изменения в программу и снова проглядела период цветения. *Гораздо лучше* . Она отхлебнула остывший чай и бросила взгляд на часы.

Было слышно, как на кухне копошится тетя Фортиц. Дядя любит поспать, но он уже скоро спустится, а за ним — Никки, и о работе придется забыть. Осталось всего несколько дней на предварительную подготовку, а потом — пора приступать к работе с настоящими растениями. Меньше чем через два часа придется одеваться и идти следить за деятельностью рабочих, которые будут сегодня запускать механизмы, управляющие течением воды в ручье.

Если все пройдет как надо, уже сегодня удастся приступить к размещению дендарийских камней и отрегулировать течение воды вокруг них, над ними и между ними. Журчание ручья дизайнерская программа тоже не могла изобразить, хотя и показала вероятный уровень шума. Все остальное было в порядке, и желаемый эффект по приглушению городских шумов должен быть достигнут. Даже зимой в саду будет покойно и тихо. И белый снежный покров будут нарушать лишь заснеженные деревья, а такой пейзаж тоже радует глаз и успокаивает душу.

Итак, к сегодняшнему вечеру основные подготовительные работы должны быть завершены. А завтра привезут нетерраформированную почву из самых дальних уголков округа Форкосиганов, и вечером, непосредственно перед ужином у лорда Форкосигана, она, как и обещала себе, высадит первое растение: побег старого скеллитума с Южного континента. Пройдет лет пятнадцать или больше, пока он вырастет окончательно, ну так что с того? Форкосиганы владеют этой землей двести лет. Никуда они не денутся, когда дерево достигнет зрелости. За такой срок можно вырастить настоящий сад. Или настоящую семью…

Просигналила входная дверь. Катриона подскочила, внезапно сообразив, что она все еще в старой дядиной пижаме и к тому же непричесана. Тетины шаги прозвучали по коридору, и Катриона напряглась, готовая мгновенно исчезнуть, если пришел гость. Ой, а вдруг это лорд Форкосиган? Она проснулась на рассвете. В голове роились мысли о саде, и она тихонько скользнула в кабинет, даже зубы не почистив. Но ответивший на приветствие тети голос оказался женским, к тому же хорошо знакомым. *Розали? Здесь? Зачем?*

Из-за угла появилась темноволосая женщина лет сорока. Она улыбалась. Катриона удивленно помахала в ответ и встала навстречу гостье. Да, правда — Розали Форвейн, жена старшего брата Катрионы. Катриона не видела ее с похорон Тьена. На невестке был традиционный дневной костюм — юбка и жакет цвета позеленевшей бронзы, удачно оттенявшего ее смуглую кожу, хотя покрой был несколько провинциальным и устаревшим.

За Розали шла ее дочь, Эди, которой мать сказала:

— Ступай наверх и найди своего кузена Никки. Мне надо поговорить с тетей Кэт.

Эди, еще не вошедшая в зловредный подростковый возраст, охотно убежала.

— Что привело тебя в столицу в такую рань? — спросила тетя Фортиц.

— С Хью и остальными все в порядке? — добавила Катриона.

— Ой, да, все хорошо! — заверила их Розали. — Хью не мог уйти с работы, так что отправили меня. Я потом пройдусь с Эди по магазинам, но до чего же трудно было заставить ее подняться в такую рань, чтобы успеть на первый поезд!

Хью Форвейн работал в Имперском Горном Бюро в округе Фордарианов, в двух часах езды от Форбарр-Султана. Розали пришлось вставать ни свет ни заря, чтобы приехать в город так рано. Два ее старших сына, уже выросшие из коротких штанишек, должно быть, остались дома, предоставленные самим себе.

— Ты завтракала, Розали? — поинтересовалась тетя. — Хочешь чаю или кофе?

— Мы поели в поезде, но чайку я бы выпила с удовольствием, спасибо, тетя Фортиц.

Розали с Катрионой прошли вслед за тетей на кухню, чтобы помочь, и в итоге расположились за кухонным столом с горячими чашками в руках. Розали сообщила им о здоровье мужа, о последних событиях в ее семействе и о достижениях сыновей за прошедший после похорон Тьена период. Потом, весело прищурившись, она наклонилась к Катрионе и сообщила:

— Но на твой вопрос, что привело меня сюда, Кэт, ответ — ты.

— Я? — недоуменно переспросила Катриона.

— Не догадываешься почему?

Катриона прикинула, не будет ли грубостью ответить «а с чего бы?», но ограничилась только неопределенным жестом.

— Пару дней назад у твоего отца был посетитель.

Интонация Розали явно предлагала поиграть в угадайку, но Катриона мечтала только о том, чтобы побыстрее вернуться к работе, а потому лишь мило улыбалась.

Розали с веселой досадой покачала головой и, наклонившись, постучала пальцем по столу рядом с чашкой.

— Ты, моя дорогая, получила очень достойное предложение.

— Предложение чего? — Вряд ли Розали принесла новый заказ на сад. Но не может же она действительно иметь в виду…

— Брака, чего же еще? И от достойного фора, должна с удовольствием отметить. Такого старомодного, что прислал сваху из самого Форбарр-Султана к твоему па на Южный континент. Чем произвел на старика неизгладимое впечатление. Твой па позвонил Хью, чтобы передать тебе. И мы решили, учитывая столь достойное сватовство, не сообщать такую новость по комму, а передать тебе лично. Мы все так рады, что ты вскоре снова будешь хорошо устроена!

Тетя Фортиц выпрямилась, явно огорошенная, и прижала палец к губам.

Столичный фор, старомодный, строго придерживающийся этикета. Па совершенно покорен. Кто же еще это может быть, кроме… У Катрионы чуть сердце не оборвалось. *Лорд Форкосиган?! Майлз, крыса ты эдакая, да как ты посмел так поступить, не спросив сначала меня!* Ее губы задергались в странной смеси ярости и восторга.

Наглый маленький!.. Но… Он выбрал ее своей леди Форкосиган, чтобы она стала хозяйкой этого великолепного дома и его наследственного округа. А в округе так много нужно сделать, как заманчиво и прекрасно… И сам Майлз… Ой, мамочки! Это его зачаровывающее, испещренное шрамами тело, эта горячая настойчивость — и в ее постели? За все время он едва ли пару раз прикоснулся к ней. С тем же успехом он мог оставить на ней ожоги, настолько остро ощущала она кожей эти быстрые касания. Катриона не думала, не могла позволить себе думать о нем в этом плане, но сейчас мысли вырвались из-под контроля и вихрем понеслись в голове. Эти веселые серые глаза, подвижный чувственный рот, такой выразительный… И все это может принадлежать ей, лишь ей одной. Но как он

посмел так наседать на нее, да еще через родственников?

— Ты довольна? — Розали, внимательно наблюдавшая за Кэт, откинулась на стуле, расплывшись в улыбке. — Или лучше сказать — в восторге? Вот и славно! И не слишком, как я вижу, удивлена.

— Не совсем.

Я просто поверить не могу. И предпочитаю не верить, потому что… потому что тогда всему конец.

— Мы боялись, что ты сочтешь это несколько преждевременным, учитывая недавнюю смерть Тьена. Но по словам па, его сваха сказала, что он хочет опередить соперников.

— Нет у него никаких соперников.

Катриона сглотнула, вспомнив его запах и внезапно ослабев. Но как он мог вообразить, что она…

— У него неплохие перспективы на карьеру после отставки с воинской службы, — продолжила между тем Розали.

— Да, он так говорит. — *Высокомерие из высокомерия* , как-то сказал ей Майлз, описывая свои мечты о славе, превосходящей славу его отца. И она сильно сомневалась, что это хоть на секунду его остановит.

— Отличные семейные связи.

Ту Катриона не смогла удержаться от улыбки:

— *Небольшое* преуменьшение, Розали.

— Не так богат, как некоторые другие его уровня, но вполне состоятелен, к тому же, мне казалось, деньги тебя не очень интересуют. Хотя я всегда считала, что тебе следует больше уделять внимания собственным потребностям, Кэт.

Ну да, Катриона отдавала себе отчет, что Форкосиганы не так богаты, как другие графские семьи, но по ее скромным меркам Майлз чуть ли не купается в деньгах. И ей больше никогда не придется копить и экономить. И все ее мысли, вся энергия сосредоточится на более высоких целях… Перед Никки откроются такие возможности…

— Господи, да больше чем достаточно для меня!

Но как это не похоже на него, отправлять сваху аж на Южный континент, чтобы поговорить с ее па… Неужели он настолько застенчив? Катриона была почти что тронута. Однако, если подумать, может, Майлзу просто не пришло в голову, насколько его желания могут поставить других в неловкое положение. Так застенчивый или наглый? Или и то, и другое? Порой его невозможно понять. Он обаятелен, как никто другой, и ускользающий, как вода.

Не просто ускользающий. Юркий. Большой ловкач. И тут ее прошиб озноб. А вдруг его предложение насчет сада — тоже ловкий трюк, чтобы держать ее поближе к себе? И снова в голову полезли неприятные мысли. Может, ему вовсе не нравится ее работа. Может, ему вообще наплевать на этот сад. Может, он просто-напросто ловко ею манипулирует. Катриона знала, как легко покупается на малейшую лесть. В своем браке-тюрьме она так долго была лишена внимания и уважения! Перед ней замаячила клетка ее прежних отношений с Тьеном, бездонная ловушка с приманкой из отравленной любви.

Неужто она снова сама себя предала? Ей так хотелось, чтобы это было правдой, чтобы этот сад оказался ее первым шагом к независимости, возможностью доказать, что она чего-то стоит. Она представляла, что не только Майлз, но и все горожане приходят в восторг от ее сада. И последуют новые заказы, начнется ее карьера…

Обмануть можно лишь того, кто сам хочет обмануться, гласит пословица. Если лорд Форкосиган манипулировал ею, то лишь с ее добровольной помощью. Клокочущая ярость мешалась с ледяным стыдом.

Розали тем временем продолжала.

— …захочешь сообщить лейтенанту Формонкрифу хорошую новость сама, или отправить ответ через его сваху?

Катриона моргнула, чтобы фокусировать взгляд.

— Что?! Погоди! Кто ты сказала?

Розали недоуменно уставилась на нее.

— Лейтенант Формонкриф. Алекс.

— Этот дундук?! — в ужасе возопила Катриона. — Розали, только не говори мне, что все время толковала об Алексе Формонкрифе!

— Ну да. — Розали растерялась. — А ты о ком подумала, Кэт?

Госпожа профессор выдохнула и расслабилась.

Катриона так расстроилась, что мгновенно выпалила:

— Я думала, ты говоришь о Майлзе Форкосигане!

Брови тети Фортиц взлетели вверх. Настал черед Розали вытаращиться на золовку:

— Кто? Господи, уж не этого ли Имперского Аудитора ты имеешь в виду?! Этого маленького уродца, что был на похоронах Тьена и едва словом хоть с кем-то перемолвился? Неудивительно, что ты так странно среагировала. Нет-нет! — Она замолчала и присмотрелась к Катрионе повнимательней. — Уж не хочешь ли ты сказать, что он тоже за тобой ухаживает? Как неприятно!

Катриона вдохнула поглубже, чтобы успокоиться.

— Похоже, нет.

— Ну, это радует.

— Хм… да…

— Он ведь мутантик, верно? Высший фор или нет, но семья никогда не станет принуждать тебя выходить за мутанта ради денег, Кэт. Усвой это раз и навсегда. — Она задумчиво помолчала. — И все же… Не так уж много шансов стать графиней. Полагаю, с появлением маточных репликаторов тебе не пришлось бы идти на физический контакт. Чтобы иметь детей, я хочу сказать. Благодаря этим галактическим технологиям браки по расчету получили новый поворот. Но ты ведь не настолько в отчаянном положении.

— Нет, — мрачно согласилась Катриона. *Просто отчаянно расстроена* . Она была в ярости на Майлза. Ну почему одно только упоминание о том, что ей даже не придется иметь с ним физический контакт, вызывает желание расплакаться? Нет, погодите… Ежели сваху заслал не Форкосиган, то все, что она тут навыдумывала против него, вся ее теория рассыпалась, как карточный домик! Он ни в чем не виноват. Она просто спятила или очень быстро движется к паранойе.

— Я хочу сказать, — с новым вдохновением продолжила Розали, — вот есть, к примеру, Формонкриф.

— Нет никакого Формонкрифа! — решительно отрезала Катриона, ухватившись за возможность вынырнуть из растрепанных чувств. — Совершенно исключено! Ты его ни разу не видела, Розали, но поверь мне на слово, он полный идиот. Тетя Фортиц, я права?

Госпожа профессор ласково улыбнулась:

— Я не стала бы утверждать столь решительно, но право же, Розали, скажем так: по-моему, Катриона достойна лучшего. И у нее еще полно времени.

— Вы так думаете? — Розали с большим сомнением восприняла это заявление, но вынуждена была признать авторитет пожилой тетушки. — Это правда, Формонкриф — всего лишь лейтенант и потомок младшего сына, если уж на то пошло. О Господи! Так что же мы скажем этому бедняге?

— Дипломатия — работа свахи, — пожала плечами Катриона. — Все, что нам нужно сказать, это решительное «нет». А уж как она ему это преподнесет — ее проблемы.

— Верно, — с явным облегчением согласилась Розали. — Одно из преимуществ старой системы. Ну, раз Формонкриф не то — значит не то. Ты достаточно взрослая, чтобы решать сама. И все же, Кэт, не думаю, что тебе следует быть очень уж разборчивой или затягивать это дело по истечении траура. Никки нужен отец. Да и ты не молодеешь. Ты же не захочешь доживать свой век приживалкой у родственников, в мансарде, как старая дева?

Твоя мансарда при любых раскладах в полной безопасности от меня, Розали. Катриона кисловато улыбнулась, но оставила эту мысль при себе.

— Нет, только на третьем этаже.

Тетя Фортиц обиженно сверкнула глазами, и Катриона вспыхнула. Она вовсе не хотела показаться неблагодарной, упаси Бог! Просто… А, черт! Она отодвинула стул.

— Прошу меня простить. Мне надо принять душ и одеться. Мне скоро на работу.

— На работу? — изумилась Розали. — Тебе надо уходить? А я надеялась пообедать с тобой где-нибудь в городе, по магазинам пройтись. Изначально — чтобы присмотреть наряды для невесты, но, полагаю, вместо этого можно прогуляться по городу в виде утешения. Что скажешь, Кэт? Мне кажется, тебе не помешает немного развлечься. Не так уж много у тебя радостей в последнее время.

— Никаких магазинов, — отрезала Катриона. Она вспомнила, как в последний раз ходила по магазинам. Это было на Комарре, в обществе лорда Форкосигана, до смерти Тьена и до того, как все в ее жизни перевернулось вверх дном. Вряд ли прогулка по магазинам с Розали будет похожа на тот веселый поход. Но Розали столь явно огорчилась, что Катриона решила подсластить пилюлю. В конце концов, невестка встала в немыслимую рань ради этой дурацкой поездки. — Но вы с Эди можете забрать меня на ленч, а потом привести обратно.

— Хорошо… А куда заехать? И чем ты вообще в последнее время занимаешься? Ты ведь, кажется, собиралась снова начать учиться? Не очень-то ты общалась с семьей, знаешь ли.

— Я была занята. У меня заказ на разработку и посадку сада для графского городского дома. — Она поколебалась. — Лорда Аудитора Форкосигана. Прежде чем вы с Эди уедете в город, я объясню тебе, как туда доехать.

— Форкосиган тебя и нанял? — удивилась Розали. Затем вдруг сделалась воинственно подозрительной. — Он не… ну, ты знаешь… Он ведь не домогается тебя, нет? Мне наплевать, чей он там сын, у него нет никаких прав тебе навязываться. Помни, что у тебя есть брат, он за тебя всегда заступится. — Она помолчала, возможно, представив возмущенное недовольство Хью, если его вдруг призовут к исполнению долга. — Или я сама охотно выскажу ему все что думаю, если тебе нужна помощь. — И подтвердила свои слова решительным кивком.

— Спасибо, — поперхнулась Катриона, немедленно начав разрабатывать планы, как бы удержать Розали подальше от лорда Форкосигана. — Я буду иметь в виду, если вдруг понадобится. — И удрала наверх.

Стоя под душем, она пыталась навести порядок в мыслях. То, что она испытывает физическое влечение к Майлзу — лорду Форкосигану — *Майлзу!* — честно говоря, для нее не новость. Прежде она чувствовала это влечение, но старательно игнорировала. Интересно, сочтут ли ее извращенкой, если кто-то узнает о ее странных вкусах? Решительным жестом Катриона отключила горячую воду. Ее окатили ледяные струи.

Но подавление любых эротических мыслей — наследие лет, проведенных с Тьеном. Теперь она сама себе хозяйка. Во всяком случае, хозяйка собственной сексуальности. Свободная и независимая. И может позволить себе мечтать. И смотреть. И даже чувствовать. Действовать — другое дело, конечно, но — черт подери! — хотеть-то она может, пусть и глубоко внутри!

И она ему нравится, действительно нравится. Это не преступление, хотя это и непонятно. И он ей тоже нравится. Даже слишком, но это никого, кроме нее, не касается. Они и дальше могут продолжать в том же духе. Создание сада не продлится вечно. В середине лета, максимум к осени она сможет передать сад и дальнейшие инструкции в ведение садовников. А сама время от времени будет заезжать туда, чтобы проверить, как идут дела. Они даже смогут видеться. Время от времени.

Катриона начала дрожать. Она снова включила горячую воду и стояла в облаках пара.

Можно ли сделать из него любовника в фантазиях? Это кажется насилием. Понравилось бы ей, обнаружь она, что является главной героиней чужих порноснов? Пришла бы в ужас, верно? Отвратительно, если тебя мысленно лапает какой-то чужак. Она представила, что Майлз мечтает о ней таким образом, и проверила, насколько ее это ужасает.

Оказалось… не очень.

Совершенно очевидное решение — воплотить мечты в реальность. Раз отринуть мечты нельзя, то как насчет того, чтобы воплотить их? Она представила себе, что заимела любовника. Как люди вообще это делают? Она с трудом решалась даже дорогу на улице спросить. Как вообще можно попросить кого-то… Но реальность — это опять-таки огромный риск. Потерять саму себя, все свои мечты ради такой же чудовищной жизни, какой была ее жизнь с Тьеном… Снова над ее головой медленно сомкнется удушающий, засасывающий мрак. Навсегда.

Катриона еще раз снизила температуру воды и отрегулировала душ так, чтобы капли падали ей на кожу, как кристаллики льда. Майлз — не Тьен. Он не пытается завладеть ею или уничтожить ее личность. Он всего лишь нанял ее создать сад. Ничего плохого. Должно быть, она сходит с ума. Остается только надеяться, что это временное помешательство. Должно быть, гормоны разыгрались. Это пройдет, и эти… необычные мысли исчезнут сами собой. И тогда она вспомнит все и сама над собой посмеется.

Катриона попробовала рассмеяться. Наверняка глухое эхо — из-за того, что она стоит в душе. Выключив ледяную воду, она вышла из кабинки.

Нет никакой причины встречаться с ним сегодня. Иногда он выходит на улицу и наблюдает за работой, сидя на стене. Но никогда не вмешивается. Так что ей не придется с ним разговаривать до завтрашнего приема, а там будет много народу, а значит, у нее полно времени, чтобы привести в порядок мысли. А пока суд да дело, нужно отрегулировать ручей в саду.

Офис леди Элис Форпатрил, занимавший три комнаты в императорском дворце, в последнее время расползся на добрую половину трехэтажного крыла. Там Айвен обнаружил себя в распоряжении целой армии секретарей и помощников маменьки, привлеченных на помощь для организации свадебных торжеств. Казалось довольно заманчивым работать в местечке, где трудятся десятки женщин, пока Айвен не обнаружил, что большинство из них — средних лет фор-леди со стальным взором. К счастью, он переспал лишь с парой их дочерей, и обе встречи закончились без последствий. Иначе было бы куда хуже.

К тайному огорчению Айвена, лорд Доно и Байерли Форратьер пришли на императорскую аудиенцию загодя, и им хватило времени заглянуть его проведать. Секретарь леди Элис сурово велела Айвену выйти в приемную, где он обнаружил Форратьеров расположившимися со всеми удобствами. Байерли оделся в соответствии со своим вкусом в темно-бордовый костюм, консервативный лишь по стандартам городских шутов. Лорд Доно облачился в форский черный мундир и брюки с серым кантом — откровенно траурный наряд, который отнюдь не случайно подчеркивал его новое превосходное мужское обличье. Секретарша средних лет одобрительно поглядывала на него из-под ресниц. Оруженосец Цабо в мундире Дома Форратьеров стоял у двери, изображая деталь интерьера.

Кроме сотрудников аппарата, по коридорам императорского дворца никто не бродил сам по себе. У Доно с Байерли тоже имелся эскорт в лице главного мажордома Грегора. При появлении Форпатрила он прервал беседу с секретаршей и посмотрел на Айвена с непривычным уважением.

— Доброе утро, Айвен, — сердечно поздоровался лорд Доно.

— Привет, Доно, Бай. — Айвен ухитрился вполне нейтрально коротко кивнуть. — Как вижу, вы… э… смогли прийти.

— Да, спасибо тебе. — Доно огляделся. — Леди Элис здесь?

— Отправилась с полковником Форталой проверять цветоводов, — ответил Айвен, довольный, что может сказать правду и избежать участия в очередных планах Доно, какими бы они ни были.

— Надо мне будет с ней вскорости потолковать, — прожурчал Доно.

— М-м-м… — изрек Айвен. Леди Донна не была близкой знакомой маменьки, будучи моложе на полпоколения и вращаясь в политических кругах, отличных от окружения леди

Элис. Расставшись с первым мужем, леди Донна утратила шанс стать графиней. Впрочем, имея возможность пообщаться с лордиком, Айвен понял, что игра не стоила свеч. В любом случае он не испытывал ни малейшего желания посплетничать по поводу нового поворота событий ни с матерью, ни со степенными матронами, что на нее работали. И как бы ни было интересно поприсутствовать при первой встрече леди Элис с лордом Доно, Айвен предпочитал оказаться в этот момент где-нибудь в другом месте.

— Готовы, господа? — спросил мажордом.

— Удачи, Доно, — пожелал Айвен, собираясь удалиться.

— Да, — кивнул Бай, — удачи. А я останусь здесь поболтать с Айвеном, пока ты не вернешься, ладно?

— В моем списке, — сообщил мажордом, — перечислены вы все. Форратьер, лорд Форратьер, лорд Форпатрил, оруженосец Цабо.

— О, должно быть, тут какая-то ошибка! — воскликнул Айвен. — На самом деле только лорду Доно нужно переговорить с Грегором.

— Список составлен лично императором, — сказал мажордом. — Сюда, пожалуйста.

Обычно невозмутимый Бай слегка поперхнулся, но послушно пошел за мажордомом. Они спустились на два этажа и свернули в коридор, ведущий в северное крыло, к личному кабинету Грегора. Айвен заметил, что мажордом не потребовал от него подтвердить личность Доно, из чего сделал вывод, что за ночь Грегор разобрался в происходящем. И почти расстроился. Ему так хотелось посмотреть, как у кого-нибудь глаза на лоб полезут, как полезли вчера у него самого.

Мажордом коснулся панели у дверей и объявил о пришедших. Последовало разрешение войти. Когда они вошли, Грегор выключил комм и повернулся. Поднялся, обошел стол, оперся на него и, скрестив руки на груди, уставился на всю компанию.

— Доброе утро, господа. Лорд Доно. Оруженосец.

Все ответили нестройным «доброе утро, сир», кроме Доно, который вышел вперед и, вскинув голову, ясным голосом проговорил:

— Благодарю вас, сир, что согласились так быстро меня принять.

— А, — изрек Грегор. — Быстро. Угу. — Он несколько странно посмотрел на Байерли, который только скромно моргнул. — Присаживайтесь, пожалуйста, — продолжил Грегор. Он жестом указал на кожаные диваны в конце комнаты, и мажордом поспешил принести еще два кресла. Грегор занял привычное место в углу дивана, сев вполоборота, чтобы видеть лица гостей в ярком свете, бьющем из выходящих в сад окон.

— Я с удовольствием постою, сир, — пробормотал Цабо, но ему не позволили торчать у дверей. Грегор, коротко улыбнувшись, указал на кресло, и Цабо вынужденно сел на краешек. Бай занял второе кресло и даже сумел изобразить неплохое подобие своей обычной позы нога на ногу. Доно уселся уверенно, расставив ноги и локти, предъявляя права на пространство, на которое никто не претендовал. Второй диван был в полном его распоряжении, пока Грегор ироничным жестом не шевельнул ладонью, и Айвену не пришлось сесть рядом с новоявленным лордом. Как можно дальше, едва не вжавшись в угол.

На лице Грегора не читалось ничего, кроме совершенно очевидного факта, что шанс Донны/Доно застать его врасплох миновал где-то в промежутке между «сейчас» и ночным звонком Айвена. Император нарушил томящую тишину буквально за мгновение до того, как Айвен окончательно впал в панику и начал бормотать невесть что.

— Итак, чья это блестящая идея?

— Моя, сир, — спокойно ответил лорд Доно. — Мой покойный брат много раз совершенно однозначно высказывался — это могут подтвердить Цабо и все прочие домочадцы, — что ему ненавистна мысль, что Ришар унаследует после него титул графа Форратьера. Если бы Пьер не умер столь внезапно и неожиданно, он, безусловно, нашел бы более подходящего наследника. И я считаю, что лишь выполняю его устное завещание.

— Значит, вы… хм… заявляете, что имеете его посмертное одобрение.

— Да. Если бы он до этого додумался. Признаю, что при жизни у брата не было причин

принимать столь экстремальное решение.

— Понятно. Продолжайте. — Айвен узнал манеру: классическое поведение Грегора, когда он действует по принципу «дадим им веревку, чтобы они повесились сами». — И какой же поддержкой вы себя обеспечили, прежде чем отбыть на Бету? — Он довольно открыто глянул на оруженосца Цабо.

— Я обеспечил себе поддержку моих оруж… оруженосцев моего покойного брата, — сказал Доно. — Поскольку это их долг — охранять спорную собственность до моего возвращения.

— Они присягнули вам? — Голос Грегора стал неожиданно мягким.

Айвен поежился. Привести оруженосца к присяге до того, как ты утвержден графом или наследником графа, — серьезное преступление, нарушение одного из пунктов Закона Форлопулоса, который, помимо всего прочего, ограничивал численность графских оруженосцев жалкой двадцаткой. Лорд Доно едва заметно кивнул Цабо.

— Мы просто дали слово, — осторожно пояснил Цабо. — Каждый человек может поручиться своим словом за свои действия, сир.

Грегор хмыкнул.

— Кроме оруженосцев Форратьера, я поставил в известность лишь двоих: моего адвоката и кузена Байерли, — продолжил лорд Доно. — Адвокат был необходим, чтобы запустить некоторые юридические механизмы, проверить все детали и подготовить необходимые документы. Безусловно, и она сама, и все ее записи в полном вашем распоряжении, сир. Уверен, вы понимаете всю тактическую необходимость неожиданности. Больше я до отъезда никому ничего не говорил, чтобы Ришар не прознал и не успел подготовиться.

— Кроме Байерли, — уточнил Грегор.

— Кроме Байерли, — согласился Доно. — Мне нужен был в столице кто-то, кому я могу доверить присмотреть за Ришаром в мое отсутствие.

— Твоя преданность кузине… просто колоссальна, — буркнул Грегор.

Бай опасливо посмотрел на него.

— Благодарю вас, сир.

— И твоя сдержанность просто поражает. Я возьму это на заметку.

— Я считал это личным делом, сир.

— Я вижу. Продолжайте, лорд Доно.

Доно чуть поколебался.

— СБ уже передала вам мои бетанские медицинские файлы?

— Только сегодня утром. Похоже, они немного задержались.

— Вы не должны винить того милого мальчика-эсбэшника, что следил за мной. Боюсь, Колония Бета оказалась для него несколько… слишком захватывающей. И уверен, что бетанские врачи не очень охотно их отдали, особенно если учесть, что я приказал этого не делать. — Доно мягко улыбнулся. — Я рад, что в конечном счете он справился. Было бы неприятно обнаружить, что Имперская безопасность теряет хватку после ухода Иллиана.

Грегор, слушавший, подперев рукой подбородок, чуть шевельнул пальцами, оценив сказанное.

— Если у вас было время заглянуть в записи, — продолжил Доно, — то вы знаете, что я теперь абсолютно полноценный мужчина, способный выполнить долг и произвести на свет следующего наследника графства Форратьеров. И теперь, поскольку требование являться мужчиной выполнено, я объявляю, что как ближайший кровный родственник мужского пола предъявляю права на владение округом Форратьеров и в свете выраженных в присутствии свидетелей взглядов моего покойного брата заявляю, что таким был и выбор умершего брата. Замечу в скобках, что могу вас заверить — из меня выйдет куда лучший граф, чем из Ришара, и я буду служить округу, Империи и вам с куда большим знанием дела, чем когда-либо он. И подтверждение тому — последние пять лет я от имени Пьера управлял делами округа.

— Вы намерены выдвинуть против Ришара какие-нибудь еще обвинения? — спросил Грегор.

— Не сейчас. В свое время для одного довольно серьезного обвинения не удалось найти достаточно веских улик, чтобы довести дело до суда… — Доно с Цабо переглянулись.

— Пьер потребовал, чтобы инцидент с флайером его невесты расследовала служба безопасности. Я припоминаю, что читал выдержки из рапорта. Вы правы. Доказательств не было.

Доно пожал плечами, принимая ответ, но не соглашаясь.

— Что же касается менее серьезных проступков Ришара, то они и прежде никого не волновали, и я сомневаюсь, что взволнуют сейчас. Я не стану обвинять его в том, что он не годится в графы — хотя и считаю, что граф из него никудышный, — а просто буду настаивать, что гожусь на эту роль куда лучше, и у меня больше прав. Именно таким образом я и выложу все Совету Графов.

— И вы надеетесь получить голоса?

— Я гарантированно получил бы некоторое количество голосов личных врагов Ришара, даже если бы был конем. Что же до остального, то в качестве будущего графа я намерен предложить свой голос партии прогрессистов.

— Что? — встрепенулся Грегор. — Форратьеры традиционно поддерживают консерваторов. И Ришар намерен продолжать эту традицию.

— Да. Мое сердце тоже принадлежит старой гвардии. Это партия, к которой принадлежал мой отец, а до него — дед. Но сильно сомневаюсь, что они согласятся поддержать меня. Кроме того, сейчас они составляют меньшинство. Приходится быть практичным.

Отличный ход! Хотя Грегор и соблюдал внешний нейтралитет, ни у кого в Империи не имелось ни малейших сомнений, что втайне он благоволит прогрессистам. Айвен закусил губу.

— Ваше дело поднимет бучу в Совете Графов в весьма неподходящий момент, лорд Доно, — сообщил Грегор. — Мой кредит в Совете полностью исчерпан в попытках протолкнуть решение о починке комаррского солнечного отражателя.

— Я ничего у вас не прошу, сир, кроме нейтралитета, — честно заявил Доно. — Не отметайте моего иска. И не позволяйте Совету Графов отослать меня, не выслушав, или заслушать на закрытом заседании. Мне необходимы публичные дебаты и открытое голосование.

Грегор, представив, как все это будет, чуть скривил губы.

— Ваше дело создаст весьма необычный прецедент, лорд Доно. Последствия которого мне потом придется расхлебывать до конца дней.

— Возможно. Я намерен подчеркнуть, что играю в точности по старым правилам.

— Ну… пожалуй, не совсем в точности, — буркнул Грегор.

— Позвольте высказать предположение, сир, — вмешался Бай, — что если бы десятки графских сестер стремились воспользоваться возможностями галактической медицины, дабы по возвращении на Барраяр дать пинка своим братьям, то скорее всего это бы уже произошло. Сомневаюсь, чтобы данный прецедент имел широкие последствия, как только стихнет шумиха.

— До завоевания Комарры доступа к подобной медицине у нас не было, — пожал плечами Доно. — Должен же кто-то быть первым. И это даже не был бы я, обернись все иначе с беднягой Пьером. — Он поглядел Грегору в глаза. — Хотя наверняка я буду не последним. И попытка замять дело или отшвырнуть его ничего не изменит. К тому же, помимо всего прочего, если дать моему делу полный законный ход, это вынудит Совет Графов хорошенько оценить свои взгляды и пересмотреть свод законов, уже давным-давно не соответствующих изменяющейся реальности. Вряд ли можно успешно править галактической Империей, опираясь на законы, не обновлявшиеся и даже не пересматривавшиеся с Периода Изоляции. — Внезапно лицо лорда Доно засияло искренней

радостью. — Иными словами, это пойдет им на пользу!

На губах Грегора мелькнула улыбка. Не смог удержаться, подумал Айвен. Лорд Доно вел себя с Грегором очень правильно: откровенно, смело и прямо. Впрочем, чему удивляться: леди Донна всегда отличалась наблюдательностью.

Грегор, глядя на Доно, на мгновение сжал пальцами переносицу и, немного помолчав, с иронией поинтересовался:

— И приглашение на свадьбу вы тоже захотите получить?

Доно вскинул брови.

— Если к тому времени я буду графом Форратьером, то присутствовать там — мое право и долг. Ежели нет — ну, тогда что ж… — И, помедлив, лукаво добавил: — Хотя я всегда любил красивые свадьбы. У меня было три. Две обернулись катастрофой. Куда приятней смотреть, повторяя про себя «это не я, это не я!». Только от одного этого настроение потом отличное несколько дней.

— Возможно, ваша следующая свадьба окажется другой, — сухо заметил Грегор.

— Практически наверняка, сир, — гордо поднял голову Доно.

Грегор откинулся на спинку и задумчиво обвел взглядом сидящую перед ним в рядок команду. Доно ждал храбро, Бай — тревожно, Цабо — флегматично. Айвен же мечтал сделаться невидимкой и сожалел, что натолкнулся тогда на Бая в этом чертовом баре, что был знаком с Донной и что вообще появился на свет. Он ждал, когда обрушится топор или что там еще, и прикидывал, в какую сторону уклоняться.

— Ну… и как оно? — неожиданно спросил Грегор.

Доно сверкнул белозубой улыбкой.

— Внутри? Я стал куда энергичней. Либидо возросло. Я бы сказал, что стал чувствовать себя лет на десять моложе, только вот и в тридцать лет я себя так не чувствовал. Характер теперь менее сдержанный. И мир изменился.

— Вот как?

— На Колонии Бета я этого практически не замечал. Но уже на Комарре обнаружил, что личное пространство возросло чуть ли не вдвое и отвечать мне стали вдвое быстрей. А к тому времени, когда я приземлился в космопорте Форбарр-Султана, изменения стали просто феноменальными. И почему-то мне не кажется, что это все связано с моей программой упражнений.

— Хм… А если вы проиграете дело, то смените пол обратно?

— В любом случае не скоро. Я хочу сказать, вид с верхней ступени пищевой цепочки открывается куда шире. И мне кажется, это стоило затраченных денег и крови.

— Ну хорошо, — наконец медленно выговорил Грегор.

Отметив растущее в его глазах любопытство, Айвен покрылся мурашками.

Все. Сейчас он это скажет. Я знаю, скажет …

— И посмотрим, что будет. — Грегор снова чуть шевельнул пальцами, как бы побуждая к действию. — Дерзайте, лорд Доно.

— Благодарю вас, сир, — искренне проговорил Доно.

Дожидаться особого приглашения удалиться никто не стал.

Все четверо осторожно ретировались в коридор, пока император не передумал. Айвену показалось, что он прямо-таки ощущает, как глаза Грегора задумчиво буравят ему спину.

— Ну, — жизнерадостно воскликнул Бай, когда мажордом снова вел их по коридорам, — все прошло куда лучше, чем я ожидал!

— Неужто твоя вера так слаба, Бай? — покосился на него Доно. — По мне, так все прошло именно так, как я и рассчитывал.

— Скажем, я чувствовал себя несколько не на своем уровне, — пожал плечами Байерли.

— Именно поэтому мы и попросили помощи у Айвена. За что тебе еще раз спасибо, Айвен!

— Да не за что, — отмахнулся Айвен. — Я ничего не сделал.

Не виноватый я! Он не понимал, почему Грегор внес его в список. Император даже не спросил его ни о чем. Хотя Грегор не хуже Майлза умеет вылавливать подсказки из того, что лично Айвену кажется пустым местом. Он понятия не имел, что вывел для себя Грегор из всей этой истории. И *не хотел* иметь. Дружно топоча сапогами, они свернули за угол коридора, ведущего в Восточное крыло. Взгляд лорда Доно вдруг стал расчетливым, чем внезапно напомнил Айвену леди Донну, причем отнюдь не успокаивающе.

— А что в ближайшие дни делает твоя мама, Айвен?

— Она занята. Очень занята. Все эти свадебные заморочки, сам знаешь. Днями напролет. Я и сам с ней вижусь только на работе. Все мы тут очень заняты.

— Я вовсе не намерен тревожить ее на работе. Мне нужно что-то более… случайное. Когда ты снова с ней увидишься не в рабочей обстановке?

— Завтра вечером за ужином, который устраивает Майлз в честь Карин и Марка. Он велел мне прийти с дамой. И я сказал, что приду с тобой. Он был в восторге. — Айвен скис, вспомнив несостоявшийся сценарий.

— О, премного благодарен, Айвен! — воскликнул Доно. — Как мило с твоей стороны! Я согласен.

— Нет, погоди, это было до того… до того, как ты… как я узнал… — залепетал Айвен, обведя рукой новые стати лорда Доно. — Сомневаюсь, что он будет в восторге сейчас. Это спутает ему все карты по рассадке гостей.

— Это при наличии-то всех девочек Куделка? Сомневаюсь. Хотя допускаю, что кое-кто из них уже обзавелся поклонниками.

— Ничего об этом не знаю, кроме Делии с Дувом. И если Карин с Марком не… ладно, не важно. Но мне думается, Майлз хочет, чтобы женщин было больше. На самом деле это прием, чтобы познакомить всех с его садовницей.

— Прошу прощения? — изумился Доно. К этому времени они уже добрались до дверей императорского дворца. Мажордом, словно сделавшись невидимкой, терпеливо ожидал ухода гостей, и Айвен был полностью уверен, что позже он перескажет Грегору их разговор слово в слово.

— Его садовница — госпожа Форсуассон. Та самая вдовушка, из-за которой он потерял разум. Он нанял ее, чтобы она разбила сад на пустыре возле особняка Форкосиганов. К тому же она — племянница лорда Аудитора Фортица, чтоб ты знал.

— Вот оно что! Значит, вполне подходящая. Но как это неожиданно. Майлз Форкосиган наконец влюбился? Я всегда думал, что Майлз предпочтет инопланетницу. Он вел себя так, будто почти все наши женщины на него тоску наводят. Хотя никогда нельзя быть уверенным, что это не поза. Если, конечно, не самовнушение. — В улыбке лорда Доно мелькнуло что-то кошачье.

— Затык был в том, что нужно приучить инопланетницу любить Барраяр, как я понял, — холодно отрезал Айвен. — Ладно, как бы то ни было, на ужине будут, помимо семейства Куделка, лорд Аудитор Фортиц с супругой, Иллиан с моей матерью, Форбреттены, Галени и Марк.

— Рене Форбреттен? — заинтересованно сощурился Доно и переглянулся с Цабо, который едва заметно кивнул. — Вот *с ним* я бы охотно побеседовал. Он напрямую связан с прогрессистами.

— Вряд ли на этой неделе, — хмыкнул Байерли. — Ты не слышал, какой отросток Форбреттены обнаружили на своем генеалогическом древе?

— Да слышал, — отмахнулся лорд Доно. — У всех нас есть небольшие генетические заморочки. Думаю, было бы захватывающе именно сейчас нам с ним сравнить архивные записи. О да, Айвен, ты непременно должен взять меня с собой. Это будет именно то, что доктор прописал.

Для кого? Учитывая бетанское воспитание, Майлз придерживается настолько либеральных взглядов, насколько это вообще возможно для барраярца, но все же Айвен сильно сомневался, что братец не психанет, обнаружив новоявленного лорда Доно

Форратьера за своим столом.

С другой стороны… ну и что? Если Майлз окажется в ярости по некоей *другой* причине, то, возможно, это отвлечет его от маленькой проблемки с Формонкрифом и майором Замори. Что может лучше запутать противника, чем увеличение количества мишеней? К тому же вряд ли придется защищать лорда Доно от нападок Майлза.

Или Майлза от Доно, если уж на то пошло. Раз уж Доно с Байерли считают Айвена, простого капитана Генштаба, ценным советником по раскладам на политической и светской арене столицы, то помощь настоящего Имперского Аудитора просто неоценима! А если Айвену удастся переключить внимание Доно на новый объект, он сможет тихонечко отползти в сторону. *Да!*

— Ладно, ладно, хорошо! Но это последняя услуга, которую я тебе оказываю, ясно, Доно? — Айвен старался держаться решительно.

— Премного благодарен, — поклонился лорд Доно.

Глава 9

Майлз оглядел свое отражение в огромном старинном зеркале и нахмурился. Вряд ли его лучший коричневый с серебром мундир уместен для сегодняшнего ужина — слишком уж официальный. Ничего, ему еще наверняка подвернется возможность покрасоваться в этом наряде перед Катрионой, когда он будет сопровождать ее куда-нибудь, где уместно официальное облачение, — в императорский дворец, например, или на Совет Графов. Майлз надеялся, что в этом мундире он ей понравится. Ладно. Он зашвырнул начищенные сапоги в шкаф и вернулся к тому, с чего, собственно, и начал сорок пять минут назад, — серому костюму Аудитора, чистому и выглаженному… То есть уже не такому выглаженному после того, как Майлз бросил костюм на кровать, а потом еще швырнул сверху один мундир дома и два имперских.

Он снова оглядел в зеркале свою обнаженную фигуру и зябко поежился. В один прекрасный день — если все пойдет как надо — ему придется в этой самой комнате, на этом самом месте предстать перед Катрионой в чем мать родила.

На мгновение его охватило паническое желание срочно напялить серо-белый мундир адмирала Нейсмита. Нет, нельзя. Айвен всенепременно его обсмеет. И, что куда хуже, Иллиан наверняка скажет что-нибудь… нелицеприятное. Да и объясняться с прочими гостями насчет маленького адмирала вовсе не желательно. Вздохнув, он принялся надевать серый костюм.

В дверь спальни просунул голову Пим и одобрительно заулыбался.

— А, вы уже готовы, м’лорд? Тогда я уберу остальное в шкаф, хорошо?

Скорость, с какой Пим смахнул с кровати одежду, подсказала Майлзу, что он сделал правильный выбор. Или, во всяком случае, лучший из имеющихся.

С военной аккуратностью Майлз поправил воротничок белой рубашки. Наклонившись к зеркалу, внимательно оглядел шевелюру в поисках седых волос, снова увидел пару-тройку, обнаруженных раньше, с трудом подавил желание их вырвать и причесался. *Хватит дурить!*

Он скатился вниз, чтобы еще раз проверить сервировку стола в большом обеденном зале. На скатерти сверкало фамильное серебро Форкосиганов, блестела фарфоровая посуда, играл бликами лес бокалов. Три элегантных букета, украшавших стол, наверное, понравятся Катрионе.

Он целый час спорил с матушкой Кости и Пимом о том, как лучше рассадить десять женщин и девять мужчин. Катриона сядет по правую руку Майлза во главе стола, а Карин с Марком — напротив. Это не обсуждалось. Айвен — рядом со своей дамой, как можно дальше от Катрионы и Карин — единственный способ помешать кузену заигрывать с чужими дамами. Впрочем, Майлз практически не сомневался, что Айвен будет всецело и полностью поглощен своей партнершей.

В свое время Майлз с завистью наблюдал за скоротечным романом Айвена с леди

Донной Форратьер. Задним числом, правда, он подумал, что леди Донна была более снисходительна, а Айвен менее галантен, чем ему тогда казалось с высоты своих двадцати лет. Но безусловно одно: Айвену тогда повезло. В те времена леди Элис, строившая планы относительно женитьбы сына на более подходящей форской крошке, с большой прохладцей отнеслась к этой связи. Возможно, сейчас, после долгой череды разочарований, леди Элис сочтет Донну куда более приемлемой. В конце концов, с появлением на Барраяре маточных репликаторов и прочих галактических технологий возраст перестал быть помехой деторождению. Сейчас можно завести ребенка не только в сорок, но и в шестьдесят, даже — в восемьдесят…

Интересно, хватило ли у Айвена наглости поинтересоваться у леди Элис с Иллианом, не собираются ли они осчастливить его братцем или сестрой, или же подобная мысль даже не приходила ему в голову? Пожалуй, надо будет при случае намекнуть кузену на такую возможность. Причем желательно, когда Айвен будет сидеть с набитым ртом.

Но не сегодня. Сегодня все должно быть безукоризненно.

В зале появился Марк, тоже хмурый. И тоже вымытый и вылизанный, одетый в специально пошитый костюм, черный на черном с черным. Этот наряд придавал его приземистой фигуре удивительно властный вид. Марк двинулся вдоль стола, читая надписи на карточках, и потянулся к паре из них.

— Даже не прикасайся! — решительно отрезал Майлз.

— Но если я всего лишь поменяю Дува с Делией и графа с графиней Форбреттен, то Дув окажется от меня еще дальше! — взмолился Марк. — Уверен, он и сам бы этого хотел! То есть я имел в виду, какая ему разница, лишь бы рядом с Делией…

— Нет. Мне надо посадить Рене рядом с леди Элис. Это услуга. Он ведет политическую игру. Во всяком случае, должен вести, черт его дери! — Майлз склонил голову набок. — Если у вас с Карин серьезно, то тебе неплохо бы научиться ладить с Дувом. Он ведь будет членом семьи.

— Его чувства ко мне несколько… смешанные. Тут уж я ничего не могу поделать.

— Да ладно тебе! Ты ему жизнь спас! — *Помимо всего прочего* . — Ты виделся с ним после возвращения с Беты?

— Разок, буквально полминуты, когда завозил Карин домой, а он как раз выходил из дома с Делией.

— И что он сказал?

— «Привет, Марк».

— Звучит вполне нормально.

— Дело не в словах. Ты знаешь эту его убийственную интонацию.

— Ну да, только вряд ли из этого что-то следует.

— Вот и я так думаю.

Майлз коротко усмехнулся. А насколько вообще серьезны намерения Марка в отношении Карин? Он внимателен к ней чуть ли не до одержимости, а сексуальной неудовлетворенностью оба пышут, как тротуар жаром в летний зной. Кто знает, что было между ними на Колонии Бета? *Мать — то уж точно знает* . У графини Форкосиган шпионы получше, чем у Имперской безопасности. Но если они и спят друг с другом, то не в особняке Форкосиганов, судя по неофициальным докладам Пима.

В этот момент вошел и сам Пим, провозгласив:

— Леди Элис и капитан Иллиан, м’лорд!

Подобная формальность вряд ли была необходима, поскольку леди Элис шла с ним буквально бок о бок. Тем не менее, проходя в зал, она наградила оруженосца одобрительным кивком. За ней по пятам шествовал Иллиан, даривший присутствующих благостной улыбкой. Бывший шеф Имперской безопасности выглядел потрясающе в темном костюме, удивительно гармонирующем с сединой на висках. Леди Элис произвела заметные улучшения в его несколько скудном гражданском гардеробе. Отличная одежда, кроме всего прочего, отвлекала внимание от нападавшей порой на Иллиана рассеянности — черт бы

побрал того гада, который его искалечил!

Тетя Элис обошла стол, изучая сервировку ледяным взором, способным ввести в дрожь матерого сержанта.

— Очень хорошо, Майлз, — изрекла она наконец. «Лучше, чем я от тебя ожидала», вслух не произносилось, но подразумевалось. — Хотя количество неравное.

— Да, знаю.

— Хм… Ну что ж, с этим все равно теперь ничего не поделаешь. Я хочу переговорить с матушкой Кости. Благодарю, Пим, я сама найду дорогу.

Леди Форпатрил удалилась через служебную дверь. Майлз не стал ее останавливать, понадеявшись, что она и там обнаружит полный порядок. Хорошо бы еще тетушка воздержалась на сегодня от заходов по сманиванию его кухарки — в самый разгар приготовлений наиболее важного ужина в его жизни.

— Добрый вечер, Саймон, — приветствовал Майлз бывшего шефа. Иллиан сердечно пожал руку Майлзу и, ни секунды не колеблясь, — Марку. — Рад, что ты смог прийти. Тетя Элис объяснила тебе насчет Кат… госпожи Форсуассон?

— Да. И Айвен тоже выдал пару комментариев. Что-то насчет парней, падающих в навозную кучу и вылезающих оттуда с золотым кольцом.

— До золотого кольца я еще не добрался, — буркнул Майлз. — Но это, безусловно, входит в мои планы. С нетерпением жду, когда вы все с ней познакомитесь.

— Значит, она — та самая, да?

— Надеюсь.

Горячность, с какой Майлз это произнес, заставила Иллиана посерьезнеть.

— Удачи тебе, сынок.

— Спасибо. Да, и еще одно. Видишь ли, она пока соблюдает годичный траур. Элис с Айвеном тебе объяснили…

Монолог прервало появление Пима, известившего о прибытии семейства Куделка, которых он, как и приказано, сопроводил в библиотеку. Пришло время приступать к обязанностям хозяина.

Марк, трусивший по коридору следом за братом, на мгновение задержался в комнате перед библиотекой, чтобы еще разок слегка истерически глянуть в зеркало и оправить пиджак на выпирающем животе. В библиотеке поджидали улыбающиеся от уха до уха Ку и Дру. Девочки бродили вдоль полок с книгами. Дув с Делией сидели рядышком, склонившись голова к голове над какой-то книжкой.

Все обменялись приветствиями, оруженосец Роик, как положено, начал разносить закуску и напитки. Майлз годами наблюдал, как граф и графиня Форкосиган устраивали тысячи приемов и раутов, которые практически все без исключения имели открытую или скрытую политическую подоплеку. Наверняка ему удастся нормально провести свой маленький прием. Марк в другом конце комнаты всячески обхаживал родителей Карин. Леди Элис, вернувшись с инспекционной проверки, коротко кивнула племяннику и повисла на руке Иллиана. Майлз не сводил глаз с двери.

Вот послышались шаги и голос Пима. Сердце забилось сильней. Нет, это всего лишь Рене и Татя Форбреттены. Девочки Куделки тут же кинулись приветствовать Татю. Да, начало вечера явно удалось. Заслышав очередной отдаленный шум у входных дверей, Майлз оставил Рене выжимать все возможное из беседы с леди Элис и выскользнул из библиотеки, выясняя, кто пришел. На сей раз это оказались лорд Аудитор Фортиц с женой и Катриона. Наконец-то!

Профессор с женой казались Майлзу смазанными пятнами, но Катриона сияла, как пламя. На ней было скромное вечернее платье из какой-то темно-серой ткани, но она радостно протягивала Пиму пару грязных садовых перчаток. Глаза сверкали, щеки прелестно розовели. Майлз скрыл за добросердечной улыбкой восторг, охвативший его, когда он увидел у Катрионы на шее свой подарок — кулон в виде крошечной модели Барраяра.

— Добрый вечер, лорд Форкосиган, — кивнула Катриона. — Рада сообщить, что

первое исконно барраярское растение отныне растет в вашем саду.

— Придется мне на него посмотреть, — ухмыльнулся Майлз. *Отличный предлог провести с ней несколько мгновений наедине в тиши. Может, представится возможность сказать о своих… нет. Слишком рано.* — Как только я всех представлю друг другу.

Он предложил ей руку, и она приняла ее. От ее теплого аромата у Майлза слегка кружилась голова.

Когда они подошли к библиотеке, откуда доносился шум голосов, Катриона на мгновение напряглась, но, коротко вздохнув, храбро шагнула в комнату. Поскольку с Марком и девочками Куделка Катриона уже была знакома — Майлз надеялся, что их присутствие поможет ей побыстрей освоиться, — он познакомил ее сначала с Татей, которая с интересом оглядела Катриону и застенчиво обменялась любезностями. Затем провел ее в высокие двери и, незаметно вздохнув, представил Рене, Иллиану и леди Элис.

Майлз так внимательно смотрел на Иллиана, с тревогой ожидая на лице бывшего шефа признаков одобрения, что чуть не упустил промелькнувший в глазах Катрионы ужас, когда до нее вдруг дошло, что она пожимает руку живой легенде, тридцать лет возглавлявшей Имперскую службу безопасности. Впрочем, Катриона справилась с собой, лишь едва заметно вздрогнув. Иллиан, словно и не заметив произведенное им впечатление, улыбнулся Кэт с таким восхищением, на которое Майлз и не рассчитывал.

Вот так. Теперь все могут перемещаться, пить и беседовать, пока не придет время ужина. А все ли уже здесь? Нет, Айвена не хватает. И еще кое-кого. Может, послать Марка проверить?..

А, уже не надо! Вот и доктор Боргос собственной персоной. Ученый заглянул в дверь, помялся — и нерешительно вошел. К изумлению Майлза, он был чисто вымыт и одет в весьма респектабельный костюм, пусть и в эскобарском стиле, но без всяких лабораторных пятен. Энрике, улыбаясь, приблизился к Майлзу с Катрионой. Пахло от него не химикатами, а одеколоном.

— Катриона, добрый вечер! — радостно поздоровался он. — Ты получила мою диссертацию?

— Да, спасибо.

Его улыбка стала чуть застенчивой, и он спросил, уставясь на носки ботинок:

— Тебе понравилось?

— Очень впечатляет. Хотя, боюсь, несколько сложновато для моего понимания.

— Не верю! Ты наверняка отлично поняла основной смысл…

— Ты мне льстишь, Энрике, — покачала она головой, но улыбка говорила «можешь льстить мне и дальше».

Майлз слегка напрягся. *Энрике? Катриона? А меня она до сих пор ни разу не назвала по имени!* И ни за что не приняла бы комплимент, не поморщившись. Неужели Энрике нашел тайный путь к ее сердцу, который Майлз упустил?

— Но, мне кажется, я почти поняла вводный сонет, — добавила Катриона. — Это что, стандартный стиль эскобарских научных документов? Очень мило.

— Нет, я его специально написал. — Энрике быстро глянул на Катриону и тут же снова уставился в пол.

— Рифма почти совершенная. А некоторые рифмы весьма необычны.

Ученый просветлел на глазах.

Бог ты мой, Энрике пишет ей *стихи?!* Ну да, а почему он сам до этого не додумался? Если, конечно, не считать полного отсутствия поэтического таланта. М-да… Не заинтересует ли ее в качестве стихов хитроумный план высадки десанта? Сонеты, черт! Единственное, на что Майлз способен в области поэзии, это лимерики.

Он с нарастающим ужасом уставился на Энрике, который на сей раз ответил на ее улыбку, склонившись в подобии поклона. *Еще* один соперник? Просочившийся в его собственный дом?! *Он гость. Ну или гость твоего брата. Ты не можешь приказать его убить.* К тому же эскобарцу всего лишь двадцать четыре стандартных года. Для Катрионы

он лишь щенок. *А может, ей как раз нравятся щенки …*

— Лорд Айвен Форпатрил, — провозгласил Пим. — Лорд Доно Форратьер.

В голосе Пима было что-то весьма странное. Майлз резко повернул голову и лишь потом отреагировал на неожиданное имя спутника Айвена. *Кто?!*

Кузен явно старался держаться подальше от своего компаньона, но, судя по брошенному незнакомцем замечанию, было очевидно, что пришли они вместе. Лорд Доно оказался решительным мужчиной среднего роста, с коротко постриженной бородкой, облаченным в традиционный форский траурный костюм — черный с серой отделкой, отлично сидящий на его спортивной фигуре. Неужели Айвен без предупреждения произвел замену в списке приглашенных? Да как он посмел нарушить систему безопасности особняка Форкосиганов?!

Майлз решительно двинулся к кузену. Катриона шла рядом. Ну, вообще-то он попросту не выпускал ее руки, но она и не пыталась высвободиться. Майлз считал, что знает всех своих родственников Форратьеров, которые могут претендовать на титул лорда. Может, это дальний потомок Пьера Кровавого или чей-то незаконнорожденный отпрыск? Мужчина был немолод. Черт, да где же он видел эти янтарные глаза?!

— Лорд Доно. Как поживаете? — протянул руку Майлз, и изящный лорд небрежно пожал ее. И тут буквально в считанные мгновения все встало на свои места, и Майлз добавил приторным голоском: — Как вижу, вы *побывали* на Колонии Бета.

— Совершенно верно, лорд Форкосиган. — Лорд Доно, бывший прежде леди Донной, широко улыбнулся.

Айвен с явным огорчением воспринял реакцию братца.

— Или, вернее, лорд Аудитор Форкосиган, — продолжил лорд Доно. — По-моему, мне еще не представилось возможности поздравить вас с новым назначением.

— Благодарю, — кивнул Майлз. — Позвольте мне представить вам моего друга госпожу Катриону Форсуассон.

Лорд Доно с подчеркнутым энтузиазмом, граничившим с издевкой, склонился к руке Катрионы. Катриона ответила неуверенной улыбкой. Пока они обменивались обычными светскими любезностями, мысли Майлза неслись галопом. Все верно. Бывшая леди Донна не приволокла с собой в маточном репликаторе клон покойного Пьера. Теперь совершенно очевидно, какой будет ее/его юридическая тактика против Ришара, потенциального наследника. *Что ж, рано или поздно кто-то должен был попытаться* . А уж понаблюдать за развитием событий — истинное наслаждение.

— Могу ли я пожелать вам благополучного исхода грядущего рассмотрения вашего дела, лорд Доно?

— Благодарю. — Лорд Доно пристально посмотрел на Майлза. — Удача тут, безусловно, ни при чем. Не могу ли я попозже побеседовать с вами на эту тему более подробно?

Охвативший Майлза восторг мгновенно угас, охлажденный осторожностью.

— Конечно, я всего лишь представитель моего отца на Совете Графов, — уклончиво ответил он. — Но как Имперский Аудитор я вынужден избегать каких бы то ни было политических партий.

— Прекрасно понимаю.

— Но… э… возможно, Айвен познакомит вас с графом Форбреттеном. Ему тоже предстоит слушание дела на Совете Графов. Вы могли бы обменяться ценными замечаниями и советами. А также вы, безусловно, можете побеседовать с леди Элис и капитаном Иллианом. Полагаю, госпожа профессор Фортиц тоже весьма этим заинтересуется. Она признанный эксперт по политической истории Барраяра. Давай, Айвен, — с деланным равнодушием кивнул кузену Майлз.

— Премного благодарен, лорд Форкосиган. — В глазах Доно светилось понимание всех нюансов беседы. Сердечно кивнув, он прошел в помещение.

Майлз прикинул, удастся ли незаметно ускользнуть в соседнюю комнату и посмеяться

всласть. Или лучше позвонить по комму… Он схватил за рукав Айвена и, приподнявшись на цыпочки, прошептал:

— А Грегору об этом уже известно?

— Да, — уголком губ ответил Айвен. — Об этом я позаботился в первую очередь.

— Молодчина. И что он сказал?

— Угадай.

— «Посмотрим, что будет?»

— В точку.

— Хе! — Успокоившись, Майлз позволил Айвену пройти следом за лордом Доно.

— Над чем вы смеетесь? — поинтересовалась Катриона.

— Я не смеюсь.

— У вас глаза смеются. Я же вижу.

Майлз огляделся по сторонам. Лорд Доно зажал в углу Рене, а леди Элис с Иллианом уже стояли поблизости. Профессор с коммодором Куделкой в противоположном углу обсуждали, судя по доносившимся обрывкам фраз, проблему контроля за качеством армейских поставок. Кивком приказав Роику принести еще напитков, Майлз отволок Катриону в единственный незанятый угол и вкратце ознакомил с трансформациями леди Донны/лорда Доно и повесткой грядущих слушаний на Совете Графов.

— О Господи! — ошарашенно заморгала Катриона, коснувшись левой рукой правой кисти там, куда пришелся поцелуй лорда Доно. Но в остальном она умело скрыла свою реакцию, ограничившись лишь быстрым взглядом в ту сторону, где вокруг лорда Доно уже собралась целая толпа, включая всех барышень Куделка и их мать. — Вы об этом знали?

— Ничегошеньки. Ну, то, что она торпедировала прошение Ришара и отправилась на Колонию Бета, знали все. Только вот понятия не имели зачем. Теперь все обрело смысл, как бы абсурдно это ни казалось.

— Абсурдно? — усомнилась Катриона. — Я бы сказала, что на это требуется колоссальная смелость. — Отпив глоток вина, она добавила более задумчиво: — И жгучая ярость.

Майлз быстро сдал назад.

— Леди Донна всегда терпеть не могла дураков.

— Правда? — Глаза Катрионы как-то странно блеснули, и она направилась к окружившей лорда Доно толпе.

Не успел Майлз последовать за ней, как рядом возник Айвен с полупустым бокалом. Беседовать с кузеном Майлзу вовсе не хотелось — ему хотелось беседовать с *Катрионой* . И все же он не удержался:

— Ну и пару ты себе привел! Никогда не подозревал за тобой бетанских склонностей, Айвен.

— Так я и знал, что не дождусь от тебя сочувствия, — прорычал братец.

— Это был шок, а?

— Да я чуть было не отрубился прямо в космопорте! Это все Байерли Форратьер, подставил меня, змеюка подколодная!

— Бай знал?

— Уж конечно! И с самого начала, как я понял.

Подошедший Дув Галени услышал последнюю фразу. Увидев, что Дув наконец-то соизволил оторваться от Делии, к нему присоединились будущий тесть, коммодор Куделка, и профессор Фортиц. Майлз предоставил Айвену самому объясняться насчет лорда Доно. Предположение Майлза, что кузен понятия ни о чем не имел, когда просил разрешения привести Донну на ужин, исподволь планируя свою собственную кампанию против ее… ну, уж во всяком случае, не добродетели, подтвердилось. Ой-ой-ой! Вот бы поприсутствовать невидимкой при сцене, когда Айвен обнаружил произошедшие изменения!..

— Имперскую безопасность это тоже застало врасплох? — вкрадчиво поинтересовался коммодор Куделка у коммодора Галени.

— Не в курсе. Это не по моему департаменту. — Дув решительно отхлебнул вина. — Это проблема Департамента внутренних дел.

Оба офицера оглянулись, услышав взрыв хохота из другого конца комнаты. Это смеялась госпожа Куделка. К ней присоединился каскад приглушенных смешков, и Оливия Куделка оглянулась на мужчин.

— Над чем это они смеются? — подозрительно спросил Галени.

— Над нами, надо думать, — буркнул Айвен и отправился искать бутылку, чтобы налить себе еще вина.

Куделка поглядел на группу в дальнем углу и покачал головой:

— Донна Форратьер. Ну надо же!

Все приглашенные дамы, включая леди Элис, зачарованно столпились вокруг Доно, который, жестикулируя, рассказывал им что-то вполголоса. Энрике поглощал закуску и смотрел на Катриону телячьими глазами. Иллиан, брошенный леди Элис, рассеянно листал книгу. Один из иллюстрированных травников, что Майлз заранее достал с полки.

Пора подавать ужин, решительно постановил Майлз. За столом Айвен и лорд Доно окажутся надежно забаррикадированы стеной матрон и их мужей. Он отошел, чтобы тихо переговорить с Пимом, который тут же удалился передать приказ на кухню и вскоре вернулся со словами: «Ужин подан».

Пары составились сами собой и покинули библиотеку, двинувшись по коридору к череде комнат в направлении обеденного зала. Возглавивший шествие Майлз, который успел снова завладеть рукой Катрионы, натолкнулся на Марка с Айвеном, с видом заговорщиков выходивших из обеденного зала. Парочка присоединилась в хвост вереницы гостей. И тут внезапные подозрения Майлза получили чудовищное подтверждение. Проходя вдоль стола, он краем глаза заметил, что его тщательно стратегически разработанное размещение гостей претерпело изменение. Несколько карточек были переставлены.

И люди, которые, по его задумке, должны были сидеть рядом, чтобы иметь возможность поговорить, оказались в разных концах стола. Карточки были переставлены наобум. Хотя нет, не наобум — просто исходя из других приоритетов. Айвен явно желал оказаться как можно дальше от лорда Доно, и теперь его место было в дальнем конце стола рядом с Марком, тогда как лорд Доно оказался там, где, по плану, должен был сидеть Рене Форбреттен. Дув, Дру и Ку каким-то образом переселились ближе к Майлзу, подальше от Марка. Карин по-прежнему оставалась справа от Марка, а вот Катриона оказалась на другой стороне, за Иллианом, по-прежнему сидевшим слева рядом с Майлзом. Похоже, эти нахалы просто побоялись трогать карточку Иллиана. И теперь Майлзу придется разговаривать с Катрионой через Иллианову голову, и никаких замечаний sotto voce.

Тетя Элис с несколько растерянным видом села на почетное место справа от Майлза, напротив Иллиана. Она явно заметила изменения, но не оправдала последней надежды, никак не прокомментировав, а лишь чуть подняв бровь. Дув Галени обнаружил, что между ним и Делией сидит будущая теща. Иллиан, глянув на карточки, усадил Катриону между собой и Дувом, и дело оказалось сделано.

Майлз сохранял улыбку. Марк сидел слишком далеко, чтобы заметить сквозившее в ней «я с тобой потом посчитаюсь». Может, оно и к лучшему.

За столом возобновились разговоры, хоть и не те, на которые рассчитывал Майлз. Пим, Роик и Янковский, изображавшие дворецкого и слуг, начали подносить блюда. Майлз с некоторой тревогой наблюдал за Катрионой, выискивая признаки волнения — ведь она оказалась между двумя блестящими представителями Имперской безопасности. Однако она сохраняла вежливое спокойствие, пока оруженосцы подавали великолепные вина и кушанья.

И только во время второй перемены Майлз сообразил, что его так встревожило в еде. Он доверчиво предоставил матушке Кости полную свободу маневра, но то, что сейчас подавалось на стол, явно не входило в согласованное меню. Некоторые вещи… отличались. Вместо горячего консоме подали холодный фруктовый суп-пюре, украшенный съедобными цветами. Может, в честь Катрионы? Травяной соус на уксусной основе для салата был

заменен чем-то на светлой сметанного вида основе. Ароматный травяной пастообразный продукт, передаваемый по кругу вместе с хлебом, не имел ничего общего с маслом…

Жучья блевотина. Они подали эту чертову жучью блевотину!

К тому времени, когда Пим принес хлеб, Катриона тоже обо всем догадалась — Майлз понял это по тому, как она на мгновение заколебалась, исподволь глянув на Энрике с Марком, а потом хладнокровно закончила намазывать хлеб и решительно откусила. Но больше ни единым жестом не выдала, что знает, чем ее кормят.

Майлз попытался показать, что ей вовсе не обязательно это есть, незаметно указав на кусочек жучьего маслица и отчаянно шевеля бровями. Катриона лишь улыбнулась, пожав плечами.

— Хм? — промычал с набитым ртом сидящий между ними Иллиан.

— Все в порядке, сэр, — торопливо сказал Майлз. — Все нормально.

Вскочить и заорать своим высокопоставленным гостям «стойте, стойте, вы едите жучью отрыжку!» было бы несколько… неожиданно. В конце концов, жучья блевотина не ядовита. Если ничего не сказать, они и не узнают. Он откусил пустой кусок хлеба и запил большим глотком вина.

Блюда с салатом убрали. Сидящий в дальнем конце стола Энрике постучал кончиком ножа по бокалу, откашлялся и встал.

— Благодарю за внимание… — Он снова прочистил горло. — Я наслаждаюсь гостеприимством особняка Форкосиганов, как, я уверен, и все здесь присутствующие сегодня вечером… — По столу прокатился одобрительный шумок. — И в знак признательности я подготовил подарок лорду… Майлзу, лорду Форкосигану. — Он улыбнулся, довольный, что вспомнил нужную формулировку. — И мне кажется, сейчас самое подходящее время его преподнести.

Майлза охватила внезапно жуткая уверенность, что, чем бы ни был подарок, время сейчас самое что ни на есть неподходящее. Он метнул на сидящего на другом конце стола Марка гневный вопрошающий взгляд, означающий «ты знаешь, что это еще за чертовщина?». Марк ответил неуверенным пожатием плеч «понятия не имею, извини» и с растущей тревогой уставился на Энрике.

Энрике извлек из кармана коробочку, обошел вокруг стола и положил ее между Майлзом и леди Элис. Иллиан с Галени напряглись в привычном для эсбэшников приступе паранойи. Галени чуть отодвинул стул. Майлз хотел было заверить их, что вряд ли это взрывчатка, но от Энрике всякого можно ожидать. Коробочка оказалась побольше той, что в последний раз ему дарила команда жуководов. Майлз мысленно взмолился, чтобы это оказался один из тех кошмарных позолоченных комплектов шпор, которые произвели в прошлом году фурор, особенно среди молодежи, в жизни своей ни разу лошади не видавшей. Пусть это будет что угодно, кроме…

Энрике гордо открыл крышку. Нет, там был не более крупный жучок-маслячок, там были целых три жучка. Три жучка-маслячка, чьи тельца отливали коричневым с серебром, они пытались забраться друг на друга, шевеля антеннами… Леди Элис отшатнулась, издав приглушенный писк. Иллиан мгновенно вскочил. Лорд Доно с любопытством перегнулся через леди Элис, и его густые темные брови поехали вверх.

Майлз, приоткрыв рот, обалдело смотрел на тварюшек, не в силах пошевелиться. Да, именно так. На каждой из маленьких спинок отливает серебром герб Форкосиганов. Спинки — до омерзения коричневые. По краям надкрыльев идет яркая серебряная канва с точной имитаций орнамента на рукавах мундиров оруженосцев. Цвета Дома Форкосиганов воспроизведены абсолютно точно. Знаменитый герб узнается мгновенно. Да что там, его, пожалуй, видно даже на расстоянии в два метра!

Подача блюд приостановилась — Пим, Роик и Янковский столпились у него за спиной, норовя заглянуть в коробочку.

Лорд Доно оторвал взгляд от жучков-маслячков, посмотрел на Майлза, потом — снова на жучков.

— Это… это какое-то оружие? — осторожно предположил он.

Энрике засмеялся и тут же принялся с энтузиазмом объяснять, что это его новый вариант жучков-маслячков, сопровождая свои объяснения совершенно излишней информацией о том, что они являются производителями маслица, которое в переработанном виде послужило очень хорошей основой для супа, салатного соуса и бутербродного масла. Мысленное представление Майлза об Энрике, склонившемся над микроскопом с крошечной кисточкой в руках, растаяло, когда ученый объяснил, что нет-нет, конечно, узор не нарисован, а скорее генетически создан и будет передаваться по наследству последующим поколениям жучков.

Пим поглядел на жучков, потом — на рукав своего мундира, которым так гордился, потом снова на грязную пародию на его регалии и поднял глаза на Майлза. В полном отчаяния взгляде читался молчаливый крик, который Майлзу не составило ни малейшего труда расшифровать: «Пожалуйста, лорд, ну пожалуйста, можно мы его заберем и прикончим прямо сейчас?»

Майлз услышал раздавшийся с дальнего конца стола встревоженный шепот Карин:

— Что происходит? Почему он молчит? Марк, пойди глянь…

Майлз откинулся на стуле и сквозь зубы выдавил Пиму настолько тихо, насколько был способен в данной ситуации:

— Он не хотел никого оскорбить.

Просто так вышло. Герб моего отца, моего деда, моего рода на этих мерзких рыгающих тараканах!..

Пим ответил приклеенной улыбкой. Глаза его сверкали от ярости. Тетя Элис застыла на стуле. Дув Галени, склонив голову набок, чуть сощурился и приоткрыл рот, предаваясь бог весть каким размышлениям. Впрочем, Майлз и не собирался спрашивать. С лордом Доно дело обстояло и того хуже: красный как рак, он затолкал себе в рот чуть ли не половину салфетки и издавал носом какие-то хрюкающие звуки. Иллиан, прикрыв пальцем губы, сохранял внешнюю невозмутимость, только в глазах его едва заметно читался восторг, отчего у Майлза внутри все перевернулось. Тут подоспел Марк и склонился к коробочке. Мгновенно позеленев, он в панике покосился на брата. Катриона, прижав ладошку ко рту, смотрела на Майлза широко раскрытыми глазами.

Из всех присутствующих мнение лишь одного человека имело для него значение.

Женщины, чей покойный, не оплакиваемый никем супруг был подвержен… кто его знает, каким вспышкам ярости. Какие сцены он закатывал дома или на публике? Майлз проглотил готовые вырваться эпитеты в адрес Энрике, эскобарцев, биоинженерии, бредовых представлениях братца Марка о предпринимательстве, жуков-блевунов в мундирах Форкосиганов, моргнул, сделал глубокий вдох и улыбнулся:

— Спасибо, Энрике. Твой талант лишил меня дара речи. Но, может быть, сейчас лучше убрать отсюда девочек? Ты ведь не хочешь, чтобы они… утомились. — Он тихонько закрыл коробочку и протянул ее эскобарцу.

Катриона незаметно перевела дух. Брови леди Элис поползли вверх с уважительным удивлением. Довольный Энрике вернулся на место, где приступил к демонстрации жучков-маслячков и объяснениям всем, кто сидел слишком далеко, чтобы видеть разыгравшийся спектакль, включая расположившихся напротив графа с графиней Форбреттен. Остальные молчали. Айвен издал короткий смешок, но мгновенно заткнулся после ядовитого замечания Марсии.

Майлз вдруг осознал, что яства, поступавшие прежде непрерывным потоком, где-то застряли. Он жестом подозвал ошалевшего вконец Пима и пробормотал:

— Несите следующую перемену, пожалуйста. — И мрачно добавил: — Только сначала проверь.

Пим, очнувшись, немедленно приступил к своим обязанностям.

— Слушаюсь, м’лорд. Я понял.

Следующей переменой оказался охлажденный озерный лосось, доставленный из округа

Форкосиганов, без соуса из жучьего маслица, украшенный лишь дольками лимона.

Катриона наконец набралась храбрости вступить в разговор с соседом по столу. Поскольку вряд ли возможно поинтересоваться у офицера Имперской безопасности, «как дела на работе», то она начала с более, как она явно посчитала, общей темы.

— Как странно — комаррец, служащий в Имперской безопасности, — сказала она, обращаясь к Галени. — Ваша семья одобрила ваш выбор?

Глаза Дува едва заметно расширились, затем, наоборот, сузились и устремили взгляд на Майлза, который запоздало сообразил, что в предшествующей ужину беседе с Катрионой, желая подчеркнуть положительные стороны, как-то не соизволил сообщить ей, что почти вся семья Дува погибла в результате многочисленных комаррских восстаний и их последствий. А уж о странной связи между Марком и Дувом он вообще не знал, как сказать. Майлз пытался судорожно сообразить, как протелепатировать об этом Дуву, когда коммодор Галени спокойно ответил:

— Моя новая семья одобряет.

Делия, тревожно напрягшаяся, расплылась в улыбке.

— О! — По выражению лица Катрионы мгновенно стало ясно: она поняла, что допустила какой-то промах, но никак не поймет какой. Катриона посмотрела на леди Элис, судя по всему, еще не вполне оправившуюся после общения с жучками-маслячками, а потому не заметившую этой молчаливой просьбы о помощи.

Поскольку джентльмен не может оставить даму в беде, в разговор добродушно вмешался коммодор Куделка:

— Кстати о Комарре! Майлз, как ты думаешь, проект починки солнечного отражателя пройдет на Совете Графов?

О, отличная тема! Майлз одарил бывшего наставника короткой благодарной улыбкой.

— Мне думается, что да. Грегор поддерживает эту идею всем своим политическим весом, как я и надеялся.

— Отлично, — улыбнулся Галени. — Это пойдет на пользу обеим сторонам.

Он быстро кивнул Катрионе, прощая ей промах.

Трудный момент миновал. В возникшей паузе, во время которой все готовились внести свой вклад соответствующих политических сплетен, раздался чистый и ясный голос доктора Энрике Боргоса.

— …будет такая хорошая прибыль, Карин, что вы с Марком сможете оплатить еще одну поездку в Сферу, когда вернетесь на Бету. И даже не одну, а сколько захотите. — Он с завистью вздохнул: — Как бы мне хотелось с кем-нибудь туда съездить!

Сфера Неземного Блаженства была одним из самых знаменитых куполов удовольствий Колонии Бета. Слава о ней шла по всей галактике. Если ваши вкусы не настолько извращенные, чтобы отправиться на Архипелаг Джексона, то выбор разрешенных удовольствий (под медицинским присмотром, естественно), предоставляемых в Сфере, способен удовлетворить любой вкус. Майлз мгновение лелеял короткую, но пустую надежду, что родители Карин о Сфере никогда не слышали. Тогда Марк сможет сделать вид, что это какой-то музей, что угодно, кроме…

Коммодор Куделка как раз в этот момент отхлебнул вина, запивая последний кусочек лососины. Вылетевшая дугой струя чуть не забрызгала сидевшую напротив отца Делию. Для мужчины такого возраста поперхнуться вином — вещь довольно опасная в любом случае. Оливия встревоженно стучала отца по спине, а он, ловя ртом воздух, вытирал салфеткой побагровевшее лицо. Дру приподнялась, разрываемая между желанием кинуться на помощь мужу, сидевшему в одном конце стола, и пойти удавить Марка, сидевшего в противоположном. От Марка проку было мало. От охватившего его ужаса он побелел как полотно, а его лицо приобрело малопривлекательный творожный вид.

Ку, тяжело дыша, прохрипел Марку:

— *Ты* посмел отвезти *мою* дочь в *Сферу?!*

Карин, спасая Марка, поспешно брякнула:

— Это входило в его терапию!

Марк, запаниковав еще пуще, отчаянно добавил в виде оправдания:

— Мы получили медицинскую скидку…

Майлз частенько мечтал увидеть, какое будет лицо у Дува, когда он узнает, что Марк — его потенциальный свояк. Теперь он отрекся уже от своей мечты, но было поздно. Ему и прежде доводилось видеть Галени окаменевшим, но никогда — таким… *надутым* . Ку уже дышал практически нормально, что, в общем, утешало, если бы не легкая одышка. Оливия подавила нервный смешок. Глаза лорда Доно одобрительно блестели. Уж он-то наверняка знал о Сфере все, посетив ее и в своей прошлой, и в нынешней ипостаси. Сидевшая рядом с Энрике госпожа Фортиц с любопытством посмотрела в один конец стола, потом в другой.

Катриона казалась встревоженной, но — как отметил Майлз — нисколько не удивленной. Неужели Марк поведал ей историю, которую счел невозможной доверить даже собственному брату? Или они с Карин стали настолько близкими подругами, чтобы обмениваться такого рода секретами? А если так — Катриона сочла возможным в обмен рассказать о нем, и может ли он каким-то способом…

Дру наконец снова опустилась на стул. Повисло тяжелое молчание, за которым явственно прочитывалось «мы об этом еще поговорим».

Леди Элис чутко ловила все нюансы. Ее светская выдержка была так велика, что только сидевшие рядом Майлз с Иллианом заметили, как она поморщилась. Вполне способная задать тон, который никто не смел игнорировать, она наконец произнесла:

— Представление починки солнечного отражателя как свадебного подарка оказалось очень популярным у… Майлз, что этот зверь тащит во рту?

Майлз не успел спросить, какой зверь, как получил ответ в виде перестука лапок по натертому до блеска полу. Подросший черно-белый котенок улепетывал от своего черного братца. Для котенка с набитым ртом он умудрился издать поразительно громкий мяв протеста. Котяра пронесся по дубовым доскам, метнулся к бесценному старинному гобелену ручной работы, вцепился в него когтями и полез вверх. Преследователь молниеносно прыгнул на него, но не сумел отнять добычу. Между ощерившихся белых клыков слабо трепыхалась пара насекомо-видных лапок, раздался скрежет — это треснул коричневый с серебром панцирь.

— Мой жучок-маслячок! — в ужасе возопил Энрике и, отшвырнув стул, кинулся на котенка. — Отдай, убийца!

Он выхватил помятого жука из пасти смерти. Черный котенок потерся о его штанину, требовательно помахав лапкой. «Мне, мне, дай и мне тоже!»

Превосходно! подумал Майлз, нежно улыбнувшись котятам. *Как выяснилось, у жуков-блевунов все же имеется природный враг!* Он уже начал разрабатывать быстро осуществимый план разведения охранных котов особняка Форкосиганов — как вдруг спохватился. Котенок уже нес в пасти жучка-маслячка, когда вбежал в зал. Следовательно…

— Доктор Боргос, где кошка нашла жука? — спросил Майлз. — Я полагал, они заперты у вас внизу. Помнится, — он глянул на Марка, — вы мне это твердо обещали.

— Э… — промямлил Энрике. Майлз не знал, какую мысленную цепочку выстраивает эскобарец, но увидел, как тот подпрыгнул, когда довел свои построения до конца. — О! Прошу меня простить. Мне нужно кое-что проверить в лаборатории.

Неуверенно улыбнувшись, эскобарец швырнул котенка на свой освободившийся стул, развернулся на каблуках и поспешил к лестнице, ведущей вниз.

— Думаю, мне лучше пойти с ним, — торопливо сказал Марк, догоняя ученого.

Исполненный дурных предчувствий, Майлз положил салфетку и тихо проговорил:

— Тетя Элис, Саймон, позаботьтесь тут обо всем за меня, ладно?

И последовал за братом, задержавшись лишь на мгновение, чтобы приказать Пиму подать еще вина. Много вина. И немедленно.

Майлз догнал Марка с Энрике возле самой лаборатории-прачечной как раз вовремя, чтобы услышать вопль эскобарца:

— О нет!

Мрачно оттерев Марка плечом, он вошел и увидел Энрике, который стоял на коленях подле большого лотка, домика жучков-маслячков, свисавшего под углом из ящика, в котором обычно находился. Стеклянная крышка была разбита вдребезги. В лотке одиноко ползал кругами жучок цветов Дома Форкосиганов. У него не хватало двух лапок.

— Что тут произошло? — прошипел Майлз.

— Они исчезли, — ответил Энрике и принялся ползать по полу, заглядывая под стеллажи. — Должно быть, эти проклятущие кошки сбили лоток. Я его выдвинул, чтобы отобрать вам подарочные экземпляры. Мне нужны были самые лучшие и самые большие. Когда я уходил, тут все было в порядке…

— Сколько жучков было в этом лотке?

— Все. Вся генетическая линия. Около двухсот особей.

Майлз окинул взглядом лабораторию. Никаких жучков в ливреях Форкосиганов. Он только сейчас понял, насколько действительно огромен и стар особняк Форкосиганов. И сколько в нем трещин. В полу, в стенах. Везде. Пространство между этажами, за обшивкой стен, в аттиках, внутри старых оштукатуренных стен…

«Рабочие жучки, — говорил Марк, — будут просто бродить, пока не сдохнут, вот и все…»

— Предполагаю, королева еще у вас? И вы можете… э-э-э… восстановить ваш генетический источник?

Майлз принялся медленно обходить стены, внимательно глядя вниз. Никаких серебристо-коричневых пятен.

— Хм, — лаконично ответил Энрике.

— Вы заверили меня, что королевы не могут передвигаться. — Майлз тщательно подбирал слова.

— *Зрелые* королевы не могут, это верно, — растолковал Энрике, поднимаясь на ноги. Он помотал головой. — *Незрелые* же королевы способны передвигаться, как молнии.

Майлз переварил информацию. На это ушли доли секунды. Жуки-блевуны цветов Форкосиганов. Жуки-блевуны цветов Форкосиганов по всему Форбарр-Султану.

Одним из известных приемов службы безопасности было схватить человека за воротник, чуть скрутить и особым образом повернуть костяшки пальцев. Если все сделать как надо, то одновременно прерывается кровообращение и прекращается доступ кислорода. Майлз не без удовольствия отстраненно отметил, что не утратил прежних навыков. Он подтащил темнеющую на глазах физиономию эскобарца к своему лицу. Тут в дверях появилась запыхавшаяся Карин.

— Боргос! Вы отловите всех до единого этих ваших чертовых жуков-блевунов, а в *особенности* королеву, самое позднее за шесть часов до того, как граф и графиня Форкосиган переступят порог этого дома завтра вечером. Потому что за пять часов пятьдесят девять минут до появления моих родителей я вызову профессионального дезинсектора, чтобы он избавился от этих тварей, а это означает — от всех до единого жуков-блевунов, которые к тому времени не окажутся в лотке под крышкой, ясно вам? Никаких исключений, никакой пощады.

— Нет! Нет! — ухитрился простонать Энрике, несмотря на нехватку кислорода. — Вы не можете…

— Лорд Форкосиган! — раздался от дверей пораженный голос Катрионы. Это произвело эффект внезапного выстрела из парализатора. Рука Майлза виновато разжалась, и Энрике снова выпрямился, судорожно глотая воздух.

— Добавь ему и за меня, Майлз, — ледяным тоном произнесла Карин. Она прошествовала в лабораторию с Катрионой по пятам. — Энрике, дебил! Да как ты *посмел* упомянуть о Сфере при моих родителях?! Ты что, вообще ничего не соображаешь?!

— Ты уже столько времени с ним знакома и задаешь такие вопросы, — желчно заметил Марк.

— А откуда… — Тут она разъяренно повернулась к Марку: — А откуда он вообще об этом знает, а, Марк?

Марк заметно съежился.

— Марк не говорил, что это секрет… Мне казалось, это так романтично. Лорд Форкосиган, пожалуйста! Не зовите дезинсектора! Я поймаю всех девочек, клянусь! Каким-нибудь образом… — На глаза Энрике навернулись слезы.

— Успокойся, Энрике, — ласково проговорила Катриона. — Уверена, — тут она метнула на Майлза скептический взгляд, — что лорд Форкосиган не прикажет убить твоих несчастных жучков. Ты всех их разыщешь.

— Меня поджимает время, — сквозь зубы выдавил Майлз. Он представил себе, как завтра днем или вечером будет объяснять вернувшимся вице-королю с вице-королевой источник тихого шуршания, раздающегося из стен их дома. Может, возложить эту задачу на Марка?

— Если хочешь, я останусь и помогу тебе их искать, Энрике, — предложила Катриона, хмуро глядя на Майлза.

Словно стрела пронзила сердце. Уф! Похоже, вырисовывается следующий сценарий: Катриона с Энрике, голова к голове, рядышком, дружно ползают по полу, спасая Несчастных Жуков от злой участи, уготовленной мерзким лордом Форкосиганом… Мысленно чертыхаясь, он дал задний ход.

— После ужина, — предложил он. — Мы все придем сюда после ужина и поможем. — Да, если уж кому-то придется ползать по полу рядом с Катрионой, то это будет он, и никто другой, черт побери! — И оруженосцы тоже. — Он представил, как «обрадуется» Пим этой задаче, и мысленно поежился. — А пока нам лучше вернуться обратно и затеять вежливую беседу, — продолжил Майлз. — Кроме доктора Боргоса, который будет занят.

— Я останусь, чтобы помочь ему, — радостно предложил Марк.

— Что?! — вскричала Карин. — И предоставишь мне самой разбираться с родителями? И сестры… Они теперь постоянно будут надо мной издеваться…

Майлз с досадой покачал головой:

— Зачем тебе вообще понадобилось тащить Карин в Сферу, Марк?

Марк пораженно уставился на него:

— А ты как думаешь?

— Ну… да… Только ты ведь наверняка знал, что это неподходящее место для юной барраярской де…

— Майлз, ханжа ты чертов! — возмутилась Карин. — И ты это говоришь, когда, по словам бабушки Нейсмит, сам бывал там… И не единожды!

— По долгу службы, — отрезал Майлз. — Просто поразительно, какие возможности для межпланетного военного и промышленного шпионажа открываются в Сфере! И вам лучше учесть, что бетанские спецслужбы тоже там пасутся.

— Да ну? — съехидничал Марк. — И мы должны поверить, что ты ни разу не попробовал местный сервис, пока дожидался своих информаторов?

Майлз всегда умел распознать момент, когда следует предпринять стратегическое отступление.

— Думаю, нам всем пора возвращаться на ужин. Либо он подгорит, либо засохнет, и матушка Кости очень рассердится на нас за то, что мы испортили ее кушанья. И уйдет работать к леди Элис, а нам придется снова питаться пищей быстрого приготовления.

Страшная угроза дошла и до Марка, и до Карин. Да, кстати, а кто вдохновил его кухарку на все эти рецепты с жучьим маслицем? Уж наверняка матушка Кости не сама предложила. Что-то больно смахивает на заговор.

Вздохнув, он предложил руку Катрионе. Чуть поколебавшись и озабоченно оглянувшись на Энрике, она взяла его под руку, и Майлз сумел вывести всех из лаборатории и доставить в обеденный зал без очередных эксцессов.

— Внизу все в порядке, м’лорд? — вполголоса поинтересовался Пим.

— Поговорим об этом позже, — так же тихо ответил Майлз. — Приступай к следующей перемене. И предложи еще вина.

— Следует ли подождать доктора Боргоса?

— Нет, он занят.

Пим, беспокойно скривившись, пошел выполнять указание. Тетя Элис — хвала ее взглядам на этикет! — не стала требовать объяснений, а немедленно перевела разговор на нейтральную тему. Упомянув о предстоящей свадьбе императора, она мгновенно направила мысли присутствующих в другое русло. Кроме разве что Марка и коммодора Куделки, поглядывавших друг на друга в воинственном молчании. Майлз прикинул, не стоит ли ему потихоньку предупредить Ку, что лучше не угрожать Марку шпагой-тростью или чем-нибудь другим, потому как вреда от этого будет куда больше, чем пользы. Пим наполнил ему бокал прежде, чем Майлз успел объяснить, что данные шепотом указания на него самого, Майлза, не распространяются. А, к черту! Некоторое… отупение начинало казаться довольно привлекательным.

Он вовсе не был уверен, что Катриона хорошо проводит время. Она снова притихла и изредка поглядывала на пустой стул доктора Боргоса. Хотя, впрочем, замечания лорда Доно вызвали у нее смех. Дважды. Как выяснилось при ближайшем рассмотрении, из бывшей леди Донны получился на удивление красивый мужчина. Остроумный, экзотичный, к тому же, вполне вероятно, будущий граф, и… если подумать, то обладающий прямо-таки возмутительно несправедливым преимуществом в любовных делах.

Оруженосцы убрали тарелки, чтобы подать главное блюдо — жареное говяжье филе с зеленым гарниром и великолепным красным вином. За этим последовал десерт: фигурно выложенная замороженная субстанция цвета слоновой кости, украшенная глазированными свежими фруктами. Майлз отловил за рукав прячущего глаза Пима:

— Пим, это то, что я думаю?

— Ничего нельзя было поделать, м’лорд, — шепотом начал оправдываться Пим. — Матушка Кости сказала, что либо это, либо ничего. Она до сих пор сердится из-за соусов и выражает желание поговорить с вами об этом после ужина.

— О! Понятно… Ну… Разноси дальше.

Взяв ложку, Майлз храбро съел кусочек. Гости с некоторым сомнением последовали его примеру — все, кроме Катрионы, которая, посмотрев на свою порцию с удивленным восторгом, обменялась улыбкой с сидящей в другом конце стола Карин. Карин ответила совершенно непонятным Майлзу победным салютом. В довершение ко всему таявший во рту десерт оказался на вкус просто превосходным. Сладкое и крепкое десертное вино, которым Майлз запил десерт, лишь подчеркнуло отменные качества замороженного жучьего масла. Он готов был заплакать. Но вместо этого лишь напряженно улыбнулся и хлебнул еще вина.

Разговор о свадьбе Грегора с Лаисой дал Майлзу шанс рассказать забавную историю о том, как он должен был доставить свадебный подарок от жителей своего округа, фигуру партизана верхом на лошади в натуральную величину, всю из кленового сахара. За что удостоился наконец улыбки Катрионы. Он мысленно прикинул, какой бы задать вопрос о садах, чтобы она оживилась. Майлз не сомневался: она способна блистать, если только дать подходящую возможность. На мгновение он пожалел, что не задействовал тетю Элис, но ведь по изначальному плану она должна была сидеть с ним рядом…

Майлз промедлил буквально пару лишних мгновений. Решив заполнить паузу, к Катрионе повернулся Иллиан:

— Кстати о свадьбах, госпожа Форсуассон, а как давно Майлз за вами ухаживает? Вы уже удостоили его, назначив дату? Я бы на вашем месте промурыжил его подольше и заставил потрудиться как следует.

Холодная волна окатила Майлза с головы до пят. Элис закусила губу. Даже Галени поморщился.

— А я думала, мы еще не должны об этом упоминать, — растерянно сказала Оливия.

— Тс-с, детка, — шепнул сидевший рядом с ней Ку.

Лорд Доно с типично форратьеровским коварством тут же повернулся к Оливии:

— О чем мы не должны были упоминать?

— Ой, но если об этом сказал капитан Иллиан, то, конечно же, все в порядке, — сделала вывод Оливия.

Капитану Иллиану в прошлом году вышибли мозги , подумал Майлз. *И с ним не все в порядке. Абсолютно не все в порядке* .

Ее взгляд столкнулся с взглядом Майлза.

— А может быть…

Нет , мысленно закончил Майлз.

Лицо Катрионы, секунду назад оживленное и веселое, превратилось в маску. Это произошло не мгновенно, а постепенно, неотвратимо. И это оказало на Майлза сокрушительное воздействие. *Пигмалион наоборот. Превратил живую женщину в мраморную статую* … Это отсутствующее и застывшее выражение ему было хорошо знакомо. В один очень скверный день на Комарре он уже видел такое и надеялся никогда больше не увидеть.

Сердце Майлза отчаянно забилось. *Я не могу потерять ее. Не могу, не могу… Вперед, только вперед, без оглядки — и блефуй!* — именно так он прежде побеждал в битвах.

— Да… э… ну… Это напомнило мне, госпожа Форсуассон, о чем я собирался вас спросить… Вы выйдете за меня замуж?

За столом повисла мертвая тишина.

Сперва Катриона вообще не отреагировала. Какое-то мгновение казалось, что она не слышала его слов, и Майлз едва удержался, чтобы не повторить свои слова еще раз погромче. Тетя Элис спрятала лицо в ладони. Майлз буквально чувствовал, как улыбка увядает и сползает с его лица. *Нет-нет. Я хотел сказать… Я намеревался сказать… пожалуйста, передайте жучье маслице? Слишком поздно* …

С явным усилием Катриона заговорила. И слова ее падали, как кубики льда.

— Как странно. А я-то думала, вас интересуют сады. Во всяком случае, вы так говорили.

«Вы мне солгали», — повисло в воздухе, не произнесенное вслух, но слышимое, как грозовой раскат.

Ну так завизжи. Закричи. Швырни что-нибудь. Отлупи меня чем ни попадя, чтобы синяки остались… С этим я смогу справиться…

Катриона замолчала, сердце Майлза взлетело, окрыленное надеждой, но, как оказалось, она помедлила лишь для того, чтобы отодвинуть стул, положить салфетку рядом с недоеденным десертом, подняться и двинуться вдоль стола к выходу. Она лишь на мгновение задержалась возле госпожи Фортиц и тихонько проговорила:

— Увидимся дома, тетя.

— Но, дорогая, с тобой все в порядке? — Госпожа профессор обнаружила, что говорит с пустотой: Катриона уже удалилась. Она шла все быстрее и быстрее, пока не перешла на бег. Госпожа Фортиц повернулась к Майлзу с беспомощным жестом, означавшим «как ты мог», а может, «как ты мог, идиот».

Сейчас за дверь выходит вся твоя оставшаяся жизнь. Сделай же что-нибудь! Майлз вскочил, с грохотом опрокинув стул.

— Катриона, подождите, нам надо поговорить…

Он не переходил на бег, пока не выскочил из зала, задержавшись ровно настолько, чтобы захлопнуть дверь. Он догнал Катриону уже в коридоре, где она безуспешно пыталась открыть входную дверь, которая, естественно, не открывалась, будучи заперта на сенсорный кодовый замок.

— Катриона, подождите! Выслушайте меня! Я вам все объясню! — тяжело дыша, говорил он.

Повернувшись, она посмотрела на него с таким видом, будто увидела жучка-маслячка в своей тарелке.

— Я должен с вами поговорить! А вы — со мной, — в отчаянии потребовал он.

— Верно, — через некоторое время проговорила Катриона побелевшими губами. — Мне действительно надо кое-что вам сказать. Лорд Форкосиган, я отказываюсь от работы дизайнера по ландшафту. С этой минуты я больше на вас не работаю. Все планы и график посадок я перешлю вам завтра для передачи моему преемнику.

— Да на черта они мне?!

— Если от меня вам действительно нужен был только сад, то, кроме них, вам ничего и не нужно. Верно?

Он проиграл возможные варианты ответа. «Да» не годилось ни в коем случае. Как, впрочем, и «нет». Погодите-ка…

— А разве я не мог желать и того, и другого? — с надеждой спросил он. И более уверенно продолжил: — Я не лгал вам. Просто не говорил всего, что у меня на уме, потому что, черт подери, вы не были готовы это услышать, потому что вы еще и наполовину не отошли после десяти лет жизни с этим козлом Тьеном. И я это понимал. И вы понимали, и даже тетя Фортиц! И *это* правда.

Судя по тому, как она вздрогнула, удар достиг цели.

— Будьте добры, — произнесла она ледяным тоном, — немедленно открыть дверь, лорд Форкосиган.

— Погодите, послушайте…

— Вы уже достаточно мною манипулировали, — отрезала она. — Вы сыграли на моем… тщеславии.

— Не тщеславии! — запротестовал он. — Умении, гордости, стремлениях… да любому ясно, что вам нужен лишь толчок, возможность…

— Вы действительно привыкли всегда добиваться своего, не так ли, лорд Форкосиган? Любыми доступными вам способами. — Теперь ее голос был ужасающе безлик. — Поймали меня в ловушку у всех на глазах.

— Это случайность. Иллиан не знал, понимаете, и…

— В отличие от всех прочих? Да вы хуже Формонкрифа! С тем же успехом я могла принять и его предложение!

— А?! Что Алекс… то есть нет… но… я мечтаю вам дать все, что вы хотите, Катриона! Все, что желаете. Что бы это ни было.

— Вы не можете дать мне мою собственную душу. — Она смотрела не на него, а куда-то внутрь себя, видя нечто, о чем он и представления не имел. — Сад мог бы быть моим подарком. Этого вы тоже меня лишили.

От этих слов он лишился дара речи. Что? Стоп, похоже, сейчас они добрались до чего-то неуловимого, но жизненно важного…

Снаружи к дверям подъехал большой лимузин. Никаких посетителей вроде бы быть не должно. Как им удалось миновать эсбэшника у ворот? Почему караульный не известил Пима? Черт, никаких помех! Не сейчас, когда она только-только начала открываться. Или по крайней мере открыла огонь.

И тут из боковой двери в холл вылетел Пим.

— Прошу прощения, м’лорд. Извините, что помешал, но…

— Пим! — Катриона чуть не кричала, готовая вот-вот сломаться и борясь со слезами. — Откройте эту чертову дверь и выпустите меня!

— Да, миледи! — вытянулся по стойке «смирно» Пим, прижимая ладонь к замку.

Двери распахнулись. Катриона, не глядя, ринулась на улицу и с разгону влетела в грудь изумленного кряжистого седовласого мужчины в цветастой рубашке и потрепанных черных штанах. Катриона отлетела от него, и ее руки оказались пойманы удивительной (для нее) незнакомкой. Высокая усталая женщина в помятой дорожной одежде с длинными темно-рыжими волосами, перехваченными на затылке лентой, подошла со словами:

— Что тут…

— Простите, мадемуазель, с вами все в порядке? — хриплым баритоном спросил седой

мужчина. Он проницательно посмотрел на Майлза, появившегося в дверном проеме.

— Нет! — выдохнула она. — Мне нужно… Мне нужно такси, пожалуйста.

— Катриона, нет! Подождите! — ахнул Майлз.

— Охранник у ворот с удовольствием вызовет его вам, — успокаивающе сказала рыжеволосая женщина. Графиня Корделия Форкосиган — вице-королева Зергияра, мать, — посмотрела куда более грозно на своего запыхавшегося сына. — И посадит вас в него. Майлз, почему ты мучаешь эту молодую леди? — И уже подозрительно: — Мы помешали делу или удовольствию? Имея за плечами тридцать лет общения с мамочкой, Майлз без труда расшифровал серьезное значение этой короткой выволочки. «Мы ввалились в разгар официального аудиторского расследования, которое пошло наперекосяк, или это очередная глупость твоя личная?» Одному Богу известно, что вывела из этой фразы Катриона. Одно хорошо: если Катриона больше никогда не станет с ним разговаривать, ему не придется объяснять ей специфическое бетанское чувство юмора графини Форкосиган.

— Мой официальный ужин, — соизволил пояснить Майлз, — только что дал течь.

И идет ко дну. Уцелевших нет . Спрашивать «откуда вы тут взялись» — явно излишне. Совершенно очевидно, что скачковый корабль прибыл на орбиту раньше срока, и родители оставили весь свой эскорт на борту, а сами прямиком отправились домой, чтобы поспать в собственной постели. Сколько раз он мысленно проигрывал эту жизненно важную сцену знакомства?

— Мама, отец, позвольте вам представить… она уходит!

За спиной Майлза в коридоре появились новые действующие лица, а Катриона уже добралась в темноте до самых ворот. Семейство Куделка, должно быть, догадавшись, что вечеринке пришел конец, отбывало всем скопом, но отложенный до дома разговор явно до дома не дожил. Голос Карин что-то протестующе говорил. Бас коммодора Куделки перекрыл его:

— Ты идешь домой! Ни минуты больше не останешься в этом доме!

— Я должна вернуться! Я тут работаю!

— Больше не работаешь! И ты не…

Раздался просительный голос Марка:

— Пожалуйста, коммодор, сэр! Госпожа Куделка, вы не должны винить Карин…

— Вы не сможете мне помешать! — вопила Карин.

Взгляд коммодора Куделки упал на вновь прибывших, когда вся толпа добралась до входных дверей.

— Ха! Эйрел! — рявкнул он. — Ты отдаешь себе отчет, что отмочил твой сыночек?!

Граф Форкосиган моргнул.

— Который именно? — мягко уточнил он.

Марк на мгновение просветлел, услышав столь небрежное подтверждение его личности. Даже пребывая в полном раздрае от того, что его надежды обратились в прах, Майлз все же порадовался промелькнувшему изумлению на заплывшей жиром физиономии. *Ох, братец! Именно так. Поэтому-то за этим человеком и идут люди…*

Оливия дернула мать за рукав.

— Мам, — настойчиво прошептала она. — Можно я поеду домой с Татей?

— Да, дорогая. Думаю, это неплохая идея, — рассеянно ответила Дру, явно предвидя дальнейшее развитие событий. Майлз не знал, отсекает ли она от Карин потенциальных союзников, или же уменьшает уровень возможного шума.

Рене с Татей выглядели так, будто были бы счастливы незаметно ускользнуть под прикрывающим огнем, но лорд Доно, каким-то образом увязавшийся с ними, задержался ровно для того, чтобы жизнерадостно сказать:

— Благодарю вас, лорд Форкосиган, за поистине памятный вечер!

Сердечно кивнув графу с графиней, он последовал за Форбреттенами к их машине. Н-да, операция явно не повлияла на злорадную ироничность Донны/Доно. Увы.

— Кто это? — спросил граф Форкосиган. — Что-то в нем знакомое…

Со стороны черного хода в коридоре появился Энрике, взъерошенный и рассеянный. В одной руке он нес кувшин, а в другой то, что Майлз мог назвать лишь «Вонючкой на палочке», — тростинку с клейкой, издающей приторный до отвращения запах массой на конце, которой он помахивал вдоль плинтусов.

— Сюда, жука, жука, — жалобно причитал он. — Идите к папочке, девочки мои хорошие. — Замолчав, он озабоченно заглянул под боковой столик: — Жука, жука?..

— Так… Вот это уж совершенно точно требует объяснения, — пробормотал граф, глядя на ученого с зачарованным изумлением.

У ворот хлопнула дверь такси. Пропеллеры закрутились, машина поднялась в воздух и навсегда исчезла во тьме. Майлз тихо стоял и внимал этому звуку среди царившего вокруг гвалта, пока стрекот винтов не стих вдали.

— Пим! — Графиня углядела новую жертву, и в ее голосе появились опасные нотки. — Я оставила вас присмотреть за Майлзом! Не соизволите ли объяснить, что тут происходит?

Задумчиво помолчав, Пим с подкупающей искренностью ответил:

— Нет, миледи.

— Спроси Марка, — ядовито порекомендовал Майлз. — Он все объяснит. — И, понурив голову, двинулся к лестнице.

— Ах ты крыса трусливая!.. — прошипел Марк, когда Майлз проходил мимо.

Остальные гости неуверенно толпились в коридоре.

— Майлз, ты пьян? — осторожно поинтересовался граф.

Майлз остановился на третьей ступеньке.

— Нет, сэр, — ответил он, не оборачиваясь. — Еще недостаточно. Далеко не достаточно. Пошли, Пим.

И двинулся через две ступеньки к своим апартаментам и забвению.

Глава 10

— Добрый день, Марк! — Жизнерадостный голос графини Форкосиган окончательно разбил последнюю попытку Марка подольше побыть в отключке. Замычав, он стащил с физиономии подушку и приоткрыл мутный глаз. Потом попробовал на покрытом налетом языке варианты ответа. *Графиня. Вице-королева. Мама* . Как ни странно, *мама* подошло лучше всего.

— Дбрый днь, мма.

Корделия посмотрела на него, кивнула и махнула горничной, которая немедленно поставила на прикроватную тумбочку поднос, с любопытством глядя на Марка. От этого взгляда Марку мгновенно захотелось залезть с головой под одеяло — хотя он спал почти не раздевшись.

— Благодарю, вы больше не нужны, — решительно сказала графиня.

Горничная поспешила удалиться.

Графиня Форкосиган отдернула занавески, впустив в комнату нестерпимо яркий свет, и подтащила стул.

— Чаю? — поинтересовалась она и, не дожидаясь ответа, налила чашку.

— Да, пожалуй. — Марк с трудом приподнялся и поправил подушку ровно настолько, чтобы взять чашку не пролив. Чай оказался крепким, со сливками — в точности как он любил. Тонизирующая жидкость смыла мерзкое ощущение во рту.

Графиня подозрительно покосилась на валявшиеся на столе пустые контейнеры из-под жучьего маслица. И, наверное, пересчитала их, поскольку поморщилась.

— Полагаю, что завтракать ты еще не хочешь.

— Нет, спасибо. — *Хотя чудовищная боль в желудке уже утихла. Похоже, чай помог.*

— Твой брат тоже. Майлз, видимо увлеченный своим вновь приобретенным стремлением соблюдать форские традиции, искал забвение в вине. И нашел, по словам Пима. На данный момент мы без всяких комментариев предоставили ему мучиться великолепным

похмельем.

— А! — *Счастливчик!*

— Ну, рано или поздно ему все же придется выбраться из своей комнаты. Хотя Эйрел не рассчитывает его лицезреть до вечера. — Графиня Форкосиган налила чашечку чая и себе, добавив сливок. — Леди Элис была очень разочарована, что Майлз покинул поле боя до ухода всех гостей. Она считает, что с его стороны это позорное отсутствие хороших манер.

— Это была бойня. — Одна из тех, судя по всему, которую им всем придется пережить. К сожалению. Марк сделал еще глоток. — Что произошло после… после ухода Куделок?

Майлз смылся первым. У Марка же храбрость иссякла, когда коммодор Куделка настолько вышел из себя, что обозвал мать графини «чертовой бетанской сводней», а Карин вылетела на улицу со словами, что скорее пойдет пешком до дома или вообще на другой конец континента, чем проедет хоть метр в машине с парой таких безнадежно отсталых, невежественных, закоснелых в предрассудках барраярских дикарей. Марк удрал к себе в комнату с пачкой контейнеров жучьего маслица, прихватив ложку, и заперся изнутри. Обжора с Ревой неплохо потрудились, чтобы успокоить расшатанные нервы.

«Вызванная стрессом реверсия», как наверняка обозвала бы это бетанский врач. Он и ненавидел, и восторгался тем, что не владеет своим телом и позволяет Обжоре трудиться в поте лица, дабы заблокировать куда более опасного *Другого* . Плохой признак, когда Убийца становится безымянным. Марк сумел отключиться прежде, чем Убийца вырвался на свободу. Но в самый последний момент. Теперь он чувствовал себя опустошенным, голова была затуманенной, и в ней царила тишина, как в саду после грозы.

— У нас с Эйрелом состоялся весьма содержательный разговор с четой профессоров Фортиц, — продолжила графиня. — Вот уж у кого голова прекрасно работает, так это у госпожи профессора. Жаль, что мы не были с ней до сих пор знакомы. Потом они уехали, чтобы позаботиться о племяннице, а мы с Эйрелом долго беседовали с Элис и Саймоном. — Она медленно отпила чай. — Я правильно поняла, что та темноволосая молодая женщина, что пролетела мимо нас вчера вечером, моя потенциальная сноха?

— Уже нет, я подозреваю, — грустно сообщил Марк.

— Дьявольщина! — нахмурилась графиня, глядя в чашку. — Майлз практически ничего не сообщал нам о ней в своих кратких сводках. Знай я хотя бы половину из того, что мне позже сообщила госпожа Фортиц, я бы сама перехватила ее в дверях.

— Я не виноват в том, что она сбежала, — поторопился подчеркнуть Марк. — Майлз сам вляпался по уши. — И, чуть помолчав, нехотя признал: — Хотя, как я понимаю, не без помощи Иллиана.

— Да. Саймон очень расстроился, когда Элис все ему растолковала. Он боялся, что ему сообщили о большом секрете Майлза, а он забыл. Я очень сердита на Майлза, что он так его подставил. — Глаза ее опасно блеснули.

Проблемы Майлза волновали Марка куда меньше, чем его собственные.

— А Энрике уже отыскал пропавшую королеву? — осторожно поинтересовался он.

— Пока нет. — Развернувшись на стуле, графиня весело посмотрела на него. — С доктором Боргосом мы тоже довольно долго и мило беседовали после ухода Элис с Иллианом. Он показал мне лабораторию. Работа Карин, как я понимаю. Я пообещала ему придержать приказ Майлза об уничтожении его девочек, и он заметно успокоился. Как мне кажется, его научные изыскания весьма не лишены смысла.

— Ой, да он просто гений в тех вещах, которые его интересуют. Просто интересы у него несколько… хм… ограниченные.

— Я прожила с одержимыми мужчинами большую часть своей жизни, — пожала плечами графиня. — По-моему, твой Энрике вполне вписывается в этот круг.

— Значит… ты познакомилась с моими жучками-маслячками?

— Да.

Похоже, ее это ничуть не тронуло. Бетанка как-никак. Жаль, что Майлз не унаследовал от нее побольше черт.

— А… э… граф их тоже уже видел?

— По правде говоря, да. Проснувшись утром, мы обнаружили одного, бродившего по прикроватной тумбочке.

Марк поежился:

— И что вы сделали?

— Накрыли стаканом и там оставили, чтобы потом подобрал ее папочка. Увы, Эйрел, обуваясь, не заметил жучка, изучавшего внутренности его ботинка. От этого мы потихоньку избавились — от того, что от него осталось.

После гнетущего молчания Марк с надеждой спросил:

— Это ведь была не королева, да?

— Боюсь, нам этого уже не узнать. По размеру вроде был такой же, как и первый.

— М-м-м… значит, не королева. Королева заметно крупней.

На некоторое время снова повисло молчание.

— В одном я согласна с Ку, — наконец проговорила графиня. — Я действительно несу некоторую ответственность за Карин. И за тебя. Я прекрасно знала, какие обширные возможности откроются перед вами на Колонии Бета. Включая, к счастью, и возможность узнать друг друга. — Она чуть замешкалась. — На случай, если ты сомневаешься: мы с Эйрелом будем очень рады видеть Карин Куделку в роли нашей снохи.

— Ничего другого и я не мог предположить. Или ты спрашиваешь меня, честны ли мои намерения?

— Нисколько не сомневаюсь в твоей чести, независимо от того, соответствует ли она узкой барраярской формулировке, или включает в себя нечто более широкое, — спокойно ответила графиня.

— Почему-то мне кажется, — вздохнул Марк, — что коммодор с госпожой Куделкой не готовы принять меня с такой же радостью.

— Ты — Форкосиган.

— Клон. Имитация. Дешевая джексонианская подделка.

К тому же полный псих .

— Чертовски дорогая джексонианская подделка.

— Ха! — мрачно согласился Марк.

Она покачала головой. Улыбка стала несколько печальной.

— Марк, я более чем охотно помогу вам с Карин добиться цели, невзирая ни на какие препятствия. Но ты должен мне подсказать, что это за цель.

Будь осторожней, нацеливая эту женщину . Графиня Форкосиган преодолевает препятствия с эффективностью лазерной пушки. Марк со скрытой растерянностью изучал свои пухлые ладони. В его сердце снова возродилась надежда и сопряженный с нею страх.

— Я хочу… того, что хочет Карин. Чего бы она ни хотела. На Бете мне казалось, что я знаю. Но с тех пор, как мы вернулись, все пошло как-то не так.

— Несовместимость культур?

— Не только, хотя и это тоже. — Марк пытался подобрать слова, чтобы выразить целостность натуры Карин. — По-моему, ей нужно *время* . Время стать собой, понять, кто она и что она. Чтобы ее никто не подстегивал принять ту или другую роль и отринуть все остальные ее возможности. Жена — роль довольно узкая, во всяком случае, как это понимают тут. Она говорит, что Барраяр хочет засунуть ее в клетку.

При этих словах графиня понимающе кивнула:

— Возможно, она куда мудрее, чем сама думает.

Марк поразмыслил.

— С другой стороны, вполне возможно, что я был ее тайным грехом, там, на Бете. А здесь я для нее чудовищная помеха. Может, она просто хочет, чтобы я отвалил и оставил ее в покое.

— Не похоже, судя по прошлой ночи, — выгнула бровь графиня. — Ку с Дру чуть ли не силой пришлось отрывать ее от нашей двери.

— Вот как! — Марк чуть просветлел.

— Изменились ли твои цели после года на Бете? Кроме желания, чтобы Карин отвечала тебе взаимностью, я имею в виду.

— Не то чтобы изменились, — медленно ответил Марк. — Скорее приобрели более конкретные черты. Сфокусировались. В моем лечении я добился некоторых вещей, так мне необходимых, чтобы… строить нормальную жизнь. И это навело меня на мысль, что, возможно, и остальные мои задумки не так уж невозможны.

Она поощрительно кивнула.

— Школа… Школа экономики дала мне многое. Я приобрел нужные знания и навыки. И действительно начал понимать, что я делаю, и мне нет необходимости изображать понимание, как прежде. — Он покосился на мать. — Я не забыл об Архипелаге Джексона. Я все время думал о непрямых способах прихлопнуть деятельность этих чертовых мясников, производителей клонов. У Лили Дюрон есть кое-какие соображения насчет терапевтических способов продления жизни, которые вполне способны конкурировать с джексонианской пересадкой мозга. Они безопаснее, почти столь же эффективны и куда дешевле. И это позволит переманить у баронов клиентов, экономически подорвать их мощь, пусть даже я не могу уничтожить их физически. Всю дополнительную наличность, что мне удавалось набрать, я вкладывал в группу Дюрон, в их научные исследования. Если дело пойдет хорошо, мне будет принадлежать контрольный пакет акций, — криво улыбнулся он. — И я по-прежнему хочу иметь достаточно денег, чтобы больше никто и никогда не имел надо мной власти. И я начал понимать, как этого добиться. Не в один день — постепенно, шаг за шагом. Я… хм… Я бы не возражал создать на Барраяре агропромышленное предприятие.

— И на Зергияре. Эйрел очень заинтересовался возможностью распространения твоих жучков среди колонистов и фермеров.

— Правда? — У Марка отвисла челюсть. — Даже несмотря на герб Форкосиганов у них на спинках?

— М-м-м, пожалуй, было бы разумнее сначала снять с них ливреи, а уж потом — предлагать их Эйрелу, — подавила улыбку графиня.

— Я не знал, что Энрике это затеял, — в виде оправдания сказал Марк. — Хотя жаль, что ты не видела выражение лица Майлза, когда Энрике ему их преподнес. Это почти того стоило… — Он вздохнул, вспоминая, но тут же снова отчаянно покачал головой. — Но какой во всем этом прок, если мы с Карин не сможем вернуться на Колонию Бета? У нее нет на это средств, если родители не помогут. Я могу оплатить ей дорогу, только… не уверен, что это правильно.

— А! Очень интересно, — заметила графиня. — Боишься, Карин подумает, будто ты пытаешься купить ее привязанность?

— Я… не уверен. Она очень щепетильна. Мне нужна любовница. А не должник. По-моему, было бы серьезной ошибкой невзначай… засунуть ее в другую клетку. Я хочу дать ей все. Но не знаю как!

По губам графини скользнула странная улыбка.

— Когда люди отдают друг другу все, это равноценный обмен. И каждый выигрывает.

Марк ошарашенно покачал головой:

— Очень странная сделка.

— Наилучшая. — Графиня допила чай и поставила чашку. — Так. Не хочу вторгаться в твою личную жизнь, но помни: у тебя есть право просить помощи. Отчасти для этого и существует семья.

— Я уже и так вам должен слишком много, миледи.

— Родителям долги не возвращают, Марк. Это невозможно. Твой долг перед ними переходит твоим детям, которые передают его дальше. Такая вот цепочка. Но если у тебя нет детей, то он остается как твой долг перед человечеством. Или Богом, если он у тебя есть.

— Не уверен, что это честно.

— Семейные отношения не входят в статистику ВНП планеты. Это единственный

известный мне вид сделки, в которой ты, отдавая больше, чем получаешь, не становишься банкротом. А скорее наоборот — становишься намного богаче.

Марк переварил сказанное. Интересно, а какого рода родственником ему приходится породитель-брат? Явно большим, чем просто брат, но уж точно не мать.

— Ты можешь помочь Майлзу?

— Это куда сложнее. — Графиня расправила юбку и поднялась. — Я не знала госпожу Форсуассон всю ее жизнь, как знаю Карин. И не совсем понятно, что я могу сделать для Майлза. Я бы сказала «бедный мальчик», но исходя из того, что я слышала, он сам себе вырыл яму. И боюсь, вылезать из нее ему придется тоже самостоятельно. — Она решительно кивнула, будто умоляющий о помощи Майлз уже отправлен искать решение самостоятельно. *Напиши, когда справишься* . Представление графини о материнской заботе иногда чертовски нервирует. Она удалилась, оставив Марка предаваться размышлениям.

Он сознавал, что весь склизкий, липкий. Нужно сходить в туалет и помыться. И помочь Энрике искать пропавшую королеву, пока она не устроила гнездо в какой-нибудь щели и не начала плодить новых ливрейных жучков. Вместо всего этого Марк кинулся к комму и попытался дозвониться до резиденции Куделок.

Он проиграл четыре типа беседы — в зависимости от того, кто ответит: коммодор, госпожа Куделка, Карин или одна из сестер. Сегодня утром Карин ему не позвонила. Спит, дуется или сидит взаперти? Может, родители посадили ее под замок? Или, того хуже, выгнали из дома? Стоп! Вот это было бы неплохо — она могла бы прийти жить *сюда* …

Но все заготовленные речи пропали втуне. На мониторе замелькала злорадная красная надпись «Звонок не проходит». Определяющая голос программа была настроена так, чтобы не пропускать его вызовы.

У Катрионы раскалывалась голова.

Это из-за того, что вчера слишком много выпила, решила она. Вино лилось рекой, включая шампанское, которое подавали еще в библиотеке, и разные сорта вин, подававшиеся ко всем четырем переменам за ужином. Она даже не представляла, сколько выпила на самом деле. Пим усердно наполнял ее бокал до краев, как только вино убывало больше, чем на треть. Одно очевидно: она выпила не меньше пяти бокалов. Семь? Десять? И это — при норме «два».

Удивительно еще, что она ухитрилась выбежать из душного зала, не свалившись по дороге. Но, будь она трезвой как стеклышко, хватило бы у нее храбрости (или же невоспитанности?) это сделать? *Храбрая во хмелю, да?*

Она взъерошила пальцами волосы, потерла шею, открыла глаза и подняла голову с прохладной поверхности тетиного комма. Все планы и заметки по барраярскому парку лорда Форкосигана были полностью приведены в порядок и пронумерованы. Кто угодно — любой садовник, знающий свое дело, — мог, следуя им, довести работу до конца. В приложении был подведен баланс затрат. Кредитный счет закрыт и подписан. Достаточно только нажать кнопку отправки, и это уйдет из ее жизни навсегда.

Катриона нащупала прелестную мини-модель Барраяра, раскачивающуюся на золотой цепочке рядом с коммом, и повесила перед глазами. Откинувшись на стуле, она любовалась кулоном, вспоминая все, что с ним связано. Золото и медь, надежды и опасения, триумф и боль…

Она крепко зажмурилась, вспоминая тот день, когда Майлз купил кулон во время их абсурдного и — в буквальном смысле — мокрого шоппинга в комаррском куполе. Вспомнила его лицо, искрящееся весельем от всей комичности ситуации. Вспомнила день, когда он подарил ей планетку — в больничной палате пересадочной станции, после поимки заговорщиков. Премия лорда Форкосигана за облегчение ему работы, как он сказал, сияя серыми глазами. И извинился, что это не настоящая медаль, которую получил бы любой солдат за куда меньшее, чем совершила она в ту жуткую ночь. Это не подарок. А если все же подарок, то она совершенно напрасно приняла его, потому что он слишком дорогой. Хотя

Майлз тогда улыбался, как идиот, наблюдавшая за ними тетя Фортиц и глазом не моргнула. Следовательно, это награда. И Катриона сама ее заработала, заплатила за нее синяками, ужасом и паническими действиями.

Это мое. И я его не отдам . Нахмурившись, она снова повесила цепочку на шею и убрала кулон под черную блузку, стараясь не чувствовать себя провинившимся ребенком, который прячет украденное пирожное.

Жгучее желание вернуться в особняк Форкосиганов и вырвать саженец скеллитума, с такой гордостью и осторожностью посаженный лишь пару часов назад, перегорело вскоре после полуночи. Помимо всего прочего, она наверняка вляпалась бы в охранную систему, если бы отправилась бродить в темноте по саду. И Пим или Роик выстрелили бы в нее из парализатора, а потом очень бы переживали, бедняжки. А потом притащили бы ее обратно в дом, где… Весь ее гнев, выпитое вино и разыгравшееся воображение в конечном итоге выплеснулись морем слез, выплаканных в подушку, когда все в доме давно утихло и никто не мог ее потревожить.

А к чему, собственно, беспокоиться? Майлзу на скеллитум наплевать. Он даже не потрудился сходить посмотреть на него вчера вечером. Она пятнадцать лет в том или ином виде таскала с собой смешное растение — с того момента, как унаследовала бонсаи от двоюродной прабабушки. Деревце пережило смерть, супружество, десяток переездов, межзвездное путешествие, его вышвырнули с балкона и разбили, еще одну смерть, еще пять прыжков через п-в-туннели, и две подряд пересадки из одной почвы в другую. Должно быть, оно устало не меньше нее самой. Пусть сидит там и гниет, или сохнет и отправляется на компост, или что там еще с ним будет без должного ухода. Во всяком случае, для окончательного умирания она приволокла его обратно на Барраяр. Хватит. Она с ним покончила. Навсегда.

Катриона снова вызвала на дисплей инструкции по парку и добавила приложение о довольно-таки сложном уходе за свежепересаженным скеллитумом.

— Мама! — Пронзительный вопль Никки заставил ее подскочить.

— Не… Не верещи так, малыш. — Повернувшись вместе со стулом, Катриона печально улыбнулась сынишке. Мысленно она порадовалась, что не взяла его вчера с собой и он не видел скандала, хотя легко могла представить, с каким энтузиазмом Никки присоединился бы к эскобарцу в его поисках. Ну, будь там Никки, она не смогла бы сбежать и оставить его там. Не тащить же мальчишку за собой, оторвав от десерта. Он наверняка очень громко бы протестовал. Материнский долг привязал бы ее к стулу, и ей бы пришлось терпеть отвратительную светскую пытку.

Никки подлетел к матери и спросил, подпрыгивая от нетерпения:

— Ты вчера договорилась с лордом Форкосиганом, когда он возьмет меня в Форкосиган-Сюрло и научит ездить верхом? Ты сказала, что договоришься!

Катриона несколько раз брала Никки на работу, когда ни тетя, ни дядя не могли присмотреть за ним. Лорд Форкосиган великодушно позволил мальчику носиться по всему особняку, и она даже пригласила Артура, младшего сына Пима, в качестве компаньона для игр. Матушка Кости мгновенно завоевала желудок, сердце и рабскую преданность Никки. Оруженосец Роик играл с ним, а Карин Куделка позволила помогать в лаборатории. Катриона почти забыла об этом небрежном приглашении, сделанном как-то лордом Форкосиганом, когда он привел ей Никки обратно в конце рабочего дня. Тогда она что-то неопределенно промычала. Майлз заверил ее, что лошадь, о которой идет речь, очень старая и добрая, хотя вовсе не эти сомнения обуревали тогда Катриону.

— Я… — Она потерла виски, пытаясь унять пульсирующую боль. Великодушие?.. Или очередная скрытая манипуляция, выплывшая теперь наружу? — Мне кажется, нам не следует так обременять лорда Форкосигана. До округа путь неблизкий. Если тебя действительно интересуют лошади, мы непременно найдем что-нибудь поближе к Форбарр-Султану.

Никки разочарованно скривился.

— Не знаю насчет лошадей. Но он сказал, что, может быть, по дороге даст мне порулить его флайером.

— Никки, ты слишком мал, чтобы вести флайер!

— Лорд Форкосиган сказал, что *его* отец дал ему порулить флайером, когда он был моложе меня. Говорит, его па сказал, что он должен научиться на всякий случай обращаться с управлением. Он сказал, что па посадил его себе на колени и позволил самому вести флайер, а потом — посадить, и вообще…

— Ты уже слишком большой, чтобы сидеть на коленях лорда Форкосигана! — Как и она сама, надо полагать. Но если бы они… *Прекрати!*

— Ну… — Никки немного подумал и признал: — Во всяком случае, он слишком маленький. Это выглядело бы смешно. Но водительское кресло его флайера — как раз то что надо! Пим разрешил мне посидеть там, когда я помогал ему мыть машины. — Никки радостно подпрыгнул. — А ты можешь спросить лорда Форкосигана, когда будешь на работе?

— Нет, не думаю.

— Почему? — Никки насупился. — И почему ты сегодня не пошла?

— Я… что-то неважно себя чувствую.

— Ага. Тогда завтра? Ну, мам, ну пожалуйста! — Он, улыбаясь, повис у нее на руке, раскачиваясь и глядя круглыми глазенками.

Катриона потерла лоб.

— Нет, Никки. Вряд ли.

— Ну почему-у?! Ты же обещала! Ну ладно тебе, это же так здорово! Ты можешь не ехать, если не хочешь, а? Ну почему, почему, почему? Завтра, завтра, завтра?

— Завтра я тоже не пойду на работу.

— Ты так сильно больна? Не похоже. — Сын с тревогой посмотрел на нее.

— Нет, — поспешила успокоить его Катриона. В этом году он уже потерял одного из родителей, так что нечего ребенку выдумывать всякие медицинские ужасы. — Просто… Я больше не вернусь в особняк Форкосиганов. Я уволилась.

— А? — Теперь в глазах Никки было лишь одно удивление. — Почему? Я думал, тебе нравится…

— Так и есть.

— Тогда почему ты уволилась?

— Мы с лордом Форкосиганом… разошлись во мнениях по… по одному этическому вопросу.

— Что? Какому вопросу? — В голоске сына прозвучало недоумение и недоверие.

— Я выяснила, что он… солгал мне кое в чем. — *А обещал, что никогда не будет мне лгать* . Притворился, что его интересует создание садов. Исподтишка распорядился ее жизнью — а потом рассказал всем и каждому в Форбарр-Султане. Притворялся, что не любит ее. Даже пообещал никогда не просить ее руки. Он солгал! Попытайтесь-ка объяснить все это девятилетнему мальчишке! Или другому нормальному человеческому существу любого возраста и пола, кисло добавил внутренний голос. *Я что, уже совсем спятила?* Как бы то ни было, Майлз действительно не говорил, что не влюблен в нее, он просто… всячески это показывал. Вообще избегал особо распространяться на эту тему, по правде говоря. Увиливание путем уклонения.

— Ой! — вытаращил глаза Никки, обескураженный вконец.

Тут со стороны дверей раздался благословенный голос тети Фортиц:

— Ну-ка, Никки, прекрати дергать мать. У нее очень тяжелое похмелье.

— Похмелье? — Слова «похмелье» и «мать» явно не вязались друг с другом. — Она сказала, что больна.

— Подожди, зайка, подрастешь — сам выяснишь разницу. Или отсутствие таковой. А теперь беги. — Бабушка, улыбаясь, решительно подтолкнула его: — Давай-давай! Сбегай посмотри, чем там внизу занимается дедушка. Я не так давно слышала какие-то странные

звуки.

Никки позволил выставить себя, беспокойно оглянувшись в дверях.

Катриона опустила голову на комм и закрыла глаза.

Раздавшийся возле уха тихий звон заставил ее разлепить веки. Тетя поставила на стол большой стакан холодной воды и положила рядом две таблетки.

— Я уже приняла несколько штук, — уныло призналась Катриона.

— Похоже, их действие закончилось. А теперь — будь добра, выпей всю воду. Тебя явно необходимо компенсировать потерю жидкости.

Катриона послушалась. Поставив стакан, она закрыла глаза и некоторое время так посидела.

— Это действительно были граф и графиня Форкосиган, да? — Это был не вопрос, а скорее мольба об обратном. Катриона вчера чуть не сбила их с ног, выбегая из особняка, и лишь на полпути домой запоздало сообразила, кто это был. Великие и знаменитые вице-король и вице-королева Зергияра. Ну почему они в такой момент выглядели как самые обычные люди? *Ой-ой-ой!*

— Да. Мне еще не доводилось прежде с ними встречаться и разговаривать.

— А вы… долго с ними беседовали вчера? — Дядя с тетей вернулись домой почти через час после нее.

— Да, мы довольно мило поболтали. Я была поражена. Мать Майлза — очень чуткая женщина.

— Почему же тогда ее сын такой… не важно. — *Ой!* — Должно быть, они сочли меня истеричкой. И как я только осмелилась вот так вот встать и уйти в разгар официального ужина на глазах у всех этих… И леди Элис Форпатрил… да еще в особняке Форкосиганов. Поверить не могу, что сделала это. — Мрачно помолчав, она добавила: — Поверить не могу, что *он* это сделал.

Тетя Фортиц не стала спрашивать «что?» или «который из них?». Поджав губы, она насмешливо посмотрела на племянницу:

— Ну, полагаю, у тебя не было особого выбора.

— Да уж…

— В конце концов, если бы ты не ушла, тебе пришлось бы отвечать на вопрос лорда Форкосигана.

— А я… не?.. — моргнула Катриона. Разве ее действия не ответ? — При *таких* обстоятельствах? Вы в своем уме?

— Он понял, что это ошибка, в тот самый момент, как слова сорвались с его языка. Нетрудно было догадаться по его виду. Его лицо… оно просто помертвело. Поразительно, но я никак не могу избавиться от мысли, дорогая… Если ты хотела сказать «нет», то почему не сказала? У тебя была отличная возможность.

— Я… я… — Катриона пыталась собраться с мыслями, которые, похоже, скакали, как блохи. — Это было бы… невежливо.

После многозначительной паузы тетя пробормотала:

— Ты могла бы сказать: «Благодарю вас, нет». Катриона потерла занемевшее лицо.

— Тетя Фортиц, — вздохнула она, — я очень вас люблю. Только, пожалуйста, уйдите, а?

Улыбнувшись, тетя чмокнула ее в макушку и удалилась.

Катриона вернулась к своим дважды прерванным мрачным раздумьям. Она понимала, что тетя права. Она не ответила на вопрос Майлза. И даже не заметила этого.

Она узнала характерную головную боль и завязанный в узел желудок. Вино тут ни при чем. Ее споры с покойным Тьеном никогда не завершались физическим насилием, хотя пару раз стены пострадали от его кулаков. Нет, чаще всего ссоры выливались в череду наполненных тихой ледяной яростью дней, невыносимое напряжение и раскаяние двух людей, замкнутых в слишком тесном пространстве. Катриона почти всегда сдавалась первой — отступала, просила прощения, умоляла, делала все, лишь бы успокоить боль. Возможно,

это и называется «душа болит»?

Я больше не хочу. Пожалуйста, не надо, не вынуждайте меня снова это испытывать.

А где вообще мое место? Где мне покойно? Нет, только не здесь, где на нее давит благотворительность дяди с тетей. И уж безусловно, не с Тьеном. И не с отцом. С… Майлзом? Да, в его обществе ей бывало спокойно — не часто, но спокойно, как на морской глубине. А иногда ей очень хотелось огреть его кирпичом. Так какой же Майлз — настоящий Майлз? И какая настоящая Катриона, если уж на то пошло?

Ответ напрашивался сам собой и пугал до полусмерти. Но она уже сделала один раз неправильный выбор. Она ничего не понимает во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, она уже это блистательно доказала.

Катриона снова повернулась к комму. Записка. Сопроводительная записка к планам парка.

А по-моему, они говорят сами за себя, разве нет?

Она нажала кнопку «отправить» и отправилась наверх, чтобы задернуть занавески и прямо в одежде завалиться в постель до самого ужина.

* * *

Майлз вполз в библиотеку, сжимая в трясущихся пальцах чашку слабого чая. Сегодня вечером свет здесь был слишком ярким. Может, стоило поискать убежище где-нибудь в углу гаража? Или в подвале. Только не в *винном* подвале — от одной этой мысли его передернуло. Одно ясно — валяться в кровати, закрывшись с головой одеялом, надоело до смерти. Дня напролет вполне достаточно.

Он резко остановился, пролив теплый чай себе на руку. За защищенным коммом сидел отец, а мать устроилась за столом, на котором лежали несколько книг и куча распечаток. Оба посмотрели на него и улыбнулись. Было бы чересчур грубо развернуться и броситься бежать.

— Добрый вечер, — выдавил он, прополз мимо родителей к любимому стулу и осторожно опустился на сиденье.

— Добрый вечер, Майлз, — ответила мать.

Отец перевел комм в режим ожидания и с любопытством посмотрел на него.

— Как прошел полет с Зергияра? — продолжил Майлз, помолчав примерно минуту.

— Без всяких хлопот, вполне удачно, — ответила мать. — Если не считать конца путешествия.

— А… это… — промямлил Майлз, мрачно глядя в чашку.

Родители по доброте душевной игнорировали его несколько минут, но то, над чем каждый из них работал, явно перестало их интересовать. Однако никто не ушел.

— Тебя не было за завтраком, — сказала наконец графиня. — И за обедом. И за ужином.

— Утром я еще был маловменяем, — буркнул Майлз. — И вряд ли являлся приятным собеседником.

— Пим так и сообщил, — кивнул граф.

— Надеюсь, ты с этим покончил? — строго добавила графиня.

— Угу. Все равно не помогает. — Майлз сгорбился еще сильнее и вытянул ноги. — Разбитая жизнь со рвотой — так и есть разбитая жизнь.

— М-м-м… Зато это помогает стать отшельником, — рассудительно заметил граф. — Если ты достаточно отвратителен, люди инстинктивно тебя избегают.

— Из собственного опыта, милый? — поддела его жена.

— Естественно, — ухмыльнулся он.

Снова повисло молчание. Родители уходить не собирались, из чего Майлз сделал вывод, что он явно недостаточно отвратителен. Может, стоит рыгнуть?

Он решился нарушить молчание:

— Мама… ты ведь женщина…

Графиня выпрямилась и улыбнулась поощрительной бетанской улыбкой:

— Да?..

— Не важно, — вздохнул он и снова поник.

Граф, потеребив губу, задумчиво поглядел на сына.

— Тебе есть чем заняться? Какие-нибудь преступления, требующие Имперского Аудита, или еще что-нибудь?

— В данный момент нет, — ответил Майлз. И, чуть подумав, добавил: — К счастью.

— Хм. — Граф подавил улыбку. — Может, ты и прав. — Помедлив, он продолжил: — Твоя тетя Элис дала нам полный отчет об официальном ужине. С комментариями. И очень настаивала на том, чтобы я непременно передал тебе, что она *надеется* , — отец весьма похоже изобразил интонацию тетки, — что ты не сбежал бы во время других своих неудачных сражений, как дезертировал вчера.

Ах да. Окончательную зачистку территории проводили родители.

— Но ведь в обеденном зале не было шансов оказаться застреленным, останься я в арьергарде.

— И таким образом избежать военного трибунала? — поднял бровь отец.

— Так всех нас в трусов превращает совесть, — провозгласил Майлз.

— Я, как ты понимаешь, в достаточной мере на твоей стороне, — сказала графиня, — чтобы меня обеспокоил вид убегающей с воплями в ночь красивой женщины, которую ты попросил стать твоей женой. Хотя твоя тетя Элис и сообщила, что ты практически не оставил молодой леди выбора. Трудно сказать, что еще она могла сделать, кроме как удалиться. Разве что раздавить тебя, как жука.

При слове «жук» Майлз скривился.

— Насколько… — начала графиня.

— Я ее оскорбил? Похоже, довольно сильно.

— Вообще-то я хотела спросить, насколько скверным был предыдущий брак госпожи Форсуассон?

— Я мало что видел, — пожал плечами Майлз. — По некоторым ее высказываниям я понял, что покойный, не оплаканный никем Тьен был из тех скрытых паразитов, которые вынуждают своих близких чесать в затылке, задаваясь вопросом, «может, это я спятил?».

Выйди Катриона замуж за *него* , у нее бы таких сомнений не возникало. Ха.

— А-а! — понимающе протянула мать. — Из этих. Да, такой типаж мне давно известен. Сначала они предстают эдакими образцами мужчин, а потом могут уйти годы, чтобы выпутаться из психического бедлама, который они оставляют после себя.

— У меня этих годов нет, — возразил Майлз. — И никогда не было.

И мгновенно заткнулся, увидев боль, промелькнувшую в глазах отца. Ладно, кто знает, что можно ждать от второй жизни. Может, она после оживления началась с самого начала. Майлз снова поник.

— Самое поганое, я знал, что этого делать никак нельзя. Я слишком много выпил, запаниковал, когда Саймон… Я никогда не хотел вот так поймать Катриону в ловушку. Это был *дружеский* огонь…

Чуть помолчав, он продолжил:

— Понимаете, у меня был роскошный план. Я думал все решить одним блестящим маневром. Катриона действительно любит разрабатывать сады, и муж оставил ее практически без средств. И я подумал, что смогу помочь ей заняться тем, о чем она мечтала, заодно исподволь оказывать финансовую поддержку, получить повод видеть ее практически ежедневно и иметь преимущество перед соперниками. Когда я приходил к ней в дом Фортицев, мне буквально приходилось проталкиваться среди вьющихся вокруг нее поклонников…

— Чтобы тоже виться вокруг нее, как я понимаю? — сладко вопросила графиня.

— Нет! — вскинулся Майлз. — Чтобы обсудить планы парка, который я нанял ее посадить рядом с особняком.

— Так вот что это за кратер! — воскликнул отец. — В темноте из лимузина он выглядит так, будто кто-то пытался бомбить особняк Форкосиганов и промахнулся. Я еще недоумевал, почему нам об этом не доложили.

— Это не кратер. Это опущенный парк. Просто… просто там еще нет растений.

— Там очень мило, Майлз, — ласково сказала мать. — Я днем прогулялась там. Ручеек и вправду очень красив. Напомнил мне горы.

— В этом-то и состоял замысел, — кивнул Майлз, проигнорировав отцовское бормотание: «…после бомбежки цетагандийцами партизанских позиций…»

Тут Майлз в ужасе резко выпрямился. *Не совсем нет растений* .

— О Господи! Я так и не сходил посмотреть на ее скеллитум! Пришли лорд Доно с Айвеном — леди Элис рассказала вам о лорде Доно? — и я отвлекся, а потом начался ужин, а потом мне уже не представилось возможности. Кто-нибудь полил?.. Ах ты черт! Неудивительно, что она разозлилась. Я дважды покойник!..

Он буквально растекся в лужицу.

— Итак, позволь мне подвести итог, — медленно проговорила графиня, бесстрастно взирая на сына. — Ты выбрал эту разорившуюся вдову, отчаянно пытающуюся впервые в жизни самостоятельно встать на ноги, и повесил перед ней приманку в виде блестящей карьеры лишь для того, чтобы привязать ее к себе и отсечь от других возможных вариантов замужества.

Поданная в таком виде картинка получалась весьма неприглядной.

— Не… не только, — задохнулся Майлз. — Я просто хотел подтолкнуть ее в нужном направлении. Я и не догадывался даже, что… что этот парк для нее все.

Графиня выпрямилась и посмотрела на него с тем самым пугающим задумчивым выражением, которое появлялось у нее, когда кто-то имел глупость ее заинтересовать.

— Майлз… Ты помнишь тот несчастный инцидент с оруженосцем Эстергази и игрой в кросс-болл? Когда тебе было примерно лет двенадцать?

Майлз не вспоминал об этом годами, но после ее слов воспоминания вернулись — а вместе с ними вернулись стыд и ярость. Оруженосец частенько играл с ним, а иногда с Элен и Айвеном, в кросс-болл на заднем дворе особняка Форкосиганов: не слишком опасная игра, практически безопасная для его хрупких костей, но требующая быстрых рефлексов и хорошего умения рассчитывать время. Он тогда был счастлив, впервые выиграв у взрослого — оруженосца Эстергази. И пришел в бешенство, когда, услышав не предназначенное для его ушей замечание, понял, что исход игры был подстроен. Этот эпизод он с годами забыл. Но не простил.

— Бедняга Эстергази думал, что таким образом поднимет тебе настроение, поскольку ты тогда пребывал в депрессии из-за каких-то неприятностей в школе, — продолжила графиня. — Я до сих пор помню, в каком бешенстве ты был, когда выяснил, что он специально дал тебе выиграть. Мы даже боялись, как бы ты чего-нибудь с собой не сотворил.

— Он украл у меня победу, — признал Майлз, — в точности как если бы сжульничал, чтобы выиграть. И отравил все дальнейшие победы сомнением. Я имел полное право взбеситься.

Мать выжидающе молчала.

И тут до него дошло. Он аж зажмурился.

— Ох не-ет! — приглушенно простонал Майлз в подушку, которую прижал к лицу. — *Я* сделал с ней *это?!*

Безжалостные родители предоставили ему переваривать свое озарение, и их молчание било куда сильнее, чем слова.

— Я сделал это с ней! — жалко стонал он.

Похоже, сочувствия не предвиделось. Он прижал подушку к груди.

— О Господи! Именно это я и сделал! Она сама сказала! Сказала, что парк мог бы быть ее подарком. А я лишил ее этой возможности. Тоже. Что совершенно не имело смысла,

поскольку она сама только что уволилась… Я думал, она начала со мной спорить. И был так рад, потому что подумал, если она начнет со мной спорить…

— То ты сможешь победить, — сухо закончил граф.

— Э… ага.

— Ох, сынок, — покачал головой граф. — Ох, бедный мой сынок! — Майлз мудро не принял это за сочувствие. — Единственный способ победить в *такой* войне, это начать с безоговорочной капитуляции.

— Заметь, это относится к вам обоим, — вставила графиня.

— Я пытался сдаться! — жарко запротестовал Майлз. — Но эта женщина пленных не берет! Я пытался заставить ее топтать меня, а она не стала. Она слишком горда, слишком чопорна, слишком, слишком…

— …умна, чтобы опускаться до твоего уровня? — дополнила графиня. — Ну надо же! Кажется, эта Катриона начинает мне нравиться. А меня с ней еще даже толком не познакомили. «Позвольте представить вам… она уходит!» — кажется несколько… усеченным.

Майлз сердито уставился на мать. Но долго не выдержал.

Жалким тоном он сообщил:

— Она прислала мне сегодня по комму все разработанные ею планы парка. Как и обещала. Я установил комм на звуковой сигнал, если от нее что-то придет. И чуть не угробился, когда кинулся к чертовой машинке. А там оказался лишь пакет данных. Даже записки не было. «Сдохни, крыса», было бы куда лучше, чем это… это ничего. — После затравленной паузы его прорвало: — И что мне теперь делать?!

— Это риторический вопрос для пущего драматического эффекта — или ты действительно просишь совета? — ядовито уточнила мать. — Потому что я не намерена впустую сотрясать воздух, если ты не начнешь наконец слушать внимательно.

Майлз открыл рот для гневной реплики — и тут же закрыл. И глянул на отца в поисках поддержки. Но отец лишь указал рукой на мать. Интересно, как это — быть с кем-то настолько единодушным, чтобы понимать чуть ли не телепатически.

У меня никогда не будет шанса это узнать. Если только …

— Я весь внимание, — униженно сказал он.

— Самое… Самая мягкая формулировка, которая приходит мне в голову, это «грубая ошибка», причем с твоей стороны. Ты должен извиниться. Сделай это.

— Но как?! Она совершенно ясно дала понять, что не желает со мной разговаривать!

— Да не лично, Майлз! Помимо прочих соображений, я сильно сомневаюсь, что ты сможешь удержаться от словесного поноса и не угробишь все по-новой.

Да что это со всеми моими родственниками, что они так мало верят в…

— Даже разговор по комму — слишком напористое действие, — продолжила графиня. — А уж личный визит — и того больше.

— С его подходом — безусловно, — пробормотал граф. — Генерал Ромео Форкосиган, ударный отряд из одного человека.

Графиня уничтожающе повела бровью.

— Нужно что-то, больше поддающееся контролю, — продолжила она, обращаясь к Майлзу. — Полагаю, тебе ничего не остается, кроме как написать ей письмо. Короткое и емкое. Я отлично знаю, что унижаться ты не привык, но придется постараться.

— Думаешь, сработает? — В глубине глубокого-глубокого колодца забрезжил огонек надежды.

— Речь не о том, сработает это или нет. Ты не должен впредь замышлять что бы то ни было насчет этой несчастной женщины. Ты извинишься, потому что обязан извиниться, ради ее и твоей чести. Точка. Иначе можешь даже не утруждаться.

— О! — Голос Майлза был совсем жалким.

— Кросс-болл, — напомнил отец. — Хм.

— Нож попал в цель, — вздохнул Майлз. — Вонзился по самую рукоятку. Не стоит его

проворачивать. — Он покосился на мать. — Письмо должно быть написанным от руки? Или послать его по комму?

— Ты только что сам ответил на свой вопрос. Если твой отвратительный почерк в последнее время улучшился, то, возможно, это будет милым штрихом.

— И докажет, что ты не диктовал письмо своему секретарю, — добавил граф. — Или, хуже того, он не составил его по твоему приказу.

— Секретарем пока не обзавелся, — вздохнул Майлз. — Грегор недостаточно меня загружает, чтобы оправдать наличие секретаря.

— Поскольку работа Аудитора связана со всякими крупными неприятностями в Империи, никак не могу пожелать тебе большей загруженности, — хмыкнул граф. — Но нисколько не сомневаюсь, что после свадьбы твоя работа оживится. Хотя… будет на один кризис меньше благодаря твоей отличной работе на Комарре.

Майлз поднял глаза, и отец понимающе кивнул ему. Да, вице-король Зергияра с королевой определенно входили в список посвященных о последних событиях. Без сомнения, Грегор отправил доклад Майлза, имеющий гриф «совершенно секретно», вице-королю для оценки.

— Ну… да. Если бы заговорщики выдержали изначальный график, в тот день погибли бы несколько тысяч ни в чем не повинных людей. Думаю, это крепко испортило бы свадебные торжества.

— Значит, ты заслужил небольшую передышку.

— А что заслужила госпожа Форсуассон? Ее тетя передала нам впечатление очевидца, рассказав об их участии в этом деле. Довольно пугающий опыт, на мой взгляд.

— Она должна была удостоиться благодарности от имени Империи, — сокрушенно сказал Майлз. — А вместо этого все засекретили, закопали как можно глубже. Никто ничего никогда не узнает. О ее храбрости, хладнокровии, умных действиях, обо всем ее героизме, черт подери… Все это просто… закопали. Это нечестно!

— В кризисной ситуации каждый делает то, что должен, — заметила графиня.

— Нет, — посмотрел на нее Майлз. — Не каждый. Большинство ломается. Я таких повидал. И знаю разницу. Катриона… она никогда не сломается. Она всегда пройдет дистанцию, всегда найдет силы. Она… она справится.

— Не считая того, что мы говорим о женщине, а не о лошади, — сказала графиня *(черт побери, Марк сказал почти то же самое! Да что такое творится со всеми моими родными и близкими?!).* — У всех есть свой предел, Майлз. У всех есть смертельно уязвимые точки. Просто у некоторых эта точка находится в нестандартном месте.

Граф с графиней снова обменялись одним из своих Телепатических Взглядов. Это чудовищно раздражало — Майлз чуть не взвыл от зависти.

Облачившись в жалкие остатки достоинства, он встал:

— Прошу меня простить. Мне нужно идти… полить растение.

Добрых полчаса он бродил в темноте по пустому парку с фонариком в одной руке и чашкой воды в другой, прежде чем ему удалось хотя бы отыскать проклятущее деревце. Скеллитум и в горшке выглядел довольно-таки жалко, а здесь казался совсем одиноким и потерянным. Росток жизни размером с палец на пустынном акре земли. К тому же тревожно хилый. Он что, вянет? Майлз вылил на скеллитум воду. На красноватой почве возникло темное пятно, мгновенно начавшее впитываться и испаряться.

Майлз попытался представить себе дерево, когда оно вырастет, — пяти метров высотой, со стволом объема и формы борца сумо, с похожими на щупальца ветвями, изгибающимися к небу. Затем попробовал представить себя сорока пяти — пятидесятилетним: возраст, до которого надо дожить, чтобы увидеть скеллитум выросшим. Будет ли он ворчливым холостяком-отшельником, эксцентричным, сморщенным — калекой, за которым будут ухаживать лишь озверевшие оруженосцы? Или гордым, хоть и замотанным отцом семейства, идущим по жизни рука об руку с элегантной, спокойной темноволосой женщиной и полудюжиной гиперактивных ребятишек? Может… может быть,

гиперактивность можно погасить на генетическом уровне? Нет, родители наверняка обвинят его в жульничестве…

Это унизительно .

Он вернулся в свой кабинет, уселся за стол и после дюжины попыток состряпал лучшее извинение всех времен и народов.

Глава 11

Карин перегнулась через перила крыльца и посмотрела наверх. Тишина. Окна лорда Аудитора Фортица плотно зашторены.

— Может, они все ушли?

— Я же говорила, надо сначала позвонить, — проворчала Марсия. Наконец изнутри послышались шаги — легкие, быстрые. Распахнулась дверь.

— Ой, привет, Карин! Привет, Марсия! — заулыбался Никки.

— Привет, Никки, — улыбнулась в ответ Марсия. — Мама дома?

— Ага. Вы к ней?

— Да — если можно… Если она не занята…

— Да нет, не занята, в саду возится. Заходите. — Никки махнул рукой в сторону коридора и умчался на второй этаж.

Карин помедлила, пытаясь побороть неловкость, и повела сестру по коридору во внутренний двор. Катриона пропалывала цветы. Сорняки лежали на дорожке рядком, как расстрелянные пленники, и увядали в лучах предвечернего солнца. Очередной зеленый трупик шлепнулся в конец шеренги. Похоже, прополка служила для Катрионы своего рода терапией.

Заслышав шаги, она оглянулась. На лице мелькнуло подобие улыбки. Катриона бросила тяпку и распрямилась.

— О, привет!

— Привет, Катриона. — Карин замялась и решила для начала поговорить о чем-то нейтральном. — Красиво! — Она с любопытством оглядела садик.

Увитые виноградом стены, деревья — крошечное зеленое убежище в центре города.

Катриона кивнула:

— Это мой давний проект. Я тогда еще была студенткой, жила здесь. Тетя Фортиц сохранила почти все. Сейчас я бы кое-что изменила. Ладно… Может, присядем? — Она указала на изящный столик, окруженный стульями.

Марсия мгновенно воспользовалась приглашением, села и с деланным вздохом оперлась подбородком на руку.

— Чаю?

— Нет, спасибо, — покачала головой Карин, опускаясь на стул. В этом доме слуг нет, а значит, Катрионе придется отправляться на кухню и самой обслуживать гостей. А сестрам пришлось бы гадать, чьим же правилам следовать: простолюдинов — пойти всем вместе ей помочь, — или обнищавших высших форов — сидеть, ждать и притворяться, будто они не заметили отсутствие прислуги. К тому же они только что поели, и обед, который Карин едва поклевала, камнем лежал у нее в желудке.

Карин подождала, пока сядет хозяйка, и спросила:

— Я зашла… ну, мне хотелось узнать, нет ли у тебя новостей из… из особняка Форкосиганов.

Катриона резко напряглась:

— Нет. А с чего бы они должны быть?

— Ой! — *Как это? Неужто маньяк Майлз до сих пор до нее не добрался?* Карин полагала, что он явится сюда уже на следующее утро и будет оправдываться, как ненормальный. Не то чтобы Майлз был столь уж неотразим — нет, Карин вовсе так не считала, хотя он не больно-то обращал на нее внимание, — но напористости ему,

безусловно, не занимать. Чем же он, черт побери, все это время занимается? — Я думала… — начала Карин, — надеялась… Понимаешь, я жутко беспокоюсь за Марка! Прошло уже почти два дня. И я надеялась, может, ты… что-нибудь знаешь.

Катриона смягчилась:

— Ах, Марк… Ну конечно… Мне очень жаль — но нет.

Всем наплевать на Марка. Никто не видит, насколько хрупка и неустойчива его вновь обретенная личность. Ему это стоило таких трудов, а они все предъявляют к нему дикие требования, давят, будто он Майлз, и полагают, что он не сломается…

— Родители запретили мне звонить в особняк Форкосиганов и ходить туда, — объяснила Карин. — Потребовали, чтобы я дала им слово, иначе бы вообще не выпустили меня из дома. А потом еще подсунули мне *шпика* . — Она кивком указала на Марсию.

— Не шпика, а телохранителя! — возмутилась Марсия. — К тому же меня никто и не спрашивал!

— Мама с па — в особенности па — повели себя в лучших традициях Периода Изоляции. Взбеситься можно! То постоянно твердят, что тебе пора повзрослеть, а когда ты наконец взрослеешь, тут же пытаются тебя остановить. И зажать. Просто спят и видят, как бы навечно заморозить меня в двенадцатилетнем возрасте. Или засунуть обратно в маточный репликатор и закрыть крышку. — Карин закусила губу: — Только я туда уже не влезу, спасибо!

— Ну, — Катриона даже слегка развеселилась, — по крайней мере там тебе ничего не грозит. Так что твоих родителей вполне можно понять.

— Ты сама во всем виновата, — заметила Марсия. — Не взбесись ты так, предки не повели бы себя так сурово.

Карин оскорбленно промолчала.

— В такой ситуации, как правило, обе стороны ведут себя не слишком верно, — примирительно сказала Катриона. — Самый лучший способ заставить кого-то вести себя как ребенок — это обращаться с ним, как с ребенком. Мне потребовалось довольно много времени, чтобы это понять и научиться не попадать в ловушку.

— Вот именно! — обрадовалась Карин. — И как же тебе это удалось?

— На самом деле ты не можешь заставить их — кто бы «они» ни были — воспринимать тебя иначе, — медленно проговорила Катриона. — Можно потратить годы, пытаясь заставить кого-то относиться к тебе как к взрослому… Если постараешься, если будешь хорошим. Нет. Все не так. Ты должна просто… взять это сама. Заявить: «Мне очень жаль, что вы так это воспринимаете», повернуться и уйти. Но это нелегко. — Катриона посмотрела ей в глаза и внезапно улыбнулась. Карин вздрогнула. В Катрионе пугала не только сдержанность. В ней таились такие глубины, что Карин готова была поспорить: даже Майлзу не удастся вертеть ею, как он захочет.

А насколько тяжело развернуться и уйти?

— Похоже, они уже близки к тому, чтобы заставить меня выбирать между моей семьей и моим любовником. Меня это и пугает, и бесит. Почему я не могу иметь и то, и другое? Это что, слишком много — или как? А Марк? У него же чувство вины разовьется непомерное! — Она раздраженно хлопнула ладонями по столу. — А все эти чертовы деньги! Будь я на самом деле взрослой, у меня бы был собственный доход. И я могла бы уйти, и они знали бы, что я это могу, и не мучили бы меня! А так они думают, что поймали меня в ловушку.

— Ах, в эту! — кивнула Катриона. — Да. Такая ловушка очень действенна.

— Мама обвинила меня в неумении думать вперед, но это не так! Проект с жучками-маслячками — это все равно что снова оказаться в школе, подвергнуться временным лишениям с реальной перспективой последующего выигрыша! Я тщательно проштудировала расчеты Марка и Циписа. Это не схема быстрого обогащения — это схема обогащения *крупного!* Мама с отцом даже не представляют, насколько крупного. Они считают, что я попусту трачу время, болтаясь с Марком, но я работала, как проклятая, и знала зачем. Мой месячный заработок — акции предприятия, которое в подвале особняка Форкосиганов, а я не

знаю вообще, что там сейчас происходит! — Она вцепилась побелевшими пальцами в край стола.

— От доктора Боргоса у тебя, видимо, тоже никаких известий нет? — осторожно поинтересовалась Марсия у Катрионы.

— Э… нет.

— Мне его почти даже жаль. Он так старался! Надеюсь, Майлз все же не приказал уничтожить всех его жучков?

— Майлз и не грозил уничтожить всех! — возразила Карин. — Только тех, что сбежали. И вообще, если мне чего и жаль, так это — что Майлз его не удавил! И что ты, Катриона, заставила его остановиться.

— Я?! — Катриона недоуменно улыбнулась.

— Это потому, что он всем рассказал, что ты практикующая гетеросексуалка?! — фыркнула Марсия. — Знаешь, по-моему, ты с самого начала неправильно все подала. Учитывая, какие на Бете возможности… Да если бы ты удосужилась пару раз кое на что туманно намекнуть, ма с отцом просто бы возблагодарили Бога, что ты там только с Марком путалась. Хотя у меня твой вкус до сих пор вызывает недоумение.

Чего Марсии неизвестно о моем бетанском опыте, то и не сможет мне повредить , твердо решила Карин.

— А по-моему, они бы не возблагодарили Бога, а сразу заперли бы меня в мансарде.

Марсия лишь отмахнулась и поспешила сменить тему:

— Доктора Боргоса и так уже достаточно помучили. Это нечестно! Поселили нормального человека в особняке Форкосиганов в обществе Случайных Братьев и ждут от него адекватного поведения!

— Случайных Братьев? — не поняла Катриона.

Карин, уже слышавшая эту шуточку, только скривилась.

— Хм… — смутилась Марсия. — Этот анекдот по всему городу ходит. Мне Айвен рассказал. — Катриона смотрела на нее с прежним недоумением, и Марсия нехотя пояснила: — Ну, знаешь… Толстый и Тощий.

— О! — Катриона деланно улыбнулась. Вид у нее был такой, будто она переваривает услышанное и не уверена, что ей нравится вкус.

— А ты считаешь Энрике нормальным? — поморщилась Карин.

— Ну… он хотя бы отличается от всех этих лейтенантов Фор-Я-Божий-Дар-Для-Женщин, которыми кишмя кишит Форбарр-Султан. Не пытается зажать тебя в углу и замучить армейскими байками. Просто без конца болтает о биологии. Кто знает? Возможно, из него выйдет хороший муж.

— Ага, если его жена не откажется обмазываться жучьим маслицем, чтобы заманить его в постель! — Карин изобразила пальцами антенны и пошевелила ими в сторону Марсии.

Марсия хихикнула:

— По-моему, Энрике из той породы мужчин, которым нужна хозяйственная жена, чтобы он мог сидеть в своей лаборатории по четырнадцать часов в сутки.

— Уж лучше ей взять бразды правления немедленно, — фыркнула Карин. *У Энрике, конечно, есть биологическое представление о том, каким образом у кошки Царапки появляются котята, но вряд ли его это особо занимает.*

— Ты считаешь, он слишком доверчив? И люди злоупотребляют его доверчивостью?

— Нет, слишком поглощен своими идеями. Хотя по сути это одно и то же.

Катриона вздохнула, глядя куда-то в пространство:

— Как бы мне хотелось иметь возможность спокойно поработать хотя бы четыре часа, чтобы никто не мешал!

— Ой, но ты ведь совсем другая! — воскликнула Марсия. — Из тех, кто вытаскивает из-за уха всякие удивительные штучки, вот. — Она оглядела крошечный тихий садик. — Обрекать тебя на ведение домашнего хозяйства — пустая трата человеческих ресурсов.

— Ты хочешь сказать, что мне нужен не муж, а жена? — криво улыбнулась

Катриона. — Ну, это хотя бы немного отличается от требований моей невестки.

— Поезжай на Колонию Бета, — меланхолически вздохнула Карин.

Беседа оборвалась. С улицы доносился приглушенный шум, тени в саду удлинялись, укрывая стол предвечерней прохладой.

— Но эти жучки действительно отвратительны, — нарушила молчание Марсия. — Никто в здравом уме не захочет их покупать.

Карин слегка поникла. Она слышала это уже сотни раз, но… Жучки должны найти применение! Их маслице — идеально сбалансированная пища, для него есть рынок сбыта. И откуда только у людей столько предрассудков?..

Марсия усмехнулась:

— Хотя коричневый с серебром смотрится неплохо. Я думала, Пим просто лопнет.

— Если бы я только знала, что затеял Энрике, — пожаловалась Карин, — я бы ему помешала. Он все время бормотал что-то о сюрпризе, да кто ж его слушал? А я и не знала, что он способен творить с жуками такое!

— Я могла бы догадаться, если б подумала, — сказала Катриона. — Я просмотрела его диссертацию. Секрет — в последовательности цепочки микробов. — Марсия подняла бровь, и Катриона пояснила: — Это набор биоинженерных микроорганизмов в кишках жучков, которые и перерабатывают съеденную пищу и превращают ее в… ну, во все, что пожелает разработчик. У Энрике десятки идей о дальнейших продуктах, помимо пищи, включая широкое применение для дезактивации, что могло бы привести в восторг… не важно. Ну, самое сложное — это поддерживать микрофлору сбалансированной — откалиброванной, как говорит Энрике. Жучки — всего-навсего саморазмножающаяся оболочка для микробов, их форма особого значения не имеет. Энрике просто выбрал наиболее эффективный вид насекомых, не подумав об эстетическом аспекте.

— Ага… — Карин медленно выпрямилась. — Катриона… Ты ведь творишь красоту?

— Ну, в каком-то смысле, — пожала плечами Катриона.

— Творишь! Волосы у тебя всегда в порядке. И одета ты всегда лучше других, хотя я сильно сомневаюсь, что ты много тратишь на одежду.

Катриона нехотя кивнула.

— У тебя есть то, что леди Элис называет врожденным вкусом, — продолжила Карин с возрастающим энтузиазмом. — Вы только посмотрите на этот сад! Марк… Марк делает деньги и заключает сделки. Майлз выстраивает стратегию и тактику, он умеет заставить людей делать то, что ему нужно. Ну, может, не всегда. — Катриона поджала губы. Карин поспешила продолжить: — Что умею я сама — я пока еще не выяснила. А ты… ты творишь красоту. И я этому завидую.

Катриону ее слова явно тронули.

— Спасибо, Карин. Но…

— Нет, ты послушай! — отмахнулась Карин. — Это важно! Как по-твоему, ты могла бы сделать *красивого* жучка-маслячка? Точнее, сделать жучков-маслячков красивыми?

— Но я не генетик…

— Да я не о том! Ты можешь — как дизайнер — улучшить внешность жучков, чтобы людей не выворачивало от одного их вида наизнанку? А уж Энрике сам их преобразует.

Катриона откинулась на спинку стула. Она нахмурилась, взгляд снова сделался сосредоточенным.

— Ну… совершенно очевидно, что цвет жучков и узоры на надкрыльях можно изменять. Должно быть, это просто — судя по тому, с какой скоростью Энрике сотворил… хм… жучков-Форкосиганов. Фундаментальных структурных изменений внутренностей производить нельзя, а вот крылья, надкрылья и панцирь вполне можно изменить. Они и так нефункциональны. Значит, в принципе их можно улучшить.

— Да? Продолжай.

— Цвет… Ну, тут лучше брать естественные цвета. Птиц, животных, цветов… огня…

— А ты можешь что-нибудь придумать?

— Могу навскидку предложить десяток вариантов. — Она закусила губу. — Это совсем не трудно. Тут почти любые изменения будут к лучшему.

— Не просто любые изменения. А что-то чудесное!

— Чудесный жучок-маслячок? — Впервые за все время в глазах Катрионы блеснула радость. — Вот это и впрямь задачка!

— Ой, ты сделаешь? Сможешь? Станешь? Пожалуйста! Я акционер и, как и Марк с Энрике, имею право тебя нанять.

— Господи, Карин, ты не обязана платить мне…

— Даже не заикайся им, что они не обязаны тебе платить! — оборвала ее Карин. — То, за что им пришлось заплатить, они ценят. А то, что дается бесплатно, — принимают как должное и еще начинают требовать, будто у них право есть. Обращайся с ними, как заправский делец. — Внезапно она забеспокоилась. — Ты ведь согласишься взять акции, да? Матушка Кости согласилась, чтобы мы заплатили ей акциями за консультацию по улучшению качества продукта.

— Должна заметить, матушка Кости приготовила из маслица отличное мороженое, — признала Марсия. — И паста на хлеб тоже весьма недурна. Наверное, благодаря чесноку… Если, конечно, не думать, откуда все взялось.

— Ну и что? А то ты когда-нибудь задумывалась, откуда берется обычное масло или мороженое! А также мясо, ливерная колбаса и…

— Могу гарантировать, что говяжье филе, которое подавали на ужине, взялось из чистого симпатичного чана. Тетя Корделия ни за что не допустила бы никакого другого в особняке Форкосиганов.

Карин раздраженно отмахнулась.

— Сколько тебе потребуется времени? — спросила она Катриону.

— Не знаю… Для предварительного эскиза, наверное, дня два. Но нам, безусловно, следует сначала переговорить с Энрике и Марком.

— Я не могу пойти в особняк Форкосиганов, — уныло вздохнула Карин и тут же просветлела: — А у тебя мы не можем встретиться?

Катриона покосилась на Марсию и снова посмотрела на Карин.

— Я не вправе действовать за спиной твоих родителей, Карин, или обманывать их. Однако это чисто деловая встреча. И мы можем встретиться здесь, если тебе разрешат.

— Может быть, — кивнула Карин. — Может быть. Если у них будет пара дней, чтобы чуть-чуть успокоиться… В крайнем случае ты и сама поговоришь с Энрике и Марком без меня. Но я тоже хочу присутствовать, если получится. — Она протянула Катрионе руку. — Договорились?

Катриона вытерла о подол измазанную в земле ладошку и пожала протянутую руку.

— Договорились.

— Ты же знаешь, что мама с па заставят меня сюда тащиться с тобой, если подумают, что здесь будет Марк! — возмутилась Марсия.

— Ну вот сама и убедишь их, что твое присутствие не обязательно!

Марсия что-то обиженно буркнула.

Из кухни раздались голоса, послышались шаги. Карин обернулась — и застыла: следом за Никки в дверях возник Пим. В униформе дома Форкосиганов, начищенной и наглаженной, как на смотр.

— …ничего об этом не знаю, Никки, — говорил Пим. — Но ты же знаешь, что в любое время можешь прийти к нам поиграть с Артуром. Вообще-то он только вчера о тебе спрашивал.

— Мама! Мама! — бросился к столу Никки. — Пим пришел!

Катриона настороженно посмотрела на Пима.

— Здравствуйте, оруженосец, — абсолютно ровным тоном произнесла она и оглянулась на сына: — Спасибо, Никки. А теперь иди.

Никки нехотя удалился. Катриона хранила молчание.

Пим откашлялся, вежливо улыбнулся и козырнул:

— Добрый вечер, госпожа Форсуассон. Надеюсь, у вас все в порядке. — Он с любопытством посмотрел на сестер Куделок и удостоил обеих вежливым кивком. — Здравствуйте, мисс Марсия, мисс Карин. Я… Какая неожиданная встреча. — Было совершенно очевидно, что он мысленно перелопачивает заготовленную речь.

Карин судорожно соображала, не прикинуться ли ей, будто запрет разговаривать с людьми из дома Форкосиганов касается лишь членов семьи, а оруженосцы тут ни при чем. Она выжидательно улыбнулась Пиму. Он-то ведь может разговаривать с *ней* . Однако Пим только покачал головой и вновь обратил взгляд на Катриону. Он извлек из-за отворота мундира толстый пакет, запечатанный гербом Форкосиганов (в точности как на спинках жучков-маслячков), где вместо адреса четким почерком было написано «Госпоже Форсуассон».

— Мэм, лорд Форкосиган прислал меня, чтобы вручить это вам лично в руки. И велел передать, что очень сожалеет о том, что так долго тянул. Это все из-за канализационных труб! М-м-м… Ну, вообще-то милорд этого не говорил, но прискорбный случай послужил единственной причиной задержки.

Пим с тревогой смотрел ей в глаза, ожидая реакции. Катриона взяла конверт и уставилась на него, как на бомбу с часовым механизмом. Пим сделал шаг назад, отвесил официальный поклон, выждал с минуту и поднес руку к фуражке:

— Простите, что помешал, мэм. Виноват. Я уже ухожу. Благодарю вас.

Он развернулся на каблуках.

— Пим! — почти что взвизгнула Карин. Пим вздрогнул и резко повернулся. — Не вздумайте вот так вот взять и уйти! Что там происходит?!

— Нарушаешь данное слово? — с клинической бесстрастностью спросила Марсия.

— Ладно! Ладно! Тогда ты спроси!

— Ой, ну хорошо! — С демонстративным вздохом Марсия повернулась к Пиму: — Так расскажите мне, Пим, что там произошло с канализацией?

— Плевать мне на канализацию! — завопила Карин. — Меня Марк волнует! И мои акции!

— Ну и что? Мама с па сказали, что тебе запрещается беседовать с кем бы то ни было из дома Форкосиганов, а меня интересует канализация. Тебе не повезло.

Пим все понял. В его глазах мелькнул любопытный блеск.

— Мне очень жаль об этом слышать, мисс Карин, — произнес он тоном, исполненным благочестивой невинности. — Уверен, коммодор скоро во всем разберется и снимет карантин. Но милорд приказал мне не задерживаться тут, не надоедать госпоже Форсуассон неловкими попытками оправдаться перед ней, не навязываться, предлагая подождать ответа на письмо, и не смущать ее, наблюдая, как она это письмо будет читать. Это почти в точности его слова. Однако он не запрещал мне разговаривать с вами, юные леди, поскольку не предвидел вашего здесь присутствия.

— Ага, — произнесла Марсия с нездоровым, на взгляд Карин, восторгом. — Значит, вы можете разговаривать со мной и Карин, но не с Катрионой. А Карин может разговаривать с Катрионой и со мной…

— Не то чтобы я так уж жаждала с тобой разговаривать, — пробормотала Карин.

— …но не с вами. Таким образом получается, что я — единственная, с кем могут разговаривать все. Как… мило. Так расскажите мне о канализации, милый Пим. Только не говорите, что она снова засорилась.

Катриона, сунув письмо во внутренний карман болеро, оперлась на подлокотник и приготовилась слушать, слегка нахмурив темные брови.

Пим кивнул:

— Боюсь, что так, мисс Марсия. Вчера поздно ночью доктор Боргос (тут Пим едва заметно поджал губы), очень торопясь вернуться к поискам своей пропавшей королевы, взял двухдневный урожай жучьего маслица — примерно сорок или пятьдесят килограммов, как

мы впоследствии подсчитали, — которое начало переливаться через край чана (поскольку, ввиду отсутствия мисс Карин, некому следить за порядком), и спустил в канализацию. Где вышеупомянутое маслице вступило в реакцию с некими химическими субстанциями и сделалось… вязким. Как пластилин. И полностью заблокировало основную трубу, что, учитывая проживание в доме более пятидесяти человек (вчера прибыл весь штат вице-короля и вице-королевы и мои коллеги — оруженосцы с семьями), спровоцировало немедленный и тяжелый кризис.

У Марсии хватило дурного тона хихикнуть. Пим принял чопорный вид.

— Лорд Аудитор Форкосиган, — продолжил оруженосец, исподволь поглядывая на Катриону, — обладая, как он нас проинформировал, немалым армейским опытом по работе с канализационными трубами, мгновенно и не колеблясь откликнулся на слезную просьбу своей матери и повел ударный отряд в подвал, дабы справиться с трудностями. Отряд, кстати говоря, составляли мы с оруженосцем Роиком.

— Ваша храбрость и… хм… умение меня поражают, — провозгласила Марсия, глядя на Пима с растущим восторгом.

Пим скромно пожал плечами:

— Невозможно с честью отказаться шлепать *по колено* в жучьем маслице, ошметках древесных корней и… э-э-э… всего прочего, что отправляется в канализацию, когда следуешь за лидером, который должен брести, погрузившись… хм… *выше колен* . Поскольку милорд в точности знал, что нужно делать, это не заняло много времени. Но мне пришлось задержаться с доставкой госпоже Форсуассон письма дольше, чем планировалось, в связи с тем, что нынче утром все встали позже обычного.

— А что с доктором Боргосом? — поинтересовалась Марсия.

Карин, скрежеща зубами и сцепив руки, раскачивалась на стуле.

— Я предложил его привязать вверх ногами к подвальной стене, поха уровень… хм… жидкости не снизится. Но это предложение было незаслуженно отвергнуто. Графиня, видимо, побеседовала с ним о том, что можно и что нельзя спускать в канализацию особняка Форкосиганов. — Пим тяжело вздохнул. — Миледи воистину слишком добра и мягкосердечна.

Поскольку повествование на этом явно завершилось, Карин ткнула Марсию в бок и прошипела:

— Спроси его, как Марк!

Повисло молчание. Пим добродушно ждал, когда ему переведут вопрос. Карин подумала, что уживаться с таким хозяином, как Майлз, может лишь человек с глубоко запрятанным чувством юмора, вроде Пима. Наконец Марсия снизошла и весьма неласково спросила:

— Так как там жирдяй?

— Лорд Марк, — ответил Пим, — едва избежав болезни в попытке потребить… — Он замер с открытым ртом. — Э-э-э… Хотя и был явно расстроен неприятным оборотом, который приняли события позавчера вечером, был очень занят, помогая доктору Боргосу в поисках жучков.

Карин легко расшифровала метафору «явно расстроен». *Обжора дорвался. И Рева тоже скорее всего. Ах ты черт, ведь Марк так хорошо держал в узде Черную Команду!*

Пим мягко продолжил:

— Полагаю, что могу говорить от имени всех обитателей особняка Форкосиганов. Все мы хотим, чтобы мисс Карин вернулась как можно скорей и восстановила порядок. В отсутствие сведений из дома коммодора лорд Марк в данный момент не знал, что ему предпринять, но теперь это можно исправить. — Он едва заметно подмигнул Карин.

Ах да! Пим ведь бывший эсбэшник и гордится этим, он все сделает как надо. Бросаться ему в ноги и обнимать сапоги с воплем «Помогите! Скажите тете Корделии, что меня держат взаперти психи родители!» совершенно излишне. Сведения вот-вот потекут рекой в нужном направлении.

— Кроме того, — добавил Пим совершенно нейтрально, — горы контейнеров с жучьим маслицем, сваленные в подвальном коридоре, начинают доставлять неприятности. Вчера они обрушились на одну нашу горничную. Девица весьма расстроилась.

Даже Катриона широко распахнула глаза. Марсия неприлично хихикнула. Карин подавила рычание.

Марсия покосилась на Катриону и несколько неуверенно поинтересовалась:

— А как поживает тощий?

Пим поколебался, проследив за ее взглядом, но все же ответил:

— Боюсь, кризис с канализацией лишь временно осветил его жизнь. — Он поклонился дамам, предоставив им самим вообразить, сколь мрачным должно быть состояние души, ежели пятьдесят кило спущенного в канализацию маслица служат для нее светом. — Мисс Марсия, мисс Карин, надеюсь, мы вскоре снова увидим всех представителей семьи Куделка в особняке Форкосиганов. Госпожа Форсуассон, позвольте мне откланяться. Приношу извинения за все неудобства, которые невольно мог вам доставить. Говоря лишь от своего имени и Артура, могу я спросить, разрешено ли Никки по-прежнему приходить ко мне домой?

— Да, конечно, — еле слышно ответила Катриона.

— Тогда всего доброго. — Пим козырнул и направился к садовой калитке.

Марсия удивленно покачала головой:

— И где это Форкосиганы находят таких слуг?

— Полагаю, у них служат сливки Империи, — пожала плечами Карин.

— Как и у большинства высших форов. Но Пим… Или матушка Кости… Или…

— Я слышала, что Пим пришел по личной рекомендации Саймона Иллиана, когда тот еще был шефом Имперской безопасности, — сообщила Карин.

— Ага, понятно.

Катриона потянулась было к карману, в котором лежало интригующее послание, но, к разочарованию Карин, передумала. Это понятно, не хочет читать письмо при свидетелях. Ну что ж, пора и честь знать.

Карин встала:

— Спасибо, Катриона! Ты помогла мне куда больше, чем кто бы то ни было… — Готовое сорваться с языка «из моей семейки» она умудрилась проглотить. Не стоит понапрасну задевать Марсию, ведь та как-никак, но все же поддерживает ее в борьбе с родителями. — И я вовсе не шучу насчет переделки внешнего вида жучков. Позвони мне, как только у тебя что-то будет.

— К завтрашнему дню что-нибудь придумаю, обещаю. — Катриона проводила сестер и закрыла за ними калитку.

В конце квартала их поджидал Пим, опираясь на бронированный лимузин.

— Она прочитала? — озабоченно спросил он.

Карин ткнула Марсию.

— При нас — нет, — страдальчески произнесла Марсия.

— Хм. Черт. — Пим поглядел на черепичную крышу дома Фортицев, полускрытую верхушками деревьев. — Я надеялся… Черт.

— Как там Майлз на самом деле? — спросила Марсия, проследив за его взглядом.

Пим рассеянно почесал затылок.

— Ну, период стенаний и рвоты уже миновал. Теперь, если его ничто не отвлекает, он шатается по дому и бормочет что-то себе под нос. Жаждет действий. То, как он ухватился за эту беду с канализацией, просто пугает. Меня, во всяком случае.

Карин понимала. Во что бы ни ввязался Майлз, Пим вынужден следовать за ним. Неудивительно, что все домочадцы, затаив дыхание, следят за его ухаживанием. Она живо представила себе разговор служанок: «Господи ты боже мой, не будет ли кто столь любезен переспать с этим маленьким засранцем, пока мы все не спятили вместе с ним?» Хотя нет, большинство слуг Майлза пребывают под влиянием его чар, вряд ли они станут излагать это

в столь резкой форме. Но, видимо, дело к тому идет.

Пим прекратил бесполезное наблюдение за домом и предложил сестрам подвезти их. Марсия вежливо отказалась. Пим уехал. Карин в сопровождении личного шпика удалилась в противоположном направлении.

Катриона медленно подошла к садовому столику. Села. Достала из внутреннего кармана конверт, положила перед собой, посмотрела. Пакет — довольно увесистый. Запечатан сургучом с печатью Форкосиганов. Никаких технических приспособлений: печать проставлена чьей-то рукой. *Его* рукой. Никакого воска. Красный сургуч, в лучшей традиции высших форов. Она поднесла конверт к носу — никакого запаха.

Катриона вздохнула — и вскрыла пакет. Внутри лежали исписанные от руки листочки.

> *Дорогая госпожа Форсуассон, мне очень жаль.*
>
> *Это уже одиннадцатый вариант письма. И все начинались этими тремя словами, даже чудовищная попытка написать стихи, поэтому я решил так оставить.*

Какое-то мгновение она думала только о том, кто опустошает мусорную корзину Майлза и нельзя ли этого человека подкупить. Скорее всего Пим. Нет, вряд ли. Усилием воли Катриона выбросила видение из головы и продолжила чтение.

> *Когда-то вы меня попросили никогда не лгать вам. Ну что же, так тому и быть. Я скажу вам правду, пусть это и не самый разумный поступок. И недостаточно смиренный.*
>
> *Я пытался похитить вас, поймать в ловушку, захватить в плен, обрести то, что — я считал — никогда не смогу заслужить или получить. Вы не корабль, чтобы можно было взять вас на абордаж, но я не мог придумать ничего другого, кроме подрывной деятельности и взятия врасплох. Хотя и не настолько врасплох, как это вышло за ужином. Переворот произошел раньше времени, потому что идиот — заговорщик впустую выпустил секретный заряд и осветил все небо своими намерениями. Иногда такие случайности порождают новые нации, но чаще всего заканчиваются плохо — повешением и обезглавливанием. И бегущими в ночь людьми. Я не могу извиняться за то, что просил вас выйти за меня замуж, потому что это — единственная правда за всей дымовой завесой и камуфляжем, но мне чертовски скверно, что я сделал это так неловко.*
>
> *Хотя я и скрывал свои намерения от вас, мне следовало бы как минимум оказать вам уважение, скрыв их и от других, чтобы у вас был год на отдых и спокойствие, о котором вы просили. Но я до смерти перепугался, что вы предпочтете другого.*

Ради бога — какого «другого»?! Что он себе вообразил? Никто ей не нужен! Формонкриф? Невозможно! Байерли Форратьер? Так он даже и не притворяется, что у него серьезные намерения. Энрике Боргос? Ой! Майор Замори… Ну, Замори, пожалуй, довольно мил. Но до чего скучен!

Интересно, когда это критерий «не скучный» стал для нее основным? Минут через десять после первой встречи с Майлзом Форкосиганом? Черт бы его побрал, он же испортил ее вкус! И суждения. И… И…

Она вернулась к письму.

> *И я воспользовался садом, чтобы подобраться к вам поближе. Я сознательно и беззастенчиво сделал ловушку из ваших самых дорогих устремлений. И в этом я не просто виноват. Мне чудовищно стыдно.*
>
> *Вы заслужили возможность расти. Я хотел бы сделать вид, будто не понимал, что хочу стать для вас тем, кто предоставит вам такую возможность, но это было бы очередной ложью. Но я с ума сходил, видя, как вы*

вынуждены передвигаться крошечными шажками, когда могли бы опережать время. У большинства людей миг апогея краток.

Я люблю вас. Но мне нужно куда больше, чем ваше тело. Я хотел бы обладать способностью ваших глаз видеть форму и красоту там, где ее еще нет, и создавать ее из ничего, привнося в реальный мир. Я хотел бы обладать вашей честью, которую не смогли сломить те исполненные ужаса черные часы на Комарре. Я хотел бы обладать вашей храбростью и волей, вашей осторожностью и спокойствием. Полагаю, я хотел обладать вашей душой, то есть хотел, по-видимому, слишком многого.

Катриона потрясенно отложила письмо. Сделала глубокий вдох — и взяла снова.

Я хотел подарить вам победу. Но триумфы по самой своей сути не могут быть подарком. Их нужно завоевывать, и чем хуже расклад и сильнее сопротивление, тем почетнее победа. И выше честь. Победу нельзя дарить.

Но подарки могут быть победой, верно? Это вы сами сказали. Сад мог бы быть вашим подарком, приданым — в виде таланта, умения и способностей.

Я знаю, что теперь уже слишком поздно, но я только хотел сказать, что это была бы победа, более чем достойная нашего дома.

Весь в вашем распоряжении

Майлз Форкосиган.

Уткнувшись лбом в ладони, Катриона прикрыла глаза. Несколько глубоких вдохов помогли восстановить дыхание.

Потом — в тускнеющем свете — она перечитала письмо. Дважды. Письмо не требовало, не просило, не предвидело ответа. Отлично, потому как сейчас она вряд ли способна связать два слова. И что, интересно, она должна с этим делать? Каждое предложение, не начинающееся с «я», похоже, начинается с «но». Это письмо не просто честное, оно *откровенное* .

Тыльной стороной измазанной в земле ладошки она смахнула слезы с горящих щек. Перевернула конверт, снова посмотрела на печать. В Период Изоляции такие печати скрепляли кровью в знак наивысшего выражения преданности. Со временем изобрели восковые палочки самых различных цветов, сменившие сургуч. Винно-красный и пурпурный цвета, как правило, использовали для любовных посланий, розовый и синий — для извещений о рождении, черный — для извещений о смерти. Эта же сургучная печать была самого что ни на есть консервативного цвета — красно-коричневая.

И тут Катриона поняла — *эта* печать действительно скреплена кровью. Что это — сознательный мелодраматический жест или же чисто автоматический? Майлз, разумеется, вполне способен разыгрывать мелодрамы — в этом она не сомневалась. Более того, даже подозревала, что он готов разыграть мелодраму при любом удобном случае. Но сейчас, чем дольше Катриона глядела на печать, тем сильнее росла в ней уверенность: да, Майлз проколол себе палец и приложил к письму, но для него это естественно, как дыхание. Наверняка у него есть кинжал с печатью на кончике рукоятки, тот, что прежде всегда носили высшие форы. В сувенирной лавке можно купить приличную имитацию с тупым клинком из мягкого металла: ведь никто давно не прокалывает себе палец, чтобы принести клятву на крови. Настоящие кинжалы с печатью времен Периода Изоляции достать очень трудно, да и стоят они сотни тысяч марок.

Майлз скорее всего пользуется своим, чтобы распечатывать письма или чистить ногти.

И когда, интересно, и где он брал на абордаж корабль? Непонятно почему, но Катриона была уверена: это сравнение он взял не с потолка.

Внезапно она рассмеялась. Если они еще когда-нибудь встретятся, непременно надо будет сказать: «Не стоит бывшим секретным агентам писать письма под действием суперпентотала».

Хотя, если у него действительно случился приступ правдивости, что тогда делать с

абзацем, начинающимся со слов «я люблю вас»? Катриона перевернула письмо и снова перечитала этот кусочек. Четыре раза подряд. Четкие аккуратные буквы, казалось, плясали перед глазами.

Однако, перечитав еще раз все письмо, она поняла: чего-то тут не хватает. Признаний, конечно, больше чем достаточно, но ни мольбы о прощении, ни просьбы разрешить снова увидеться с ней или хотя бы позвонить. Ничего такого, на что пришлось бы давать ответ. Наступление остановлено? Странно… Что бы это значило? Может, какой-то шифр СБ? Ну, так у нее нет к нему ключа.

Или Майлз не просит о прощении, потому что не надеется его получить? Как-то неуютно от такой мысли… Или он слишком самоуверен, чтобы умолять? Что это — гордость или отчаяние? Что? Впрочем, не исключено, что и то, и другое. «Распродажа! Только на этой неделе! Отпускаются два греха по цене одного!» — промелькнуло у нее в голове. Это звучало… очень по-Майлзовски почему-то.

Катриона вспомнила свои ссоры с Тьеном. Как же она ненавидела эти мерзкие пританцовки между разрывом и примирением и сколько раз вынуждена была их проделывать! Если вы все равно со временем друг друга простите, почему бы не сделать это сразу, избежав многих дней чудовищного напряжения? От греха к прощению без промежуточных шагов… Просто возьми — и прости, а потом иди дальше. Но они с Тьеном почему-то вели себя иначе. Казалось, они каждый раз возвращались к исходной точке. Может, именно поэтому создавалось впечатление, будто их семейный хаос все время идет по замкнутому кругу? Может, они не делали нужных выводов, потому что всякий раз отступали на самом трудном этапе?

Когда совершаешь грубую ошибку — как жить дальше? Как отыскать нужное направление, как выбраться из этой точки и больше никогда не возвращаться, не пятиться назад? Потому что на самом деле ты никогда не сможешь вернуться. Время стирает тропу за твоими следами.

Ну, как бы то ни было, возвращаться она не желает. Не хочет знать меньше, чем сейчас, не хочет становиться меньше. И не хочет, чтобы эти слова оставались невысказанными. Катриона судорожно прижала письмо к груди, вздрогнула, положила на стол, провела рукой. Она просто хочет, чтобы ушла боль.

Когда она в следующий раз увидит Майлза, придется ли ей отвечать на его предложение? И будет ли она знать свой ответ? И существует ли какой-то третий вариант, кроме «я вас прощаю» и «да, навеки»? Катриона отчаянно хотела отыскать этот вариант немедленно.

Я не могу дать ответ сейчас. Просто не могу .

Жучки-маслячки. Во всяком случае, жучка-маслячка она переделать может…

Голос тети прервал бег мыслей. Должно быть, дядя с тетей вернулись с ужина. Она поспешно убрала письмо в конверт и спрятала в карман болеро.

— Иду, тетя Фортиц!

Катриона встала, подобрала тяпку, отнесла сорняки на компостную кучу и зашла в дом.

Глава 12

В дверь позвонили, когда Айвен, допивая первую чашку кофе, пытался застегнуть рукава форменной рубашки. Кого это принесло в такую рань? Он побрел открывать.

На пороге возник Байерли Форратьер. Айвен зазевался — в буквальном смысле — и не успел захлопнуть дверь перед его носом. Воспользовавшись заминкой, Бай просунул в щель ногу. Сенсор безопасности сработал мгновенно — дверь замерла на полпути, так и не раздавив незваному гостю ступню.

— Доброе утро, Айвен! — промурлыкал Байерли.

— Какого черта тебе надо в такую рань? — подозрительно спросил Айвен.

— Так поздно, — ласково улыбнулся Бай. Вид у него был помятый, глаза красные, на

подбородке щетина.

— Не желаю ничего слышать о твоем кузене! — рявкнул Айвен. — Убирайся!

— Вообще-то я по поводу *твоего* кузена. В смысле — Майлза.

Айвен оглянулся на церемониальный меч, стоявший в подставке для зонтиков — в прошлом гильзе от старинного артиллерийского снаряда. Интересно, если двинуть Байерли мечом по ноге? Может, он рефлекторно дернется, и Айвену удастся закрыть дверь?

— О Майлзе я тоже ничего слышать не желаю.

— Это нечто такое, что ему необходимо знать. По-моему.

— Прекрасно. Вот иди к нему и скажи.

— Я… я предпочел бы этого не делать, учитывая обстоятельства.

У Айвена в голове отчаянно замигал детектор неприятностей.

— Вот как? И что же это за обстоятельства?

— Ну, ты понимаешь… деликатность… семейные чувства…

Айвен неприлично фыркнул.

— …то, что он контролирует очень ценный голос в Совете Графов… — меланхолично продолжил Бай.

— Доно охотится за голосом дяди Эйрела, — констатировал Айвен. — Не хило. Дядя вернулся на Барраяр четыре дня назад. Иди и пудри мозги ему. — *Если посмеешь* .

Бай криво улыбнулся:

— Да, Доно рассказал мне о торжественном прибытии вице-короля, а также об изысканном великом исходе. Не понимаю, как ты умудрился уйти без потерь.

— Приказал оруженосцу Роику выпустить меня через черный ход.

— А, понятно! Весьма предусмотрительно. Но, как бы то ни было, граф Форкосиган ясно дал всем понять, что предоставляет своему сыну право голосовать от его имени в девяти случаях из десяти.

— Это его дело.

— А у тебя не найдется еще кофе? — Бай с вожделением смотрел на чашку в руке Айвена.

— Нет, — соврал Айвен.

— Тогда, возможно, ты окажешься настолько любезен, чтобы сварить для меня немножко. Да ладно тебе, Айвен! Взываю к твоему человеколюбию. Ночка выдалась долгая и тяжелая.

— В Форбарр-Султане наверняка найдется какое-нибудь заведение, где тебя напоят кофе. По дороге домой. — *Может, если вынуть меч из ножен…*

Бай испустил страдальческий вздох, скрестил руки на груди и прислонился к дверному косяку, готовясь к долгому разговору. Нога его стояла твердо.

— Какие у тебя в последние дни новости от твоего сиятельного кузена лорда Аудитора?

— Никаких.

— И что ты по этому поводу думаешь?

— Когда Майлз решит, что мне нужно по этому поводу думать, он наверняка мне об этом сообщит. Как водится.

Байерли с трудом сдержал ехидную ухмылку.

— Ты пытался поговорить с ним?

— Я что, похож на идиота? Ты же слышал о приеме. Этот малый погорел синим пламенем. И еще долго будет невыносим. И пусть на сей раз его окунает в холодную воду тетя Корделия, с меня довольно.

Бай приподнял брови, видимо расценив это последнее замечание как забавную метафору.

— Ну-ну! Майлз всего лишь совершил небольшой прокол, но дело вовсе не безнадежно. Так говорит Доно, а Доно куда лучше понимает женщин, чем все мы. — Бай сделался серьезным. В его глазах мелькнуло мрачное выражение. — Впрочем, если ничего

не предпринять, оно станет безнадежным.

Айвен задумался.

— Ты это о чем?

— Кофе, Айвен. И то, что я тебе расскажу, ни при каких условиях не должно стать достоянием общественности.

Я еще об этом пожалею . Айвен нехотя ударил по кнопке «открыть» и отошел в сторону. Байерли поспешил нырнуть в квартиру. Айвен протянул ему кофе и позволил сесть на софу. И зря. Если Бай будет потягивать кофе медленно, визит затянется до бесконечности.

— Не забудь, что я собирался на службу, — сказал Айвен, устраиваясь в кресле напротив.

Бай с наслаждением отхлебнул кофе.

— Я быстро. Только долг фора не позволил мне до сей поры залечь в кровать.

Айвен пропустил эту реплику мимо ушей.

— Вчера вечером, — продолжил Бай, — у меня состоялся приватный ужин с Алексом Формонкрифом.

— Очень за тебя рад, — прорычал Айвен.

Байерли изящно махнул рукой.

— Там были кое-какие интересные моменты. Ужин происходил в особняке Формонкрифов. Присутствовал граф Борис, дядя Алекса. Короче, одна из тех закулисных вечеринок, на которых вырабатывается политика партии. Похоже, мой кузен Ришар наконец-то прослышал о возвращении Доно и поспешил в город, чтобы выловить из слухов крупицу истины. То, что он узнал, его встревожило, и он начал в поте лица лоббировать себя, любимого, к предстоящему заседанию Совета Графов. Поскольку граф Борис обладает значительным влиянием в консервативной партии, Ришар начал кампанию с него, и, надо сказать, довольно успешно.

— Ближе к делу, Бай, — вздохнул Айвен. — При чем тут Майлз? И кстати, меня это точно никак не касается. Офицерам действительной службы настоятельно рекомендуется держаться от политики подальше.

— О да, знаю-знаю. А еще там, по чистой случайности, присутствовали зять Бориса Сигур Форбреттен и граф Томас Формюир, который, похоже, имел не так давно небольшое столкновение с твоим кузеном, когда тот исполнял свой долг Аудитора.

— Тот придурок, что завел фабрику по производству детей, а Майлз ее прикрыл? Ага, слышал.

— Прежде мы с Формюиром были плохо знакомы. В старые добрые времена леди Донна частенько занималась стендовой стрельбой с его графиней. Большие были подружки эти юные дамы. Ладно, короче, как и ожидалось, Ришар начал свою кампанию за супом, а к подаче второго достиг с графом Борисом определенного соглашения: граф голосует за Ришара в обмен на верность последнего консервативной партии. И таким образом все оставшееся время от второго и до десерта присутствующие могли посвятить другим темам. Граф Формюир выразил глубокое неудовлетворение Имперским Аудитом, таким образом, фигурально говоря, выложил на стол твоего брата.

— Минуточку! — моргнул Айвен. — А с чего это ты таскаешься с Ришаром? Я думал, ты на стороне Донны… Доно…

— Ришар считает, что я шпионю за Доно для него.

— А ты шпионишь? — Айвен искренне понадеялся, что Бай, играя на обе стороны, обожжет руки.

Байерли загадочно улыбнулся:

— М-м-м… Скажем так: я сообщаю ему то, что ему надо знать. Ришар очень гордится, что ему удалось внедрить меня в лагерь Доно.

— А он знает, что ты получил приказ лорда-хранителя, помешавший ему завладеть особняком Форратьеров?

— Нет. Тут мне удалось остаться за сценой.

Айвен потер виски, прикидывая, которому из своих кузенов Байерли действительно лжет. Беседа с этим малым всегда доводила его до головной боли.

— Продолжай. И давай быстрее.

— Присутствующие обменялись стандартным набором гадостей по поводу сумм, которые предлагается затратить на починку комаррского солнечного отражателя. Типа «пусть комаррцы сами это оплачивают».

— А они и оплатят. Этим дятлам неизвестно что ли, какой доход мы получаем с налогов на комаррский торговый оборот?

— Ты меня удивляешь, Айвен! Я и не подозревал, что ты уделяешь внимание подобным вещам.

— Не уделяю, — поспешно заверил Айвен. — Это и так каждый дурак знает.

— Дискуссия о комаррском инциденте снова вернула нас к нашему любимому лорду Аудитору, и дорогуша Алекс сподвигнулся поделиться личными переживаниями. Похоже, прекрасная вдова Форсуассон отвергла его предложение. И это после таких усилий и затрат с его стороны! Ну, гонорары свахе и все такое.

— О! — просиял Айвен. — Молодчина вдовушка!

Она отказывает всем. И домашняя катастрофа Майлза произошла, по всей вероятности, вовсе не из-за меня. Да!

— Сигур Форбреттен выдал версию событий, произошедших на приеме Майлза, и дал очень живенькое описание бегства госпожи Форсуассон в разгар ужина после скандального предложения руки и сердца. — Бай склонил голову набок. — Что это на него нашло? Я всегда полагал, что Майлзу не занимать сладкоречия.

— Паника, — ответил Айвен. — Мне так кажется. Я сидел на другом конце стола. — Он мрачно кивнул. — Такое может случиться с лучшими из нас. — И нахмурился: — А откуда, черт подери, об этом прознал Сигур? Я уж точно никому ничего не говорил. Лорд Доно протрепался?

— Доно протрепался только мне. Но, Айвен, на приеме присутствовали девятнадцать человек! Плюс оруженосцы и слуги. Историю пересказывают по всему городу, и каждый новый вариант все более драматичен.

Это Айвен вполне мог себе представить. А еще — как все это доходит до ушей Майлза, и из них — ушей — валит дым. Он сморщился, будто сжевал лимон.

— Майлз… Майлз будет готов к смертоубийству.

— Забавно, что ты это сказал. — Бай отхлебнул кофе и бесстрастно поглядел на Айвена. — Расследование Майлза на Комарре, смерть администратора Форсуассона в разгар этого расследования, последовавшее предложение Майлза его вдове и ее демонстративный — по версии Сигура, хотя Доно утверждает, что она вела себя весьма достойно, — отказ; плюс пять консервативных политиков-форов, давным-давно имеющих зуб на Эйрела Форкосигана, а также несколько бутылок превосходного вина округа Формонкрифов — все это породило Теорию. Которая у меня на глазах развилась в полноценную Клевету. Это было просто поразительно!

— Еж твою клеш! — выдохнул Айвен.

Бай остро глянул на него:

— Ты все понял? Бог ты мой, Айвен, какая глубина мысли! Значит, ты можешь себе вообразить разговор. А я его слушал. Алекс бухтел насчет проклятого мутантишки, осмелившегося ухаживать за фор-леди. Формюир заметил, что муж чертовски удачно погиб при каком-то — якобы несчастном — случае в разгар проводимого Форкосиганом расследования. Сигур возразил, что никаких обвинений не выдвигалось, а граф Борис посмотрел на него, как на жалкого идиотика, пробормотав: «Кто бы сомневался, Форкосиганы тридцать лет вертят Имперской безопасностью как хотят. Единственный вопрос — был ли сговор между Форкосиганом и женой?» Алекс бросился на защиту своей возлюбленной — этот малый совершенно не понимает намеков, — провозгласив, что она ни в чем не виновата и ни о чем не подозревала, пока Форкосиган не сделал ей свое грубое

предложение. И то, что она так стремительно убежала, — это Доказательство! Доказательство!.. (Вообще-то он повторил это трижды, но к тому времени он был крепко пьян.) Итак, это — доказательство, что она осознала, что Майлз хитроумно убрал с пути ее возлюбленного супруга, дабы очистить путь себе, а уж она-то знает наверняка, она ведь была на Комарре. И он, Алекс, готов биться об заклад, что теперь-то она пересмотрит свое отношение к его, Алекса, предложению! Поскольку Алекс — дурак известный, старших товарищей его аргументы не слишком убедили, но они снизошли к тому, чтобы ради фамильной солидарности усомниться в виновности вдовы. И так далее.

— Бог ты мой, Бай! А ты не мог их остановить?

— Попытался внести немного здравого смысла, используя мои ограниченные возможности и не раскрывая, как изволите выражаться вы, вояки, моей легенды. Но они уже слишком далеко зашли в своем творчестве.

— Если они выдвинут против Майлза обвинение в убийстве, он ими всеми полы подметет. Гарантирую, что такой выходки он не спустит!

— Конечно, Борис Формонкриф с радостью выдвинул бы такое обвинение против сына Эйрела Форкосигана, — пожал плечами Байерли, — но для этого (на что я им и указал) у них нет достаточных доказательств, и вряд ли они их получат. Нет. Обвинение можно отбить. Против обвинения можно защищаться. А ложное обвинение влечет за собой судебный иск. Никакого обвинения не будет. Но намек, — продолжил Бай, — шепоток, шуточка, черный анекдот… кто может поймать или остановить такое? Это все равно что сражаться с туманом.

— Так, значит, по-твоему, консерваторы начнут кампанию дискредитации, используя этот домысел? — медленно проговорил Айвен.

— По-моему… Если лорд Аудитор Форкосиган намерен хоть как-то контролировать возможный ущерб, ему срочно следует мобилизовать все ресурсы. Нынче утром пять злых языков еще отдыхают. Но к вечеру они снова начнут шлепать. Я не намерен предлагать какую-либо стратегию милорду Аудитору. Он уже большой мальчик. Но в порядке… э-э-э… скажем, любезности я даю ему преимущество в виде предварительных разведданных. А что он будет с этим делать — его трудности.

— Разве это не по части Имперской безопасности?

— А, Имперская безопасность! — отмахнулся Байерли. — Уверен, что они возьмут дело под контроль. Но есть ли тут что-то для СБ, а? Ветер, Айвен. Ветер.

«Оно под грифом „перед прочтением сжечь“, и я не шучу», — сказал тогда Майлз с пугающей убежденностью.

Айвен осторожно пожал плечами:

— Откуда мне знать?

Улыбочка Байерли не изменилась, но в глазах появилась издевка.

— Действительно — откуда?

Айвен посмотрел на часы. *Вот черт!*

— Мне пора на службу, не то мать на меня всех собак спустит.

— Да, леди Элис, безусловно, уже во дворце и поджидает тебя. — Байерли встал. — Не думаю, что у тебя достаточно на нее влияния, чтобы она прислала мне приглашение на свадьбу?

— Нет у меня никакого влияния, — ответил Айвен, препровождая Байерли к дверям. — Если лорд Доно к тому времени станет графом Доно, может, тебе удастся уговорить его прихватить тебя с собой.

Байерли, зевая, удалился по коридору. Дверь с шипением затворилась, и Айвен постоял с минуту, потирая лоб. Он представил, как приносит Майлзу полученные от Байерли сведения, если, конечно, предположить, что кузен уже протрезвел. И представил, как ныряет за ближайшее укрытие. А еще лучше — сбежать от всего окончательно и бесповоротно. Уехать, устроиться в качестве лицензированного мужчины-проститутки в Сфере на Колонии Бета. Ведь у бетанских мужчин-проституток клиенты — женщины, верно? Майлз там был, но далеко не все рассказывал. Даже жирный Марк с Карин там побывали. А вот он, Айвен,

ни разу не был в Сфере, черт подери! Жизнь — штука нечестная, вот что.

Айвен побрел к комму и вызвал Майлза по частной линии. Но единственное, что он услышал, — программу, очень официально извещающую, что абонент дозвонился до лорда Аудитора Форкосигана, тир-ли-ли. Айвен оставил кузену сообщение, чтобы тот срочно с ним связался по очень важному личному делу, и выключил комм.

Наверное, братец еще не встал. Айвен послушно пообещал своей совести, что попозже попробует связаться с ним еще раз, а если опять не получится, вечером потащится в особняк Форкосиганов сам. Он вздохнул, натянул китель и направился в императорский дворец к повседневным обязанностям.

Марк позвонил в дверь Фортицев, переминаясь с ноги на ногу и от волнения скрипя зубами. Энрике, которого ради такого случая взяли с собой, восторженно глазел по сторонам. Высокий, худощавый, изящный, он заставлял Марка чувствовать себя еще более нескладным тюфяком. А, ладно!

Катриона открыла дверь.

— Лорд Марк, Энрике, заходите, пожалуйста, — приветливо улыбнулась она.

— Благодарю вас! — с горячностью воскликнул Марк. — Большое спасибо, госпожа Форсуассон… Катриона, что вы это организовали. Спасибо. Спасибо. Вы представить себе не можете, как много это для меня значит!

— Господи, да не благодарите вы меня! Это идея Карин.

— Она здесь? — Марк завертел головой.

— Да, они с Марсией пришли буквально перед вами. Сюда, пожалуйста. — Катриона повела их в заставленный книгами кабинет.

Карин с сестрой сидели возле комма на вращающихся стульях. При виде Марка Карин просияла. Марк ринулся вперед, остановился, схватил ее за руки. Они обменялись крепким рукопожатием.

— Мне разрешено теперь с тобой разговаривать, — сообщила Карин, с досадой тряхнув головой, — но только о делах. Понятия не имею, чего они так бесятся. Если бы я захотела удрать, мне стоит лишь выйти за дверь и пройти шесть кварталов.

— Тогда я… лучше я ничего не стану говорить. — Марк нехотя отпустил ее руки и шагнул назад. Глазами он пил ее, как воду. Карин казалась немного усталой и напряженной.

— С тобой все в порядке? — Она тщательно оглядела его.

— Да, конечно. Пока… — Он криво улыбнулся и рассеянно посмотрел на Марсию. — Привет, Марсия. А ты что тут делаешь?

— А я — дуэнья, — сообщила Марсия с раздраженной гримасой. — Толку от этого — все равно что запирать конюшню, когда лошадь сбежала. Вот если бы они отправили меня тогда на Бету, тут был бы какой-то толк. Для меня по крайней мере.

Энрике устроился рядом с Марсией.

— А вы знали, что мать лорда Марка была капитаном бетанского Астроэкспедиционного корпуса? — озабоченно спросил он.

— Тетя Корделия? — пожала плечами Марсия. — Конечно.

— Капитан бетанского Астроэкспедиционного корпуса! И никто не удосужился даже упомянуть об этом! Капитан астроэкспедиционного корпуса!!! И никто мне даже не сказал!!!

Марсия недоуменно уставилась на него:

— А это так важно?

— Важно? Важно! Бог ты мой, да что вы за народ?!

— Это было тридцать лет назад, Энрике, — устало сказал Марк. Он уже два дня выслушивал вариации на эту тему. Графиня приобрела в лице Энрике очередного поклонника. И это его поклонение, без сомнения, помогло спасти эскобарцу жизнь после ночного инцидента с канализацией.

Энрике зажал руки коленями и молитвенно уставился вверх.

— Я дал ей почитать мою диссертацию.

— И она ее поняла? — вытаращила глаза Карин.

— Разумеется, поняла! Она ведь служила командиром в Бетанском астроэкспедиционном корпусе, бог ты мой! Вы хотя бы имеете представление, как отбирают этих людей и чем они занимаются? Если бы я закончил мою работу с почетом, а не с этим недоразумением с арестом, я мог бы надеяться — всего лишь надеяться! — подать заявление, и даже тогда у меня было бы очень мало шансов, не будь у них специальной квоты для инопланетников. — Энрике задохнулся после столь жаркого спича. — Она сказала, что предложит мою работу вниманию вице-короля. И сказала, что мой сонет очень изобретателен. Пока я ловил моих жучков, я мысленно сложил сестину в ее честь, но у меня еще не было времени ее записать. Капитан астроэкспедиционного корпуса!

— Это… не то, чем тетя Корделия больше всего прославилась на Барраяре, — после некоторой паузы сказала Марсия.

— Эта женщина здесь пропадает втуне! Все женщины здесь пропадают! — пробурчал Энрике.

Марсия повернулась к нему вполоборота и как-то странно посмотрела, выгнув бровь.

— Как идет отлов жучков? — поинтересовалась Карин.

— Сто двенадцать уже есть. Королеву не нашли. — Энрике тревожно потер переносицу.

— Спасибо, Энрике, что так быстро прислал мне вчера видеограмму жучка-маслячка, — вступила в разговор Катриона. — Это очень ускорило работу над его внешним видом.

— Всегда пожалуйста, — улыбнулся Энрике.

— Так. Пожалуй, пора приступить к показу, — сказала Катриона. — Это не займет много времени. Потом мы все обсудим.

Марк опустился на последний свободный стул и с тоской уставился на сидящую напротив Карин. Катриона устроилась перед коммом и включила изображение. Глазам присутствующих предстал трехмерный цветной жучок-маслячок, увеличенный до двадцати сантиметров. Все, кроме Катрионы и Энрике, отшатнулись.

— Это, как вы понимаете, базисный рабочий вариант, — начала Катриона. — Пока что я внесла всего четыре улучшения, потому что лорд Марк сказал, что время дорого, но, безусловно, можно внести и больше. Вот самое первое и самое простое.

Коричнево-белый (смесь дерьма с гноем) жучок исчез. На его месте возникло куда более симпатичное существо. Лапки и тельце жучка окрасились в благородный черный цвет и засверкали, как сапоги гвардейца. По краям удлинившихся надкрыльев, скрывших белое пульсирующее брюшко, бежала белая полоска.

— Ух ты! — выдохнул Марк. Такие незначительные изменения — и такой эффект! — То что надо!

— Теперь — чуть поярче.

У следующего жучка тоже были черные лапки и тельце, но надкрылья сделались более округлыми. По ним бежала целая радуга — фиолетовый, синий, зеленый, желтый, оранжевый, красный.

— О, вот это куда лучше! — воскликнула Марсия. — Это просто *красиво!*

— Не думаю, что следующий вариант будет практичным, — продолжила Катриона, — но мне хотелось поиграть с возможностями.

Сначала Марк подумал, что это полураспустившийся розовый бутон. Тельце жучка обрело цвет зеленой листвы с чуть тронутым красным краями. Надкрылья выглядели как лепестки — нежные бледно-желтые, с розовыми полосками. Брюшко тоже сделалось желтым, оно сливалось по тону с надкрыльями и было практически незаметно глазу. Шпоры и углы лапок превратились в маленькие колючки.

— Ой! — Карин широко распахнула глаза. — Хочу вот этого! Голосую за этого!

— Боже! — ошарашенно прошептал Энрике. — Да, это можно сделать…

— Такой вариант может быть приемлем для — ну, не знаю, как вы их назовете, —

разводных жучков, — сказала Катриона. — Для тех же жучков, которые будут сами добывать себе корм, лепестковые надкрылья, по-моему, слишком хрупкие и неудобные. Их легко оторвать, повредить. Но когда я работала над этим вариантом, то подумала, что вам, возможно, захочется получить жучков разных видов. Различная упаковка для разных микробных цепочек.

— Безусловно, — закивал Энрике. — Безусловно!

— И последний. — Катриона переключила изображение.

Лапки и тельце — мерцающе-синие. Кажется, видны надкрылья, ярко-желтые в центре, с переходом в красно-оранжевый, через цвета светло-синего пламени к темно-синему пламени с разноцветным мерцанием. Едва заметное брюшко — насыщенно темно-красное. Этот жучок сиял, как пламя, факел в тумане, драгоценность короны. Марсия невольно потянулась рукой. Энрике зачарованно улыбался.

— Уй-уй-уй! — простонала Карин. — Дивный жучок! Чудесный!

— По-моему, именно это ты и заказывала, — пробормотала Катриона. Она коснулась панели, и жучок на мгновение ожил:

он поднял надкрылья, и крылышки сверкнули, как сноп красных искр.

— Если Энрике сможет сделать крылья флюоресцентными, они будут мерцать в темноте. И тогда рой жучков произведет неизгладимое впечатление.

Энрике подался вперед, жадно вбирая глазами изображение.

— А это идея! Таким образом их будет куда проще отлавливать в темноте… Хотя биоэнергетические затраты могут отразиться на производительности — снизится надой.

Марк попытался представить себе рой таких вот жучков, мерцающих в сумерках, и на сердце у него стало тепло.

— А ты считай, что это затраты на рекламу.

— Какого мы выберем? — спросила Карин. — Мне действительно понравился тот, что выглядит как цветок…

— Видимо, надо решать голосованием, — ответил Марк. Интересно, удастся ли ему уговорить еще кого-нибудь голосовать за черного жучка? Выглядит, как настоящий жук-убийца. — Голосовать будут акционеры, — осторожно добавил он.

— Мы наняли консультанта по эстетике, — указал Энрике. — Возможно, следует послушать ее совета. — Он посмотрел на Катриону.

— Эстетика — единственное, чем я могу помочь, — подняла руки Катриона. — И могу только догадываться, насколько это осуществимо на биогенетическом уровне. Воплощение идеи может занять немало времени.

— Ты сделала ряд верных предположений. — Энрике придвинул стул к комму и снова прогнал серию моделей. Вид у него стал отсутствующим.

— Важно время, — сказала Карин. — Время — деньги, время… время — это все. Наша первая цель — запустить реализуемый продукт, чтобы начать раскручивать и увеличивать предприятие. А потом уж играть со всякими усовершенствованиями.

— И убраться из подвала особняка Форкосиганов, — пробормотал Марк. — Может быть… Может быть, черный вариант — самый быстрый?

Карин покачала головой. Марсия сказала «нет». Катриона молчала, сохраняя нейтралитет.

Энрике оставил изображение чудесного жучка и мечтательно вздохнул.

— Вот этот, — отрезал он.

Катриона с трудом сдержала улыбку. Марк понял, что порядок представления моделей не был случайным.

— Этот выйдет быстрее, чем жучок-цветок? — уточнила Карин.

— Да, — кивнул Энрике.

— Второй голос.

— Ты уверена, что тебе не нравится тот черный? — жалобно вопросил Марк.

— Ты проиграл, Марк, — сообщила Карин.

— Это невозможно, у меня пятьдесят один процент… Ой! — Отдав часть акций Карин и Майлзовой кухарке, Марк потерял контрольный пакет. Он намеревался выкупить их позже…

— Значит, жучок-светлячок, — подытожила Карин. И добавила: — Катриона сказала, что не возражает против оплаты в акциях.

— Это было не трудно… — начала было Катриона.

— Цыц! — шикнула Карин. — Мы платим не за трудность, а за результат. Стандартный гонорар конструктора-консультанта. Давай, Марк.

С некоторой неохотой — не то что эта женщина не заслужила оплаты, но ведь жаль терять контроль над предприятием! — Марк подошел к комму и провел все требуемые операции по передаче части акций. Он дал подписать бумагу Энрике с Карин, отправил копию в офис Циписа в Хассадар и официально вручил документ Катрионе.

Та, с трудом сохраняя серьезный вид, приняла бумагу, поблагодарила и отложила в сторону. Что ж, хоть Катриона и считает деньги игрушечными, работу она представила вовсе не игрушечную. А может, она, как Майлз, из той породы людей, у которых есть только две скорости: ноль и максимум. Ладно, все, что делается хорошо, делается во славу Господа, как говорит графиня. Марк еще раз посмотрел на жучка-светлячка, которого Энрике снова заставил махать крыльями. Да.

— Полагаю, — произнес Марк, в последний раз с тоской глядя на Карин, — нам пора. Из-за охоты за жучками все встало. Исследовательские работы замерли… мы едва можем прокормить уже имеющихся жучков.

— Считай это очисткой от промышленных шлаков, — без капли сочувствия порекомендовала Марсия. — Пока они не расползлись.

— Ваши родители позволили Карин сегодня прийти сюда. Как по-твоему, в конце концов они разрешат ей вернуться к работе?

Карин безнадежно поморщилась.

Марсия скривила губки и покачала головой:

— Они потихоньку успокаиваются, но не так быстро. Мама не очень выступает, но вот па… Па всегда гордился тем, что он хороший па. А бетанской Сферы и тебя, Марк, просто не было в барраярском учебнике для отцов. А может, он слишком долго прослужил в армии. По правде говоря, он с трудом перенес обручение Делии, а она играет по старым добрым правилам… насколько ему известно. — Тут Карин вопросительно подняла бровь, но Марсия не стала продолжать. Она покосилась на комм: жучок-светлячок сиял, сверкал и переливался всеми цветами радуги. — С другой стороны, церберы-родители не запретили посещать особняк Форкосиганов *мне* …

— Марсия… — выдохнула Карин. — А ты можешь? Станешь?

— Э-э… Возможно. — Она посмотрела из-под ресниц на Марка. — Я подумывала, что, может, мне тоже стоит поучаствовать в этой забаве.

Марк недоуменно вскинул брови. Марсия? Практичная Марсия? Возьмет на себя отлов жучков и отправит Энрике заниматься генетикой (и безо всяких там стихов)? Марсия, которая поддерживает порядок в лаборатории, занимается поставками и поставщиками и не спускает жучье маслице в унитаз? И плевать, что она смотрит на него, как на отвратительного жука-переростка, которого ее сестра зачем-то держит вместо домашней зверушки. Марк ни на секунду не сомневался, что Марсия способна справиться с чем угодно…

— Энрике?..

— М-м-м? — отозвался Энрике, не поворачивая головы.

Марк привлек внимание эскобарца, выключив комм, и пересказал предложение Марсии.

— Да, это было бы чудесно! — просиял Энрике, как жучок-светлячок, и с надеждой улыбнулся Марсии.

На том и договорились, хотя у Карин был такой вид, будто ей не слишком хочется

делиться акциями с сестрицей. Марсия решила отправиться в особняк Форкосиганов немедленно. Марк с Энрике встали.

— С тобой ничего не случится? — тихонько спросил Марк Карин, пока Катриона переписывала на диск модели.

— Нет, — улыбнулась она. — А с тобой?

— Я скоро взвою! Сколько это еще продлится, как ты думаешь?

— Все уже решено, — произнесла Карин с пугающей убежденностью. — Я покончила со спорами, хотя не уверена, что они это поняли. С меня хватит. Пока я живу в родительском доме, дочерний долг вынуждает меня подчиняться правилам, какими бы дурацкими они ни были. Как только я придумаю, как мне перебраться куда-нибудь еще, не нарушив при этом мои далекоидущие планы, я уйду. Если понадобится, навсегда. — Она решительно сжала губы. — Не думаю, что задержусь там надолго.

— Вот как! — Марк не слишком хорошо понимал, что она надумала, но звучало это… зловеще. Его ужасала мысль, что из-за него, Марка, Карин потеряет семью. У него ушла целая жизнь, чтобы занять место в своей собственной. И клан коммодора казался ему золотым убежищем… — Это… одиноко. Когда ты сам по себе.

— Значит, так тому и быть, — пожала она плечами.

Деловая встреча завершилась. Последний шанс… Они уже шли по коридору, когда Марк набрался храбрости.

— Есть ли какие-нибудь сообщения, которые я могу передать? — быстро спросил он Катриону. — В особняк Форкосиганов, я имею в виду? — Он был абсолютно уверен, что по возвращении брат напрыгнет на него из засады (судя по инструктажу, что тот устроил Марку при выходе из дома).

Катриона мгновенно замкнулась. Она отвела взгляд и коснулась рукой болеро — слева, напротив сердца. Марк уловил едва слышное шуршание дорогой бумаги под мягкой тканью. Интересно, какой эффект окажет на Майлза информация о том, где хранится образчик его эпистолярного жанра?

— Передайте ему, — наконец произнесла она (уточнять кому необходимости не было), — что я принимаю его извинения. Но не могу ответить на его вопрос.

Марк знал, что его братский долг — замолвить словечко за Майлза, но болезненная сдержанность этой женщины выводила из равновесия. Наконец он неуверенно пробормотал:

— Он очень беспокоится, знаете.

Эти слова вызвали у нее мгновенное подобие улыбки. Она кивнула:

— Да. Я знаю. Спасибо, Марк.

Похоже, тема закрыта.

На улице Карин повернула направо, остальные — налево, где позаимствованный оруженосец поджидал в позаимствованном лимузине. Марк обернулся. Карин брела, опустив голову, глядя прямо перед собой.

Майлз специально оставил дверь комнаты открытой, чтобы услышать, как вернется Марк. Едва заслышав шум, он выскользнул в холл и свесился с балкона, хищно уставившись вниз, на фойе. Единственное, что удалось определить сразу, — Марк сильно вспотел из-за того, что в такую жару напялил на себя все черное. Плюс — обилие жира.

— Ты видел ее? — требовательно спросил Майлз.

Марк, задрав голову, ехидно посмотрел на брата и коротко ответил:

— Да.

Майлз судорожно вцепился в перила.

— Что она сказала? Как по-твоему, она прочла письмо?

— Надеюсь, ты не забыл, что весьма недвусмысленно пригрозил меня прикончить, если я посмею спросить, прочла ли она твое послание, и вообще каким-то образом коснуться этого предмета в разговоре.

— Напрямую! — нетерпеливо отмахнулся Майлз. — Ты отлично понял, что я имел в

виду не спрашивать напрямую! Я только хочу знать, не можешь ли ты сказать… что-нибудь.

— Если б я мог понять, о чем думает женщина, выглядел бы я *вот так?* — Марк, сердито сверкнув глазами, провел рукой по лицу.

— Откуда мне, к черту, знать? Ты всегда угрюмый. — *В последний раз это было из-за несварения желудка* . Хотя в случае с Марком желудочные проблемы всегда связаны с проблемами эмоциональными. Спохватившись, Майлз запоздало поинтересовался: — Ну и… Как поживает Карин? С ней все в порядке?

— В некотором роде, — скривился Марк. — А может, и нет.

— Вот как! — Чуть помедлив, Майлз добавил: — Черт. Мне очень жаль.

Марк пожал плечами. Глядя вверх на Майлза, он с досадливой жалостью покачал головой.

— Вообще-то Катриона передала тебе со мной послание.

Майлз чуть было не нырнул через перила.

— Что? Что?!

— Она просила передать, что принимает твои извинения. Поздравляю, дорогой братец, похоже, ты выиграл тысячеметровый заплыв. Смею добавить, что ей следовало бы подкинуть тебе очков за стиль.

— Ура! — Майлз грохнул кулаком по перилам. — Что еще? Она что-нибудь еще сказала?

— А чего еще ты ждал?

— Не знаю. Чего-нибудь. «Да, вы можете мне позвонить», или «Нет, больше никогда не смейте ступать на мой порог», или еще что. Подсказку, Марк!

— Придется тебе отправляться искать подсказку самому.

— А мне можно? То есть она ведь не говорила, чтобы я не смел больше ее беспокоить, да?

— Она сказала, что не может ответить на твой вопрос. Пережевывай пока это, криптоман. У меня своих забот хватает. — Марк, качая головой, удалился в сторону лифта.

Майлз влетел к себе в комнату и плюхнулся в кресло. Надежда ожила, как реанимированный криотруп, не страдающий посткриогенной амнезией — и, значит, усвоил урок.

На его взгляд, «Я не могу ответить на его вопрос» не звучало как «Нет». Хотя, конечно, и не звучало как «Да». Скорее это походило на… еще один последний шанс. Каким-то чудом ему позволили начать заново. Отползти на исходную позицию и начать заново. Все верно.

Так как же теперь к ней подступиться? *Только никакой поэзии, упаси Господь. Я явно не рожден под звездой поэтов* . Судя по вчерашним усилиям (плоды которых Майлз предусмотрительно изъял из мусорной корзины и потихоньку сжег), любые вирши, выходящие из-под его пера, скорее всего будут тошнотворными. А если ему вдруг чудом удастся наваять нечто приличное и она захочет еще, то к чему это приведет? Он представил себе, как Катриона сердито кричит: «Ты не тот поэт, за которого я вышла замуж!» Нет уж, никаких больше ложных представлений.

От входной двери послышался шум. Пим впустил посетителя. Судя по голосу, мужчину. Наверное, кто-то к отцу. Майлз снова уселся поудобней.

Она приняла твои извинения! Она приняла твои извинения! Перед ним вновь открылась жизнь. Вернулась надежда.

Он смотрел в окно на умиротворяющий душу сад, и паническое состояние, в котором он пребывал последние недели, потихоньку отступало. Теперь, когда скрытое нетерпение исчезло, может, ему удастся чуть-чуть утихомириться и стать ей просто другом? Что предпочтет *она?..*

А может, пригласить ее на прогулку в какое-нибудь красивое место? Только не в парк и не сад. В лес, на побережье… Чтобы, если разговор заглохнет, было на что бросить взгляд. Не то чтобы Майлз полагал, что лишится дара речи. Теперь, когда нет необходимости лгать и скрытничать, перед ним открылись поразительные возможности. Ему еще так много нужно

ей сказать…

Возникший в дверях Пим прокашлялся. Майлз повернул голову.

— Лорд Форкосиган, к вам с визитом господин Ришар Форратьер, — объявил Пим.

— *Лорд Форратьер* , Пим, будь любезен, — поправил Ришар.

— Ваш кузен, милорд. — Пим бесстрастным кивком пригласил Ришара в гостиную. Ришар, уловив нюанс, с подозрением глянул на оруженосца.

Майлз не видел Ришара около года, но кузен мало изменился. Разве что чуть постарел, раздался в поясе и волосы на лбу поредели. На Ришаре был серо-синий костюм с кантом и эполетами, более подходящий для дневных визитов, чем официозный мундир. Выглядел Ришар, как всегда, недовольным. Он хмуро обвел взглядом бывшие апартаменты генерала Петера.

— Тебе внезапно потребовался Имперский Аудитор, Ришар? — тихонько поддел Майлз, недовольный вторжением. Он собирался приступить к составлению следующего письма Катрионе и вовсе не хотел общаться с Форратьером. И вообще — с кем бы то ни было.

— Что? Нет, конечно! — возмутился было Ришар и быстро моргнул, будто только что вспомнил о новом статусе Майлза. — Я вообще не к тебе пришел, а к твоему отцу, чтобы обсудить голосование на Совете по поводу припадочного иска леди Донны. — Ришар покачал головой. — Он отказался меня принять. Отослал к тебе.

Майлз полувопросительно покосился на Пима.

— Граф и графиня, которым вечером предстоит посетить несколько светских приемов, изволят отдыхать, милорд, — провозгласил Пим.

Майлз видел родителей за обедом, они вовсе не выглядели усталыми. Но вчера вечером отец сообщил, что намерен воспользоваться свадьбой Грегора и отдохнуть от обязанностей вице-короля, а потому не намерен снова возлагать на себя обязанности графа. «Так что давай сам, малыш, ты отлично справляешься». И мать горячо поддержала это заявление.

— Да, Ришар, я по-прежнему Голос моего отца.

— Я думал, раз он вернулся в город, теперь займется этим сам. Ну да ладно. — Ришар с сомнением посмотрел на Майлза и направился к окну.

— Э-э… присаживайся. — Майлз кивком указал на стул. — Спасибо, Пим, на этом все.

Пим удалился. Майлз не стал предлагать прохладительных напитков — может, так Ришар побыстрее приступит к делу, в чем бы оно ни заключалось. К тому же вряд ли его можно назвать приятным собеседником. *Катриона, Катриона, Катриона …*

Ришар уселся и выдал, по его мнению, весьма сочувственную фразу:

— Я только что столкнулся в коридоре с твоим жирным клоном. Должно быть, он для всех вас огромная обуза. Вы что, ничего не можете с ним сделать?

Трудно сказать, что Ришар считал более оскорбительным: габариты Марка или сам факт его существования. С другой стороны, у Ришара у самого проблемы с родственником, изменившим свое тело.

— Ну да, он — наша обуза. Что тебе надо, Ришар?

Ришар приосанился, выбросив Марка из головы.

— Я пришел к графу Форкосигану поговорить о… Кстати, мне только что пришло в голову — как я понял, ты действительно встречался с леди Донной после ее возвращения с Колонии Бета?

— Ты имеешь в виду лорда Доно? Да. Айвен… нас познакомил. А ты еще не видел… э-э… своего кузена?

— Пока нет, — натянуто улыбнулся Ришар. — Не знаю, кого она надеется обдурить. Она просто не в ладах с реальностью, наша Донна.

Вдохновленный приступом ехидства, Майлз поднял брови:

— Ну, это полностью зависит от того, что ты понимаешь под определением «реальность». На Колонии Бета делают отличную работу. Она отправилась в известную клинику. Я, возможно, не настолько знаком с подробностями, как Айвен, но нисколько не

сомневаюсь, что трансформация — реальная и полная, говоря биологическим языком. И никто не может отрицать, что Доно — истинный фор и законный старший отпрыск графа из оставшихся в живых. Два пункта из трех, а что до остального — что ж, времена меняются.

— Бог ты мой, Форкосиган, это ведь несерьезно! — Ришар выпрямился и поджал губы. — Девять поколений Форратьеров времен Империи завершатся вот *этим?!* Такой вот безвкусной шуткой?

— Это, безусловно, решать Совету Графов, — пожал плечами Майлз.

— Это абсурд! Донна не может наследовать. Подумай о том, что будет дальше! Одна из первейших обязанностей графа — произвести наследника. Какая женщина в здравом уме согласится выйти за него замуж?!

— Как говорят, для каждого есть кто-то. — *Очень обнадеживающая мысль. Да, если уж даже Ришар сподобился найти жену, то это не так уж и трудно.* — Производство наследников — не единственное требование к претенденту. Многие графы не смогли обзавестись потомством по той или иной причине. Как бедолага Пьер, к примеру.

Ришар одарил его раздраженным взглядом, который Майлз предпочел не заметить.

— Доно произвел довольно сильное впечатление на дам, — продолжил Майлз.

— Просто эти чертовы бабы всегда друг дружку поддерживают! — На лице Ришара мелькнуло запоздалое недоумение. — Ты сказал, ее Айвен привел?

— Да. — Каким образом Доно втравил во все это Айвена, Майлз до сих пор толком не понимал, но не испытывал желания делиться с Ришаром своими сомнениями.

— Он когда-то с ней спал, знаешь? Как и половина мужиков Форбарр-Султана.

— Я… что-то слышал об этом. — *Убирайся, Ришар. Неохота мне сейчас выслушивать твои грязные инсинуации* .

— Интересно, он и… Ладно! Никогда бы не подумал, что Айвен Форпатрил перекрасится в голубизну, но век живи — век учись!

— Хм, Ришар… Тут у тебя неувязка вышла. Ты не можешь, с точки зрения логики, обвинять Айвена в гомосексуальной связи с Доно — хотя я сильно сомневаюсь, что таковая существует, — если только не признаешь при этом, что Доно — мужчина. И тогда его заявка на графский титул вполне законна.

— По-моему, — после некоторой паузы чопорно заявил Ришар, — твой кузен Айвен — весьма неразборчивый молодой человек.

— Только не в этом, — вздохнул Майлз.

— Не важно.

— Вынужден согласиться.

— Послушай, Майлз! Я знаю, что вы, Форкосиганы, поддерживаете прогрессистов с самой кончины старого Петера, в точности как мы, Форратьеры, всегда поддерживали консерваторов. Но эта выходка Донны подрывает сами основы власти.

Если мы, форы, не будем держаться вместе по жизненно важным позициям, то придет время, когда все мы, форы, обнаружим, что нам не на что опереться. Полагаю, я могу рассчитывать на твой голос.

— Я еще об этом не думал.

— Ну так подумай теперь! Слушание уже скоро.

Ладно, ладно. Разумеется, Доно куда забавнее Ришара, но это еще не основание для получения графского титула. Придется подумать. Майлз попытался заставить себя отнестись к доводам Ришара более серьезно.

— У тебя есть сейчас какие-то дела, которые ты пытаешься пропихнуть через Совет? — закинул пробный шар Ришар.

Ришар вел дело к торговле голосами, точнее, к виртуальной торговле, поскольку в отличие от Майлза его голос сейчас был чисто виртуальным.

— На данный момент нет. У меня есть личная заинтересованность в починке комаррского солнечного отражателя, поскольку я считаю, что это выгодное капиталовложение для Империи, но, похоже, у Грегора и без меня по этому вопросу

абсолютное большинство. — *Иными словами, у тебя нет ничего, в чем бы я нуждался, Ришар. Даже теоретически* . Однако после некоторых размышлений Майлз все же добавил: — Кстати, что ты думаешь о проблеме Рене Форбреттена?

— Не повезло, — пожал плечами Ришар. — Рене, болван несчастный, в этом не виноват, но что тут можно поделать?

— Подтвердить права Рене? — мягко предложил Майлз.

— Невозможно! — безапелляционно отрезал Ришар. — Он цетагандиец.

— Я вот все пытаюсь найти критерий, по которому человек в здравом уме может обозначить Рене Форбреттена как цетагандийца, — протянул Майлз.

— По крови, — мгновенно ответил Ришар. — К счастью, имеется незапятнанная линия потомков Форбреттенов, один из которых может занять его место. Думается мне, Сигур со временем отлично врастет в графство Рене.

— Ты пообещал Сигуру свой голос?

Ришар откашлялся.

— Ну, коль уж ты завел об этом речь, то да.

Из чего следует, что Ришар теперь имеет поддержку графа Формонкрифа. В этом узком кругу Рене ловить нечего. Майлз сдержанно улыбнулся.

— Эта отсрочка с моим утверждением просто бесит, — после небольшой паузы продолжил Ришар. — Три месяца псу под хвост, округ Форратьеров три месяца без управления, а Донна развлекается.

— М-м-м… такого рода хирургические операции отнюдь не обыденны и не безболезненны. — Уж в чем-чем, а в той разновидности технопыток, каковая называется современной медициной, Майлз разбирался неплохо. — В каком-то смысле ради этого Доно убил Донну. И думается мне, он смертельно серьезен. И полагаю, что, пожертвовав столь многим, будет высоко ценить приз.

— Ты не… — Ришар казался совершенно ошарашенным. — Ты ведь не собираешься голосовать за нее, да? Не думаешь же ты, что твой отец это одобрит!

— Безусловно — если я так решу. Я — его Голос.

— Твой дед, — Ришар оглядел гостиную, — в гробу перевернется!

Майлз как-то невесело улыбнулся.

— Не знаю, Ришар. Первое впечатление лорд Доно производит отличное. Возможно, поначалу его будут принимать из чистого любопытства, но я вполне допускаю, что в дальнейшем его станут приглашать за его собственные заслуги.

— Ты поэтому принял ее в особняке Форкосиганов? Из любопытства? Должен сказать, этим поступком ты не слишком помог Форратьерам. Пьер был странным… Он показывал тебе свою коллекцию шляп, обшитых золотой фольгой? И его сестрица не лучше. Эту женщину за такие дела надо бы запереть в мансарде.

— Тебе следовало бы отбросить предрассудки и встретиться с лордом Доно. — *Вообще-то ты можешь уйти отсюда в любой момент* . — Он полностью очаровал леди Элис.

— Леди Элис не имеет голоса на Совете. — Ришар, нахмурившись, ожег Майлза взглядом. — А тебя он… Она тоже очаровала?

Майлз пожал плечами:

— Я бы так не сказал. — И добавил в припадке честности: — В тот вечер он меня мало волновал.

— Да, — буркнул Ришар, — наслышан о твоих бедах.

Что?! Майлз внезапно обнаружил, что Ришар овладел его вниманием целиком и полностью.

— И что же это за беды? — опасно ласковым тоном поинтересовался он.

— Порой ты напоминаешь мне моего кузена Бая, — ядовито усмехнулся Ришар. — Он частенько становится слащавым, но он далеко не такой хитрец, каким себя воображает. Я думал, тебе хватит тактического соображения запечатать все выходы, прежде чем устраивать

ловушку. — Он немного поразмыслил. — Хотя я начинаю больше ценить Алексову вдовушку за то, что она сумела противостоять тебе.

— Алексову вдовушку? — выдохнул Майлз. — Я и не подозревал, что Алекс женат, не говоря уж о том, что он скончался. И кто же эта счастливица?

Ришар одарил его взглядом, в котором явственно читалось «не строй из себя идиота». Улыбочка стала еще более странной, когда до Ришара дошло, что ему удалось наконец вывести Майлза из апатии.

— Это ведь так очевидно, милорд Аудитор. А? Вам не кажется? Так очевидно! — Откинувшись на стуле, он, сощурившись, смотрел на Майлза.

— Боюсь, что ничего не понимаю, — совершенно бесстрастно ответил Майлз. Автоматически, точно дыхание, у него включился режим Безопасности: лицо, жесты, поза — все сдержанное, не выдающее его истинных чувств.

— Так удачно приключившаяся смерть администратора Форсуассона? Алекс считает, что до этого вдова не предполагала, каким образом — и почему — скончался ее муж. Но после ее отчаянного бегства с твоей вечеринки, на которой ты сделал предложение, весь Форбарр-Султан думает, что теперь ей все известно.

Майлз ничем не выдал своих чувств.

— Если ты говоришь о покойном муже госпожи Форсуассон, — произнес он с вежливой улыбкой, — то Тьен погиб из-за неполадки с респиратором. — Майлз не добавил «в моем присутствии». Вряд ли бы это замечание… помогло.

— Респиратор, говоришь? Довольно легко устроить. Я могу, не напрягаясь, выдать пару-тройку вариантов.

— Наличие мотива не является доказательством убийства. Или… Раз уж ты так хорошо в этом разбираешься… Что произошло в ту ночь, когда погибла невеста Пьера?

— Я был под следствием и очищен от подозрений, — вскинул голову Ришар. — А ты — нет. Я не знаю, правда ли то, что о тебе болтают, да и меня это мало волнует. И сомневаюсь, что это заботит тебя.

— Верно. — Майлз по-прежнему вежливо улыбался. — Ну и как, понравилось тебе быть подследственным?

— Нет, — отрубил Ришар. — Ублюдки из Безопасности копались в моих личных делах, ни одно из которых их не касалось… Меня самого оболванили суперпентоталом… Они обожают, когда к ним в руки попадает фор. Ссут от счастья, что могут поизгаляться. Но тебе это не грозит, ты ведь в Совете Графов и выше нас всех. Нужно быть отчаянным дураком, чтобы выдвинуть обвинение против человека такого ранга. Да и кто от этого выиграет? Никто и ничего.

— Верно. — Обвинение прихлопнут на корню по причинам, о которых Ришар ничего не знает, и Майлзу с Катрионой придется терпеть все досужие домыслы и сплетни, которые за сим воспоследуют. Никакого выигрыша.

— За исключением, возможно, юного Алекса и вдовы Форсуассон. С другой стороны… — Ришар уставился на Майлза с растущей уверенностью. — Совершенно очевидная выгода для тебя, если никто такого обвинения не выдвинет. Тут я вижу возможный вариант выигрыш-выигрыш.

— Неужели?

— Да ладно, Форкосиган! Мы с тобой оба — старые форы. Глупо нам ссориться, когда следует быть по одну сторону баррикады. Наши интересы совпадают. Это традиция. Не прикидывайся, будто твой отец и дед не были главными барышниками в своей партии.

— Мой дед… учился политике у цетагандийцев. Безумный император Ури его образование довершил. Дед выдрессировал отца. — *И оба выдрессировали меня. И это единственное предупреждение, которое ты получишь, Ришар* . — Когда я появился на свет, политика служила для деда лишь развлечением на старости лет.

— Ну, значит, тебе все ясно. Полагаю, мы друг друга отлично поняли.

— Давай проверим. Я правильно понял? Ты предлагаешь не выдвигать против меня

обвинения в убийстве, если я на Совете Графов проголосую за тебя, а не за Доно?

— По мне, и то, и другое очень неплохо.

— А если обвинение выдвинет кто-нибудь другой?

— Для этого, во-первых, нужна смелость, а во-вторых — заинтересованность. Вряд ли такое возможно, а?

— Трудно сказать. Весь Форбарр-Султан — непредвиденно большая аудитория для моего тихого семейного ужина. Ты сам, например, где услышал эту… инсинуацию?

— На скромном семейном ужине, — ухмыльнулся Ришар, откровенно радуясь растерянности Майлза.

И какими путями просочилась информация? Бог ты мой, неужели у истоков Ришаровой болтовни — прорыв в системе безопасности? Потенциальные проблемы куда как выходят за рамки драки за округ. СБ будет дьявольски сложно отследить источник.

Весь Форбарр-Султан! Черт побери — черт побери — черт побери!

Майлз выпрямился и, улыбаясь, посмотрел Ришару в глаза.

— Знаешь, Ришар, я рад, что ты пришел со мной поговорить. До этой нашей милой беседы я действительно не определился, как буду голосовать по вопросу округа Форратьеров.

Ришар казался довольным.

— Я не сомневался, что мы договоримся.

Попытка подкупа или шантажа Имперского Аудитора во время расследования расценивается как государственная измена. Попытка подкупа или шантажа графа во время перетягивания голосов — штука вполне обыденная и не расценивается никак. Графы традиционно ожидали от своих сотоварищей, что они в этой игре будут защищать свои интересы всеми доступными способами, иначе тебя сочтут слишком глупым, чтобы жить. Ришар пришел к Майлзу как к голосующему депутату от округа, а не как к Имперскому Аудитору. Подменять ипостаси и правила игры казалось нечестным. *К тому же я хочу получить удовольствие, уничтожив его сам как лорд Форкосиган* . Что вдобавок к этому найдет СБ, касается лишь СБ. К тому же у Имперской безопасности начисто отсутствует чувство юмора. Имеет ли Ришар хоть малейшее представление, на какой рычаг пытается надавить? Майлз снова изобразил улыбку.

Ришар улыбнулся в ответ.

— Что ж. Мне еще надо сегодня посетить других. — Он встал. — Благодарю вас за поддержку, лорд Форкосиган. — Ришар протянул руку. Майлз без малейшего колебания крепко ее пожал и сопроводил Форратьера до дверей гостиной, откуда подоспевший Пим отвел гостя к выходу. Майлз улыбался до тех пор, пока не услышал, как за Ришаром закрылась входная дверь.

И тут улыбка мгновенно трансформировалась в самый настоящий рык. Майлз трижды обежал гостиную в поисках чего-нибудь не слишком ценного, что можно было бы расколотить, не обнаружил ничего подходящего, выхватил из ножен дедов кинжал с печаткой и с силой метнул в дверной косяк. Вибрирующий звон клинка стих слишком быстро. Через несколько минут Майлз овладел собой и придал лицу невозмутимое выражение.

Пройдя в кабинет, он уселся перед коммом. Отшвырнул в сторону утреннее послание от Айвена, в котором кузен просил срочно с ним связаться, и вызвал закрытую линию. И несколько удивился, когда его с первой же попытки соединили с генералом Гаем Аллегре, нынешним шефом Имперской безопасности.

— Добрый день, милорд Аудитор, — поздоровался Аллегре. — Чем могу быть полезен?

— Добрый день, Гай. — Майлз помедлил, желудок свело от отвращения перед предстоящим разговором. Ничего, потерпит. — У комаррского дела появилось довольно неприятное продолжение (не было необходимости пояснять, какого дела), о котором я только что узнал. На первый взгляд, проблема сугубо личного порядка, но, вполне вероятно,

потребует внимания СБ. Похоже, меня обвиняют на суде всеобщих слухов в том, что я напрямую приложил руку к смерти Тьена Форсуассона. Предполагаемый мотив — желание завладеть его вдовой. — Майлз сглотнул. — Вторая часть, к сожалению, правда. Я… — *как бы это сформулировать покрасивше?* — пытался ухаживать за ней. Не очень… Ну, возможно.

— Действительно, — поднял бровь Аллегре. — Что-то по этому поводу только что мелькало у меня на столе.

Ррр! Что именно, черт тебя дери?!

— Правда? Однако быстро. — *Или об этом действительно звонят по всему городу?* Да, скорее всего так и есть, и Майлз далеко не первый об этом узнал.

— Все, что возникает в связи с этим делом, помечено красным, чтобы я сразу обратил внимание.

Майлз выждал, но Аллегре не соизволил ничего добавить.

— Ладно, у меня есть для тебя информация. Ришар Форратьер только что предложил благородно не выдвигать против меня обвинений в убийстве Тьена Форсуассона в обмен на то, что я проголосую за него на Совете Графов.

— М-м-м… И что ты на это ответил?

— Пожал ему руку и отправил в уверенности, что он меня заполучил.

— А он заполучил?

— Нет, черт возьми! Я проголосую за Доно и раздавлю Ришара, как таракана, каковым он и является. Но мне бы очень хотелось узнать, нет ли тут утечки, или же это просто сфабрикованный слух. От этого в немалой степени зависят мои дальнейшие действия.

— Пока что наш осведомитель не уловил ничего, что указывало бы на утечку информации. Никаких ключевых деталей широкой публике не известно. Я только что посадил на это дело аналитика.

— Отлично. Спасибо.

— Майлз… — Аллегре задумчиво пожевал губу. — Не сомневаюсь, что тебе все это крайне неприятно. Но надеюсь, что ответные действия не привлекут к комаррскому делу больше внимания, чем необходимо.

— Если тут утечка, это твоя забота. Если же чистой воды клевета… — *То что мне, к черту, с этим делать?*

— Могу я узнать, что ты намерен делать дальше?

— Прямо сейчас? Позвонить госпоже Форсуассон и сообщить ей о том, что происходит. — От одной только мысли об этом Майлза начало мутить. Он так стремился выразить ей уважение, а тут — такая тошнотворная новость! — Это касается… Это вредит ей не меньше, чем мне.

— Хм, — потер подбородок Аллегре. — Чтобы не мутить еще больше и так уже мутную воду, я бы попросил тебя повременить со звонком, пока мой аналитик не скажет, какое место госпожа Форсуассон занимает в этом деле.

— Ее место? Да она просто невинная жертва!

— Не спорю, — успокоил его Аллегре. — Меня волнует не столько возможная нелояльность, сколько обычная неосторожность.

СБ с самого начала не слишком радовалась участию Катрионы — не принесшего присяги гражданского лица, неподконтрольного Имперской безопасности — в самом горячем засекреченном событии года. А то и столетия. Несмотря даже на то, что Катриона собственноручно вручила им, неблагодарным, заговорщиков — в упаковочке, перевязанных ленточками.

— Неосторожность? По-моему, она, наоборот, чересчур осторожна.

— По твоим наблюдениям?

— По моим *профессиональным* наблюдениям.

Аллегре официозно кивнул:

— Да, милорд. Нам будет приятно это доказать. Не хочешь же ты, в конце концов,

чтобы СБ… попала впросак.

На это Майлз мог лишь холодно кивнуть, проглотив крутившиеся на языке комментарии.

— Ладно-ладно, — снизошел он.

— Я прикажу аналитику информировать тебя как можно быстрее, — пообещал Аллегре.

Майлз с досадой стиснул кулаки и нехотя разжал. Катриона редко выходит из дому. Пройдут дни, прежде чем эти слухи доберутся до нее из других источников.

— Хорошо. Держи меня в курсе.

— Будет сделано, милорд.

Майлз отключил комм.

И тут до него запоздало дошло, что в своей рефлекторной боязни за распространение секретной информации он пошел на поводу у Ришара Форратьера. *Десять лет службы в СБ даром не проходят.* Майлз счел Ришара быком, а не психологом. Если бы он немедленно дал отпор, Ришар вполне мог отступить, пойти на попятную, побоявшись потерять потенциальный голос.

Ну, как бы то ни было, поздно пытаться переиграть разговор. И то, что Майлз проголосует против Ришара, продемонстрирует тщетность попыток шантажировать Форкосиганов.

И подарит ему до конца дней врага в Совете Графов… Заставит ли Ришара его блеф исполнить угрозу или, наоборот, отступить? *Черт, да ему придется!*

В глазах Катрионы Майлз едва-едва выполз из той ямы, которую сам себе вырыл. Ему хотелось быть вместе с ней, но, Бог ты мой, не на процессе же по обвинению в убийстве ее мужа. Она только-только начала забывать о своем кошмарном замужестве. Официальное обвинение снова протащит ее через весь этот кошмар, погрузит ее в пучину стресса, унижения, разочарования и усталости. Борьба за власть в Совете Графов — не тот садик, где растут цветы любви.

Конечно, вся эта затея обрубится на корню, если Ришар не получит графство Форратьеров.

Но у Доно нет ни малейшего шанса …

Майлз заскрежетал зубами. *Теперь есть!*

Секунду спустя он набрал другой код и принялся нетерпеливо ждать.

— Привет, Доно! — быстро проговорил Майлз, едва на головиде возникли очертания лица. Фоном служило строгое великолепие салона особняка Форратьеров. Когда изображение прояснилось, Майлз понял свою ошибку. С экрана радостно улыбалась Оливия Куделка. На щеке у нее темнела полоска грязи, под мышкой Оливия держала три свернутых пергамента.

— О… Оливия. Извини. Э-э… лорд Доно есть?

— Конечно, Майлз! Совещается со своим поверенным. Сейчас я его позову. — Она мгновенно исчезла. Майлз слышал, как она кричит: — Эй, Доно! Угадай, кто на связи!

Через считанные мгновения на головиде возникла бородатая физиономия. Доно Форратьер вопросительно поднял бровь.

— Добрый день, лорд Форкосиган. Чем обязан?

— Привет, лорд Доно. Мне тут пришло в голову, что по тем или иным причинам мы так и не закончили в тот вечер наш разговор. Хотел сообщить тебе — на случай, если ты сомневался, — что твои претензии на округ Форратьеров имеют мою полную поддержку и голос моего округа.

— Благодарю, лорд Форкосиган. Рад это слышать. — Доно чуть помедлил. — Хотя и удивлен… Ты дал мне понять, что предпочитаешь стоять выше всей этой кутерьмы.

— Предпочитал. Но мне только что нанес визит твой кузен Ришар. Ему удалось опустить меня до своего уровня прямо-таки с фантастической скоростью.

Доно закусил губу, пытаясь сдержать улыбку.

— Да, Ришар порой оказывает на людей именно такое воздействие.

— Мне бы хотелось завтра встретиться с тобой и Рене Форбреттеном. В особняке Форкосиганов или в любом удобном для вас месте. Думается, совместное стратегическое планирование вам обоим не повредит.

— Буду счастлив получить ваш совет, лорд Форкосиган. Когда?

Несколько минут совмещения графиков, коррекции и модификации планов на завтра и попутный звонок Рене Форбреттену — и в итоге договоренность о встрече на послезавтра. Майлз охотно предпочел бы встретиться прямо сегодня, сию секунду, но был вынужден согласиться, что сначала надо все трезво обдумать.

Он сердечно попрощался с обоими, как он надеялся, будущими коллегами и потянулся набрать очередной код. И замер. Если он сейчас позвонит Катрионе и станет вести обычную светскую беседу, зная, что происходит, то снова ее обманет. И крупно.

Но что ему, к дьяволу, сказать, когда Аллегре даст добро?

Майлз вскочил со стула и принялся вышагивать по комнате.

Запрошенный Катрионой год траура пошел бы на пользу не только ее израненной душе. Через год воспоминания о таинственной гибели Тьена выветрятся из памяти людей, и вдова сможет достойно появиться в обществе и спокойно принимать ухаживания мужчины, с которым знакома уже достаточно давно. Так ведь нет же! Сгорая от нетерпения, панически боясь потерять ее, Майлз принялся подталкивать и подгонять, пока не перехлестнул через край.

Да, не трепись он о своих намерениях по всему городу, Иллиан никогда не запутался бы и не проболтался. Не было бы скандала. Не было бы сплетен. *Хочу машину времени, чтобы вернуться в прошлое и застрелиться* .

Майлз вынужден был признать, что весь сценарий отлично укладывается в рамки политической дезинформации. В бытность свою тайным агентом он впадал в экстаз из-за куда меньших промахов своих противников. Если он сам ставит себе ловушку, так это знак свыше.

Ты уже угодил в собственную ловушку, болван!

Если бы он держал рот на замке, ему удалось бы выйти сухим из воды даже с этой утонченной полуложью насчет сада. Катриона по-прежнему работала бы у него и… тут он остановился. Кросс-бол. Был бы тот несчастный период его юности чуть менее несчастным, если б он так и не узнал об этой благой лжи? *Ты предпочитаешь чувствовать себя дураком или быть таковым?* Для себя он ответ знал точно. Неужели к Катрионе он проявит меньшее уважение?

Уже проявил. Кретин!

Как бы то ни было, обвинение, судя по всему, касается его одного. Если Ришар не солгал — ха! — то ее даже рикошетом не задело. *И если ты снова не начнешь вокруг нее увиваться, так оно и останется* .

Майлз тяжело опустился на стул. И сколько же ему придется держаться в стороне, чтобы утихли сплетни? Год? Годы? Вечность?

Дьявольщина! Единственное преступление, которое он совершил, — это влюбился в храбрую и прекрасную женщину. Что тут плохого? Он хотел подарить ей Вселенную или хотя бы кусочек Вселенной. Как такие добрые намерения могли превратиться в такую… *неразбериху?*

Внизу снова послышались голоса. По лестнице прогремели сапоги, и Майлз пожалел, что не сказал Пиму, что его ни для кого нет дома. Однако в дверях возник вовсе не Пим.

Майлз застонал.

— Привет, братец! — жизнерадостно улыбнулся Айвен. — Боже, да ты до сих пор в разобранном состоянии!

— Отстаешь от времени, Айвен. Я *снова* в разобранном состоянии.

— Да? — Айвен устремил на него вопросительный взгляд, но Майлз только отмахнулся. Айвен пожал печами: — Ну, так что у нас тут есть? Вино? Пиво? Вкусности

матушки Кости?

Майлз махнул в сторону встроенного бара.

— Угощайся сам.

Айвен плеснул себе вина.

— А тебе что налить? — поинтересовался он.

Не будем начинать по-новой .

— Ничего. Спасибо.

— Ну как скажешь. — Айвен подошел к окну, взбалтывая вино в бокале. — Ты видел мои послания по комму?

— Ах да, извини. Денек выдался суматошный. — Майлз гневно сверкнул глазами. — Боюсь, из меня сейчас плохой собеседник. Меня только что огорошил Ришар Форратьер, кто бы мог подумать! И я до сих пор перевариваю информацию.

— А! Хм. — Айвен покосился на дверь и отхлебнул вина. Затем кашлянул. — Если это насчет слухов об убийстве, так лучше бы ты удосужился ответить на мои чертовы послания — тогда бы тебя не огорошили. Я старался.

Майлз изумленно уставился на кузена.

— Господи, и ты туда же? Неужели в чертовом Форбарр-Султане уже все слышали эту туфту?

— Насчет всех не скажу, — пожал плечами Айвен. — Мать пока об этом не упоминала, но она могла счесть, что это слишком глупо, чтобы обращать внимание. Байерли Форратьер сообщил мне, чтобы я передал тебе. На рассвете, заметь! Он обожает такого рода сплетни. И ему в лом держать их при себе, если только он не сам их и раздувает, чтобы позабавиться. Или он играет в какую-то хитроумную игру. Я даже не знаю, на чьей он стороне.

Майлз помассировал лоб.

— Кхе!

— Как бы то ни было, суть в том, что не я это начал. Ты уловил?

— Ага, — вздохнул Майлз. — Полагаю. Сделай одолжение, дави все слухи в зародыше, где только услышишь.

— А кто мне поверит? Всем известно, что я твой вечный ишак. К тому же я ведь не был свидетелем. И знаю не больше, чем все остальные. — И добавил после короткого размышления: — Меньше.

Майлз прикинул имеющиеся возможности. Смерть? Смерть будет куда спокойней, к тому же не придется страдать от этой пульсирующей головной боли. Но всегда остается риск, что какой-нибудь энтузиаст снова оживит его еще в худшем состоянии, чем прежде. К тому же ему необходимо прожить еще чуть-чуть, чтобы проголосовать против Ришара. Он задумчиво оглядел кузена.

— Айвен…

— Я не виноват! — мгновенно отреагировал Айвен. — Это не мое дело, ты не можешь меня заставить, и если ты хочешь меня задействовать хоть на сколько-нибудь, тебе придется сразиться с моей матушкой. Если рискнешь. — Он кивнул, довольный собственной находчивостью.

Майлз откинулся на стуле и некоторое время пристально смотрел на Айвена.

— Ты прав, — произнес он наконец. — Я слишком часто злоупотреблял твоим добрым отношением. Извини. Не важно.

Айвен, как раз отхлебнувший глоток вина, уставился на братца в немом изумлении. Брови его поползли вверх. Наконец ему удалось сделать глотательное движение.

— То есть как это — не важно?

— А вот так, не важно, и все. Нет никаких причин втягивать тебя в это грязное дело, зато есть куча причин этого не делать. — Майлз слабо представлял себе, чем Айвен может сейчас помочь.

— Нет необходимости? Не важно? Чего ты добиваешься?

— Боюсь, ничего. Тут ты ничем не поможешь. Но все равно спасибо за

предложение, — вежливо добавил Майлз.

— Я ничего не предлагал, — возразил Айвен и подозрительно сощурился: — Ты что-то затеял!

— Да нет. — Похоже, последующие недели будут самыми неприятными. — Спасибо, Айвен. Уверен, дорогу к выходу ты найдешь сам.

— Ну… — Айвен поиграл бокалом, допил вино и поставил бокал на место. — Разумеется… Позвони… если что-то понадобится.

Он ушел, растерянно оглянувшись, и до Майлза донеслось возмущенное бормотание: «Нет необходимости. Не важно. Да за кого он, черт возьми, себя принимает?..»

Майлз усмехнулся и устроился поудобней на стуле. Ему еще многое предстоит сделать. А сейчас он слишком устал.

Катриона… Имя словно струилось сквозь пальцы, неуловимое, как дым.

Глава 13

Полуденное солнце жарило вовсю. Катриона сидела в садике, изучая разложенный на столе список краткосрочных вакансий — она заказала информацию по комму. Должность, оплата, адрес… Ничего подходящего, ничего даже похожего на ботанику. Она еще раз пробежала глазами список, подумала, нарисовала на полях очередную версию жучка-маслячка, отложила бумаги. Чем бы себя занять? Может, придумать новый вариант сада для тети Фортиц? Такой, чтобы легче было ухаживать за растениями. Осенью тете сделают пересадку сердца — как только будет готов трансплантат. Сердечная недостаточность ей больше не грозит, но, конечно же, садом она заниматься не будет. Как только оправится, снова полностью посвятит себя преподаванию. Сад из одних барраярских растений?.. Нет.

Катриона покачала головой и вернулась к списку вакансий.

Из задумчивости ее вывел голос тети:

— Катриона, к тебе гость.

Она подняла голову — и вздрогнула от неожиданности. Рядом с госпожой профессор стоял Саймон Иллиан. Живая легенда. Конечно, она сидела рядом на званом ужине, но то было в особняке Форкосиганов — а в особняке Форкосиганов возможно все. Но чтобы знаменитый капитан Иллиан средь бела дня возник у нее в саду? Нет, так не бывает.

Капитан Иллиан был ниже и худощавей, чем она его себе некогда воображала. До своей отставки он редко появлялся в видео-новостях. На нем был скромный штатский костюм, какие предпочитает большинство форов для деловых или дневных визитов.

Иллиан посмотрел на Катриону и ласково улыбнулся. Она сделала попытку встать.

— Нет-нет, не надо, госпожа Форсуассон! — Он театрально замахал руками.

— Не… хотите присесть? — смущенно выговорила Катриона, опускаясь на место.

— Благодарю. — Он отодвинул стул и сел, так аккуратно, словно испытывал легкое неудобство. Может, сказываются старые раны, как у Майлза? — Я хотел бы поговорить с вами наедине, если не возражаете. Госпожа Фортиц, кажется, ничего не имеет против.

Тетя кивнула.

— Видишь ли, Катриона, я как раз собралась уходить в университет. Или мне задержаться ненадолго?

— В этом нет необходимости, — тихо ответила Катриона. — Чем занят Никки?

— Играет за моим коммом.

— Хорошо.

Тетя Фортиц еще раз кивнула и ушла в дом.

Иллиан откашлялся:

— Не хочу отнимать у вас время, госпожа Форсуассон, или отрывать от дел. Мне хотелось бы извиниться за то, что я в тот вечер поставил вас в неловкое положение. Я чувствую себя виноватым и очень опасаюсь, что, возможно, нанес… непреднамеренный ущерб.

Катриона подозрительно нахмурилась и машинально принялась теребить воротник.

— Вас Майлз прислал?

— А… Нет. Я посол, уполномоченный исключительно самим собой. Это полностью моя инициатива. Не произнеси я ту дурацкую реплику… Я не вполне понимал всю деликатность ситуации.

— Полагаю, — с горечью произнесла Кэт, — из всех присутствующих только мы с вами оказались столь плохо осведомлены.

— Я боялся, что мне говорили, а я забыл, но, судя по всему, меня действительно не было в списке посвященных. Я к такому пока не привык… — В глазах Иллиана мелькнула тревога, и он поспешил снова изобразить улыбку.

— Вы ни в чем не виноваты, сэр. Ни в чем. Просто кое-кто… прыгнул выше головы.

— Хм… — Иллиан сочувственно покачал головой. Помолчал. Провел пальцем по клеенке. — Кстати, о послах, — наконец заговорил он. — Знаете, сначала я думал, что мне следует прийти к вам и замолвить слово за Майлза — ведь я так неловко встрял в это дело. Но чем дольше я размышлял, тем больше убеждался, что едва ли смогу рекомендовать его вам в качестве мужа. Подчиненным он был ужасным.

— А мне казалось, его карьера в СБ была вполне успешной, — удивилась Катриона.

— Задания СБ он всегда выполнял успешно, зачастую куда успешнее, чем я видел в самых смелых своих мечтах — или в самых страшных кошмарах. Он мог исполнить любой приказ — и устремиться дальше, выходя за все рамки. Если бы можно было установить на него контрольный прибор, я бы установил реостат. Чтобы прикрутить его на пару оборотов… тогда, может, мне и удалось бы оставить его на службе чуть дольше. — Иллиан отстраненно смотрел на сад. — Знаете старую сказку о графе, который, стремясь отделаться от неподходящего жениха для своей дочери, поручил ему три невыполнимых задания?

— Да…

— Никогда не пытайтесь проделать такое с Майлзом. Просто… не пытайтесь — и все.

Катриона не смогла сдержать улыбку. Иллиан улыбнулся в ответ.

— Я бы сказал, — продолжил он более доверительно, — что никогда не считал его тугодумом. Если вы когда-нибудь дадите ему второй шанс… Майлз может вас удивить.

— Приятно? — сухо поинтересовалась Катриона.

Иллиан усмехнулся:

— Не обязательно. — Он снова уставился куда-то в пространство. Улыбка из лукавой стала задумчивой. — За все эти годы у меня было много подчиненных, сделавших безупречную карьеру. Видите ли, совершенство не приемлет риска. Майлз был каким угодно, только не совершенным. Командовать им — огромная привилегия и непрерывный кошмар, и я несказанно удивлен и благодарен, что мы с ним оба вышли из этого живыми. В конечном итоге… его карьера катастрофически рухнула. Но пока этого не случилось, он изменял миры. — В устах Иллиана последнее утверждение совсем не звучало как метафора. Он поглядел на Катриону и слегка приоткрыл ладонь, словно извиняясь, что когда-то держал в ней миры.

— Вы считаете его великим человеком? — серьезно спросила Катриона. *И что это такое, общаться с такой личностью?* — Таким же великим, как его отец и дед?

— Я считаю его великим человеком… но абсолютно не таким, как его дед и отец. Хотя я частенько побаивался, что Майлз жилы себе надорвет, пытаясь стать ими.

Эти слова напомнили ей ту оценку, что дал тогда Майлзу на Комарре дядя Фортиц. Выходит, если гении считают Майлза гением и великим человеком, то он и есть великий человек… Может, стоит заменить его кандидатуру на *действительно хорошего* мужа?

Из окон донеслись голоса — слишком приглушенные, чтобы различить слова. Один, низкий, принадлежал какому-то мужчине, второй, высокий, — Никки. Не похоже на комм или головид. Может, дядя Фортиц пришел? Странно, он вроде собирался вернуться только к ужину.

— Должен сказать, — продолжил Иллиан, задумчиво подняв палец, — что у Майлза

всегда был отменный нюх на людей. Он их либо находил, либо выращивал сам. Никогда не мог понять, как это ему удается. Но если он говорит, что такой-то человек подходит для такой-то работы, то так оно и оказывается. И если он считает, что из вас выйдет превосходная леди Форкосиган, то он, вне всякого сомнения, прав. Хотя, — в голосе Иллиана послышались едва различимые угрюмые нотки, — если вы сочтете возможным поставить на него, то могу лично гарантировать: вы никогда не будете знать, что стрясется в следующий раз. М-да… На самом деле этого не знает никто.

Катриона иронически кивнула:

— Когда мне было двадцать, я уже выбрала. И получила совсем другое.

— О, двадцать лет! — печально улыбнулся Иллиан. — Господи. Да… Когда я в двадцать лет принес присягу императору Эзару, я мечтал сделать военную карьеру. Служба на корабле, в тридцать — командир корабля, к пятидесяти — адмирал, и отставник в шестьдесят с выслугой дважды по двадцать. Все четко и ясно. Жизнь моя потекла по совершенно иному руслу буквально на следующий день, когда вместо корабля мне дали назначение в Имперскую безопасность. И снова изменилась, когда я вдруг обнаружил себя в роли главы СБ в разгар войны, которой не предвидел, и на службе у мальчика-императора, которого десять лет назад и в проекте не существовало. Моя жизнь была сплошной чередой сюрпризов. А пять лет назад и я представить не мог себя нынешнего. И подумать не мог, что буду счастлив. Конечно, леди Элис… — Иллиан смягчился. Он немного помолчал, на губах заиграла странная улыбка. — Впоследствии я пришел к выводу, что принципиальная разница между раем и адом только в людях, которые вас окружают.

Можно ли судить о человеке по тем людям, что его окружают? Может ли она по такому критерию судить о Майлзе? Айвен очарователен и забавен, леди Элис — великолепна и неподражаема, Иллиан, несмотря на свое мрачное прошлое, на редкость мил. Марк, при всем своем ехидстве, настоящий преданный брат. Карин Куделка — вообще просто чудо. Форбреттены, весь остальной клан Куделка, Дув Галени, Ципис, матушка Кости, Пим, даже Энрике… Такое впечатление, что Майлз собирает вокруг себя ярких, умных и талантливых друзей с той же легкостью, с которой комета тащит за собой хвост.

Оглядываясь назад, она поняла, как мало друзей было у Тьена. Он презирал коллег, практически не общался с родственниками. Катриона все время твердила себе, что он просто по природе не слишком общителен и вообще очень занят. После школы Тьен так и не обрел близкого друга. В конце концов она стала разделять с ним его одиночество. Одиночество вдвоем — отличная характеристика их брака.

— Полагаю, вы правы, сэр.

Голос Никки, доносившийся из окна, внезапно подскочил до визга. «Нет, нет!»

Он что, о чем-то спорит с дедом? Катриона в тревоге прислушалась.

— Э-э… прошу прощения. — Она вежливо улыбнулась. — Думаю, мне лучше пойти посмотреть, что там происходит. Я сейчас…

Иллиан понимающе кивнул и сделал вид, что поглощен созерцанием сада.

Катриона вошла на кухню и медленно, давая глазам постепенно привыкнуть к полумраку, двинулась через гостиную в кабинет. И удивленно застыла в дверях.

Голос, который она слышала, принадлежал не дяде Фортицу, а Алексу Формонкрифу.

Никки вжался в огромное кресло дяди. Формонкриф нависал над ним, упираясь руками в подлокотники.

— Возвращаясь к повязкам на запястьях, которые ты видел у лорда Форкосигана на следующий день после убийства твоего отца, — настойчиво говорил Формонкриф. — Какого рода это были повязки? Какого размера?

— Без понятия, — затравленно пожал плечами Никки. — Просто повязки.

— Какие раны под ними скрывались?

— Без понятия.

— Ну, разрезы? Ожоги, как от плазмотрона? Ты не помнишь, не видел их позже?

Никки снова пожал плечами:

— Без понятия. Кажется, неровные, вокруг всего запястья. У него до сих пор остались красные следы. — Голосок Никки звенел — казалось, он вот-вот расплачется.

На лице Формонкрифа мелькнуло хищное любопытство.

— А я и не заметил. Он весьма предусмотрительно носит одежду с длинным рукавом. И это в разгар лета, ха! А были ли у него другие повреждения? На лице, например? Синяки, ссадины, подбитый глаз?

— Без понятия…

— Ты уверен?

— Лейтенант Формонкриф! — решительно вмешалась Катриона. Формонкриф резко выпрямился и повернулся к ней. Никки уставился на мать с явным облегчением. — Что вы делаете?!

— А! Катриона… Госпожа Форсуассон, я пришел повидаться с вами. — Он неуверенно обвел рукой заставленный книгами кабинет.

— Тогда почему не вышли ко мне в сад?

— Я воспользовался случаем поговорить с Никки и очень рад, что это сделал.

— Мама, — заикаясь, проговорил с кресла Никки, — он сказал, что лорд Форкосиган убил па!

— Что?! — У Катрионы пресеклось дыхание. Она в ужасе смотрела на Формонкрифа.

Формонкриф беспомощно развел руками:

— Секрет больше не секрет. Правда уже известна.

— Какая правда? *Кому* известна?

— Об этом шепчутся по всему городу, но никто не осмеливается — или не желает — ничего предпринимать. Все они трусы и сплетники. Однако картинка становится все яснее! Двое мужчин уезжают в комаррскую пустыню, а возвращается только один, причем с довольно странными ранами — как выяснилось. Вот уж действительно *неполадка с респиратором* . Но я мгновенно понял, что вы понятия не имели об этом коварном замысле, пока Форкосиган не утратил осторожности и не сделал вам предложение. Неудивительно, что вы убежали в слезах.

Катриона попыталась что-то сказать — и не смогла. Волной обрушились кошмарные воспоминания. *То, в чем ты его обвиняешь, физически невозможно, Алекс. Я знаю. Это я нашла их обоих там, в пустыне, и живого, и мертвого* . В голове мгновенно пронеслись все предостережения. Дело под грифом «секретно»! От подробностей смерти Тьена до лиц и предметов, о которых нельзя упоминать, — всего один шаг!

— Все было совсем не так, — сказала она наконец куда менее уверенно, чем хотела бы.

— Готов поспорить, Форкосигана никто не допрашивал с суперпентоталом. Я прав?

— Он бывший офицер СБ. Сомневаюсь, что к нему можно применять суперпентотал.

— Как удачно, — язвительно улыбнулся Формонкриф.

— С суперпентоталом допрашивали меня.

— И очистили от всяких подозрений в соучастии! Я в этом никогда не сомневался!

— Соучастии… в чем? — Слова застревали в горле. Неловкие подробности допроса под воздействием сыворотки правды, который ей пришлось пережить на Комарре после гибели Тьена, галопом пронеслись в мозгу. Формонкриф припозднился со своими гнусными обвинениями. Тело Тьена еще не успело остыть, как Имперская безопасность уже проиграла этот сценарий.

— Да, мне задали все вопросы, которые грамотный следователь должен задавать ближайшим родственникам человека, погибшего при загадочных обстоятельствах. — *И даже больше* . — И что?

— *Загадочные* обстоятельства. Да, вы еще тогда что-то заподозрили! Я так и знал! — Он отмахнулся от ее попытки исправить неверно подобранного слова «загадочных» на «случайных». — Поверьте, я отлично понимаю стоящую перед вами чудовищную дилемму. Вы не осмеливаетесь обвинить всемогущего Форкосигана, мутантишку-лорда! — гневно сверкнул глазами Формонкриф. — Одному Богу известно, какие неприятности он способен

обрушить на вашу голову! Но, Катриона, у меня тоже есть могущественные родственники! Я пришел предложить вам — и Никки — мою защиту. Примите мою руку, доверьтесь мне, — он потянулся к ней, раскрыв объятия, — и клянусь, вместе мы сделаем так, чтобы этому маленькому монстру воздали по заслугам!

Катриона ловила ртом воздух, начисто утратив дар речи, и судорожно искала взглядом любое оружие. Единственный подходящий предмет — каминная кочерга, только вот что лучше: грохнуть лейтенанта по башке или врезать ему по заднице?

Никки наконец заплакал, судорожно всхлипывая, а Формонкриф стоял между ними. Катриона попыталась обойти его. Формонкриф, неверно истолковав ее движение, мужественно раскрыл объятия — и тут же обиженно взвыл, получив со всего размаху по носу ребром ладони.

— Уй! — взвыл он. Удар не проломил переносицу и не убил негодяя на месте, как писали в книгах, но по крайней мере нос Формонкрифа мгновенно распух и из него ручьем потекла кровь. Прежде чем она успела собраться с силами и двинуть его еще разок, Алекс успел перехватить ее руки. Она отчаянно пыталась вырваться, но он держал крепко.

— Отпусти меня, кретин безмозглый! — завизжала Катриона, едва не срывая голос.

Формонкриф ошарашенно уставился на нее. И как раз в то мгновение, когда Катриона уже собралась с духом, чтобы проверить, насколько хорош удар коленом в пах, от дверей раздался опасно сухой голос Иллиана:

— Леди просила вас отпустить ее, лейтенант. Она не должна просить дважды. Даже один раз не должна просить.

Формонкриф оглянулся, широко раскрыл глаза и поспешно выпустил Катриону. Пальцы его слегка подрагивали, словно он хотел стряхнуть с себя вину. Заговорить ему удалось лишь с третьей попытки.

— Капитан Иллиан! Сэр…

Формонкриф хотел было отсалютовать, но, увидев, что Иллиан в гражданской одежде, поднес руку к носу, потер — и изумленно уставился на измазанную кровью ладонь.

Катриона скользнула мимо него в кресло, опустилась рядом с всхлипывающим сыном, крепко обняла. Сынишку трясло. Она в ярости оглянулась:

— Как вы посмели прийти сюда без приглашения и без разрешения расспрашивать моего сына?! Как вы смеете его пугать и травмировать?! Как вы смеете?!

— Очень хороший вопрос, лейтенант, — произнес Иллиан. Взгляд у него был тяжелый, ледяной и совсем не добрый. — Не соизволите ли ответить, чтобы удовлетворить наше с госпожой Форсуассон любопытство?

— Видите ли… Понимаете, сэр… Я… я…

— Что *я* видел, — тем же ледяным тоном сказал Иллиан, — это что вы незваным и без предупреждения явились в дом Имперского Аудитора в его отсутствие и прибегли к физическому насилию в отношении члена его семьи. — Ошарашенный Алекс держался за нос, будто пытался скрыть улики. — Кто ваш непосредственный начальник, лейтенант Формонкриф?

— Но она ударила… — Формонкриф сглотнул и оставил в покое свой несчастный нос. — Полковник Ушаков, сэр. Оперативное управление.

Иллиан спокойно снял с пояса аудиоорганайзер, надиктовал информацию, полное имя и звание Алекса, число, время, место и с коротким щелчком — прозвучавшим в тишине пугающе громко — снова пристегнул органайзер на пояс.

— Генерал Аллегре свяжется с полковником Ушаковым. Вы свободны, лейтенант.

Формонкриф трусливо попятился, замер, умоляюще протянул руку к Катрионе.

— Пожалуйста, Катриона, позвольте мне помочь…

— Вы лжете! — прорычала она, крепко обнимая Никки. — Вы гнусно лжете. Не смейте никогда сюда возвращаться!

Искренняя растерянность Алекса злила куда больше, чем разозлила бы ярость или нахальство. Он что, ни единого слова не понял из того, что она сказала? Формонкриф — по-

прежнему в полном недоумении — вышел в коридор. Стиснув зубы, Катриона слушала, как затихают его шаги.

Иллиан, прислонясь к дверному косяку и скрестив руки, с любопытством наблюдал за ней.

— И давно вы тут стоите? — поинтересовалась Катриона, слегка успокоившись.

— Я пришел, когда вы говорили о допросе с суперпентоталом. Все эти ключевые слова: СБ, соучастие… Форкосиган. Простите, что подслушал: старая привычка… — Он виновато улыбнулся.

— Ну… Спасибо за помощь. Военная дисциплина — штука чудесная.

— Да. Интересно, как скоро до него дойдет, что я ему не командир? Ни ему и никому другому. А, ладно! Так что это за ахинею он тут нес?

Катриона покачала головой и повернулась к Никки:

— Никки, солнышко, что произошло? Сколько этот человек тут пробыл?

Никки все еще всхлипывал, но дрожал уже не так сильно.

— Он вошел почти сразу, как бабушка ушла. И принялся задавать всякие вопросы о том, что происходило, когда лорд Форкосиган с дедушкой были у нас на Комарре.

Иллиан подошел поближе:

— Какие именно, можешь припомнить?

Никки скривился:

— Часто ли лорд Форкосиган оставался с мамой наедине… Откуда мне знать? Если они были одни, то меня-то там не было! Чем занимался лорд Форкосиган, когда я его видел? По большей части ел ужин. Я рассказал ему о поездке на аэрокаре… Он расспрашивал меня о респираторах… — Никки замолчал, сглотнул и посмотрел на мать, судорожно вцепившись ей в руку. — Он сказал, лорд Форкосиган что-то сделал с папиным респиратором! Мама, это правда?

— Нет, Никки. — Она покрепче обняла сынишку. — Это невозможно. Это я их нашла, я знаю точно.

Доказательства очевидны, но что она может рассказать мальчику, не нарушив секретности? Сказать, что лорд Форкосиган был прикован наручниками к перилам и не мог ничего сделать ни с чьим респиратором, включая свой собственный? Никки тут же спросит, кто его приковал и почему. А потом поймет, что он слишком много не знает о той кошмарной ночи, и задумается: а что ему еще не рассказывают? «Почему, мама? Зачем, мама? Что, мама? Почему? Почему? Почему?..»

Она посмотрела на сына.

— Никки! Они все это придумали! Все-все придумали — и только потому, что лорд Форкосиган попросил меня на ужине выйти за него замуж, а я ему отказала.

— А? — мгновенно оживился Никки. — Правда?! Ух ты! Ты же могла стать графиней! С кучей денег и слуг!.. Ты сказала «нет»? — Никки нахмурился. — Так вот почему ты уволилась с работы! Ты так на него разозлилась? Он тебе в чем-то солгал? — В глазах мальчика росло сомнение. Катриона почувствовала, как он напрягся, и ей захотелось взвыть.

— Это не имеет никакого отношения к папе, — решительно отрезала она. — Это… То, что сказал Алекс, — самая настоящая клевета.

— А что такое клевета?

— Это когда кто-то распространяет о ком-то ложь, чтобы нанести ущерб чести и достоинству.

В Период Изоляции за такие дела мужчины вызывали на дуэль. Как жаль, что она не мужчина! Дуэль… Она и сама готова была сейчас кого-нибудь убить, только вот — кого? «Об этом шепчутся по всему городу…»

— Но… — Никки озадаченно посмотрел на нее. — Если лорд Форкосиган был с па, почему он ему не помог? Нас на Комарре в школе учили, как в таких случаях делиться респиратором.

Катриона видела по лицу сына, сколько у него сейчас вопросов. Никки нужны факты,

нужна информация, а пока этого нет, бурное воображение плодит ужасающие картинки. Государственная тайна… Она не имеет права.

Тогда, на Комарре, они договорились, что, если Катриона будет не в состоянии удовлетворить любопытство Никки, она приведет его к лорду Форкосигану, и он — как Имперский Аудитор — объяснит мальчику все про государственную тайну. Скажет, что Никки узнает подробности гибели отца, когда станет взрослым. Ей и в голову прийти не могло, что проблема проявится *в такой* форме и что Имперского Аудитора самого обвинят в убийстве Тьена. *Что делать? Мне необходимо поговорить с Майлзом* .

— Ну-с, так, — пробормотал Иллиан. — Очередной мерзкий образчик политических игрищ… На редкость невовремя.

— Вы это впервые сейчас услышали? Сколько времени эта гнусность гуляет по городу?

Иллиан нахмурился:

— Для меня это новость. Обычно леди Элис держит меня в курсе всех городских сплетен. Вчера вечером она давала для Лаисы прием во дворце, так что мои разведданные — позавчерашней свежести. Однако совершенно очевидно одно: все началось после того достославного ужина у Майлза.

Катриона в ужасе уставилась на Иллиана:

— Как по-вашему, до Майлза это уже дошло?

— Э… Может, и нет. Кто бы стал ему говорить?

— Это я виновата! Если бы я не убежала тогда с таким скандалом… — Катриона замолчала, увидев, как скорбно сжались губы Иллиана. Ну точно, он вообразил, что тоже виноват.

— Мне нужно пойти поговорить кое с кем, — произнес Иллиан.

— Мне нужно поговорить с Майлзом. Мне необходимо поговорить с Майлзом немедленно!

— Меня ждет машина с водителем, — вежливо сказал Иллиан. — Могу я предложить подвезти вас, госпожа Форсуассон?

Подвезти? Но куда девать бедняжку Никки? Тетя Фортиц вернется в лучшем случае часа через два. Взять с собой? Чтобы он присутствовал на этой… А, какого черта! Это ведь особняк Форкосиганов! Там-то уж точно найдется кто-нибудь, к кому его можно отослать. Матушка Кости, Пим, Энрике. Да! Теперь — еще и граф с графиней. Быстро прокрутив в голове все возможности, она кивнула.

— Да.

Катриона надела Никки ботинки, оставила сообщение тете, заперла дверь и проследовала за Иллианом к машине. Никки был бледен и делался все тише и тише.

Ехали недолго. Когда они свернули на улицу, где стоял особняк Форкосиганов, Катриона сообразила, что даже не знает, дома ли Майлз. Она могла бы связаться с ним по комму, но Иллиан так внезапно предложил подвезти… Они миновали пустой заброшенный парк и свернули к дому. В дальнем конце пустоши на бордюре высокой клумбы кто-то сидел. Маленькая одинокая фигурка.

— Стойте!

Иллиан проследил за ее взглядом и сделал знак водителю. Катриона открыла кабину и выскочила, едва машина подъехала к тротуару.

— Могу я еще что-нибудь для вас сделать, госпожа Форсуассон? — спросил Иллиан.

— Да, — выдохнула она. — *Удавить* Формонкрифа!

Иллиан козырнул:

— Постараюсь, сударыня!

Машина тронулась. Катриона с Никки переступили оградительную цепь и вошли в парк.

Почва — живая часть любого парка, целая система микроорганизмов. Но эта почва скоро погибнет на солнце, ее смоют дожди. И никто о ней не позаботится… Майлз сидел возле единственного во всем парке растения — крошечного ростка скеллитума, и трудно

сказать, кто из них выглядел более одиноким и несчастным. У его ног стояла пустая лейка, а сам Майлз озабоченно взирал на росток. Заслышав приближающиеся шаги, он обернулся. Губы его слегка приоткрылись. На какую-то долю секунды черты его лица исказило предельное волнение, тут же подавленное и сменившееся выражением настороженной вежливости.

— Госпожа Форсуассон, — выдавил он. — Что вы тут… э… добро пожаловать. Привет, Никки.

Катриона ничего не смогла с собой поделать. И первые слова, сорвавшиеся у нее с языка, не имели ничего общего с теми, что она заготовила в машине.

— Вы ведь не лили воду на ствол?

Майлз посмотрел на деревце, потом на нее:

— А… а надо было?

— Только вокруг корней. Вы что, не читали инструкции?

Он опять виновато глянул на деревце, словно надеялся обнаружить листок, который по невнимательности просмотрел.

— Какие инструкции?

— Те, что я вам послала. Приложение… Ох, не имеет значения! — Катриона сжала виски, пытаясь собраться с мыслями.

Из-за жары он закатал рукава рубашки, и на ярком солнце красные круговые шрамы на запястьях были отлично видны, как и куда более бледные старые хирургические швы, убегающие вверх по руке. Никки с тревогой уставился на них. До Майлза наконец дошло, что что-то неладно.

— Насколько я понимаю, вы пришли сюда не из-за парка, — более ровным тоном произнес он.

— Нет. — *Это будет трудно… А может, и нет. Он знает. И не сказал мне* . — Вы слышали об этом… чудовищном обвинении?

— Вчера, — угрюмо ответил он.

— Почему же не предупредили меня?

— Генерал Аллегре просил меня дождаться результатов работы аналитика СБ. Если в основе этих… мерзких слухов лежит утечка информации, то я не имею права действовать на свое усмотрение. Если же нет… все равно дело непростое. С обвинением я смог бы бороться. А тут штука куда тоньше. — Он огляделся. — Как бы то ни было, поскольку вы уже в курсе событий, просьба Аллегре лишилась смысла и я могу считать себя свободным от обязательств. Полагаю, нам лучше продолжить разговор в доме.

Катриона кивнула:

— Пожалуй.

— Не соблаговолите ли? — Он указал в сторону особняка. Катриона взяла Никки за руку, и они молча проследовали к дому.

Майлз привел их на «свой» этаж, в ту самую солнечную комнату, где угощал тогда тем памятным ленчем. Он усадил Катриону с Никки на софу, а сам уселся напротив на стул. Вокруг губ у него залегли напряженные складки, какие были тогда на Комарре. Зажав ладони между колен, Майлз подался вперед.

— Когда и каким образом все это дошло до вас?

Катриона, как могла, рассказала ему о случившемся. Никки изредка вставлял свои добавления. Майлз выслушал скороговорку Никки с таким неподдельным уважением, что мальчик слегка успокоился, несмотря на жуткую суть изложенного. Впрочем, когда Никки живописал подробности того, как его матушка расквасила Формонкрифу нос, Майлз с трудом сумел сдержать улыбку.

— …и кровища залила ему весь китель!

Майлз с Никки радостно переглянулись. Но веселый момент миновал.

Майлз потер лоб.

— В иных обстоятельствах я мог бы ответить на некоторые вопросы Никки здесь и

сейчас. Но в свете последних событий мои слова, к сожалению, могут подвергнуться сомнению. Формулировка «конфликт интересов» и наполовину не описывает ситуацию, в которой я оказался. — Он тихо вздохнул и откинулся на спинку стула, весьма неубедительно пытаясь изобразить спокойствие. — Первое, на что мне хотелось бы указать, — это что всех собак навешали на меня. Вы, судя по всему, остались за бортом. И я бы желал, чтобы так оно и оставалось. Если мы… не будем встречаться, ни у кого не возникнет мысли избрать вас объектом следующих клеветнических нападок.

— Но в таком случае вы будете выглядеть еще хуже, — возразила Катриона. — Тогда будет казаться, что я поверила лжи Алекса.

— А иначе все будет выглядеть так, будто мы с вами оба каким-то образом замешаны в смерти Тьена. И я не представляю, как нам выиграть эту битву. Я только вижу, как хотя бы наполовину уменьшить ущерб.

Катриона нахмурилась. *Предоставить тебе в одиночку расхлебывать эту грязь?* Чуть помедлив, она сказала:

— Ваше предложение неприемлемо. Найдите другой выход.

Он внимательно посмотрел на нее.

— Как пожелаете…

— О чем это вы? — требовательно спросил Никки.

— А! — Майлз потеребил губу. — Судя по всему, причина, по которой мои политические противники обвинили меня в повреждении респиратора твоего па, состоит в том, что я пытался ухаживать за твоей мамой.

Ники сморщил нос, переваривая сказанное.

— А вы и вправду просили ее выйти за вас замуж?

— Ну да. Довольно неловким образом. Просил. — Он что, действительно краснеет? Майлз быстро глянул на Катриону. — И теперь я боюсь, что, если мы с ней и дальше будем общаться, люди подумают, будто мы оба состряпали заговор против твоего па. А она боится, что, если мы перестанем общаться, люди решат, что это доказывает, будто она думает, что я и правда — извини, если эти слова тебя огорчают, — убил твоего па. Это называется — что так плохо, что эдак нехорошо.

— Да пропади они все пропадом! — воскликнула Катриона. — Мне глубоко наплевать, что подумают эти невежественные идиоты. Или скажут. Или сделают. Пускай подавятся своими сплетнями! — Она сжала кулаки. — Меня интересует только, что думает Никки.

Чтоб он сдох, этот Формонкриф!

Форкосиган приподнял бровь.

— Думаете, эта версия не дойдет до него откуда-нибудь со стороны, как и первая?

Она отвела глаза. Никки снова заерзал, неуверенно переводя взгляд с одного взрослого на другого. Катриона решила, что сейчас не самый подходящий момент напоминать сыну держать ботинки подальше от дорогой мебели.

— Ладно, — выдохнул Майлз. — Ладно. — Он едва заметно кивнул, и Катриону вдруг потрясло представшее перед ней мысленное видение рыцаря, опускающего забрало перед боем. Некоторое время Майлз пристально изучал Никки, затем облизнул губы. — Итак, Никки… Что ты обо всем этом думаешь?

— Без понятия. — Никки, так ненадолго оживившийся, снова замкнулся. Плохой признак.

— Я сейчас не о фактах. Фактов у тебя пока недостаточно. Попробуй выразить свои чувства. Тревоги. Ну вот, к примеру, скажи, ты меня боишься?

— Не-а, — помотал головой Никки, обхватив руками колени и елозя подошвами по шелковой обивке софы.

— Ты боишься, что это может оказаться правдой?

— Этого просто не могло быть! — вскинулась Катриона. — Физически невозможно!

— Но он ведь был эсбэшником, мам! — поднял глаза Никки. — А агенты СБ могут сделать все что угодно и выдать это за все что угодно!

— Спасибо за… вотум доверия, Никки, — серьезно кивнул Майлз. — Вообще-то, Катриона, Никки по большому счету прав. Я вполне могу вообразить несколько вполне подходящих сценариев, при которых вы бы увидели именно то доказательство, которое видели.

— Назовите хоть один, — брюзгливо потребовала Катриона.

— Самый простой — у меня мог быть неизвестный сообщник. — Майлз едва заметно повел пальцами, будто перекрывая кислородный вентиль. Никки, естественно, не уловил ни жеста, ни намека. — Так что это несложно. А раз их я могу придумать, могут и другие. И я полностью уверен, что кое-кто из этих других не откажет себе в удовольствии поделиться с вами своими подозрениями.

— Вы это предвидите? — в легкой растерянности спросила она.

— Десять лет службы в СБ даром не проходят. И некоторые из полученных навыков не очень приятны.

Волна ярости начала потихоньку откатывать, оставив Катриону одну на пустынном берегу. Она ведь не собиралась вести столь откровенные разговоры в присутствии Никки, но Формонкриф уничтожил все возможности и далее оберегать мальчика, держа его в неведении. Может, Майлз и прав. Им придется так или иначе решать эту задачу. Всем троим придется, готовы они или нет.

— Сокрытие фактов лишь уводит в сторону. И рано или поздно ты сталкиваешься с голой правдой. Или недоверием. — Он повернулся к Никки. Глаза его были непроницаемыми. — А правда такова, Никки. Я не убивал твоего отца. Он вышел из купола с почти пустым респиратором, который не проверил, а затем слишком долго пробыл снаружи. Я совершил две грубые ошибки, которые помешали мне спасти его. Сознавать это мне довольно неприятно, но исправить я уже ничего не в силах. Единственное, что я могу сделать, это позаботиться… — Майлз осекся и с опаской покосился на Катриону. — Проследить, чтобы о его семье позаботились, чтобы она ни в чем не нуждалась.

Катриона молча смотрела на Майлза. Тьена, когда он был жив, меньше всего волновала семья — иначе он не оставил бы жену без гроша, позаботился бы о своем добром имени, подумал бы, как вылечить Никки от серьезного генетического заболевания. Хотя самых крупных провалов Тьена — бомб замедленного действия, подложенных под будущее Никки, мальчик по молодости лет не замечал. На похоронах она спросила, какие самые счастливые моменты с отцом он помнит. Никки вспомнил, как Тьен возил их на неделю на морское побережье. Катриона промолчала. И билеты на монорельс, и гостиницу ей подарил — как милостыню — ее брат Хью. Даже из могилы Тьен умудряется вносить хаос в ее жизнь! Пожалуй, Никки было полезно услышать, как Форкосиган предложил взять ответственность на себя.

Никки сидел поджав губы, сосредоточенно переваривая услышанное.

— Но… — начал он и замолчал.

— Должно быть, у тебя возникла масса вопросов, — поощрительно сказал Майлз. — Назови некоторые. Или хотя бы парочку.

Никки опустил глаза, потом поднял.

— Но… но… почему он не проверил свой респиратор? — И, чуть помедлив, выпалил: — Почему вы не поделились с ним своим? Какие две ошибки вы допустили? Что вы такое наврали маме, из-за чего она так рассердилась? Почему вы *не могли* спасти его? Почему у вас так поранены запястья? — Никки глубоко вздохнул, совсем уж затравленно посмотрел на Майлза и чуть ли не прорыдал: — Я теперь должен убить вас, как капитан Форталон?

Майлз, внимательно слушавший поток вопросов, слегка опешил.

— Прошу прощения, кто?

— Капитан Форталон — его любимый персонаж из сериала, — смущенно пояснила Катриона. — Это пилот скачкового корабля, переживающий всякие галактические приключения с принцем Ксавом и снабжающий контрабандным оружием партизан во время цетагандийского вторжения. Есть целый цикл серий, где он охотится на

коллаборационистов, убивших его отца, и мстит, уничтожая одного за другим.

— Я этот сериал как-то пропустил. Должно быть, отсутствовал на Барраяре. И вы разрешаете Никки смотреть такие жестокие вещи, в его-то возрасте? — Глаза Майлза внезапно засияли.

Катриона стиснула зубы.

— Теоретически это должна была быть учебная программа, учитывая историческую достоверность деталей.

— Когда мне было столько лет, сколько Никки, я был одержим лордом Форталией Храбрым, легендарным героем Периода Изоляции. — Майлз невольно перешел на интонацию рассказчика. — Вообще-то, если вспомнить, все тоже началось с головида. Но, когда я этим еще не до конца переболел, я уговорил деда сводить меня посмотреть подлинные архивные материалы. И оказалось, что Форталия вовсе не такая уж легендарная личность, а его истинные похождения не столь уж героические. По-моему, я до сих пор могу спеть все девять куплетов песни, которые…

— Пожалуйста, не надо! — взмолилась Катриона.

— Ну, могло быть и хуже. Рад, что вы не позволили ему посмотреть «Гамлета».

— А что такое «Гамлет»? — мгновенно заинтересовался Никки. Кажется, он начал потихоньку оттаивать.

— Еще одна знаменитая драма на тему мести, с той лишь разницей, что это древняя пьеса с Земли. Принц Гамлет возвращается домой из университета… Кстати, а сколько лет этому капитану Форталону?

— Много, — хмыкнул Никки. — Двадцать.

— Ха, ну вот тебе и ответ. Никто от тебя и не ожидает, что ты станешь мстить, пока ты не достигнешь возраста, когда начнешь бриться. Так что у тебя еще есть несколько лет в запасе.

Катриона чуть было не завопила: «Лорд Форкосиган!» — но смолчала, заметив, что Никки расслабился. К чему это Майлз ведет? Ладно, посмотрим.

— Итак, в этой пьесе принц Гамлет возвращается домой на похороны своего отца и обнаруживает, что мать вышла замуж за дядю.

— Она вышла замуж за собственного брата? — вытаращил глаза Никки.

— Нет-нет! Это не столь пикантная пьеса. За другого дядю, брата отца.

— А-а! Ну, тогда нормально.

— Это ты так считаешь. А вот принцу Гамлету шепнули, что этот самый дядька пришил его старика. К несчастью, принц не знал, правду ему сказал информатор или нет. И поэтому последующие пять актов он бродит по окрестностям, пребывая в состоянии крайнего возбуждения, перебив попутно чуть ли не всех обитателей замка.

— Ну и глупо, — фыркнул Никки, успокаиваясь окончательно. — Взял бы и допросил их всех с суперпентоталом!

— Увы, суперпентотал еще тогда не изобрели. Иначе пьеса была бы куда короче.

— О! — Никки задумчиво посмотрел на Майлза. — А к вам можно применить суперпентотал? Лейтенант Формонкриф… сказал, что нет. И что это *очень удачно* . — Никки весьма точно воспроизвел интонацию Формонкрифа.

— Ко мне? Нет. У меня на суперпентотал неадекватная реакция, делающая его применение бессмысленным. Что было очень удобно на службе в СБ, но сейчас получается наоборот.

По правде говоря, это чертовски *неудобно* . Но даже если бы суперпентотал и действовал, мне бы не позволили подвергнуться допросу в присутствии посторонних из-за некоторых засекреченных моментов. И даже только в твоем присутствии — по той же причине.

Никки немного помолчал и выпалил:

— Лейтенант Формонкриф назвал вас мутантишкой-лордом.

— Меня многие так называют. За глаза.

— Он не знает, что я тоже мутантишка. Как и мой па. Вы злитесь, когда вас так называют?

— Когда я был маленьким, меня это очень обижало. Теперь же это кажется несущественным. Теперь гены можно исправлять, и я не передам никаких болезней моим детям. — Он предусмотрительно отвернулся от Катрионы. — Если смогу когда-нибудь убедить какую-нибудь храбрую женщину выйти за меня замуж.

— Готов поспорить, лейтенант Формонкриф не захотел бы нас… не захотел бы маму, если бы знал, что я мутантик.

— В таком случае настоятельно рекомендую немедленно ему об этом сообщить, — с самой серьезной миной посоветовал Форкосиган.

И — о чудо! — эта реплика вызвала у Никки застенчивую улыбку.

В чем тут секрет? Тайны настолько жуткие, что о них и упоминать нельзя, мысли, настолько пугающие, что юные звонкие голоса замолкают, — и все это вдруг выплескивается наружу с грубоватым юмором. И жуткое сразу становится не таким уж жутким, и страх отступает, и каждый может говорить все что угодно. И невыносимое бремя делается чуть легче.

— Никки, — вернулся Майлз к основной теме разговора, — по причинам секретности, о которых я упоминал, я не могу рассказать тебе все.

— Ага, знаю. — Никки снова скукожился. — Это потому, что мне всего девять.

— Девять, девятнадцать, девяносто — не имеет значения. Тем не менее я считаю, что вполне можно рассказать тебе куда больше, чем ты знал до сих пор. И мне бы хотелось, чтобы ты поговорил с человеком, обладающим достаточной властью решать, какие подробности тебе можно сообщить. Он побывал в твоей шкуре, поскольку тоже потерял отца при трагических обстоятельствах, когда был еще совсем ребенком. Если ты захочешь, я договорюсь о встрече.

Кого это он имеет в виду? Кого-то из офицеров Имперской безопасности? Судя по собственному неприятному опыту общения с эсбэшниками на Комарре, Катриона полагала, что эти люди и дорогу к Главной площади добровольно не подскажут.

— Ладно… — медленно выговорил Никки.

— Отлично. — В глазах Майлза мелькнуло облегчение. — А пока что… Я полагаю, что эта клевета еще не раз до тебя дойдет. Может, от взрослого, а может, от кого-нибудь из твоих сверстников, подслушавших разговоры взрослых. По всей вероятности, она обрастет подробностями и добавлениями. Ты знаешь, как тебе реагировать в такой ситуации?

Никки скорчил грозную физиономию и двинул кулаком в воздух.

— Дать им в нос?

Катриона виновато поморщилась. Майлз заметил ее гримасу.

— Я бы ожидал от тебя более зрелой и разумной реакции, — благочестиво провозгласил он, кося одним глазом на Катриону. Черт бы его побрал, и зачем он только в такой момент смешит ее? Может, *ему самому* слишком давно не давали в нос? Когда она прыснула, Майлз удовлетворенно дернул уголком губ. — Я предложил бы просто сказать тому, кто перескажет эту сплетню, что это неправда, и отказаться дальше обсуждать эту тему, — более серьезно продолжил он. — А если будут настаивать, отправь их поговорить с твоей мамой или дедушкой и бабушкой Фортицами. Если и тогда не отстанут, приведи *сам* маму, дедушку или бабушку. Мне нет нужды говорить тебе, что вся эта история довольно грязная. И любой здравомыслящий взрослый не стал бы тебя в нее втягивать. Но, к сожалению, как показала практика, скорее всего тебя примутся осаждать нездравомыслящие взрослые.

— Как лейтенант Формонкриф, — медленно кивнул Никки. Облегчение, которое принесла ему возможность навесить ярлык на своего недавнего мучителя, было почти зримым.

— Мягко говоря.

Никки умолк, переваривая информацию. Майлз подождал немного и предложил

отправиться на кухню, чтобы как следует подзаправиться и заодно посмотреть очередной кошачий выводок, по традиции обретавшийся во владениях матушки Кости. Подлинная суть этой стратегии проявилась, когда после еды матушка Кости увела Никки в дальний конец кухни, оставив Майлза с Катрионой наедине.

Катриона облокотилась на стол и смотрела, как возле плиты матушка Кости и совершенно очарованный Никки стоят на коленях у ящика, в котором копошатся пушистые пищащие комочки.

— Кто этот человек, с которым, вы считаете, нужно встретиться Никки? — тихонько спросила она Майлза.

— Позвольте мне сперва убедиться в его согласии и в том, что он может выделить на это время, — осторожно ответил Майлз. — Конечно, вы с Никки пойдете на эту встречу вместе.

— Я понимаю, но… Просто я подумала, что в присутствии незнакомцев Никки обычно смущается. Позаботьтесь, чтобы этот человек усвоил, что, если Никки изъясняется односложно, это вовсе не означает, что его не гложет отчаянное любопытство.

— Я позабочусь, чтобы он это понял.

— У него большой опыт общения с детьми?

— Боюсь, никакого, — скорбно улыбнулся Майлз. — Но, полагаю, он будет признателен за возможность попрактиковаться.

— Сомневаюсь — учитывая обстоятельства.

— Учитывая обстоятельства, боюсь, вы правы. Однако я доверяю его суждениям.

Мириады прочих невыясненных вопросов пришлось отложить до лучших времен, поскольку прискакал Никки с сообщением, что у всех маленьких котят голубые глазки. Полуистерическое состояние, в котором он пребывал, когда они приехали в особняк, прошло — кухня оказала благотворное воздействие: Никки наелся вкусностей, посмотрел на котят.

Я правильно сделала, что приехала к Майлзу. Откуда Иллиан это знал?

Катриона терпеливо слушала восторженный лепет Никки, пока тот снова не побежал к котятам. Она встала:

— Нам пора идти. А то тетя Фортиц будет беспокоиться.

В торопливой записке Катриона написала, где они, но не написала почему. В тот момент она была слишком расстроена, чтобы вдаваться в подробности. Печально, что придется пересказывать всю эту грязь дяде с тетей, но они по крайней мере знают правду и наверняка разделят ее ярость.

— Пим отвезет вас, — мгновенно предложил Майлз.

На сей раз он не сделал ни малейшей попытки удержать ее.

Пообещав Катрионе связаться с ней, как только прояснит вопрос о встрече для Никки, Майлз сам проводил их до лимузина и смотрел им вслед, пока они не выехали за ворота.

Никки сидел тихо и глядел в окно, но его молчание больше не было таким удручающим.

— Мам… — внезапно спросил он. — Ты отвергла лорда Форкосигана, потому что он мутант?

— Нет, — решительно отрезала Катриона. Мальчик недоуменно поднял брови. Она мысленно вздохнула. Если сынишка не получит более пространного ответа, то придумает его сам. — Понимаешь, когда лорд Форкосиган нанял меня спроектировать ему парк, он сделал это не потому, что хотел этот парк или считал, что я хороший специалист. Он просто хотел иметь возможность почаще видеть меня.

— Ну, это логично, — кивнул Никки. — То есть так ведь оно и было, верно?

Усилием воли Катриона сдержала гнев. Для сына ее работа не важна… А что для него важно? Раз уж теперь можно говорить что угодно кому угодно…

— Тебе понравилось бы, если бы кто-то пообещал тебе помочь стать скачковым пилотом и ты бы старательно учился, а потом выяснил, что тебя обманули и собирались использовать совсем по-другому?

— У! — Сынишка начал что-то понимать.

— Я рассердилась потому, что он пытался манипулировать мною, воспользовавшись положением, в которое я попала, действуя способом, который я сочла оскорбительным и беззастенчивым. — После недолгой паузы она беспомощно добавила: — Похоже, у него вообще такая манера. — *Сможет ли она приспособиться к такой манере? Сможет ли он изменить свою манеру? Притерпеться или измениться? Можем ли что-то сделать мы оба?*

— Ну… так он тебе нравится? Или нет?

«Нравится»? Не лучшее определение всей смеси восхищения, злости, желания, уважения и раздражения, что варятся в темном омуте застарелой боли.

— Не знаю. Иногда да, нравится. Очень.

Последовала еще одна долгая пауза.

— Ты его *любишь?*

Почти все свои познания о взрослой любви Никки почерпнул с головида. Частичка ее мозга с готовностью перевела этот вопрос: «В какую сторону ты собираешься прыгнуть и что будет со мной?» И все же… Никки не в состоянии даже вообразить все это сложное переплетение романтических надежд и страхов, но он в точности знает, что у таких историй должен быть Счастливый Конец.

— Не знаю. Временами. Кажется.

Сынишка одарил ее взглядом, недвусмысленно означавшим «все взрослые — чокнутые». И Катриона не могла с этим не согласиться.

Глава 14

Из архива Совета Графов Майлз взял копии всех спорных дел о наследовании за последние двести лет. Вместе с кучей бумаг из личного архива Форкосиганов документы заняли оба стола и конторку в библиотеке. Майлз как раз погрузился в отчет о семейной трагедии четвертого графа Форлакиала, когда в дверях возник оруженосец Янковский.

— Коммодор Галени, м’лорд, — объявил он.

Майлз удивленно поднял голову:

— Спасибо, Янковский.

Оруженосец исчез, предусмотрительно закрыв за собой двери.

Галени окинул голодным взглядом гору документов — сразу видно, бывший историк.

— Зубришь? — ехидно поинтересовался он.

— Угу. Слушай, у тебя ведь докторская по истории Барраяра. Не помнишь, случаем, какой-нибудь достойный исторический скандал, связанный с наследованием?

— Лорд жеребец Полуночник, — мгновенно ответил Дув, — чей голос в Совете неизменно звучал как «не-е-ет».

— Знаю, — махнул рукой Майлз. — Каким ветром, Дув, тебя сюда занесло?

— По официальному делу. Вы запрашивали, милорд Аудитор, аналитический отчет по поводу слухов о покойном муже госпожи Форсуассон.

Майлз сердито сверкнул глазами.

— СБ крепко запаздывает. От этого отчета было бы куда больше толку вчера. На хрен было приказывать *мне* ждать? Чтобы Катриону с Никки застали врасплох сплетнями? Да еще в ее собственном доме! Господи ты боже мой! Да еще и этот придурок Формонкриф!

— Ага. Иллиан сообщил Аллегре. Аллегре — мне. Жаль, что мне рассказать некому… Я вчера за полночь сидел — проверял, перепроверял, сопоставлял… Премного вам благодарен, милорд. Что путного можно вычислить из этого бедлама?!

— Ох нет! Только не это! Неужели Аллегре свалил дело о клевете на тебя?! Сядь, сядь! — Майлз кивнул на ближайший стул.

— Разумеется. А на кого еще? Я был свидетелем твоего знаменитого званого ужина, с которого, судя по всему, все и началось. К тому же я вхожу в список лиц, осведомленных о

комаррском деле. — Дув, устало крякнув, плюхнулся на стул и тут же начал машинально просматривать лежащие на столе документы. — Аллегре не желает вводить новых лиц, если есть возможность этого избежать.

— М-м-м… Да, на мой взгляд, вполне разумный подход. Только сомневаюсь, что у тебя на это есть время.

— А у меня его и нет, — поморщился Дув. — Я и так засиживаюсь каждый день допоздна. С тех пор, как меня назначили главой Департамента по делам Комарры, света белого не вижу. Пришлось уменьшить время сна. Подумываю скоро перестать есть и повесить над столом питательную трубку, буду к ней понемногу прикладываться.

— Делия, видать, скоро полезет на стенку.

— Угу. И не она одна.

Майлз заинтересованно уставился на Галени, но тот не стал пояснять.

— Извини, — вздохнул Майлз.

— Да ладно. С точки зрения Имперской безопасности, у меня отличные новости. Утечки секретной информации по делу о смерти Тьена Форсуассона не обнаружено. Никаких имен, никаких намеков, даже слухов о финансовых махинациях ни в одном из ходящих по столице сценариев убийства заговорщиков, к счастью, не наблюдается.

— Ни в одном?! Так их что, много? Сколько… Нет, не отвечай. У меня только попусту давление подскочит. — Майлз заскрежетал зубами. — И как же я, интересно, прикончил Форсуассона? Я же ему ростом по пояс! Не иначе как с помощью дьявольских эсбэшных фокусов?

— Возможно. Пока что только в одной из имеющих хождение версий ты действуешь не один. Соответственно, в роли твоих сообщников выступают мерзкие и продажные сотрудники СБ, которые, понятно, у тебя на содержании.

— Такое могло прийти только в голову человеку, ни разу не писавшему для Иллиана финансовый отчет, — фыркнул Майлз.

Галени пожал плечами.

— А есть ли… — Майлз замялся. — А… Короче, никакой утечки информации из дома Фортицев не обнаружено?

— Никакой, — кивнул Галени.

Майлз улыбнулся. Он знал, что не ошибся в Катрионе.

— Окажи мне услугу, особо подчеркни этот факт в докладе Аллегре, ладно?

Галени неопределенно развел руками.

Майлз медленно выдохнул. Никакой утечки, никакой измены. Просто злой умысел и стечение обстоятельств. Плюс теоретическая возможность шантажа. И все это обрушивается на него самого, на родителей — когда они все узнают, а это случится скоро, — на Фортицев, Никки, Катриону. Мерзавцы! Как они посмели обидеть Катриону… Майлз с трудом подавил закипающую ярость. Не время сейчас беситься. Сейчас нужен холодный расчет и решительные действия.

— Так что же СБ намерена со всем этим делать, если вообще намерена? — наконец спросил Майлз.

— На данный момент почти ничего. Разумеется, мы будем просматривать всю информацию, чтобы не допустить разглашения ключевых моментов. Конечно, это довольно скверная альтернатива отсутствию внимания к делу Форсуассона вообще, но сплетня насчет убийства оказала нам одну услугу. Теперь для всех, кто не хотел смириться с тем, что смерть Тьена произошла случайно, есть подходящая версия, которая полностью отвечает требованию запрета на любые дальнейшие расследования.

— О да, целиком и полностью! — рявкнул Майлз. *Понятно, к чему это ведет* . Он упрямо скрестил руки на груди. — Означает ли сие, что я свободен в своих действиях?

— А-а… — протянул Галени. И тянул довольно долго. Наконец у него кончилось дыхание, и он туманно пояснил: — Не совсем.

Майлз, оскалившись, ждал продолжения, Галени ждал, когда выскажется Майлз.

Майлз сломался первым:

— Черт подери, Дув! Я что, по-вашему, должен молча жевать это дерьмо?!

— Да ладно тебе, Майлз… Тебе и прежде доводилось носить всякого рода маски. Мне казалось, что вы, тайные агенты, просто этим живете.

— Только не в своей песочнице! Никогда — там, где я живу. Мои дендарийские задания выглядели как «ударь и беги». И вонь мы всегда оставляли далеко позади.

В пожатии плеч Галени не было и намека на сочувствие.

— Должен также подчеркнуть, что это лишь первичные результаты. То, что сейчас нет утечки, вовсе не означает, что ничего не… просочится позже.

Майлз медленно перевел дух.

— Ладно. Передай Аллегре, что он получил своего агнца. Бе-е-е! — После небольшой паузы он добавил: — Но я отказываюсь изображать виноватого. Это была неполадка с респиратором. Точка.

Галени отмахнулся:

— Имперская безопасность жаловаться не будет.

Хорошо, что утечки по комаррскому делу нет, напомнил себе Майлз. Но это убивало слабую надежду оставить Ришара на милость СБ.

— Пока это всего лишь слухи, пусть говорят. Но можешь передать Аллегре, что если на Совете Графов против меня выдвинут официальное обвинение…

То что?

— У тебя есть основания полагать, что кто-то выдвинет против тебя обвинение? — сощурился Галени. — Кто?

— Ришар Форратьер. Я получил от него… своего рода личное обещание.

— Он не может. Разве что найдет кого-то, кто сделает это за него.

— Сможет, если одержит победу над лордом Доно и будет утвержден как граф Форратьер.

А мои коллеги скорее всего подавятся лордом Доно .

— Майлз… Имперская безопасность *не имеет права* оглашать сведения о смерти Форсуассона. Даже Совету Графов.

По выражению лица Галени Майлз перевел эту фразу как «*особенно* Совету Графов».

— Угу. Знаю, — мрачно кивнул Майлз.

— Что ты намерен делать? — Галени явно чувствовал себя не в своей тарелке.

У Майлза были веские причины не ввязываться в эту ситуацию. Не просто нежелание играть на нервах СБ. Но целых две причины — мать и сын. Если он все сделает верно, грядущая юридическая буря даже краешком не коснется Катриону с Никки.

— Всего лишь свою работу. Немножко политических игр. В барраярском духе.

Галени скептически на него поглядел.

— Ну, если ты действительно хочешь изображать невинность, тебе следует делать это более убедительно. Ты… *виляешь* .

Майлз… вилял.

— Есть вина и *вина* . Я невиновен в предумышленном убийстве. Я виновен в том, что допустил весь этот бардак. Не то чтобы я один — тут потрудилась целая бригада клоунов во главе с самим Форсуассоном. Если бы он только… Дьявольщина, да на Комарре каждый раз, стоит вылезти из челнока, тебя усаживают смотреть видеофильм об обращении с этими долбаными респираторами! Этот кретин прожил на Комарре почти год! Ему *непрерывно* об этом талдычили! — Он помолчал. — Хотя я тоже отличился — улетел из купола, не поставив в известность собственную группу поддержки.

— Как показывает практика, в небрежности тебя никто не обвиняет.

Майлз горько скривился:

— Они мне льстят, Дув. Они мне льстят.

— Тут я тебе ничем помочь не могу, — пожал плечами Галени. — У меня собственных призраков хватает.

— Шах, — вздохнул Майлз.

Галени довольно долго смотрел на него и наконец решился:

— Насчет твоего клона.

— Брата.

— Ну да, его самого. Ты знаешь… понимаешь… Какого черта он *добивается* , увиваясь вокруг Карин Куделки?

— Это вопрос Имперской безопасности или Дува Галени?

— Дува Галени. — Галени выдержал довольно долгую паузу. — После той… своеобразной услуги, что он оказал мне, когда мы впервые встретились на Земле, я был рад, что ему удалось уцелеть и удрать. Я не был поражен, когда он внезапно возник тут, и не удивился — поскольку к тому времени уже был знаком с твоей матерью, — что твоя семья приняла его. Я даже смирился с тем, что нам с ним придется общаться. Но я никак не рассчитывал, — Дув внезапно охрип, — что он мутирует в моего свояка!

Майлз откинулся на стуле, тщетно пытаясь изобразить сочувствие. Во всяком случае, он не расхохотался.

— Должен заметить, что в определенном — очень смутном смысле — вы с ним и так уже родственники. Он твой сводный брат, потому как сотворил его твой отец. По некоторым галактическим законам о клонах это автоматически делает твоего папеньку отцом Марка.

— У меня от этой концепции голова болит. И сильно. — Дув с внезапной тревогой уставился на Майлза. — Сам-то Марк ведь не считает меня своим сводным братом, а?

— Пока что я не привлекал его внимания к этой юридической тонкости. Но подумай сам, Дув, насколько *проще* тебе будет воспринять его всего лишь в качестве свояка. Да и вообще, не у тебя одного такие славные родственнички. Это уж кому как повезет. Так что сочувствие тебе обеспечено.

Галени посмотрел на Майлза не сказать чтоб дружелюбно.

— Он будет дядя Марк, — продолжил Майлз с ленивой, дьявольской улыбочкой. — Ты — дядя Дув. Полагаю, что я буду дядей Майлзом. Вот уж никогда не думал, что стану чьим-то дядей! Единственный ребенок…

Кстати о птичках… Если Катриона согласится выйти за него замуж, то он автоматически станет дядей и заодно приобретет трех шуринов, трех свояченицы и готовый ворох племянников и племянниц. Не говоря уже о тесте с тещей. Интересно, со сколькими из них ему не повезет? Или (вот новая раздражающая мысль!) кому не повезет с ним самим?

— Как по-твоему, они поженятся? — серьезно спросил Дув.

— Я… не могу точно сказать, какой вид связи они в конечном счете изберут. Но в одном я уверен: тебе не оттащить Марка от Карин даже на аркане. И хотя у Карин есть все основания не слишком спешить, я сильно сомневаюсь, что кто-нибудь из семейства Куделка *умеет* предавать доверие.

На последнюю реплику Галени слегка смягчился, как бывало с ним всегда при любом упоминании о Делии.

— Придется тебе смириться с наличием Марка, — подвел итог Майлз.

— Хе, — изрек Галени. Трудно сказать, что это было — выражение смирения или признак желудочной колики. Но, что бы это ни было, коммодор попрощался и направился к дверям.

* * * На выходе из коридора в вестибюль Марк столкнулся со спускавшейся по лестнице матерью.

— А, Марк, — произнесла графиня Форкосиган таким тоном, словно хотела сказать: «Тебя-то мне и надо». Он послушно остановился. Графиня оглядела его опрятный наряд — любимый черный костюм, темно-зеленая рубашка. — Ты куда-то собрался?

— Ненадолго. Хочу попросить Пима, чтобы он выделил мне водителя-оруженосца. У меня встреча с одним другом лорда Форсмита, он обещал мне объяснить, как действует на Барраяре система транспортировки товаров. Кстати, возможный будущий клиент. Я подумал, если я приеду на лимузине, весь из себя Форкосиган, это произведет хорошее впечатление.

— Скорее всего…

Дальнейшие комментарии были прерваны появлением из-за угла двух ребятишек: Пимова сынишки Артура, тащившего ароматическую палочку, и парнишки Янковского, Дениса, волокущего многообещающий здоровенный кувшин. Они понеслись вверх по лестнице, промелькнув мимо графини с торопливым:

— Здрасте, м'леди!

Корделия, улыбнувшись, проводила их взглядом.

— Новые рекруты от науки? — поинтересовалась она, когда хохочущие мальчики скрылись из виду.

— Скорее — от предприятия. Марсию осенила гениальная идея: она назначила приз за каждого сбежавшего жучка-маслячка и отправила на отлов детишек. Плата — марка за штуку. Дополнительный приз — десять марок за королеву. Энрике теперь полностью занят своими генетическими моделями, в лаборатории полный порядок, а я могу вернуться к финансовому планированию. Мы получаем отловленных жучков в среднем по два-три в час. Завтра, в крайнем случае — послезавтра все закончится. Хорошо, что пока никому из детей не пришла в голову светлая мысль проскользнуть в лабораторию и выпустить новую партию жучков, чтобы возобновить источник пополнения финансов. Надо бы поставить на всякий случай замок.

— Будет тебе, Марк! — засмеялась графиня. — Ты оскорбляешь их честь! Это ведь отпрыски наших оруженосцев.

— Уж я бы в их возрасте точно додумался.

— Не будь это жучки их сюзерена, возможно, так бы они и сделали. — Она улыбнулась — и тут же сделалась серьезной. — Кстати об оскорблениях… Хотела тебя спросить, не доходили ли до тебя мерзкие слухи о Майлзе и госпоже Форсуассон?

— Последние несколько дней я практически не вылезал из лаборатории. Майлз же там почему-то не появляется. Что за мерзкие сплетни?

Графиня сощурилась, подцепила его под руку и повела в комнату перед библиотекой.

— Вчера вечером на приеме у Форинниса Иллиан с Элис отвели меня в сторонку и все рассказали. И я очень рада, что они сделали это первыми, потому что потом до конца вечера меня просветили еще двое. Версии изложили разные. Первый доброжелатель хотел получить подтверждение. Второй надеялся, что я передам это Эйрелу, поскольку сам не осмелился, слизняк бесхребетный. Похоже, по городу пошли слухи, будто Майлз каким-то образом убрал с дороги Катрионинного мужа.

— Ну, тебе эта история известна куда больше, чем мне, — резонно заметил Марк. — А он убрал?

— А тебе это важно? — нахмурилась графиня.

— Да не особенно. Насколько я понял — больше из недомолвок, чем из бесед, — Тьен Форсуассон лишь попусту переводил пищу, кислород и время.

— Майлз говорил тебе что-нибудь, что… позволило бы тебе усомниться в причине гибели Форсуассона? — спросила Корделия, усаживаясь подле украшавшего стену огромного старинного зеркала.

— Нет. — Марк помялся и сел напротив. — Хотя, по-моему, он винит себя в каком-то промахе. Если бы он действительно ради нее грохнул это ничтожество, роман был бы куда более захватывающий.

Графиня вздохнула, подавив смешок.

— Мне иногда кажется, Марк, что, несмотря на все старания бетанского врача, твое джексонианское воспитание по-прежнему дает о себе знать.

— Извини. — Нимало не смутившись, он пожал плечами.

— Меня трогает твоя искренность. Только будь добр, не высказывай эти несомненно искренние чувства в присутствии Никки.

— Может, я и джексонианец, мэм, но не совсем уж пропащий.

Графиня кивнула. Она собралась еще что-то сказать, но тут распахнулись двойные

двери библиотеки и появились Майлз с коммодором Галени.

Галени остановился и вежливо поздоровался с графиней. С Марком он поздоровался куда прохладнее, будто Марк внезапно заболел каким-то чудовищным кожным заболеванием, но Галени слишком вежлив, чтобы это заметить. Марк ответил тем же.

Галени долго не задержался. Майлз проводил его и направился назад в библиотеку.

— Майлз! — окликнула графиня. Она встала и пошла за ним. Марк покорно поплелся за матерью.

Корделия поймала Майлза у камина, возле софы.

— Со слов Пима я поняла, что в наше с Эйрелом отсутствие тут вчера была госпожа Форсуассон. Она была тут, а я ее *не* застала!

— Визит был не совсем светский, — ответил Майлз, опускаясь на софу. — И вряд ли я мог задержать ее до полуночи, чтоб она дождалась вашего возвращения.

— Логично, — согласилась она — и окончательно захлопнула ловушку, усевшись на софу напротив. — И когда же нам будет позволено с ней познакомится?

Майлз опасливо покосился на мать.

— Не… не сейчас… Если не возражаешь. Наши отношения пока… несколько… деликатны.

— Деликатны, — повторила графиня. — Это некоторое улучшение по сравнению с разрушенной жизнью и рвотой?

В глазах Майлза мелькнул проблеск надежды, но он покачал головой.

— Сейчас трудно что-либо сказать.

— Отлично понимаю. Но лишь потому, что Саймон с Элис нам все вчера объяснили. Могу я поинтересоваться, почему мы вынуждены узнавать об этой гнусной клевете от них, а не от тебя?

— Ой. Извини. — Майлз отвесил ей виноватый полупоклон. — Я и сам узнал только позавчера. А в последние дни мы с вами редко видимся из-за ваших светских дел.

— И ты держишь это при себе два дня? Мне следовало бы задуматься, с чего это ты так интересовался нашей Колонией Хаос те несколько раз, что мы встречались с тобой за столом.

— Ну, меня действительно интересует, как вы живете на Зергияре. Но, что куда важнее, я ждал отчета аналитика СБ.

Графиня покосилась на дверь, через которую только что удалился коммодор Галени.

— А, — озарило ее. — Старину Дува.

— Старину Дува, — кивнул Майлз. — Если бы выяснилось, что имела место утечка информации… ну, тогда это было бы совсем другое дело.

— А ее нет?

— Похоже, нет. Судя по всему, слух пустили из чисто политических соображений, по случайному стечению обстоятельств. Это дело небольшой группы консервативных форов и их приспешников, которых я недавно задел. И я решил разобраться с этим… политически. — Он помрачнел. — Своими методами. Вообще-то сюда вот-вот прибудут Рене Форбреттен и Доно Форратьер.

— А! Союзники. Отлично! — довольно сощурилась графиня.

— Именно в этом и состоит политическая игра. Отчасти, — пожал плечами Майлз. — Или я так ее понимаю.

— Теперь это по твоему ведомству. Ладно. Но вы с Катрионой… сумеете вы с ней это выдержать?

На лице Майлза появилось отстраненное выражение.

— Нас трое. Не забывай о Никки. Не знаю пока.

— Я тут подумала, — пристально посмотрела на него графиня, — что мне надо пригласить Катриону с Карин на чашку чая. Только мы, девочки.

Отстраненность на лице Майлза сменилась тревогой, граничащей с паникой.

— Я… Я… Пока не надо. Просто… не надо.

— Нет? — разочарованно протянула графиня. — Тогда когда?

— Родители ведь не разрешат Карин прийти? — вмешался Марк. — То есть… Я думал, они разорвали знакомство. — Тридцатилетняя дружба, которую он разрушил. *Отлично проделано, Марк. Что покажем на бис? Сожжем невзначай особняк Форкосиганов? Ну что ж, это хотя бы остановит расползание жучков-маслячков…*

— Ку с Дру? — уточнила графиня. — Еще бы им меня не избегать! Да они мне в глаза смотреть боятся после того концерта, что устроили в вечер нашего приезда!

Марк не знал, как реагировать. Майлз насмешливо фыркнул.

— Мне без нее плохо, — пробормотал наконец Марк, беспомощно водя пальцем по шву брюк. — Она мне нужна. Мы планируем через несколько дней начать презентацию продукта жучков-маслячков потенциальным клиентам. Я рассчитывал подключить к делу Карин. Я… я не очень умею рекламировать. Уже пытался. Стоит мне завести разговор о жучках, как собеседник удирает в самый дальний угол и баррикадируется мебелью. А Марсия слишком… прямолинейна. Зато Карин просто великолепна. Да она снег зимой запросто продаст кому угодно, а уж барраярским мужчинам — тем более. Эти вообще падают у ее ног брюхом кверху, болтая лапами и виляя хвостом. Это… ну, это… да, поразительно! И… и… когда она рядом, я всегда спокоен, не важно, раздражает меня кто-нибудь или нет. Господи, как же я хочу, чтобы она вернулась! — Последние слова больше походили на приглушенный стон.

Майлз посмотрел на мать, потом на брата и насмешливо помотал головой.

— Ты плохо пользуешься своими барраярскими возможностями, Марк! У тебя перед носом сидит самая могущественная сваха на всей планете, а ты ее даже не подключил!

— Но… что она может сделать? При таких обстоятельствах…

— С Ку и Дру? Даже представить себе боюсь! — Майлз потер подбородок. — Масло повстречалось с лучом бластера. Бластер, масло. Оп!

Мать улыбнулась. Скрестив руки, она задумчиво обвела взглядом обширную библиотеку.

— Но, мэм… — Марк просветлел. — Мама, ты можешь? Да? Можешь? Я не хотел просить, после всего того… что все наговорили друг другу в тот вечер, но я просто в отчаянии!

В отчаянном отчаянии .

— Я не собиралась вмешиваться без прямого приглашения, — сообщила графиня и выжидательно замолчала, одарив его поощрительной улыбкой.

Марк поразмыслил. Дважды попытался выговорить незнакомое слово. Наконец собрался с силами, облизнул пересохшие губы, набрал побольше воздуха и выдохнул:

— Помоги…

— С удовольствием, Марк! — Ее улыбка стала несколько хищной. — Полагаю, нам надо сделать вот что: собраться всем пятерым — ты, я, Карин и Ку с Дру — прямо здесь. Да, *именно здесь* , в этой самой библиотеке. И поговорить.

Марк пришел в ужас, но постарался сохранить лицо. Он сжал колени и кивнул:

— Да. Только… говорить будешь ты, ладно?

— Все будет хорошо, — успокоила его матушка.

— Но как ты вообще заставишь их сюда приехать?

— Можешь спокойно предоставить это мне.

Марк покосился на ухмыляющегося братца. Похоже, он-то нисколько не сомневается в ее способностях.

В дверях возник Пим:

— Простите за беспокойство, м’леди. М’лорд, прибыл граф Форбреттен.

— А, отлично! — Майлз метнулся к столу и торопливо начал сгребать бумаги. — Отведи его в мои апартаменты и скажи матушке Кости, чтоб приступала.

Марк воспользовался случаем:

— Пим, мне понадобится машина с водителем, — он глянул на часы, — примерно

через десять минут.

— Я позабочусь, м'лорд. — И Пим удалился.

Майлз решительно проследовал за оруженосцем, с трудом удерживая в руках кипу бумаг.

Марк вопросительно посмотрел на мать.

— Беги на свою встречу, — благосклонно кивнула она. — А когда вернешься, загляни в мой кабинет. Расскажешь все подробно.

Казалось, она искренне заинтересована.

— Ты полагаешь, что захочешь инвестировать мой проект? — спросил Марк в приступе оптимизма.

— Обсудим. — Мать тепло улыбалась ему. Пожалуй, так ему не улыбается никто. У Марка сразу стало легко на душе, и он поспешил по своим делам.

Охранник пропустил Айвена в особняк Форкосиганов и тут же вернулся в свою будку, чтобы ответить на вызов комма. Железные ворота распахнулись, и мимо Айвена проехал бронированный лимузин. Мимолетная надежда на то, что он разминулся с Майлзом, исчезла, когда Айвен разглядел сквозь тонированное стекло толстенького пассажира. Увы, это совершенно очевидно был Марк. Пим провел гостя в Майлзовы апартаменты. Имперский Аудитор сидел возле витражного окна, беседуя с графом Рене Форбреттеном.

— Ой, прости! — воскликнул Айвен. — Не знал, что ты занят.

Впрочем, отступать было поздно. Майлз оглянулся, едва заметно скривился и махнул рукой, приглашая кузена войти.

— Привет, Айвен! Какими судьбами?

— Мать с запиской прислала. Я не стал возражать, не упускать же мне возможность смотаться. — Айвен достал толстый пакет, запечатанный личной печатью леди Элис.

— Смотаться? — развеселился Рене. — А мне казалось, у тебя самая легкая служба во всем Форбарр-Султане!

— Ха! — мрачно буркнул Айвен. — Позавидовал! Да это все равно что работать с полным экипажем будущих тещ в состоянии предсвадебной лихорадки. Причем каждая — на грани возгорания. Понять не могу, где только матушка сыскала столько драконов в юбке! Тут одной достаточно, и лучше — в окружении семейства, которое она терроризирует в свое удовольствие. А собирать их всех вместе просто неправильно. — Айвен поставил стул между Майлзом и Рене и сел, всем своим видом показывая, что он здесь проездом. — Субординация — четкая, сверху вниз: двадцать три командира, один подчиненный. Причем подчиненный — я… Хочу обратно в Генштаб! Там никто не предваряет каждый приказ угрожающим рефреном: «*Айвен* , дорогой, будь *лапочкой* и…» Я бы все отдал, лишь бы услышать старый добрый грубый мужской рев: «*Форпатрил!*. .», причем от кого угодно, кроме графини Форинниc. Вот.

Майлз начал было открывать пакет, но замер, услышав шаги в коридоре. Пим привел новых гостей.

— А! — кивнул Майлз. — Отлично. Как раз вовремя.

К вящему изумлению Айвена в дверях возникли лорд Доно, Байерли и оруженосец Цабо. Всех троих присутствие Айвена весьма позабавило. Их радость была прямо-таки отвратительна. Лорд Доно обменялся крепким рукопожатием с графом Рене и уселся напротив Майлза за низенький столик. Бай облокотился о спинку кресла Доно. Цабо выбрал стул чуть в стороне от остальных и сел, скрестив на груди руки.

— Прошу прощения. — Майлз разорвал пакет, извлек записку, бегло пробежал взглядом и ухмыльнулся. — Итак, господа, вот что пишет моя тетя Элис:

Дорогой Майлз и прочие обычные вежливости. Так… Дальше. Ага!

Передай своим друзьям: графиня Форсмит сообщает, что Рене голос ее супруга обеспечен. По поводу Доно еще предстоит поработать, но сообщение о том, что он решительно намерен примкнуть к партии прогрессистов, принесет желанные плоды. Леди

Мери Форвилль также сообщает о благоприятном для Рене раскладе благодаря дорогим воспоминаниям ее отца, графа Форвилля, служившего вместе с ныне покойным отцом Рене. Я считала некорректным лоббировать графиню Форпински в отношении голосования за лорда Доно, но она удивила меня, с большим энтузиазмом поддержав превращение леди Донны.

Доно сдавленно хохотнул. Майлз вопросительно поднял бровь.

— Некоторое время нас с графом — тогда еще лордом Форпински — связывала тесная дружба, — усмехнулся Доно. — Это было после тебя, Айвен. Кажется, ты тогда служил в посольстве на Земле.

К великому облегчению Айвена Майлз не стал выспрашивать подробности, а только кивнул и продолжил чтение.

Личный визит Доно графине, дабы она убедилась в реальности перемен и обрела уверенность в малой вероятности («малой вероятности» выделено) *обратного превращения, в случае если лорд Доно получит графство, должен пойти на пользу.*

Леди Фортугарофф сообщает, что на ее свекра и у Рене, и у Доно надежды мало. Однако (Ха! Послушайте вот это!) *она сдвинула рождение первого внука графа на два дня, и оно по чистой случайности совпало с днем голосования. Граф приглашен присутствовать при распечатывании репликатора. Лорд Фортугарофф, естественно, тоже будет там. Леди Фортугарофф упомянула также, что жена графского депутата жаждет получить свадебное приглашение. Я дам один запасной билет леди ФорТ., чтобы она его тайно передала. Депутат графа не будет, разумеется, голосовать вопреки воли своего сюзерена, но есть большой шанс, что он опоздает на утреннюю сессию, а возможно, и вовсе ее пропустит. Это хоть и не плюс вам, но минус для Ришара с Сигуром.*

Рене с Доно принялись что-то записывать.

Старый Форхалас глубоко симпатизирует Рене, но не станет выступать против интересов консервативной партии. Поскольку непоколебимая честность Форхаласа соответствует прочим его непоколебимым взглядам, боюсь, в данном случае для Доно дело безнадежное.

Фортейн тоже безнадежен. Не тратьте силы. Однако могу сообщить, что его тяжба по поводу водной границы с соседом, графом Форволенсом, длится до сих пор, выматывая оба семейства. В ином случае я бы сочла невозможным отделить графа Форволенса от консерваторов, но его сноха, леди Луиза, которую он обожает, шепнула ему на ушко, что если он проголосует за Доно с Рене, то крепко насолит своему противнику. Результат оказался поразительным. Можете смело заносить его голос в свою пользу.

— Вот *это* действительно неожиданный подарок! — обрадовался Рене.

Майлз перевернул страницу.

— *Саймон описал мне непозволительное поведение…* Ладно, это не важно, хе… *Удивительно дурной тон.* Это еще слабо сказано, спасибо, тетя Элис. Так, продолжим. *Наконец, моя дражайшая графиня Фориннис заверила меня, что голос округа Фориннисов тоже можно засчитать в пользу обоих твоих друзей.*

Любящая тебя тетя Элис.

P.S. Пишу наскоро, в последнюю минуту. Офис желает скорейшего завершения неразберихи, поэтому оставшиеся приглашения могут быть разосланы нужным людям в пунктуальной и грациозной манере. В целях скорейшего разрешения возникших проблем можешь спокойно использовать Айвена для любых мелких поручений, для которых сочтешь его полезным.

— Что?! — возопил Айвен. — Добился-таки своего! Дай-ка глянуть…

Майлз, гнусно хихикая, повернул бумагу к Айвену. Перегнувшись через плечо кузена, Айвен прочитал постскриптум. Да, точно, безукоризненный почерк маменьки. Проклятие!

— Ришар Форратьер, восседая вот здесь, — Майлз указал на кресло, где расположился Рене, — заявил, что леди Элис не имеет голоса в Совете. Тот факт, что она провела на политической арене Барраяра больше лет, чем все мы вместе взятые, как-то ускользнул от

его внимания. А зря. — Он расплылся в ухмылке.

В комнату неслышно вошел Пим, вкатив за собой сервировочный столик.

— А! Могу я предложить вам что-нибудь прохладительное, господа? — светски поинтересовался Майлз.

Айвен с надеждой посмотрел на столик, но не обнаружил ничего достойного внимания. Чай, кофе, поднос с изделиями матушки Кости, скорее напоминающий декоративную мозаику.

— А вино? — Он печально посмотрел на кузена. — Или хотя бы пиво?

— В это время? — удивился Рене.

— Для меня день начался уже давно, — сообщил Айвен. — Правда.

Пим протянул ему чашку кофе.

— Это вас взбодрит, м'лорд.

Айвен нехотя взял чашку.

— Когда дед проводил в этих апартаментах переговоры, я всегда точно знал, кто у него в гостях — союзник или противник, — сказал Майлз. — Если дед работал с друзьями, подавали кофе, чай и безалкогольные напитки, чтобы спокойно обсудить дела на трезвую голову. А на встречах другого сорта спиртное текло рекой. Начинал он всегда с отличных сортов. По ходу дела качество неуклонно падало, но к тому моменту гости уже были не в состоянии отличить одно от другого. Когда к деду привозили столик с выпивкой, я всегда сюда просачивался, и, если сидел достаточно тихо, меня не замечали и не выставляли вон.

Айвен придвинул стул поближе к подносу. Бай занял стратегическую позицию по другую сторону тележки. Рене с Доно неспешно прихлебывали чай. Майлз расправил на колене исписанный от руки листок.

— Пункт первый, — начал он. — Рене, Доно, лорд-хранитель Ораторского Круга уже установил, во сколько и в какой последовательности пройдет голосование по вашим искам?

— Мы идем след в след, — ответил Рене. — Я — первый. Должен признаться, я очень рад, что покончу со всем этим максимально быстро.

— Это просто здорово, но совсем по другой причине, чем ты думаешь, — сообщил Майлз. — Рене, когда объявят твое дело, ты должен уступить место в Круге лорду Доно, который, в свою очередь, когда голосование по его делу завершится, должен вернуть место в Круге тебе. Вы, конечно, понимаете, зачем?

— О! Ну да, конечно! Извини, что сразу об этом не подумал, — спохватился Рене.

— Не совсем… — ответил лорд Доно.

— Если тебя, Доно, утвердят графом Форратьером, — начал загибать пальцы Майлз, — ты можешь тут же развернуться и отдать голос округа Форратьеров в пользу Рене. Но если Рене пойдет первым, место графа Форратьера все еще будет вакантным, и голос не достанется никому. А если Рене проиграет, скажем, с разницей в один голос, то ты, в свою очередь, потеряешь голос Форбреттенов.

— А! — дошло до Доно. — Думаешь, наши противники тоже провели такой расчет? Без учета перемены мест в последний момент?

— Именно, — кивнул Майлз.

— А они могут предвидеть такой вариант? — обеспокоенно поинтересовался Доно.

— Насколько мне известно, они о вашем союзе знать не знают, — ответил Бай с насмешливым полупоклоном.

— А как скоро узнают? — хмуро глянул на него Айвен. — Откуда нам знать, что ты мгновенно не передашь Ришару все, что тут услышишь?

— Не передаст, — ответил за кузена Доно.

— Да? Может, *ты* и уверен, что Байерли на твоей стороне, а вот *я* — нет!

— Будем надеяться, что Ришар разделяет твое заблуждение, — хмыкнул Бай.

Айвен покачал головой и схватил пирожок с креветочным муссом, который просто таял во рту. Заглотил — и запил глотком кофе.

Майлз тем временем порылся под своим креслом, извлек оттуда стопку широкой

кальки, взял две верхних и протянул по одной Доно с Рене.

— Всегда хотел попробовать эту штуку, — радостно сообщил он. — Вчера вечером приволок из мансарды. Старые тактические помощники моего деда. Полагаю, он научился этому у своего отца. Я намерен сделать на их основе программу для комма. Итак, перед вами план расположения мест в палате заседания Совета Графов.

Лорд Доно посмотрел свой экземпляр на свет. На странице были нарисованы полукругом два ряда пустых квадратов.

— Места не помечены, — заметил Доно.

— Предполагается, что, ежели тебе нужно этим воспользоваться, ты знаешь, кто где сидит, — растолковал Майлз. Он отслюнил еще один листок и протянул Доно. — Возьми домой, заполни и выучи наизусть.

— Отлично! — воскликнул Доно.

— Штука вот в чем: их используют, чтобы сравнить два взаимосвязанных голосования. Закрасьте квадрат каждого округа по вероятному раскладу голосов, скажем, красный — «нет», зеленый — «да», чистый — неопределенный или неизвестный. Наложите один листок на другой. — Майлз вывалил на стол кучу разноцветных маркеров. — Если совпадут два зеленых или два красных, этого графа оставьте в покое: за него бороться либо не нужно, либо бессмысленно. Там, где окажется два чистых или чистый и цветной — не важно, красный или зеленый, — люди, на которых нужно сосредоточиться в плане лоббирования.

— А! — Рене взял два маркера, склонился над столом и принялся раскрашивать. — Как элегантно просто! А я-то все пытался проделать это мысленно.

— Когда речь заходит о трех или пяти взаимосвязанных вопросах, выставленных на голосование, в котором участвует шестьдесят человек, мозгов не хватит ни у кого.

Доно, задумчиво подобрав губы, заполнил около дюжины клеток и придвинулся к Рене, чтобы переписать остальные имена согласно местам. Айвен отметил, что Рене тщательно закрашивает каждый квадрат, а Доно заполняет быстрыми небрежными штрихами. Закончив, они наложили кальки.

— Надо же! — не удержался лорд Доно. — Все трудности просто сразу в глаза бросаются!

Склонившись друг к другу, они принялись вполголоса обсуждать список лиц, с которыми следует поработать. Айвен стряхнул крошки с форменных брюк. Байерли снизошел до того, чтобы мягко подсказать кое-какие коррективы в распределении отметок и пустот, основываясь на впечатлении, которое (ну совершенно случайно!) сложилось у него во время пребывания в обществе Ришара.

Айвен, выгнув шею, занялся подсчетом зеленых и двойных зеленых клеток.

— Пока что не выходит, — сообщил он. — Независимо от того, сколько голосов получат Ришар с Сигуром и сколько их сторонников не явятся на голосование, каждый из вас должен получить поддержку большинства, то есть тридцать один голос, иначе не видать вам графств как собственных ушей.

— Мы над этим работаем, Айвен, — ответил Майлз.

По блеску в его глазах и опасной жизнерадостности Айвен понял, что братец вот-вот даст команду «полный вперед». Интересно, не проклянут ли когда-нибудь Саймон с Грегором тот день, когда оторвали Майлза от любимых галактических операций и вернули домой? Нет. Не так. *Как скоро* они проклянут этот день?

К огорчению Айвена, палец Майлза опустился на пару пустых клеток. А он-то надеялся, что кузен их не заметит.

— Граф Форпатрил, — провозгласил Майлз. — Ага! — И улыбнулся Айвену.

— Чего ты на меня смотришь? — спросил Айвен. — Можно подумать, мы с Фалько Форпатрилом близкие друзья. Если честно, когда я в последний раз виделся со стариком, он обозвал меня безнадежным вертопрахом и сплошным разочарованием для моей матери, его самого и всех прочих благопристойных Форпатрилов. Ну, допустим, он сказал не «благопристойных», а «правильных», но, по сути, это одно и то же.

— Фалько считает тебя в меру забавным, — безжалостно заявил Майлз. — Тебе не составит ни малейшего труда представить ему Доно. А заодно замолвишь словечко за Рене.

Так я и знал, что рано или поздно этим все кончится .

— Мне пришлось бы наглотаться дерьма, если бы я представил ему леди Донну в качестве невесты. Он вообще слабо переваривает Форратьеров как таковых. А уж представить ему лорда Доно как будущего коллегу…

Айвен, содрогнувшись, уставился на бородатого мужчину, который, в свою очередь, смотрел на него в упор, приподняв губу.

— Невесты, Айвен? — вопросил Доно. — А я и не знал о твоих намерениях.

— Ну, теперь я свой шанс упустил, верно? — пробурчал Айвен.

— Да, теперь и еще много раз за те пять лет, что я прохлаждался в своем округе. Я был там. А где был все это время ты? — Доно решительно отмел дальнейшие жалобы Айвена. Между его бровей залегла едва заметная горькая складка. Айвен внутренне сжался. Доно заметил его смущение, и губы его растянулись в довольно-таки злорадной улыбке. — Да, Айвен, это так. Все, что случилось, — случилось только из-за тебя, из-за твоей удивительной нерасторопности.

Айвен поежился.

Проклятие, эта женщина… этот мужчина… этот человек знает меня слишком хорошо …

— Как бы то ни было, — продолжил Доно, — поскольку выбирать придется между Ришаром и мной, Фалько в любом случае будет вынужден поддержать Форратьера. Весь вопрос в том, которого из двух.

— Уверен, что ты сможешь указать на все минусы Ришара, — мягко добавил Майлз.

— Кто-то другой, может, и может, — возразил Айвен. — А я — нет. И вообще кадровые офицеры не должны вмешиваться в политические интриги, вот так. — Он с достоинством распрямил спину и скрестил руки на груди.

Майлз постучал пальцем по письму леди Элис.

— У тебя приказ непосредственного начальника. Причем в письменном виде!

— Майлз, если ты немедленно не сожжешь это чертово письмо, то ты из ума выжил! Оно настолько горячее, что я поражаюсь, как оно до сих пор не вспыхнуло само по себе!

Написанное от руки, переданное из рук в руки, никаких копий ни в каком виде. Однозначно следует «после прочтения сжечь».

— Учишь меня моей специальности, Айвен? — ехидно улыбнулся Майлз.

— Я категорически отказываюсь впредь в это вмешиваться, — решительно заявил Айвен. — Я сказал Доно, перед тем как привести его к тебе на ужин, что это последняя услуга, которую я ему оказываю. И я свое слово сдержу!

Майлз устремил на него пристальный взгляд. Айвен напрягся. Он надеялся, что Майлз не станет связываться с императорским дворцом. Сопротивляться матери куда проще за глаза, чем в лицо. Надев на лицо маску уверенности, он покрепче устроился на стуле и принялся ждать — не без любопытства, — к какому изобретательному шантажу, подкупу или тактике выкручивания рук прибегнет Майлз. Сопровождать Доно к Фалько Форпатрилу будет чертовски *неудобно* . Айвен как раз прикидывал, как бы ему исхитриться предстать перед Фалько крайне незаинтересованным сторонним наблюдателем, когда Майлз произнес:

— Хорошо. Пойдем дальше…

— Я сказал нет! — в отчаянии возопил Айвен.

Майлз поглядел на него с легким удивлением:

— Я тебя слышал. Хорошо. Ты снят с крючка. Больше я тебя ни о чем не попрошу. Можешь расслабиться.

Айвен откинулся на спинку стула с глубоким облегчением.

А не с глубоким разочарованием. И уж точно не с глубокой тревогой. Но… Но… Но… я нужен мерзкому маленькому ублюдку, чтобы таскать ему каштаны из огня…

— Итак, следующий пункт, — продолжил Майлз. — Мы подходим к теме грязных

трюков.

Айвен в ужасе уставился на него. *Десять лет в роли лучшего специалиста Иллиана по тайным операциям …*

— Не делай этого, Майлз!

— Не делать чего? — спокойно уточнил Майлз.

— Чего бы ты ни задумал. Просто не делай. Я не хочу иметь к этому никакого отношения.

— Я собирался сказать, — одарил его Майлз ледяным взглядом, — что мы, будучи на стороне истины и справедливости, не нуждаемся в том, чтобы марать руки и прибегать к подкупу, убийству или иным формам физического воздействия или — хе! — шантажа. Кроме того, такого рода вещи обладают тенденцией… зашибать рикошетом. — Его глаза нехорошо сверкнули. — Но нам жизненно необходимо пристально следить за нашими противниками, чтобы не пропустить такого рода выпады с их стороны. Начиная с очевидного: привести всех своих оруженосцев в состояние полной боевой готовности, убедиться, что все транспортные средства хорошо охраняются и что у вас есть запасные транспортные средства и маршруты для следования в замок Форхартунг в день голосования. Кроме того, озадачьте всех имеющихся у вас доверенных и умелых людей, которые должны будут проследить, чтобы никакие непредвиденные обстоятельства не помешали прибытию на голосование ваших сторонников.

— Раз уж мы не намерены марать руки, то как ты назовешь хитроумную затею с Фортугароффами и маточным репликатором? — возмутился Айвен.

— Неожиданной маленькой удачей. *Никто* из здесь присутствующих к этому касательства не имеет, — преспокойно ответил Майлз.

— Значит, если грязный трюк нельзя отследить, то это не грязный трюк?

— Совершенно верно, Айвен. Быстро схватываешь. Дедушка бы… удивился.

Лорд Доно откинулся на стуле, задумчиво поглаживая бородку. От играющей на его губах улыбки Айвена мороз по коже продрал.

— Байерли. — Майлз посмотрел на второго присутствующего Форратьера, который тихонько жевал канапе и, опустив веки, то ли слушал, то ли подремывал. Бай мгновенно широко раскрыл глаза и улыбнулся. — Ты слышал что-нибудь, что нам необходимо знать о намерениях Ришара или партии Формонкрифа?

— Пока они ограничиваются простым подсчетом голосов. Насколько я понимаю, они еще не поняли, что вы их догоняете.

Рене Форбреттен скептически глянул на Бая:

— А мы догоняем? Не похоже, по моим раскладам. А когда и если они это сообразят — а я готов поспорить, что Борис Формонкриф довольно скоро об этом узнает, — что, по-твоему, они предпримут?

Бай вытянул руку и покачал ею, как на весах.

— Граф Формонкриф — старый испытанный конь. Как бы ни повернулось дело, он это переживет. Ему далеко не безразлична судьба Сигура, но сомневаюсь, что ради него он перейдет грань. Ришар… Ну, для него ведь результат голосования означает все. Он с самого начала пребывает в ярости из-за того, что вообще вынужден напрягаться. Ришар — пес, сорвавшийся с цепи. И с каждым днем становится все более неуправляем.

Похоже, это ничуть не беспокоило Бая. Скорее он даже находил в сложившейся ситуации какое-то удовольствие.

— Что ж, держи нас в курсе всех перемен в том лагере, — произнес Майлз.

Байерли прижал руку к сердцу:

— Я живу, чтобы служить.

Майлз вскинул глаза и проницательно посмотрел на Бая. Айвен подумал, что столь легкомысленное отношение к старым традициям Имперской безопасности не слишком по нраву человеку, пролившему столько крови и пота на службе в СБ. Он поморщился, предвидя обмен колкостями, но Майлз никак не отреагировал. Они быстро обсудили

оставшихся графов, и встреча благополучно завершилась.

Глава 15

Профессор Фортиц обнял на прощание жену, шофер загрузил чемодан в машину. Катриона стояла на подъездной дорожке, держа Никки за руку. Дядя Фортиц поедет с ними на аудиенцию, а оттуда — в космопорт, чтобы разобраться, как он сказал, с некоторыми техническими проблемами. Катриона полагала, что поездка на Комарру явилась результатом тех долгих часов, которые дядя проводил последнее время в Имперском научно-исследовательском институте. Для тети Фортиц его отъезд неожиданностью не стал.

Впрочем, дядя Фортиц сейчас беспокоил ее меньше всего. А вот Майлз… У Майлза прямо-таки потрясающая склонность к преуменьшениям. Вчера вечером она чуть не упала в обморок, когда дядя Фортиц сообщил им с Никки, кто этот «человек, обладающий властью», о котором говорил Майлз. Да-да, тот самый, который мог понять Никки, потому что сам потерял в детстве отца. Император Грегор! Все верно. Грегору не исполнилось и пяти лет, когда кронпринца Зерга, его отца, во время глупейшей военной авантюры разнесло на орбите Эскобара в клочья. Хорошо хоть Майлз ничего не стал говорить заранее, пока не получил согласие на аудиенцию. Сейчас главное не нервничать, ее волнение может передаться Никки.

Наконец все уселись в машину, и лимузин тронулся.

Катриона решила, что теперь у нее более тренированный взгляд. По обычаю, служебная машина предоставлялась Имперскому Аудитору в постоянное пользование. Когда она ехала в ней в первый раз, то не сумела ни догадаться по ее необычно плавному ходу о бронированном корпусе, ни опознать во внимательном молодом водителе кадрового сотрудника СБ. Дядя лишь делал вид, что ему неуютно и неловко среди высшего форства. В этих избранных кругах он вращался с той же легкостью, что и Майлз: пусть он не провел там всю жизнь, зато своим проницательным взглядом инженера умел превосходно оценивать людей.

Катриона огляделась и помахала на прощание тете.

Дядя Фортиц ласково улыбнулся Никки и потрепал его по волосам.

— Не дрейфь, малыш, — добродушно пророкотал он. — Грегор — отличный парень. Никто тебя не обидит, да и мы будем рядом.

Никки с сомнением кивнул. Он просто кажется бледным из-за черного костюма, успокоила себя Катриона. Единственный приличный костюм. В последний раз Никки надевал его на похороны отца. Да, мрачный юмор. Сама Катриона предпочла свое повседневное платье — серое с черным. Конечно, оно несколько потертое, но по крайней мере чистое и выглаженное. Волосы она тщательно расчесала и затянула в тугой узел. Словно ища поддержки, Катриона коснулась крошечного Барраяра, спрятанного под высоким воротом.

— И ты не дрейфь, — повернулся к ней дядя.

Она вымученно улыбнулась.

От университетского городка до императорского дворца было недалеко. Охранники просканировали их и открыли высокие железные ворота. Перед Катрионой предстало огромное каменное строение — четырехэтажное, разностильное. Они миновали главный вход и подъехали к ничем не примечательной двери в восточном крыле.

Там их встретил слуга в ливрее цветов Форбарра и по длинным пустынным коридорам провел в северное крыло. Никки с Катрионой с любопытством смотрели по сторонам. Никки откровенно, Катриона — исподтишка. Дядя Фортиц казался равнодушным к музейному декору. Он ходил по этим коридорам десятки раз, чтобы сделать личный доклад владыке трех миров. Майлз рассказывал, что жил здесь до шести лет. Интересно, подавляла его эта живая история, или же он просто считал все, что здесь находится, личным набором игрушек? *Угадай с первого раза* .

Служитель провел их в кабинет размером с первый этаж профессорского дома.

Недалеко от двери, прислонившись к столу, стоял, скрестив руки, император Грегор Форбарра — серьезный, худощавый, темноволосый, узколицый, он был одет в темно-синий костюм с военным воротником-стоечкой, отороченным тоненьким кантом. Напротив Грегора стоял Майлз, расставив ноги и сунув руки в карманы. При виде Катрионы он оборвал себя на полуслове, посмотрел на нее и робко улыбнулся. Затем коротко кивнул Аудитору Фортицу.

Впрочем, Фортиц в подсказках не нуждался.

— Сир, — произнес он, — позвольте представить вам мою племянницу, госпожу Катриону Форсуассон, и ее сына, Николаса Форсуассона.

Катриона хотела было сделать реверанс, но Грегор, шагнув вперед, крепко пожал ей руку.

— Сударыня, для меня это большая честь.

Повернувшись к Никки, он пожал руку и ему:

— Добро пожаловать, Никки. Мне очень жаль, что наша первая встреча состоялась в связи со столь сложным делом, но я уверен, что впереди у нас еще много других приятных встреч.

Тон его не был покровительственным или менторским — он говорил с Никки как с равным.

Никки ухитрился ответить взрослым рукопожатием, лишь слегка глаза вытаращил.

Прежде Катрионе редко доводилось встречаться с могущественными людьми, и все они, как правило, либо смотрели сквозь нее, либо одаривали оценивающим взглядом эстетов. Грегор же смотрел прямо в глаза и, казалось, видел ее насквозь. Это было одновременно и неловко, и приятно. Император жестом указал на кожаные диваны в дальнем конце комнаты и тихо проговорил:

— Не соблаговолите ли присесть?

Высокие окна выходили в сад, весь переливающийся летними красками. Катриона села спиной к окну, Никки устроился рядом. Свет из окна падал на лицо их августейшего хозяина, занявшего кресло напротив. Дядя Фортиц уселся между ними. Майлз подтащил стул, устроился чуть в сторонке от всех и удобно расположился, скрестив руки. Катриона и сама толком не понимала, откуда она знает, что он напряжен, нервничает и несчастен. И с маской на лице. Прозрачной маской…

Грегор подался вперед:

— Лорд Форкосиган попросил меня встретиться с тобой, Никки, из-за неприятных слухов, возникших вокруг смерти твоего отца. Учитывая эти обстоятельства, твои мама и двоюродный дедушка согласились, что это необходимо.

— Хотел бы напомнить, — вмешался дядя Фортиц, — что я ни за что бы не согласился, если бы не эти трепливые идиоты.

Грегор кивнул.

— Прежде чем я начну, я должен кое-что оговорить… кое о чем предупредить тебя. Хоть ты и не отдаешь себе в этом отчет, Никки, но в доме твоего дедушки ты постоянно живешь под определенным тайным контролем. По просьбе твоего дяди этот контроль, как правило, ограничен и ненавязчив. За последние три года его лишь дважды усиливали во время особо сложных расследуемых им дел.

— Бабушка показывала нам наружные видеокамеры, — застенчиво проговорил Никки.

— Это всего лишь часть, — пояснил дядя Фортиц.

Самая незначительная, согласно краткой вежливой информации, данной Катрионе офицером СБ в тот день, когда они с Никки въехали в дядин дом.

— Все коммы тоже либо обеспечены закрытой связью, либо прослушиваются, — продолжил Грегор. — Оба автомобиля содержатся в охраняемых местах. При появлении в доме кого-либо незнакомого или подозрительного меньше чем через две минуты на место прибудет бригада СБ.

Никки вытаращил глаза.

— Остается удивляться, как удалось пройти Формонкрифу, — не удержалась Катриона.

Грегор виновато улыбнулся:

— Ваш дядя не пожелал, чтобы Имперская безопасность трясла всех и каждого, кто к нему приходит. А Формонкриф был в списке допущенных в дом из-за его предыдущих визитов. — Он снова перевел взгляд на Никки. — Но если мы с тобой продолжим сегодня беседу, ты перешагнешь невидимую черту между низким уровнем контроля и куда более высоким. Пока ты живешь в доме деда или… если когда-нибудь переедешь в особняк лорда Форкосигана, разницы ты не заметишь. Но все дальние поездки по Барраяру придется оговаривать с ответственным офицером безопасности, а покидать пределы планеты ты не сможешь вообще. Список школ, в которых ты сможешь учиться, резко сократится, станет более элитарным, и — как мне ни жаль — все эти школы очень дорогие. Положительное здесь то, что тебе не придется опасаться встреч с обыкновенными преступниками. Отрицательное же, — он кивнул Катриону, — что каждый гипотетический похититель, который сможет проникнуть через систему безопасности, автоматически будет считаться чрезвычайно опасным.

— Майлз об этом не упоминал, — задохнулась Катриона.

— Могу сказать, что Майлз об этом скорее всего даже не подумал. Он прожил в таких условиях большую часть своей жизни. Разве рыба думает о воде, в которой плавает?

Катриона исподволь глянула на Майлза. У него был такой вид, будто он только что наткнулся на стену, о существовании которой даже не подозревал.

— Поездки за пределы планеты! — Никки ухватился за единственный важный для него пункт. — Но… Я хочу стать скачковым пилотом.

— К тому времени, когда ты достаточно подрастешь, чтобы учиться на пилота скачкового корабля, ситуация, я думаю, изменится, — ответил Грегор. — Все, что я говорю, касается ближайших нескольких лет. Ты по-прежнему хочешь, чтобы я продолжал?

Катриону он не спрашивал. Он спрашивал Никки. Она затаила дыхание.

Никки облизнул губы.

— Да, я хочу знать.

— Второе предупреждение, — продолжил Грегор. — Отсюда ты выйдешь с не меньшим количеством вопросов, чем пришел, с той лишь разницей, что вопросы будут другими. Все, что я тебе скажу, — правда, но не полная. А когда я закончу, ты получишь абсолютно всю информацию, которую можешь получить на данный момент как из соображений твоей личной безопасности, так и безопасности Империи. Ты все еще хочешь, чтобы я продолжил?

Никки кивнул. Этот невероятный человек гипнотизировал его. Как и Катриону.

— Третье — и последнее. Иногда долг форов призывает нас в слишком юном возрасте. То, о чем я тебе расскажу, наложит на тебя бремя молчания, которое способен выдержать не всякий взрослый. — Он обвел взглядом Майлза, Катриону и дядю Фортица. — Впрочем, у тебя есть мама и дедушка с бабушкой, с которыми можно это бремя разделить. Но сейчас, возможно, впервые в жизни тебе придется с полной ответственностью дать мне слово фора. Ты можешь?

— Да, — шепотом выдавил Никки.

— Говори.

— Даю слово Форсуассона… — Никки замолчал, вопросительно глядя Грегору в глаза.

— Не разглашать содержание этого разговора.

— Не разглашать содержание этого разговора.

— Отлично. — Грегор откинулся на спинку кресла. — Я постараюсь говорить как можно более кратко и четко. Когда лорд Форкосиган вместе с твоим отцом вышел из купола и оправился на опытную станцию, они захватили там врасплох нескольких воров. И наоборот — воры захватили врасплох их. И твой отец, и лорд Форкосиган попали под выстрел из парализатора. Воры сбежали, оставив их обоих прикованными за запястья к перилам снаружи станции. Ни у твоего отца, ни у лорда Форкосигана не хватило сил разорвать оковы, хотя они оба пытались.

Никки стрельнул глазами на Майлза, который был вдвое меньше Тьена, почти одного роста с мальчиком. Катриона казалось, что она видит, как вращаются колесики в голове сынишки. Если его отец, который был намного крупнее и сильнее, не смог освободиться, разве можно винить Майлза в том, что это не удалось ему?

— Воры не желали смерти твоего отца. Никто не желал. Никто не знал, что его респиратор почти пуст. Это в дальнейшем было подтверждено во время их допроса с суперпентоталом. Юридическое определение такого рода преступления не «убийство», а «непредумышленное убийство», кстати говоря.

Никки был бледен, но плакать явно не собирался.

— А лорд Форкосиган… — несмело проговорил он, — …не мог поделиться с ним своим респиратором, потому что тоже был прикован?

— Мы находились примерно в метре друг от друга, — ровным тоном пояснил Майлз. — Ни один из нас не мог дотянуться до другого.

Он чуть развел руки в стороны. Рукава задрались, обнажив рваные розовые шрамы на запястьях, где наручники разодрали кожу и плоть до кости. Разве Никки не видит, что он чуть руки себе не оторвал, пытаясь освободиться, мрачно подумала Катриона. Майлз автоматически одернул рукава и сложил руки на коленях.

— А теперь трудная часть, — произнес Грегор, мгновенно вернув себе внимание Никки. Должно быть, Никки казалось, что, кроме них с императором, в целом мире никого больше нет.

Он собирается продолжить? Нет! Нет! Не надо! Остановитесь на этом … Катриона не знала, какие чувства мелькнули на ее лице, но Грегор лишь кивком показал, что понял, однако отметает возражения.

— Это та часть, которую твоя мать никогда бы тебе не рассказала. Причина, по которой твой отец потащил лорда Форкосигана на опытную станцию, состоит в том, что твой отец позволил этим ворам подкупить себя. Но потом передумал и хотел, чтобы лорд Форкосиган объявил его Имперским Свидетелем. Воров разозлило такое предательство. И они приковали его к перилам, чтобы наказать за попытку восстановить свою честь. С целью окончательной дискредитации твоего отца они прикрепили к его спине дискету со сведениями о полученных им взятках, чтобы спасатели непременно ее нашли. А потом позвонили твоей маме, чтобы она за ним приехала. Но — поскольку не знали, что его респиратор почти пуст, — позвонили ей слишком поздно.

Теперь Никки казался совсем маленьким и несчастным. *Ох, бедный ты мой сыночек. Я бы не стала подрывать честь Тьена в твоих глазах. Потому что только в твоих глазах его честь и сохранилась …*

— Учитывая другие касающиеся этих воров факты, которые никто не имеет права с тобой обсуждать, вся эта история — государственная тайна. Остальные знают лишь, что твой па с лордом Форкосиганом покинули купол, никого не видели, затем потеряли друг друга в темноте, когда шли пешком, и лорд Форкосиган слишком поздно нашел твоего отца. И если кто-нибудь считает, что лорд Форкосиган имеет отношение к смерти твоего отца, мы не будем с ним спорить. Ты можешь сказать, что это неправда и что ты вообще не желаешь разговаривать на эту тему. Но ни в коем случае не позволяй втянуть себя в спор.

— Но… — Никки окончательно растерялся. — Но это нечестно!

— Это трудно, — кивнул Грегор, — но необходимо. И честность тут совершенно ни при чем. Чтобы избавить тебя от самой трудной части, мама, дедушка и лорд Форкосиган рассказали тебе официальную версию, а не так, как было на самом деле. И не могу сказать, что они были не правы.

Он встретился взглядом с Майлзом, и некоторое время они смотрели друг на друга. Майлз вопросительно поднял бровь, Грегор ответил едва заметным ироничным кивком.

— Теперь все эти воры — в имперской тюрьме, чрезвычайно надежной. И выйдут оттуда не скоро. Вся справедливость, какую можно было воздать, воздана. Большего сделать нельзя. Если бы твой отец остался в живых, то сейчас бы тоже сидел в тюрьме. Смерть

смывает все долги чести. Поэтому, в моих глазах, он искупил свое преступление и восстановил доброе имя. Большего он сделать не может.

Все оказалось несравненно намного тяжелей, чем думала Катриона. Она и представить себе не могла, что Грегор расскажет все Никки. Дядя Фортиц сделался угрюмым, даже Майлз казался угнетенным.

Нет. Это *смягченная* версия. Тьен вовсе не пытался спасти свою честь. Просто узнал, что его преступление раскрылось, и стремился избежать последствий. Но если Никки сейчас закричит: «Наплевать мне на честь! Я хочу обратно па!», может ли она сказать, что он не прав?

Никки посмотрел на Майлза:

— Что за две ошибки, которые вы допустили?

Тот ответил спокойно.

— Во-первых, выходя из купола, я не поставил в известность службу безопасности. Когда мы с Тьеном поехали на станцию, то рассчитывали на покорное признание, а не на враждебную конфронтацию. Во-вторых, когда мы захватили врасплох… воров, я не успел вовремя выстрелить. Они выстрелили первыми.

Дипломатическое колебание. Секундная задержка. Самые горькие сожаления обычно из-за мелочей.

— Я хочу посмотреть ваши запястья.

Майлз сдвинул рукава и вытянул руки, сперва ладонями вниз, потом вверх, чтобы Никки мог рассмотреть как следует.

Никки нахмурился:

— У вас тоже кислород заканчивался?

— Нет, с моим респиратором все было в порядке. Я его проверил перед тем как надеть.

— О! — Никки откинулся назад, подавленный и задумчивый.

Все молча ждали.

— У тебя на сегодня еще есть вопросы? — ласково спросил через пару минут Грегор.

Никки молча покачал головой.

Грегор бросил взгляд на часы и встал, жестом велев остальным оставаться на местах. Подойдя к столу, он порылся в ящике, достал из него код-карту и протянул Никки.

— Вот, Никки. Это тебе. Не потеряй.

На карте не было никаких знаков. Никки с любопытством повертел ее в руках и вопросительно глянул на Грегора.

— Эта карта даст тебе доступ к моему персональному комм-каналу. Такой доступ имеют очень немногие мои друзья и близкие родственники. Когда ты вставишь карту в свой комм, на дисплее появится человек, идентифицирует тебя и, если я доступен, переключит на ближайший ко мне комм. Тебе не нужно сообщать ему, зачем ты звонишь. Если позже у тебя возникнут еще вопросы — а так оно и будет, потому что я дал тебе много пищи для размышления, — или если тебе просто захочется с кем-то об этом поговорить, можешь воспользоваться карточкой и позвонить мне.

— Ух ты! — Еще немного повертев карточку в руке, Никки убрал ее во внутренний карман.

Катриона поняла, что аудиенция окончена. Она подобралась, готовая уловить намек, что пора уходить, но тут поднял руку Майлз. *Он всегда последнее слово оставляет за собой?*

— Грегор… Я выражаю тебе признательность за твой жест доверия, что ты отверг мое прошение об отставке…

— Ты ведь не пытался отказаться от должности Аудитора из-за этой глупой болтовни, Майлз?! — Дядя Фортиц изумленно вскинул брови.

— Я полагал, что, по традиции, Имперский Аудитор не только должен быть честным, но и казаться таковым, — пожал плечами Майлз. — Моральный авторитет и все такое…

— Не всегда, — мягко возразил Грегор. — От деда Эзара я унаследовал парочку чертовски несгибаемых старых дубов. И хотя моего прадеда и называли Доркой

Справедливым, мне кажется, основным его критерием при отборе Аудиторов было их умение убедительно терроризировать довольно упертую команду вассалов. Ты можешь себе представить, какая смелость требовалась от Голоса Дорки, чтобы противостоять, скажем, графу Пьеру Кровавому?

— Судя по тому восхищению, с каким мой дед вспоминал о Пьере, — ухмыльнулся Майлз, — мне отказывает воображение.

— Если доверие общества к тебе как к Имперскому Аудитору будет подорвано слишком сильно, мои графы с министрами сами тебя отстранят. Без моей помощи.

— Это вряд ли, — прорычал дядя Фортиц. — Дело, конечно, поганое, мой мальчик, но вряд ли все зайдет так далеко.

Майлз выглядел менее уверенным.

— Ты уже протанцевал все требуемые па, Майлз, — сказал Грегор. — Хватит.

Майлз кивнул — довольно неохотно, как показалось Катрионе, — но с облегчением.

— Благодарю вас, сир. Однако хотел бы добавить, что я также думал о личных последствиях. Ты по-прежнему уверен, что хочешь, чтобы я стоял в твоем свадебном круге, пока вся эта шумиха в самом разгаре?

Грегор одарил его прямым и немного обиженным взглядом.

— Тебе не удастся так легко отвертеться от светских обязанностей! Если генерал Элис не потребует, чтобы я убрал тебя, ты останешься.

— Я вовсе не пытаюсь отвертеться!.. Ни от чего. — Майлз слегка сбавил обороты, заметив ехидное веселье Грегора.

— Одна из прелестей моей работы в том, что можно отсылать за ответом к другим. Ты можешь пустить слух, что, если кто недоволен присутствием моего сводного брата в моем свадебном круге, может идти к леди Элис и предлагать ей какие угодно капитальные изменения в ее планах, если… осмелится.

Майлз злорадно ухмыльнулся.

— Я бы дорого заплатил, чтобы это увидеть. — Он снова поник. — Но это наверняка произойдет, пока…

— Майлз! — Грегор поднял руку. — У тебя дома сидит самый крупный в этом столетии специалист по политике Барраяра. Твой отец справлялся с куда более мерзкими склоками, чем эта, еще когда тебя на свете не было. Расскажи о твоих проблемах ему. И передай, что я прошу его прочитать тебе лекцию на тему «Честь против репутации», которую он в свое время закатал мне. Вообще-то… скажи, что я прошу и требую. — Легкий взмах руки, с которым он поднялся с кресла, положил конец дискуссии. Гости поспешили встать.

— Лорд Аудитор Фортиц, можно вас на пару слов перед вашим отъездом? Госпожа Форсуассон, — Грегор пожал ей руку, — мы поговорим подольше, когда я не буду так ограничен во времени. Забота о сохранении секретности не позволяет принести вам публичную благодарность, но, надеюсь, вы понимаете, что заслужили глубочайшую признательность Империи и вам открыт персональный бездонный счет почета, из которого вы можете черпать сколько угодно в любой момент по вашему желанию.

Катриона чуть было не запротестовала. Ведь наверняка Грегор выделил им время из-за Майлза! Но это был единственный намек на *прочие* обстоятельства событий на Комарре, на который они могли осмелиться в присутствии Никки. Поэтому она лишь кивнула, пробормотав слова благодарности. Никки, запинаясь, повторил за ней.

Дядя Фортиц обнял их с Никки и отправился беседовать с императором о делах. Майлз подошел с ними к двери.

— Я сам провожу гостей до выхода, Жерар, — сказал он поджидавшему ливрейному слуге. — Вызови, пожалуйста, машину госпожи Форсуассон.

Они двинулись в долгий обратный путь.

— Это было… куда больше, чем я ожидала. — Катриона посмотрела на шагавшего между ними Никки. Он казался печальным, но не подавленным. — Сильнее.

Горше .

— Да, — кивнул Майлз. — «Будь осторожен в своих просьбах…» Есть особые причины, по которым я очень доверяю суждению Грегора, но… Мне кажется, что, возможно, я не единственная рыбка, которая не думает о воде, в которой плавает. Грегору ежедневно приходится выдерживать такой прессинг, от которого я бы запил или сошел с ума. Или взбесился бы. В ответ он переоценивает нас, а мы… отчаянно пытаемся не разочаровать его.

— Он сказал мне правду, — произнес Никки и через пару шагов добавил: — Я рад.

Катриона успокоилась.

Майлз нашел отца в библиотеке.

Граф Форкосиган сидел на софе у камина и что-то читал. На нем был полуофициальный костюм — темно зеленые брюки и пиджак, — значит собирается скоро куда-то пойти. Наверняка на очередной официальный прием из тех, что вице-король с вице-королевой обязаны посетить до императорской свадьбы. Майлзу уже неоднократно напоминали о списке обязательств, врученном ему леди Элис. Но можно ли теперь будет взять с собой Катриону? Да, это — увы — большой вопрос.

Майлз плюхнулся на софу напротив отца. Граф поднял голову и с интересом на него посмотрел.

— Привет. Выглядишь слегка выжатым.

— Да. Я только что вернулся после очень тяжелого разговора. — Майлз потер шею, до сих пор болевшую от напряжения. Граф вежливо поднял бровь. — Я попросил Грегора просветить Никки Форсуассона насчет этой клеветы — насколько он сочтет возможным. Он отодвинул рамки несколько дальше, чем сделали бы мы с Катрионой.

Граф отложил книжку.

— Ты считаешь, он преступил границы секретности?

— На самом деле нет, — признал Майлз. — Любой враг, захвативший Никки для допроса, уже будет знать больше, чем мальчик. Они могут за десять минут допросить его под суперпентоталом — и все. Может, его даже потом отпустят. Или нет… Он представляет не больше опасности в плане разглашения государственной тайны, чем раньше. И рискует не больше и не меньше, будучи потенциальным рычагом давления на Катриону. — *Или на меня* . — Конспирацию соблюдали и сами заговорщики. Так что дело не в этом.

— А в чем?

Майлз уперся локтями в колени и в мрачной задумчивости уставился на носки начищенных полусапог.

— Я думал, из-за кронпринца Зерга Грегор знает, как сообщить человеку, что его отец — преступник. И стоит ли сообщать вообще. Если, конечно, принца Зерга можно назвать преступником.

— Можно! — выдохнул граф. — Преступник, и к моменту гибели практически буйнопомешанный. — Адмирал Эйрел Форкосиган был свидетелем эскобарской катастрофы на высшем уровне, сообразил Майлз. Отец выпрямился и мрачно улыбнулся: — Меткий выстрел эскобарского крейсера — самая добрая улыбка фортуны в барраярской политике. Задним числом, впрочем, я сожалею, что мы плохо справились с задачей рассказать обо всем Грегору. Как я понимаю, он справился лучше?

— Полагаю, он справился… хорошо. В любом случае Никки не придется испытывать запоздалое потрясение. Конечно, по сравнению с Зергом Тьен всего-навсего дурак и ничтожество. Но видеть все это было тяжело. Не должен девятилетний мальчишка сталкиваться с такой мерзостью. Какое воздействие это может на него оказать?

— Ну… ему станет десять, — ответил граф. — Ты сделал то, что должен был сделать. Человек либо взрослеет, либо ломается. Ты должен верить, что он повзрослеет.

Майлз побарабанил пальцами по подлокотнику.

— Коварство Грегора меня порой поражает. Сообщив о взяточничестве Тьена, он автоматически перетащил Никки на нашу сторону. Отныне Никки тоже крепко

заинтересован в том, чтобы поддерживать официальную версию и защищать репутацию своего па. Это, кстати, и привело меня к тебе. Грегор сказал — просит и требует, ни больше ни меньше! — чтобы ты прочитал мне лекцию на тему «Честь против репутации», которую когда-то прочел ему. Должно быть, она весьма запоминающаяся.

— Лекцию? — не понял граф. — Ах да! — Он коротко улыбнулся. — Значит, это осело у него в голове. Отлично! Иногда с молодыми людьми трудно сказать, вняли они твоим словам или нет.

Майлз поерзал, прикинув, не относится ли последнее замечание к нему. Точнее, *в какой степени* оно к нему относится.

— М-м-м?.. — промычал он.

— Я бы не стал называть это лекцией. Просто полезные различия, чтобы внести ясность. — Граф развел руки, изображая весы. — Репутация — это то, что о тебе знают другие. А честь — это то, что знаешь о себе ты сам.

— Хм.

— Трение возникает, когда они разнятся. В обстоятельствах смерти Форсуассона — как ты сам оцениваешь себя?

Как ему удается с одного выстрела вот так попадать в яблочко?

— Точно не знаю. Нечистые помыслы считаются?

— Нет, — отрезал граф. — Только сознательные действия.

— А как насчет неумелых действий?

— Серая зона. И не говори мне, что не бывал в этой сумеречной зоне прежде.

— Большую часть жизни, сэр. Не то что я временами не выплывал на слепящий свет компетенции. Мне не удается поддерживать должную высоту.

Граф улыбнулся уголком рта, но все же милосердно воздержался от того, чтобы согласиться со сказанным.

— Вот как? Тогда мне кажется, что твоя нынешняя проблема лежит за пределами репутации.

— У меня такое чувство, будто меня крысы изглодали, — вздохнул Майлз. — Мерзкие прожорливые крысы, слишком юркие, чтобы я мог поймать их и дать по башке.

Граф изучал свои ногти.

— Могло быть и хуже. Нет ничего хуже, чем стоять с осколками чести у ног, когда общественное мнение носит тебя на руках. Вот *это* действительно разъедает душу. А так все это лишь весьма и весьма раздражает.

— Весьма и весьма, — кисло согласился Майлз.

— Хе. Ладно. Могу я высказать несколько утешительных соображений?

— Да уж, не сочти за труд.

— Во-первых, все это преходяще. Несмотря на безусловную притягательность секса, убийства, заговора и снова секса, людям со временем приедается любая байка. Скоро какой-нибудь очередной бедолага допустит грубую промашку, и внимание людей перекинется на него.

— Какой еще секс? — досадливо пробормотал Майлз. — Не было никакого секса! Черт побери! Иначе все это еще стоило бы терпеть. Мне даже ни разу еще не удалось ее поцеловать!

Граф сочувственно пожал плечами:

— Мои соболезнования. Во-вторых — в дальнейшем никакие другие, не столь интересные обвинения в твой адрес, ни на мгновение не привлекут внимание публики. Во всяком случае, в ближайшем будущем.

— О, класс! Значит, теперь я могу спокойно затевать открытое восстание, поскольку стадию предумышленного убийства я уже миновал?

— В-третьих, контролировать мысли невозможно — иначе я бы давно нашел этому применение. Пытаться оспаривать любую чушь, в которую верит, базируясь на отсутствии логики и информации, каждый кретин на улице, — верный путь к сумасшествию.

— Мнение некоторых людей имеет значение.

— Да, иногда. Ты определился в данном случае, чье мнение для тебя важно?

— Катрионы. Никки. Грегора. — Майлз поколебался. — И все.

— Как, а твои несчастные старики родители в этот краткий список не входят?

— Мне было бы жаль потерять ваше хорошее мнение, — медленно проговорил Майлз. — Но в данном случае вы не те… Не знаю точно, как сформулировать… Пользуясь маминой терминологией, вы не те, против кого согрешили. Так что ваше прощение особого значения не имеет.

— Хм. — Граф потеребил губу, глядя на Майлза с хладнокровным одобрением. — Любопытно. Так. Четвертая утешительная мысль такова: я бы на твоем месте учел, что в этой деревне, — движение пальца означало Форбарр-Султан и, по экстраполяции, Барраяр в целом, — приобрести репутацию хитроумного и опасного человека, способного без зазрения совести убить ради того, чтобы заполучить и удержать желаемое, не так уж и плохо. На самом деле ты даже можешь обнаружить это полезным.

— Полезным! Значит, тебе сильно грело душу прозвище Мясник Комарры? — возмутился Майлз.

Отец сощурился:

— Я считал это… проклятием. Но да, бывало, что я пользовался своей репутацией, чтобы кое на кого воздействовать. А почему бы и нет? Я за это право заплатил сполна. Саймон говорит, что испытал подобное на себе. Говорит, что после того, как он унаследовал после Великого Негри кресло главы Имперской безопасности, единственное, что ему требовалось, чтобы вывести из себя противников, это просто молча стоять.

— Я работал с Саймоном. Он отлично умел действовать на нервы. И вовсе не благодаря чипу эйдетической памяти или призраку Негри, — покачал головой Майлз. — Как бы то ни было, люди всегда считали Саймона устрашающим, но неподкупным. Он и наполовину не был бы таким пугающим, не умей он столь убедительно демонстрировать эдакое великолепное безразличие к… ну… любым человеческим желаниям. — Он помолчал, вспоминая подавляющий стиль руководства своего бывшего шефа и наставника. — Но черт подери! Если уж мои враги не допускают наличия у меня хоть каких-то признаков морали, то пусть хотя бы не отказывают мне в компетенции! Если бы я вознамерился кого-то грохнуть, то провернул бы все куда тоньше! Никто бы в жизни не догадался, что это убийство, ха!

— Верю, — успокоил его граф. И спросил с внезапно возникшим интересом: — А… тебе приходилось?

Майлз зарылся в софу и поскреб щеку.

— Была одна миссия для Иллиана… Не хочу об этом говорить. Это была быстрая, неприятная работа, но мы справились. — Он мрачно уставился на ковер.

— Вот как. Я просил его не использовать тебя для убийств.

— Почему? Боялся, что приобрету дурную привычку? В любом случае это было куда сложнее обычного убийства.

— Так оно, как правило, и есть.

Майлз некоторое время сидел, уставясь в пространство.

— Твои слова почти полностью совпадают с тем, что сказал мне Галени. Я должен стоять тут, глотать это и улыбаться.

— Нет, — возразил отец, — улыбаться не обязательно. Но если ты действительно просишь совета, то, исходя из моего богатого опыта, могу сказать: береги честь. А репутация пусть катится куда покатится. И переживи ублюдков.

Майлз с любопытством поглядел на отца. Без седины в волосах Майлз отца и не помнил, теперь же отцовская шевелюра побелела почти целиком.

— Я знаю, что за долгие годы твоя репутация то взлетала, то с грохотом падала. Когда твоей репутации впервые был нанесен серьезный урон? Как ты это пережил?

— О, в первый раз… Это было так давно. — Подавшись вперед, граф задумчиво потеребил губу. — Мне вдруг пришло в голову, что оставшиеся у старшего поколения

смутные воспоминания о том злосчастном эпизоде могут сейчас тебе навредить. Каков отец, таков и сын, а? — Граф озабоченно посмотрел на Майлза. — Вот уж таких последствий я точно предвидеть не мог. Понимаешь… после самоубийства моей первой жены пошли слухи, будто ее убил я. За неверность.

Майлз моргнул. До него доходили обрывки этой старой истории. Но не последняя фраза.

— А она… э… была? Неверна?

— О да! Мы с ней из-за этого чудовищно поскандалили. Я был оскорблен, обижен, взбешен, к тому же сильно искалечен воспитанием. Это единственный момент в моей жизни, когда мне определенно следовало бы воспользоваться услугами бетанского психотерапевта, а не дурным барраярским советом, полученным от… ладно, не важно. Я не знал, даже не подозревал о существовании подобного выхода. Времена тогда были темные. Мужчины дрались на дуэлях, хотя формально это и было уже запрещено.

— Но ты… хм… ты действительно не… хм…

— Убивал ее? Нет. Разве что словом. — Пришел черед графа уставиться в пространство. Он полуприкрыл глаза. — Хотя я никогда не был полностью уверен, что ее не убил твой дед. Он сам устроил этот брак и чувствовал себя виноватым.

Майлз вздрогнул.

— Если вспомнить деда, так очень даже возможно. Ты никогда его не спрашивал напрямую?

— Нет, — вздохнул граф. — Что бы я, по-твоему, делал, скажи он вдруг «да»?

Эйрелу Форкосигану тогда было сколько? Года двадцать два? Более полувека назад. *Он был куда моложе, чем я сейчас. Черт, да он был совсем мальчишкой!* Мир Майлза головокружительно завертелся и замер под новым углом с улучшенными перспективами.

— Так… как же ты это пережил?

— Полагаю, мне повезло, как всякому дураку и психу. А я совершенно точно был и тем, и другим. Мне было совершенно наплевать. Злобные сплетни? Ну, так я дам им вдвое больше поводов для сплетен. Пусть подавятся! Думаю, они просто онемели после моих последующих выходок. Представь себе бродящего по окрестностям пьяного психа со злобными глазами. Причем психа с суицидальными наклонностями, которому нечего терять. Вооруженного. Постепенно я сам себе опротивел, не говоря уж об остальных, и вытащил себя из этой ямы.

Теперь тот разочарованный мальчик исчез, остался пожилой серьезный мужчина, который безжалостно судит себя самого. Это объясняло, почему отец ни разу не предлагал Майлзу брак по договоренности и ни словом, ни жестом не осуждал его немногочисленные любовные связи. Майлз поднял голову и одарил отца кривой улыбкой.

— Ваша тактика меня не прельщает, сэр. От выпивки меня тошнит. И у меня нет ни малейшего желания кончать с собой. И мне есть что терять.

— А это и не было рекомендацией, — тихо заметил граф. Он откинулся на спинку софы. — Позже — много позже, — когда у меня тоже появилось что терять, я приобрел твою мать. И с тех пор меня интересовало только ее одобрение.

— Да ну? А что, если бы ты рисковал ее одобрением? Что бы с тобой было тогда?

Катриона …

— Оказался бы на четвереньках скорей всего. — Граф, покачав головой, медленно улыбнулся. — Так… э… когда же нам будет позволено познакомиться с этой женщиной, оказывающей на тебя столь живительное воздействие? С ней и ее Никки? Может, ты как-нибудь пригласишь ее на ужин?

Майлза перекосило.

— Нет, только не на ужин. Не так скоро.

— Я видел ее удручающе мимолетно. И то немногое, что я успел разглядеть, показалось мне весьма привлекательным. Не слишком худая. Мне понравилось, как она налетела на меня. — Граф улыбнулся. Он придерживался старого барраярского идеала

женской красоты, который включал в себя способность пережить несильный голод. Майлз подозревал и за собой склонность к этому идеалу. — И вполне спортивная. Совершенно очевидно, что тебя она обгонит. Так что в следующий раз я порекомендовал бы тебе прибегнуть к тактике уговоров, а не прямого преследования.

— Я пытался, — вздохнул Майлз.

Граф с усмешкой посмотрел на сына.

— Видишь ли, эта вереница твоих дам очень сбивала нас с матерью с толку. Мы не знали, следует нам привязываться к ним или нет.

— Какая вереница? — возмутился Майлз. — Я привозил домой одну инопланетную подружку. Одну! И не моя вина, что у нас с ней не сложилось.

— Плюс несколько… хм… поразительных дам, украшавших доклады Иллиана.

У Майлза глаза съехали к носу.

— Но откуда он… Иллиан знать не знал… Он никогда не сообщал вам о… Нет! Не отвечай. Ничего не желаю знать. Но клянусь, как только его увижу, то удав… — Он сердито глянул на графа, который явно потешался, внешне сохраняя полную невозмутимость. — Саймон, наверное, не помнит. Или сделает вид, что не помнит. Чертовски удобная выборочная амнезия, вовремя он ею обзавелся. — Майлз вздохнул: — В любом случае я уже рассказал Катрионе о самых главных.

— Вот как? Ты каялся или сплетничал?

— Готовился к решающему бою. Откровенность… единственный способ с ней разговаривать.

— Откровенность — единственный способ разговаривать с кем угодно, когда вы становитесь настолько близки, что живете в шкуре друг друга. Так… Эта Катриона — очередная проходящая пассия? — Граф помолчал, глядя на Майлза. — Или — та самая, что будет любить моего сына вечно и горячо, содержать его дом и собственность, поддерживать в опасности, несчастье и смерти и направит руку моих внуков, когда они будут возжигать приношение на моих похоронах?

Майлз некоторое время молчал, восхищаясь способностью отца выстраивать такого рода линии. Это напоминало боевой десантный катер, с прицельной точностью высаживающий диверсантов.

— Это… Это будет пункт «б», сэр. И все в нем перечисленное. — Он сглотнул. — Надеюсь. Если я снова все не испорчу.

— Ну так когда же мы с ней познакомимся? — повторил свой вопрос граф.

— Проблемы пока не утряслись. — Майлз поднялся с софы, чувствуя, что момент, когда он еще может с достоинством удалиться, ускользает на глазах. — Я тебе сообщу.

Граф посмотрел на сына тепло и серьезно.

— Я рад, что она появилась, когда ты достаточно повзрослел, чтобы понять самого себя.

Майлз отдал ему салют аналитика — неопределенный взмах двумя пальцами возле лба.

— Я тоже, сэр.

Глава 16

Катриона сидела за тетиным коммом и пыталась составить резюме так, чтобы утаить от управляющего городской парковой службой, занимающейся уходом за скверами и парками Форбарр-Султана, тот факт, что у нее нет опыта работы. Она ни за что, черт бы побери, не станет упоминать работу у *лорда Аудитора Форкосигана!* Тетя Фортиц ушла с утра на работу, а Никки где-то бегал вместе с Артуром Пимом под присмотром старшей сестры Артура. Вдруг она услышала сигнал входной двери, и тут до нее дошло, что она совсем одна в доме. Станут ли похитители звонить во входную дверь? Майлз бы знал. Она живо представила, как в особняке Пим ледяным тоном сообщает пришельцам, что им придется проследовать на задний двор к входу для *шпионов* … который наверняка оборудован

надежной системой защиты. Совладав с новоприобретенной паранойей, Катриона встала и пошла к двери.

К ее глубочайшему облегчению, вместо цетагандийских шпиков у двери стоял ее брат Хью Форвейн с довольно симпатичным малым. Катриона не сразу узнала Бэзила Форсуассона, двоюродного брата Тьена. До этого она видела его один-единственный раз — на похоронах Тьена. Там они общались ровно столько, сколько потребовалось, чтобы официально передать ей опеку над Никки. Лейтенант Форсуассон служил в транспортном управлении большого военного космопорта, расположенном в округе Форбреттенов. В тот раз Бэзил был одет в зеленый мундир, весьма подходящий для траурной церемонии, но сегодня на нем был обычный гражданский костюм.

— Хью, Бэзил! Вот это сюрприз! Заходите, заходите! — Катриона пригласила их пройти в кабинет тети Фортиц. Бэзил вежливо отказался от чая или кофе, поскольку они уже пили кофе на станции монорельса. Хью несколько озабоченно улыбался. Ему было едва за сорок, но благодаря сидячей работе в Имперском горнорудном бюро и неустанной заботе жены Розали он ощутимо располнел. Может, именно поэтому он выглядел таким солидным и надежным. Но он был явно напряжен. Катриона встревожилась.

— Что-нибудь стряслось?

— У *нас* все хорошо. — Он подчеркнул слово «нас».

У Катрионы замерло сердце.

— Папа?..

— Да, да, с ним тоже все в порядке, — нетерпеливо отмахнулся Хью. — Единственный член семьи, который в данный момент вызывает у всех тревогу, это ты, Кэт.

Катриона совсем растерялась:

— Я? Со мной все нормально.

Она опустилась на стоящее в углу большое кресло дяди. Бэзил взял один из плетеных стульев и неловко сел.

Хью передал привет от семьи, Розали, Эди и мальчиков, затем рассеянно огляделся по сторонам и спросил:

— Дядя Фортиц с тетей дома?

— Их нет. Но тетя скоро вернется после лекций.

Хью нахмурился:

— Вообще-то я надеялся увидеть дядю Фортица. Когда он придет?

— Ой, да он улетел на Комарру! Разобраться с какими-то оставшимися техническими проблемами, связанными с солнечным отражателем. И рассчитывал вернуться лишь к свадьбе Грегора.

— Чьей свадьбе? — переспросил Бэзил.

Тьфу, это все из-за Майлза! Она-то ведь не перешла на «ты» с Грег… с императором.

— Свадьбе императора Грегора. Дядя Фортиц, естественно, как Имперский Аудитор обязан на ней присутствовать.

Губы Бэзила беззвучно округлились, подразумевая «О, *этого* Грегора…».

— Ну, вряд ли у кого-нибудь из нас есть шанс туда попасть, — вздохнул Хью. — Конечно, *меня* такие вещи мало интересуют, но вот Розали и ее подружки все просто с ума сходят из-за этого. Хм-м… А это правда, что конногвардейцы пройдут строем в мундирах разных времен, начиная с Периода Изоляции до правления Эзара?

— Да, — кивнула Катриона. — И *каждую* ночь над рекой будет большой фейерверк.

В глазах Хью промелькнул завистливый огонек.

Бэзил прочистил горло и спросил:

— А Никки здесь?

— Нет. Он ушел с приятелем смотреть регату. Ее проводят ежегодно в память освобождения города войсками Влада Форбарры во время Десятилетней войны. Насколько я поняла, в этом году они устроили нечто сногсшибательное: сделали новые костюмы и будут разыгрывать штурм Старого Звездного моста. Мальчики очень радовались. — Катриона не

стала добавлять, что к тому же они будут наблюдать за всем этим чуть ли не с самого лучшего места в городе — балконов особняка Форбреттенов. Любезность со стороны одного из оруженосцев Форбреттенов, приятеля Пима.

Бэзил неловко поерзал.

— Может, оно и к лучшему. Госпожа Форсуассон… Катриона… На самом деле мы сегодня пришли сюда не просто так, а по очень серьезному поводу. И мне бы хотелось поговорить с вами откровенно.

— Как правило… это самый лучший способ вести с кем-то беседу, — ответила Катриона, вопросительно глянув на Хью.

— Бэзил пришел ко мне… — начал Хью и осекся. — Ладно, Бэзил, объясняй сам.

Бэзил, зажав ладони между колен, наклонился вперед и с трудом произнес:

— Видите ли, дело вот в чем. Я получил от одного осведомителя из Форбарр-Султана очень тревожные сведения о том, что происходит… о том, что недавно всплыло наружу… некоторые очень тревожные сведения о вас, моем покойном двоюродном брате и лорде Аудиторе Форкосигане.

— О! — Значит, Древние Стены, точнее, то, что от них осталось, не удержали эту клевету в пределах столицы. Ползучая тварь добралась даже до провинциальных городков. Катриона почему-то думала, что такого рода мерзкие игры — любимое времяпрепровождение лишь высших форов. Она нахмурилась.

— Поскольку это непосредственно касается обеих наших семей — и из-за того, что такого рода вещи просто необходимо перепроверять, естественно, — я обратился к Хью за советом, надеясь, что он развеет мои опасения. Но вместо этого дополнительные факты, предоставленные вашей невесткой Розали, лишь усилили их.

Дополнительные факты чего? Катриона могла бы сделать пару стервозных предположений, но не желала помогать визитерам.

— Не понимаю.

— Мне сообщили, — Бэзил наконец перестал нервно облизывать губы, — что в среде высших форов стало общеизвестно, что лорд Аудитор Форкосиган виноват в неисправности респиратора Тьена.

Это она могла довольно быстро опровергнуть.

— Вам солгали. Всю эту историю состряпала небольшая шайка политических противников лорда Форкосигана, которые хотят создать ему проблемы в связи с какими-то сварами из-за наследования графств, которые сейчас идут в Совете Графов. Тьен сам во всем виноват. Он вечно забывал чистить и проверять свою экипировку. К тому же это всего лишь слухи. Никаких обвинений никто не выдвигал.

— А как они могут? — заметил Бэзил. Но мелькнувшая было у Катрионы надежда, что ей удалось своими словами привести его в чувство, угасла, когда он продолжил. — Как мне объяснили, любое обвинение против него в Совете могут выдвинуть лишь его коллеги. Хоть его отец и удалился на Зергияр, можно не сомневаться, что его центристская коалиция остается достаточно могущественной, чтобы на корню пресечь подобные попытки.

— Очень бы хотелось на это надеяться. — Поджав губы, Катриона холодно на него посмотрела. Такую попытку, безусловно, пресекут, но вовсе не по тем причинам, что думает Бэзил.

— Но видишь ли, Катриона, — вступил в беседу Хью, — тот же человек сообщил Бэзилу, что лорд Форкосиган пытался вынудить тебя принять его предложение.

Катриона досадливо поморщилась.

— Вынудить? Да ничего подобного!

— А! — Хью моментально просветлел.

— Он просто предложил мне выйти за него замуж. Очень… неудачным образом.

— Бог мой, значит, это действительно *правда?* — обалдел Бэзил. Похоже, это поразило его куда больше, чем обвинение в убийстве. Нелестно вдвойне, решила Катриона. — Конечно, вы отказали!

Катриона коснулась левой стороны болеро, где во внутреннем кармане лежал уже довольно затертый листок бумаги. Письмо Майлза никак нельзя было оставлять на виду, ведь его мог прочесть еще кто-нибудь, к тому же… время от времени ей хотелось его перечитать. Время от времени. От шести до двенадцати раз в день…

— Не совсем…

— Что значит не совсем? — приподнял брови Хьюго. — Мне казалось, что это вопрос из серии «да — нет».

— Это… несколько сложно объяснить. — Она колебалась. И в конечном итоге решила, что объяснить при двоюродном брате Тьена, насколько десять лет брака с Тьеном травмировали ее душу, как-то не входило в ее планы. — Это довольно личное.

— В письме было сказано, что вы казались растерянной и огорченной, — попробовал ей помочь Бэзил.

Глаза Катрионы сузились.

— А кто, собственно, тот неленивый, кто сообщил вам все это, кстати говоря?

— Один ваш друг — как он утверждает, — которого глубоко заботит ваша безопасность, — моментально ответил Бэзил.

Друг? Госпожа профессор — друг. Карин, Марк… Майлз, но вряд ли он станет так подставляться… Энрике? Ципис?

— Не могу представить, чтобы кто-то из моих друзей сделал или сказал нечто подобное.

Хью в тревоге нахмурился еще сильней.

— В письме также сказано, что лорд Форкосиган оказывает на тебя всяческое давление. Что он обладает какой-то странной властью над твоим разумом.

Нет, только над моим сердцем . Разум у нее оставался совершенно ясным. Это все остальное у нее бунтовало.

— Он очень привлекательный мужчина, — признала она.

Хью с Бэзилом обменялись изумленными взглядами. Они оба видели Майлза на похоронах Тьена. Конечно, Майлз тогда был очень замкнут и официален и все еще серый от усталости после комаррского расследования. У них не было возможности увидеть, какой он, когда раскрывается, — улыбчивый, с живыми яркими глазами, умный, веселый, страстный… какое у него было лицо, когда он увидел форкосигановских жучков-маслячков… Катриона не смогла удержаться от улыбки.

— Кэт, — увещевательным тоном произнес Хью, — этот человек — мутант. Он едва тебе по плечо. И совершенно явно горбат — не понимаю, почему это не исправили хирургическим путем. Он просто *странный* …

— Ой, ему делали десятки операций. Изначальные повреждения у него были намного, намного сильней. У него по всему телу еще видны побледневшие шрамы.

— По *всему* телу? — вытаращился на нее Бэзил.

— Хм… Я так думаю. Исходя из того, что я видела, во всяком случае. — Она прикусила язык, чтобы не ляпнуть «на верхней части». На секунду ее отвлекла совершенно излишняя картинка, где полностью обнаженный Майлз лежит на кровати, а она медленно исследует все его шрамы. Катриона сморгнула это видение, от всей души надеясь, что никто ничего не заметил. — Ты должен признать, что у него хорошее лицо. И глаза… очень живые.

— У него слишком большая голова.

— Ничего подобного, просто тело чуть маловато. — Как это она сподобилась вдруг спорить с Хью насчет анатомии Майлза? Он ведь не лошадь, которую она собирается покупать вопреки совету ветеринара! — Как бы то ни было, это совсем не наше дело.

— То есть он… ты… — Хью пожевал губу. — Кэт… если тебе чем-то угрожают, шантажируют или что-то в этом роде, ты не останешься одна. Я знаю, что мы можем найти помощь. Может, ты и оставила семью, но семья не оставила тебя.

И очень жаль .

— Спасибо за столь высокую оценку моего характера, — саркастически ответила

она. — И ты считаешь, что наш дядя *лорд Аудитор Фортиц* не способен защитить меня, если понадобится? И тетя Фортиц тоже?

— Я совершенно уверен, что ваши тетя с дядей очень добры — в конце концов, они приютили вас с Никки, — неловко произнес Бэзил, — но мне дали понять, что они оба — несколько витающие в облаках интеллектуалы. Возможно, они просто не видят опасности. Мой осведомитель говорит, что они вовсе не присматривают за вами. Они разрешают вам ходить куда угодно, когда угодно, совершенно без присмотра и общаться со всякого рода сомнительными личностями.

Их витающая в облаках тетя — виднейший специалист Барраяра по мрачной и жестокой политической истории Периода Изоляции, свободно владеющая четырьмя языками, умеющая работать с документами не хуже аналитиков СБ — которыми и стали некоторые ее выпускники — и имеющая тридцатилетний опыт обращения с молодежью. А уж дядя Фортиц…

— Анализ инженерных неполадок не кажется мне такой уж эмпирической наукой. Особенно если в нее входит экспертиза диверсий.

Она набрала побольше воздуха, готовясь развить тему.

Губы Бэзила сжались в ниточку.

— Столица имеет репутацию нездоровой среды. Слишком много богатых, могущественных мужчин — и их женщин — с весьма условным ограничением их аппетитов и пороков. Это опасная среда для мальчика, особенно с учетом… любовных связей его матери. — Катриона все еще переваривала эту последнюю фразу, когда Бэзил тоном приглушенного ужаса добавил: — Я даже слышал, в Форбарр-Султане есть высший фор, который был *женщиной* , сделавшей пересадку своего мозга в *мужское тело* .

— О! — воскликнула Катриона. — Да, это лорд Доно Форратьер, я с ним встречалась. Это была вовсе не пересадка мозга! Какое чудовищное искажение фактов! Это всего лишь банальная бетанская модификация тела.

Оба мужчины вытаращились на нее.

— Ты *встречалась* с этим существом? — Хью чуть ли не заикался. — *Где?!*

— Э… В особняке Форкосиганов. Доно кажется блестящим малым. Думаю, он отлично справится с округом Форратьеров, если Совет Графов отдаст ему графство его покойного брата. — После недолгих горьких размышлений она добавила: — Учитывая обстоятельства, искренне надеюсь, что он добьется своего. *Это* уж наверняка будет отличной оплеухой Ришару и его клеветникам-приспешникам!

Хью, с растущим изумлением слушавший эту речь, выпалил:

— Вынужден согласиться с Бэзилом. Я и сам начинаю беспокоиться по поводу твоего дальнейшего пребывания в столице. Семья так хочет, чтобы ты была в безопасности, Кэт. Понимаю, что ты уже не девочка. У тебя должен быть собственный дом и муж, который бы за тобой присматривал и которому можно доверить твое благополучие и благополучие Никки.

Твое желание может осуществиться . И все же… Она вступила в борьбу с вооруженными террористами. И *победила* . Ее представление о безопасности… уже не было таким, как прежде.

— Мужчина твоего класса, — продолжал Хью. — Кто-то для тебя подходящий.

Думаю, я его уже нашла. И к нему прилагается дом, в котором я не ударяюсь о стенку всякий раз, как потягиваюсь. И не ударюсь, если буду тянуться вечно .

Катриона склонила голову набок.

— И каков же, по-твоему, мой класс, Хью?

Он ничуть не смутился.

— Наш класс. Солидных, добропорядочных, лояльных форов. Где женщины скромны, благопристойны и стойки…

Ей внезапно до смерти захотелось стать нескромной, неблагопристойной, а более всего… не стойкой. А совсем наоборот, оказаться в горизонтальной плоскости. Ей пришло в

голову, что разница в росте и весе не имеет значения, когда человек — или двое — лежат…

— Ты считаешь, что мне нужен дом?

— Да, конечно.

— Не планета?

— Что? — изумился Хью. — Конечно, нет!

— Знаешь, Хью, я этого никогда раньше не понимала, но твоим представлениям не хватает… размаха. — Майлз считает, что ей следует иметь планету. Катриона замолчала, и ее губы раздвинулись в медленной улыбке. В конце концов, ведь у его матери таковая имеется. Все зависит от того, к чему ты привык, надо полагать. Бесполезно говорить это вслух. Они все равно не оценят шутки.

И как это ее старшему братцу — обожаемому и щедрому, хотя и несколько далекому, учитывая разницу в возрасте, — удалось стать таким узколобым? Нет… Хью не изменился. Вытекающий из этого логический вывод привел Катриону в шок.

— Дьявольщина, Кэт! — воскликнул Хью. — Я сперва думал, что эта часть письма — полный бред, но теперь вижу, что этот мутантик-лорд действительно каким-то странным образом задурил тебе голову.

— И если это так… то у него есть пугающие союзники, — произнес Бэзил. — В письме сказано, что у этого Форкосигана сам Саймон Иллиан на побегушках и помогает затянуть тебя в ловушку. — Он скептически скривил губы. — По правде говоря, это смущает меня больше всего, если мне придется вступать в игру.

— Я встречалась с Саймоном, — сообщила Катриона. — И нашла его довольно… милым.

Это заявление было встречено гробовым молчанием.

Она неловко добавила:

— Конечно, я понимаю, что он чуть расслабился после своей отставки по медицинским показаниям. Можно сказать, что с него свалился тяжеленный груз. — И тут несколько запоздало все встало на место. — Погодите-ка! Кто, вы сказали, прислал вам этот набор слухов и лжи?

— Письмо было сугубо конфиденциальным, — чопорно заявил Бэзил.

— Это был этот законченный идиот Алекс Формонкриф, верно? Ха! — Истина взорвалась у нее в голове с яростью атомной бомбы. Но начать орать, швыряться тяжелыми предметами и ругаться — это не выход. Катриона вцепилась в подлокотники, чтобы незаметно было, как задрожали руки. — Бэзил, Хью! Вам следует знать, что я отвергла предложение Алекса Формонкрифа выйти за него замуж. И похоже, он нашел способ отомстить за свое оскорбленное самолюбие.

Мерзкое ничтожество!

— Кэт, — медленно заговорил Хью, — я это все учел. И допускаю, что этот малый немного… идеалист, и если ты его не хочешь, то я не стану агитировать за него — хотя лично мне он кажется вполне приемлемым, — но я видел его письмо. И мне кажется, он искренне тревожится за тебя. Немножко чересчур, это так, но чего еще ожидать от влюбленного мужчины?

— Алекс Формонкриф вовсе в меня не влюблен. Он едва ли видит дальше своего собственного форского носа, чтобы понять, кто я и что я. Если набить мою одежду соломой и водрузить сверху парик, он вряд ли заметит разницу. Он всего лишь следует заложенной в нем культурной программе. — Ну ладно, и биологической программе тоже, и в этом он не одинок, ну и что с того? Она вполне допускала наличие у Алекса искреннего сексуального влечения, но была совершенно убеждена, что выбор объекта этого влечения случаен. Она коснулась болеро в том месте у сердца, и памятные слова Майлза зазвучали у нее в голове: *Я хотел бы обладать способностью ваших глаз видеть форму и красоту там, где ее даже еще нет…*

— Для меня — не знаю, что думает ваш брат, — все это к делу не относится, — отмахнулся Бэзил. — Вы уже не невеста с приданым, так пусть со всем этим разбирается ваш

отец, если хочет. На мне же лежит семейный долг позаботиться о благополучии Никки, если я сочту, что оно находится под угрозой.

Катриона застыла.

Бэзил отдал ей опеку над Никки на словах, а не в письменной форме. И с той же легкостью может забрать обратно. И это ей придется подавать иск в суд — суд его округа — и доказывать не только, что она достойна заниматься воспитанием сына, но то, что он не способен и не годится для опеки над ребенком. Бэзил — не преступник, не пьяница, не растратчик и не маньяк. Он всего лишь холостой офицер, ответственный служака в управлении орбитального транспорта. Обычный честный мужчина. У нее нет никаких шансов выиграть процесс. Будь Никки дочерью а не сыном, то все было бы наоборот…

— Мне думается, что девятилетний мальчик на военной базе покажется вам большой обузой, — выговорила она наконец.

Бэзил, казалось, изумился.

— Ну, я надеюсь, до *этого* не дойдет. При самом плохом раскладе я планировал оставить его у бабушки Форсуассон, пока все не придет в норму.

Катриона скрипнула зубами, затем сказала:

— Конечно, Никки может посещать бабушку всякий раз, как она его пригласит. На похоронах она дала мне понять, что слишком плохо себя чувствует, чтобы этим летом принимать гостей. — Она облизнула губы. — Пожалуйста, проясните для меня, что вы подразумеваете под самым плохим раскладом. И что именно должно прийти в норму?

— Ну, — виновато пожал плечами Бэзил, — было бы довольно неприятно прийти сюда и обнаружить, что вы помолвлены с человеком, убившим отца Никки, вы не находите?

В этом случае он был готов забрать Никки прямо сегодня?

— Я уже сказала вам, что смерть Тьена была случайной, а это обвинение — клевета. — То, что он проигнорировал ее слова, неприятно напомнило Тьена. Рассеянность — фамильная черта Форсуассонов? Несмотря на то что его было опасно сердить, Катриона гневно сверкнула глазами.

— Вы считаете, что я лгу, или полагаете, что я просто дура?

Усилием воли она совладала с собой. Ей доводилось противостоять куда более страшным людям, чем добропорядочный запутавшийся Бэзил Форсуассон. *Но сейчас одно лишнее слово может стоить мне Никки.* Она балансирует на краю глубокого темного колодца. Если она сейчас туда свалится, то борьба за возможность вылезти оттуда окажется куда грязней и болезненней, чем она может себе вообразить. *Нельзя* провоцировать Бэзила, не то он заберет Никки. *Попытается забрать Никки* .

И она сможет ему помешать… как? Юридически она проиграла, даже еще не начав борьбу. *Ну так и не начинай* .

— Так что же, вы считаете, должно прийти в норму? — Катриона тщательно подбирала слова.

Бэзил с Хью неуверенно переглянулись.

— Прошу прощения? — переспросил Бэзил.

— Я не могу знать, преступила ли я очерченную вами границу, пока вы не покажете мне, где ее провели.

— Не надо так грубо, Кэт, — запротестовал Хью. — Мы ведь действуем в твоих интересах.

— Ты даже понятия не имеешь, в чем мои интересы. — Нет, неверно. Бэзил угадал с первого раза самый главный. Никки. *Проглоти свой гнев, женщина* . Когда-то она была экспертом в подавлении собственного «я» — во время замужества. Но почему-то утратила к этому вкус.

Бэзил крякнул.

— Ну… Безусловно, я хочу получить гарантии, что Никки не будет сталкиваться с нежелательными людьми.

— Нет проблем, — одарила она его саркастической улыбкой. — Я буду счастлива в

будущем полностью избегать Алекса Формонкрифа.

Он обиженно поглядел на нее.

— Я имел в виду лорда Форкосигана. И его политическое и личное окружение. По крайней мере до тех пор, пока над его репутацией не рассеются тучи. В конце концов, этого человека обвиняют в *убийстве* моего *кузена* .

Гнев Бэзила — всего лишь проявление клановой лояльности, а не личного горя, напомнила себе Катриона. Если он встречался с Тьеном больше трех раз за всю жизнь, она бы очень удивилась.

— Прошу прощения, — спокойно произнесла она. — Если против Майлза не выдвинут обвинения — а я сильно сомневаюсь, что выдвинут, — то как, по-вашему, он может оправдаться? Каким образом?

Бэзил явно растерялся.

— Я не хочу, чтобы *ты* подвергалась соблазну, Кэт, — нерешительно сказал Хью.

— Знаешь, Хью, как ни странно, — весело сообщила ему Катриона, — но почему-то лорд Форкосиган упустил из виду прислать мне приглашение на одну из своих оргий. Я явно выпала из списка. Может, в Форбарр-Султане сезон оргий еще не наступил, как ты думаешь? — Остальные готовые сорваться слова она проглотила. Сарказм — это роскошь, которую она сейчас не может себе — или Никки — позволить.

Хью вознаградил ее выступление хмурым взглядом и поджатыми губами. Они с Бэзилом обменялись очередным долгим взглядом, причем каждый из них так явно старался переложить грязную работу на другого, что при иных обстоятельствах Катриона рассмеялась бы. Наконец Бэзил вяло пробурчал:

— Она *твоя* сестра…

Хью глубоко вздохнул. Он был Форвейном. И знал, в чем состоит его долг. *Все мы, Форвейны, знаем свой долг. И выполняем его до самой смерти. Независимо от того, насколько это бесполезно, глупо или вредно, все равно! Гляньте хотя бы на меня. Я одиннадцать лет соблюдала данные Тьену обеты…*

— Катриона, мне трудно тебе это говорить. Пока все эти слухи об убийстве не стихнут, я требую, чтобы ты не поощряла этого малого, Майлза Форкосигана, и не встречалась с ним. Или я вынужден буду согласиться, что Бэзил имеет полное право избавить Никки от этой ситуации.

Иначе говоря, убрать Никки подальше от его матери и ее любовника . Никки в этом году уже потерял одного из родителей и расстался со всеми друзьями, вернувшись на Барраяр. Он только-только начал осваиваться в незнакомом городе, завязывать новые знакомства. Только-только начала исчезать зажатость, смывшая улыбку с его лица. Она представила, как его снова вырывают из привычной среды, отказывают в возможности видеть мать — потому что к этому все идет, так ведь? Это ее — а вовсе не столичные нравы Бэзил обвиняет в аморальности. Мальчика в третий раз за год перевезут в незнакомое место, к незнакомым людям, которые будут считать его не ребенком, которого надо лелеять и холить, а обязанностью, от которой надо избавиться… нет. Нет.

— Прошу прощения. Я готова сотрудничать. Только я никак не могу услышать ни от кого из вас, в чем именно мне нужно сотрудничать. Я прекрасно понимаю, что вас тревожит, но как это можно привести в норму? Поясните, что значит «придет в норму»? Если это означает — до тех пор, пока враги Майлза перестанут говорить о нем гадости, то ждать придется долго. Сама его работа вынуждает его противостоять сильным мира сего. А он не из тех людей, кто отступает.

— Все равно избегай его некоторое время, — чуть менее решительно произнес Хью.

— Некоторое время. Отлично. Теперь мы хотя бы к чему-то пришли. И сколько же времени конкретно?

— Я… не могу сказать.

— Неделю?

— Конечно, дольше! — слегка оскорбился Бэзил.

— Месяц?

Хью с досадой всплеснул руками.

— Не знаю я, Кэт! Пока ты не забудешь это странное впечатление, что у тебя о нем сложилось, я полагаю.

— Ага! Значит, до скончания времен. Хм… Не могу понять, это конкретное обозначение периода времени или нет. Полагаю, что все ж таки нет. — Переведя дух, она нехотя добавила, потому что срок получался долгий, хотя этих двоих вроде должен устроить: — До окончания моего годичного траура?

— Как минимум! — кивнул Бэзил.

— Хорошо. — Глаза Катрионы сузились, и она улыбнулась, потому что улыбаться куда полезней, чем вопить. — Ловлю вас на слове фора, Бэзил Форсуассон.

— Я… я… э… — начал заикаться Бэзил, неожиданно загнанный в угол. — Ну… к тому времени что-то прояснится. Наверняка.

Я уступила слишком много и слишком рано. Следовало бы сторговаться на Зимнепраздник .

— Я сохраняю за собой право сказать ему об этом и объяснить причину. Я считаю, что имею право сообщить ему лично, — спохватившись, добавила она.

— А разумно ли это, Кэт? — спросил Хью. — Лучше связаться с ним по комму.

— Любой другой вариант — проявление трусости.

— Может, лучше послать записку?

— *Совершенно исключено* . Не с такими… новостями. — Какой бы это был мерзкий ответ на запечатанное кровью признание Майлза.

Под ее вызывающим взглядом Хью пошел на попятную.

— Один визит. Короткий.

Бэзил пожал плечами, неохотно соглашаясь.

После этого повисло неловкое молчание. Катриона понимала, что ей следует пригласить эту парочку на обед, только вот ей вовсе не хотелось и дальше выслушивать их бредни. К тому же ей придется из кожи вон лезть, чтобы обаять и приручить Бэзила. Катриона потерла ноющие виски. Когда Бэзил предпринял слабую попытку покинуть кабинет тети, что-то бормоча насчет дел, она не стала их удерживать.

Катриона заперла за ними дверь и свернулась калачиком в дядином кресле, не способная решить, то ли ей прилечь, то ли пройтись, то ли пойти заняться сорняками. Хотя после той ссоры с Майлзом сорняков в саду почти не осталось. До возвращения тети из университета оставался час, и тогда Катриона сможет выплеснуть свою ярость и панику ей в уши. Или в колени.

Надо отдать Хью должное, его не прельстила идея видеть младшую сестренку графиней любой ценой, и он не выдвинул предположения, что именно эта цель ею и движет. Форвейны выше такого рода притязаний.

Как-то раз она купила Никки довольно дорогого игрушечного робота, с которым тот поиграл пару дней, а потом забросил. И валялся себе робот на полке, пока она, наводя порядок, не вознамерилась его кому-то отдать. От протестующих воплей Никки тогда чуть крыша не обрушилась.

Это сравнение удручало. Неужели Майлз — игрушка, которую она не хотела, пока его не попытались у нее отнять? Где-то в самой глубине ее души кто-то плакал и стенал. *Ты тут не командуешь. Я взрослая, черт подери* . Хотя Никки тогда отстоял своего робота…

Она сообщит Майлзу персонально скверные новости о запрете Бэзила. Но не сейчас. Не сразу. Потому что, если сгустившиеся над его репутацией тучи внезапно не рассеются, это может оказаться последним шансом увидеть его на очень долгий период.

Карин наблюдала, как отец усаживается на сиденье присланного тетей Корделией лимузина и ерзает, перекладывая трость с коленей на сиденье и обратно. Каким-то образом она знала, что такое его поведение вызвано вовсе не старыми ранами.

— Мы еще об этом пожалеем! Знаю, что пожалеем, — воинственно заявил он маме, — примерно раз эдак в шестой, — когда она устроилась с ним рядом. Кабина над ними закрылась, отрезав яркое послеполуденное солнце, и лимузин мягко тронулся. — Ты же отлично знаешь, что, как только мы попадем в лапы этой женщины, она за десять минут запудрит нам мозги, и дальше мы будем сидеть, кивая, как идиотики, соглашаясь со всем, что она скажет.

Ой, надеюсь, так оно и будет! Карин держала рот на замке и сидела тихо, как мышка. Пока что она еще не спасена. Коммодор все еще может приказать водителю тети Корделии повернуть назад и везти их обратно домой.

— Но, Ку, — сказала мама, — мы не можем и дальше продолжать в том же духе. Корделия права. Пора навести в этом деле порядок.

— Ха! Вот именно, порядок! Одно из ее любимых словечек. У меня уже такое чувство, будто мне вот сюда, — он ткнул в середину груди, будто там уже светилась красная точка, — нацелили плазмотрон!

— Это было очень неудобно, — продолжила мама, — и я начала от этого уставать. Я хочу пообщаться с нашими старыми друзьями и послушать про Зергияр. Мы не можем из-за этого портить жизнь всем нам.

Угу, только мою можно . Карин чуть сильнее стиснула зубы.

— Ну, я не желаю, чтобы этот жирный маленький извращенец-клон, — он поколебался, судя по движению губ, дважды подбирая слова, — вился вокруг моей дочери. Объясни-ка мне, на черта ему нужен двухгодичный курс бетанской терапии, если он не полупсих, а? А?

Не говори этого, девочка. Не говори . Карин закусила кулак. К счастью, поездка была очень короткой.

В дверях особняка Форкосиганов их встречал оруженосец Пим. Отца Карин он приветствовал коротким кивком, являвшимся у него эквивалентом военного приветствия.

— Добрый день, коммодор Куделка, госпожа Куделка. Добро пожаловать, мисс Карин. Миледи примет вас в библиотеке. Сюда, пожалуйста…

Карин готова была поклясться, что он подмигнул ей — когда поворачивался, чтобы сопроводить к графине. Но Пим нынче изображал Образцового Слугу, и больше никаких подсказок она не получила.

Пим, распахнув двойную дверь, официально известил об их прибытии. Затем незаметно исчез с невозмутимым видом, означавшим — если знать Пима, — что он предоставляет их заслуженной судьбе.

В библиотеке устроили перестановку. Тетя Корделия поджидала их, сидя на высоком кресле, которое — возможно, чисто случайно, — смахивало на трон. По обе стороны от нее стояли друг напротив друга два кресла поменьше. На одном сидел Марк, облаченный в свой лучший черный костюм, выбритый и причесанный, как на провалившемся ужине Майлза. При появлении Куделок он вскочил и замер в чем-то смахивающем на неловкую стойку «смирно», явно не зная, что хуже — сердечно кивнуть или не делать ничего.

Напротив тети Корделии стоял новый предмет мебели. Ну, новый — это как сказать. Это была старая обшарпанная кушетка, обитавшая последние лет пятнадцать в одной из мансард особняка Форкосиганов. Карин смутно помнила ее по тем временам, когда они в детстве играли в прятки. Когда она видела ее в последний раз, кушетка была завалена кучей пыльных коробок.

— А, вот и вы! — жизнерадостно воскликнула тетя Корделия. — Карин, присядь-ка сюда. — Она указала на второе кресло.

Карин послушно уселась, вцепившись в подлокотники. Марк с тревогой уставился на нее. Тетя Корделия подняла палец — словно самонаводящееся орудие в поиске цели — и ткнула сперва в родителей Карин, а потом в старую кушетку:

— Ку и Дру, вы сядьте *туда* .

Они в непонятной растерянности уставились на безобидный образчик старой мебели.

— Ух! — выдохнул коммодор. — Корделия, это нечестный бой…

Он начал было разворачиваться к выходу, но был резко остановлен женой, решительно перехватившей его за руку.

Взгляд графини стал пронзительным. Тоном, который Карин редко доводилось от нее слышать, она повторила:

— *Сядьте* .

Это даже не был тон графини Форкосиган. Эта решительная и властная интонация восходила к куда более ранним временам. Это командный тон капитана корабля, сообразила Карин. А ее родители оба подчинялись военным приказам много лет.

Па с мамой опустились на кушетку, как марионетки, которым обрезали ниточки.

— Вот так. — Графиня с довольной улыбкой откинулась на спинку кресла.

Повисло долгое молчание. Карин слышала, как за дверью в соседней комнате тикают старые настенные часы. Марк глянул на нее недоумевающим взглядом, означавшим *«ты понимаешь, что за чертовщина тут происходит?»* . Она ответила таким же взглядом *«нет, а ты?»*.

Отец трижды переложил с места на место свою трость, кинул на ковер, наконец подтащил сапогом к себе и оставил там. Карин видела, как на его щеке перекатывается желвак, когда он скрипел зубами. Мать сперва закинула ногу на ногу, потом поставила ноги рядом, снова закинула одну на другую, нахмурилась, посмотрела на стеклянные двери в конце комнаты, затем на свои руки, которые все время находились в движении. Они походили на двух виноватых подростков, застигнутых… хм… Вообще-то на двух виноватых подростков, застигнутых трахающимися на кушетке в гостиной. Карин вдруг почувствовала, как у нее в мозгу беззвучно возникает картинка. *Уж не* …

— Но, Корделия, — заговорила вдруг мама, как бы продолжая какой-то шедший до этого телепатический разговор, — мы хотим, чтобы наши дети были разумней нас. Не повторяли наших ошибок!

Оо! Оо! Оо-о! В точку, и ей до смерти хочется узнать историю, что за этим скрывается! Карин поняла, что отец недооценил графиню. Она уложилась меньше, чем за *три* минуты.

— Ну, Дру, мне кажется, что ваше желание исполнилось, — резонно заметила графиня. — Карин, безусловно, поступила разумней. Ее выбор и действия были разумными и рациональными с любой точки зрения. Насколько мне известно, она и вовсе не допустила никакой ошибки.

Отец ткнул пальцем в Марка и буркнул:

— Вот… *вот* эта ошибка!

Марк сгорбился и защитным жестом сложил руки на животе. Графиня чуть нахмурилась. Челюсть коммодора напряглась.

— Марка мы обсудим чуть позже, — холодно произнесла тетя Корделия. — А пока что позвольте мне обратить ваше внимание, насколько умна и образованна ваша дочь. Допускаю, ей не пришлось, как вам, пытаться построить свою жизнь, находясь в эмоциональной изоляции и хаосе гражданской войны. Оба вы предоставили ей лучший шанс, и сомневаюсь, что вы об этом жалеете.

Коммодор пожал плечами, ворчливо соглашаясь. Мама вздохнула с какой-то ностальгией, не скучая по незабываемому прошлому, а радуясь, что оно миновало.

— Возьмем один пример, не случайный, — продолжила графиня. — Карин, ты поставила противозачаточный имплантат, прежде чем перейти к физическим экспериментам?

Тетя Корделия настолько чертовски бетанка… она спокойно выдает такие вот вещи, как нечего делать. Карин вызывающе вздернула подбородок.

— Конечно, — спокойно ответила она. — И мне разрезали девственную плеву, и я прослушала сопровождающий обучающий курс по анатомии и физиологии. А бабушка Нейсмит подарила мне мою первую пару сережек, а потом мы пошли и отметили это в кафе.

Па потер покрасневшее лицо. Мама… мама, казалось, завидовала.

— То есть я могу сказать, что ты не стала бы описывать свои первые шаги во взрослой сексуальной жизни, как сумасшедшее спаривание в темноте, полное растерянности, страха и боли, верно?

Мама стала еще больше грустно-задумчивой. Как и Марк.

— Конечно, нет! — Карин не собиралась вдаваться в подробности с мамой и па, но ей очень хотелось посплетничать обо всем этом с тетей Корделией. Будучи слишком застенчивой, чтобы начинать с мужчиной, она наняла имевшего специальную лицензию гермафродита, порекомендованного ей консультантом Марка. Лицензированный специалист ласково объяснил Карин, что гермафродиты очень популярны у молодых людей, начинающих сексуальную жизнь, именно потому, что они ласковы и терпеливы. И все прошло *действительно* очень-очень хорошо. Марк, с тревогой дожидавшийся у комма ее рассказа, как все прошло, был очень рад за нее. Конечно, его собственное знакомство с сексом было сопряжено с пытками, так что неудивительно, что он так за нее переживал. Карин успокоила Марка улыбкой. — Если Барраяр *такой* , то я выбираю Бету!

— Все не так просто, — задумчиво проговорила тетя Корделия. — Оба общества пытаются разрешить одну фундаментальную проблему — сделать так, чтобы все появившиеся на свет дети были желанными. Бетанцы избрали более прямой, технологический способ, разрешив биохимическую блокаду гонад у всех и каждого. Так что вроде бы все вольны заниматься сексом как угодно и с кем угодно, но ценой тотального государственного контроля за репродуктивными последствиями. Тебе никогда не приходило в голову задуматься, насколько это навязано? А следовало бы. Далее, на Бете могут контролировать деятельность яичников. На Барраяре, особенно в Период Изоляции, были вынуждены пытаться контролировать все женское население планеты, обладающее этими самыми яичниками. Из этого стремления — обеспечить рост населения на Барраяре, чтобы выжить, — не менее настойчивого, чем стремление Беты ограничить рождаемость, и вытекают ваши странные законы наследования и… все остальное.

— Спаривание в темноте, — проворчала Карин. — Нет уж, *благодарю покорно!*

— Нам вообще не следовало отправлять ее туда. С *ним* , — пробурчал отец.

— Было решено, что Карин поедет на годичную учебу на Бету, еще до того, как она вообще познакомилась с Марком, — заметила графиня. — Кто знает? Не будь там Марка, чтобы… э-э… обхаживать ее, она могла бы встретить симпатичного бетанца и остаться с ним.

— Или с оно, — пробормотала Карин. — Или с ней.

Губы отца сжались.

— Такие поездки гораздо чаще оказываются поездками в один конец, чем вы думаете. За последние тридцать лет я от силы раза три видела свою мать вживе. По крайней мере, если Карин останется с Марком, вы можете быть уверены, что она станет часто прилетать на Барраяр.

Похоже, маму это заявление поразило. Она посмотрела на Марка несколько по-иному. Тот ответил нерешительной улыбкой.

— Я хочу, чтобы у Карин все было благополучно. Чтобы она была здорова. Счастлива. Финансово обеспечена. Что в этом плохого?

Губы тети Корделии сочувственно скривились.

— Благополучно? Здорова? Для своих мальчиков я тоже этого хотела. Это не всегда удавалось, но тем не менее мы все здесь. Что же касается счастья… Не думаю, что его можно кому-то дать, если счастья нет в них самих. Однако подарить *не* счастье можно запросто, как вы выяснили.

Отец нахмурился как-то более уверенно, и Карин подавила импульс приветствовать радостным воплем последний довод тети Корделии. Пусть уж сваха и дальше ведет дело…

— Что же касается последнего, — продолжила графиня, — хм… Кто-нибудь обсуждал с вами финансовое положение Марка? Карин, Марк… или Эйрел?

Отец покачал головой.

— Я думал, он разорен. Я полагал, что семья выделила ему содержание, как любому форскому отпрыску. И что он его просадил… как любой форский отпрыск.

— Я не разорен, — слегка возмутился Марк. — Это просто временная проблема с наличностью. Когда я делал расчеты на этот период, то не думал, что начну в это время новое предприятие.

— Иными словами, ты разорен, — отрезал коммодор.

— Вообще-то Марк на полном самообеспечении, — сообщила графиня. — Свой первый миллион он заработал на Архипелаге Джексона.

Отец приоткрыл было рот, но тут же захлопнул. Он недоверчиво уставился на графиню. Карин понадеялась, что ему не придет в голову спросить, как именно Марк получил этот свой первоначальный капитал.

— Марк инвестировал в несколько более или менее венчурных предприятий, — любезно продолжила тетя Корделия. — Семья поддерживает его — я только что сама купила несколько акций в этом предприятии по производству жучьего маслица, — и мы всегда поможем ему в случае необходимости, но в содержании Марк не нуждается.

Марк выглядел одновременно довольным и удивленным этой материнской защитой, будто… ну… будто никто раньше такого не делал.

— Раз он так богат, то почему он платит моей дочери в бонах? — требовательно спросил па. — Почему он не может платить деньгами?

— До конца периода? — тоном искреннего возмущения воскликнул Марк. — И потерять *прибыль?*

— И вовсе это не боны! — сказала Карин. — А акции!

— Марку не нужны деньги, — сказала тетя Корделия. — Ему нужно то, что ни за какие деньги не купишь. Счастье, например.

Марк, несколько озадаченный, но на все согласный, предложил:

— Значит… Они хотят, чтобы я заплатил за Карин? Что-то вроде приданого? Сколько? Я…

— Да нет же, кретин! — в ужасе возопила Карин. — Здесь тебе не Архипелаг Джексона! Тут нельзя продавать и покупать людей! И в любом случае приданое — это то, что семья девушки дает парню, а не наоборот!

— Это неправильно, — нахмурился Марк, теребя подбородок. — Ретроградство какое-то. Ты уверена?

— Да.

— Мне плевать, даже если у этого парня миллион марок, — начал па упрямо и, как подозревала Карин, не совсем искренне.

— Бетанских долларов, — рассеянно поправила тетя Корделия. — Джексонианцы предпочитают твердую валюту.

— После войны у Ступицы Хеджена галактический курс бетанской имперской марки укрепился, — начал объяснять Марк. В последнем семестре он писал курсовую на эту тему. Карин помогала ему с фактографией. Наверное, он может проговорить на эту тему пару часов. К счастью, тетя Корделия, подняв палец, оборвала этот поток информации.

Мама с па казались погруженными в собственные подсчеты.

— Ладно, — снова начал па чуть менее упрямо, — мне наплевать, если у него четыре миллиона марок. Меня заботит Карин.

Тетя Корделия задумчиво пошевелила пальцами.

— Так что же ты хочешь от Марка, Ку? Хочешь, чтобы он предложил Карин выйти за него замуж?

— Кхе, — поперхнулся застигнутый врасплох па. Больше всего ему хотелось, насколько понимала Карин, это чтобы Марка утащили какие-нибудь хищники, возможно, даже вместе со всеми его четырьмя миллионами марок в инвестициях. Но вряд ли он мог это заявить матери Марка.

— Да, конечно, я предложу, если она захочет, — торопливо проговорил Марк. — Мне

просто казалось, что она пока не хочет? Хочешь?

— Нет, — решительно ответила Карин. — Пока что… во всяком случае. Я только начала обретать себя, обнаруживать, какая я на самом деле, начала расти. Я не хочу *останавливаться* .

— Это так ты себе представляешь замужество? — подняла брови тетя Корделия. — Как конец и отказ от себя самой?

Карин запоздало сообразила, что некоторым из присутствующих ее слова могли показаться оскорблением.

— Для некоторых так оно и есть. Иначе почему все сказки заканчиваются на том, что дочь графа выходит замуж? Вам это никогда не казалось несколько пугающим? Я хочу сказать, вам доводилось когда-нибудь читать народную сказку, где матери принцесс делают что-нибудь иное, кроме как умирают молодыми? Я так и не смогла понять, это предупреждение или инструкция.

Тетя Корделия прижала пальцы к губам, чтобы спрятать улыбку, но Марк казался скорее встревоженным.

— Потом ты развиваешься дальше, несколько иначе, — неуверенно сказала мама. — Не как в сказке. «Но живешь долго и счастливо».

Па нахмурился. Странным, неожиданно неуверенным тоном он проговорил:

— Мне казалось, мы все делаем правильно…

— Конечно, любимый, — погладила его руку мама.

— Если Карин хочет, чтобы я на ней женился, я женюсь, — храбро заявил Марк. — Не хочет — не женюсь. Если хочет, чтобы я ушел, я уйду…

Последние слова сопровождались перепуганным взглядом в ее сторону.

— Нет! — вскричала Карин.

— Если она захочет, чтобы я прошелся по городу на руках, я попытаюсь. Все, что она захочет, — закончил Марк.

Задумчивое выражение на лице мамы показывало, что ей хотя бы нравится его отношение…

— Это означает, что ты хочешь лишь обручиться? — спросила она Карин.

— Здесь это почти равнозначно замужеству, — ответила Карин. — Приходится давать обеты…

— Вы принимаете эти обеты всерьез, как я понимаю? — спросила тетя Корделия.

— Ну *конечно!*

— Думаю, решать тебе, Карин, — сказала тетя Корделия, чуть улыбнувшись. — Чего ты хочешь?

Марк сцепил на коленях руки. Мама затаила дыхание. Папа выглядел так, будто все еще размышляет на тему «долго и счастливо».

Тетя Корделия в своем репертуаре. Вопрос не был риторическим. Карин молчала, растерянно пытаясь собраться с мыслями. Сейчас настал момент истины. Только в чем она заключается, эта самая истина? Того, что она хочет, попросту не существует в барраярских традициях… А! Вот оно! Она выпрямилась и посмотрела на тетю Корделию. Потом на маму с папой. Затем на Марка.

— Никакой помолвки. Я хочу… я хочу *опцион* на Марка.

Марк просиял. Теперь она говорила на понятном ему языке.

— Это не по-бетански… — растерянно произнесла мама.

— Это что-то из гнилой джексонианской практики, так? — подозрительно уточнил па.

— Нет. Это новый обычай Карин. Я только что его придумала. Но он годится. — Она вздернула подбородок.

Тетя Корделия улыбнулась.

— Хм… Любопытно. Ну ладно. Выступая в данном случае как… э… агент Марка, должна подчеркнуть, что хороший опцион не безграничный и не односторонний. У него есть временные рамки. Обновляемые пункты. Компенсации.

— Взаимный, — выдохнул Марк. — Взаимный опцион!

— Да, это решает проблему компенсаций. Как насчет временных рамок?

— Я хочу год, — заявила Карин. — До следующего Праздника Середины Лета. Мне нужен хотя бы год, чтобы разобраться, что у нас получится. И мне ни от кого ничего не надо, — тут она сердито глянула на родителей, — кроме *невмешательства!*

— Согласен, согласен! — отчаянно закивал Марк.

— Он согласится на что угодно! — ткнул в Марка пальцем па.

— Нет, — возразила тетя Корделия. — Полагаю, со временем ты обнаружишь, что он никогда не согласится ни на что, что может сделать Карин несчастной. Или менее значительной. Или может угрожать ее безопасности.

— Да ну? — Па нахмурился совсем уж грозно. — А как насчет ее безопасности от *него?* Эта бетанская терапия наверняка не без причины!

— Действительно, не без причины, — согласилась тетя Корделия, кивком признавая серьезность заявления. — Но, по-моему, она эффективна… Марк?

— Да, мэм! — Марк отчаянно старался выглядеть выздоровевшим. У него не очень получалось, но старался он явно искренне.

— Марк — такой же ветеран наших войн, как любой знакомый мне барраярец, Ку, — спокойно добавила графиня. — Просто он был призван в куда более раннем возрасте. И по-своему, в странной и одинокой манере, так же отчаянно сражался и ничуть не меньше рисковал. И потерял не меньше. Уж наверняка ты не можешь отказать ему в таком же периоде времени на выздоровление, какой потребовался тебе?

Коммодор отвел взгляд, лицо его стало бесстрастным.

— Ку, я бы не стала поощрять эту связь, если бы полагала, что это небезопасно для кого-то из наших детей.

— Вы? — Он снова поглядел на нее. — Да знаю я вас! Вы доверчивы сверх всякой меры!

Графиня спокойно выдержала его взгляд.

— Знаю. И добиваюсь результатов сверх всякой меры. Как ты помнишь.

Па невесело закусил губу, потеребив носком сапога свою трость. Он ничего не ответил, но на губах наблюдавшей за ним мамы заиграла занятная улыбочка.

— Что ж, — весело проговорила графиня, нарушая повисшее молчание, — полагаю, мы достигли определенного взаимопонимания. Карин получает опцион на Марка, и наоборот, до следующего Праздника Середины Лета, когда, возможно, нам придется встретиться еще раз, оценить результаты и рассмотреть вопрос о продлении опциона.

— Что? Значит, мы должны просто стоять в сторонке, а эти двое будут… продолжать в том же духе? — завопил па в последней попытке возмутиться.

— Да. У них обоих будет та же свобода действий, как… э… была у вас двоих, — кивком указала графиня на родителей Карин, — на такой же фазе вашей жизни. Признаю, что тебе было куда проще, Ку, поскольку все родственники твоей невесты жили в других городах.

— Я помню, как ты боялся моих братьев, — припомнила мама с забавной улыбкой. Глаза Марка чуть округлились.

Карин наслаждалась этим неожиданным историческим экскурсом. По ее опыту, все ее дядья Друшикко были сама доброта. Па стиснул зубы, но потом глянул на маму, и взгляд его потеплел.

— Согласна, — решительно заявила Карин.

— Согласен, — мгновенно эхом отозвался Марк.

— Согласна, — произнесла тетя Корделия и, приподняв брови, поглядела на сидящую на кушетке пару.

— Согласна, — кивнула мама и уставилась на па с ехидным весельем в глазах.

Он одарил ее долгим ошарашенным «и ты, Брут?» взглядом.

— Ты переметнулась на их сторону!

— Да, пожалуй. Не присоединишься к нам? — Улыбка ее стала чуть шире. — Я знаю, на этот раз у нас нет под рукой сержанта Ботари, чтобы вырубить тебя ударом в челюсть и утащить с нами вопреки твоему здравому смыслу. Но без тебя нам было бы куда сложней заполучить голову Фордариана.

Она покрепче сжала его руку.

Через некоторое время па оторвал взгляд от мамы и, грозно нахмурившись, повернулся к Марку:

— Если ты ее обидишь, я сам тобой займусь!

Марк отчаянно закивал.

— Твое условие принято, — сияя глазами, пробормотала тетя Корделия.

— Ну, тогда согласен! — рявкнул па. И обиженно насупился. Но руки мамы не выпустил.

Марк с обожанием глядел на Карин. Она чуть ли не видела, как вся Черная Команда радостно прыгает и вопит у него в голове, а лорд Марк пытается ее заткнуть, чтобы, не приведи бог, она не привлекла к себе внимания.

Карин набрала для храбрости побольше воздуха, сунула руку в карман болеро и извлекла свои бетанские сережки. Ту самую пару, означавшую, что она взрослая и у нее стоит имплантат. С небольшим усилием она вставила одну в ухо. Это не декларация независимости, подумала она, поскольку она все еще живет в паутине зависимостей. Это всего лишь декларация Карин, означавшая «*Я — это я. А теперь посмотрим, на что я способна* ».

Глава 17

Оруженосец Пим, чуть запыхавшись, впустил Катриону в фойе особняка Форкосиганов. Застегивая воротник мундира, он с обычной доброжелательностью улыбнулся ей.

— Добрый день, Пим, — поздоровалась Катриона. И порадовалась, что голос не дрожит. — Мне нужно видеть лорда Форкосигана.

— Да, мэм.

То, что сорвавшееся у него с языка «да, миледи!» на том пресловутом ужине было многозначительным ляпом, Катриона сообразила лишь задним числом. Тогда она не обратила на это внимание.

Пим включил наручный комм.

— М’лорд? Вы где?

Из комма послышался слабый стук и раздался приглушенный голос Майлза:

— В мансарде северного крыла. А что?

— К вам пришла госпожа Форсуассон.

— Я сейчас спущусь… Нет, погоди. — Короткая пауза. — Приведи ее сюда. Готов поспорить, ей это понравится.

— Слушаюсь, м’лорд. — Пим указал на черный ход. — Сюда, пожалуйста.

Она проследовала за ним к лифту.

— Маленький Никки сегодня не с вами, мэм? — спросил Пим.

— Нет. — У нее не хватило духу объяснить почему. И она ограничилась этим коротким ответом.

Они вышли из лифта на пятом этаже — сюда она так и не попала на той достославной экскурсии по особняку. Катриона прошла за Пимом по голому коридору сквозь пару двустворчатых дверей и оказалась в огромной комнате с низким потолком, тянувшейся от одного конца крыла до другого. Над головой пересекались толстенные спиленные вручную бревна перекрытия. С них свисали лампочки, освещая кучи барахла.

Часть этого барахла была обычным, хранящимся в мансардах и на чердаках хламом: поломанная мебель и светильники, не годные уже даже для прислуги, картинные рамы,

треснувшие зеркала, запакованные квадратные и прямоугольные предметы — картины, свернутые ковры и гобелены. Еще более древние масляные лампы и канделябры. Таинственные ящики и коробки, обитые потрескавшейся кожей чемоданы и исцарапанные деревянные сундуки с инициалами давно умерших людей.

Но имелось тут кое-что и куда более интересное. Связки ржавых кавалерийских пик с потускневшими корчинево-серебристыми вымпелами, обернутыми вокруг древка. Ветхие коричневые с серебром мундиры оруженосцев, увязанные в тугие свертки. И куча разнообразной конской амуниции: седла, стремена, уздечки и недоуздки с ржавыми колокольчиками, потемневшими серебряными пластинами, тусклыми кистями, даже шипами. Украшенные ручной вышивкой попоны и подседельники с вышитыми инициалами «ФК» и гербом Форкосиганов.

Десятки мечей, сабель и кинжалов, небрежно рассованные по бочонкам, как стальные букеты. Среди всего этого хлама на расчищенном пятачке примерно в середине комнаты восседал Майлз в рубашке с засученными рукавами в окружении трех раскрытых сундуков и нескольких наполовину рассортированных кучек бумаг и распечаток. Один из сундуков был доверху набит грозным на вид энергетическим оружием с прилагающимися к нему батарейками. Давно разрядившимися, как понадеялась Катриона. Второй сундук, поменьше, хранил какие-то документы. Майлз поднял голову и восторженно ухмыльнулся Катрионе:

— Я же говорил вам, что в мансардах есть на что посмотреть! Спасибо, Пим.

Пим кивнул и испарился, одарив своего лорда едва заметным кивком, который уже натренированный взгляд Катрионы расшифровал как пожелание удачи.

— И вы не преувеличивали, — согласилась Катриона. Что это за птица? Вон то чучело — висит вниз головой в углу и смотрит на них злыми стеклянными глазами?

— В тот единственный раз, когда я привел сюда Дува Галени, он чуть не превратился в бормочущего дурачка. Он буквально на глазах превратился в доктора исторических наук профессора Галени, а потом часами — сутками — пилил меня за то, что мы не каталогизировали весь этот хлам. Он и до сих пор брюзжит по этому поводу, если я имею несчастье ему напомнить. А я-то всегда считал, что вполне достаточно комнаты с особым микроклиматом, оборудованной отцом для хранения документов.

Майлз жестом предложил ей сесть на лакированный сундук из ореха.

Катриона послушно села, молча улыбаясь. Ей следовало бы сообщить ему скверные новости и уйти. Но он настолько явно пребывал в отличном настроении, что Катриона не могла вот так вот сразу все испортить. И когда это его голос стал для нее звучать как ласка? Пусть поболтает еще немного…

— Ладно, в любом случае, когда я наткнулся вот на это, — махнул он в сторону накрытой толстой белой тканью кучи, — то подумал, что для вас это может оказаться интересным.

Затем указал на открытый сундук с оружием.

— Там тоже много всего интересного, но это скорей по части Никки. Ему нравится гротеск? В его возрасте я счел вот это грандиозной находкой. И не знаю, как потерял… Ах, ну да! Должно быть, дедушка припрятал ключи! — Он достал корявый мешок коричневого цвета и с некоторой опаской заглянул внутрь. — По-моему, это мешок цетагандийских скальпов. Хотите взглянуть?

— Взглянуть — возможно. Трогать — ни за что!

Майлз послушно протянул раскрытый мешок. Высохшие желтоватые пергаментные кусочки со свисающими, а кое-где отваливающимися клочьями волос действительно походили на человеческие скальпы.

— Фью! — уважительно присвистнула она. — Ваш дед сам их снимал?

— М-м… возможно. Хотя их тут многовато для одного, даже для генерала Петера. Думаю, что скорее всего они были сняты и принесены ему в качестве трофеев его партизанами. Это, конечно, здорово, только вот что ему было с ними делать? Выбросить не мог, это ведь *подарки* .

— Что вы собираетесь с ними делать?

Пожав плечами, он сунул мешок обратно в сундук.

— Если Грегору вдруг понадобится нанести изящное дипломатическое оскорбление Цетагандийской империи, чего ему в данный момент совсем не нужно, то, полагаю, можно будет вернуть им вот это с пространными извинениями. Ничего другого мне навскидку на ум не приходит.

Майлз захлопнул сундук, перебрал кучку механических ключей и запер замок. Поднявшись, он подошел к коробу подле Катрионы, открыл его, достал какой-то обернутый предмет, положил на крышку и развернул.

Это оказалось великолепное старинное седло, такое же, как старинные кавалерийские седла, но более легкое, для леди. Темная кожа была изящно украшена выдавленными листочками, бутонами и цветами. Зеленый бархат седельной подушечки истлел, и из него торчала набивка. Крошечные оливковые и кленовые листочки, выдавленные на коже, овалом окружали буквы «Ф» и более мелкие «Б» и «К». А не потерявшая яркости вышивка — тоже цветочный орнамент — украшала попону.

— Должны быть такие же удила, но их я пока не нашел, — сказал Майлз, проводя пальцем по инициалам. — Это одно из седел моей бабушки по отцовской линии. Жены генерала Петера принцессы и графини Оливии Форбарра Форкосиган. Вот этим она явно пользовалась. Мою мать так ни разу и не удалось уговорить поездить верхом — и я до сих пор не понимаю почему, — и отец страстью к лошадям не отличался. Так что у дедушки оставался лишь я, чтобы попытаться сохранить семейную традицию. Но когда я вырос, у меня практически не было времени ездить верхом. По-моему, вы говорили, что умеете?

— Ни разу не ездила со времен детства. Двоюродная бабушка держала для меня пони. Хотя я сильно подозреваю, что не столько для меня, сколько ради навоза для ее сада. У моих родителей в городе пони держать было негде. Он был жирным, с мерзким характером, но я его обожала, — улыбнулась воспоминаниям Катриона. — А седла были какие придется.

— Я подумывал, не починить ли это, чтобы им можно было снова пользоваться.

— Пользоваться? Да ему место в музее! Ручной работы… Совершенно уникальное… имеющее свою историю… Я даже представить не могу, сколько оно может стоить на аукционе!

— Ха! У меня произошел в точности такой же спор с Дувом. Это не просто ручная работа, это штучная работа, специально для принцессы Оливии. Скорее всего подарок моего деда. Представьте себе не просто ремесленника, а мастера. Как он отбирает кожу, выделывает ее, обрабатывает. Я представляю его оттирающим руки и думающим о своей графине, разъезжающей в созданном им произведении искусства на зависть и восхищение подругам. Гордого тем, что его творение теперь — часть ее жизни.

Майлз обвел пальцем обрамляющие инициалы листочки.

После этих слов ее представление о стоимости этой вещи резко подскочило вверх.

— Ради бога, оцените его сначала!

— Чего ради? Чтобы предоставить музею? Не желаю ради этого оценивать мою бабушку. Чтобы продать какому-нибудь коллекционеру, чтобы он им владел, как капиталом? Пусть капитал и собирает, все равно большую часть из них интересует лишь это. Единственный коллекционер, достойный владеть им, — это человек, одержимый принцессой-графиней, один из тех мужчин, что безнадежно влюбляются вопреки бездне веков, лежащих между ним и объектом его страсти. Нет. Я обязан в память мастера, его сотворившего, использовать это седло *по прямому назначению* , как он и планировал.

Жившая в ней экономная пугливая домохозяйка — ущербная супруга Тьена — пришла в ужас. Душа же ее пела, слыша слова Майлза. Да. Именно так и должно быть. Место этому седлу под какой-нибудь красивой дамой, а не под стеклом. Парки и сады создаются для того, чтобы ими любовались, вдыхали их аромат, гуляли по ним, наслаждались ими. Ничем нельзя измерить ценность садов, кроме восторга, который они вызывают у посетителей. Только использование придает им *смысл* . Откуда Майлз это знает? *Только за одно это я могла бы*

тебя полюбить …

— Так. — Он ухмыльнулся в ответ на ее улыбку. — Бог знает, как мне нужно было заняться чем-то для упражнения, иначе вся эта кулинарная дипломатия, которую я веду в последнее время, приведет к тому, что все труды Марка отличаться от меня пойдут насмарку. В городе есть несколько парков, где есть тропинки для верховой езды. Но ездить в одиночку скучно. Может, составите компанию?

— Я бы с удовольствием, — честно ответила Катриона. — Но не могу.

Она видела, как в его глазах роятся десятки доводов, которые вот-вот выплеснутся наружу. Рукой она остановила этот готовый прорваться поток. Нужно положить конец этому веселью. Навязанное ей соглашение с Бэзилом позволяет ей лишь попробовать Майлза, а не насладиться им. Никаких банкетов… Пора возвращаться к жестокой реальности.

— Произошло кое-что новенькое. Вчера меня навестили Бэзил Форсуассон с моим братом Хью. Науськанные, как я понимаю, мерзким письмом от Алекса Формонкрифа.

Она с горечью пересказала их визит. Майлз внимательно слушал. Лицо его не выражало ничего. Ни разу за весь рассказ он не прервал ее.

— Вы их просветили? — медленно проговорил он, когда она остановилась, чтобы перевести дух.

— Я *пыталась* . И меня просто взбесило, как они просто… отмахнулись от моих слов в пользу грязных инсинуаций этого дурака Алекса. Нашли, кого слушать! Думаю, Хью искренне переживает за меня, но вот Бэзил… Он просто из кожи вон лезет, чтобы выполнить семейный долг — так, как он его понимает, и переполнен всякими бреднями насчет тлетворного влияния столицы.

— А! — хмыкнул Майлз. — Романтик, значит. Понятно.

— Майлз, они были готовы забрать Никки немедленно! А у меня нет никаких законных прав бороться за опеку! Даже если я приволоку Бэзила в магистрат округа Форбреттенов, я не смогу доказать, что он не годится в опекуны. Он годится. Он просто чудовищно доверчив. Но я подумала — слишком поздно, уже ночью, — об уровне секретности для Никки. Станет ли Имперская безопасность что-нибудь предпринимать, чтобы помешать Бэзилу?

Майлз нахмурился.

— Скорее всего… нет. Ведь он не намеревается увезти Никки на другую планету. СБ не станет возражать против того, чтобы Никки поехал жить на военную базу. На самом деле они сочтут это куда более безопасным местом, чем дом вашего дяди Фортица и особняк Форкосиганов. Лучше охраняемым. И думаю, что они не придут в восторг от судебного разбирательства, которое привлечет еще большее внимание к комаррскому делу.

— Они это разбирательство придушат? В чью пользу?

Майлз задумчиво посвистел сквозь зубы.

— Твою, если я их попрошу, но с них станется сделать это так, чтобы максимально поддержать версию прикрытия. Именно так они классифицируют на этой неделе в своих умишках эту клевету насчет убийства. Я практически не осмеливаюсь ничего предпринимать. Боюсь сделать только хуже. И мне очень хотелось бы знать… Не рассчитывал ли кто-нибудь именно на такой поворот событий?

— Я знаю, что это Алекс дергает Бэзила за ниточки. Ты считаешь, что Алексом, в свою очередь, тоже кто-то манипулирует, пытаясь вынудить тебя допустить какой-то промах?

Если это так, то тогда *она сама* автоматически превращается в последнее звено, за которое тайные враги Майлза могут утащить его на дно. Ужасающее открытие. Но только если она — и Майлз — сделают то, на что и рассчитывает враг.

— Я… хм… Возможно. — Он нахмурился. — Все же, думается мне, будет куда лучше, если твой дядя сам все это уладит, тихо, по-семейному. Он по-прежнему намерен вернуться с Комарры к свадьбе?

— Да, но только если его так называемые «мелкие технические детали» не окажутся сложней, чем он думал.

Майлз сочувственно поморщился.

— Значит, никаких гарантий. — Он помолчал. — Округ Форбреттенов, а? Если придется вмешиваться, то я спокойно могу попросить Рене Форбреттена об услуге, чтобы он все… э… утряс. Ты сможешь миновать магистрат и обратиться прямо к нему. И мне не придется обращаться к СБ, да и вообще возникать на горизонте. Правда, если к тому времени округ перейдет к Сигуру, то ничего не выйдет.

— Мне бы не хотелось до этого доводить. Не хочу, чтобы Никки вообще тревожили. Ему и так кисло пришлось. — Катриону трясло, и она не могла понять, то ли от страха, то ли от ярости, то ли от ядовитой комбинации того и другого.

Майлз встал, подошел, несколько неуверенно сел рядом с ней на ореховый сундук.

— Так или иначе, все это закончится. Через два дня в Совете Графов состоится голосование по обоим спорным округам. Как только голосование пройдет, все политические мотивы раздувать эту историю с обвинением в убийстве исчезнут, и слухи начнут таять. — Все это звучало очень утешительно, не добавь он: — Я надеюсь.

— Мне не следовало предлагать налагать на тебя карантин до окончания моего годичного траура. Надо было сперва попробовать заставить Бэзила согласиться на Зимнепраздник. Я слишком поздно это сообразила. Но я не могу рисковать Никки, просто не могу. Не сейчас, когда мы зашли так далеко и так много пережили.

— Ну-ну, ш-ш! Думаю, твои инстинкты правильные. Мой дед часто повторял старую кавалерийскую присказку «по неверной поверхности нужно ступать как можно легче». Мы просто ненадолго ляжем на дно, чтобы не нервировать бедолагу Бэзила. А когда твой дядя вернется, он быстро приведет этого парня в чувство. — Майлз покосился на нее. — Или ты просто не станешь со мной встречаться целый год, а?

— Мне это ужасно не понравится, — призналась Катриона.

— А! — Уголок его рта пополз вверх. Чуть помолчав, он добавил: — Ну, значит, нам это не подходит.

— Но, Майлз! Я дала слово! Не хотела, но пришлось.

— Под давлением. Тактическое отступление — не такая уж плохая штука, если тебя внезапно атаковали, знаешь ли. Во-первых, ты остаешься целым. Потом выбираешь удобную для тебя позицию. А *затем* контратакуешь.

Каким-то образом, не ее стараниями, бедро Майлза приблизилось к ее ноге, не касаясь, но ощутимо теплое и твердое даже сквозь два слоя одежды, черной и серой. Катриона не могла положить голову ему на плечо в поисках утешения, но могла обвить его талию и прижаться щекой к макушке. Это было бы так приятно, так успокаивающе. *Я не должна этого делать* .

Нет, должна. Сейчас и всегда …

Нет.

— Побит собственной репутацией, — вздохнул Майлз. — Я думал, что важно лишь твое мнение, Никки и Грегора. И начисто забыл о Бэзиле.

— Я тоже.

— Мой па выдал мне следующее определение: репутация — это то, что о тебе думают другие, а честь — это то, что ты знаешь о себе сам.

— Это то, что имел в виду Грегор, когда посоветовал тебе поговорить с отцом? Твой па — мудрый человек. Мне бы хотелось с ним познакомиться.

— Он тоже хочет с тобой познакомиться. Конечно, он тут же продолжил, поинтересовавшись, что я о себе думаю. У него есть этот… этот… *глаз* .

— По-моему… я знаю, что он имеет в виду. — Она могла бы обвить пальцами его руку, свободно лежащую на колене так близко от нее. Его рука наверняка твердая и надежная… *Ты уже предавала себя прежде в тоске по касанию. Не смей* . — В тот день, когда погиб Тьен, я перестала быть человеком, который принес и соблюдал данные на всю жизнь обеты, а стала человеком, который разорвал их и ушел. Мои обеты значили для меня все, или как минимум… я все на них променяла. И я до сих пор не знаю, напрасно я изменила своим обетам или нет. Я не думаю, что Тьен пошел бы вразнос той ночью, не шокируй я его

заявлением, что ухожу от него. — Катриона немного помолчала. В комнате было удивительно тихо. Древние толстые каменные стены не пропускали городские шумы. — Я не та, что была прежде. И не могу возвращаться назад. Мне не очень нравится то, кем я стала. И все же я… еще держусь. Но понятия не имею, как стронуться с этой точки. Никто не дал мне карты, где указан путь.

— А! Вот в чем дело. — В тоне его не было ни йоты недоумения, а наоборот — понимание.

— К концу обеты оставались единственной моей частью, которую еще не сровняли с землей. Когда я попыталась поговорить об этом с тетей Фортиц, она заверила меня, что все в порядке, поскольку все считают Тьена ослом. Ты понимаешь… Это ведь не имеет никакого отношения к Тьену, святой он или монстр. Речь обо мне и моем мире.

— Чего ж тут трудного для понимания? — пожал он плечами. — По *мне* , так это совершенно очевидно.

Катриона повернула голову и посмотрела ему в лицо. Он смотрел на нее с терпеливым любопытством. Да, он действительно все понимает и все же не пытается утешить ее или убедить, что все это ерунда. Ощущение было такое, будто она открыла дверь, которую считала дверцей шкафа, а оказалась в другой стране, сияющей перед ее расширившимися глазами. *Ой!*

— Исходя из моего опыта, проблема с такого рода клятвами, как «лучше смерть, чем бесчестье», в том, что в результате в мире останется лишь два сорта людей: мертвецы и клятвопреступники, — заговорил Майлз. — Так что это проблема выживания.

— Да, — спокойно согласилась Катриона. *Он знает. Он все знает, до той самой горькой точки в глубине души. Откуда он знает?*

— Смерть предпочтительней бесчестья. Что ж, по крайней мере никто не может пожаловаться, что я принял их не по порядку… Знаешь… — Он отвел взгляд, потом снова посмотрел на нее, прямо в глаза. Лицо его чуть побледнело. — Это не совсем верно, что я вышел в отставку по медицинским показателям. Иллиан выпер меня. За фальсификацию рапорта о моих припадках.

— Ой! Я этого не знала…

— Знаю, что не знала. Я не очень-то распространяюсь об этом — по вполне понятным причинам. Я так отчаянно пытался уберечь карьеру. Адмирал Нейсмит был для меня всем — жизнью, честью и в ту бытность куда более мной, чем лорд Форкосиган. И вместо этого я сам все погубил. Не то что я был к этому не готов. Адмирал Нейсмит возник как фикция, и это я превратил его в настоящего. И это сработало, и неплохо. Маленький адмирал дал мне все, о чем я мечтал. Через какое-то время я решил, что все грехи можно вот так искупить. Солги сейчас, исправь потом. То, что я пытался проделать с тобой. Даже любовь не так сильна, как привычка, а?

Теперь Катриона осмелилась обвить его рукой. Незачем им обоим голодать… На мгновение он затаил дыхание, как человек, предлагающий лакомство дикому зверю, пытаясь приручить. Засмущавшись, Катриона отпрянула.

Вдохнув, она проговорила:

— Привычки. Да. У меня тоже такое чувство, что я наполовину калека из-за застарелых привычек. — *Старые шрамы разума* . — Тьен… кажется мне далеким воспоминанием. Как ты думаешь, его смерть тоже покроется такой же дымкой?

Теперь он на нее не смотрел. Не осмеливается?

— Я не могу ответить за тебя. Мои собственные призраки, похоже, вполне самостоятельны и всегда при мне. Постепенно их настойчивость уменьшается, а может, я просто к ним привык. — Оглядев мансарду, он отрывисто добавил: — Я никогда не рассказывал тебе, как убил своего деда? Великого генерала, пережившего все: цетагандийцев, Безумного Ури — все, что этот век напустил на него?

Катриона не пожелала покупаться и выдавать какую-либо шокированную реплику, которой, как он явно считал, заслуживает столь драматическое заявление, а лишь вздернула

бровь.

— Я разочаровал его до смерти в тот день, когда с треском провалил экзамен в академию и потерял последний шанс сделать военную карьеру. И ночью он умер.

— Ну конечно, — сухо заметила она, — это произошло из-за тебя. А вовсе не потому, что ему было почти сто лет.

— Да, конечно, я знаю. — Майлз пожал плечами. — Точно так же, как ты знаешь, что смерть Тьена была случайной.

— Майлз, — после долгой паузы проговорила Катриона, — ты что, пытаешься получить надо мной перевес в мертвецах?

Застигнутый врасплох, он собрался было возмущенно запротестовать, но смог лишь сказать:

— Ох!

И ласково ткнулся лбом ей в плечо, изображая, будто бьется головой об стенку. Когда же он снова заговорил, насмешливый тон не совсем скрывал подлинное мучение.

— И как ты меня выносишь? Я сам-то себе невыносим!

А вот это, по — моему, искреннее признание. Мы явно выговорились друг перед другом окончательно .

— Ш-ш! Ш-ш!

Теперь пришел его черед взять ее руку. Его пальцы обернулись вокруг ладони, как теплые объятия. Она не отшатнулась в изумлении, хотя по телу и пробежала странная дрожь. *Может быть, умирать от желания — тоже своего рода предательство самого себя* ?

— Пользуясь бетанской терминологией Карин, — чуть задыхаясь, проговорила Катриона, — у меня *пунктик* насчет клятв и обетов. Когда ты стал Имперским Аудитором, ты снова давал клятву. Хотя один раз ты уже клятву преступил. Как ты смог это вынести?

— О! — Он чуть рассеянно поглядел по сторонам. — Разве, когда тебе выдавали твою честь, тебе не дали модель с кнопкой перезапуска? Моя находится вот здесь. — И ткнул куда-то в район собственного пупка.

Катриона ничего не смогла с собой поделать. Ее смех разнесся по всей комнате, эхом отражаясь от перекрытий. И грозивший вот-вот разорваться тугой узел напряжения, сидевший где-то внутри, начал постепенно расслабляться. Когда он вот так смешил ее, это было как бальзам на раны, слишком болезненные — так, что не прикоснуться. Но если можно облегчить боль — значит есть надежда на исцеление.

— Так вот, значит, он для чего? А я и не знала.

Майлз улыбнулся, вновь завладев ее рукой.

— Одна очень мудрая женщина мне когда-то сказала — ты просто живешь дальше. Я больше ни от кого не слышал столь мудрого и дельного совета. Даже от моего отца.

Я хочу быть с тобой вечно, чтобы ты мог вот так меня смешить.

Майлз смотрел на ее ладонь — будто хотел поцеловать. Он сидел очень близко, Катриона чувствовала его дыхание. Молчание затянулось. Если так будет продолжаться и дальше, то она сдастся… и в конечном итоге поцелует его. Его запах заполнял ноздри, рот, каждую клеточку ее тела. Близость плоти казалась такой легкой после куда более пугающей близости душ.

Наконец Катриона с огромным усилием выпрямилась. С не меньшим усилием он выпустил ее руку. Сердце Катрионы колотилось так, будто она пробежала немалую дистанцию. Пытаясь говорить нормально, она сказала:

— Значит, по твоему мнению, нам следует подождать, пока мой дядя разберется с Бэзилом. Ты действительно считаешь, что за всей этой глупостью скрывается ловушка?

— М-да, есть определенный запашок. Не могу сказать, с какого уровня он идет. Может оказаться, что это всего лишь Алекс пытается убрать меня с дороги.

— Но тут приходится задуматься, кто друзья Алекса. Понимаю. Значит, ты послезавтра на Совете намерен прижать Ришара и партию Формонкрифа? — Она пыталась говорить решительно.

— А! Вот об этом надо тебе рассказать. — Майлз уставился в пространство, потер подбородок и снова повернулся к ней. Он по-прежнему улыбался, но глаза стали серьезными, почти жесткими. — Мне кажется, я допустил стратегический просчет. Ты знаешь, что Ришар Форратьер воспользовался этой клеветой в виде рычага, чтобы заполучить мой голос?

— Я догадывалась, что что-то такое произошло, — неуверенно проговорила Катриона. — Но не думала, что это будет так в открытую.

— Вообще-то исключительно прямолинейно. — Он поморщился. — Поскольку шантаж — не та вещь, которую я склонен поощрять, в ответ я предоставил все свои возможности Доно.

— Отлично!

Майлз коротко улыбнулся, но покачал головой.

— Теперь у нас с Ришаром патовая ситуация. Если он выиграет графство, то моя открытая оппозиция вынудит его осуществить угрозу. Как у графа у него появится для этого и возможность, и власть. Сразу он ничего предпринимать не станет — я рассчитываю, что у него уйдет несколько недель на стягивание союзников и боевых ресурсов. А если у него есть хоть толика тактического ума, он дождется завершения свадебных торжеств. Но ты понимаешь, что затем последует.

У Катрионы образовался ком в животе. Она отлично все понимала, но…

— Разве он *может* выдвинуть против тебя обвинение в убийстве Тьена? Мне казалось, что любое подобное обвинение будет задушено в зародыше.

— Ну, если более мудрые головы не смогут отговорить Ришара… результат может оказаться довольно непредсказуемым. По правде говоря, чем больше я обо всем этом думаю, тем хуже это выглядит. — Он принялся загибать пальцы. — Убийство отпадает. — Судя по его гримасе, это была шутка. Почти. — Грегор не даст разрешения на нечто подобное — остается пойти на открытую измену. А Ришар тошнотворно предан Империи. Насколько мне известно, он в самом деле уверен, что я угрохал Тьена, — а это означает, что он честный человек. В некотором роде. Тихонько отвести Ришара в сторонку и рассказать правду о комаррском деле исключено напрочь. Я ожидаю многочисленных маневров вокруг отсутствия улик и вердикта «не доказано». Ну, Имперская безопасность может сфабриковать кое-какие улики, но я с каждым днем все больше задаюсь вопросом, какого сорта. Меньше всего СБ будет волновать моя или твоя репутация. А тебя в какой-то момент это дело может засосать, а я… не смогу полностью контролировать ситуацию.

Катриона вдруг поняла, что до боли стиснула зубы. Она провела языком по губам, пытаясь расслабиться.

— Выносливость была моей специализацией. В былые дни.

— Я надеялся подарить тебе более приятные дни.

Катриона не знала, что на это ответить, и лишь пожала плечами.

— Есть и другой выбор. Другой способ, с помощью которого я могу отклонить… эту дубинку.

— Да?

— Я могу сдаться. Прекратить интриговать. Воздержаться от голосования… Нет, скорее всего этого будет недостаточно… Проголосовать за Ришара. Публично сложить оружие.

Катриона замерла. *Нет!*

— Это тебя Грегор об этом попросил? Или СБ?

— Нет. Ну, пока нет, во всяком случае. Но думал… может, ты этого захочешь.

Катриона отвела взгляд и не смотрела на него три долгих вдоха. Когда же повернулась обратно к нему, то бесстрастно произнесла:

— Знаешь, тогда нам обоим придется воспользоваться этой твоей кнопкой перезапуска.

Он воспринял это, практически не изменившись в лице, лишь уголок губ чуть дернулся.

— Доно не хватает голосов.

— Пока у него есть твой… я буду довольна.

— Ты понимаешь, что воспоследует?

— Я понимаю.

Он резко выдохнул.

Может ли она еще чем-нибудь ему помочь? Ну, противники Майлза не стали бы дергать за такое количество ниточек, если бы не хотели добиться какого-нибудь непродуманного шага с его стороны. Значит, сидим тихо и незаметно. Но не как скрывающаяся дичь, а как притаившийся охотник. На лице Майлза была обычная жизнерадостная маска, но за ней скрывалось нечеловеческое напряжение…

— А кстати, когда ты в последний раз пользовался активатором?

Он явно старался избежать ее взгляда.

— Ну… некоторое время тому назад… Я был занят. Ты же знаешь, что потом я сутки не могу пошевелить задницей.

— Предпочитаешь грохнуться в припадке во время голосования на Совете Графов? Сомневаюсь. Мне почему-то казалось, что тебе нужно там проголосовать пару раз. Ты воспользуешься им сегодня же вечером. Обещай!

— Есть, мэм! — покорно согласился он. Но, судя по странному огоньку в глазах, он был не слишком-то удручен. — Обещаю.

Обещания …

— Мне надо идти.

Майлз без возражений встал.

— Я тебя провожу.

Они зашагали рука об руку к выходу и всему тому, что им готовило ближайшее будущее.

— Как ты сюда добралась?

— На такси.

— Не возражаешь, если Пим отвезет тебя домой?

— Конечно.

В конечном итоге он поехал вместе с ней на заднем сиденье огромного старого бронированного лимузина. Всю дорогу они болтали о пустяках, будто у них сколько угодно времени. Поездка была короткой. Они не прикоснулись друг к другу, когда она выходила из машины. Лимузин уехал. Серебристая кабина скрывала… все.

От постоянной улыбки у Айвена уже сводило мышцы. Замок Форхартунг был великолепно украшен по случаю приема, который давал Совет Графов в честь комаррской делегации, прибывшей на свадьбу Грегора, которую комаррцы настойчиво называли свадьбой Лаисы. Огни и цветы украшали центральный холл, большую лестницу на галерею Зала Совета и огромный салон, где и проходил ужин. Попутно отмечали и удачное прохождение — или тяжелое протаскивание, в зависимости от ваших политических взглядов, — решения о финансировании починки комаррского солнечного отражателя. На прошлой неделе Совет Графов проголосовал «за». Это был императорский свадебный подарок поистине планетарного масштаба.

Празднество сопровождалось речами и просмотром голофильма, посвященного не только планам восстановления солнечного отражателя, жизненно важного для комаррской программы терраформирования, но и проекту новой пересадочной станции, которую собирался строить барраяро-комаррский консорциум, в который входили «Тоскане Индастриз» и «Форсмит Ltd». Мать приставила Айвена сопровождать на этом почти интимном суаре на пятьсот человек одну комаррскую наследницу. Увы, наследнице было шестьдесят с хвостиком, она была давно замужем и доводилась теткой будущей императрице.

Не смущенная окружением из высших форов, эта жизнерадостная скромная седовласая дама владела огромной долей «Тоскане Индастриз», парой тысяч комаррских планетных

акций и имела незамужнюю внучку, за которой давала огромное приданое. Айвен, полюбовавшись ее видеоизображением, согласился, что внучка совершенно очаровательна, красавица и явно большая умница. Но, поскольку ей было всего семь лет от роду, ее оставили дома. Послушно проведя тетю Анну и ее ближайших прихлебателей по замку и показав все наиболее интересные архитектурные и исторические места этого сооружения, Айвен ухитрился подвести всю группу к основной толпе комаррцев, сгрудившихся вокруг Грегора с Лаисой, и вознамерился удрать. Пока тетя Анна громогласно сообщала леди Элис, что он «очень милый мальчик», он растворился в толпе, направляясь к слугам, стоявшим у стены с подносами с выпивкой.

Он чуть не налетел на молодую пару, двигавшуюся в направлении бокового крыла и смотревшую больше друг на друга, чем под ноги. Лорд Уильям Форташпула, наследник графа Форташпула, недавно объявил о своей помолвке с леди Кассией Форгорофф. Касси выглядела чудесно: глазки блестят, щечки порозовели, низкий вырез платья… Черт, она сделала что-то со своим бюстом или просто стала более зрелой за последние два года? Айвен все еще ломал над этим голову, когда она перехватила его взгляд. Фыркнув и вздернув голову так, что закачались цветы в гладких каштановых волосах, она покрепче вцепилась в руку жениха и прошествовала мимо. Лорд Форташпула на ходу рассеянно поздоровался с Айвеном, и Кассия уволокла его прочь.

— Красивая девочка, — раздался за спиной Айвена густой бас. Айвен обернулся и увидел своего какого-то там брата графа Фалько Форпатрила, наблюдавшего за ним из-под густющих седых бровей. — Жаль, что ты упустил свой шанс заполучить ее, Айвен. Отшила тебя ради более подходящего парня, верно?

— Кассия Форгорофф меня *не отшивала* , — с чуть излишней горячностью возразил Айвен. — Я за ней даже и не ухаживал.

Низкий смех Фалько был неприятно недоверчивым.

— Твоя мать рассказывала мне, что Касси довольно долго сохла по тебе. Похоже, она вполне оправилась после такого разочарования. Касси, а не твоя мать, бедняжка. Хотя, судя по всему, леди Элис тоже перестала особо переживать по поводу твоих неудачных любовных связей.

Он поглядел на столпившуюся вокруг императора группу, где Иллиан с обычной ненавязчивостью опекал леди Элис.

— Ни одна из моих связей не была неудачной, сэр, — ощетинился Айвен. — Просто все они по взаимному согласию завершались. Я *сам* устанавливаю правила игры.

Фалько лишь ухмыльнулся. Айвен, не желая больше попадаться на удочку, вежливо кивнул престарелому, но по-прежнему прямому как жердь графу Форхаласу, подошедшему к своему старому приятелю Фалько. Фалько можно было назвать либо прогрессивным консерватором, либо консервативным прогрессистом, поэтому его обхаживали обе партии. Форхалас же, сколько Айвен помнил, был ключевой фигурой консервативной оппозиции центристскому блоку Форкосигана. Граф не был лидером партии, но его репутация человека кристальной честности делала его образцом для подражания.

Тут появился Майлз — руки в брюки и эта его улыбочка. Он был в официальном коричневом с серебром мундире Дома Форкосиганов. Айвен вознамерился скрыться с линии огня — на тот случай, если Майлз ищет добровольцев для очередной безбожной затеи, но Майлз лишь мимоходом его поприветствовал. Он поприветствовал и обоих графов, уважительно кивнув Форхаласу. После небольшой заминки старик ответил тем же.

— Куда двинешь, Форкосиган? — небрежно поинтересовался Фалько. — Отправишься потом на прием в особняк Форсмитов?

— Нет, туда двинется вся остальная команда. Я же пойду на прием Грегора. — Чуть поколебавшись, он приглашающе улыбнулся. — Разве что, может быть, вы, господа, пожелаете пересмотреть отношение к иску лорда Доно и захотите пойти куда-нибудь это обсудить?

Форхалас лишь покачал головой, но Фалько хохотнул.

— Отвали, Майлз! Это полная безнадега. Бог знает, ты старался изо всех сил — ну, по крайней мере я последние две недели натыкался на тебя всюду, где бывал, — но боюсь, на этот раз прогрессистам придется довольствоваться победой с солнечным отражателем.

Майлз, поглядев на толпу, пожал плечами. Айвен знал, что, помимо ведения интенсивной кампании в пользу Рене с Доно, Майлз приложил немало усилий, чтобы голосование по вопросу об отражателе прошло в пользу Грегора. Неудивительно, что он выглядит выжатым как лимон.

— Тут мы все проделали очень неплохое дельце для нашего будущего. Думаю, это наращивание размера отражателя принесет Империи свои плоды задолго до окончания терраформирования Комарры.

— М-м… — промычал Форхалас. При голосовании по вопросу об отражателе он воздержался, но у Грегора и так было подавляющее большинство, так что это значения не имело.

— Как бы мне хотелось, чтобы Катриона сегодня была здесь и могла полюбоваться на все это, — с тоской пробормотал Майлз.

— Кстати, а почему ты ее не привел? — поинтересовался Айвен. Он не понимал стратегии Майлза в данной ситуации.

Ему казалось, что оболганной паре куда больше пошло бы на пользу публично бросить вызов общественному мнению. К тому же бравада в принципе куда больше в стиле Майлза.

— Посмотрим. Послезавтра. — И добавил вполголоса: — Хоть бы это чертово голосование поскорей прошло!

Ухмыльнувшись, Айвен тоже понизил голос.

— И это говорит бетанец? Ну, наполовину бетанец. Мне казалось, ты сторонник демократии, Майлз. Значит, она тебе разонравилась?

Майлз кисло улыбнулся, но ловиться на удочку не пожелал. Сердечно пожелав доброй ночи старшим, он удалился, двигаясь чуть неуклюже.

— Мальчик Эйрела паршиво выглядит, — заметил Форхалас, глядя ему вслед.

— Ну, его ведь уволили со службы по здоровью, — сказал Фалько. — Удивительно, что ему вообще удалось так долго прослужить. Наверное, старые проблемы дали себя знать.

Это верно, подумал Айвен, только совсем не те, которые Фалько имеет в виду. Форхалас слегка помрачнел, возможно, вспомнив о внутриутробном отравлении Майлза солтоксином и связанной с этим отравлением трагической истории семьи старого графа. Пожалев старика, Айвен пояснил:

— Нет, сэр. Это последствия боевого ранения.

И действительно, серая кожа и неуверенные движения свидетельствовали о том, что скорее всего ночью у Майлза был очередной припадок.

Граф Форхалас, нахмурившись, задумчиво поглядел на Айвена.

— Итак, Айвен. Ты знаешь о нем больше, чем кто бы то ни было. Что ты думаешь по поводу этой грязной байки: о нем и покойном муже этой Форсуассон?

— Я думаю, что все это полностью сфабриковано, сэр.

— Элис говорит то же самое, — заметил Фалько. — И я бы сказал, что у нее больше всех возможностей узнать истину.

— В этом ты прав. — Форхалас глянул на окружение Грегора в другом конце ярко освещенного салона. — Но я также думаю, что она до мозга костей предана Форкосиганам и без всякого колебания солжет, чтобы защитить их интересы.

— Вы наполовину правы, сэр, — чопорно заявил Айвен. — Она предана до мозга костей.

— Не кидайся на меня, мальчик, — жестом остановил его старый граф. — Полагаю, правды мы никогда не узнаем. С возрастом привыкаешь мириться с такими неясностями.

Айвен проглотил раздраженную реплику. Граф Форхалас был шестым за вечер, который приставал к Айвену с более или менее мерзкими вопросами о его братце. Если Майлзу приходится выдерживать хотя бы половину, немудрено, что он выглядит

полудохлым. Хотя, меланхолично подумал Айвен, мало кто осмелится задавать ему такие вопросы прямо в лицо. И это означает, что Айвен принимает на себя *весь* огонь, нацеленный на Майлза. Типично. Весьма типично.

— Если ты не собираешься к Форсмитам, — обратился к Форхаласу Фалько, — то почему бы тебе не поехать со мной в особняк Форпатрилов? Где мы хотя бы сможем спокойно выпить сидя. Я хотел с тобой спокойно переговорить насчет проекта по водоразделу.

— Спасибо, Фалько. Звучит куда более спокойно. Ничто так не возбуждает наших коллег, как перспектива перехода больших денежных средств в другие руки.

Из чего Айвен сделал вывод, что округ Форхаласа опоздал на поезд, увозящий участников это новой комаррской экономически выгодной заморочки. Охватившее его состояние тупости не имело ничего общего с большим количеством выпитого. По правде говоря, это, наоборот, свидетельствовало о том, что выпито слишком мало. Он было вознамерился продолжить свой поход к бару, когда ему на глаза попался куда более приятный объект.

Оливия Куделка. В бело-бежевом кружевном платье, подчеркивающем ее неброскую красоту блондинки. И *одна* . По крайней мере временно.

— Э… Прошу меня простить, господа. Я заметил друга в затруднительном положении.

Айвен сбежал от седовласых старцев и двинулся к своей добыче с улыбкой на устах. Оливию в глазах Айвена всегда затмевали ее более яркие и решительные старшие сестры Делия и Марсия. Но Делия предпочла Дува Галени, а Марсия открытым текстом послала Айвена куда подальше. Может… может, он прекратил спуск по фамильному древу Куделок на одну веточку раньше времени?

— Добрый вечер, Оливия! Какой чудесный наряд! — Поскольку женщины тратят кучу времени на одевание, то всегда полезно оценить их старания. — Развлекаешься?

— О, привет, Айвен! Да, конечно!

— Я тебя раньше не видел. Мать приставила меня пасти комаррцев.

— Мы довольно поздно приехали. Это наша четвертая остановка за вечер.

Мы?

— Остальная часть твоего семейства тоже здесь? Ну, Делию с Дувом я видел, естественно. Они вон там, в углу, рядом с Грегором.

— Правда? Здорово! Надо будет с ними поздороваться, прежде чем мы уйдем.

— Что ты делаешь после?

— Отправляюсь на эту давиловку в особняк Форсмитов. Это может оказаться очень ценным.

Пока Айвен пытался расшифровать это последнее замечание, Оливия кого-то углядела. Глаза ее засияли, губы приоткрылись, и она на какой-то ошеломляющий момент напомнила Айвену Касси Форгорофф. Встревоженный, он проследил за ее взглядом. Но никого не обнаружил, кроме лорда Доно Форратьера, судя по всему, только что расставшегося с его/ее старой приятельницей графиней Формюир. Графиня, на редкость изящная в алом платье, изумительно сочетавшемся с черным облачением Доно, потрепав Доно по руке, со смехом отошла от него. Насколько Айвену было известно, графиня все еще жила отдельно от своего мужа. Интересно, каким образом теперь Доно проводит с ней время? От одной только этой мысли у него мозги заклинило.

— Особняк Форсмита, значит? Может, я тоже туда отправлюсь. Могу практически гарантировать, что *вино* там будет отменное. Ты как сюда приехала?

— На машине. Тебя подвезти?

Отлично .

— Да, спасибо. — Айвен сам приехал в замок вместе с матерью и Иллианом, главным образом чтобы не подвергать риску свою скоростную тачку на переполненной стоянке. Он и не предвидел, что отсутствие машины окажется столь полезным. Айвен одарил Оливию лучезарной улыбкой.

К ним подошел Доно — с этой своей типичной довольной улыбочкой, неприятно напомнившей Айвену бывшую леди Донну. Хм. Доно явно не тот человек, с кем Айвену хотелось появляться в обществе. Может, ему удастся по-быстрому уволочь отсюда Оливию?

— Похоже, дело стронулось, — сообщил Доно Оливии, кивком приветствовав Айвена. — Велеть Цабо подогнать машину?

— Сперва нам нужно поздороваться с Делией и Дувом. А потом можем ехать. Ах да! Я предложила Айвену ехать к Форсмитам с нами. По-моему, место есть.

— Конечно, — добродушно улыбнулся Доно.

— Она взяла пакет? — спросила Оливия у Доно, глянув на исчезавшее в толпе алое пятно.

Губы Доно раздвинулись в на редкость злорадной ухмылке.

— Угу.

Пока Айвен безуспешно пытался изобрести способ отделаться от персоны, обеспечивающей транспорт, из-за столов выплыл Байерли Форратьер и направился к ним. Дьявольщина. Все хуже и хуже.

— А, Доно! — приветствовал Бай кузена. — Ты по-прежнему планируешь закончить нынешний вечер у Форсмитов?

— Да. Тебя тоже туда подвезти?

— Не нужно. Я уже договорился. Но не стану возражать, если потом ты подбросишь меня домой.

— Без проблем.

— Ты довольно долго беседовал с графиней Формюир. Вспоминали старые добрые времена, а?

— О да, — неопределенно улыбнулся Доно. — О том, о сем, знаешь ли…

Бай пристально посмотрел на него, но Доно не пожелал вдаваться в подробности.

— Тебе удалось повидаться днем с графом Форпински? — спросил Бай.

— Да, наконец-то. И еще с парочкой других тоже. От Фортейна пользы никакой, но из-за присутствия Оливии он хотя бы был вежлив. Форвользе, Форхалас и Форпатрил отказались меня слушать, увы. — Доно несколько вызывающе глянул на Айвена из-под черных бровей. — Ну, насчет Форвользе я не уверен. Никто не открыл дверь. Возможно, его действительно не было дома. Трудно сказать.

— Так как идет набор голосов? — поинтересовался Бай.

— Близко, Бай. Ближе, чем я даже осмеливался мечтать, по правде говоря. Неопределенность сводит меня с ума.

— Переживешь. А… близко к чьей стороне? — уточнил Бай.

— Не той, что нужно. Увы. Что ж… — Доно вздохнул. — По крайней мере это была великая попытка.

— Ты войдешь в историю! — решительно заявила Оливия.

Доно, благодарно улыбнувшись, сжал лежащую на его руке ладонь девушки.

Байерли пожал плечами, что по его стандартам соответствовало жесту утешения.

— Кто знает, что может произойти за ночь?

— С настоящего момента до завтрашнего утра? Боюсь, немногое. Ставки практически сделаны.

— Держи хвост морковкой. Есть еще пара часов, чтобы поработать с теми, кто соберется у Форсмита. Просто не сдавайся. Я помогу. Встретимся там…

Таким образом, Айвен оказался не в интимной обстановке с Оливией, а зажатым вместе с ней, Доно, Цабо и еще парочкой оруженосцев Форратьера в заднем отделении официального лимузина покойного графа Пьера. Лимузин Пьера был одним из немногих оставшихся реликтов времен Регентства и вполне мог соперничать с Майлзовским по роскоши внутреннего убранства и по толщине брони, из-за чего эта фиговина двигалась в лучшем случае со скоростью улепетывавшей черепахи. Не то что лимузин не был *комфортабельным* . Айвену доводилось ночевать в номерах космических станций куда

меньших, чем заднее отделение этой тачки. Но Оливия каким-то образом оказалась сидящей между Доно и Цабо, а Айвену грела бока парочка оруженосцев.

Они проехали уже две трети пути до особняка Форсмитов, когда Доно, всю дорогу смотревший в окно, внезапно подался вперед и заговорил в интерком связи с водителем:

— Йорис, поворачивай снова к графу Форвользе. Попробуем зайти к нему еще разок.

Лимузин развернулся и поехал назад. Через пару минут появился многоквартирный дом, где находились апартаменты Форвользе.

Семейству Форвользе принадлежал всебарраярский рекорд последнего столетия по присоединению к проигравшей стороне, включая цетагандийцев и не ту сторону во время государственного переворота Фордариана. Несколько мрачный нынешний наследник, разоренный многочисленными поражениями предков, обеспечивал себе жизнь в столице, сдавая древний вычурный особняк Форвользе какому-то инициативному простолюдину с большими амбициями и живя исключительно на арендную плату. Вместо дозволенной двадцатки он держал одного-единственного оруженосца, тоже довольно унылого пожилого субъекта, выполнявшего роль прислуги за все при графе. И все же, несмотря на нежелание Форвользе присоединяться к какой-либо партии или поддерживать какой-либо проект, это хотя бы не означало, что он автоматически проголосует за Ришара. А голос есть голос, надо полагать, думал Айвен. И не важно, принадлежит этот голос эксцентрику или нет.

Айвен нисколько не сомневался, что тесный гараж возле дома был достаточно просторен, чтобы в нем могли разместить свои машины обитатели дома, и еще с небольшим запасом. В столице места парковки сдавались в аренду по квадратным метрам. Йорис попытался приткнуть куда-нибудь лимузин, но потерпел полное фиаско, обнаружив, что все отведенные для гостей места на нижнем этаже гаража заняты.

Айвен, планировавший остаться с Оливией в удобной машине, пересмотрел свои планы, когда Оливия выскочила следом за Доно. Оставив Йориса ждать, когда освободится местечко, Доно с Оливией и охранниками зашагали по пешеходной дорожке к входу в здание. Разрываясь между любопытством и осторожностью, Айвен потащился следом. Цабо велел одному оруженосцу остаться возле внешней двери, а второму — возле лифта на третьем этаже, так что к квартире Форвользе они подошли не столь уж страшной командой из четырех человек.

Над номером квартиры несколько наискось висела небольшая медная табличка: на ней для пущей внушительности готическими буквами было написано «Дом Форвользе», но в данных обстоятельствах это смотрелось скорее жалко. Айвен вспомнил частое замечание тети Корделии, что правительства — это ментальные конструкции. Лорд Доно коснулся звонка.

Через пару минут из интеркома послышался сварливый голос. Маленький квадратик видеомонитора оставался пустым.

— Что вам нужно?

Покосившись на Цабо, Доно шепотом спросил:

— Это Форвользе?

— Похоже, — пробормотал Цабо. — Не такой скрипучий, как у его старого оруженосца.

— Добрый вечер, граф Форвользе, — вежливо проговорил Доно в интерком. — Я лорд Доно Форратьер. — Он жестом указал на своих компаньонов. — Полагаю, вам знакомы Айвен Форпатрил и мой старший оруженосец Цабо. Мадемуазель Оливия Куделка. Я зашел поговорить с вами насчет завтрашнего голосования по моему графству.

— Уже поздно, — произнес голос.

Цабо закатил глаза.

— Я не хочу вас беспокоить, — поспешил заверить графа Доно.

— Вот и хорошо. Убирайтесь.

Доно вздохнул.

— Конечно, сэр. Но прежде чем уйти, могу я хотя бы узнать, как вы намерены завтра

голосовать по данному вопросу?

— Мне наплевать, которому из Форратьеров достанется округ. Вся семейка чокнутая. Чума для обеих ваших партий.

Доно коротко вздохнул, продолжая улыбаться.

— Да, сэр, но подумайте о последствиях. Если вас не будет, а ни один из претендентов не наберет нужного количества голосов, то голосование попросту повторится. И будет повторяться снова и снова, пока кто-то наконец не получит большинство. Еще мне хотелось бы добавить, что вы приобретете в лице моего кузена Ришара весьма неудобного коллегу. Он вспыльчив и весьма склонен к фракционности и конфликтам.

По ту сторону интеркома воцарилось столь длительное молчание, что Айвен начал подумывать, не ушел ли Форвользе спать.

Оливия придвинулась поближе к монитору и радостно прочирикала:

— Граф Форвользе, сэр, если вы отдадите ваш голос лорду Доно, вы не пожалеете. Он великолепно послужит и округу Форратьеров, и Империи.

— Э… вы ведь одна из девочек коммодора Куделки, так? — через пару мгновений произнес голос. — Значит, Эйрел Форкосиган поддерживает этот нонсенс?

— Лорд Форкосиган, выступающий как полномочный представитель своего отца, полностью меня поддерживает, — ответил Доно.

— Неугомонный. Хе! *Это* неугомонно для вас.

— Безусловно, — любезно согласился Доно. — Я и сам это заметил. Но как вы намерены голосовать?

Последовала очередная пауза.

— Не знаю. Я подумаю над этим.

— Благодарю вас, сэр. — Доно жестом велел всем отчаливать. Его небольшая свита проследовала за ним к лифу.

— Не очень-то убедительно прозвучало, — заметил Айвен.

— Ты хотя бы имеешь представление, насколько «я подумаю над этим» кажется положительным ответом по сравнению с некоторыми из тех, что я получал? — буркнул Доно. — По сравнению с некоторыми его коллегами граф Форвользе просто фонтан либерализма. — Они подобрали оруженосца и спустились вниз. Когда они дошли до фойе, Доно добавил: — Нужно отдать Форвользе должное в честности. Существует куча сомнительных способов, с помощью которых он мог бы высасывать деньги из округа, чтобы обеспечить себе более роскошный образ жизни в столице, но он к ним не прибегает.

— Ха! — не удержался Цабо. — Будь *я* одним из его вассалов, я бы чертовски здорово *подтолкнул* его спереть что-нибудь. Это было бы куда лучше, чем этот несчастный фарс. Это просто стыдно для фора. Плохой *пример* .

Они вышли из дома с Цабо во главе. Доно шел рядом с Оливией, а Айвен тащился сзади с двумя оруженосцами. Когда они вышли в полутемный гараж, Цабо резко остановился.

— Где, черт побери, машина? — Он поднес наручный комм к губам. — Йорис?

— Если подъехал еще кто-то, ему пришлось отводить машину назад и за угол, чтобы пропустить их, — беспокойно сказала Оливия. — Здесь недостаточно места, чтобы развернуть такую махину.

— Невозможно, не… — начал Цабо. Как бы ниоткуда послышалось тихое «вз-з», показавшееся Айвену очень знакомым.

Цабо рухнул как подкошенный.

— Луч парализатора! — взревел Айвен, прыгнув за ближайшую колонну справа. Он оглянулся в поисках Оливии, но она уже прыгнула в другую сторону вместе с Доно. Еще два прицельных выстрела из парализатора уложили оруженосцев, выскочивших справа и слева. Один из них, прежде чем упасть, успел выстрелить наугад.

Айвен, скорчившись между колонной и какой-то полуразобранной машиной, проклинал свое безоружное состояние, пытаясь разглядеть, откуда стреляли. Колонны,

машины, тусклый свет, тени… Выше по скату из тени выскочила темная фигура и исчезла между машинами.

Правила боя с использованием парализатора просты. Стреляй во все, что движется, а рассортируешь потом… в надежде, что ни у кого не окажется больного сердца. Оружием Айвен мог бы разжиться у валяющегося в отключке оруженосца, если бы до него можно было дотянуться, не подставляясь…

Со ската послышался приглушенный хриплый голос:

— В какую сторону он подался?

— Вниз, к выходу. Гофф его упустил. Уложи этого чертова офицера, как только он появится в зоне огня.

Нападавших как минимум трое, прикинул Айвен. Допустим, есть еще один. *Как минимум* . Проклиная узкие зазоры между машинами, Айвен на карачках отполз назад за столб, блокирующий луч парализатора, и попытался проползти между машинами и стенкой, снова направляясь в сторону входа. Если ему удастся выбраться на улицу…

Наверняка это захват. Будь это покушение, у нападавших оружие было бы покруче, и к этому времени вся команда Доно уже давно была бы размазана по стенкам. В промелькнувшем зазоре между машинами Айвен заметил дальше слева — вниз по скату — движение фигуры в светлом. Оливия в вечернем платье. Оттуда из-за колонны раздался удар, за которым последовал противный звук, будто тыква раскололась об асфальт.

— Отлично сработано! — Это уже был голос Доно.

Мать Оливии когда-то была личным телохранителем Грегора, когда тот был ребенком, напомнил себе Айвен. Он попытался представить, чему в семействе Куделка учила мать своих дочерей. Уж наверняка не только пироги печь.

Мелькнула облаченная в черное фигура.

— Вот он! Взять его! Да нет же! Он должен быть в сознании!

Бегущие шаги, тяжелое дыхание и возня, глухой удар, приглушенный вопль… Молясь, чтобы внимание всех и каждого было отвлечено от него, любимого, Айвен кинулся за парализатором оруженосца, схватил его и быстро вернулся обратно за столб. Со ската раздался шум быстро спускающейся сюда машины. Айвен рискнул высунуться. Задние двери грузового аэрогрузовика резко распахнулись. Двое мужчин волокли к нему Доно. Доно с искаженным от боли лицом беспомощно висел, хватая воздух ртом.

— Где Гофф? — гаркнул водитель, высунувшись из кабины и оглядывая своих напарников и их добычу. — Гофф! — заорал он.

— Где девчонка? — спросил один из нападавших.

— Хрен с ней, с девчонкой, — бросил второй. — Помоги-ка мне лучше его затащить. Мы сделаем дело и слиняем раньше, чем она успеет позвать на помощь. Малько, зайди с другой стороны и выруби этого амбала-офицера. Его здесь не должно было быть. — Они затащили Доно в грузовик… Нет, только наполовину. Один из мужчин достал какую-то бутылку и поставил на край, чтобы была под рукой. Что за черт?.. *Это не похищение* .

— Гофф? — неуверенно окликнул парень, отряженный на ловлю Айвена, передвигаясь на полусогнутых между машинами.

В руке державшего Доно мужика весьма неприятно — в данных обстоятельствах — зажужжал вибронож. Поставив все на карту, Айвен вскочил и открыл огонь.

Разыскивающего Гоффа парня он уложил влет. Мужик дернулся, рухнул как мешок и больше не шевелился. Оруженосцы Доно носили *супермощные* парализаторы, и, похоже, не напрасно. Одного из двух оставшихся Айвен лишь зацепил. Выпустив Доно, парочка нырнула под прикрытие грузовика. Доно свалился на землю и свернулся калачиком. Конечно, под огнем палящих во все стороны парализаторов нет ничего хуже, чем бежать, но Айвен вдруг живо вообразил, что будет, если грузовик сдаст назад.

Со ската позади грузовика раздались подряд два быстрых выстрела.

И тишина.

Чуть переждав, Айвен осторожно позвал:

— Оливия?

Откуда-то подальше вверх по скату раздался ее ставший вдруг тоненьким голосок:

— Айвен? Доно?

Доно, дернувшись, застонал.

Айвен осторожно выпрямился и двинулся к грузовику. Чуть погодя, выждав, по всей вероятности, не начнется ли снова пальба, из своего угла появилась Оливия и быстро подбежала к нему.

— Где ты взяла парализатор? — поинтересовался Айвен, когда она выскочила из-за грузовика. Оливия была босиком, подол платья подоткнут до середины бедер.

— У Гоффа. — Она небрежным жестом оправила подол. — Доно! Ох нет! — Сунув парализатор за корсаж, она опустилась на колени возле Форратьера. Когда она отняла руку, ладонь была в крови.

— Лишь ногу порезали, — охнул Доно. — Он промахнулся. О боже! Уау!

— У тебя кровь хлещет. Лежи смирно, милый! — скомандовала Оливия. Она быстро огляделась по сторонам, вскочила, заглянула внутрь грузовика, потом решительным жестом оторвала полоску от подкладки своего вечернего платья. Разорвав ее еще раз, она быстро соорудила повязку и туго перебинтовала длинный разрез на бедре Доно, чтобы остановить кровотечение.

Айвен обогнул грузовик, подобрал обе жертвы Оливии и подтащил поближе, — так удобнее за ними приглядывать. Доно теперь полусидел, опираясь на Оливию, а она ласково гладила его черноволосую голову. Доно был бледен как полотно, его трясло, он прерывисто дышал.

— Словил плюху в солнечное сплетение, да? — спросил Айвен.

— Нет. Ниже, — проскрипел Доно. — Айвен… Помнишь, я смеялся, когда кто-нибудь из вас, парней, отрубался, если во время занятий спортом получал по яйцам? Прости. Я и представления не имел… Извини…

— Ш-ш! — успокоила его Оливия.

Айвен опустился на колено, чтобы получше разглядеть. Оказанная Оливией первая помощь свое дело сделала. Бежевая повязка намокла, но кровотечение явно уменьшилось. Кровью Доно не истечет. Нападавший распорол Доно брюки. Брошенный вибронож валялся рядом. Поднявшись, Айвен взял бутылку. И резко отшатнулся, когда в нос ударил резкий запах жидкого бинта. Он прикинул, не передать ли ее Оливии для Доно, но черт его знает, что в ней может быть подмешано? Айвен осторожно закупорил бутылку и еще раз оглядел сцену.

— Похоже, кто-то пытался пустить насмарку твою бетанскую хирургию, Доно, — потрясенно сказал он. — Дисквалифицировать тебя прямо перед голосованием.

— Я догадался, — пробормотал Доно.

— Без анестезии. Думаю, жидкая повязка была нужна, чтобы потом остановить кровотечение. Чтобы быть уверенным, что ты выживешь.

— Какой ужас! — вскричала шокированная Оливия.

— Это Ришар скорее всего, — вздохнул Доно. — Не думал я, что он зайдет так далеко…

— Это… — начал Айвен и осекся. Сердито глянув на вибронож, он ткнул его носком сапога. — Знаешь, Доно, я не хочу сказать, что одобряю то, что ты сделал и что пытаешься сделать. Но *вот это* просто ни в какие ворота не лезет!

Доно защитным жестом прикрыл пах.

— Черт, — слабым голосом проговорил он. — Я ведь его еще даже *не опробовал* . Берег себя. Впервые в жизни мне хотелось быть девственником в первую брачную ночь.

— Ты можешь встать?

— Шутишь?

— Нет. — Айвен с беспокойством огляделся. — Оливия, ты где бросила Гоффа?

— У третьей колонны, — указала она.

— Верно. — Айвен отправился за Гоффом, размышляя, куда мог подеваться лимузин Доно. Здоровенный Гофф все еще пребывал без сознания, хотя чуть иначе, чем обычная жертва парализатора. Это из-за зеленоватого цвета лица и здоровенной шишки на затылке, решил Айвен. Волоча Гоффа к остальной парочке, он на мгновение задержался возле Цабо, чтобы проверить старшему оруженосцу пульс и попытаться вызвать по наручному комму Йориса. Сердце у Цабо билось ровно, а вот водитель не отвечал.

Доно уже шевелился, но встать был явно еще не готов. Нахмурившись, Айвен еще раз огляделся по сторонам и трусцой побежал вверх по скату.

И буквально за следующим поворотом обнаружил отогнанный чуть в сторонку лимузин покойного Пьера. Айвен представления не имел, как им удалось выманить из машины Йориса, но молодой оруженосец лежал в отрубе возле машины. Вздохнув, Айвен заволок его на заднее сиденье и осторожно подогнал лимузин задом к грузовику.

Доно вроде стало полегче, и он теперь сидел, лишь немного согнувшись.

— Доно нужен врач! — встревоженно заявила Оливия.

— Угу. Нам понадобится куча всяких медикаментов, — согласился Айвен. — Синергин для одних, — он повернул голову к Цабо, который пошевелился и застонал, но в сознание еще не пришел, — суперпентотал для других. — Он хмуро глянул на кучу амбалов. — Доно, узнаешь кого-нибудь из этих горилл?

Доно прищурился:

— В жизни ни одного из них не видел!

— Наемники, надо думать. Нанятые через бог знает какую цепочку посредников. Может уйти несколько дней, пока городская гвардия или СБ — если вообще заинтересуются этим делом — доберутся до конца.

— К тому времени голосование уже пройдет, — вздохнул Доно.

Я не хочу иметь с этим ничего общего. Это не мое дело . Но ведь это политический прецедент, от которого вряд ли кто-нибудь придет в восторг. Это чертовски *оскорбительно* . Это просто… просто *ни в какие ворота не лезет* .

— Оливия, — резко повернулся к девушке Айвен, — ты сможешь вести лимузин Доно?

— Наверное…

— Отлично. Помоги мне загрузить пострадавших.

С помощью Оливии Айвен ухитрился засунуть в заднее отделение лимузина, где уже лежал несчастный Йорис, трех остальных оруженосцев. А разоруженных бандюков небрежно пошвыряли в кузов их собственного грузовика. Айвен крепко заблокировал снаружи дверцу кузова и подобрал вибронож, связку нелегальных парализаторов и бутылочку с жидким бинтом. Оливия бережно помогла Доно доползти до лимузина и усадила его на переднее сиденье. Айвен, глубоко вздохнул, наблюдая за парочкой, и покачал головой.

— Куда едем? — спросила Оливия, нажимая на панель, опускающую колпак кабины.

Айвен запрыгнул в кабину грузовика, крикнув через плечо:

— Особняк Форпатрилов!

Глава 18

В большом зале Совета Графов царил прохладный полумрак; сквозь высокие витражные окна в восточной стене падал свет, цветными пятнами ложась на дубовый паркет. Майлз думал, что пришел рано, но углядел сидящего на скамье округа Форбреттенов Рене, появившегося даже раньше него. Положив распечатки и документы на свой стол в первом ряду, он подошел к Рене, чье место было во втором ряду справа.

Рене выглядел весьма подтянутым и элегантным в мундире Дома Форбреттенов, темно-зеленом с оранжевым, но лицо его было кислым.

— Ну, наконец-то оно свершится! — воскликнул он, изображая веселье.

Рене выдавил слабую улыбку.

— Слишком близко. Ничего у нас не выйдет, Майлз.

Он нервно постучал по списку, близнецу того, что лежал на столе Майлза.

Водрузив ногу в коричневом сапоге на скамью Рене, Майлз с сознательной небрежностью наклонился и глянул в бумаги Рене.

— Хуже, чем я думал, — признал он. — Однако не считай, что все уже потеряно. Никогда не знаешь, кто изменит мнение в самый последний момент и переметнется на другую сторону.

— К сожалению, это работает в обе стороны, — проворчал Рене.

Майлз пожал плечами, не споря. К последующим голосованиям он будет все планировать куда круче, решил он. *Демократия, фу!* Он ощущал хорошо знакомое нервное возбуждение, как обычно перед битвой, но в данном случае не получится разрядиться, пристрелив кого-нибудь, если дело будет действительно дрянь. С другой стороны, и *его* тут тоже вряд ли пристрелят. *Подсчитай выгоду* .

— Тебе удалось добиться еще чего-нибудь прошлой ночью, прежде чем ты уехал с Грегором? — поинтересовался Рене.

— Пожалуй. Я был на ногах до двух ночи, прикидываясь, что пью и дискутирую с друзьями Генри Форволка. Думаю, в конечном итоге я перетянул Форгарина на твою сторону. Доно… продать сложней. Как оно вчера прошло у Форсмита? Вы с Доно смогли осуществить намеченное?

— Я — да, — кивнул Рене. — А Доно я так и не увидел. Он не появился.

— Вот как? — нахмурился Майлз. — Я так понял, что он туда собирался. И считал, что из вас двоих командуешь парадом ты.

— Невозможно быть одновременно в двух местах. — Поколебавшись, Рене добавил: — Байерли, кузен Доно, поджидал его там. А потом поехал его искать и больше не вернулся.

— Хм… Если… — Да нет, черт возьми! Если бы Доно убили ночью, то здесь бы уже вовсю об этом жужжали. Оруженосцы Форбарр-Султана уже повсюду бы разнесли эту новость, СБ бы уже крутилась, или что-то в этом роде. Майлз бы наверняка что-нибудь услышал. Верно?

— Татя здесь, — вздохнул Рене. — Сказала, что не может сидеть дома и ждать, не зная… будет ли к вечеру у нее дом.

— Все будет хорошо.

Майлз спустился вниз и оглядел галерею с резными деревянными перилами. Там тоже начал собираться народ. Родственники и прочие, кто имел право или сумел добыть допуск на заседание. Татя Форбреттен тоже была тут, спрятавшись в заднем ряду. Ее сопровождала одна из золовок.

Зал Совета заполнялся. Прибыла компания Бориса Формонкрифа, в которую входил и юный Сигур Форбреттен, обменявшийся со своим кузеном Рене вежливым и осторожным кивком. Сигур не сделал попытки претендовать на скамью Форбреттенов, а сел под крылышко своего тестя. Он был одет не в цвета Форбреттенов, а в нейтральный костюм. Казалось, он нервничает, что могло бы вдохновить Майлза, не знай он, что это обычная манера поведения Сигура. Майлз вернулся к своему месту и принялся успокаивать нервы, подсчитывая прибывших.

К нему подошел Рене.

— Где Доно? Я не могу, как планировалось, уступить ему место в Ораторском Круге, если он опоздает!

— Не дергайся. Консерваторы затянут резину, пытаясь оттянуть начало, пока вся их команда не соберется. А ведь некоторые так и не придут. Если понадобится, я встану и начну трепаться, но пока пусть *они* побузотерят.

— Верно, — кивнул Рене и вернулся на свое место.

Дьявольщина, у Доно есть двадцать оруженосцев! Он не может исчезнуть так, чтобы никто этого не заметил. Потенциальный граф должен сам уметь добираться до зала Совета. Ему не должен требоваться Майлз, который взял бы его за ручку и привел. Леди Донна

славилась своими опозданиями и театральными появлениями. Майлз считал, что она оставила эту привычку вместе с остальным бабьим багажом на Колонии Бета. Он побарабанил по столу, затем, чуть отвернувшись, чтобы Рене не видел, нажал на вызов наручного комма.

— Пим? — тихо проговорил он.

— Да, милорд? — мгновенно отозвался Пим со стоянки возле замка. Он пас лимузин Майлза и сплетничал со всеми остальными оруженосцами, также охраняющими машины своих сюзеренов. Ну, не со всеми. Граф Форвользе обычно приезжает один на такси. Только вот он еще и вовсе не прибыл.

— Я хочу, чтобы ты связался с особняком Форратьеров и выяснил, выехал ли уже лорд Доно. Если его что-то задержало, разберись с этим и быстренько тащи его сюда. Окажи всю необходимую помощь, ага? А потом доложи мне.

— Все понял, м'лорд.

Огонек связи потух.

В зал прошествовал Ришар Форратьер, выглядевший драчливо в наглаженном мундире графа Форратьера, будто он уже им стал. Разложив свои заметки на столе округа Форратьеров, расположенном в центре второго ряда, оглядел зал и наткнулся на Майлза. Сине-серый мундир сидел на нем неплохо, но, когда он приблизился, Майлз с тайным удовольствием отметил, что боковые швы недавно распускали. Сколько же лет хранил Ришар этот мундир в ожидании этого момента? Майлз приветствовал его легкой улыбкой, за которой скрывалась бурлящая ярость.

— Говорят, что порядочный политик тот, кто придерживается взятых обязательств. Ты не подходишь, Форкосиган, — вполголоса прорычал он, недостаточно, на вкус Майлза, скрывая бешенство.

— Тебе следует получше уметь выбирать себе врагов, — шепнул в ответ Майлз.

— Тебе тоже, — буркнул Ришар. — И я не блефую. Как ты сможешь убедиться еще сегодня.

И удалился, чтобы переговорить с группкой, собравшейся вокруг Формонкрифа.

Майлз подавил раздражение. По крайней мере им удалось заставить Ришара подергаться. Иначе он сейчас не повел бы себя, как последний осел. Где же, черт подери, Доно?! Майлз рисовал на полях распечатки легкое вооружение наемников и размышлял, как же ему не хочется иметь на ближайшие лет сорок у себя за спиной Ришара Форратьера.

Народу в зале становилось все больше, шум нарастал. Было душно. Поднявшись, Майлз обошел зал по кругу, переговариваясь со своими союзниками-прогрессистами. Замолвил еще раз словечко за Рене с Доно тем, кто по его списку проходил как еще не определившийся. Прибыл Грегор. Он вошел через маленькую дверь, соединявшую зал Совета с его личным конференц-залом. Усевшись на традиционный полевой табурет лицом ко всем своим графам, он обменялся кивком с лордом-хранителем Круга Ораторов. Майлз оборвал разговор и скользнул на свое место. Ровно в назначенное время лорд-хранитель призвал зал к порядку.

По-прежнему никаких признаков Доно, черт бы его побрал! Но и в команде противников тоже игроков не хватает. Как Майлз и предсказывал Рене, несколько консерваторов затребовали положенное им право на двухминутное выступление и начали сменять друг друга в Круге, выдерживая длинные паузы между выступлениями. Все графы, хорошо знакомые с этой канителью, сверялись с часами, пересчитывали присутствующих по головам и устраивались поудобней. Грегор невозмутимо наблюдал, не проявляя ни малейших признаков нетерпения.

Майлз закусил губу, сердце учащенно забилось. Да, этот решающий момент очень похож на состояние перед битвой. Что бы он ни оставил недоделанным, сейчас уже поздно доделывать. *Пошел. Пошел. Пошел.*

Волна тревоги окатила Катриону, когда, открыв дверь, она обнаружила на пороге

дядиного дома Бэзила с Хью. За волной последовала вспышка гнева на них обоих за то, что они уничтожили былую радость при встрече с семьей. Катриона едва удержалась, чтобы не обрушиться на них с воплями, что она выполнила их требования. *По крайней мере подожди, когда начнут обвинять* . Совладав с кипящими эмоциями, она неприязненно поинтересовалась:

— Ну, что теперь вам обоим нужно?

Мужчины переглянулись.

— Можно нам войти? — спросил Хью.

— Зачем?

Бэзил стиснул руки, затем вытер взмокшую ладонь о брюки. Сегодня он был в лейтенантском мундире.

— Дело чрезвычайно важное.

У Бэзила снова было на лице нервное выражение «*на помощь! я снова попал в эту развращенную столицу!* ». Катриону сильно подмывало захлопнуть дверь у них перед носом, оставив Бэзила на милость каннибалов, которые, как он считал, живут в переулках Форбарр-Султана. Или в гардеробных. Но Хью добавил:

— Пожалуйста, Катриона. Это действительно очень важно.

Она нехотя впустила их, жестом указав пройти в кабинет тети.

Присаживаться они не стали.

— Никки здесь? — тут же спросил Бэзил.

— Да. А в чем дело?

— Я хочу, чтобы вы немедленно подготовили его к отъезду. Я хочу увезти его из столицы как можно быстрей.

— *Что?!* — Катриона едва не визжала. — Почему? Какое еще очередное вранье вы слопали? Я не виделась и не разговаривала с лордом Форкосиганом ни разу, кроме того единственного, когда сообщила ему, что я под домашним арестом. И вы на это согласились! Хью тому свидетель!

— Дело не в этом! — замахал руками Бэзил. — Я получил новые — и куда более тревожные — сведения.

— Если они из того же источника, то вы еще больший дурак, чем я подозревала, Бэзил Форсуассон!

— Я все проверил, связавшись с лордом Ришаром лично. За последние два дня я узнал куда больше об этой взрывоопасной ситуации. Как только Ришар Форратьер станет графом нынче утром, он намерен выдвинуть на Совете Графов обвинение против лорда Аудитора Форкосигана в убийстве моего кузена. А после этого, как я понимаю, хлынет кровь.

У Катрионы потемнело в глазах.

— Ох нет! Какой идиот…

Как раз в это время с кухни пришла тетя Фортиц, привлеченная громкими голосами. Тащившийся за ней следом Никки при виде напряженных лиц взрослых проглотил готовый сорваться радостный вопль «дядя Хью!».

— О, привет, Хью, — поздоровалась тетя Фортиц и чуть неуверенно добавила: — И… хм… Бэзил Форсуассон, если не ошибаюсь?

Катриона лишь вкратце передала ей с Никки содержание предыдущего визита. Никки возмутился и немного испугался. Тетя Фортиц поддержала мнение Майлза, что лучше всего дождаться возвращения профессора, чтобы он разобрался с этим недоразумением.

Хью уважительно поздоровался с ней и продолжил:

— Я вынужден согласиться с Катрионой, но это всего лишь лишний раз подтверждает, что тревога Бэзила не лишена оснований. Понять не могу, какая муха укусила Форратьера, чтобы он осмелился пойти на подобное, когда *сам* Эйрел Форкосиган в городе. Я думал, у Ришара хотя бы достанет здравого смысла не нападать на его наследника, пока вице-король не вернется на Зергияр.

— Эйрел Форкосиган! — вскричала Катриона. — Ты действительно считаешь, что

Грегор допустит такой наскок на одного из своих Аудиторов? Не говоря уж о том, что вряд ли он обрадуется, что кто-то пытается затеять такой грандиозный скандал за две недели до его свадьбы! Ришар не идиот, он просто псих!

Или охвачен дикой паникой, но с чего бы это Ришару так паниковать?

— Насколько мне известно, он псих, — сказал Бэзил. — Он же Форратьер, в конце концов. И если дело дойдет до уличных боев между высшими форами, как нам уже доводилось видеть, никто в столице не будет в безопасности. А в особенности те, кого они ухитрились затянуть в свои дела. Я хочу, чтобы к концу голосования Никки был уже далеко отсюда. Монорельс могут ведь и перекрыть, знаете. Как во время переворота Фордариана.

Он кивнул тете Фортиц в поисках подтверждения.

— Ну, это правда, — согласилась она. — Но даже во время переворота боевые действия не охватывали всю столицу. Бои были исключительно местными.

— Но в окрестностях университета бои шли! — возразил он.

— Да, немножко.

— Ты их видела? — тут же заинтересовался Никки.

— Мы только слышали звуки боя, милый, — ответила она.

— Вы, конечно, можете ехать вместе с Никки, Катриона, — неохотно добавил Бэзил. — И вы, безусловно, тоже, госпожа Фортиц. Но лучше вам все же укрыться у вашего брата. — Он указал на Хью. — Вполне возможно, принимая во внимание, что всем известно, что вы привлекли внимание лорда Форкосигана, вы можете и сами стать мишенью.

— А вам не приходило в голову, что вас самого противники Майлза используют в качестве такой мишени? Что вы позволили манипулировать вами, использовать, как их марионетку? — Катриона вдохнула поглубже, чтобы успокоиться. — Приходило ли хоть кому-нибудь из вас в голову, что Ришар Форратьер может *не получить* графства? Что оно перейдет лорду Доно?

— Этой сумасшедшей бабе? — изумился Бэзил. — Исключено!

— Не сумасшедшей и не бабе, — отрезала Катриона. — А если он станет графом Форратьером, то все эти ваши экзерсисы окажутся ни к чему.

— Я ни за что не буду ставить на это мою жизнь — или жизнь Никки, — сударыня, — высокомерно заявил Бэзил. — Если вы предпочитаете оставаться здесь и подвергаться риску — это ваше право. Но я обязан защищать Никки.

— Как и я, — ровно ответила Катриона.

— Но, мам, — встрял Никки, явно пытаясь разобраться в этой быстрой перепалке, — лорд Форкосиган не убивал па!

Бэзил чуть наклонился и сочувственно улыбнулся мальчику.

— Но откуда ты можешь это знать, Никки? — ласково сказал он. — Никто этого не может знать. В том-то и проблема.

Никки резко поджал губы и неуверенно покосился на Катриону. Он понял, насколько конфиденциальным должен оставаться его разговор с императором.

Катриона вынуждена была признать, что тревога Бэзила заразительна. Хью так точно ее подхватил. И хотя серьезные разборки между графами уже довольно давно не сотрясали Империю, вряд ли тебе будет легче, если ты попадешь под перекрестный огонь до того, как имперские войска наведут порядок.

— Бэзил, в преддверии императорской свадьбы столица кишмя кишит войсками безопасности. Любой, какого бы ранга он ни был, кто попытается затеять беспорядки, окажется задавленным прежде, чем даже успеет сообразить, что на него рухнуло. Ваши опасения… преувеличены. — Она хотела сказать *беспочвенны* , но вдруг Ришар получит графство, а следовательно, и право выдвигать обвинения против своих коллег по Совету?

— Лорд Форкосиган обзавелся опасным противником, — покачал головой Бэзил.

— Лорд Форкосиган — сам опасный противник! — Она прикусила язык, но поздно.

Бэзил некоторое время смотрел на нее, качая головой, затем обратился к Никки:

— Никки, иди собирайся. Я увожу тебя с собой.

Никки поглядел на Катриону.

— Мама? — неуверенно проговорил он.

Что там Майлз говорил насчет застарелых привычек? В свое время она всякий раз ставила желания Тьена относительно Никки превыше собственных, даже когда была не согласна, потому что он был отцом Никки, потому что у него было право. Но главным образом потому, что ей казалось жестоким вынуждать Никки выбирать между обоими родителями, каждого из которых он боготворил. Никки никогда не был разменной монетой в их конфликтах. То, что Никки по дурацким барраярским законам был заложником Тьена, имело лишь второстепенное значение.

Но, черт подери, Бэзилу Форсуассону никаких обетов она не давала! Ему не принадлежит половина любви Никки. Что, если в этой ситуации она с Никки не игрок и пешка, а союзники, объединенные против общего врага? Что тогда?

Катриона скрестила руки на груди и не проронила ни слова.

Бэзил потянулся к Никки. Тот с криком нырнул за спину матери.

— Мам, я ведь не должен ехать, да? Я вечером собирался к Артуру! Я не хочу ехать с Бэзилом!

Его голосок звенел от огорчения.

Бэзил, резко вздохнув, попытался восстановить положение и собственное достоинство.

— Сударыня, управьтесь с вашим ребенком!

Катриона посмотрела на него долгим изучающим взглядом.

— Как, Бэзил, — елейным тоном проговорила она, — мне казалось, что вы лишили меня власти над Никки. Совершенно очевидно, что вы не доверяете моим способностям позаботиться о нем и его безопасности. Так как же *я могу* управиться с ним?

Тетя Фортиц, уловив нюанс, подмигнула. Хью, многоопытный отец троих детей, тоже все понял. Катриона только что дала Никки разрешение устроить полный цирк по его усмотрению. Холостяк Бэзил ничего не уловил.

— Бэзил, вы действительно считаете, что это мудро… — слабо начала тетя Фортиц.

Бэзил жестом остановил ее и уже более жестко приказал:

— Никки, пошевеливайся. Мы должны успеть на одиннадцатичасовой поезд, отходящий с Северного вокзала!

Заложив руки за спину Никки храбро отрезал:

— Нет!

— Если мне придется тебя тащить на руках, я так и сделаю, — тоном последнего предупреждения проговорил Бэзил.

— А я заору! — заявил Никки. — И буду всем кричать, что вы меня украли! Скажу, что вы мне не отец! И все это будет правдой!

Беспокойство Хью явно возросло.

— Ради бога, Бэзил, не доводи его до истерики! Они могут орать *часами!* И при этом все смотрят на тебя, будто ты живое воплощение Пьера Кровавого, а пожилые леди подходят и угрожают…

— Как вот эта, — вмешалась тетя Фортиц. — Господа, позвольте мне разубедить вас…

Взъерошенный и побагровевший Бэзил попытался снова схватить Никки, но тот спрятался — на сей раз за бабушку.

— Я скажу им, что вы меня украли для «моральных целей», — заявил он из-за объемистого щита.

— Откуда он знает о таких вещах? — шокированно спросил Бэзил у Хью.

— Да просто услышал где-нибудь фразу, — отмахнулся Хью. — Знаешь, дети часто повторяют всякую всячину.

Бэзил совершенно очевидно этого не знал. Плохая память, возможно?

— Никки, послушай, — убедительным тоном начал Хью, чуть подавшись вперед, чтобы видеть укрывшегося за спиной бабушки Никки. — Если ты не хочешь ехать с Бэзилом, то, быть может, согласишься немного погостить у меня и тети Розали, пообщаться с

мальчиками?

Никки заколебался. Катриона тоже. Возможно, еще чуть-чуть, и задумка бы удалась, но тут Бэзил, воспользовавшись моментом, схватил Никки за руку.

— Ха! Поймал!

— А-а-а! — истошно заверещал Никки.

Может быть, это случилось потому, что Бэзил не обладал тренированным родительским слухом, способным запросто отличить крик боли от шумового эффекта, но, когда Катриона мрачно шагнула вперед, он отшатнулся и машинально ослабил хватку. Никки рванулся и помчался к лестнице.

— Не поеду! — вопил он, взлетая по ступенькам. — Не хочу и не поеду! Мама *не хочет* , чтобы я уезжал! — Добравшись до верха, он круто развернулся и, пятясь, крикнул Бэзилу, ринувшемуся за ним вдогонку: — Вы еще пожалеете, что расстроили маму!

Хью, на десять лет старше и куда более опытный, с досадой покачал головой и последовал за Бэзилом, но куда медленней. Тетя Фортиц, очень расстроенная и чуть посеревшая, пошла следом. Наверху хлопнула дверь.

Катриона с колотящимся сердцем подоспела наверх, когда Бэзил, стоя у двери кабинета дяди Фортица, дергал за ручку.

— Никки! Открой дверь! Немедленно отопри, слышишь! — Бэзил умоляюще поглядел на Катриону. — Да сделайте же что-нибудь!

Катриона улыбнулась:

— Я знаю только одного человека, способного выманить Никки из-за запертой двери. И его здесь нет.

— Прикажите ему выйти!

— Раз уж вы твердо вознамерились взять его под свою опеку, то это ваши проблемы, Бэзил, — холодно сообщила ему Катриона. И не стала вмешиваться *в первую из многих* выходок сына.

Добравшийся наконец до верха запыхавшийся Хью сказал:

— Обычно они постепенно успокаиваются и в конечном итоге выходят. Что происходит довольно быстро, если там нет еды.

— Никки знает, где профессор прячет лакомства, — ни к кому не обращаясь, произнесла тетя Фортиц.

Бэзил выпрямился и оценивающе посмотрел на толстую дверь и крепкие металлические петли.

— Полагаю, ее можно высадить, — не очень уверенно проговорил он.

— Не в моем доме, Бэзил Форсуассон! — отрезала тетя Фортиц.

— Ну, тогда принесите мне отвертку! — Бэзил повернулся к Катрионе.

Она не стронулась с места.

— Ищите сами. — Произносить вслух «тупой солдафон» она не стала, но ее, похоже, поняли.

Бэзил сердито фыркнул, но тут же снова склонился к двери.

— Чем он там занят? Я слышу голоса.

Хью тоже приблизился.

— Кажется, говорит по комму.

Тетя Фортиц быстро глянула в направлении своей спальни. Оттуда имелась дверь в ванную, из которой другая дверь вела в кабинет профессора. Что ж, если тетя Фортиц не соизволила сообщить о существовании обходного пути, то с какой стати это делать Катрионе?

— Я слышу два голоса. Кому он, к черту, может звонить по комму? — вопросил Бэзил явно риторически.

Внезапно Катриона подумала, что знает кому. И у нее перехватило дыхание.

— О боже! — едва слышно выдохнула она. Тетя Фортиц внимательно посмотрела на нее.

Какой-то истеричный момент Катриона раздумывала, не рвануться ли в обход и выключить комм, пока не поздно. Но тут припомнила смеющийся голос… *«И поглядим, что будет»* .

Да. Поглядим .

Один из союзных Борису Формонкрифу графов разглагольствовал в Круге Ораторов. Майлз размышлял, сколько еще может продлиться эта тактика проволочек. Грегор явно начал крепко скучать.

Из маленького конференц-зала появился личный оруженосец императора, поднялся на возвышение и что-то прошептал на ухо своему повелителю. Грегор явно чему-то удивился, что-то сказал и велел оруженосцу идти. Едва заметным жестом он подозвал лорда-хранителя Круга Ораторов, и тот рысцой приблизился к нему. Майлз напрягся, полагая, что озверевший Грегор сейчас прикажет завязывать эту богадельню и приступать к голосованию. Но вместо этого лорд-хранитель лишь кивнул и вернулся на свое место. Грегор встал и исчез в двери за возвышением. Выступающий граф покосился на это передвижение, чуть помедлил, затем продолжил. Должно быть, какая-нибудь ерунда, успокоил себя Майлз. Даже императорам приходится посещать сортир.

Майлз воспользовался моментом, чтобы снова связаться со своим оруженосцем.

— Пим? Что там с Доно?

— Только что получил подтверждение из особняка Форратьеров, — отрапортовал Пим. — Доно выехал. Его сопровождает капитан Форпатрил.

— Только сейчас?!

— Похоже, он появился у себя дома меньше часа назад.

— Чем он занимался всю ночь? — Не шлялся же, в самом деле, по бабам на пару с Айвеном в ночь перед голосованием? Хотя, с другой стороны, возможно, он захотел кое-что доказать… — Ладно, не важно. Просто позаботься, чтобы он добрался сюда в целости и сохранности.

— Мы этим занимаемся, м’лорд.

Грегор и правда вернулся примерно через такой промежуток времени, какой нужно, чтобы отлить. Он взгромоздился обратно на свой табурет, не обращая внимания на Круг Ораторов, но кинул на Майлза странный досадливый и несколько смешливый взгляд. Майлз выпрямился и уставился на него. Но Грегор больше никаких подсказок не дал. Он снова стал невозмутим, а это могло означать что угодно: от зубодробительной скуки до тотального бешенства.

Майлз не собирался доставлять удовольствие противникам видеть, как он глодает ногти. Скоро у консерваторов иссякнут ораторы, если только не прибудет кто-нибудь еще из их команды. Майлз еще раз пересчитал головы, точнее, пустые места. Для столь важного голосования количество отсутствующих было велико. Отсутствовали Фортугаров со своим депутатом, как и обещала леди Элис. Также отсутствовали, что слабо поддавалось объяснению, Форхалас, Форпатрил, Форвользе и Формюир. Поскольку трое из них, а возможно, и все четверо — убежденные консерваторы и намеревались соответственно голосовать, то потеря невелика. Майлз снова принялся рисовать на полях ножи, сабли, гранаты и все такое и ждал.

— …сто восемьдесят девять, сто девяносто, сто девяносто один, — с огромным удовольствием считал Энрике.

Карин оторвалась от работы за лабораторным коммом и развернулась, чтобы посмотреть на эскобарского ученого. Тот с помощью Марсии заканчивал инвентаризацию отловленных форкосигановских жучков-маслячков, одновременно пересаживая их в свежевычищенный поддон из нержавеющей стали.

— Не хватает всего лишь девяти, — радостно сообщил Энрике. — Убыток меньше пяти процентов. Вполне допустимые потери при данных обстоятельствах, по-моему. Пока у

меня есть *ты* , моя дорогая.

Он потянулся к Марсии и достал стоявшую позади нее банку, в которой находилась королева форкосигановских жучков-маслячков, принесенная лишь прошлой ночью младшей дочкой оруженосца Янковского. Наклонив банку, он нежно вытряхнул королеву себе на ладонь. За время отсутствия жучиха подросла на добрых два сантиметра, согласно замерам Энрике, и теперь занимала всю ладонь и даже свешивалась. Он поднес ее к лицу, ласково причмокивая и поглаживая кончиками пальцев жесткие надкрылья. Тварюшка крепко вцепилась коготками в его палец и шипела в ответ.

— Такой звук они издают, когда счастливы, — проинформировал Энрике Марсию в ответ на ее скептический взгляд.

— А!

— Хочешь ее погладить? — протянул он ей гигантского жука.

— Ну… почему бы и нет? — Марсия повторила операцию, за что была вознаграждена очередным шипением. Жучиха выгнула спинку. Марсия криво улыбнулась.

Карин подумала про себя, что всякий мужчина, чье представление о хорошо проведенном времени сводится к тому, чтобы кормить, ласкать и ухаживать за существом, по преимуществу отвечавшим на его заботу злобным шипением, отлично подходит Марсии. Энрике, еще немного поворковав над королевой, пустил ее в поддон, чтобы там о ней позаботились, накормили и почистили ее рабочие отпрыски.

Карин кисло вздохнула и вернулась к расшифровке каракулей Марка, представляющих собой анализ себестоимости и продажной цены пяти основных пищевых продуктов, предлагаемых их предприятием. Придумать им всем название — та еще история. Идеи Марка прямолинейны как полено, Майлза спрашивать бесполезно, поскольку все его предложения главным образом сводились к «блевотная ваниль» или «тараканья отрыжка».

Нынче утром в особняке Форкосиганов царила тишина. Все оруженосцы, которых не забрал с собой Майлз, отправились с вице-королем и вице-королевой на какой-то официальный завтрак в честь будущей императрицы. Большей части прислуги на утро дали выходной. Марк ухватился за возможность — и матушку Кости как постоянного консультанта по усовершенствованию продукции — и отправился посмотреть на работу небольшого упаковочного предприятия. Ципис нашел точно такое же предприятие, перебиравшееся в другое место побольше, в Хассадаре, и обратил внимание Марка на оставляемое ими оборудование как на возможное месторасположение головного предприятия по производству продукции из жучьего маслица.

Утренний путь Карин на работу был коротким. Вчера вечером она в первый раз ночевала в особняке Форкосиганов. К ее тайной радости, к ней с Марком отнеслись не как к детям или преступникам либо идиотам, а с тем же уважением, как к любой взрослой паре. Они заперли за собой дверь комнаты Марка, а что происходило за ней, не касалось никого, кроме их двоих. Утром Марк отчалил по своим делам, насвистывая — и безбожно фальшивя, поскольку явно разделял полное отсутствие музыкальных способностей своего брата-породителя. Карин мурлыкала себе под нос куда более мелодично.

Она обернулась на нерешительный стук в дверной косяк лаборатории. В дверях стола одна из горничных, чем-то явно озабоченная. Как правило, прислуга особняка Форкосиганов избегала появляться в коридоре, где находилась лаборатория. Некоторые боялись жучков-маслячков. Но большинство опасалось обрушить себе на голову однолитровые контейнеры с жучьим маслицем, штабеля которых теперь возвышались чуть ли не до потолка вдоль стен коридора. И все быстро усвоили, что всякого, кто рискнет появиться в этом коридоре, тут же утащат попробовать очередной образец продукции из жучьего маслица. Эта последняя угроза обеспечила лаборатории тишину и спокойствие. Стоявшая в дверях юная леди, насколько помнила Карин, разделяла все эти три предубеждения.

— Мисс Куделка, мисс Куделка… доктор Боргос, к вам посетители.

Шагнув в сторону, горничная впустила в лабораторию двоих мужчин. Один был тощим, второй… здоровенным. На обоих были помятые костюмы в эскобарском стиле, как

опознала Карин по опыту общения с Энрике. Тощий моложавый мужчина средних лет — или старообразный молодой человек, трудно сказать, — держал папку бумаг. Здоровенный просто молча возвышался.

Тощий шагнул вперед и обратился к Энрике:

— Это вы — доктор Энрике Боргос?

Энрике обернулся на эскобарский акцент, дыхание родного дома, по которому наверняка соскучился за время долгого одинокого пребывания среди барраярцев.

— Да?

Тощий радостно всплеснул руками:

— Наконец-то!

Энрике с застенчивой радостью улыбнулся.

— О, вы слышали о моей работе? Вы, часом… не инвесторы?

— Вряд ли, — ехидно ухмыльнулся тощий. — Я — судебный пристав Оскар Густиоз, а это — мой помощник, сержант Муно. Доктор Боргос, — официально положил Густиоз руку на плечо Энрике, — вы арестованы по приказу Всепланетных Кортесов Эскобара за мошенничество, хищение в особо крупных размерах, неявку в суд и конфискацию предоставленного залога.

— Но это же Барраяр! — выдохнул Энрике. — Вы не можете арестовать меня здесь!

— О нет, могу, — мрачно заверил его Густиоз. Он плюхнул на стул, только что освобожденный Марсией, папку с документами и раскрыл ее. — Вот тут у меня разложены по порядку: официальный ордер на арест, выданный Кортесами, — начал он перелистывать бумаги, все с печатям и штампами, — разрешение на экстрадицию, выданное посольством Барраяра на Эскобаре с тремя сопроводительными запросами, подтвержденными уже здесь, в Имперской Канцелярии Форбарр-Султана; предварительный и окончательный ордеры на арест, выданный графской канцелярией округа Форбарра; *восемнадцать* отдельных разрешений на перевозку заключенного с барраярских пересадочных станций отсюда до дома; и наконец, последнее, но не менее важное, разрешение Городской Гвардии Форбарр-Султана, подписанное самим лордом Форбоном. У меня ушел почти месяц на то, чтобы прорваться сквозь все эти бюрократические рогатки и препоны, и я не намерен оставаться на этой отсталой планете ни одного лишнего часа. Вы можете взять один чемодан, доктор Боргос.

— Но Марк заплатил за Энрике залог! — вскричала Карин. — Мы его купили! Он теперь наш!

— Конфискация залога не снимает обвинения, мисс, — холодно проинформировал ее эскобарский офицер, — а лишь добавляет статью.

— Но… почему вы арестовываете Энрике, а не Марка? — озадаченно спросила Марсия. Она не сводила глаз с пачки документов.

— Не выдвигай идей, — сквозь зубы шикнула на нее Карин.

— Если вы имеете в виду того опасного психа, известного как лорд Марк Пьер Форкосиган, мисс, то я пытался. Поверьте, пытался. Я убил полторы недели, пытаясь собрать необходимые документы. У него дипломатический иммунитет класса III, защищающий его практически от всего, за исключением предумышленного убийства. К тому же обнаружил, что стоит мне правильно произнести его фамилию, как передо мной мгновенно вырастает каменная стена тупости, которую мне демонстрировал каждый барраярский клерк, секретарь, сотрудник посольства и бюрократ, с которым я встречался. Какое-то время я даже боялся свихнуться. Но в конце концов смирился с разочарованием.

— И лекарства тоже помогли, мне кажется, сэр, — любезно заметил Муно, за что удостоился свирепого взгляда руководства.

— Но *вы* от меня не уйдете, — продолжил Густиоз, обращаясь к Энрике. — Один чемодан. Немедленно.

— Вы не имеете права так вот, без всякого предупреждения, вламываться сюда и увозить его! — запротестовала Карин.

— Дорогая мисс, вы хотя бы имеете представление, каких усилий мне стоило обеспечить, чтобы его *не предупредили?* — вопросил Густиоз.

— Но Энрике нам *необходим!* Он для нашего нового предприятия *все!* Он — весь наш научно-исследовательский и внедренческий отдел. Без Энрике никогда не будет никаких пожирающих барраярскую аборигенную растительность жучков-маслячков!

Без Энрике не будет никакого предприятия по производству продукции из жучьего маслица, и все акции обратятся в ничто. Ее летняя работа, все организационные труды Марка пойдут псу под хвост. Никаких доходов, никакой прибыли, никакой взрослой независимости, никакого забавного секса с Марком — лишь куча долгов, бесчестие и вся толпа родственников, выстроившихся в ряд со словами «я ведь тебя предупреждал(а)».

— Вы не можете его увести!

— Наоборот, мисс, — возразил офицер Густиоз, кладя документы назад в папку. — Могу и увезу.

— Но что ждет Энрике на Эскобаре? — спросила Марсия.

— Суд, — со злорадным удовольствием ответил Густиоз, — за которым, как я искренне надеюсь, последует тюрьма. И очень-очень надолго. И надеюсь, судебные издержки. Бухгалтерия на визг изойдет, когда я предоставлю им отчет о транспортных расходах. Это все равно что в отпуск слетать, говорила моя начальница. Ты через две недели уже будешь дома, говорила. Я не видел жены и детей два месяца…

— Но это же чудовищно невыгодно, — возмутилась Марсия. — Зачем запирать его в клоповник на Эскобаре, когда он может принести реальную пользу человечеству *здесь?*

Надо полагать, она тоже быстренько прикинула быстро уменьшающуюся стоимость собственных акций, подумала Карин.

— Это касается лишь доктора Боргоса и его рассерженных кредиторов, — ответил Густиоз. — Я лишь выполняю мою работу. Наконец-то.

Энрике выглядел ужасно расстроенным.

— Но кто позаботится о моих бедных девочках? Вы не понимаете!

Густиоз заколебался.

— В ордерах ничего не сказано об иждивенцах, — слегка встревоженно произнес он, растерянно глядя на Карин с Марсией.

— И вообще как вы сюда попали? Как прошли мимо охранника в воротах? — задала вполне резонный вопрос Карин.

Густиоз помахал кипой документов.

— Постранично. На это ушло сорок минут.

— Охранник настоял на проверке каждой бумаги, — разъяснил Муно.

— Где Пим? — резко спросила Марсия горничную.

— Уехал с лордом Форкосиганом, мисс.

— Янковский?

— Он тоже.

— Остальные?

— Остальные уехали с милордом и миледи.

— Черт! А Роик?

— Спит, мисс.

— Пришли его сюда.

— Он терпеть не может, когда его будят после дежурства, мисс, — нервно возразила горничная.

— Пришли его!

Горничная нехотя двинулась к выходу.

— Муно, — приказал наблюдавший с растущей тревогой за этим обменом репликами Густиоз, — давай!

Он указал на Энрике.

— Есть, сэр. — Муно схватил Энрике за локоть.

Марсия мгновенно вцепилась в другую руку Энрике.

— Нет! Подождите! Вы не можете его забрать!

Густиоз хмуро глядел вслед уходившей горничной.

— Пошли, Муно.

Муно потащил. Марсия потянула в обратную сторону. Энрике взвыл «уй!». Карин схватила первый попавшийся под руку подходящий предмет, оказавшийся металлическим метром, и приблизилась к троице. Густиоз сунул папку с документами под мышку и попытался оттащить Марсию.

— Поторопись! — рявкнула Карин горничной и попыталась опрокинуть Муно, сунув металлический метр ему между колен. Поскольку все крутились вокруг Энрике, то ее затея удалась. Муно выпустил Энрике, который упал на Марсию с Густиозом. В отчаянной попытке устоять на ногах Муно с размаху зацепился рукой о край поддона с жучками, стоявший на краю стола.

Стальной ящик взлетел в воздух. Сто девяносто два обалдевших коричнево-серебристых жучка-маслячка веером разлетелись во все стороны по лаборатории. Но, поскольку они обладали аэродинамическими способностями небольшого кирпича, то посыпались борющимся людям на головы и под ноги. Ящик одновременно с Муно с лязгом грохнулся об пол. Густиоз, пытаясь укрыться от неожиданной атаки с воздуха, выронил папку. Бумажки с разноцветными печатями присоединились к полету жучков-маслячков. Энрике взвыл как одержимый. Муно завопил, отчаянно пытаясь стряхнуть с себя жучков, и попытался забраться на стул.

— Полюбуйтесь, что вы натворили! — заорала Карин на эскобарских полицейских. — Вандализм! Нападение! Уничтожение собственности! Уничтожение собственности *форлорда* на самом *Барраяре!* У вас теперь проблемы, парни!

— А-а! — верещал Энрике, стараясь стоять на цыпочках, чтобы свести к минимуму бойню на полу. — Мои девочки! Мои бедные девочки! Смотрите, куда наступаете, вы, убийцы безмозглые!

Королева, благодаря своем изрядному весу пролетевшая по кратчайшей траектории, приземлилась под лабораторным столом.

— Что это за жуткие твари? — взвизгнул Муно со своего насеста на качающемся стуле.

— Ядовитые жуки, — злорадно сообщила ему Марсия. — Новое барраярское секретное оружие. Везде, где они прикоснутся к телу, плоть распухнет, почернеет и отвалится.

Она предприняла храбрую попытку засунуть стрекочущего жучка эскобарцу за шиворот или в штаны, но он отшвырнул ее.

— Ничего они не ядовитые! — возмущенно запротестовал продолжавший стоять на цыпочках Энрике.

Густиоз, стоя на карачках, сердито подбирал с пола разлетевшиеся бумаги, стараясь не прикоснуться к ползающим жучкам и не дать им коснуться себя. Когда он встал, лицо его было багровым.

— Сержант! — проревел он. — Слазьте оттуда! Хватайте арестованного! Мы уходим *немедленно!*

Муно, справившись с растерянностью и слегка смущенный тем, что старший по званию оказался свидетелем его столь постыдной ретирады, осторожненько слез со стула и снова схватил Энрике — на сей раз профессиональным полицейским захватом. Он поволок Энрике к двери. Густиоз подобрал свои последние бумажки и сунул как попало в папку.

— А положенный мне один чемодан? — запричитал Энрике, когда Муно потащил его по коридору.

— Я куплю вам зубную щетку в космопорте, черт подери! — прошипел ползущий следом запыхавшийся Густиоз. — И смену белья тоже. Заплачу из собственного кармана! Все что угодно, только прочь отсюда! Прочь!

Карин с сестрой столкнулись, оказавшись в дверях одновременно, и поэтому чуть задержались. Они вылетели в коридор, по которому уводили их будущее биотехническое

состояние, все еще громко объясняющее, что жучки-маслячки — совершенно безобидные и полезные симбиоты.

— Мы не можем допустить, чтобы его увезли! — крикнула Марсия.

Едва Карин обрела равновесие, как ей на голову и плечи посыпались контейнеры, разлетаясь по полу.

— Уй! — Она поймала пару весящих килограмм с чем-то картонок и уставилась вслед удаляющимся мужчинам. Прицелившись в спину замыкавшего цепочку Густиоза, она перехватила контейнер в правую руку и замахнулась. Марсия, уворачиваясь от сыплющихся контейнеров у другой стены, поглядела на сестру округлившимися глазами, затем понятливо кивнула, тоже набрала таких же снарядов.

— Товсь! — выдохнула Карин. — Цельсь…

Глава 19

На прибытие в дом лорда Аудитора Фортица команде Имперской службы безопасности понадобилось вовсе не две минуты, а почти четыре. Катриона, услышав, как открылась входная дверь, прикинула, будет ли грубостью с ее стороны указать на это серьезному молодому капитану, поднимавшемуся по лестнице вместе со здоровенным мрачным громилой-сержантом. Пожалуй, не стоит. Бэзил все еще выкрикивал тщетные угрозы и посулы закрытой двери. Хью с растущим раздражением наблюдал за ним. По ту сторону двери царила тишина.

При появлении новых действующих лиц Хью и Бэзил обернулись и в полном ступоре уставились на пришельцев.

— Да кому же он, к черту, звонил? — пробормотал Бэзил.

Офицер СБ проигнорировал обоих и вежливо козырнул тете Фортиц, глаза которой лишь на мгновение широко распахнулись.

— Госпожа профессор Фортиц.

— Госпожа Форсуассон, — кивнул он Катрионе. — Прошу простить за вторжение. Мне сообщили, что здесь происходит какая-то ссора. Мой царственный повелитель просит и требует, чтобы я задержал всех присутствующих.

— Мне кажется, я понимаю, капитан… э… Сфалерос, если не ошибаюсь? — тихо ответила тетя Фортиц.

— Да, мэм. — Кивнув ей, он обратился к Хью с Бэзилом: — Назовитесь, пожалуйста.

Хью первым обрел дар речи.

— Меня зовут Хью Форвейн. Я старший брат вот этой леди, — указал он на Катриону.

Бэзил, автоматически вставший по стойке «смирно», не мог оторвать глаз от горящего в петлицах капитана Глаза Гора.

— Лейтенант Бэзил Форсуассон. В настоящее время приписан к ОКТ, база форта Китер. Я опекун Никки Форсуассона. Капитан, мне очень жаль, но боюсь, что это ложная тревога.

— Конечно, мальчик очень виноват, сэр, но ему всего девять лет, — поторопился внести ясность Хью, — и он очень расстроен некоторыми семейными проблемами. Никакой опасности нет. Мы заставим его извиниться.

— Меня это не касается, сэр. У меня приказ. — Повернувшись к запертой двери, он достал из-за обшлага маленькую бумажку, глянул на торопливо написанные строчки и вежливо постучал в дверь. — Мастер Николас Форсуассон?

— Кто это? — послышался голосок Никки.

— Командир роты капитан Сфалерос, Имперская безопасность. Вам приказано проследовать со мной.

Скрипнул замок. Дверь распахнулась. Никки, торжествующий и напуганный одновременно, уставился на офицера, потом на висящее у того на поясе смертельное оружие.

— Есть, сэр, — каркнул он.

— Пожалуйста, пройдемте, — указал капитан на лестницу. Сержант шагнул в сторону.

— За что меня арестовывают?! — чуть ли не взвыл Бэзил. — Я ничего не сделал!

— Вы не арестованы, сэр, — терпеливо разъяснил капитан, — а задержаны для допроса. — Повернувшись к тете Фортиц, он добавил: — Вас, конечно, никто не задерживает, мэм. Но мой царственный повелитель искренне приглашает вас составить компанию вашей племяннице.

Тетя Фортиц явно колебалась. В глазах ее зажглось любопытство.

— Пожалуй, я приму приглашение, капитан. Спасибо.

Капитан коротко кивнул сержанту, который тут же поторопился предложить тете Фортиц руку, чтобы помочь сойти по ступенькам. Никки обогнул Бэзила по широкой дуге и вцепился в руку Катрионы.

— Но… но… *почему?* — пролепетал Хью.

— Мне об этом ничего не известно, сэр, — ответил капитан тоном, исключающим дальнейшие расспросы. Он снизошел лишь до короткого: — Полагаю, вы можете об этом спросить там, куда вас доставят.

Катриона с Никки пошли за тетей Фортиц и сержантом. Хью с Бэзилом вынужденно присоединились к коллективу. Дойдя до нижней ступеньки, Катриона увидела, что Никки босой.

— Ботинки! — ахнула она. — Никки, где твои ботинки?

За этим последовала короткая заминка, пока Катриона слетала обратно наверх, где обнаружила один башмак под коммом тети, а второй — у дверей кухни. Когда они вышли на улицу, Катриона крепко сжимала их в руке.

На дорожке стоял огромный сверкающий черный аэрокар, раздавив одним краем небольшой кустик маргариток, а другим едва не задев явор. Сержант помог обеим дамам и Никки расположиться в заднем отсеке и отошел в сторонку, чтобы проследить за посадкой Хью с Бэзилом. Капитан сел с ними. Сержант разместился в переднем отсеке рядом с водителем, и машина резко набрала высоту, сорвав с явора несколько веток. Аэробус шел на большой скорости и на высоте, зарезервированной для спецмашин, пролетая куда ближе к крышам, чем привыкла Катриона.

Бэзил еще не очухался, чтобы хотя бы сформулировать вопрос «куда вы нас везете?», а Катриона только-только успела засунуть ноги Никки в ботинки и застегнуть «липучки», как они уже прибыли в замок Форхартунг. Сады вокруг замка цвели самым разнообразным цветом, переливаясь густой летней листвой. В долине сверкала река. Над бастионами развевались графские знамена, сигнализируя, что идет заседание Совета. Катриона обнаружила, что ищет взглядом коричневый с серебром стяг. Господи, да вот же он! Серебряный герб с изображением кленовых листьев сверкал на солнце. Парковочные места были все забиты до отказа. Оруженосцы в разноцветных мундирах полусотни округов, сверкающие, как огромные птицы, болтали между собой, сидя или стоя между машинами. Аэрокар службы безопасности мягко сел на пустое место прямо возле бокового входа.

Знакомый мужчина средних лет в ливрее цветов Форбарра поджидал их. Техник просканировал всех, включая Никки. Ливрейный слуга повел их по узким коридорам мимо стражей, вооруженных и экипированных отнюдь не историческими реликвиями. Капитан замыкал цепочку. Слуга привел их в небольшую комнату, где имелся стол для проведения видео-конференций, комм, кофеварка — и практически больше ничего.

Слуга, обходя вокруг стола, указывал каждому его место возле стульев. Персонально для тети Фортиц он подтащил кресло, приговаривая:

— Не соблаговолите ли присесть, госпожа профессор Фортиц?

Оглядев результат своих трудов, он довольно кивнул и исчез в маленькой дверце в противоположной стене.

— *Где* это мы? — шепотом спросила Катриона тетю.

— Вообще-то в этой комнате ни разу еще не была, но, *по-моему* , мы непосредственно за императорским возвышением в зале Совета, — так же шепотом ответила госпожа

профессор.

— *Он* сказал, — чуть виновато пробормотал Никки, — что все это для него слишком сложно, чтобы разобраться по комму.

— *Кто* сказал, Никки? — нервно переспросил Бэзил.

Катриона увидела, что маленькая дверь позади него снова открылась. И вошел император Грегор, тоже сегодня облаченный в мундир Дома Форбарра. Он серьезно улыбнулся Катрионе и кивнул Никки.

— Пожалуйста, не надо вставать, профессор, — мягко остановил он попытавшуюся было встать тетю Фортиц.

Бэзил с Хью, оба совершенно ошалелые, вытянулись по стойке «смирно».

— Благодарю, капитан Сфалерос, — добавил он, обращаясь к офицеру СБ. — Можете возвращаться к своим обязанностям.

Капитан, откозыряв, удалился. Катрионе было интересно, узнает ли этот парень когда-нибудь, какого лешего на него свалилась эта непонятная работа извозчика, или события сегодняшнего дня так и останутся для него загадкой.

Слуга Грегора, вошедший следом за своим хозяином, придержал для него стул во главе стола.

— Пожалуйста, рассаживайтесь, — бросил Грегор гостям, опускаясь на стул. — Приношу свои извинения за ваше столь резкое перемещение, но я действительно не могу отлучаться надолго с этого заседания. Они могут перестать толочь воду в ступе в любой момент. Надеюсь. — Он вытянул руки на столе. — Ну а теперь, может, кто-нибудь соизволит объяснить мне, почему Никки считает, что его пытаются увезти вопреки воле его матери?

— Полностью вопреки моей воле, — подтвердила Катриона. — Для протокола.

Грегор, приподняв бровь, посмотрел на Бэзила. Бэзил, похоже, впал в ступор.

— Вкратце, если можно, лейтенант, — подтолкнул его Грегор.

Военная дисциплина выдернула Бэзила из состояния стасиса, в котором он пребывал.

— Есть, сир! — гаркнул он. — Мне сказали… Лейтенант Алекс Формонкриф позвонил мне сегодня рано утром и сказал, что если лорд Ришар Форратьер получит сегодня графство, то он выдвинет на Совете Графов обвинение против лорда Майлза Форкосигана в убийстве моего кузена Тьена. Алекс сказал… Алекс опасался, что за этим могут последовать беспорядки в столице. Я испугался за безопасность Никки и пришел, чтобы забрать его в более безопасное место до тех пор, пока… пока все не утрясется.

Грегор потер подбородок.

— Это была ваша идея или Алекса?

— Я… — Бэзил запнулся и нахмурился. — Вообще-то это Алекс предложил.

— Понятно. — Грегор глянул на слугу, стоящего в ожидании у стены, и чуть жестко произнес: — Жерар, возьмите на заметку. Уже в третий раз за последний месяц очень занятой лейтенант Формонкриф привлекает мое негативное внимание в делах, касающихся политических сфер. Напомните нам подыскать ему место службы где-нибудь в Империи, где он будет не так занят.

— Слушаюсь, сир, — пробормотал Жерар. Записывать он ничего не стал, но Катриона сомневалась, что в этом есть необходимость. Не обязательно обладать чипом эйдетической памяти, чтобы помнить все, что говорит Грегор. Ты просто помнишь, и все.

— Лейтенант Форсуассон, — оживленно заговорил Грегор, — боюсь, что слухи и сплетни вечно гуляют по столице. Вас удивило бы количество сотрудников Имперской безопасности, которые только тем и занимаются, что пытаются отделить правду от вымысла. И мне кажется, неплохо с этим справляются. Согласно профессиональной оценке моих аналитиков СБ, у этой клеветы на лорда Форкосигана ноги растут вовсе не из комаррских событий — о которых я абсолютно в курсе, — а состряпана она гораздо позже группой… хм… ну, недовольных, это громко сказано — расстроенных лиц, разделяющих определенные политические взгляды, которые сочли ее подходящей для того, чтобы доставить лорду Форкосигану неприятности.

Дав Бэзилу с Хью некоторое время переварить сказанное, Грегор продолжил:

— Ваша паника преждевременна. Даже *я* не знаю, чем закончится сегодняшнее голосование. Но можете быть уверены, лейтенант, что моя защитная длань простерта над вашими родственниками. Ни один волос не упадет с головы домочадцев лорда Аудитора Фортица. Ваше беспокойство понятно, но излишне. — Тон его стал чуть прохладней. — А вот ваша доверчивость куда менее понятна. Потрудитесь это исправить.

— Есть, сир, — гаркнул Бэзил. К этому моменту глаза у него уже вылезли на лоб.

Никки застенчиво улыбнулся Грегору. Грегор ответил ему не чем-то столь заметным, как подмигивание, а лишь на мгновение чуть расширив глаза. Никки довольно поерзал.

Катриона подпрыгнула, когда в дверь из коридора постучали. Слуга пошел выяснить, в чем дело. После тихих переговоров он впустил очередного офицера службы безопасности, на сей раз майора. Грегор жестом велел ему подойти. Майор оглядел странных гостей императора и, наклонившись, что-то зашептал ему на ухо.

— Так, — сказал Грегор. Затем снова повторил: — Так. Давно пора. Отлично. Приведите его прямо сюда.

Офицер кивнул и отбыл.

Грегор улыбнулся аудитории. Тетя Фортиц ответила ему лучезарной улыбкой, а Катриона — застенчивой. Хью тоже беспомощно улыбнулся, но выглядел потрясенным. Катриона вспомнила, что Грегор часто производит такое впечатление на людей при первой встрече.

— Боюсь, я буду довольно занят некоторое время, — произнес Грегор. — Никки, заверяю тебя, что сегодня никто не заберет тебя у мамы. — Говоря это, он стрельнул глазами на Катриону, едва заметно кивнув ей. — Я с удовольствием послушаю обо всех прочих твоих проблемах по окончании заседания Совета. Оруженосец Жерар найдет вам места на галерее, откуда вы сможете наблюдать за ходом заседания. Никки это может оказаться полезным.

Катриона не знала, приглашение это или приказ, но отказаться так или иначе было невозможно. Грегор повернул руку ладонью вверх. Все встали, за исключением тети Фортиц, которой театрально помог подняться оруженосец. Жерар вежливым жестом пригласил их пройти.

Грегор, чуть подавшись вперед, тихо добавил специально для Бэзила:

— Госпожа Форсуассон пользуется моим безграничным доверием, лейтенант. Рекомендую вам предоставить ей и ваше.

Бэзил сподобился лишь на что-то вроде «иксир!». Вся команда вышла в коридор. Хью таращился на свою младшую сестру с таким изумлением, будто у нее выросла вторая голова.

Где-то посреди узенького коридора им пришлось выстроиться в цепочку, поскольку навстречу им попался возвращавшийся майор. Катриона изумленно увидела, что он сопровождает на редкость отвратительно выглядевшего Байерли Форратьера. Бай был небрит, его дорогой вечерний костюм измят так, будто в нем спали, к тому же довольно сильно запачкан. Припухшие глаза были красными, как у упыря. Проходя мимо Катрионы, он, узнав ее, вздернул брови и ухитрился на ходу отвесить ироничный полупоклон, прижав руку к сердцу.

Хью повернул голову вслед удаляющейся понурой фигуре Бая:

— Ты знаешь этого странного малого?

— Один из моих поклонников, — тут же воспользовалась Катриона возможностью отыграться. — Байерли Форратьер. Кузен и Ришара, и Доно. Обедневший, неосторожный и порочный до мозга костей, но очень остроумный… если тебе нравится черный юмор.

Предоставив Хью размышлять о том, что на несчастную беззащитную вдову могут обрушиться куда более серьезные неприятности, чем внимание некоего недомерочного наследника графа, она прошествовала за оруженосцем в кабину лифта. Лифт доставил группу на второй этаж, где они, пройдя по очередному узкому коридору, подошли к двери на галерею. Возле нее стоял охранник из службы безопасности. Второй занимал позицию

наискосок от него в дальнем конце галереи.

Галерея над залом Совета заполнена на две трети. Гомон голосов переговаривающихся между собой дам в великолепных туалетах и мужчин в мундирах и гражданских костюмах. Катриона вдруг ощутила себя тихой и невзрачной в своем вдовьем черном платье. Особенно она почувствовала это, когда оруженосец Грегора освободил для них места в центре первого ряда, вежливо, но решительно и без объяснений попросив пятерых молодых людей пересесть. Человеку, облаченному в *такую* ливрею, противоречить не смел никто. Катриона виновато улыбнулась им, когда молодые люди просачивались мимо нее. Те ответили им любопытными взглядами. Катриона усадила Никки между собой и тетей. Бэзил с Хью устроились справа от нее.

— Вы были здесь раньше? — шепотом спросил Бэзил, глядя по сторонам не менее широко открытыми глазами, чем у Никки.

— Нет, — ответила Катриона.

— Я был тут много лет назад со школьной экскурсией, — поведал Хью. — Но тогда никакого заседания Совета не было, естественно.

Только тетю Фортиц ничуть не смущало окружение. Но ведь она как историк частенько посещала архивы замка Форхартунг еще до того, как дядю Фортица назначили Имперским Аудитором.

Катриона принялась изучать зал Заседаний, простиравшийся внизу, как сцена. В целом зрелище было колоритное, поскольку все графы на заседание облачались в самые элегантные модели мундиров своих Домов. В этой разноцветной какофонии она поискала маленькую фигурку в мундире, как могло бы показаться многим, незаметного и сдержанного сочетания коричневого с серебром… Вот он! Майлз как раз поднялся со своего места в первом ряду. Она вцепилась в перила галереи, приоткрыв рот, но он не поднял головы.

Немыслимо окликать его отсюда, хотя в данный момент в Круге Ораторов никого нет. Реплики с галереи запрещены во время заседания. И никто, кроме самих графов и тех свидетелей, которых они заслушивали, не мог находиться внизу. Майлз, легко пробираясь среди своих могущественных коллег, подошел к Рене Форбреттену, чтобы о чем-то с ним переговорить. Как бы ни было трудно Эйрелу Форкосигану много лет назад пропихнуть своего искалеченного наследника в эту ассамблею, теперь все они совершенно очевидно к нему привыкли. Так что перемены все-таки *возможны* .

Рене, вскинув глаза на галерею, заметил ее первым и тут же дернул Майлза за рукав, привлекая его внимание. Майлз поднял голову, и глаза его расширились в смеси восторга, растерянности и — когда он заметил Хью с Бэзилом — озабоченности. Катриона осмелилась успокаивающе махнуть ему рукой, чуть шевельнув пальцами у груди, и тут же положила руку на колени. Майлз ответил этим странным ленивым салютом, с помощью которого обычно умудрялся выражать просто поразительное разнообразие чувств. В данном случае это была мягкая ирония в сочетании с глубоким уважением. Его глаза переместились и встретились с глазами тети Фортиц. Брови его вопросительно поднялись, и он кивком поприветствовал ее. Тетя кивнула в ответ.

Ришар Форратьер, беседовавший с каким-то графом в первом ряду, заметил этот обмен приветствиями и проследил за взглядом Майлза на галерею. Ришар уже нацепил сине-серый мундир своего Дома, причем полный графский, явно считая дело практически решенным, как отметила Катриона с явной неприязнью. В глазах Ришара мелькнуло узнавание, и он недобро нахмурился, глядя на нее. Катриона холодно нахмурилась в ответ этому как минимум соавтору обрушившихся на нее в последние дни неприятностей. *Мне твой тип знаком. Я тебя не боюсь* .

Грегор еще не вернулся на свое возвышение из своего личного кабинета. О чем это они там могут с Баем так долго беседовать? Оглядев всех присутствующих внизу, Катриона сообразила, что Доно среди них все еще нет. Такая энергичная личность выделялась бы в любой толпе, даже в этой. Уж нет ли какой тайной причины для нахальной уверенности Ришара?

Но не успела она встревожиться, как десятки лиц развернулись к ведущим в зал двустворчатым дверям. Прямо под ней в зал Совета вошла группа людей. Даже со своего места она увидела бородатого лорда Доно. На нем был синий с серым мундир младшего сына Дома Форратьеров, почти близнец облачения Ришара, но с регалиями и украшениями наследника графа, что было тактически куда правильней. Доно прихрамывал и явно двигался с трудом, будто превозмогая боль. К вящему изумлению Катрионы, рядом с ним шагал Айвен Форпатрил. Насчет остальных она была не уверена, хотя и узнала некоторые мундиры.

— Тетя Фортиц! — шепнула она. — Кто эти графы, что пришли с Доно?

Тетя Фортиц сидела с несколько удивленным и озадаченным видом.

— Тот, что с белоснежной гривой волос, в синем с золотом мундире, — Фалько Форпатрил. Тот, что помоложе всех, — Форвользе, тот самый странный малый с Южного побережья, ты знаешь. А пожилой господин с тростью — сам граф Форхалас. Глазам не верю. Другой — граф Форкаллонер. Как и Форхалас, он считается самым несгибаемым старым пнем консервативной партии. Думаю, это их все дожидались. Теперь дело стронется с места.

Катриона поискала глазами Майлза, пытаясь получить у него ответ. На его лице радость от появления лорда Доно совершенно явно боролась с растерянностью от прибытия основных сил Ришара in corpore. Айвен Форпатрил отделился от группы и с поразительно самодовольной усмешечкой на физиономии подошел к Рене. Катриона откинулась на стуле с бешено колотящимся от волнения сердцем, тщетно пытаясь сообразить, что бы могла означать сия мизансцена, хотя снизу до нее доносился лишь гул голосов, в котором было невозможно различить слова.

Айвен несколько мгновений искренне наслаждался полным обалдением, написанном на физиономии его братца — Лорда-Аудитора-при-Исполенении. *Ага, спорю, ты никак не можешь ничего понять!* Наверное, ему должно было бы быть стыдно, что он не улучил мгновения во всей этой утренней суматохе быстренько связаться с Майлзом по комму и поставить в известность о том, что намечается, но ведь все равно к тому времени уже и вправду было слишком поздно, чтобы Майлз успел что-то предпринять. Еще буквально несколько секунд Айвен на шаг опережал Майлза в этой игре. *Наслаждайся* . Но Рене Форбреттен тоже сидит с потерянным видом, а к нему у Айвена счетов нет. Достаточно.

Майлз смотрел на братца со смесью восторга и ярости.

— Айвен, дур… — начал он.

— *Не говори* … этого, — жестом остановил его Айвен, прежде чем братец успел разразиться речью. — Я только что спас твою задницу. Снова. И какая же благодарность? Никакой. Ничего, кроме унижений и оскорблений. Таков уж мой несчастный удел.

— Пим сообщил, что ты везешь сюда Доно. За что я тебе признателен, — сквозь зубы выдавил Майлз. — Но *их-то* ты какого черта сюда приволок? — дернул он подбородком в сторону четверки консервативных графов, направлявшихся к скамье Бориса Формонкрифа.

— Смотри, — пробормотал Айвен.

Когда граф Форхалас проходил мимо Ришара, тот выпрямился и широко улыбнулся ему.

— Наконец-то, сэр! Рад вас видеть!

Улыбка Ришара увяла, когда старый Форхалас прошествовал мимо него, даже не повернув головы. С тем же успехом Ришар мог быть невидимкой, столько внимания уделил его приветствию старик. Следовавший за ним Форкаллонер хотя бы хмуро поглядел на Ришара. Все же своего рода признание.

Айвен в радостном предвкушении затаил дыхание.

Ришар предпринял еще одну попытку, когда мимо него шагал белоголовый Фалько Форпатрил.

— Рад, что вы приехали, сэр…

Фалько остановился и одарил его ледяным взглядом. Голосом, хотя и тихим, но настолько глубоким, что доносился до самых дальних концов зала, Фалько проговорил:

— Это ненадолго, радоваться тебе нечему. В нашей среде существует неписаный закон, Ришар: если ты затеваешь какую-то грязную игру, то должен быть в этом чертовски хорошим игроком, чтобы тебя не застукали. Ты недостаточно хорош.

Фыркнув, он удалился вслед за коллегами.

Шедший последним Форвользе прошипел Ришару:

— Как ты посмел вмешивать меня в свои делишки, организуя нападение в *моем* доме? Я позабочусь, чтобы тебя за это разорвали в клочья.

Он проследовал за Фалько, с каждым шагом во всех смыслах все больше отдаляясь от Ришара.

Майлз таращил глаза, губы понимающе искривились.

— Тяжелая выдалась ночка, Айвен? — выдохнул он, заметив хромоту Доно.

— Ты не поверишь.

— А ты меня испытай.

Айвен вполголоса торопливо просветил Майлза и изумленного Рене:

— Вкратце: банда наемных уродов попыталась внести обратные изменения в бетанскую хирургию Доно с помощью виброножа. Заловили нас на выходе из дома Форвользе. У них был неплохой планчик, как убрать с дороги оруженосцев Доно, но вот Оливии Куделки и меня не предусматривалось в их списке. Так что в результате это мы их уделали, и я приволок их вместе с уликами к Фалько и старому Форхаласу и предоставил дедам с ними разбираться. Конечно, известить Ришара никто не потрудился. Мы оставили его в информационном вакууме. Еще до конца сегодняшнего дня Ришар может крепко пожалеть, что не перерезал этим самым виброножом себе глотку.

Майлз пожевал губу.

— А доказательства? Для такой затеи Ришар должен был прибегнуть к длиннющей цепочке посредников. И если он и вправду потренировался на невесте Пьера, то он весьма ловок. Проследить цепочку до его дверей будет затруднительно.

— Как быстро сможем мы получить доказательства? — напряженно добавил Рене.

— На это ушли бы недели, но главный подручный Ришара подался в Имперские Свидетели.

— Главный подручный Ришара? — переспросил Майлз.

— Байерли Форратьер. Похоже, он помогал Ришару все это организовывать. Но все пошло наперекосяк. Нанятые Ришаром гориллы следили за Доно, рассчитывая захватить его, когда он прибудет к особняку Форсмитов, но увидели, как они посчитали, лучшую возможность в гараже Форвользе. Из Байерли дым шел, когда он наконец отловил меня незадолго до рассвета. Не знал, что все его пешки биты, бедный истеричный хитрован. *Я* их захватил. Впервые в жизни видел, как Байерли Форратьер потерял дар речи, — довольно ухмыльнулся Айвен. — А потом приехали орлы из Имперской безопасности и увезли его.

— Как… неожиданно. Совсем не так видел я место Бая во всей этой игре. — Майлз насупился.

— Я так и думал, что ты слишком доверчив. Было в Байерли нечто такое, что с самого начала мне не нравилось, но я никак не мог понять, что именно…

Форхалас со товарищи теперь столпились вокруг скамьи Бориса Формонкрифа. Еще больше разгорячившийся Форвользе, яростно жестикулируя, изредка кидал через плечо взгляды на Ришара, наблюдавшего за этой сценой с растущей тревогой. Формонкриф сжал челюсти и глубоко нахмурился. Он дважды покачал головой. На лице юного Сигура был написан ужас. Он бессознательно сдвинул ноги, прикрыв защитным жестом пах.

Все ведущиеся вполголоса дебаты прекратились, когда из дверцы за возвышением показался император Грегор, взошел на помост и снова занял свой табурет. Он кивком подозвал лорда-хранителя Круга Ораторов. Они коротко переговорили. Лорд-хранитель двинулся к Айвену.

— Лорд Форпатрил. — Он вежливо кивнул. — Пора освободить зал. Грегор сейчас призовет голосовать. Если вас не намерены призывать в качестве свидетеля, вы должны немедленно уйти на галерею.

— Уже ушел! — весело воскликнул Айвен. Майлз обменялся с Рене победным жестом и заспешил на свое место. Айвен двинулся к выходу.

Айвен не спеша проходил мимо скамьи округа Форратьеров как раз в тот момент, когда Доно весело говорил Ришару:

— Подвинься, посмешище! Твои бандюки ночью промазали. После голосования тебя у дверей будут ждать с распростертыми объятиями гвардейцы лорда Форбона.

Ришар чрезвычайно неохотно сдвинулся на дальний край скамьи. Доно плюхнулся на скамью, скрестив ноги, и удобно откинулся, расставив локти.

— Может, тебе этого и хочется, — негромко прорычал Ришар, — но у Форбона не будет надо мной власти, когда я получу графство. А партия Форкосигана будет настолько замарана *его* преступлением, что у них не будет возможности бросать в меня камни.

— Камни, Ришар, дорогуша? — промурлыкал Доно. — Вряд ли тебе так повезет. Я предвижу лавину — и тебя погребенным под ней.

Оставив позади семейный междусобойчик Форратьеров, Айвен двинулся к двустворчатым дверям, распахнутым для него стражей. Он проделал хорошую работу, видит бог. У дверей он оглянулся и увидел, что Грегор смотрит на него. Император удостоил его слабой улыбкой и едва заметным кивком.

Почему-то Айвен не ощутил себя осчастливленным. Он ощутил себя *голым* . Он запоздало припомнил присказку Майлза, что наградой за хорошо проделанную работу обычно является еще более трудная. Оказавшись в холле за дверью зала, он какое-то мгновение размышлял, не рвануть ли ему к выходу из замка вместо того, чтобы подняться на галерею. Но он ни за какие коврижки не собирался пропускать предстоящее шоу. Айвен поднялся наверх.

— Пли! — крикнула Карин.

Два контейнера с жучьим маслицем полетели вперед. Карин ждала, что сейчас послышится стук, как от попадания камнем, только чуть мягче. Но все лежавшие сверху контейнеры были из последней партии, купленной Марком на распродаже. Их более дешевый и тонкий пластик не был таким прочным, как у предыдущих контейнеров. И попали в цель они не как камни, а как гранаты.

Ударившись в плечо Муно и затылок Густиоза, пакеты лопнули, и маслице брызнуло на стены, потолок, пол и — по чистой случайности — на мишени. Поскольку снаряды второго залпа были уже в воздухе прежде, чем первые достигли цели, то изумленные эскобарцы повернулись как раз вовремя, чтобы получить следующие масличные бомбы прямо в грудь. Муно оказался достаточно проворен, чтобы отбить третий снаряд, который, взорвавшись на полу, залил всю компанию белым жидким маслицем по колено.

Марсия в боевом азарте с воплем берсерка принялась метать контейнеры так быстро, как только успевала их хватать. Пакеты рвались не все. Некоторые попадали в цель с приятным стуком. Муно, ругаясь на чем свет стоит, отбил еще пару, но в конечном итоге, плюнув, выпустил Энрике, схватил пару пакетов из штабеля в своем конце коридора и метнул их в сестер Куделок. Марсия уклонилась от того, что летел в нее. Запущенный в Карин взорвался у ее ног. Муно попытался было открыть заградительный огонь, чтобы прикрыть отступление своей группы, но тут Энрике грохнулся на карачки и пополз к защищающим его вопящим валькириям.

— Назад в лабораторию! — скомандовала Карин. — Запремся изнутри! Оттуда мы можем позвать на помощь!

За спиной эскобарских налетчиков с грохотом распахнулась дверь в дальнем конце коридора. Оттуда возник оруженосец Роик. Сердце Карин мгновенно взлетело. Подкрепление! Роик был в сапогах, трусах и с кобурой на поясе.

— Что за черт… — начал он, но был прерван последним залпом дружественного огня. Выпущенный наугад Марсией снаряд угодил ему в грудь.

— Ой, прости! — крикнула она, сложив ладони рупором.

— Что за чертовщина тут творится?! — взревел он, пытаясь нашарить не с той стороны кобуру липкими и скользкими от жучьего маслица руками. — Вы меня разбудили! Третий раз за утро меня будят! Я только что уснул! Убью следующего сукина сына, который меня разбудит! Клянусь!

Карин с Марсией некоторое время чисто эстетически наслаждались статью, шириной плеч, низким голосом и общим видом молодого атлетически сложенного мужчины, сиречь Роика. Марсия вздохнула. Эскобарцы, естественно, представления не имели, кто такой этот здоровенный голый ревущий варвар, возникший между ними и единственным известным им выходом. Они попятились.

— Роик, они пытаются похитить Энрике! — заорала Карин.

— Да? Отлично, — прищурился Роик. — Проследите, чтобы они заодно не забыли прихватить и всех его чертовых жуков…

Запаниковавший Густиоз попытался проскользнуть мимо Роика в дверь, но вместо этого налетел на него. Оба поскользнулись на жучьем маслице и рухнули, взметнув веер чрезвычайно официальной документации. Тренированные, хоть и полусонные рефлексы Роика сработали, и он попытался пригвоздить своего невольного противника к полу, что было далеко не просто, поскольку оба были с ног до головы покрыты маслом. Верный Муно, храбро проигнорировав очередной залп пакетов с жучьим маслицем, в полуприседе попытался снова ухватить Энрике и даже зацепил его руку, которой тот отмахивался. Оба поскользнулись и брякнулись в липкую массу. Муно удалось ухватить Энрике за щиколотку, и он начал тянуть его обратно.

— Вы не можете нам помешать, — пропыхтел полупридавленный Роиком Густиоз. — У меня есть ордер!

— Мистер, я не хочу вам мешать! — возопил Роик.

Карин с Марсией одновременно вцепились в руки Энрике и потянули его к себе. Поскольку ни одной из противоборствующих сторон не удавалось перетянуть, то все застопорилось. Карин рискнула выпустить одну руку и, пропрыгав вокруг Энрике, прицельно пнула Муно в запястье. Тот взвыл и отдернул руку. Обе девушки и ученый, цепляясь друг за друга, ретировались в лабораторию. Марсия захлопнула и заперла дверь буквально за мгновение до того, как с другой стороны Муно врезался в нее плечом.

— Комм! — задыхаясь, пропыхтела она. — Вызови лорда Марка! Вызови кого-нибудь!

Карин, смахнув с глаз жучье маслице, рыбкой юркнула на стул у комма и начала быстро набирать личный код Марка.

Майлз чуть не вывернул себе шею, наблюдая, как Айвен, прибыв на галерею, безжалостно изгнал со стула какого-то несчастного лейтенанта. К сожалению, пытаться что-то расслышать было совершенно безнадежным занятием. Молоденький офицерик, уступающий и ростом, и званием, нехотя уступил отличное место и удалился в задний стоячий ряд. Айвен пристроился рядом с госпожой Фортиц и Катрионой. Тут же завязался разговор. По самодовольной роже Айвена и активной жестикуляции Майлз понял, что дорогой братец осчастливливает дам пересказом своих ночных героических похождений.

Проклятие, окажись там я, я тоже смог бы с тем же успехом спасти лорда Доно … А может, и нет.

Майлз узнал Хью, брата Катрионы, и Бэзила Форсуассона, с которыми мельком виделся на похоронах Тьена. Они что, снова приехали в столицу доставать Катриону насчет Никки? В данный момент оба с ошарашенным видом слушали Айвена. Катриона сказала что-то резкое. Айвен неуверенно рассмеялся, повернулся, помахал Оливии Куделке, только что устроившейся в заднем ряду. Просто несправедливо, чтобы кто-то, прокуролесив всю ночь, выглядел таким свежим. Оливия сменила вчерашний вечерний туалет на свободный

шелковый брючный костюм в комаррском стиле. Судя по довольной улыбке, в ночной драке она не пострадала. Никки что-то спросил, ему ответила госпожа профессор, сверлившая ледяным взглядом затылок Ришара Форратьера.

Какого черта вся семейка Катрионы тут вместе с ней? Как ей удалось притащить сюда Хью с Бэзилом? Приложил ли к этому руку Грегор? Майлз готов был поклясться, что видел спину оруженосца Форбарра, когда тот уходил, сопроводив их сюда…

Лорд-хранитель Круга Ораторов постучал о специальную деревянную панель в полу древком кавалерийской пики с вымпелом Форбарра. Грозное «тук-тук» разнеслось по всему залу. Все, поздно мчаться на галерею и выяснять, что это за чертовня. Майлз с трудом отклеил взгляд от Катрионы и приготовился к трудной работенке. Работенке, от исхода которой зависело, окажутся ли они с Катрионой в раю или в кошмаре…

Лорд-хранитель громко произнес.

— Мой император вызывает графа Формонкрифа. Выйдите и выскажите ваше прошение, милорд.

Граф Борис Формонкриф встал, потрепал зятя по плечу и вышел в Кург Ораторов, лицом к сидящим полукругом коллегам-графам. Он четко и кратко высказал формальную просьбу признать по праву Сигура Форбреттена наследником графства Форбреттен, упомянув о результатах генсканирования Рене, ни слова не сказав про дело Ришара, поджидавшего свой черед. Да никак Формонкриф ему больше не союзник, боже правый! Лицо Ришара оставалось бесстрастным и невозмутимым.

Лорд-хранитель снова стукнул пикой.

— Мой император вызывает графа Форбреттена. Выйдите и выскажите ваши возражения против этой петиции, милорд.

Рене встал.

— Милорд хранитель, я временно уступаю свое место в Круге лорду Доно Форратьеру.

И сел.

По залу пробежал гул. Все уловили логику и смысл этого демарша. К тайному удовольствию Майлза, Ришара это застало врасплох. Доно встал, прохромал в Круг Ораторов и повернулся лицом к ассамблее графов Барраяра. Он быстро улыбнулся в бороду, сверкнув зубами. Проследив за его взглядом, Майлз успел заметить, как Оливия, поднявшись с места, показывает Доно большой палец.

— Сир, милорд хранитель, милорды. — Доно облизнул губы и начал излагать формальное прошение о передаче ему округа Форратьеров. Он напомнил, что все присутствующие получили заверенные копии медицинских документов и письменные показания свидетелей, подтверждающие его новый пол. Вкратце привел аргументы в свою пользу: он — старший отпрыск мужского пола старшей ветви рода, граф Пьер не выбрал себе наследника. Рассказал о том, как помогал покойному брату в управлении округом Форратьеров.

Лорд Доно стоял, расставив ноги, заложив руки за спину и гордо подняв голову.

— Как некоторым из вас уже известно, вчера ночью кто-то попытался отнять у вас право решать. Попытался решить будущее Барраяра не здесь, в зале Совета, а в темном переулке. На меня напали. К счастью, серьезных ранений мне удалось избежать. Теперь нападавшие — в руках гвардейцев лорда Форбона, а один свидетель дал показания, достаточные для ареста моего кузена Ришара Форратьера по подозрению в организации покушения. Люди Форбона ждут его снаружи. Отсюда Ришар выйдет либо в наручниках, либо вознесенный вами выше их юрисдикции, и в этом случае *вам самим* придется впоследствии судить его за это преступление. Правление головорезов в Кровавые Века снабдило Барраяр немалым количеством ярких исторических событий, достойных пера хорошего драматурга. Сомневаюсь, однако, что такие драмы нам бы снова хотелось наблюдать в реальной жизни. Я стою перед вами, готовый и желающий служить моему императору, Империи, моему округу и моему народу. А еще я стою за власть закона. — Он мрачно кивнул графу Форхаласу, кивнувшему в ответ. — Милорды, решение за вами.

Доно вернулся на место.

Много лет назад — еще до рождения Майлза — один из сыновей графа Форхаласа был обезглавлен за участие в дуэли со смертельным исходом. Граф не стал поднимать из-за этого знамена бунта и ясно дал понять всем, что ждет от них такой же приверженности законам. Своего рода моральное воздействие с острыми зубами — никто не осмеливался спорить с Форхаласом по вопросам этики. Если у партии консерваторов и был хребет, помогавший ей стоять прямо, то это был старый Форхалас. И Доно, похоже, только что положил Форхаласа себе в карман. Что самое смешное, за него здесь потрудился Ришар. Майлз восторженно присвистнул сквозь зубы. *Отличный выстрел, Доно. Просто класс!*

Лорд-хранитель снова стукнул пикой об пол и вызвал Ришара. Ришар был зол и потрясен. Он двинулся в Круг, уже на ходу шевеля губами. Повернувшись к залу, Ришар глубоко вздохнул и начал обычные преамбулы формального возражения.

Внимание Майлза отвлекла какая-то возня на галерее. Прибыли опоздавшие. Он поднял голову и вытаращил глаза: мать с отцом просили супружескую пару форов уступить им место, чтобы сидеть рядом. Ошарашенная пара мгновенно уступила место вице-королю с вице-королевой под благодарности и извинения последних. Родители явно сбежали пораньше с очередного приема, чтобы успеть на это заседание, и даже не успели переодеться. Граф Эйрел в таком же коричневом с серебром мундире, как и Майлз, графиня Корделия — в роскошном бежевом туалете с вышивкой. Рыжие волосы уложены в обвивающие голову косы. Айвен удивленно обернулся, кивнул и что-то пробормотал себе под нос. Госпожа профессор, которой мешали слушать Ришара, шикнула на него. Катриона не оглядывалась. Вцепившись в перила, она сверлила Ришара таким взглядом, будто желала убить его прямо на месте. Однако Ришар почему-то не испепелялся и спокойно продолжал, неспешно подбираясь к сути.

— То, что я всегда был наследником Пьера, поскольку он никогда официально не назначал на это место, хорошо известно всем присутствующим. Признаю, что любви между нами никогда не было, о чем я всегда сожалел, но, как многие из вас знают по собственному опыту, Пьер был… э… трудным человеком. Однако даже он сознавал, что у него нет иных преемников, кроме меня. Доно не что иное, как гнусная шутка леди Донны. Шутка, которую мы все слишком долго терпим. Леди Донна — воплощение всех галактических пороков, с которыми мы должны бороться! Да-да, я говорю: бороться, и говорю прямо и открыто, ради чистоты нации. Донна — живая угроза нашим женам, дочерям, сестрам. Она — открытый призыв к бунту против наших главных и основополагающих законов и порядков. Она — оскорбление чести Империи. Я умоляю вас положить конец ее выходке с решимостью, которой она заслуживает.

Ришар обвел взглядом пассивных слушателей и продолжил:

— Что же касается сомнительной угрозы леди Донны выдвинуть перед этим Советом обвинение по поводу якобы имевшего место нападения на нее — которое, кстати говоря, мог осуществить совершенно посторонний человек, глубоко возмущенный ее поведением, — то я говорю: пусть выдвигает. И кто тогда, по-вашему, выдвинет перед вами от ее имени это обвинение? — Он широким жестом указал на Майлза, который сидел, вытянув ноги, с предельно равнодушным видом. — Тот, кого обвиняют в куда более тяжелых преступлениях, даже в предумышленном убийстве?

Ришар был в бешенстве. И убрал дымовую завесу слишком рано. Но Майлз этим дымом все равно подавился. *Чтоб тебя крысы сгрызли, Ришар!* Нет, Майлз просто не мог в присутствии всех пэров Барраяра оставить такой выпад без ответа. Ни на секунду.

— Одно замечание, милорд хранитель, — ничуть не меняя позы, протянул Майлз достаточно громко, чтобы его было слышно по всему залу. — Меня не обвиняют. На меня клевещут. Между этими двумя понятиями есть существенная юридическая разница.

— Если *ты* попытаешься выдвинуть тут против кого-то обвинение, это будет просто смешно, — парировал Ришар, подстегнутый, как надеялся Майлз, угрозой встречного иска.

— Сир, милорд хранитель, милорды, в свете последних событий, — произнес со своего

места граф Форхалас, — лично увидев улики и присутствовав при предварительных допросах, я был бы рад сам выдвинуть обвинение против лорда Ришара.

Лорд-хранитель нахмурился и предостерегающе постучал пикой. Стоит разрешить кому-то говорить вне очереди, тут же начнется склока, а может, и драка. В былые времена, когда сканеров оружия еще не было, случались грандиозные свалки и дуэли со смертельным исходом. Однако император Грегор, тоже слушавший все это с невозмутимым видом, не предпринял ни малейшей попытки вмешаться.

Ришар все больше выходил из себя. Он весь побагровел и начал задыхаться. К ужасу Майлза, Ришар указал на Катриону:

— Только отпетый негодяй способен держаться столь беззастенчиво, когда на него смотрит вдова его жертвы! Хотя я подозреваю, что дама не желает на него смотреть, не так ли?

Все повернулись к бледной женщине в черном, сидящей на галерее. Она казалась испуганной и зажатой, выставленная напоказ. Никки напрягся. Майлз мгновенно сел ровно. Это единственное, что он мог сделать, чтобы не кинуться через весь Круг к Ришару, вцепиться в глотку и удавить на месте. Зачем? Все равно не поможет. Он вынужден вести бой иным способом, медленнее, но — мысленно поклялся он — эффективнее. Да как он посмел, этот Ришар, выставлять *Катриону* на всеобщее обозрение, грубо лезть ей в душу, пытаться манипулировать ее взаимоотношениями с другими из-за одного лишь бешеного стремления к власти?!

Предвиденный Майлзом кошмар вынужденной защиты стал реальностью. Сейчас ему придется обратить свое внимание не столько на истину, сколько на внешнюю сторону дела, и тщательно следить за каждым своим словом. Нынешние слушатели могут стать будущими судьями. Ришар свалился в глубокую яму из-за неудачного покушения на Доно. Сможет ли он выбраться из нее по телам Майлза и Катрионы? Похоже, именно на это он и рассчитывает.

Катриона сидела совершенно невозмутимо, только губы побелели. Краешком сознания Майлз невольно отметил — вот как она выглядит, когда *действительно* зла. На будущее.

— Вы ошибаетесь, лорд Ришар, — холодно отрезала Катриона. — И похоже, это не первая ваша ошибка.

— Да ну? — парировал Ришар. — Тогда почему же вы в таком ужасе убежали после того, как он публично сделал вам предложение? Разве не потому, что запоздало осознали, что он приложил руку к смерти вашего мужа?

— Вас это совершенно не касается!

— Остается только гадать, какое давление он на вас оказал, чтобы принудить к такой покладистости… — Мерзкий смешок предлагал слушателям вообразить самое худшее.

— Предположить такое может только полный идиот!

— Доказательства там, где вы их находите, сударыня.

— У вас такое представление о доказательствах? — фыркнула Катриона. — Отлично. Вашу теорию легко разрушить…

— Переговоры между залом и зрителями *запрещены* , — ударил об пол пикой лорд-хранитель.

За спиной Катрионы вице-король Зергияра посмотрел на лорда-хранителя и постучал указательным пальцем по переносице, сделав одновременно едва заметный жест, указывающий на стоявшего внизу Ришара: *Нет, дай ему повеситься самому* . Айвен, отследив этот жест, злорадно ухмыльнулся и тут же снова повернулся к «сцене». Лорд-хранитель стрельнул глазами на Грегора, на чьем лице играла едва заметная улыбка, и получил новые подсказки. Гораздо менее напористо он добавил:

— Но на прямые вопросы из Круга Ораторов отвечать можно.

Вообще-то, на взгляд Майлза, вопросы Ришара были скорее риторическими, нежели требующими прямого ответа. Нет, он явно не был готов к прямым вопросам. Выражение лица Ришара навело Майлза на мысль о человеке, который, дразня львицу, вдруг обнаружил,

что она не на привязи. Куда она прыгнет? Майлз затаил дыхание.

Катриона подалась вперед, вцепившись в перила так, что побелели пальцы.

— Пора с этим кончать! Лорд Форкосиган!

Майлз, застигнутый врасплох, подскочил.

— Сударыня… — отвесил он полупоклон. — К вашим услугам…

— Вот и хорошо. Вы женитесь на мне?

В голове у Майлза загрохотало, как при шторме. На какое-то мгновение ему показалось, что тут всего два человека, а не две сотни. Если это игра, чтобы убедить его коллег в его невиновности, то сработает ли она? *Да какая разница? Лови момент! Хватай эту женщину! Не упусти ее снова!* Сначала пополз вверх один уголок его губ, затем второй. Наконец он расплылся в широченной улыбке.

— Да, сударыня, — кивнул он. — Конечно. Прямо сейчас?

Катриона растерялась на мгновение — видимо, отчетливо представила, как он срывается с места и тут же ведет ее под венец, пока она не передумала. Что ж, он готов, если она готова… Она жестом велела ему сесть.

— Обсудим это позже. Разберитесь пока с этим делом.

— С удовольствием. — Он яростно оскалился на Ришара, ловившего ртом воздух, как выброшенная из воды рыба, и снова расплылся в довольной ухмылке. *Две сотни свидетелей. Теперь уж она точно не пойдет на попятную …*

— С вашей логической цепочкой покончено, лорд Ришар, — подытожила Катриона. Она села, брезгливо отряхнула руки и добавила отнюдь не тихо: — *Болван* .

Император Грегор откровенно забавлялся. Сидевший рядом с Катрионой Никки радостно подпрыгивал, бормоча что-то вроде «давай-давай, мама!». По галерее прокатилось сдавленное хихиканье. Айвен тер губы тыльной стороной ладони, но глаза его щурились от смеха. Он снова глянул за спину Катрионы, где давилась от смеха вице-королева, а отвернувшийся вице-король пытался замаскировать взрыв хохота под приступ кашля. Внезапно сообразив, где находится, Катриона осела на стуле, не смея взглянуть на Хью и Бэзила. Она посмотрела на Майлза и беспомощно улыбнулась.

Майлз совершенно по-идиотски улыбнулся в ответ. Черный взгляд, который метнул в него Ришар, отскочил, будто Майлза защищал силовой щит. Грегор жестом велел лорду-хранителю продолжать.

К этому времени Ришар уже окончательно потерял мысль, решимость и симпатию аудитории. Те, чье внимание не было сосредоточено на Катрионе, поглядывали на Майлза с растущим весельем. Ришар вяло и бессвязно закончил речь и покинул Круг Ораторов.

Лорд-хранитель призвал к голосованию. Грегор, голосующий чуть ли не первым, проголосовал «пас», сохраняя за собой право высказаться в конце, если потребуется решающий голос. Привилегия императора, которой он пользовался нечасто. Майлз честно пытался следить за ходом голосования, но, когда настал его черед, он настолько увлекся выписыванием на полях распечатки переплетенных имен «леди Катриона-Найла Форкосиган» и «лорд Майлз-Нейсмит Форкосиган», что ухмылявшемуся Рене Форбреттену пришлось вернуть его на землю. Это вызвало очередной всплеск приглушенного смеха на галерее.

И все же Майлз точно определил по возросшему оживлению на галерее, что необходимое большинство в тридцать один голос набрано. Ришар получил жалкие двенадцать голосов. Некоторые из тех, на кого он рассчитывал, воздержались, поскольку граф Форхалас решительно проголосовал за лорда Доно. В конечном итоге Доно получил тридцать два голоса. Не то чтобы это можно было назвать победой с большим преимуществом, но все же чуть больше, чем необходимый минимум. Грегор с явным удовольствием отметил голос Форбарра как воздержавшийся, никак не повлияв на общий результат.

Ришар, не веря собственным ушам, встал с отчаянным воплем:

— Сир, я выражаю протест против этого решения!

У него не оставалось иного выбора: только попытка перетащить это дело на другое заседание может его спасти от муниципальных гвардейцев, поджидавших за дверью зала.

— Лорд Ришар, — строго по протоколу ответил Грегор, — я отклоняю ваш протест. Мои графы сказали свое слово. Их решение остается в силе.

Он кивнул лорду-хранителю, тот отдал приказ, и стража быстро препроводила Ришара за двери к поджидавшей его судьбе. Майлз, испытывая варварское удовольствие, аж зубами клацнул. *Ну что, справился со мной, Ришар? Тебе конец* .

Ну… вообще-то Ришар сам себя закопал, когда попытался ночью безуспешно искалечить Доно. За это стоило поблагодарить Айвена с Оливией и, как подспудно подозревал Майлз, тайного помощника Ришара Байерли. С таким другом, как Бай, и враги не нужны. И все же… что-то в изложенной Айвеном версии ночных событий не сходится. *Позже. Если уж Имперский Аудитор не сможет докопаться в этом деле до истины, то не сможет никто* . Он бы начал с допроса Байерли, теоретически находившегося теперь в полной безопасности в каталажке СБ. Или, еще лучше, возможно, с… Майлз сощурился, но не успел додумать, поскольку снова встал Доно.

Граф Доно Форратьер вышел в Круг Ораторов, чтобы спокойно поблагодарить своих новых коллег и формально вернуть право на выступление Рене Форбреттену. С едва заметной, но оч-чень довольной улыбочкой он вернулся на скамью округа Форратьеров и занял отныне и навсегда неоспоримо принадлежащее ему место. Майлз изо всех сил старался не поворачиваться и не глазеть на галерею, но все же искоса посматривал на Катриону. Именно таким образом он и застиг момент, когда его мать наконец всунулась между Никки и Катрионой, чтобы первой принести свои поздравления.

Катриона резко обернулась и побледнела. Будущие свекор со свекровью лучезарно улыбались, выражая, как надеялся Майлз, положенный восторг.

Госпожа профессор тоже повернулась с удивленным восклицанием. Она обменялась рукопожатием с вице-королевой, демонстрируя все признаки какого-то тайного единодушия. Майлза слегка встревожило такое поведение обеих пожилых леди, явно наводящее на мысли о заговоре. Уж не шел ли все это время между домами обмен информацией по тайным каналам? *Что моя мать обо мне рассказывала?* Он прикинул, не попытаться ли потом растрясти вице-королеву, но, поразмыслив, отказался от этой затеи.

Вице-король Форкосиган тоже несколько неловко протянул руку через плечо Катрионы и тепло пожал ее ладошку. Глянув на Майлза, он улыбнулся и сделал какое-то замечание. Майлз был рад, что его не слышит. Катриона грациозно встала и представила графу Эйрелу своего брата и вконец ошарашенного Бэзила. Майлз тут же решил, что, если Бэзил попытается еще раз учинить Катрионе неприятности с Никки, он безжалостно отправит его к вице-королеве за дозой бетанской терапии, от которой у того голова кругом пойдет.

Эта столь завлекательная пантомима была, увы, прервана, когда Рене Форбреттен занял место в Круге Ораторов. Сидящие на галерее вновь переключили свое внимание вниз, где заседал Совет. Чувствуя на себе теплый взгляд Катрионы, Майлз приосанился и постарался выглядеть занятым и сосредоточенным. Ну или хотя бы внимательным. Он был уверен, что отца ему не обмануть, потому что граф знал, как никто другой, что голосование уже фактически закончено, осталась лишь видимость.

Рене отважно попытался связно произнести заготовленную речь, что было в свете предыдущих событий совсем не просто. Он упомянул о своей верной десятилетней службе округу и Империи, обратил внимание присутствующих на военную карьеру своего отца и его гибель в сражении во время войны за Ступицу Хеджена. Он с достоинством попросил снова подтвердить его права и сел на место, напряженно улыбаясь.

И снова лорд-хранитель призвал к голосованию, и снова Грегор не воздержался, а пасовал. На сей раз Майлз ухитрился следить за раскладом. Новоиспеченный граф Доно впервые проголосовал от имени округа Форратьеров, решительно отдав свой голос Рене Форбреттену.

Сигур в сравнении с громким провалом Ришара шел довольно неплохо. Но

недостаточно. Рене получил свой тридцать первый голос чуть ли не в самом конце переклички. Так оно и осталось. Грегор снова воздержался, сознательно не повлияв на конечный результат. Граф Формонкриф скорее для проформы выразил протест, и никто не удивился, когда Грегор отказался его выслушать. Формонкриф и, как ни странно, явно испытывающий облегчение Сигур встали, демонстрируя куда лучшее умение проигрывать, чем Ришар, и, подойдя к Рене, пожали ему руку. Рене снова вышел в Круг, кратко поблагодарил коллег и вернул Круг лорду-хранителю. Лорд-хранитель, стукнув пикой по деревяшке, объявил заседание закрытым. И тут же в зале и на галерее начались движение и шум.

Майлз не понесся к галерее, перепрыгивая через скамьи и столы, расталкивая коллег, только потому, что вся дружная компания вверху поднялась и направилась к лестнице. Уж наверное, можно положиться на отца с матерью, что они доставят Катриону сюда к нему? Майлз обнаружил, что его со всех сторон обступили графы, осыпая поздравлениями, комментариями и шуточками. Он едва их слышал, автоматически повторяя «спасибо… спасибо», иногда совершенно невпопад.

Наконец до него донесся голос отца. Майлз завертел головой. Аура, излучаемая вице-королем, была таковой, что толпа между ними растворилась. Катриона застенчиво посматривала на мужчин в разноцветных мундирах, шагая между своими двумя великолепными проводниками. Майлз подскочил к ней и крепко схватил за руку, вопросительно заглядывая в лицо. *Это правда? Это по-настоящему?*

Она ответила совершенно идиотской чудесной улыбкой. *Да! О да!*

— Подсадить тебя? — предложил Айвен.

— Заткнись, Айвен! — бросил Майлз через плечо. Он огляделся в поисках ближайшей скамьи. — Не возражаешь? — шепнул он.

— По-моему, такова традиция…

Расплывшись в улыбке от уха до уха, Майлз вскочил на скамью, обнял Катриону и властно поцеловал, будто ставя печать собственника. Она тоже крепко обняла его, чуть дрожа.

— Мое — мне. Да! — горячо прошептала она ему на ухо.

Майлз спрыгнул на пол, но руки ее не выпустил.

Никки, почти одного роста с ним, оценивающе оглядел Майлза.

— Ты ведь *сделаешь* маму счастливой, да?

— Я очень постараюсь, Никки. — Майлз серьезно кивнул мальчику. Никки с не меньшей серьезностью кивнул в ответ.

Подоспели Оливия, Татя и сестра Рене. Они проталкивались сквозь устремившуюся к выходу толпу, чтобы повиснуть на шее Рене и Доно. Следом за ними поспешал запыхавшийся человек в красно-коричневом с зеленым графском мундире. Резко остановившись, он растерянно огляделся и простонал:

— Опоздал!

— Кто это? — шепотом спросила Катриона.

— Граф Формюир. Похоже, он прошляпил заседание.

Граф Формюир направился к своей скамье в дальнем конце зала. Граф Доно проводил его взглядом, едва заметно ухмыльнувшись.

Айвен, подойдя к нему, тихонько спросил:

— Ладно, я хочу знать. Как тебе удалось облапошить Формюира?

— Мне? Я тут вообще ни при чем. Впрочем, раз уж ты так хочешь знать, то, по-моему, он провел все утро, восстанавливая мир с женой.

— Все утро? В его-то возрасте?

— Ну, с небольшой помощью некоего славного бетанского афродизиака. Если не ошибаюсь, он действует на мужчину *часами* . И никаких неприятных побочных эффектов. Теперь, когда ты становишься старше, Айвен, тебе, возможно, захочется это проверить.

— У тебя еще есть?

— Не-а. Поговори с Хельгой Формюир.

Майлз повернулся к Хью с Бэзилом. Улыбка его стала слегка напряженной. Катриона крепче вцепилась в его руку, и он ободряюще сжал ей ладошку.

— Доброе утро, господа. Рад, что вы смогли присутствовать на этом историческом заседании Совета. Не соблаговолите ли отобедать с нами в особняке Форкосиганов? Уверен, нам есть что обсудить в более приватной обстановке.

Бэзил, похоже, был на полпути к помешательству. Все же он сумел кивнуть, пробормотав:

— Благодарю вас.

Хью покосился на переплетенные пальцы Майлза и Катрионы и скривился в улыбке.

— Возможно, это неплохая идея, лорд Форкосиган. Учитывая, что мы… хм… породнимся. По-моему, на помолвке было достаточно свидетелей, чтобы считать ее скрепленной…

Майлз еще крепче сжал руку Катрионы.

— Полагаю, что так…

Подошел лорд-хранитель Круга Ораторов.

— Майлз, Грегор хочет побеседовать с тобой и с этой леди до вашего ухода. — Он с улыбкой кивнул Катрионе. — Он что-то говорил о поручении в рамках твоих аудиторских обязанностей…

— А!

Не выпуская руки Катрионы, Майлз повел ее сквозь поредевшую толпу к возвышению, где Грегор разговаривал с воспользовавшимися моментом просителями. Он жестом отослал собеседников и повернулся к Майлзу с Катрионой.

— Госпожа Форсуассон, — кивнул он, — считаете ли вы, что вам еще понадобится помощь, чтобы разобраться с вашими… э… семейными проблемами?

— Нет, сир, — благодарно улыбнулась она. — Думаю, что теперь, когда этот несчастный политический аспект исчез, мы с Майлзом справимся сами.

— У меня было такое впечатление. Поздравляю вас обоих. — Голос его звучал ровно, но в глазах плясали черти. — А! — Он взял у подошедшего секретаря две исписанные каллиграфическим почерком страницы, все в штампах и печатях. — Вот, Майлз… Как я вижу, Формюир все ж таки наконец добрался сюда. Вручи-ка ему вот это.

Майлз мельком проглядел бумаги и ухмыльнулся.

— Как договаривались. С удовольствием, сир.

Грегор одарил их обоих редкой у него улыбкой и сбежал от придворных, скрывшись в своем кабинете.

Майлз переложил страницы и не спеша направился к столу Формюира.

— Это вам, граф. Мой августейший повелитель рассмотрел ваше прошение о подтверждении вашей опеки над всеми вашими прелестными дочерьми. Подтверждение вам даровано.

— Ха! — торжествующе воскликнул Формюир, едва ли не вырывая бумаги из рук Майлза. — Что я говорил? Даже императорским стряпчим пришлось признать узы крови, а? Отлично! Отлично!

— Радуйтесь, — улыбнулся Майлз и быстро поволок Катриону прочь.

— Но, Майлз, — шепотом спросила она, — разве это не означает, что Формюир победил? И примется дальше развивать свой конвейер по производству детей?

— При определенных условиях. Давай скорее… Нам действительно лучше оказаться за пределами зала, когда он доберется до второй страницы…

Майлз жестом предложил своим гостям пройти в центральный холл и быстро вызвал по наручному комму Пима, велев ему подогнать лимузин. Вице-король с вице-королевой откланялись и обещали приехать чуть позже, после того, как переговорят с Грегором.

Все изумленно замерли, когда из зала внезапно раздался страдальческий вопль:

— *Приданое! Приданое! Сто восемнадцать приданых* …

— Роик, — зловеще проговорил Марк, — почему эти нарушители до сих пор живы?

— Не можем же мы просто так отстреливать всех случайных визитеров, м'лорд, — попытался оправдаться Роик.

— С чего бы?

— Потому что сейчас не Период Изоляции! К тому же, м'лорд, — кивком указал Роик на изгвазданных с ног до головы эскобарцев, — у них вроде как есть положенный ордер.

Маленький эскобарец, сообщивший, что он — судебный пристав Густиоз, достал в качестве подтверждения пачку липких бумаг и многозначительно потряс ими, разбрызгав несколько белых капель. Марк отступил на шаг и аккуратно стряхнул липкую точку со своего отличного черного костюма. Со стороны казалось, что всех троих головой макнули в жирный йогурт. Внимательно рассматривая Роика, Марк припомнил легендарного Ахиллеса, с той лишь разницей, что оруженосца макнули в маслице с обеими пятками.

— Посмотрим… — *Если они обидели Карин…* Повернувшись, Марк постучал в дверь лаборатории. — Карин? Марсия? У вас там все в порядке?

— Марк? Это ты? — раздался из-за дверей голос Марсии. — Наконец-то!

Марк оглядел трещины в дереве и, прищурившись, хмуро посмотрел на эскобарцев. Густиоз отшатнулся, Муно резко выдохнул и напрягся. Из лаборатории послышался скрежет, будто какие-то тяжелые предметы отодвигают от входа. Буквально через мгновение щелкнул замок, повернулась ручка, и дверь распахнулась. В коридор просунулась голова Марсии.

— Хвала небесам!

Марк торопливо прошел мимо нее. Как там Карин? Карин чуть не бросилась ему в объятия, но спохватилась. Хоть она и не была столь измазана, как мужчины, все же жучье маслице живописно заляпало ей волосы, пиджак, блузку и брюки. Наклонившись, она осторожно поцеловала Марка в щеку.

— Они не обидели тебя, солнышко? — спросил Марк.

— Нет, — чуть задыхаясь, ответила Карин. — С нами все в порядке. Но, Марк, они пытаются увезти Энрике! А без него все предприятие рухнет!

Энрике, взлохмаченный и липкий, испуганно кивнул.

— Ш-ш, я со всем разберусь…

Как-нибудь.

Карин провела рукой по волосам. Добрая их половина стояла дыбом благодаря муссу из жучьего маслица, грудь ходила ходуном. Марк почти все утро провел в борьбе с нездоровыми ассоциациями, вызванными видом упаковочного оборудования, и смог сосредоточиться на деле, лишь твердо пообещав себе по возвращении домой прикорнуть после обеда. И не в одиночестве. Он все так хорошо спланировал! Но романтический сценарий не предусматривал наличия парочки эскобарцев. Проклятие, будь у *него* Карин и десяток контейнеров с жучьим маслицем, он нашел бы занятие куда интереснее, чем втирать это масло ей в волосы… И он так и сделает, только вот сначала нужно отделаться от гнусных эскобарских ищеек.

— Так вот, — заявил он, выходя в коридор. — Вы не можете его забрать. Во-первых, я заплатил за него залог…

— Лорд Форкосиган… — начал разъяренный Густиоз.

— Лорд Марк, — мгновенно поправил его Марк.

— Как угодно. Эскобарские кортесы не занимаются, как вы, похоже, полагаете, работорговлей. Как бы ни обстояли дела на этой вашей отсталой планете, на Эскобаре залог является гарантией появления обвиняемого в суде, а вовсе не трансакцией на рынке человеческого мяса.

— Но там, откуда я родом, это так, — пробормотал Марк.

— Он джексонианец, — пояснила Марсия, — а не барраярец. Не пугайтесь. Он с этим уже справился. Почти.

Обладание — это девять десятых… чего-то. Марк не желал выпускать Энрике из виду, если не был уверен, что сможет заполучить его назад. Существует же какой-то способ

юридически блокировать эту экстрадицию! Майлз наверняка знает как, только вот… Майлз не делал никакой тайны из своего отношения к жучкам-маслячкам. Вряд ли из него выйдет хороший советчик… Но графиня тоже купила акции…

— Мама! — воскликнул Марк. — Ага! Я хочу, чтобы вы хотя бы дождались возвращения моей матери. Возможно, она захочет с вами поговорить.

— Вице-королева — знаменитая женщина, — осторожно сказал Густиоз, — и я почту за честь быть ей представленным как-нибудь в другой раз. А сейчас мы опаздываем на орбитальный челнок.

— Они стартуют каждый час. Можете полететь на следующем. — Марк готов был поспорить, что эскобарцы боятся встречи с вице-королем и вице-королевой. Интересно, сколько времени они наблюдали за особняком Форкосиганов, чтобы улучить момент, когда в доме практически никого нет, и провести арест?

Каким-то образом — возможно, потому что Густиоз с Муно отлично знали свое дело, — Марк обнаружил, что вся компания медленно и неотвратимо смещается дальше по коридору. За ними тянулся склизкий след, будто по особняку Форкосиганов мигрировали гигантские слизни.

— Я должен проверить ваши документы.

— Мои документы в полном порядке. — Густиоз уже поднимался по ступенькам, прижимая к липкой груди смахивающую на гигантский плевок папку с бумагами. — И в любом случае вас это никоим образом не касается!

— Еще как касается! Я заплатил за доктора Боргоса залог, следовательно, имею вполне законный интерес. Я за это заплатил!

Они добрались до обеденного зала. Муно каким-то образом успел ухватить Энрике за предплечье. Марсия, хмуро на него глянув, мгновенно завладела другой рукой ученого. Тревога Энрике возросла вдвойне.

Спор продолжался. В черно-белом центральном коридоре Марк понял, что пора переходить к решительным действиям. Он обогнул процессию и встал, преградив выход.

— Раз уж вы гонялись за Энрике целых два чертовых месяца, Густиоз, — набычившись, прорычал он, — то лишние полчаса для вас роли не играют. Вы *подождете!*

— Если вы посмеете помешать мне выполнить мой законный долг, гарантирую, что найду способ посадить и вас! — рявкнул в ответ Густиоз. — И плевать мне, чей вы там родственник!

— Только затейте драку в особняке Форкосиганов! Враз убедитесь на собственной шкуре, что на мои родственные связи здесь не наплевать!

— Так его, Марк! — заулюлюкала Карин.

Энрике с Марсией бодро ее поддержали. Муно покрепче ухватил своего пленника, опасливо косясь на Роика и — куда более опасливо — на Карин с Марсией. Марк оценил ситуацию. Пока Густиоз ревет, он не сдвинется с места. А вот когда заткнется и попытается двинуться дальше, дело дойдет до драки и тогда… Вот тогда Марк не знал, что будет. Где-то в глубине его сознания словно оголодавший волк выл и скребся Убийца.

Густиоз набрал побольше воздуха и… внезапно замолчал. Марк напрягся, ошеломленный тем, что начал терять спокойствие, и тот, *Другой* , вот-вот прорвется наружу.

Замолчали все. Шум оборвался так резко, будто кто-то выключил рубильник. Теплый летний ветерок взъерошил Марку волосы на затылке. Позади него распахнулись огромные двустворчатые двери. Марк обернулся.

В дверях изумленно застыла большая группа людей. В центре стоял Майлз в парадном мундире Дома Форкосиганов, держа под руку Катриону Форсуассон. Справа — Никки с госпожой профессор Фортиц, слева — двое незнакомых мужчин. Один в зеленом лейтенантском мундире, второй, упитанный здоровяк, — в гражданке. Все таращились на перемазанных жучьим маслицем спорщиков. Поверх головы Майлза взирал Пим.

— Кто это? — беспокойно прошептал Густиоз. Уточнять, кого он имел в виду, необходимости не было.

— Лорд Майлз Форкосиган, — вполголоса огорошила его Карин. — *Имперский Аудитор* лорд Форкосиган! Вот теперь вам каюк!

Майлз медленно обвел взглядом собравшихся: Марка, Карин с Марсией, незнакомых эскобарцев, Энрике (тут он слегка поморщился); оглядел с головы до пят дюжего Роика. Мгновение тянулось долго-долго. Наконец губы Майлза разжались:

— Оруженосец Роик, похоже, вы нарушаете форму одежды.

Стоявший по стойке «смирно» Роик судорожно сглотнул.

— Я… я не на дежурстве, м'лорд.

Майлз двинулся вперед. Густиоз с Муно тоже автоматически вытянулись, но при этом Муно так и не выпустил Энрике. Марку чертовски хотелось знать, как Майлзу это удается.

— Мой брат, лорд Марк, — указал Майлз на Марка. — И Карин Куделка с сестрой Марсией. Доктор Энрике Боргос с Эскобара… хм… гость моего брата. — Потом он представил гостей. — Лейтенант Бэзил Форсуассон. Хью Форвейн. — Он кивнул на коренастого малого. — *Брат* Катрионы.

Его тон подразумевал «и лучше бы то, что тут творится, не было очередным кавардаком, коим оно кажется». Карин поморщилась.

— Остальных вы знаете. Боюсь, я не знаком с этими двумя господами. Твои гости случайно не собрались уходить, Марк? — любезно предположил Майлз.

И тут плотину прорвало. Полдюжины людей принялись объяснять, жаловаться, извиняться, умолять, требовать, обвинять и защищаться одновременно. Несколько минут Майлз слушал всю эту какофонию — на Марка это навеяло неприятные воспоминания о том, с какой удивительной легкостью братец умудрялся в командирском шлеме вести многоканальное управление боем. Наконец Майлз поднял руку. И — о чудо! — мгновенно добился тишины, разве что Марсия автоматически договорила еще несколько слов…

— Позвольте мне уточнить, правильно ли я понял, — проговорил он. — Вы двое, господа, — он кивнул на растерянных эскобарцев, — желаете увести доктора Боргоса и упрятать в каталажку? Навсегда?

Марк скривился, уловив в его голосе надежду.

— Не навсегда, — с сожалением ответил судебный пристав Густиоз. — Но, безусловно, надолго. — Помолчав, он протянул бумаги. — У меня есть все необходимые разрешения и ордеры, сэр!

— А! — Майлз покосился на склизкое месиво. — Действительно. — Помедлив, он добавил: — Вы, конечно, позволите мне их просмотреть?

Извинившись перед своими гостями, он сжал Катрионе ладошку… Погодите-ка, ведь они, кажется, друг с другом не разговаривают? Вчера Майлз весь день излучал отрицательную энергию, как мобильная черная дыра. У Марка один только взгляд на него вызывал головную боль. А теперь он просто сияет. Да что за чертовщина тут творится? Карин тоже смотрела на парочку с растущим подозрением.

Марк временно прекратил размышлять над этой загадкой, когда Майлз подвел Густиоза к боковому столику под зеркалом. Майлз же снял вазу с цветами, протянул ее Роику и жестом предложил Густиозу выложить документы на стол.

Затем он принялся медленно — Марк ни секунды не сомневался, что дорогой братец прибегнет ко всем возможным театральными трюкам, чтобы потянуть время и поразмыслить, их листать. Зрители наблюдали как зачарованные в гробовом молчании. Майлз осторожно брал бумаги кончиками пальцев и прочитывал, изредка поглядывая на Густиоза, отчего эскобарец всякий раз дергался. Примерно через раз Майлзу приходилось отклеивать листочки друг от друга.

— М-м-м… — протянул он. — Хм-м… Да, все восемнадцать, верно.

Добравшись до конца, он некоторое время задумчиво молчал, слегка касаясь пальцами стопки бумаг и не спеша возвратить их переминающемуся с ноги на ногу Густиозу. Затем вопросительно глянул из-под ресниц на Катриону. Она ответила ему встревоженным взглядом.

— Марк, — медленно заговорил Майлз. — Если я правильно понял, ты расплатился с Катрионой за дизайн акциями, а не наличностью?

— Да, — кивнул Марк. И поспешно добавил: — И с матушкой Кости тоже.

— И со мной! — заявила Карин.

— И мной! — добавила Марсия.

— У предприятия временные проблемы с наличностью, — осторожно пояснил Марк.

— И с матушкой Кости, значит, тоже. Хм… О Господи! — Майлз некоторое время смотрел в пространство, затем с улыбкой повернулся к Густиозу: — Судебный пристав Густиоз!

Густиоз выпрямился едва ли не по стойке «смирно».

— Все документы, которые вы предоставили, действительно законны и оформлены правильно.

Майлз осторожно взял пачку двумя пальцами и протянул ее эскобарцу. Густиоз улыбнулся, испустив вздох облегчения.

— Однако, — продолжил Майлз, — вы пропустили одну инстанцию. Весьма существенную. Охранник СБ у ворот вообще не должен был вас без нее пропускать. Ну да что с них взять — парни солдаты, а не юристы. Полагаю, не стоит налагать на капрала взыскание. Хотя придется сказать генералу Аллегре, чтобы он ввел это в служебный инструктаж.

Густиоз в ужасе уставился на Майлза.

— У меня есть имперское разрешение, разрешение локального планетарного пространства, округа Форбарра и городских властей Форбарр-Султана. Какие *еще* тут могут быть инстанции?

— Особняк Форкосиганов — официальная резиденция графа Форкосигана, — любезно пояснил Майлз. — И будучи таковым, считается территорией округа Форкосиганов, примерно как посольство. Чтобы забрать человека *из особняка Форкосиганов* в городе Форбарр-Султан округа Форбарра на Барраяре, вам нужно все это, — он махнул на липкую стопку, — а также разрешение на экстрадицию и ордер, выданный Голосом графа — как тот, что вы получили от округа Форбарра, — от имени округа Форкосиганов.

На Густиоза было страшно смотреть. Его трясло.

— Где я могу найти ближайший Голос округа Форкосиганов? — прохрипел он.

— Ближайший? — жизнерадостно прочирикал Майлз. — Ну, вообще-то это я.

Судебный пристав довольно долго смотрел на него. Потом сглотнул.

— Очень хорошо, сэр, — проговорил он надтреснутым голосом, — могу я получить ордер на экстрадицию доктора Энрике Боргоса от… от Голоса графа?

Майлз покосился на Марка. Марк, закусив губу, буравил его взглядом. *Ах ты, сучий потрох, ты ведь наслаждаешься каждым мгновением …*

Испустив долгий, скорее сожалеющий вздох — вся аудитория затаила дыхание, — Майлз бодро выдал:

— Нет. Ваше прошение отклонено. Пим, пожалуйста, препроводите этих господ за пределы моих владений, а потом известите матушку Кости, что за обедом нас будет, — он обежал взглядом всех присутствующих, — десять. И скоро. К счастью, она любит такого рода вызовы ее искусству. Оруженосец Роик… — Молодой человек, продолжая сжимать вазу с цветами, смотрел на него с достойным жалости ужасом. — Пойдите примите *ванну* .

Пим — рослый, уже немолодой и одетый по всей форме — решительно двинулся на эскобарцев. Те не выдержали и, сникнув, покорно позволили выставить себя за дверь.

— Ему придется когда-нибудь выйти из этого дома, черт подери! — крикнул через плечо Густиоз. — Не может же он прятаться тут вечно!

— Мы перевезем его в округ Форкосиганов на официальном флайере графа! — веселой скороговоркой бросил ему вслед Майлз.

Невразумительный вопль Густиоза оборвался за закрытой дверью.

— Этот проект с жучками-маслячками и правда очень захватывающий, — лучезарно

сообщила Катриона своим родственникам. — Вам надо посмотреть лабораторию.

«Не сейчас, Катриона!» — замахала ей Карин.

Майлз метнул на Марка грозный предупреждающий взгляд и жестом указал гостям в другую сторону.

— А пока вам, возможно, будет интересно осмотреть библиотеку особняка Форкосиганов. Профессор, не будете ли столь любезны поведать Хью с Бэзилом некоторые исторические подробности об этом доме, пока я займусь кое-какими делами? Иди с бабушкой, Никки. Весьма вам признателен…

Он не выпускал руки Катрионы, пока вся компания не удалилась.

— Лорд Форкосиган! — вскричал Энрике. Голос его срывался от облегчения. — Не знаю, чем я смогу вас отблагодарить!

Майлз жестом оборвал его.

— Я что-нибудь придумаю.

Марсия, которая знала Майлза несколько лучше, кисло улыбнулась и взяла эскобарца за руку.

— Пошли, Энрике. Нам, пожалуй, стоит начать отрабатывать твой долг с наведения порядка в лаборатории, тебе не кажется?

— Ах! Ну да, конечно! — Марсия решительно волокла Энрике прочь. С лестницы донесся его голос: — Как ты думаешь, ему понравятся жучки, что спроектировала *Катриона?..*

Катриона восторженно улыбнулась Майлзу:

— Отлично разыграно, милый!

— Ага, — буркнул Марк. Он обнаружил, что изучает носки своих сапог. — Я знаю твое отношение к нашему проекту… Хм… Спасибо, а?

Майлз слегка покраснел.

— Ну… не мог же я обидеть мою кухарку. Она вроде как усыновила это эскобарское недоразумение. Надо полагать, за то, с каким энтузиазмом он поглощает мою пищу.

Марк внезапно нахмурился.

— Это правда, что резиденция графа юридически является частью округа? Или ты с ходу придумал?

— Проверь сам, — коротко улыбнулся Майлз. — А теперь, если вы нас простите, то лучше мне пойти успокоить страхи моих будущих родственников. Им выпало трудное утро. И в качестве личной услуги, дорогой братец, будь любезен не обрушивать на меня сегодня больше никаких кризисов, ладно?

— Будущих род… — Карин расплылась в восторженной улыбке. — Ой, Катриона! Как здорово! Майлз, ты… ты крыса! Когда это произошло?

На сей раз Майлз ухмыльнулся совершенно искренне.

— Она сделала мне предложение, и я сказал «Да». — Лукаво глянув на Катриону, он добавил: — Должен же я был показать ей хороший пример. Теперь ты знаешь, *как* нужно отвечать на предложение руки и сердца, Катриона. Прямо, решительно и, самое главное, положительно!

— Учту.

Когда он повел ее в библиотеку, лицо Катрионы было совершенно бесстрастным, но глаза лучились от смеха.

Карин, понятное дело, улыбнулась им вслед и прильнула к Марку. Ну, понятное дело, эта штука заразительна. Так в чем проблема? Плевать на костюм! Он обнял ее за талию.

Карин провела рукой по волосам.

— Хочу в душ.

— Можешь воспользоваться моим, — тут же предложил Марк. — Я потру тебе спинку…

— Можешь потереть все. Кажется, я потянула мышцы, играя в перетягивание Энрике.

Черт побери, похоже, этот день еще удастся спасти! Ласково улыбаясь, Марк повел

Карин к лестнице.

Откуда-то из тени выползла жучья королева цветов Дома Форкосиганов и быстро помчалась по выложенному черно-белой плиткой полу. Карин взвизгнула, Марк рыбкой нырнул за здоровенным жуком. Он проехал на животе до бокового столика и увидел, как серебристый зад исчезает в щели между стеной и каменной плитой пола.

— Проклятие, да эти твари умеют расплющиваться! Может, стоит сказать Энрике, чтобы сделал их повыше? — Марк, отряхиваясь, поднялся с пола. — Она удрала в стену.

К своему гнезду.

Карин скептически заглянула под стол.

— Майлзу скажем?

— Ни за что! — отрезал Марк и повел ее наверх.

Эпилог

Для Майлза оставшиеся до свадьбы две недели пролетели со скоростью звука. Впрочем, он подозревал, что для Грегора с Лаисой время ползло медленнее, чем самая ленивая черепаха. При каждой встрече с императором он выдавал подходящие сочувственные возгласы и междометия, соглашаясь, что все эти светские выкрутасы — тяжелейшее бремя, но что же делать, рано или поздно всем приходится их выдерживать, таковы издержки цивилизации, держи хвост морковкой, крепись, солдат, и все такое. Но в голове Майлза пузырились и искрились совсем другие мысли: *Смотри! Я помолвлен! Разве она не красавица? Она* ***сама*** *сделала мне предложение. И она еще и умница! Она выходит* ***за меня*** *замуж. Моя, моя, вся моя! Я помолвлен! Я женюсь!* Эдакий вот лихорадочный поток мыслей, внешне проявлявшийся, как он надеялся, лишь в виде спокойной довольной улыбки.

До начала последней предсвадебной недели он ухитрился трижды отужинать у Фортицев и дважды заманить Катриону с Никки на обед в особняк Форкосиганов. А потом уже все его обеды и ужины — даже завтраки, бог ты мой! — были четко расписаны. И все же график не был столь насыщенным, как у Грегора с Лаисой, который леди Элис умудрились превратить в каскад блиц-визитов. Майлз пригласил Катриону составить ему компанию на всех этих официальных приемах. Она благовоспитанно согласилась пойти на три. Лишь гораздо позже Карин просветила его, что уважающая себя леди может позволить себе выйти в свет в одном и том же платье ограниченное количество раз. Проблема, которую Майлз с радостью бы разрешил, если б догадался о ее существовании. Хотя, возможно, так оно вышло и к лучшему. Он хотел, чтобы Катриона разделяла с ним радость, а не усталость.

Окружавшее их облако веселых поздравлений было омрачено лишь однажды, на ужине в честь пожарной стражи Форбарр-Султана, где вручали награды отличившимся за минувший год пожарным. Покидая ужин рука об руку с Катрионой, Майлз обнаружил, что выход перекрыт пьяным лордом Формуртосом, одним из сподвижников Ришара. К этому времени зал уже почти опустел, остались только несколько человек, которые о чем-то оживленно беседовали. Слуги уже приступили к уборке. Формуртос, упираясь обеими руками в дверной косяк, никак не желал освобождать проход.

На вежливое Майлзово «простите» Формуртос с преувеличенной иронией скривился в ухмылке.

— Почему бы и нет? Похоже, ты настоящий Форкосиган, если вышел сухим из воды даже с убийством.

Катриона мгновенно напряглась. Майлз секунду поколебался, прикидывая вариант ответа: объяснить, отбрить, возразить? Вступить в спор с пьяным дураком? Нет. *В конце концов, я — сын Эйрела Форкосигана* .

Он не моргая уставился на Формуртоса и угрожающе тихо проговорил:

— Если ты и впрямь так думаешь, *то какого черта стоишь у меня на пути?*

Развязность Формуртоса вмиг улетучилась, сменившись запоздалым страхом. С деланной небрежностью, стоившей ему немалых усилий, он отклеился от косяка и жестом

предложил паре проходить. Майлз оскалился в улыбке, и Формуртос невольно отступил еще на шаг. Майлз взял Катриону под руку и прошествовал мимо, не оглядываясь.

Когда они шли по коридору, Катриона разок обернулась.

— Он исчез. Знаешь, в один прекрасный день твое чувство юмора тебе выйдет боком, — заметила она.

— Скорее всего, — вздохнул Майлз.

Майлз пришел к выводу, что императорская свадьба сильно смахивает на боевую высадку десанта. Отличие заключалось лишь в том, что командовал не он. К счастью. Нервный срыв грозил леди Элис с полковником лордом Форталой-младшим. А от него требуется лишь улыбаться и исполнять приказы, и скоро все закончится.

Хорошо еще, что дело было в Праздник Середины Лета, ведь единственным местом (кроме фантастически уродливого городского стадиона), где могли разместиться все круги свидетелей, был прежний парадный плац, ныне — симпатичный лужок, заросший густой травкой, к югу от императорского дворца. Бальный зал держали про запас на случай дождя (с точки зрения Майлза, террористический план, цель которого — гибель от перегрева и кислородной недостаточности большей части правительства). Для пущего сходства с помолвкой, запомнившейся сильнейшей метелью и обильным снегопадом в Зимнепраздник, не хватало только летних ураганов. Но, ко всеобщей радости, денек выдался славным.

Утро началось с очередного официального завтрака в императорском дворце, на сей раз с Грегором и командой жениха. Грегор казался слегка помятым, но решительным.

— Как держишься? — тихонько поинтересовался Майлз.

— До ужина доживу, — заверил его Грегор. — А потом утопим преследователей в вине и сбежим.

Даже Майлз не знал, куда собрались удрать Грегор с Лаисой на брачную ночь: в одно из многочисленных владений Форбарра, загородное поместье кого-нибудь из друзей или вовсе на какой-нибудь из болтавшихся на орбите боевых крейсеров. Он был уверен лишь в одном — на императорской свадьбе новобрачным не устроят никакого «кошачьего концерта» под окнами. Грегор отобрал для охраны своих ворот самых грозных и начисто лишенных чувства юмора сотрудников Имперской безопасности.

Майлз вернулся в особняк Форкосиганов, чтобы переодеться в самый лучший парадный мундир Дома, тщательно украшенный боевыми наградами, которые он, как правило, не носил. Из третьего круга свидетелей на него будет смотреть Катриона в обществе тети и дяди. Скорее всего он ее не увидит, пока новобрачные не принесут все обеты.

Когда Майлз прибыл во дворец, там было полно народа. Он присоединился к отцу, Грегору, Ку с Дру, Генри Форволку с женой и всем остальным из первого круга свидетелей, собравшимся в приемной. Вице-королева отсутствовала — она помогала леди Элис. Обе женщины и Айвен прибыли буквально друг за другом. В лучах заходящего солнца к западному входу подвели лошадь Грегора — великолепного черного жеребца в сверкающей кавалерийской сбруе. Оруженосец в мундире Дома Форбарра вел белую красавицу-кобылицу, предназначенную Лаисе. Грегор вскочил в седло, внушительно величественный в своем красно-синем парадном мундире и чудовищно взволнованный. Окруженный пешей свитой, он торжественно проследовал мимо толпы к бывшим казармам, переделанным под гостевые палаты, где обитала комаррская делегация.

А там уже пришлось потрудиться Майлзу, поскольку стучать в дверь и требовать выдачи невесты было его обязанностью. За ним из окна наблюдали хихикающие комаррианки. В дверях появилась Лаиса с родителями, и Майлз отступил в сторону. Наряд невесты, как он отметил на будущее, состоял из белого шелкового жакета с потрясающими кружевами, белой шелковой юбки с разрезом и легких белых кожаных сапожек. Тщательно уложенные волосы украшал головной убор, с которого спадали каскадом цветы. Оруженосцы позаботились, чтобы невеста без осложнений загрузилась на борт на редкость

малохольной — надо полагать, под воздействием транквилизаторов, — кобылки. Грегор подъехал поближе и незаметно пожал Лаисе руку. Они улыбнулись друг другу с взаимным восторгом. Отец Лаисы, невысокий кругленький комаррский олигарх, никогда в жизни не видевший живой лошади до репетиций свадебного шествия, храбро взял кобылу под уздцы, и вся кавалькада, развернувшись по широкому кругу, двинулась в обратном направлении мимо ликующих зрителей к южному лугу.

Свадебная площадка представляла собой круг, усыпанный разноцветным зерном. Сотнями килограммов. Маленький кружок в центре поджидал новобрачных. Его обрамляла шестиконечная звезда для главных свидетелей, дальше шла серия расширяющихся кругов для гостей. В первом круге — близкие друзья и родственники, за ними графы со своими графинями, дальше — высокопоставленные чиновники, офицеры и Имперские Аудиторы. Потом — дипломатические делегации. Народу набилось до упора, а на улице толпилось еще больше. Кавалькада распалась на две части, невеста с женихом спешились и вошли в круг с противоположных сторон. Лошадей увели, Майлзу и подружке Лаисы вручили традиционные мешочки с зерном, которым они должны были осыпать новобрачных — что удалось осуществить, не уронив мешков и не насыпав слишком много зерен друг другу в сапоги.

Майлз занял место на отведенном ему луче звезды, на свои лучи встали его родители и родители Лаисы, подружка Лаисы — напротив Майлза. Майлзу не нужно было подсказывать Грегору слова, и пока брачующиеся произносили обеты — на четырех языках! — он наблюдал за счастливыми лицами вице-короля с вице-королевой. Никогда еще он не видел отца плачущим на публике. Ну ладно, все сегодня исполнены сентиментальных чувств, но у некоторых — это слезы чисто политического облегчения. Уж он-то наверняка лишь по этой причине вынужден был смахнуть слезу со *своих* глаз. Впечатляющий публичный спектакль, церемония чертова…

Сглотнув, Майлз вышел вперед, чтобы движением ноги, отшвырнув зерна, разорвать круг и выпустить из него счастливую пару. Он воспользовался своей привилегией и первым пожал Грегору руку, а потом, поднявшись на цыпочки, чмокнул в щеку пунцовую новобрачную. На этом обязанности закончились, наконец-то Майлз был свободен и мог спокойно отправиться на поиски Катрионы. Продираясь сквозь толпу людей, сгребающих на память горстки зерна, он, как страус, тянул шею в попытке углядеть элегантную женщину в сером шелковом платье.

Карин вцепилась Марку в руку и удовлетворенно вздохнула. Кленовая амброзия оказалась *хитом* .

Грегор мудро взвалил часть астрономических затрат на своих графов. Каждому округу предложили открыть свой павильон около дворца и подавать любые местные деликатесы и напитки (разрешенные леди Элис и СБ), которыми им захочется попотчевать гостей. Эффект получился почти как на окружной ярмарке, но конкуренция вынудила поставить все лучшее, что мог дать Барраяр. Павильон округа Форкосиганов занимал одно из лучших мест в северо-восточном углу дворца, на самом верху дорожки, что вела в нижний сад. Граф Эйрел отписал ради такого случая тысячу литров вина, традиционный и очень популярный дар.

На столе рядом с винным баром лорд Марк Форкосиган и его предприятие предлагали гостям — та-да-да-дам! — свою первую продукцию. Матушка Кости с Энрике управляли большой группой прислуги из особняка Форкосиганов, наливавшей огромные порции кленовой амброзии высшим форам с такой скоростью, с какой могли передавать бокалы через стол. В конце стола в клетке светились и переливались сине-красно-золотым сиянием десятки новеньких жучков-светлячков. Там же стояла небольшая пояснительная табличка, из чего и как сделана амброзия. Этот текст Карин переписала сама, убрав из него и техницизм Энрике, и явную меркантильность Марка. Ну ладно, допустим, то переименованное жучье маслице, которое сейчас раздавали направо и налево, произвели вовсе не эти прекрасные жучки, но ведь дело всего лишь в упаковке, верно?

Из толпы выплыли Майлз с Катрионой в сопровождении Айвена. Майлз углядел отчаянно машущую им Карин и свернул к павильону. Майлз по-прежнему пребывал в радостном обезумении, в котором находился последние две недели. Катриона, поскольку для нее это был первый императорский прием, выглядела несколько ошарашенной. Карин схватила бокал амброзии и протянула приближавшейся троице.

— Катриона, им нравятся жучки-светлячки! Как минимум десяток женщин уже пытались стянуть их, чтобы прикрепить к волосам вместе с цветами… Энрике пришлось запереть клетку, а то сопрут последних. Он говорит, что это *демонстрационные* образцы, а не *бесплатные* .

— Рада, что помогла сломить сопротивление ваших потребителей! — рассмеялась Катриона.

— Ой, ты даже не представляешь насколько! А с таким дебютом на императорской свадьбе всем захочется их заполучить! На-ка, ты ведь еще не пробовала кленовой амброзии? Майлз?

— Я уже попробовал, спасибо, — нейтральным тоном ответил Майлз.

— Айвен! Ты должен это попробовать!

Айвен подозрительно скривился, но вежливо понес ложку к губам. Выражение его лица мгновенно изменилось.

— Уау! Что вы туда добавили? В ней весьма ощутимые градусы!

Он пресек попытку Карин отобрать бокал.

— Кленовую медовуху, — радостно сообщила Карин. — Это матушка Кости придумала. Здорово, правда?

Айвен сглотнул и немного помолчал.

— Кленовую медовуху? Самое отвратительное пойло, разрушающее кишки?

— Кто к чему привык, — пробормотал Майлз.

Айвен попробовал еще.

— В сочетании с самой отвратительной жратвой, какую только можно придумать… Как ей удалось получить из такой комбинации *вот это?* — Он подобрал всю до последней капли золотую массу и явно прикидывал, не вылизать ли бокал. — Просто потрясающе! Еда и выпивка разом. Неудивительно, что тут очередь!

— Я только что очень мило побеседовал с лордом Форсмитом, — вступил в беседу ухмыляющийся Марк. — Не вдаваясь в подробности, могу сказать, что, похоже, нашему стартовому дефициту средств пришел конец. Катриона! Теперь я могу выкупить у тебя акции, что дал тебе за дизайн. Что скажешь, если я предложу тебе двойную цену от изначальной стоимости?

Катриона явно была ошеломлена.

— Это чудесно, Марк! И так вовремя! Это гораздо больше, чем я рассчитывала…

— Ты ему скажешь «Нет, спасибо», — решительно оборвала ее Карин. — Держись за эти акции мертвой хваткой, Катриона! А если тебе понадобятся наличные, ты просто возьмешь под их залог. А потом, когда в будущем году их стоимость взлетит до не знаю каких высот, продай *несколько штук,* ровно столько, чтобы выплатить заем, а остальные держи при себе. К тому времени, когда подрастет Никки, ты спокойно сможешь оплатить на них его обучение на пилота скачкового корабля.

— Ты не обязана поступать именно так… — начал Марк.

— Именно так я поступлю с моими! И с их помощью оплачу дорогу до Колонии Бета. — Теперь ей не придется выпрашивать у родителей ни монетки — новость, оказавшаяся для них весьма и весьма удивительной, что несказанно порадовало Карин. Несколько оправившись от шока, ма с отцом попытались предложить ей пожизненное содержание, для того только, чтобы восстановить равновесие, а может, власть. Она с огромным удовольствием вежливо отказалась. — И матушке Кости я тоже запретила продавать.

— Я поняла, Карин. — Катриона слегка прищурилась. — В таком случае… Спасибо,

лорд Марк. Я подумаю над вашим предложением.

Марк поник и что-то пробормотал себе под нос, но под сардоническим взглядом брата не стал развивать свою махинацию.

Карин радостно ускакала к сервировочному столу, где матушка Кости как раз открывала очередной пятилитровый контейнер с кленовой амброзией.

— Как идут дела? — спросила Карин.

— Такими темпами через час ничего не останется, — доложила кухарка. На ней было ее лучшее платье, прикрытое кружевным передником. Огромный венок из свежих орхидей, подаренный Майлзом, свисал на грудь. Существует много способов попасть на императорскую свадьбу…

— Жучье маслице с кленовой медовухой — лучшее, что вы могли придумать, чтобы изменить мнение Майлза, — сообщила Карин. — Он один из немногих знакомых мне людей, кто действительно *пьет* это пойло.

— Карин, душечка, да это вовсе не моя идея, — пропела матушка Кости, — это все придумал лорд Форкосиган. Он ведь владеет пасеками… Думаю, он углядел в этом способ подкинуть побольше деньжат тем беднякам, что живут в горах Дендари…

— Поня-ятно, — расплылась в ухмылке Карин. Она глянула на Майлза, добродушно стоявшего об руку со своей дамой и изображавшего полное равнодушие к финансовому проекту своего клон-брата.

В сгущающихся сумерках по всем садам и площадкам императорского дворца начали зажигаться разноцветные огоньки. Жучки-светлячки в своей клетке, мерцая, распустили надкрылья.

Марк глаз не сводил со светловолосой, порозовевшей и очень аппетитной Карин и довольно вздыхал, машинально перебирая в кармане разноцветные зерна, которые он по ее просьбе подобрал в свадебном круге. Стряхнув зерна, он протянул ей руку.

— А что надо делать с этими зернами, Карин? Посадить или что?

— Да нет! — ответила она, когда он привлек ее поближе. — Это просто на память. Большинство гостей положат их в маленькие мешочки и будут потом рассказывать внукам, как были на императорской свадьбе.

— Это чудесные зерна, — добавил Майлз. — Они размножаются. К завтрашнему дню — или даже сегодня ближе к ночи — по всему Форбарр-Султану начнут продавать мешочки якобы свадебных зерен всяким олухам. Тонны и тонны.

— Да ну. — Марк задумался. — Знаешь, а ведь это можно делать вполне законно, если проявить немного изобретательности. Возьми жмень свадебных зерен, смешай с бушелем другого зерна, перепакуй… покупатель будет по-прежнему получать подлинное зерно с императорской свадьбы, в некотором смысле, только с довеском…

— Карин, сделай одолжение, — обратился к девушке Майлз. — Проверь его карманы, прежде чем он выйдет отсюда, и конфискуй все зерна до единого, которые найдешь.

— Я же не говорю, что собираюсь это делать! — возмутился Марк.

Майлз ухмыльнулся, и Марк запоздало сообразил, что его примитивно купили. Он беспомощно улыбнулся, слишком довольный сегодняшним днем, чтобы что-либо могло испортить ему настроение.

Карин куда-то смотрела, и Марк, проследив за ее взглядом, увидел, что к ним приближаются коммодор Куделка в парадном красно-синем мундире и госпожа Куделка в чем-то зеленом и воздушном. Коммодор довольно решительно опирался на трость, но вид у него был какой-то потерянный. Карин умчалась, чтобы принести родителям амброзии.

— Как дела? — приветствовал гостей Майлз.

— Я немного… хм… Немного… хм… — с отсутствующим видом ответил коммодор.

— Немного хм? — выгнул бровь Майлз.

— Оливия только что сообщила о своей помолвке, — пояснила госпожа Куделка.

— Так я и думал, что это чертовски заразная штука! — Майлз лукаво улыбнулся

Катрионе.

Катриона ответила ему обворожительной улыбкой и повернулась к Куделкам:

— Поздравляю. И кто этот счастливчик?

— Вот это… хм… как раз та часть, к которой трудновато привыкнуть, — вздохнул коммодор.

— Граф Доно Форратьер, — ответила госпожа Куделка.

Тут как раз подоспела Карин с бокалами амброзии. Она подпрыгнула и радостно заверещала. Марк покосился на Айвена, но тот лишь покачал головой и принялся за очередную порцию амброзии. Из всех присутствующих он был единственным, кто ничем не выразил удивления. Он казался угрюмым, это да. Удивленным — нет.

Наконец Майлз обрел дар речи.

— Я всегда знал, что одна из ваших девочек захомутает графа.

— Да, — сказал коммодор, — но…

— Я ни на секунду не сомневалась в том, что Доно знает, как сделать ее счастливой, — попыталась успокоить его Катриона.

— Хм…

— Она хочет большую свадьбу, — сообщила госпожа Куделка.

— Как и Делия, — вздохнул коммодор. — Я предоставил им самим разбираться, чья свадьба будет первой. И за кем первый выстрел по моему несчастному бюджету. — Он оглядел разукрашенные площадки дворца и становившихся с каждым часом все веселее гостей. Было еще довольно рано, и почти все пребывали пока в вертикальной плоскости. — То, что тут творится, навело их обеих на грандиозные идеи.

— Ого! Я должен поговорить с Дувом! — восхищенно воскликнул Майлз.

Коммодор Куделка приблизился к Марку и понизил голос:

— Марк, я… м-м-м… Мне кажется, я должен перед тобой извиниться. Я не хотел быть таким упертым насчет всего этого.

— Все в порядке, сэр. — Марк был удивлен и тронут.

— Значит, вы осенью вернетесь на Бету. Это хорошо, — добавил коммодор. — В конце концов, в вашем возрасте нет необходимости торопиться с такими делами.

— Вот и мы так думаем, сэр. — Марк помедлил. — Я знаю, из меня пока что плохой семьянин. Но я твердо намерен научиться.

Коммодор, кривовато улыбнувшись, кивнул:

— Ты хорошо справляешься, сынок. Просто продолжай в том же духе.

Карин незаметно сжала ему ладонь. Марк прочистил внезапно пересохшее горло, осваиваясь с новой для себя мыслью, что человек может не только обрести свою семью, а даже заполучить вдобавок еще одну. Богатство связей…

— Спасибо, сэр. Я постараюсь.

Из-за угла дворца выплыли рука об руку Оливия с Доно. Оливия — в платье любимого нежно-желтого цвета, Доно — сдержанно великолепен в синем с серым мундире Дома Форратьеров. Марк впервые заметил, что темноволосый Доно чуть ниже своей нареченной. Все девочки Куделки отличались немалым ростом, но сила личности Доно была такова, что эту разницу в росте никто не замечал.

Они подошли к Марку, объясняя, что им пять разных человек велели пойти попробовать кленовую амброзию, пока она не закончилась. Пока Карин ходила за очередными порциями, Доно с Оливией принимали поздравления. Даже Айвен снизошел до этой светской обязанности.

Вернулась Карин, и Оливия сообщила:

— Я только что разговаривала с Татей Форбреттен. Она так рада, они с Рене зачали своего мальчика! Зародыша только нынче утром пересадили в маточный репликатор. Пока совершенно здоровенького.

Карин, ее мать, Оливия и Доно склонились голова к голове, и завершение этого разговора осталось тайной. Айвен отошел в сторонку.

— Дела становятся хуже и хуже, — мрачно пожаловался он Марку. — Я привык терять за раз по одной подружке. А теперь они начинают выходить замуж *парами* .

— Ничем не могу помочь, старик, — пожал плечами Марк. — Но если хочешь мой совет…

— *Ты* собираешься давать *мне* советы насчет моих любовных дел?! — возмутился Айвен.

— Как аукнется, так и откликнется, Айвен. Даже я со временем до этого допер, — ухмыльнулся Марк.

Айвен зарычал и собрался гордо удалиться, но изумленно замер, когда граф Доно окликнул своего кузена Байерли Форратьера, шагающего по тропинке в сторону дворца.

— А *этот* что тут делает? — пробормотал Айвен.

Доно с Оливией откланялись и ушли — наверное, чтобы сообщить Баю свою новость. Айвен, помедлив, протянул Карин пустой бокал и молча поплелся за ними.

Коммодор, выскребая маленькой ложечкой остатки амброзии, мрачно смотрел вслед Оливии, висевшей на руке жениха.

— Графиня Оливия Форратьер, — пробормотал он под нос, явно пытаясь привыкнуть к этой новой концепции. — Мой зять, граф… Проклятие, да этот малый ей в отцы годится!

— В матери наверняка, — пробормотал Марк.

Коммодор кисло поглядел на него.

— Понимаешь, — сказал он чуть помолчав, — просто исходя из принципа родства душ, я всегда считал, что мои девочки выйдут замуж за блестящих молодых офицеров. И надеялся под старость иметь свой собственный генералитет. Впрочем, в утешение есть Дув. Тоже, конечно, не юнец, но блестящий просто до жути. Что ж, возможно, моя дочь найдет нам будущего генерала.

У стола с жучками-маслячками остановилась Марсия в светло-зеленом туалете, спросила, как дела, и тут же принялась раздавать амброзию. Они с Энрике наклонились, чтобы поднять очередной контейнер, и эскобарец от души рассмеялся над какими-то ее словами. Они договорились, что, когда Марк с Карин вернутся на Колонию Бета, Марсия станет управляющей их предприятия. Марк сильно подозревал, что в конечном итоге она сделается обладательницей контрольного пакета. Не важно. Это пока его первый опыт предпринимательской деятельности. *Я могу создать другие. Энрике зароется в своей опытной лаборатории. Наверняка они с Марсией, работая вместе, многому научатся. Родство душ…*

Марк попробовал догадку на кончике языка. *А это мой свояк, доктор Энрике Боргос* … Марк передвинулся так, чтобы коммодор оказался спиной к столу, где Энрике с откровенным восхищением взирал на Марсию, проливая амброзию себе на пальцы. Карин говорит, что нескладные молодые интеллектуалы делаются лучше с возрастом. Значит, раз одна Куделка выбрала военного, вторая — политика, третья — экономиста, то последняя для полного комплекта должна выбрать ученого… Похоже, не генералитетом будет в старости обладать Ку, а целым миром… Из милосердия Марк решил держать свои наблюдения при себе.

Если дела пойдут хорошо, возможно, на Зимнепраздник он сможет подарить Ку с Дру полностью оплаченную путевку в Сферу, просто чтобы поощрить искреннее стремление коммодора к социальным свободам… А заодно повидаться с Карин на Колонии Бета. Взятка, перед которой они никак не смогут устоять…

Айвен молча ждал, когда Доно закончит сердечную беседу с кузеном Байерли. Доно с Оливией вошли сквозь стеклянные двери во дворец. Свет, льющийся из окон, освещал променад. Байерли взял бокал у проходившего мимо слуги и, приблизившись к балюстраде, небрежно облокотился о нее, любуясь садами.

— Привет, Байерли, — подошел к нему Айвен. — Почему ты не в тюрьме?

Байерли обернулся.

— Ах, Айвен! — радостно улыбнулся он. — Разве ты не знаешь, я стал Имперским Свидетелем. Мое тайное свидетельство отправило дорогушу Ришара в холодную. Все прощено.

— Доно простил тебе то, что ты пытался с ним сделать?

— А я тут при чем? Это была идея Ришара. Он всегда воображал себя человеком действия, не потребовалось особых усилий, чтобы подтолкнуть его туда, откуда нет возврата.

Айвен, напряженно улыбаясь, взял Байерли под руку.

— Пошли, прогуляемся немного.

— Куда? — с беспокойством спросил Бай.

— Туда, где потише.

Первое, на что они наткнулись, была каменная скамья в закрытой кустами беседке, оккупированная какой-то парочкой. Как выяснилось, молодой человек был фором-лейтенантом, с которым Айвен был знаком по службе в оперативном отделе Генштаба. Ему потребовалось примерно пятнадцать капитанских секунд, чтобы выкурить парочку. Байрели наблюдал с деланным восхищением.

— Каким же ты у нас стал властным за последние дни, Айвен!

— Садись, Бай. И кончай дурака валять. Если можешь.

Бай удобно устроился, закинув ногу на ногу. Глаза его оставались настороженными. Айвен расположился между Баем и выходом.

— Почему ты здесь, Бай? Тебя Грегор пригласил?

— Доно меня привел.

— Какой он добрый. Просто до невозможности. Вот я, к примеру, ни на миг этому не верю.

— Это правда, — пожал плечами Бай.

— Что *в действительности* произошло той ночью, когда на Доно напали?

— Господи, Айвен! Своей настойчивостью ты начинаешь мне неприятно напоминать твоего коротышку кузена.

— Ты лгал тогда и лжешь сейчас, только я никак не могу понять, в чем именно. Ты меня огорчаешь. И я почти готов поделиться с тобой моей горестью.

— Ну-ну… — Глаза Бая сверкнули в разноцветных огнях, хотя лицо его оставалось в тени. — На самом деле все очень просто. Я сказал Доно, что я — агент-провокатор. Согласен, я помог организовать нападение. Что я не соизволил сообщить Ришару, так это что я заблаговременно вызвал взвод муниципальной гвардии, чтобы они вмешались в нужный момент. После чего, согласно сценарию, Доно должен был притащиться в особняк Форсмитов, весь из себя потрясенный, и предстать в таком виде перед доброй половиной Совета Графов. Грандиозный спектакль, гарантирующий сочувствие и — автоматом — набор голосов.

— Ты подбил на это Доно?

— Да. К счастью, я смог предоставить гвардейцев в качестве свидетелей моих добрых намерений. Ну не умница ли я? — хихикнул Бай.

— Как и Доно, насколько я понимаю. Вы с ним вместе это придумали, чтобы утопить Ришара?

— Нет. Вообще-то это должен был быть сюрприз, хотя и не такой, как вышел в итоге. Мне нужно было обеспечить абсолютно убедительную реакцию Доно. Нападение должно было состояться — и быть засвидетельствовано, — чтобы обвинить Ришара, начисто исключив возможность защиты. Было бы несколько неловко, если бы Ришар стал всего лишь жертвой — и доказуемой — ловушки своего политического соперника.

— Готов поклясться, что ты не прикидывался чертовски огорченным в ту ночь, когда наткнулся на меня.

— О нет, я и впрямь был чертовски огорчен. М-да… Болезненные воспоминания. Вся моя чудесная режиссура рухнула в одночасье. Хотя благодаря тебе и Оливии кое-что все же

удалось спасти. Полагаю, мне следовало быть тебе благодарным. Моя жизнь была бы… довольно неуютной, если бы эти мерзкие бандиты добились успеха.

Насколько неуютной, Бай? Айвен немного помолчал и тихонько спросил:

— Это Грегор приказал?

— У тебя имеются романтические идеи насчет возможности оспаривания, Айвен? О Господи! Нет. Мне пришлось приложить кое-какие усилия, чтобы держать СБ в стороне. Приближающаяся свадьба сделала их всех удручающе негибкими. Они бы, зануды эдакие, немедленно возжелали тут же арестовать заговорщиков. Куда менее эффективно с политической точки зрения.

Если Бай лжет… Айвен не хотел этого знать.

— Майлз говорит, что если затеваешь такие игры с большими мальчиками, то лучше быть чертовски уверенным, что выиграешь. Правило номер один. И правила номер два не существует.

— Мне он тоже это сказал, — вздохнул Бай.

Айвен поколебался.

— *Майлз* с тобой об этом говорил?

— Десять дней назад. Тебе никто не объяснял понятия дежавю, Айвен?

— Устроил тебе выволочку, а?

— У меня есть другие, чтобы устраивать выволочки. Хуже. Он… *раскритиковал* меня. — Байерли содрогнулся. — С точки зрения тайного агента, как ты понимаешь. Искренне надеюсь, мне больше никогда не придется переживать ничего подобного.

Он отхлебнул вина.

Айвен чуть было не принялся сочувственно кивать. Но удержался. Он пожевал губу.

— Итак, Бай… Кто твой связник?

— Мой — кто? — моргнул Бай.

— У каждого агента, работающего под глубоким прикрытием, есть связник. Нельзя же на самом деле, чтобы тебя увидел входящим в штаб-квартиру СБ, как к себе домой, человек, которого тебе завтра, возможно, придется пасти. Давно ты на этой работе, Бай?

— Какой работе?

Айвен молча нахмурился. Как туча.

Байерли вздохнул:

— Почти восемь лет.

— Внутренние дела… контрразведка… гражданский вольнонаемный контрактник… Какой у тебя ранг? Р-6? — поднял бровь Айвен.

Губы Бая искривились.

— Р-8.

— О-о! Неплохо.

— Стараюсь. Конечно, *был* Р-9. Уверен, что в один прекрасный день снова его получу. Придется только некоторое время побыть занудой и следовать правилам. Например, доложить о нашем разговоре.

— Да ради Бога! — Наконец-то все встало на свои места, белых пятен не осталось. Значит, Байерли — один из грязных ангелов Иллиана… Теперь уже Аллегре, надо полагать. М-да, агент, занявшийся небольшой индивидуальной деятельностью на стороне. Бай наверняка получил нехилую выволочку за свои художества в пользу Доно. Но карьера не рухнула. Если Бай и оказался слегка разболтанным винтиком, совершенно очевидно, что где-то в недрах штаб-квартиры СБ есть весьма яркий человек с отверткой. Офицер калибра Галени, если Имперской безопасности повезло. После всей этой истории он может даже нанести Айвену визит. Знакомство наверняка окажется интересным. И что самое лучшее: Байерли Форратьер — проблема этого незнакомца. Облегченно вздохнув, Айвен встал.

Байерли потянулся, подхватил полупустой бокал и собрался двинуться с Айвеном вверх по дорожке.

Несмотря на настойчивое интуитивное стремление остановиться, мозг Айвена

продолжал лихорадочно прорабатывать сценарий. Однако он все же не удержался от вопроса:

— Так кто же твой связник? Это должен быть кто-то, кого я знаю, черт побери!

— Ну, Айвен! Мне казалось, у тебя достаточно подсказок, чтобы додуматься самому.

— Ну… это кто-то из среды высших форов, потому что ты, совершенно очевидно, работаешь в этой сфере. Кто-то, с кем ты часто встречаешься, но не постоянный компаньон. К тому же этот кто-то должен ежедневно контактировать с Имперской службой безопасности, но незаметно. Кто-то, на кого никто не обратит внимания. Незаметный канал, пропущенный провод, спрятанный на самом виду. Кто?

Они дошли до верха дорожки. Бай улыбнулся:

— Так я тебе и сказал!..

Он пошел прочь. Айвен повернулся, чтобы перехватить слугу с выпивкой, и уставился на Байерли, который, великолепно прикидываясь полупьяным городским вертопрахом (в немалой степени потому, что он и *являлся* полупьяным городским вертопрахом), на мгновение задержался, чтобы отвесить один из своих коронных полупоклонов леди Элис с Саймоном Иллианом, как раз выходившим на променад подышать свежим воздухом. Леди Элис холодно кивнула.

Айвен поперхнулся вином.

Майлза отозвали попозировать со всей свадебной командой для видеозаписи. Оставшись в обществе Карин и Марка, Катриона старалась не слишком нервничать, но все же испытала значительное облегчение, когда увидела Майлза, спускавшегося по лестнице от северного променада. Императорский дворец был огромным, древним, прекрасным, подавляющим и пронизанным историей. Катриона сильно сомневалась, что когда-нибудь сможет скакать туда-сюда из всяких боковых дверей, как это делает Майлз. И все же… сейчас ей было здесь гораздо проще, и она понимала, что с каждым разом будет все сильнее и сильнее привыкать. Либо мир не такое уж большое и страшное место, как ее когда-то заставили поверить, либо… она не такая уж беспомощная и маленькая, как ее когда-то пытались убедить. Если могущество — иллюзия, то не значит ли это, что и слабость — тоже?

Майлз ухмылялся. Снова завладев ее рукой, он гнусненько хихикнул.

— Очень неприятный смех, милый…

— Класс! Просто класс! Мне просто необходимо было найти тебя, чтобы поделиться. — Он оттащил ее в сторону от павильона Форкосиганов, где толпился народ, и поволок к дорожке, что вела к северному саду старого императора Эзара. — Я только что узнал, где новое место службы Алекса Формонкрифа.

— Надеюсь, девятый круг ада! — мстительно воскликнула Катриона. — Этому недоумку чуть не удалось отнять у меня Никки!

— Почти. Вообще-то это практически одно и то же. Его отправили на остров Кайрил. Я надеялся, что они сделают его метеорологом, но он всего лишь новый каптенармус. Что ж, нельзя получить все. — Майлз с непонятным весельем покачался на пятках.

Катриона скептически нахмурилась:

— Мне это не кажется таким уж суровым наказанием…

— Ты не понимаешь. Остров Кайрил — его еще называют Лагерь Вечная Мерзлота — самое мерзкое из мерзких назначений в Империи. Зимняя тренировочная база. Арктический остров в пятистах километрах от всего человечества, включая женщин. Оттуда даже вплавь не убежишь, потому что замерзнешь в воде насмерть максимум через пять минут. Трясина, готовая поглотить тебя живьем. Метели. Ледяной туман. Ветры, способные сдуть танк. Холод, тьма, беспробудное пьянство, смерть… Я там однажды целую вечность провел, пару месяцев. Курсанты — те приезжают и уезжают, но постоянный состав сидит там безвылазно. Йо-хо! Да здравствует справедливость!

Его горячий энтузиазм был заразительным.

— Там действительно так плохо? — спросила она.

— О да! О да! Ха! Надо мне будет послать ему ящик хорошего коньяка в честь императорской свадьбы, чтобы у него было с чего начинать. Или… Нет, лучше! Я пошлю ему ящик *плохого* коньяка. После определенной дозы, да еще там, это все равно не имеет никакого значения.

Получив столь горячие заверения в гарантированных невзгодах своего мучителя, Катриона довольно фланировала под руку с Майлзом вдоль сада. Всех главных гостей, включая Майлза, скоро должны были позвать на официальный ужин, где ему придется сидеть за высоким столом между императрицей Лаисой и ее подружкой, а Катриона снова присоединится к дяде и тете Фортиц. Правда, у Майлза были твердые намерения воссоединиться с ней сразу же после десерта.

— Так как ты считаешь? — спросил он, оценивающе глядя на происходящее. С наступлением сумерек веселье начало набирать обороты. — Хочешь большую свадьбу?

Теперь она узнала сверкающую в его глазах страсть к театральности. Но графиня Корделия научила ее, как с этим бороться. Она опустила ресницы.

— Это кажется несколько неудобным, ведь положенный год траура еще не миновал. Но если ты не возражаешь подождать до весны…

— А! Ну, осень тоже очень подходящее время для свадьбы…

— Тихая спокойная осенняя свадьба в узком кругу? Мне бы понравилось.

Можно было не сомневаться, что он все равно сумеет превратить эту свадьбу в нечто весьма достопамятное. И желательно не давать ему много времени на планирование.

— Может, в саду в Форкосиган-Сюрло? — предложил он. — Ты его еще не видела. Или в саду особняка Форкосиганов. — Майлз испуганно на нее покосился.

— Конечно, — легко согласилась Катриона. — В ближайшие годы свадьбы на пленэре будут в моде. Лорд и леди Форкосиган, естественно, станут ей следовать.

Майлз ухмыльнулся. Его — ее — *их* барраярский сад к осени будет еще довольно пустынным, но весь в саженцах, дожидающихся благотворных весенних дождей.

Они замолчали, и Катриона зачарованно уставилась на поднимающуюся по лестнице цетагандийскую делегацию. Посла и его высокую красавицу жену сопровождал не только сатрапгубернатор Ро Кита, ближайшей к Барраяру планеты Цетагандийской империи, но и аут-леди из имперской столицы. Несмотря на то что, по слухам, аут-леди никогда не путешествуют, она прибыла в качестве личного представителя аут-императора Флетчира Джияджи и его императриц. Ее сопровождал гем-генерал высочайшего ранга. Никто не знал, как выглядит аут-леди, поскольку она передвигалась в силовом шаре, непрозрачном и переливающемся в честь праздника розовыми тонами. Гем-генерал, высокий и утонченный, был в официальном кроваво-красном мундире личной гвардии императора Цетаганды, который, по идее, должен был смотреться рядом с шаром чудовищно. Но почему-то не смотрелся.

Посол оглянулся на Майлза, вежливо помахал рукой и что-то сказал гем-генералу, кивнувшему в ответ. К изумлению Катрионы, гем-генерал и розовый шар отделились от группы и поплыли в их сторону.

— Гем-генерал Бенин, — произнес Майлз, мгновенно преобразившись в Имперского Аудитора при исполнении. В его взгляде сверкнуло любопытство и, как ни странно, радость. Он отвесил шару глубокий искренний поклон. — И аут Пел. Рад видеть вас — фигурально выражаясь — снова. Надеюсь, путешествие не показалось вам слишком утомительным?

— По правде говоря, нет, лорд Аудитор Форкосиган. Скорее я нашла его довольно бодрящим. — Голос шел из переговорного устройства в шаре. К вящему изумлению Катрионы, шар на миг стал почти прозрачным. Внутри перламутровой сферы в кресле сидела высокая светловолосая женщина неопределенного возраста в струящейся нежно-розовой накидке. Она была поразительно красива, но что-то в ее ироничной улыбке подсказывало, что она не молода. Сфера снова стала непроницаемой.

— Ваше присутствие большая честь для нас, аут Пел, — вежливо проговорил Майлз.

Катриона моргала, чувствуя себя временно ослепшей и ужасно некрасивой. Но горящее в глазах Майлза восхищение относилось только к ней, а не к этому розовому видению. — Позвольте представить мою невесту, госпожу Катриону-Найлу Форвейн Форсуассон.

Лощеный офицер пробормотал вежливые поздравления. Затем он задумчиво посмотрел на Майлза и, прежде чем заговорить, коснулся губ странным церемониальным жестом.

— Мой повелитель аут-император Флетчир Джияджа просил передать вам, если я вас встречу, его *персональные* соболезнования в связи с кончиной вашего близкого друга адмирала Нейсмита.

Майлз помедлил, улыбка на его губах на мгновение застыла.

— Да, его смерть стала для меня большим ударом.

— Мой повелитель также просил передать, что *надеется* на то, что адмирал так и останется покойником.

Майлз посмотрел на высоченного Бенина, глаза его неожиданно сверкнули.

— Передайте вашему повелителю от моего имени — я надеюсь, что его возрождение не потребуется.

Гем-генерал сурово улыбнулся, удостоив Майлза наклона головы.

— Я в точности передам ваши слова, милорд.

Он сердечно кивнул Майлзу и Катрионе и вместе с розовым шаром вернулся к своей делегации.

Катриона, еще не придя в себя после лицезрения блондинки, пробормотала:

— И что это было?

Майлз пожевал губу.

— Боюсь, ничего нового, хотя я сообщу об этом Аллегре. Бенин только что подтвердил то, о чем Иллиан подозревал еще больше года назад. Моя легенда себя исчерпала, во всяком случае, перестала быть тайной для цетагандийцев. Что ж, адмирал Нейсмит и его разнообразные клоны, истинные и мнимые, путали им карты куда дольше, чем я считал возможным.

Он коротко кивнул, не сказать, чтоб недовольный, но с некоторым сожалением. И крепче сжал ее руку.

Сожаления… Что, если бы она встретила в двадцать лет Майлза, а не Тьена? Это было вполне возможным. Она — студентка университета Форбарр-Султана, он свежеиспеченный офицер. Если бы их пути пересеклись, могла бы она выиграть не такую горькую жизнь?

Нет. Тогда мы оба были совсем другими . Двигались в противоположных направлениях. Их встреча была бы короткой, равнодушной и осталась бы незамеченной обоими. И потом — тогда не было бы Никки и всего того, чему она научилась за темный период своей жизни, даже не подозревая, что учится. *В темноте корни растут вглубь* .

Только одним путем могла она прийти сюда, к Майлзу, и здесь, с Майлзом, *этим* Майлзом, ей было хорошо. *Если я — его утешение, то уж он, безусловно, мое* . Она понимала и помнила потерянные годы, но не было ничего в этом десятилетии, к чему надо вернуться, о чем можно жалеть. Время идти вперед.

— А! — Майлз поглядел на приближавшегося к ним с улыбкой слугу. — Должно быть, они собирают заблудших овец на ужин. Не соблаговолите ли пройти в зал, миледи?

Приложение

Майлз Форкосиганней Смит и его вселенная
Краткая хронология

Время:

Приблизительно за 200 лет до рождения Майлза

События:

Методами генной инженерии созданы квадди — существа, приспособленные к жизни в

условиях невесомости…

Книга хроники:

«В свободном падении»

Время:

Во время бетано-барраярской войны

События:

Прямой и честный, контрадмирал Эйрел Форкосиган стал жертвой изощренных интриг знатных заговорщиков Барраярской империи. Разжалованный, он сослан на только что открытую планету, имеющую для Барраяра огромную стратегическую важность. Там, во время военного конфликта с открывшими планету колонистами Беты, Эйрел встретил Корделию Нейсмит. Враги, они полюбили друг друга. Супруги, они прошли сквозь ад, чтобы спасти Барраярскую империю от надвигающегося кошмара гражданской войны…

Книга хроники:

«Осколки чести»

Время:

Попытка дворцового переворота Фордариана

События:

Императорский дворец захвачен заговорщиками. Дворцовый переворот грозит ввергнуть в кровавый хаос всю Барраярскую империю. Казалось бы, предотвратить кошмар невозможно… Но совершить невозможное ценой нечеловеческого усилия удается Корделии, которая во что бы то ни стало должна спасти своего сына Майлза, жестоко пострадавшего от ядовитого газа…

Книга хроники:

«Барраяр»

Время:

Майлзу 17 лет

События:

Майлз Форкосиган, не сумевший из-за последствий газового отравления поступить в Императорскую военную академию, создает среди бесчисленных опасностей боевой флот Дендарийских наемников. Отныне вся Галактика будет с восторгом повторять его новое имя — имя адмирала Нейсми-та, величайшего из героев космоса…

Книга хроники:

«Ученик воина»

Время:

Майлзу 20 лет

События:

Майлз Форкосиган вынужден проводить расследование безжалостного убийства ребенка-мутанта, рискуя собственной жизнью. Сам в детстве чудом избежавший гибели, он дерзает выступить против варварского древнего обычая — уничтожать детей с физическими отклонениями…

Книга хроники:

«Горы скорби» из книги «Границы бесконечности»

События:

Майлз Форкосиган, все же окончивший академию, получает первое назначение — на полярную базу… Назначение, завершившееся абсурдным обвинением в государственной измене. И тем не менее Майлз ставит на карту свою жизнь, чтобы спасти от верной гибели молодого императора Барраяра. Бесстрашные дендарийцы становятся частью Имперских сил

безопасности…

Книга хроники:

«Игра форов»

Время:

Майлзу 22 года

События:

Майлз Форкосиган отправляется на планету Цетаганда — на похороны императрицы. Но, прибыв на скорбную церемонию, он помимо своей воли оказывается втянут в самый центр паутины дворцовых интриг, где на кон поставлены власть и могущество, удары наносятся в спину и из-за угла, а доверять нельзя никому…

Книга хроники:

«Цетаганда»

События:

Доктор Этан Эркхарт с отдаленной планеты Афон со сверхсекретным заданием отправляется на космическую станцию — и неожиданно для себя становится соратником Элли Куинн, самой верной и бесстрашной из сподвижников Майлза Форко-сигана, в смертельно опасной операции — борьбе против лучших сил цетагандийских спецслужб…

Книга хроники:

«Этан с Афона»

Время:

Майлзу 23 года

События:

Архипелаг Джексона — планета-притон, планета — логово галактических негодяев всех мыслимых мастей. На Архипелаге Джексона действуют лишь два закона — закон денег и закон силы. В такое чудовищное место бесстрашно отправляется Майлз Форкосиган — на новое рискованное задание. Ему предстоит любой ценой похитить и вывезти на Барраяр гениального специалиста по генной инженерии…

Книга хроники:

«Лабиринт» из книги «Границы бесконечности»

Время:

Майлзу 24 года

События:

На мрачной планете-тюрьме Дагула IV расположен цетаган-дийский лагерь военнопленных. Именно туда отправляется Майлз Форкосиган. В аду, в котором практически невозможно выжить, он должен не просто уцелеть, но и выполнить новое задание — провести операцию по освобождению заключенных…

Книга хроники:

«Границы бесконечности» из книги «Границы бесконечности»

Время:

Майлзу 24 года

События:

Много лет назад, когда Майлз был еще ребенком, террористы с планеты Комарра, похитив из госпиталя его ткани, создали из них клона — двойника Майлза. И вот теперь, когда Майлз оказался на Земле, вдали от Барраяра, комаррцы пытаются подменить его клоном и, ввергнув Барраяр в кровавый водоворот дворцового переворота, возвести клона на императорский трон. Но бесстрашие и хитроумие Майлза опрокидывают все планы террористов…

Книга хроники:
«Братья по оружию»

Время:
Майлзу 25 лет
События:
После предыдущей операции Майлз госпитализирован. Сломанные кости рук заменены синтетическими. Лежа на больничной койке, Майлз помогает Саймону Иллиану предотвратить еще одну попытку государственного переворота…
Книга хроники:
«Границы бесконечности»

Время:
Майлзу 28 лет
События:
Марк, брат-клон Майлза, воспользовавшись его отсутствием, прибывает на флагманский корабль Дендарийского флота и выдает себя за адмирала Нейсмита, дабы осуществить нападение на Архипелаг Джексона. Операция завершается катастрофой, во время которой убивают примчавшегося на выручку Майлза. Его тело помещают в криокамеру, но криокамера бесследно исчезает. Поиски ведутся по всей Галактике…
Книга хроники:
«Танец отражений»

Время:
Майлзу 29 лет
События:
Криогенное оживление Майлза привело к неожиданному и трагическому результату: его признали непригодным к военной службе, однако, когда над Барраяром нависает новая опасность, бесстрашный лорд Форкосиган вновь вступает в игру. Трудно даже вообразить, к чему может привести разрушение чипа памяти, вживленного в мозг шефа Имперской безопасности. Кто и зачем это сделал? Только Майлз может найти предателя и спасти империю…
Книга хроники:
«Память»

Время:
Майлзу 30 лет
События:
Майлз Форкосиган, ныне — Имперский Аудитор, послан на планету Комарра, на орбите которой при весьма загадочных обстоятельствах взорвался солнечный отражатель, дающий свет этому сумрачному миру. Рутинное расследование? Или смертельно опасная борьба с группой жестоких заговорщиков? Возможно, от отваги и хладнокровия лорда Аудитора зависит судьба не только Комарры, но и всей Барраярс-кой империи…
Книга хроники:
«Комарра»

Время:
Майлзу 30 год
События:
Даже история любви превращается для Майлза в опасную и трудную гражданскую кампанию.
Книга хроники:

«Гражданская кампания»

Время:
Майлзу 31 год
События:
Свадьба Майлза и Катрионы.
Книга хроники:
«Подарки к Зимнепразднику»

Время:
Майлзу 32 года
События:
Во время свадебного путешествия Майлз получает приказ срочно отправиться в Пространство Квадди для выполнения миссии Имперского Аудитора. Там он находит старых друзей, новых врагов и запутанный клубок интриг…
Книга хроники:
«Дипломатическая неприкосновенность»